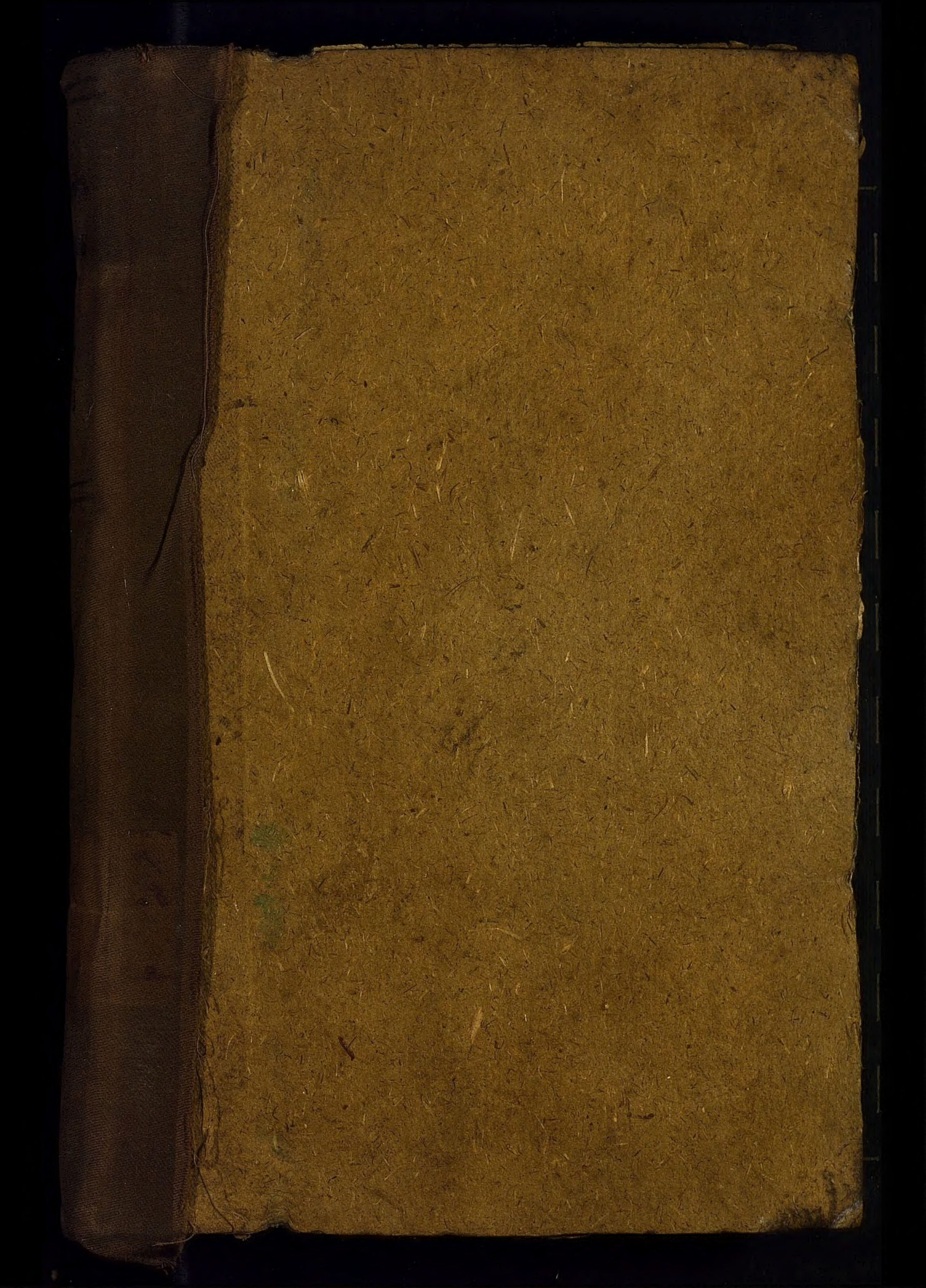
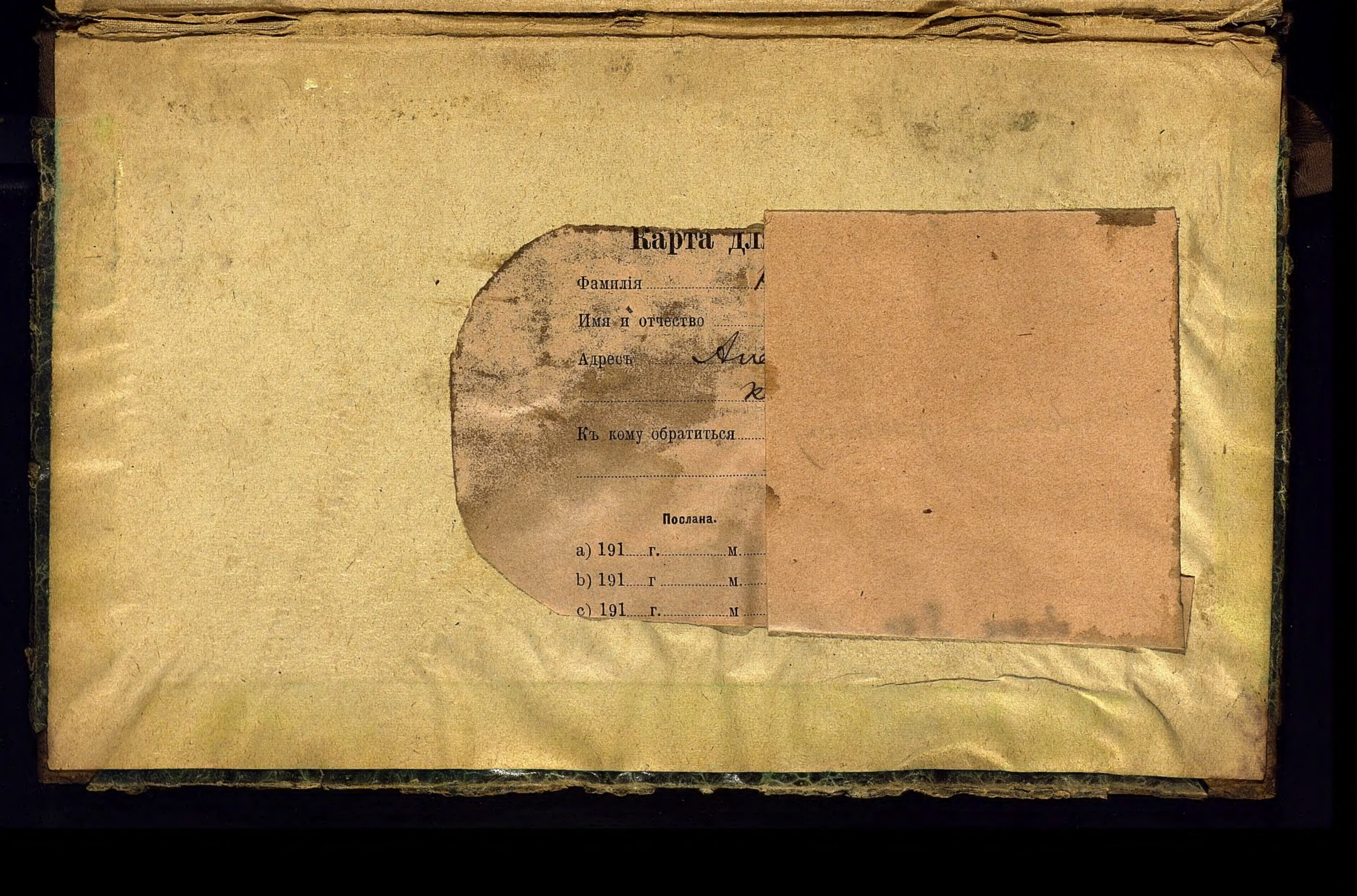
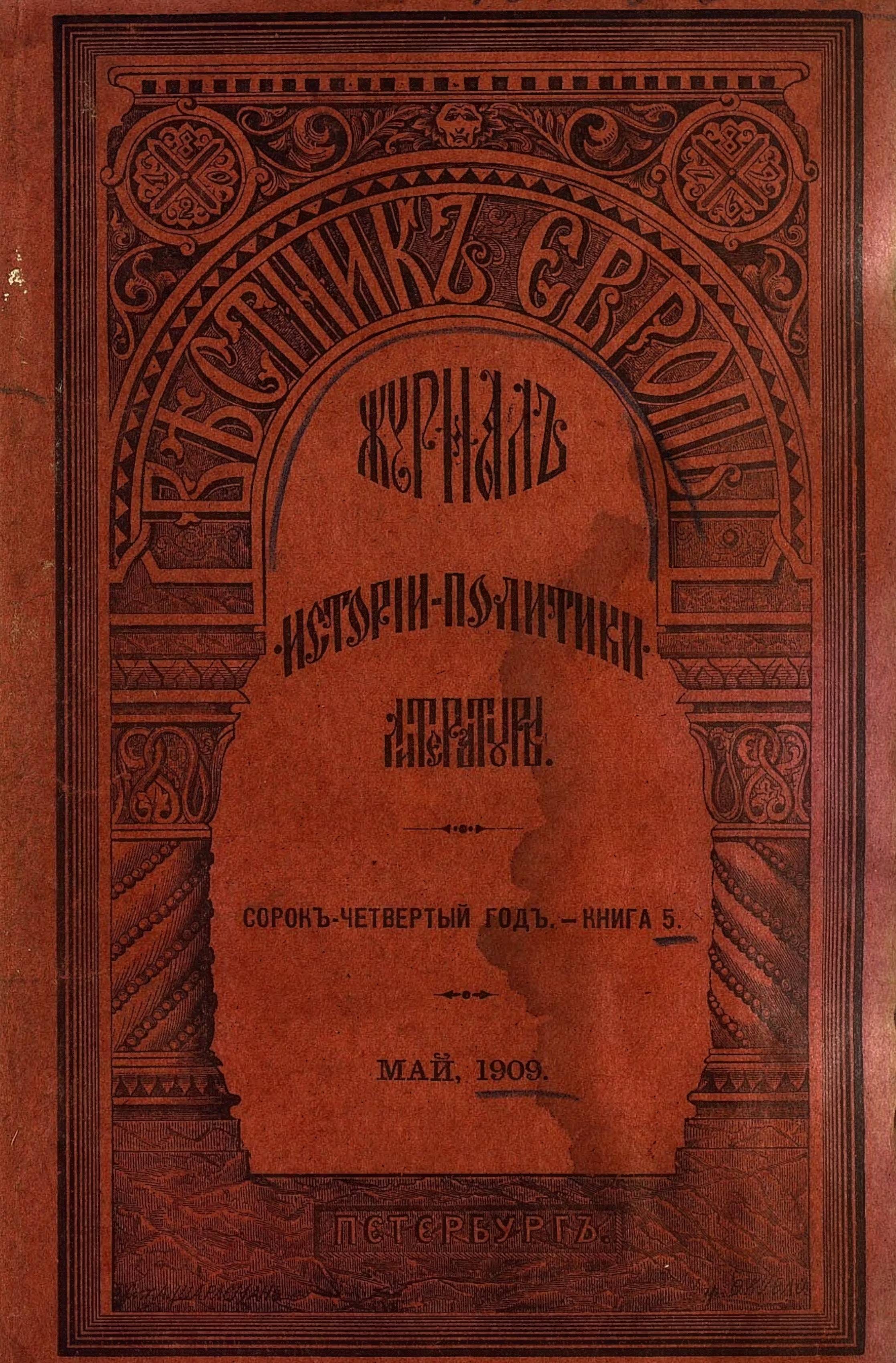



Карта дл
Фамилія
Имя и отчество
Адресъ
Къ кому обратиться
Послана.
a) 191 г. м.
b) 191 г м.
c) 191 г. м

На 5 дней



Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1909.

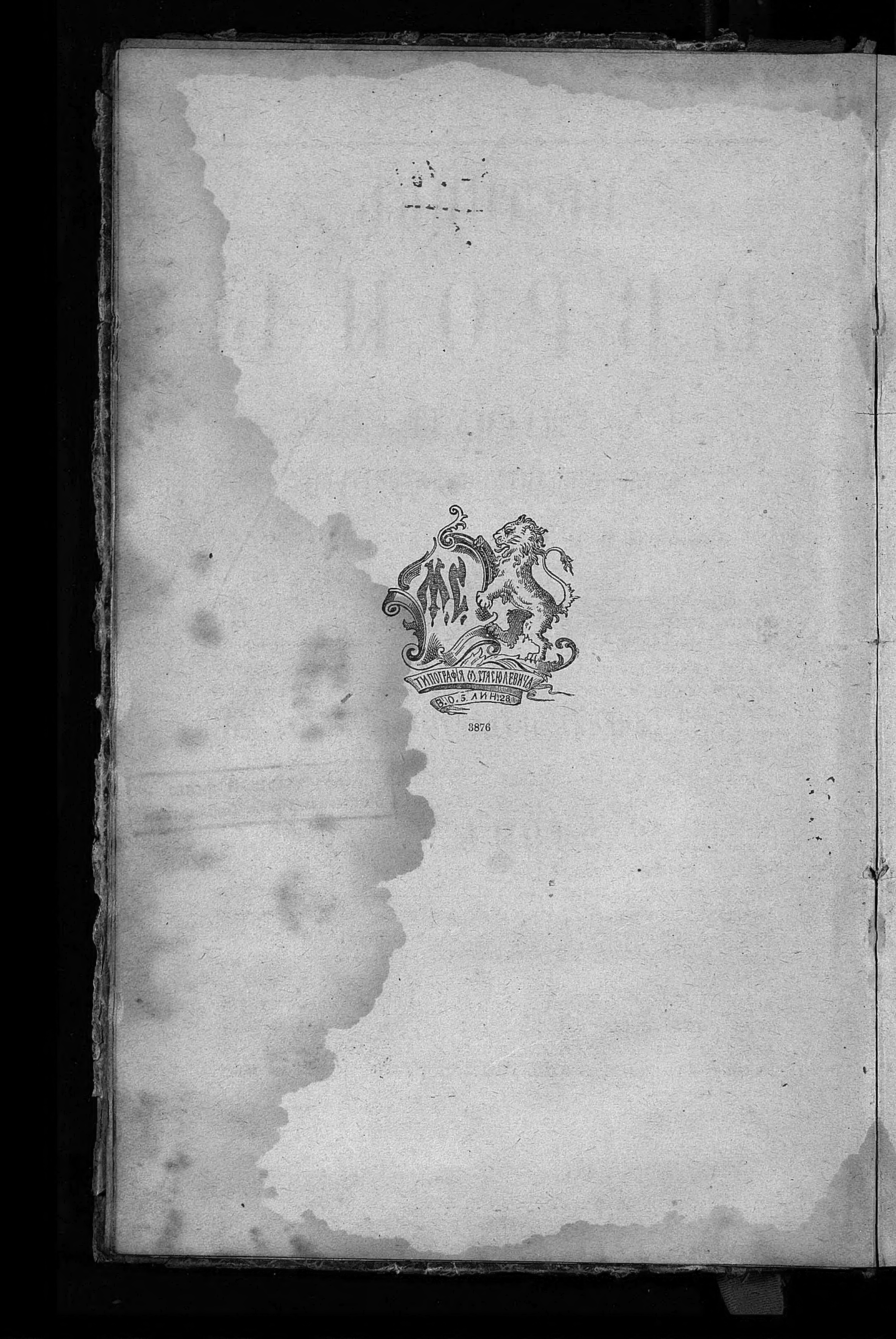
Объ условіяхъ подписки на журналъ въ 1909-мъ году см. на послѣдней страницѣ обертки.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LXXIV. — ТОМЪ CDXXXI. — 1/14 МАЯ 1909.


ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 ЛИН. 28
3876

ІОАННА ДАРКЪ

(Романическая исторія и историческая дѣйствительность.)

Продолженіе *).

Деревня Domrémy, гдѣ провела свое дѣтство Іоанна Даркъ, принадлежала къ Chatelnie de Vaucouleurs и лежала на самой границѣ Франціи и Лотарингіи; маленькій ручей, протекавшій черезъ самую деревню, составлялъ границу двухъ государствъ. Съ точностью неизвѣстно, въ которой половинѣ, лотарингской или французской, находился домъ Дарковъ. Лотарингскіе патріоты отстаиваютъ принадлежность Іоанны къ Лотарингіи; „la bonne lorraine"—такъ называлъ ее уже Fr. Villon. Если это такъ, то героиня французскаго патріотизма оказывается даже не француженкой. Деревушка Домреми была маленькая; Дарки были крестьяне, сдѣлавшіеся состоятельными въ періодъ перваго дѣтства Іоанны; они могли, вмѣстѣ съ другимъ семействомъ, получить въ аренду зàмокъ и принадлежавшіе къ нему луга. Имѣніе это принадлежало дворянскому роду Bourlemont, мѣстная вѣтвь котораго присоединила къ своей фамиліи имя зàмка и называлась Bourlemont de l'Isle, или, по обычаю, просто de l'Isle. Эту фамилію мы найдемъ въ Орлеанѣ, въ прямой связи съ Іоанною.

Зàмокъ de l'Isle служилъ убѣжищемъ жителямъ деревни въ случаѣ набѣговъ вооруженныхъ шаекъ, и Дарки, какъ арендаторы зàмка, играли маленькую роль чего-то въ родѣ полудворянства, такъ что нѣкоторые историки, напр. Siméon Luce, называютъ ихъ—совершенно невѣрно—petite noblesse. Но въ пока-

*) См. апрѣль, стр. 449.

заніяхъ свидѣтелей на обоихъ процессахъ особенно настаивается на низкомъ общественномъ положеніи семьи, изъ которой вышла героиня; семья называется постоянно humilis, simplex.

Въ которомъ году родилась Іоанна? Показанія расходятся, но всѣ свидѣтели въ документахъ, *дошедшихъ до насъ*, говорятъ о ея большой молодости, и 1409-й г. довольно общепринято считать годомъ ея рожденія. Такъ какъ тогда годъ начинался съ Пасхи, то въ первое ея выступленіе ей было девятнадцать лѣтъ [1]). Можно ли допустить, чтобы девятнадцати-лѣтняя дѣвушка была настолько сильна и настолько окрѣпла, чтобы выдержать продолжительную верховую ѣзду и вообще труды и утомленіе рыцарской боевой жизни? Конечно—нѣтъ. Нѣкоторыя подробности біографіи Іоанны даютъ поводъ заключить, что она родилась не позже 1407 года. Etienne Pasquier, въ своей книгѣ „Recherches sur la France", говоритъ, что Іоаннѣ было „около 29-ти лѣтъ"; слѣдовательно она родилась, по этому разсчету, въ 1400 или 1401 году. Etienne Pasquier—одинъ изъ первыхъ юристовъ Франціи; онъ велъ большія дѣла, какъ адвокатъ, и потомъ занималъ важные государственные посты; между прочимъ, онъ былъ avocat général de la Cour des Comptes, гдѣ, конечно, привыкъ къ отчетливости, особенно цифровой; онъ и вообще цѣнится высоко именно за свою отчетливую, внимательную и въ высшей степени добросовѣстную работу. Etienne Pasquier писалъ въ самомъ концѣ XVI вѣка; онъ въ теченіе *четырехъ лѣтъ* имѣлъ у себя, для работы надъ нимъ, подлинное дѣло обоихъ процессовъ Іоанны, по видимому отрывочную копію котораго мы имѣемъ въ такъ называемомъ манускрипѣ Urfé. Годы Іоанны у Pasquier обозначены не цифрами, гдѣ можно предположить описку, а прописью; затѣмъ онъ приводитъ нѣкоторыя частности—подтверждаемыя и имѣющимися у насъ документами,—которыя неизбѣжно указываютъ на значительно болѣе зрѣлый возрастъ Іоанны въ моментъ выступленія ея на политическую сцену. Дѣйствительно, извѣстенъ рядъ маленькихъ событій въ жизни Іоанны, предполагающихъ по сущности дѣла значительное протяженіе времени. Такъ, у Дарковъ были родственники въ мѣстечкѣ Sermaize, въ Шампани, и Іоанна *нѣсколько разъ* ходила туда и проводила тамъ по нѣскольку дней. Разстояніе отъ Домреми до Сермезъ составляетъ болѣе 120 верстъ; дорога идетъ лѣсомъ;

[1]) Надо, впрочемъ, отмѣтить, что всѣ свидѣтели выражаются довольно неопредѣленно о годахъ Іоанны: „XX aut circa". Siméon Luce, а за нимъ Anatole France, предполагаютъ несомнѣнно непріемлемый годъ ея рожденія—1412.

нельзя, конечно, предположить, чтобы такой путь дѣлалъ ребенокъ или подростокъ, хотя бы, какъ предполагаютъ Champion и Anatole France, и съ братомъ, вдвоемъ, верхомъ на рабочей лошади; между тѣмъ несомнѣнно, что она бывала въ Сермезъ не съ родителями. Затѣмъ, мы знаемъ, что у нея былъ романъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, и они обѣщали другъ другу обвѣнчаться. Іоанна потомъ отказалась исполнить это обѣщаніе, и женихъ позвалъ ее къ суду въ Туль. Она пошла одна въ Туль, верстъ за семьдесятъ [1]), сама защищалась [2]) на судѣ и выиграла свой процессъ. Въ Neufchateau она укрылась, по видимому вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими жителями Домреми, въ опасный періодъ, можетъ быть—когда Lahire съ своей шайкой подошелъ къ Вокулеру, разбойничая въ Барскомъ герцогствѣ. Въ Нёшато Іоанна нанялась работницей къ нѣкоей La Pousse, содержавшей харчевню, и прослужила у нея *пять лѣтъ*—говоритъ Etienne Pasquier; Monstrelet тоже говоритъ о долговременномъ пребываніи Іоанны въ Нёшато: „Elle y fut grant espace de temps chambrière en une hostellerie“. Въ теченіе этого времени у нея и былъ романъ, окончившійся судомъ. Относительно этого романа историки сочинили цѣлое сложное объясненіе: молодой человѣкъ былъ будто бы подговоренъ самими родителями Іоанны, которые обѣщали выдать ее за него замужъ, безъ ея вѣдома, чтобы удержать ее отъ отправленія въ войско. Не только малѣйшаго указанія на эту интригу родителей не имѣется въ документахъ, но Etienne Pasquier совершенно точно говоритъ, что Іоанна была послана въ Neufchateau очень задолго до отправленія ея въ армію (а не въ 1428 г., т.-е. за нѣсколько мѣсяцевъ, какъ говорятъ историки); а что романъ произошелъ въ теченіе пяти лѣтъ ея службы въ харчевнѣ, это доказывается тѣмъ, что на судъ въ Туль она ходила не изъ Домреми, а изъ Neufchateau. Дѣло это во время ея сборовъ въ войско было давно ликвидировано и основательно забыто.

Не можетъ быть сомнѣнія, что все это не могло произойти въ жизни даже еще не семнадцати-лѣтней дѣвушки. Она уже давно вернулась изъ Нёшато въ Домреми, когда жила тамъ зимой 1428—29 г. Замѣтимъ, что въ войска ее сопровождалъ ея младшій братъ въ качествѣ воина, чего не могло бы быть, еслибы ему было пятнадцать лѣтъ. Какъ объяснить такую странную неточность въ оффиціальныхъ документахъ? Дѣло въ томъ,

---

[1]) Она тогда жила въ Neufchateau.
[2]) Этого не могла сдѣлать несовершеннолѣтняя.

что во время перваго процесса секретари (greffiers) суда дѣлали для себя отмѣтки, а самые документы составлялись по этимъ отмѣткамъ гораздо позже, уже послѣ казни [1]), но когда именно—мы не знаемъ; притомъ оригинальные документы были редактированы по-французски, и только впослѣдствіи переведены на латинскій языкъ; но и этотъ переводъ не дошелъ до насъ въ цѣлости, а главное — нетронутымъ. Какъ мы увидимъ позже, обѣ стороны, и французская и англійская, имѣли очень вѣскія причины скрывать и извращать многое объ Іоаннѣ, и замѣчательно, что часто обѣимъ сторонамъ было выгодно дѣлать это въ одномъ и томъ же направленіи; такъ, обѣимъ сторонамъ было очень важно представить происхожденіе Іоанны очень низкимъ, а ее самоё—значительно моложе, чѣмъ она была въ дѣйствительности. Но, съ другой стороны, надо было скрыть, что она въ ранней молодости исполняла черныя работы; сама Іоанна очень стыдилась этого и упорно отрицала, что она пасла скотъ, хотя послѣднее обстоятельство стоитъ внѣ сомнѣнія. Точно также она утверждала, что никогда не получала приказаній отъ посторонняго лица, желая скрыть свое услуженіе въ Нёшато. Свидѣтельства, даваемыя по приказанію властей, или просмотрѣнныя и измѣненныя, очень наивно говорятъ тоже, повторяя предписанную формулу и отвѣчая на несдѣланный будто бы вопросъ. Надо думать, что многое было измѣнено въ первоначальныхъ показаніяхъ впослѣдствіи, такъ какъ Etienne Pasquier очень точно и утвердительно говоритъ объ *услуженіи* въ Нёшато, и о *годахъ*, не о *дняхъ*.

О дѣтствѣ Іоанны у насъ очень мало свидѣтельствъ, и всѣ они не имѣютъ никакого историческаго значенія, никакой цѣны. Въ Домреми былъ родникъ, посѣщаемый феями, и большое, раскидистое дерево, посвященное феямъ, подъ которымъ онѣ собирались. Это—пережитокъ римскаго сельскаго поклоненія маленькимъ и скромнымъ божествамъ полей, садовъ и лѣсовъ, пережитокъ, на который очень враждебно смотрѣла церковь. Молодежь собиралась лѣтомъ у ручья на пикники, съ ѣдой и музыкой, плела вѣнки для гаданья (это называлось: faire ses fontes) и танцовала подъ деревомъ фей — arbre des fées, des Dames, что въ документахъ неуклюже переведено: arbor Dominarum [2]). Въ руанскомъ процессѣ судьи добивались, принимала ли Іоанна участіе

[1]) „Longe post mortem et exsecutionem factam de ipsa Johanna", говоритъ главный greffier Manchon; „per magnum temporis spatium post mortem ipsius Johannæ", говоритъ второй секретарь Taquel.

[2]) Одна свидѣтельница даже *видѣла* фей подъ этимъ деревомъ.

въ „бѣсовскихъ пляскахъ“, чтобы подтвердить этимъ обвиненіе въ колдовствѣ, въ сношеніи съ злымъ духомъ. Новѣйшіе біографы Іоанны пользуются тѣми же данными, чтобы представить идиллическую картину. Въ сущности это были обычныя увеселенія деревенской молодежи, какія практикуются и теперь и не имѣютъ ничего характеристичнаго. Іоанна пряла (это дѣлали всѣ женщины, и самыя высокопоставленныя) и, по видимому, хорошо шила; сама она говоритъ, что относительно шитья не уступитъ ни одной женщинѣ. Она была набожна и богомольна, какъ были въ то время всѣ, не только молодыя дѣвушки, но и старые придворные; особенно настойчивое указаніе на ея набожность и богомольность было нужно ей самой на руанскомъ процессѣ, для защиты отъ обвиненія въ колдовствѣ, на второмъ процессѣ— судьямъ для ея реабилитаціи, такъ какъ самый процессъ откровенно имѣлъ эту задачу, и соотвѣтственно тому и велся. Можетъ-быть она была и болѣе набожна, нежели остальные жители Домреми, но то обстоятельство, что она часто была у обѣдни и часто исповѣдовалась, не должно приводить насъ къ ошибочному заключенію; это было явленіемъ не только не исключительнымъ, но, скорѣе, нормальнымъ для лицъ, которыя практически имѣли досугъ дѣлать это.

Іоанна любила быть около церкви и заслушивалась колокольнаго звона. Когда ей было тринадцать лѣтъ (историки, по разсчету ея лѣтъ, говорятъ, что это было въ 1425 году, но на дату въ документахъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія), она, находясь одна близъ церкви и, *кажется*, слушая колокольный звонъ, вдругъ увидала со стороны церкви сіяніе и услышала неопредѣленные звуки. Мы знаемъ, что Іоанна никогда не сложилась окончательно въ женщину, и что полная половая зрѣлость у нея совсѣмъ не наступала. Въ этихъ случаяхъ женщины обыкновенно все же чувствуютъ періодичность, которая сказывается значительною нервностью, нервнымъ возбужденіемъ, сопровождаемымъ нерѣдко тяжелыми нервными явленіями; затѣмъ мы знаемъ, что лѣтніе жары вызываютъ періодическія явленія сильнѣе, и вызываютъ ихъ даже послѣ менопаузы. Можно съ вѣроятностью, граничащею съ полною увѣренностью, сказать, что эта первая галлюцинація была результатомъ появленія полового созрѣванія, сказавшагося тѣмъ тяжелѣе, что оно было неполно, что продукты распада, сопровождающаго половую зрѣлость, были задержаны и дѣйствовали токсически. Прибавимъ, что она ничего не ѣла въ этотъ день, слѣдовательно была ослаблена, а потому и нервна болѣе обыкновеннаго.

Исторія послѣдовательныхъ галлюцинацій Іоанны очень сбивчива; тогда не было причины обратить особое вниманіе на порядокъ ихъ появленія и прецизированія. Но мы знаемъ, что первыя галлюцинаціи были преимущественно, почти исключительно, слуховыя, и по своему содержанію или индифферентныя, или дидактическія; зрительныя же были очень неопредѣленны и безформенны. Въ сіяніяхъ Іоанна вскорѣ *узнала*—явленіе очень типичное—голосъ ангела; очевидно, она *не видѣла* говорившаго ангела.

Галлюцинаціи долгое время—по видимому болѣе двухъ лѣтъ—сохраняли свой индифферентный характеръ. Но вотъ ей является архангелъ Михаилъ [1], и съ его появленіемъ характеръ галлюцинацій сразу рѣзко измѣняется; новыя галлюцинаціи уже не представляютъ ничего похожаго на прежнія. Изъ индифферентныхъ слуховыя галлюцинаціи становятся повелительными, и притомъ сообщаютъ Іоаннѣ свѣдѣнія, для нея совершенно новыя—точные факты внѣшняго міра, ей вовсе до того времени неизвѣстные. Происходитъ, слѣдовательно, нѣчто совершенно невозможное, и мы стоимъ передъ двумя только объясненіями: или эти галлюцинаціи были дѣйствительно сверхъестественнаго происхожденія (на этомъ предположеніи мы, конечно, останавливаться не можемъ), или онѣ были ложны, искусственны... Затѣмъ и зрительныя галлюцинаціи становятся до странности реальны, точны, и осложняются галлюцинаціями обонянія и осязанія—явленіе тоже новое. Архангелъ предупреждалъ ее, что она будетъ имѣть посѣщенія св. Екатерины и св. Маргериты. Эти святыя ведутъ съ Іоанной разговоры, отвѣчаютъ поклонами на ея привѣтствія; она падаетъ передъ ними на колѣни и осязаетъ ихъ тѣло, ихъ одежду, чувствуетъ идущій отъ нихъ запахъ духовъ. Слуховыя галлюцинаціи получили политическій, и притомъ партійно-политическій смыслъ. „Иди во Францію",—говорятъ ей святыя; затѣмъ это указаніе—или приказаніе—получаетъ все болѣе и болѣе точный, и притомъ рѣзко повелительный характеръ. „Иди освободить городъ Орлеанъ"; — „иди короновать дофина";—„иди изгонять англичанъ и бургундцевъ".

Здѣсь мы должны сдѣлать отступленіе.

Въ періоды внутреннихъ смутъ и всякихъ народныхъ бѣд-

---

[1]) Архангелъ Михаилъ былъ патронъ и покровитель сосѣдняго Барскаго герцогства, а со времени геройской защиты Mont-St.-Michel онъ считался военнымъ патрономъ королевской и дворянской Франціи. Въ 1469 г. Людовикъ XI основалъ орденъ св. Михаила, который долженъ былъ быть высшимъ орденомъ и имѣть только 36 членовъ; они не могли уже принадлежать ни къ какому другому ордену.

ствій, въ особенности если они происходятъ вслѣдствіе несчастной внѣшней войны или непріятельскаго нашествія, слабые умственно, дегенераты, крайне неуравновѣшенные, наконецъ и прямо умалишенные проникаются пророческимъ духомъ, предсказываютъ, имѣютъ видѣнія, призываютъ къ спасенію государства мистическими средствами; у душевно-больныхъ бредъ получаетъ специфическую окраску политическаго характера. Исторія мало занимается этими ясновидящими и пророками — de minimis non curat praetor,—но и она приводитъ множество мелкихъ фактовъ этого рода, а большія изувѣрскія секты почти исключительно обязаны своимъ происхожденіемъ тяжелымъ пертурбаціямъ народной жизни, политической или экономической. Средніе вѣка кишѣли такими явленіями умственной ненормальности, индивидуальной и коллективной. Такъ было и во время Столѣтней войны, — десятки, вѣроятно сотни ясновидящихъ и пророковъ-галлюцинатовъ давали политическіе совѣты правительству или проповѣдывали народу. Исторія сохранила намъ нѣсколько именъ.

Благоразумный, осторожный Карлъ V, прозванный *Мудрымъ* (le Sage), пользовался политическими совѣтами и пророческими указаніями галлюцинатокъ-ясновидящихъ, изъ которыхъ мы знаемъ по крайней мѣрѣ двухъ:

1) *Guillemette* Ла-Рошельская.

2) Святая (или блаженная) *Ermine* Реймсская, дававшая совѣты и Карлу VI (умерла въ 1396 г.).

Около этого же времени жили:

3) Св. *Екатерина* Сіенская, имѣвшая огромное политическое значеніе въ Италіи, вліявшая на папу.

4) Св. *Бригитта* Шведская, ум. 1374; ея пророчества и видѣнія одобрены Констанцскимъ соборомъ.

5) *Catherine Sauve*, монашенка въ Монпелліе, сожжена на кострѣ епископомъ Магелонскимъ въ 1417 г., за *двѣнадцать лѣтъ до появленія Іоанны Даркъ.*

6) *Ліонская Дѣва* (*la Pucelle de Lyon*), ум. 1424, за *пять* лѣтъ до Іоанны.

7) *Шидамская Дѣва* (*la Pucelle de Schiedam*).

8) *Римская Дѣва* (*la Pucelle de Rome*).

9) *La Dame d'Or*, о которой упоминается въ процессѣ Іоанны.

10) *Французская Дѣва* (la Pucelle de France), *Бригитта*, духовная дочь брата Ришара (frère Richard).

11) Другая *Французская Дѣва* (la Pucelle de France), *Pirenaïk* или *Peronne la Bretonne*, сожженная англичанами въ

Парижѣ, непосредственная предшественница и современница Іоанны.

12) Подруга Перонны Бретонки, имя и судьба которой неизвѣстны.

13) *Манская Дѣва* (*Jeanne la Féronne, la Pucelle de Mans*).

14) *Dame des Armoises,* ложная Іоанна Даркъ.

Въ 1413-мъ году въ Парижѣ одинъ монахъ (carme *Pavilly*) собиралъ у себя политическій совѣтъ изъ пророчествующихъ и имѣющихъ видѣнія женщинъ.

Вѣроятно, поискавъ, можно было бы найти въ историческихъ документахъ еще нѣсколько именъ женщинъ, имѣвшихъ политическія видѣнія. Послѣ Іоанны явился цѣлый рядъ ясновидящихъ, между которыми замѣшался одинъ мужчина, слабоумный пастухъ (pastour) *Guillaume*, выдвинутый канцлеромъ Франціи на смѣну Іоанны; онъ почти немедленно попался въ плѣнъ, и англичане его утопили въ Сенѣ.

Какъ читатель видитъ, Іоанна Даркъ вовсе не стоитъ въ исторіи вообще, и спеціально въ пятидесятилѣтнемъ періодѣ отъ 1380 до 1430 г., одиночнымъ, исключительнымъ, безпримѣрнымъ явленіемъ. Напротивъ, она стоитъ въ серединѣ длиннаго ряда вдохновенныхъ политически женщинъ и дѣвъ; къ тому времени, когда она появилась, удостоенныя божественными видѣніями дѣвы сдѣлались уже обычнымъ, традиціоннымъ способомъ воздѣйствія на народныя массы. Іоаннѣ Даркъ посчастливилось въ исторіи; блескъ ея имени, событій ея жизни, почести, которыми она была встрѣчена съ самаго начала ея карьеры—все это заслонило и оставило въ тѣни ея предшественницъ, между которыми Перонна Бретонка, напр., составляетъ необыкновенно свѣтлое и трогательное явленіе. Чѣмъ объяснить такой необыкновенный, сверхъестественный (такъ какъ онъ признается божественнымъ) успѣхъ Іоанны? Ея святостью и непосредственнымъ вмѣшательствомъ Провидѣнія въ политическія дѣла Франціи? Историческое изслѣдованіе не можетъ руководствоваться такимъ соображеніемъ, принадлежащимъ къ совершенно иной сферѣ идей. Ея военные таланты? Но она получила весь почетъ не послѣ побѣды, а когда она только собиралась въ походъ; мы увидимъ дальше, что даже съ момента ея появленія вообще она получила совершенно исключительное, безпримѣрное положеніе, которое безусловно не оправдалось. Ея умъ? О немъ намъ придется говорить ниже — какъ о далеко невыдающемся; многія изъ ея предшественницъ были выше ея по умственному уровню, и ея современница Екатерина

Ла-Рошельская—правда, сплетница, завистливая, хвастунья—несомнѣнно была умна, во всякомъ случаѣ гораздо умнѣе Іоанны. Очевидно, причины успѣха этой послѣдней надо искать въ чемъ-то другомъ.

Въ 1428 г. положеніе королевской партіи, казалось, было отчаянное, и оно еще ухудшилось съ осадой Орлеана. Разъ перейдя Луару, англичане какъ бы затопляли своимъ войскомъ Францію и не давали возможности организовать сопротивленіе. Въ сущности это было не такъ. Всѣ историки отмѣчаютъ, что во Франціи, вѣроятно вслѣдствіе вообще значительнаго пониженія умственнаго уровня страны во второй половинѣ XIV-го и въ первой половинѣ XV-го вѣка, утратилось знаніе военнаго дѣла и военное искусство; стратегическія соображенія стали совершенно недоступны военачальникамъ, а рядъ пораженій неизмѣримо слабѣйшимъ непріятелемъ, при Креси, Пуатье, Азенкурѣ, показываетъ, что французская королевско-дворянская партія, для которой военное дѣло было спеціальностью, не могла возвыситься даже до простѣйшаго тактическаго пониманія. Французскіе военачальники и военное дворянство знали только или сплошное массовое нападеніе, какъ при Креси, или разрозненные, не связанные никакимъ общимъ планомъ, никакою общею задачею coups de main. Какъ уже было сказано выше, осада Орлеана грозила стать роковою для англичанъ. Умный Бедфордъ понималъ это, но этого не понимали вокругъ Карла VII, гдѣ Орлеанъ представлялся чѣмъ-то въ родѣ того, что были Ѳермопилы въ персидскую войну. Военное положеніе, требовавшее только выдержанности, казалось настолько безъисходнымъ, что только совершенно исключительныя новыя усилія и обстоятельства могли спасти корону Валуа и государственное положеніе дворянства. Съ этимъ совпадаетъ и рѣзкая перемѣна характера видѣній Іоанны. Новыя видѣнія пускаются съ нею въ разговоры, которые она должна до поры до времени держать въ тайнѣ; но она проговаривается и дѣлаетъ многозначительные намеки. Одному она говоритъ: „еслибы вы не были бургундцемъ, я бы вамъ что-то сказала“; другому она сообщаетъ, что изъ ихъ мѣстности выйдетъ дѣвица, которая спасетъ Францію.

Оффиціальный документъ сохранилъ намъ одинъ фактъ, крайне характеристичный и бросающій яркій свѣтъ на видѣнія Іоанны. На допросѣ она сообщила слѣдующее: по видимому, дофинъ плохо вѣрилъ и въ ея видѣнія, и вообще въ пользу отъ ея участія въ военномъ дѣлѣ, или, по крайней мѣрѣ, колебался. Чтобы убѣдить его окончательно, въ церкви, гдѣ были она,

Іоанна, и канцлеръ королевства, архіепископъ реймсскій, Regnauld de Chartres, ангелъ опустилъ на голову короля корону, изображавшую его право на престолъ (Карлъ самъ подозрѣвалъ, что онъ не сынъ Карла VI, и потому не имѣетъ право наслѣдовать тронъ), но *„корону матеріальную, золотую, съ драгоцѣнными камнями, и которая помѣщена въ королевскую сокровищницу, гдѣ она и находится“*, по словамъ Іоанны [1]). Здѣсь мы уже имѣемъ дѣло не съ галлюцинаціями, а съ простымъ обманомъ. Кого должно подозрѣвать въ немъ? Не Іоанну, конечно, и еще меньше дофина; остается заподозрить архіепископа-канцлера. Но есть ли нравственная возможность такого подозрѣнія? На это намъ отвѣтитъ біографія архіепископа. Regnauld de Chartres, хорошаго дворянскаго рода, учился въ Парижѣ и былъ лиценціатомъ законовѣдѣнія; благодаря своимъ связямъ и положенію отца, въ 22 года онъ былъ уже каноникомъ и старшимъ священникомъ собора въ Бовэ. Онъ никогда, однако, не исполнялъ своихъ духовныхъ обязанностей, что не доказываетъ большой набожности, и даже вѣры, а дѣлалъ карьеру исключительно политическую и дипломатическую. Занимая очень молодымъ высокую, сравнительно, духовную должность, онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ произвелъ уличный скандалъ, какой тогда часто дѣлали студенты—но, конечно, не каноники—и при этомъ нагрубилъ судьѣ (bailli), и даже оскорбилъ его, за что приходилось отвѣчать. Чтобы замять дѣло, онъ исчезаетъ, и вскорѣ мы видимъ его уже въ Римѣ, приближеннымъ (съ титуломъ camerarius) папы Іоанна XXIII, говоритъ *Gallia Christiana*; есть указаніе, что онъ былъ личнымъ секретаремъ, или вообще довѣреннымъ лицомъ по канцеляріи, при папѣ Григоріи XII. Если у него и была какая-нибудь совѣсть, то она должна была заглохнуть—иначе онъ не оставался бы на службѣ при папахъ въ періодъ Великой Схизмы. Первый его принципалъ, Григорій XII, былъ выбранъ подъ условіемъ тотчасъ отказаться отъ тіары, и этимъ побудить къ отреченію и авиньонскаго антипапу Бенедикта XIII. Попавъ на папскій престолъ, Григорій XII не отказывался отъ своего обязательства—онъ просто не испол-

---

[1]) Эта корона, какъ небеснаго происхожденія, хотя и болѣе простая и не столь драгоцѣнная, возилась всегда въ непосредственномъ багажѣ короля. На коронованіи въ Реймсѣ спеціально заказанная очень дорогая корона, оставаясь при войсковомъ обозѣ, запоздала, а можетъ быть и самъ дофинъ, очень набожный, предпочелъ для такого торжества корону, принесенную ангеломъ (флаконъ съ неистощимымъ миромъ, которымъ помазывались короли, тоже былъ принесенъ ангеломъ); во всякомъ случаѣ Карлъ VII короновался этою короною.

нялъ его, отписывался и тянулъ дѣло, надѣясь, что на его вѣкъ (ему было 84 года) хватитъ. Пизанскій соборъ, однако, видя его упорство, низложилъ его, а „флорентинцы выкурили старую лису изъ Рима". Слѣдующій принципалъ будущаго канцлера, папа Іоаннъ XXIII, былъ типичный итальянецъ этого времени. Образованный, поэтъ, авантюристъ, кондотьеръ, потомъ морской разбойникъ, другъ Козьмы Медичи, умный, съ извѣстнымъ великодушіемъ, и въ то же время совершенно безсовѣстный, онъ побывалъ и на папскомъ тронѣ, при чемъ не пренебрегъ запастись значительными деньгами, а потомъ въ тюрьмѣ. При вступленіи на папскій престолъ, онъ далъ письменное и клятвенное обѣщаніе, какъ и Григорій XII, отречься отъ папства, и повторилъ это обязательство очень торжественно съ высоты трона,— и, конечно, не только не исполнилъ, но и заявилъ, что не исполнитъ. Затѣмъ ему пришлось бѣжать, переодѣтымъ въ военную одежду; въ Германіи онъ попалъ въ тюрьму, бѣжалъ оттуда, подкупивъ стражу. Все это мало гармонируетъ съ папскимъ саномъ. Нравы его еще менѣе соотвѣтствовали его сану; даже церковные историки не могутъ скрыть, что его образъ жизни приличествовалъ болѣе кондотьеру въ лагерѣ, нежели папѣ въ Ватиканѣ.

Вернувшись изъ Италіи, Regnauld de Chartres былъ скоро назначенъ (можетъ-быть назначеніе его состоялось еще въ Италіи) епископомъ въ Бовэ, но не занялъ епископской каѳедры, а исполнялъ дипломатическія порученія. Его имя встрѣчается постоянно въ сношеніяхъ дофина съ герцогомъ Бургундскимъ, съ англичанами; онъ ѣздилъ въ Шотландію, откуда привезъ наемное войско. Назначенный архіепископомъ реймскимъ, онъ не вступилъ въ должность, а занимался исключительно политическими дѣлами, въ качествѣ канцлера королевства, и тутъ шелъ рука-объ-руку съ La Tremouille. По видимому, между ними, по тогдашнему обычаю, была заключена частная конвенція поддерживать другъ друга, при чемъ онъ не забывалъ себя и въ дѣлежѣ награбленнаго Латремулемъ. Онъ особенно настойчиво проводилъ Іоанну; подъ его вліяніемъ и давленіемъ она была принята такъ скоро и, казалось бы, даже необдуманно; все время онъ былъ съ ней въ лучшихъ отношеніяхъ, и видимо старался не отпускать ее отъ себя. Въ хроникахъ, воспоминаніяхъ, случайныхъ разсказахъ, въ показаніяхъ свидѣтелей на второмъ процессѣ, Іоанна и канцлеръ постоянно упоминаются вмѣстѣ; 50-ти-лѣтній архіепископъ—канцлеръ королевства безпрестанно упоминается ѣдущимъ верхомъ, втроемъ съ молодою Іоанною и молодымъ Дюнуа—

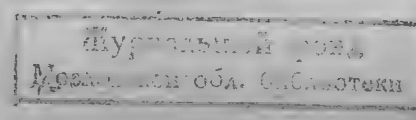
и очевидно, не для своего удовольствія, не для того, чтобы пользоваться ихъ обществомъ, дѣлалъ онъ это. Но Іоанна взята въ плѣнъ, и Regnauld тотчасъ же — да позволено будетъ употребить вульгарное, но характерное выраженіе — пускаетъ ее въ трубу; онъ циркулярно объявляетъ населенію, что Іоанна сама виновата, что она не хотѣла слушать опытныхъ людей, а дѣлала по своему, и только мѣшала. Но вотъ ей на смѣну явился такой же вдохновенный пастухъ, посланный Богомъ, и потому объ Іоаннѣ нечего жалѣть, безъ нея дѣло пойдетъ еще лучше.

Можно ли думать, чтобы такой „политикъ“ остановился передъ обманомъ, если считалъ его полезнымъ?

Галлюцинація, исходя изъ психики больного, можетъ, конечно, имѣть содержаніемъ только то, что больной зналъ прежде, что было имъ воспринято, сознательно или безсознательно, что отложилось въ клѣточкахъ его мозга; галлюцинація не можетъ сообщить ему опредѣленный фактъ, о которомъ онъ прежде не зналъ. Между тѣмъ святыя Екатерина и Маргерита открываютъ Іоаннѣ сложныя политическія и военныя условія тогдашняго положенія. Она узнаетъ отъ нихъ объ Орлеанскомъ домѣ, о которомъ никто кругомъ въ глухой пограничной деревушкѣ никогда не слыхалъ; она узнаетъ объ отношенія Изабеллы Баварской къ англичанамъ, къ герцогу Бургундскому, къ Карлу VII; узнаетъ, что королева вела непотребную жизнь, что есть подозрѣніе, будто дофинъ — незаконный, внѣбрачный ея сынъ, и не будучи сыномъ Карла VI, не имѣетъ права на французскій престолъ; что городъ Орлеанъ имѣетъ рѣшающее значеніе для французской національности и для королевской династіи; что герцогъ Орлеанскій томится въ англійскомъ плѣну; что есть проектъ женить сына дофина на дочери короля шотландскаго, и т. д. Мало того: она узнаетъ о пророчествѣ, что „отъ мархій Лотарингіи придетъ дѣва-спасительница, которая освободитъ городъ Орлеанъ, коронуетъ дофина въ Реймсѣ и выгонитъ непріятеля“. Замѣчательно, что это, столь опредѣленное и точное пророчество до того времени никому не было извѣстно, никто о немъ не слыхалъ. Другое предсказаніе, бретонское, циркулировавшее подъ фирмой волшебника Мерлина, говорило, что освобожденіе придетъ ex nemore canuto, такъ какъ Бретань была покрыта вѣковыми лѣсами. Это пророчество было утилизировано для прославленія Іоанны. Неподалеку отъ Вокулера былъ дубовый лѣсокъ, молодой и корявый, такъ какъ въ немъ пасся скотъ; по-французски, и въ особенности у крестьянъ, такой лѣсъ называется la chênée. Это слово сблизили по созвучію съ словомъ canutus и сдѣлали изъ него

bois chênu, производя въ то же время *chenu* отъ *chêne*, дубъ. Но canutus (canus), chenu, обозначаютъ старость, сѣдые волосы, древность, и никогда не имѣютъ смысла *дубъ* или *дубовый*. Очевидно, кто-то пользовался всякимъ случаемъ, чтобы подготовить признаніе Іоанны какъ посланницы Бога, призванной къ военно-политической роли. Есть одно обстоятельство, повидимому ничтожное, но которое неизмѣнно или замалчивается, или извращается *всѣми* историками и всѣми біографами Іоанны—не только историками-романтиками, какъ Мишле или Анри Мартэнъ, но и высоко авторитетными учеными, какъ Vallet de Virivelle и du Fresne de Beaucourt; одинъ лишь Анатоль Франсъ передаетъ его вѣрно. Мы говоримъ о томъ, были ли у Іоанны какія-либо сношенія внѣ деревенскаго міра односельчанъ. Классическое пятитомное изданіе документовъ, относящихся къ Іоаннѣ, было сдѣлано Quicherat еще въ 1847 г., и, казалось бы, всѣ данныя находятся въ рукахъ каждаго желающаго; между тѣмъ всѣ историки говорятъ прямо, или даютъ понять, что Іоанна, уже принятая Бодрикуромъ и назначенная для отправки къ дофину, была поставлена въ сношеніе съ Новелонпономъ и Буланжи, которые, увлеченные ею, помогли ей деньгами и взялись проводить ее въ Шинонъ. При этомъ Новелонпонъ представляется „рыцаремъ Вокулерскаго гарнизона“ (Valet de Virivelle), слѣдовательно сношенія его съ Іоанною начались совершенно случайно; и такъ какъ и онъ, и Буланжи были „des jouvenceaux de petite condition“ (Du Fresne de Beaucourt), то не удивительно, что они были увлечены „идеальной бѣкокурой вдохновенной восемнадцати-лѣтней красавицей“. Но совершенно точные и достовѣрные документы говорятъ другое.

Jean Novelonpont (Jean de Metz, потому что онъ былъ родомъ изъ деревни подъ Мецомъ) былъ вовсе не рыцарь, даже не дворянинъ, такъ какъ мы имѣемъ актъ возведенія его въ дворянство (acte d'anoblissement), помѣченный 1448-мъ годомъ. Онъ былъ не юнецъ (*jouvencel*), такъ какъ ему въ то время былъ 31 годъ. Онъ встрѣтился съ Іоанной не случайно: онъ былъ посланъ, и не въ *городъ* Vaucouleurs, а именно въ *деревню* Домреми, гдѣ онъ и видалъ отца и мать Іоанны,—это онъ говоритъ очень точно въ своемъ показаніи. *Bertrand de Poulangy* былъ не *юнецъ* „de petite condition“: онъ былъ дворянинъ очень хорошаго дворянскаго рода, владѣвшаго дворянскимъ имѣніемъ (terre noble) *Poulangy* (въ Шампани), гдѣ былъ знаменитый монастырь des dames nobles, основанный еще въ VII вѣкѣ. Ему было 36 или 37 лѣтъ; въ протоколѣ его допроса онъ называется Scutifer Scutiferiae regis



Franciae. Былъ ли онъ случайно при аудіенціи Іоанны у Бодрикура? Нѣтъ: онъ видѣлъ Іоанну *много разъ*, и именно въ Домреми, былъ нѣсколько разъ въ домѣ Дарковъ, но, очевидно, не какъ знакомый и не для родителей, такъ какъ не зналъ даже имени ея матери; въ протоколѣ его допроса (въ третьемъ лицѣ): „nomen ejus matris ignorat; sed in domo ipsorum (родителей) pluries fuit". Были ли они оба *увлечены и согласились* сопровождать ее? Нѣтъ: они *уговаривали ее*, когда она колебалась и не рѣшалась ѣхать. „Ma mie,—сказалъ ей Новелонпонъ,—что вы здѣсь остаетесь! Развѣ вы хотите, чтобы короля выгнали изъ Франціи, и чтобы мы всѣ сдѣлались англичанами?!" Документы представляютъ, что именно это восклицаніе и прекратило колебанія Іоанны. Оба поклялись Іоаннѣ быть ей вѣрными и доставить ее къ королю; но и тутъ должно отмѣтить характерную особенность. Извѣстно, какимъ формалистомъ былъ феодальный міръ, и какое важное значеніе придавалось символическимъ жестамъ—не меньшее, чѣмъ въ римскомъ юридическомъ мірѣ. Клятвенное обѣщаніе давалось съ поднятою правою рукою — но они вложили свои руки въ руки Іоанны, что̀ было жестомъ не простой клятвы, а клятвы въ *феодальной вѣрности вассала сеньеру.*

Получивъ согласіе Іоанны, Jean de Metz и Poulangy, по видимому, уѣхали за дальнѣйшими инструкціями, и потому не предупредили командовавшаго гарнизономъ въ Вокулёрѣ Robert de Baudricourt, который такимъ образомъ ничего не зналъ о готовящемся, хотя онъ и долженъ былъ отправить Іоанну къ дофину. Между тѣмъ, разъ рѣшеніе было принято, Іоанну брало нетерпѣніе привесть его въ исполненіе; она „томилась какъ беременная женщина", говоритъ свидѣтельница. Не ожидая возвращенія своихъ будущихъ спутниковъ, она стала дѣлать приготовленія, оказавшіяся, однако, очень неудачными. Не смѣя сразу все сказать отцу и матери, она выпросилась пожить нѣкоторое время у дяди, жена котораго только что родила, предлагая ухаживать за родильницею и помогать въ хозяйствѣ. Поселившись у дяди, она убѣдила его переговорить съ Бодрикуромъ; тотъ принялъ это со смѣхомъ, и посовѣтовалъ надавать будущей героинѣ пощечинъ („daret ei alapas"). Іоанна разсказываетъ, что въ это время отецъ ея видѣлъ во снѣ, что она отправляется въ войско, и сказалъ ей, что онъ утопилъ бы ее, еслибы ея братья не утопили ее раньше. Очевидно, дядя разсказалъ все дѣло своей сестрѣ, матери Іоанны; можетъ-быть онъ просилъ не говорить, что она знаетъ объ этомъ отъ него, чтобы не терять довѣренности

племянницы, и такимъ образомъ быть въ курсѣ всего, что она предприметъ.

Но Іоанна уже не отступала, и стала добиваться личной аудіенціи у Бодрикура; онъ, наконецъ, принялъ ее. Она заявила ему, что приходитъ отъ Бога съ военными совѣтами, отъ которыхъ она, конечно, воздержалась бы, еслибы подождала возвращенія своихъ друзей; сверхъ того она заявила Бодрикуру, что доведетъ дофина до коронаціи въ Реймсѣ. Бодрикуръ, слушая этотъ вздоръ, какъ ему неизбѣжно должно было казаться, и видя соблазнительную физически дѣвицу, со смѣхомъ отвѣчалъ, что она будетъ отличной ribaude для солдатъ (по другому хроникеру: „elle serait bonne pour ses jens à eulx esbattre en pesché“), и отправилъ ее домой. Но когда ему разсказали объ ея видѣніяхъ, онъ заподозрилъ, что она бѣсноватая, что эти видѣнія идутъ отъ злого духа, и приказалъ произнести надъ ней заклинанія. Дѣло рѣшительно принимало въ высшей степени нежелательный комическій характеръ; никто ни Іоанны, ни ея видѣній серьезно принимать не хотѣлъ. Но произошла битва при Rouvray (такъ наз. День Селедокъ) — и положеніе Іоанны сразу круто измѣнилось: изъ глупой деревенской дѣвки, годной только „для полового удовольствія солдатъ“, или которую „надо отхлестать по щекамъ и засадить за работу“, она, по мановенію волшебнаго жезла, вдругъ стала святою, героинею — правда, будущею, спасительницею Франціи — опять-таки in spe — хотя ни съ нею, ни вокругъ нея ровно ничего не измѣнилось. Дѣло было такъ. Осажденный Орлеанъ терпѣлъ большой недостатокъ въ припасахъ, а дофинъ не имѣлъ, по видимому, ни возможности, ни желанія придти на помощь несчастному городу. Правда, были собраны деньги для вооруженія вспомогательнаго отряда подъ командой коннетабля, но ихъ укралъ первый министръ и фаворитъ дофина Ла-Тремуль, и коннетабль не могъ ничего сдѣлать. По настоятельнымъ просьбамъ орлеанцевъ имъ пришелъ на помощь овернскій отрядъ, подъ командою Карла Бурбона, графа Клермонтскаго. Въ это же время къ англійскому осадному корпусу былъ посланъ обозъ съ провіантомъ (дѣло шло къ великому посту, и потому провіантъ состоялъ главнымъ образомъ изъ рыбы, сельдей); Дюнуа и графъ Клермонтскій условились захватить его. Оба французскіе отряда встрѣтились въ виду обоза, который шелъ растянувшись, на походномъ положеніи. Немедленная атака дала бы французамъ полную побѣду, такъ какъ англійскій конвой былъ далеко малочисленнѣе, захваченъ въ расплохъ и не построенъ въ порядокъ. Но графъ Клермонтскій приказалъ оста-

новиться и чего-то выжидать, между тѣмъ какъ англійскій военачальникъ сталъ строить укрѣпленный лагерь изъ повозокъ. Бывшіе у французовъ наемные шотландцы, видя нелѣпость этого бездѣйствія, атаковали одни, и были разбиты. Графъ Клермонтскій спокойно смотрѣлъ на ихъ пораженіе, затѣмъ повернулъ назадъ и, не принявъ участія въ битвѣ, ретировался въ Орлеанъ. Здѣсь онъ извинялся передъ Дюнуа, надавалъ героическихъ обѣщаній и потихоньку исчезъ, оставивъ Орлеанъ на произволъ судьбы. Это позорное пораженіе, извѣстное въ исторіи подъ именемъ Journée des Harengs, произвело, конечно, огромное впечатлѣніе въ городѣ Орлеанѣ. Но само по себѣ это событіе не имѣло никакого значенія, ни государственнаго ни даже узко-военнаго; это было одно изъ частныхъ пораженій, ничтожныхъ сравнительно съ пораженіями при Азенкурѣ, Вернёлѣ, Креванѣ и др. Но оно могло получить роковое значеніе для частныхъ интересовъ Орлеанскаго дома, и имѣло рѣшающее значеніе въ жизни Іоанны Даркъ, для которой Орлеанскій домъ почему-то былъ такъ близокъ, его интересы такъ дороги.

„Томясь какъ беременная женщина“ и видя полную неудачу своихъ попытокъ, Іоанна, въ отсутствіи Пуланжи и Іоанна Мецскаго, рѣшила сама, въ сопровожденіи дяди Дюрана Лаксара, ѣхать къ королю, но по незнанію взяла совершенно въ сторону, по дорогѣ къ Нанси. Дойдя до St. Nicolas-du-Port, она повернула назадъ, говоря, что неприлично такъ идти къ королю [1]); всего вѣроятнѣе, что дядя, видя ея упорство, отправился съ нею, и въ дорогѣ, пользуясь ея усталостью, уговорилъ вернуться. Все это очень точно доказывается несомнѣнными документами, и тѣмъ не менѣе историки—кромѣ Анатоля Франса—представляютъ это путешествіе какъ ея набожное желаніе передъ подвигомъ побывать на богомольѣ. Но и Анатоль Франсъ ошибся; онъ говоритъ, что она дошла до St. Nicolas, въ четырехъ верстахъ отъ Вокулера, не обративъ вниманія на полное географическое имя; St. Nicolas-du-Port отстоитъ отъ Домреми болѣе чѣмъ на восемьдесятъ верстъ.

Дѣло спасенія Франціи рѣшительно не удавалось Іоаннѣ, и всѣ ея попытки осуществить свое призваніе оканчивались жалкимъ фіаско. Но „День Селедокъ“ спасъ героическую роль Іоанны. Она явилась опять къ Бодрикуру въ самый день битвы, разсказываютъ историки-романтики, отъ L'Averdy и Dufresnois до Wallon, и сообщила ему о новомъ пораженіи французовъ; когда

[1]) Non erat sibi honestum taliter recedere.

пришло извѣстіе о битвѣ при Руврэ, происшедшей въ самый день пророчества, Бодрикуръ повѣрилъ въ призваніе Іоанны. Новѣйшіе историки представляютъ уже дѣло иначе, и элементъ чудеснаго у нихъ исключенъ. „Іоанна—говорятъ они—была освѣдомлена о Днѣ Селедокъ, о которомъ Бодрикуръ не получилъ еще извѣстія". Первая версія взята цѣликомъ изъ Chronique de la Pucelle Кузино, которая очень популярна между историками-романтиками, вѣроятно вслѣдствіе самаго своего названія. Но она имѣетъ весьма относительную историческую цѣнность; она писана значительно позже событій, и притомъ авторъ ея, какъ и все семейство Кузино, состоялъ на службѣ опять-таки Орлеанскаго дома, съ которымъ мы постоянно встрѣчаемся въ исторіи Іоанны. Одинъ Кузино былъ канцлеромъ герцогства, другой писалъ хронику; Іоанна въ Орлеанѣ жила въ домѣ Кузино. Мы имѣемъ точныя документальныя данныя, и эти данныя говорятъ нѣчто другое.

Битва при Руврэ была 12-го февраля. Пуланжи на второмъ процессѣ говоритъ, что Іоанна пришла въ Вокулеръ и явилась къ Бодрикуру, вернувшись изъ своей неудачной попытки пойти къ дофину, т.-е. возвратясь изъ St. Nicolas-du-Port, въ началѣ поста (initium quadrigesimae). Пасха въ этомъ году (1428-мъ по тогдашнему счисленію; годъ сталъ начинаться 1-го января только при Карлѣ IX) была 27-го марта; слѣдовательно, отсчитывая 40 дней поста (католическаго), первый день поста былъ 15-го февраля, и если принимать выраженіе „начало поста" какъ обозначеніе второго его дня, то и тогда мы получаемъ для возвращенія ея въ Вокулеръ дату 16-го февраля, а если она и получила аудіенцію немедленно, 17-го, то со дня битвы прошло по меньшей мѣрѣ 5 дней, т.-е. срокъ далеко превышающій необходимое время для полученія свѣдѣнія изъ Орлеана. Если, какъ исправляютъ разсказъ новые историки, вычеркивая чудесное изъ біографіи Іоанны, она была *извѣщена о битвѣ при Руврэ*, то какъ объяснить, что Бодрикуръ не былъ извѣщенъ и узналъ о битвѣ только нѣсколько дней позже? Очевидно, были какія-то лица, державшія въ рукахъ Іоанну и выдвигавшія ее, для чего нужно было сообщать ей о Днѣ Селедокъ—и скрыть его отъ командующаго гарнизономъ.

Мы видѣли, что Пуланжи и Іоаннъ Мецскій исчезли изъ Домреми и Вокулера, и въ это время Іоанна дѣлаетъ рядъ неудачныхъ попытокъ и предпринимаетъ нелѣпое путешествіе на сѣверъ, когда дорога ея была на западъ. Гдѣ были эти двое, мы не имѣемъ документальныхъ данныхъ; мы знаемъ, что они,

получивъ согласіе Іоанны, отсутствуютъ незадолго передъ 12 февраля; 17-го (вѣроятно) Дюнуа, незаконный сынъ герцога Орлеанскаго, извѣщая дофина о пораженіи, сообщаетъ и ему, и населенію города, что въ Лотарингской мархіи явилась Дѣва, посланница Бога, которая побѣдитъ англичанъ, сниметъ осаду Орлеана и коронуетъ дофина, а 17-го или 18-го февраля Іоанна говоритъ о битвѣ Бодрикуру, при чемъ опять присутствуютъ Пуланжи и Іоаннъ Мецскій. Предполагаютъ, что Бодрикуръ писалъ къ дофину и, получивъ отъ него разрѣшеніе, послалъ Іоанну. Въ этомъ предположеніи едва ли есть надобность; очевидно, Бодрикуръ получилъ отъ кого-то прямое распоряженіе, тѣмъ болѣе, что тутъ же является „nuntius regis", „королевскій посланный", сопровождающій Іоанну.

Разсказываютъ, и историки повторяютъ это, что Іоанну одѣли и вооружили въ складчину, главнымъ образомъ на деньги, данныя Пуланжи и отчасти Іоанномъ Мецскимъ, и что это отчасти и задержало ея отъѣздъ, такъ какъ она выѣхала изъ Вокулера около 25-го февраля [1]). Но она отправилась въ сопровожденіи пріѣхавшаго за нею королевскаго посланнаго, который, конечно, привезъ и достаточно денегъ; Кузино, близко знавшій ее, говоритъ, что она была одѣта и вооружена за счетъ казны—и мы дѣйствительно имѣемъ самый счетъ ея обмундированія, при чемъ оказывается, что не только ея спутники не сдѣлали ей ничего на свой счетъ, но были сами вооружены на счетъ казны.

Бодрикуръ, отправляя ее къ дофину, исполнялъ приказаніе, но самъ не вѣрилъ въ возможность успѣха, и считалъ все дѣло пустой и нелѣпой затѣей; онъ, очевидно, не былъ посвященъ въ закулисную сторону дѣла. Отпуская ее въ путь, онъ сказалъ: „идите, идите, и будь что будетъ" (allez, allez, et advienne que pourra) [2]). Ему было велѣно *вооружить* ее; онъ исполнилъ буквально это приказаніе, далъ ей мечъ, но ничего больше,—очевидно, ему было и смѣшно, и совѣстно участвовать въ такой глупой и нелѣпой, по его мнѣнію, комедіи. Надо сказать, что Іоанна не внушала довѣрія. Запосчивая, съ огромнымъ самомнѣніемъ, и притомъ настолько невѣжественная, что ей, какъ говорится, было море по колѣно, она сообщала планы и проекты, вызывавшіе смѣхъ, и Бодрикуръ, очевидно, потѣшался надъ нею въ разговорахъ. Разсказываютъ, что она однажды, размечтавшись о своемъ будущемъ величіи, сказала ему, что у нея родится три

[1]) Дата съ точностью не установлена.

[2]) Въ документѣ процесса: „Vade, et veniat quid inde venire poterit".

сына: одинъ будетъ папой, другой—императоромъ, третій—королемъ. Бодрикуръ со смѣхомъ предложилъ свои услуги для этого, говоря, что при такихъ величіяхъ и ему, можетъ быть, что перепадетъ. Іоанна совершенно серьезно отказалась отъ его участія, говоря, что рожденія эти произойдутъ наитіемъ Святого Духа. Ея угрозы богемскимъ гусситамъ, обѣщаніе рѣшить вопросъ Великой Схизмы, и т. п., дѣлаютъ этотъ разсказъ нелишеннымъ вѣроятія.

Сборы ея въ путь взяли съ недѣлю времени. Въ этой задержкѣ историки подозрѣваютъ злую волю и козни какихъ-то враговъ. Но ей надо было дать кирассу, которую пришлось выковывать, такъ какъ плоскогрудая мужская кирасса не могла быть надѣта на женщину, особенно съ такимъ пышнымъ бюстомъ, какъ у Іоанны. Едва-ли такая кирасса—работа совершенно необычная, и для которой не было образца—могла быть выкована, закалена и отшлифована раньше нѣсколькихъ дней, тѣмъ болѣе, что въ Вокулерѣ не могло быть особенно искусныхъ оружейниковъ.

Въ періодъ переговоровъ относительно отправленія Іоанны къ дофину реклама о ней шла усиленно; мы увидимъ ниже изъ документовъ, какъ тщательно и ревностно подготовлялось общественное мнѣніе не только Франціи, но и Европы, къ признанію божественности призванія Іоанны къ политической и военной роли. Слухъ о ней дошелъ до герцога лотарингскаго, Карла I Смѣлаго; онъ болѣлъ какою-то хроническою болѣзнью, по видимому—чахоткою, и пожелалъ воспользоваться святостью или божественнымъ призваніемъ Іоанны, чтобы поправить свое здоровье, и пригласилъ ее посѣтить его въ Нанси. Герцогу было 65 лѣтъ; онъ бросилъ свою жену и открыто жилъ съ любовницей, красавицей Алисой (Alizon), незаконной дочерью духовнаго лица; вслѣдствіе этого онъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ своею дочерью Изабеллой, которая взяла сторону матери, и съ мужемъ дочери, знаменитымъ René d'Anjou, сестра котораго была женой дофина, а мать, Іоланда Арагонская, была душой французскаго сопротивленія англичанамъ. Все это было объяснено Іоаннѣ—кѣмъ? Конечно, не дядей, сопровождавшимъ ее до Нанси; но до Туля ее сопровождалъ опять-таки Іоаннъ Мецскій. Іоанна посовѣтовала старому герцогу прогнать любовницу, вернуть къ себѣ жену, послать зятя на помощь дофину, а ей дать отрядъ. Онъ ни одного изъ этихъ совѣтовъ не исполнилъ, и, по видимому, вообще разочаровался въ Іоаннѣ; онъ далъ ей *четыре франка* и вороную лошадь, плохую, только на возвратный путь,

такъ какъ Іоанна не взяла ее на дорогу къ дофину. Четыре франка тогдашней валюты составляютъ около 150—200 франковъ нынѣшней: слѣдовательно, герцогъ едва покрылъ ея расходъ на дорогу къ нему и обратно.

Д-ръ П. Якобій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

СЧАСТЬЕ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Мужской портной Герасимъ Егоровичъ Синицынъ, поджавъ ноги по-турецки, сидѣлъ у себя въ мастерской на верстакѣ, у открытаго въ садъ окна, и пришивалъ къ студенческой діагоналевой тужуркѣ пуговицы съ накладными орлами. Даже у большихъ мастеровъ, которые шьютъ на генераловъ и губернаторовъ, пришиванье пуговицъ считается послѣдней и самой незамысловатой операціей въ работѣ, — поэтому вполнѣ естественно, что единственный подмастерье Синицына, Павелъ Петухинъ, сидѣвшій тутъ же, на верстакѣ и ставившій латки на малиновый подрясникъ отца Ефрема, отлично понималъ, что хозяинъ не хочетъ довѣрить ему даже пуговицъ,—понималъ и серьезно оскорблялся. Онъ напередъ зналъ, что собственноручное пришиваніе пуговицъ дастъ Герасиму Егоровичу несомнѣнное право поговорить о былыхъ временахъ, когда на землѣ не портные были, а пять съ плюсомъ; теперь же пошли забастовки, права, давшія слишкомъ много воли всякому хламу и которыя въ концѣ концовъ все погубятъ. Такое пренебреженіе со стороны хозяина тѣмъ болѣе было обидно для Петухина, что оба они, и хозяинъ, и Петухинъ, были ровесниками, вмѣстѣ росли, вмѣстѣ учились ремеслу, вмѣстѣ ихъ били, — а теперь вышло вонъ что: Синицынъ — хозяинъ, имѣетъ свою мастерскую, а Петухинъ — работникъ, служитъ у него, долженъ подчиняться ему; хочетъ тотъ — держитъ его, не хочетъ — выгонитъ въ двадцать-четыре часа, — и ничего съ нимъ не подѣлаешь и никому не пожалуешься.

Рядомъ съ мастерской, небольшой низенькой комнаткой, которую почти всю занимали верстакъ и половина русской печки,— находилось хозяйское святое святыхъ, убранное, какъ у всѣхъ домовитыхъ портныхъ, и мягкой мебелью въ чехлахъ, и граммофономъ, и портретомъ іерусалимскаго патріарха, исполненнымъ въ четыре краски. Полы въ тѣхъ комнатахъ были всегда чисто вымыты, устланы бѣлыми лѣтними дорожками съ красной каймой, — и входить туда такимъ личностямъ, какъ напр. Петухинъ, безусловно воспрещалось. И были они своимъ уютомъ такъ противоположны неуклюжей мастерской, что когда, напримѣръ, Герасимъ Егоровичъ уставалъ отъ работы, то начиналъ смотрѣть на дверь, ведущую въ тѣ комнаты, и тогда было ясно, что мысли его, которымъ онъ улыбался, привѣтливо щурился, витали около мягкой мебели, портрета и граммофона...

На дворѣ стояла весна, и Герасимъ Егоровичъ часто говорилъ, что въ природѣ начинается автономія, т.-е. оживленіе. Изъ всѣхъ временъ года онъ больше любилъ зиму по той причинѣ, что зимой человѣкъ одѣвается тепло, что зимняя одежда дороже лѣтней и шьется она изъ прочной матеріи, которой легко придавать изящную форму.

Окно мастерской выходило въ садъ, а въ саду земля была рыхлая, черная, будто облитая и пропитанная хорошими чернилами. Деревья еще не кончили покрываться листьями, хотя на сирени уже показались завязи будущихъ цвѣтовъ. Надъ садомъ очень высоко, соперничая синевой съ зеленью только что распустившейся, радостной листвы, растянулось небо, а надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоитъ село Богородицкое, маленькими стойками собрались бѣлыя, словно только что родившіяся облачка, и, казалось, размышляли: идти ли имъ на середину свода, или, оставшись на старомъ мѣстѣ, надъ селомъ Богородицкимъ, выкинуть какую-нибудь веселую, занятную штуку.

Герасимъ Егоровичъ отложилъ тужурку въ сторону, потянулся и искоса посмотрѣлъ на Петухина, который по прежнему чинилъ подрясникъ и сверхъестественно сопѣлъ. Петухинъ по наружности былъ удивительнымъ человѣкомъ: трудно было, напримѣръ, опредѣлить, сколько ему лѣтъ, — глаза у него были совсѣмъ дѣтскіе, мальчишескіе, за то лобъ — сморщенный, съ рѣзко обозначившимися морщинами. Голосъ былъ молодой, задорный, пѣсни пѣлъ Петухинъ всегда высокимъ теноромъ, а межъ тѣмъ въ углахъ губъ сидѣло что-то уже старое, видѣвшее въ жизни невеселые, горькіе виды. И самъ по себѣ человѣкъ онъ былъ неопредѣленный: то цѣлый день въ праздникъ перепеловъ

на байку ловитъ или съ ребятами змѣй двухлистовой запускаетъ,— то пьетъ горькую, ночуетъ въ участкѣ и говоритъ, что жизнь ему осточертѣла.

Въ то время какъ у Герасима Егоровича вся жизнь и весь трудъ реализировались въ три выигрышные второго займа билета, у Петухина только и было, что красненькій сундучокъ, наполненный, на ряду со всякимъ носильнымъ хламомъ, еще такимъ добромъ, какое не у всякаго портного сыщешь: первыми призами за успѣшные бѣга въ мѣшкахъ, которые устраивались въ городскомъ саду на народныхъ гуляньяхъ. У Петухина не было соперниковъ въ этой области искусства: онъ всегда приходилъ къ призовому столбу первымъ и называлъ себя за свой талантъ придворнымъ артистомъ шаха персидскаго. Призы же благоговѣйно складывалъ въ красненькій сундучокъ, ни за что, даже въ самые сильные запои, не разставался съ ними и говорилъ, что передъ смертью отдастъ такой приказъ: положить все это добро въ гробъ, подъ подушку. И говорилъ еще, что призами, а въ особенности — будильникомъ, исполнявшимъ двѣ музыкальныя пьесы, онъ похвалится на томъ свѣтѣ передъ грѣшниками.

II.

Въ этомъ году, однако, Герасимъ Егоровичъ не чувствовалъ обычнаго неудовольствія на то, что кончилась зима, что человѣчество скоро потеряетъ солидный видъ, осанку, спрячетъ въ сундуки хорошія мѣховыя пальто, облечется въ соломенныя шляпы, желтые скороходы, въ чесунчевые, мѣшками сидящіе пиджаки. Сердце у него билось по иному, по незнакомому,— словно на плечахъ не сидѣло сорока-восьми лѣтъ и ему было пріятно слѣдить, какъ оно замретъ и создастъ ощущеніе сладкой томной тоски, грусти и еще чего-то очень хорошаго.

Въ городѣ рѣдкими ударами колокола звонили къ службѣ; звонъ, точно не выспавшійся, тянулся длинной, лѣнивой лентой и— хотя былъ великій постъ, шестая недѣля,—наводилъ на веселыя, счастливыя мысли. Герасимъ Егоровичъ, высунувшись въ окно и незамѣтно для себя любуясь садомъ, небомъ и бѣлыми облачками, думалъ о Петухинѣ, о его призахъ, о себѣ, о томъ, какъ онъ хорошо сдѣлалъ, перебравшись изъ городского пекла сюда, въ эту благодать, которая сплошь зацвѣтетъ и будетъ похожа на невѣсту. Обо всемъ этомъ Герасимъ Егоровичъ думалъ и въ то же время замиралъ отъ радостнаго сознанія, что такими мыслями,

какъ декораціями, онъ хочетъ заслонить свою самую главную, самую завѣтную думу, которой онъ только тогда позволялъ копошиться въ головѣ, когда хотѣлъ побаловать себя, устроить себѣ яркій, торжественный праздникъ.

Посреди большой площади, окруженная тустымъ садомъ и бѣлымъ заборомъ, стоитъ церковь Варвары-Великомученицы. Тамъ, въ этой церкви, батюшки въ черныхъ, закапанныхъ воскомъ ризахъ, читаютъ заунывныя молитвы о грѣхахъ, говѣетъ народъ дѣловито, серьезно, въ будничной одеждѣ,—и на своемъ любимомъ мѣстѣ, у плащаницы, стоитъ Таня.

Герасимъ Егоровичъ не можетъ сдержать счастливой, расплывающейся улыбки, высовывается изъ окна дальше, тянетъ къ себѣ, словно для поцѣлуя, влажноватую, гибкую вѣтку сирени и, опасаясь, какъ бы не услышалъ Петухинъ, чуть-чуть шевелитъ губами, прислушиваясь къ музыкѣ своихъ, произносимыхъ по складамъ, словъ:

— Стоитъ Таня... Та-ня... Та-ню-ся...

...Герасимъ Егоровичъ не любитъ вспоминать тѣхъ двухъ годовъ, которые онъ ухаживалъ за нею. Это время было жестокое, наполненное непрерывной пыткой. За эти два года онъ постарѣлъ больше, чѣмъ за всю предыдущую жизнь, щеки сдѣлались отвислыми, глаза впали... Какъ-то такъ случилось, что о его любви узналъ весь городъ: сначала мальчишки, потомъ бабы, потомъ и заказчики. Самъ прокуроръ даже, примѣряя какъ-то жилетку пике, спросилъ, смѣясь:

— А зазнобушка какъ живетъ-можетъ, а?

И когда Герасимъ Егоровичъ сконфузился, покраснѣлъ и отъ волненія уронилъ мѣлокъ,—снисходительно добавилъ:

— Ну, что же? Хоть ты, братецъ, нѣсколько и тово, попортился, такъ сказать... Въ землю уже, такъ сказать, выражаясь по-юридически, шагаешь... Ну, а все-таки тово... Держи, выражаясь по-военному, знамя высоко... Женщина—это крѣпость, которую нужно брать иногда долгой молитвой и постомъ... Да... Такъ сказать, нужно воспрянуть убо...

И прокуроръ, смѣясь полнымъ эластичнымъ животомъ, еще что-то поговорилъ о всякомъ дыханіи.

За эти два года Герасимъ Егоровичъ чуть не возненавидѣлъ людей. Мальчишки танцовали, показывали носы, становились на головы, когда онъ проходилъ по улицѣ, и орали ему вслѣдъ:

— У, старый! За Танькой стрѣляешь?

Взрослые считали необходимымъ встрѣчать его какими-то особыми, слишкомъ понятными взглядами, усмѣшечками, ясно,

въ общемъ, говорившими, что тебѣ, молъ, Герасимъ Егоровичъ, Богъ больше нуженъ, чѣмъ жена, и въ глаза, будто въ шутку и будто это очень пріятно, называли его малоподержаннымъ китайцемъ.

Парни съ той улицы, на которой жила Таня и куда онъ ходилъ съ гостинцами каждый праздникъ, собирались вытопить ему баню, т.-е. прибить, или, будто невзначай, сообщали, что вчера, весь вечеръ, Таня сидѣла съ Гаврюшкой, красивымъ курчавымъ парнемъ, или разговаривала съ нимъ черезъ заборъ, — и тогда Герасимъ Егоровичъ плакалъ, рыдалъ, зарывшись въ подушку, и молился Богу, чтобы Таня его полюбила, хоть капельку, хоть чуть-чуть, чтобы хоть немного возвратилась къ нему молодость, свѣжесть, которая ушла на чьи-то безконечные сюртуки, жакеты и воплотилась въ три шуршащія бумаги второго займа. Тогда онъ ненавидѣлъ эти бумаги, ненавидѣлъ остро, до желанія порвать и выбросить за окно... Онъ вынималъ ихъ, раскладывалъ передъ собой, стучалъ кулаками и говорилъ:

— Проклятыя! Проклятыя!

Но печникъ, отецъ Тани, видѣлъ эти бумаги, щупалъ ихъ руками,—и свадьба была сыграна.

Свадьбу и потомъ жизнь, начавшуюся послѣ нея,—это любилъ вспоминать Герасимъ Егоровичъ...

Во время вѣнчанія пѣло полхора архіерейскаго, пѣли все сплошь нотное; была электрической ниткой зажжена люстра и подъ ноги молодымъ постлали персидскій коверъ... Потомъ ѣхали къ кухмистеру въ каретѣ, музыка играла тушъ, всѣ гости желали счастья и изъ высокихъ бокаловъ пили донское игристое. Тутъ же стоялъ важный оффиціантъ во фракѣ и бѣлой перчаткѣ и каждому поздравлявшему говорилъ:

— Аншантэ!

И всѣ говорили, что свадьба вышла какъ у генерала Пшеновича. Была только одна неожиданность: великолѣпный оффиціантъ укралъ цѣлый чайникъ колотаго сахару. Эту непріятную исторію обличилъ Петухинъ, напился съ горя пьянымъ и приставалъ ко всѣмъ со слѣдующими словами:

— Ахъ, чортъ бы его понюхалъ! Сахаръ поперъ! А? Придворный артистъ шаха персидскаго, да онъ всякаго полицмейстера на свѣжую воду выведетъ! Вся-якаго! Обязательно!

Послѣ свадьбы ѣздили въ Москву, жили тамъ четыре дня, лазили на Ивана Великаго и подолгу сидѣли въ пассажахъ. Вернулись домой, наняли квартиру подальше отъ центра,—и началась жизнь...

III.

...Герасимъ Егоровичъ съ досадой отгоняетъ отъ себя воспоминанія о тѣхъ сплетняхъ, которыя тогда съ такой обязательностью доносились до него: будто Таня плачетъ отъ его ухаживаній, будто отецъ билъ ее и заставлялъ выходить за портного... Ему страшно провѣрить эти нелѣпости, и съ болью въ сердцѣ, боясь, какъ бы его тревоги не подтвердились, онъ начинаетъ разговоръ съ Петухинымъ на ту тему, что вотъ, молъ, Таня, такая молоденькая, такая хорошенькая, вышла за него замужъ, не глядя, что ему минуло уже сорокъ-восемь и что вотъ уже третій годъ онъ за работой надѣваетъ на носъ неуклюжіе очки съ увеличительными стеклами.

— А все почему?—говоритъ Герасимъ Егоровичъ:—капиталъ! Есть въ карманѣ цвѣтъ,—все есть! А не будь цвѣта — пошла бы она за меня? Чорта лысаго! И развѣ она меня любитъ? Я развѣ нуженъ ей? Держи карманъ шире! Денежки мои нужны! И больше никакихъ... Да-а...

И онъ украдкой, искоса, взглядываетъ на Петухина, ожидая, что тотъ сейчасъ усмѣхнется на эти дурацкія слова, подернетъ носомъ и будетъ доказывать, какую ерунду претъ хозяинъ: прошли, молъ, тѣ времена, когда отцы заставляли дѣвокъ выходить замужъ за нелюбимыхъ... Какъ это въ самомъ дѣлѣ можно выйти за деньги? И попъ въ церкви спрашиваетъ, по согласію ли идешь, —и все. Да и какая нужда была Танѣ выходить за деньги? Что она такъ избалована, что ей нужны шелки, наряды, сакъ-пальто? Ничего этого ей не нужно, — не нужны, значитъ, и деньги. Значитъ, если не любовь,—никто и не говоритъ, что любовь,—а такъ что-то похожее на любовь, у нея есть къ нему, несомнѣнно есть. И разговоры о Гаврюшкѣ — только болтовня, тары-бары, сухіе амбары. Вотъ какого отвѣта ожидалъ Герасимъ Егоровичъ отъ Петухина, но тотъ ничего не говоритъ, чинитъ подрясникъ, будто не слышитъ, сопитъ, — и Герасимъ Егоровичъ уже тревожится, ужъ не согласенъ ли Петухинъ съ его словами, — желаетъ во что бы то ни стало добиться опредѣленнаго отвѣта и начинаетъ подзадоривать того:

— Вотъ, недалеко ходить, тебя взять... Кой шутъ за тебя пойдетъ? Потому что ты есть на бѣломъ свѣтѣ? Перво-на-перво — поклонникъ Бахуса. И имѣнія у тебя — блоха на арканѣ. Манишка да записная книжка.

Петухину больно отъ этихъ словъ, — онъ переворачиваетъ работу на другую сторону, начинаетъ усиленно ее разглаживать и говоритъ:

— Оно конешно... Денежки е, все е... Что говорить! Сила великая! Съ денежками и въ царство небесное попасть легче, не токмо иное что... Дай попу три сотни, — онъ тебѣ и панихиды, и молебны, и сорокоусты,—все на благо души твоей пѣть будетъ... Ну ужъ, а если къ Богу съ деньгами подойти легче, — о дѣвкѣ что и говорить... Чихнуть да вытереться!

Петухинъ насквозь видитъ своего хозяина, и потому еще нарочно, словно придумывая какую-то комбинацію для подрясника отца Ефрема, высоко поднимаетъ брови, продолжительно вздыхаетъ и говоритъ:

— А меня, братъ Егоровичъ Герасимъ, дѣвки, скажу я тебѣ откровенно, и такъ любили... Безплатно... Самъ мои капиталы знаешь... А было у меня ихъ,—ой, ой... Три короба грѣховъ всегда попу носилъ. Бывало, отецъ Василій слушаетъ, слушаетъ, да ажъ сплюнетъ! „Ну, скажетъ, да и грѣшникъ ты, рабъ Божій! Ну, скажетъ, да и сукинъ же ты сынъ, прохвостъ!“ По цѣлымъ ночамъ, бывало, все съ дѣвками въ рощѣ сидѣлъ... Особливо по веснѣ, въ маѣ мѣсяцѣ... Трава высокая да пахучая,—тутъ тебѣ и соловьи поютъ, и воздухъ—по копѣйкѣ штука, и всякое удовольствіе... Да-а...

— Ночь сидишь, а на утро въ мастерской дремлешь, — говоритъ Герасимъ Егоровичъ, страдая отъ зависти:—въ шею-то тебя и гонятъ...

Петухинъ щелкаетъ языкомъ и соглашается:

— Что въ шею гнали, это вѣрно... Это такъ... Гнали... За то жизнь зналъ... Не такъ, какъ иные... Сидитъ, сидитъ, геморой наживаетъ — и только сладости у него... А жизнь вкусная, — охъ, вкусная, если кусать ее умѣючи!

На нѣсколько минутъ создается молчаніе, и слышно, какъ шуршатъ нитки, продѣваемыя сквозь матерію.

— За что жъ это дѣвки-то тебя такъ ужъ сильно любили? — спрашиваетъ Герасимъ Егоровичъ: — какъ собаки—палку, такъ и дѣвки тебя, видно, любили!

— А шутъ ихъ знаетъ, за что любили!—игнорируя раздраженный тонъ хозяина, равнодушно отвѣчаетъ Петухинъ: — буду я еще у нихъ спрашивать, за что любили! Такъ, попросту, любили, да и разговоръ весь! Любили дармà, безъ всякихъ капиталовъ. Пряниковъ принесешь — вотъ и угощеніе все! За что любили! Про любовь умѣлъ съ ними разговаривать, пѣсни пѣть,

обнималъ горячо... Обнять и то, братъ, нужно умѣючи... Очень умѣючи! Баба любитъ, чтобъ ее умѣючи обнять... Да-а... всякаго цвѣтка значеніе знаю и разсказать могу...

Опять—молчаніе...

— А какъ же это такъ обнимать нужно, по особенному?— не сразу, какъ будто небрежно, спрашиваетъ Герасимъ Егоровичъ.

Петухинъ угадываетъ заднюю мысль хозяина, и на лицѣ его появляется хитрая, чуть замѣтная улыбка...

— Какъ разсказать тебѣ? — невинно говоритъ, наконецъ, онъ:—это трудно разсказать... Трудно...

Петухинъ поднимаетъ на хозяина глаза и уже совсѣмъ не хочетъ сдерживать улыбки.

— Давай три цѣлкаша, разскажу! Всю науку тебѣ открою... А это тебѣ, братъ, нужно... Ну-ужно...

— Ступай къ лѣшему!—краснѣетъ тотъ и отворачивается.— Шутъ гороховый! У меня жена законная и мнѣ нечего конфузъ на себя наводить, по рощамъ тамъ шляться, по ночамъ... Какъ босая команда...

Петухинъ дѣлаетъ невинные глаза.

— Чего ты серчаешь? — говоритъ онъ, стараясь быть удивленнымъ:—самъ спрашивалъ! А что у тебя жена,—правда, жена. Зачѣмъ тебѣ по рощамъ шляться! Жена, Богомъ вѣнчанная, законнѣйшая... Ни на кого глянуть безъ твоего позволенія не можетъ. Хоть и не обнимай,—она все обязана дѣлать по твоему приказанію,—потому жена. Въ церкви вѣнчана и въ книгу записана. Печатью къ тебѣ припечатана!

Герасимъ Егоровичъ чувствуетъ насмѣшливый тонъ Петухина, и въ душѣ у него закипаетъ раздраженіе: такъ бы стиснулъ, такъ бы и раздавилъ, какъ гадюку, этого человѣка и по головѣ каблукомъ повертѣлъ бы! И Герасимъ Егоровичъ рѣшаетъ: какъ только пройдетъ постъ, горячее время,—сейчасъ же вонъ этого хама. Пусть-ка отправится съ Богомъ да похлебаетъ сѣрыхъ щей... А то, ишь, философію разводитъ!

„Видывали мы такихъ орловъ!"—думаетъ Герасимъ Егоровичъ и стискиваетъ зубы такъ, что видно, какъ двигаются скулы...

IV.

Церковь Варвары-Великомученицы была, какъ кольцомъ, охвачена высокой каменной оградой, за которой шумѣлъ густой, ста-

рый садъ, почти лѣсокъ, ревниво показывавшій изъ-за своихъ вершинъ только крестъ колокольни. Про эту ограду ходилъ слухъ, будто въ ней еще турками было зарыто сто тысячъ заколдованныхъ червонцевъ, и бываетъ, что по темнымъ вечерамъ, когда на небѣ нѣтъ звѣздъ, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежатъ червонцы, горитъ синимъ огнемъ свѣча. Герасимъ Егоровичъ всегда, особенно вечеромъ, проходя мимо этой ограды, чувствовалъ волненіе, тѣмъ болѣе, что за ней два года назадъ разбойники убили сторожа, прорѣзали въ церкви окно и украли изъ алтаря сосуды.

Теперь въ этой церкви, затерянная среди густой, грѣшной, кающейся толпы, стоитъ и молится Таня.

Герасимъ Егоровичъ не выдержалъ и рѣшилъ зайти туда хоть на минутку, посмотрѣть на нее хоть издали, однимъ глазкомъ, какъ она молится, кланяется, становится на колѣни.

По неширокой, усыпанной пескомъ аллеѣ прошелъ онъ, осторожно и улыбаясь, къ церковнымъ дверямъ. На паперти, у бѣлыхъ, потрескавшихся колоннъ сидѣли, тихо переговариваясь межъ собой, нищіе, похожіе въ сумеркахъ на кучи чего-то живого, но безформеннаго,—и, заслышавъ шаги, начали, разомъ—всѣ, кланяться и просить жалобными голосами. Герасимъ Егоровичъ досталъ изъ кошелька монету, посмотрѣлъ на свѣтъ, мѣдная ли, и бросилъ ее въ первую чашку. Коротенькій сухой стукъ ея сказалъ ему, что за доброту Богъ отплатитъ щедро, сдѣлаетъ такъ, что Таня полюбитъ его горячо, глубоко и, умри онъ, не выйдетъ замужъ за другого, а будетъ горько плакать.

Церковь была полна народу, и Герасимъ Егоровичъ остановился на порогѣ. Сквозь ладанъ, поверхъ множества головъ, было плохо видно, что дѣлается впереди: гдѣ-то, казалось—очень далеко, мерцали свѣчи, сонно тревожа старую, погасшую позолоту иконъ, да какіе-то невидимые люди поочередно очень громко пѣли и, въ отвѣтъ пѣнью, что-то читали, затягивая концы. У свѣчного ящика, устроеннаго отъ входа направо, все время позванивали деньгами. Староста, толстый и лысый, съ кудряшками по бокамъ лысины, недовѣрчиво разсматривалъ, наклоняясь къ свѣчѣ, каждую подаваемую ему монету и, время отъ времени, вполголоса, но очень сердито, отвѣчалъ старухамъ, что правило завтра начнутъ читать въ семь часовъ и что обѣдня будетъ не простая, а преждеосвященная.

— Преждеосвященныхъ доровъ!—староста для важности говорилъ: „доровъ“ и показывалъ пальцемъ, давая понять старухамъ, куда, молъ, имъ, дурамъ, знать, что̀ такое преждеосвященные дары.

Герасимъ Егоровичъ, вытянувъ впередъ шею, сталъ на цыпочки, высматривая, не видно ли гдѣ Тани,—но кромѣ спинъ и потныхъ затылковъ ничего не представлялось ему.

„Она вѣдь всегда становится около плащаницы", — подумалъ онъ и передалъ старостѣ пятакъ, наказавъ поставить свѣчу Николаю-Угоднику.

Въ воздухѣ было много ладана, народъ молился, стараясь полагать крестное знаменіе вслѣдъ за дьякономъ, который громко и небрежно, глотая слова, читалъ о благорастворенiи воздуховъ, о плавающихъ и путешествующихъ, о скорбящихъ и озлобленныхъ, милости Божіей и помощи требующихъ. И за каждымъ прошеніемъ пѣвчіе торопливо и монотонно, постовымъ напѣвомъ отвѣчали ему:

— Господи, поми-илуй!

Герасиму Егоровичу, который несъ заказчику оконченную тужурку, стоять было неудобно, народъ тѣснился, то выходилъ, то входилъ: можно было помять тужурку,—поэтому онъ осторожно выбрался изъ церкви, и на воздухѣ, послѣ душной церкви, грудь вздохнула легко и широко.

На дворѣ совсѣмъ смерклось; длинная аллея, которая отъ воротъ вела къ паперти, потеряла уже ясныя очертанія; высокія деревья, точно заснувъ, слились въ одно большое, чуть прозрачное пятно... Нищіе перестали шушукаться и тихо дремали... На ясномъ и точно еще выше поднявшемся небѣ кое-гдѣ, отчетливо и рѣдко, уже зажглись звѣзды, то крупныя, то мелкія, и, казалось, улыбались кому-то внизу. И улыбка эта говорила, что, молъ, подождите: стемнѣетъ погуще, насъ станетъ много, и на небѣ будетъ еще веселѣе.

Осторожно, словно боясь потревожить кого-нибудь, Герасимъ Егоровичъ обошелъ кругомъ церкви, заглядывая въ освѣщенныя окна, бросавшія на дорожку длинныя, колыхающіяся тѣни. Изъ темноты было ясно видно, какъ внутри, въ церкви, залитой свѣтомъ, молились люди и какими строгими, сосредоточенными глазами глядѣли они на иконы и кланялись имъ.

Въ одномъ окнѣ, третьемъ отъ входа, Герасимъ Егоровичъ увидѣлъ Таню. Она стояла у плащаницы. Сердце его радостно и тревожно затрепетало и, оглядываясь, не подсматриваетъ ли кто за нимъ,—потихоньку, крадучись, подошелъ онъ къ окну и, ощущая холодокъ желѣзной рѣшетки, прислонился къ ней лбомъ, жадно вглядываясь туда, въ середину. Таня стояла рядомъ съ купцомъ Еремѣевымъ и смотрѣла влѣво отъ окна, на алтарь, слушая, должно-быть, что̀ читаютъ. Ея молоденькій, еще дѣви-

ческій профиль отдавалъ свѣжестью и наивностью, а когда она крестилась, то очень долго задерживала и прижимала пальцы у лѣваго плеча.

Вдругъ, словно по чьему-то мановенію, весь народъ опустился на колѣни и въ церкви сдѣлалось какъ-то просторнѣе и стали видны ножки ставниковъ. Опустилась на колѣни и Таня,—и въ глазахъ ея, большихъ и очень серьезныхъ, показалось что-то особенно хорошее и чистое. И Герасиму Егоровичу захотѣлось стать около нея, помолиться о чемъ-нибудь, о счастьѣ, напримѣръ,—чтобы не было на землѣ горя, страданій,—а самое главное, о томъ, чтобы она, вотъ это существо въ черной косыночкѣ, была бы его, его нераздѣльной, съ душой, тѣломъ—неотъемлемой, навсегда навѣки...

И это такъ, на самомъ дѣлѣ: она его, навсегда, на всю жизнь... Сейчасъ, напримѣръ, онъ можетъ войти въ церковь, подойти къ ней и сказать: „Таня! Идемъ!" —и она безпрекословно пойдетъ туда, куда онъ захочетъ, будетъ пить съ нимъ чай за однимъ столомъ, отвѣчать на вопросы. И во всемъ свѣтѣ для нея онъ —только одинъ.

„Моя, моя!" жадно вглядываясь въ Таню, думалъ Герасимъ Егоровичъ; все существо его наполнялось радостью и дышать было легко и свободно.

— Дорогая! Золото мое! Сокровище!—шепталъ онъ ей въ окно, черезъ желѣзную рѣшетку, и другихъ словъ, кромѣ этихъ, не рождалось въ немъ. Ему хотѣлось говорить что-то громко, смѣло, и опасность, что подслушаютъ и посмѣются, ушла куда-то далеко... „Пусть!" думалъ онъ и почти вслухъ говорилъ, цѣлуя холодную рѣшетку:

— За меня молись, дорогая... Богъ любитъ тебя... Богъ послушаетъ тебя...

И онъ уже вѣрилъ и въ отца Іоанна, и въ мощи, и молитвы казались ему чѣмъ-то близкимъ и необходимымъ.

Купецъ Еремѣевъ, который все время стоялъ неподвижно, растегнулся, пошевелилъ плечами и вдругъ съ азартомъ началъ креститься и заслонилъ собою Таню. Словно погасло что-то въ церкви для Герасима Егоровича.

— Смотришь кого что-ли-ча?—вдругъ услышалъ онъ позади себя добродушно-грубоватый вопросъ.

Обернулся—сзади стоитъ и, можетъ быть, давно—сторожъ, лохматый, съ длинной сѣдой бородою и густыми, нависнувшими надъ глазами, бровями: собрался, видно, уже на ночь, въ рукахъ колотушка. Какъ-то странно, полосой, освѣщенъ онъ свѣтомъ

изъ окна; видны морщины, острый, угловатый носъ,—похожъ на колдуна. Герасиму Егоровичу почему-то представилось, что такого же старика, вѣроятно, убили воры, когда воровали сосуды,—и онъ, какъ-то вздрогнувъ, опѣшивъ, отвѣтилъ:

— Да, знакомаго смотрю... По дѣлу нужно... Войти-то неловко, тѣсно...

Старикъ какъ-то бокомъ, насмѣшливо, осмотрѣлъ его, взглянулъ на узелъ подъ мышками, медленно перевелъ глаза на окно и не сразу отвѣтилъ:

— Народу пропасть! Всѣ кинулись говѣть на шестой... Заботы мірскія, хлопоты...

Глаза его какъ-то особенно, грустно, почти не моргая, смотрѣли въ середину церкви и видѣли, казалось, только массу свѣчей, и только эта масса, масса огня, жившаго какою-то особенною, своею жизнью, привлекала его вниманіе и живыми пятнами скользила у него по лицу. А остального—народа, иконъ, священника — словно и не существовало... О чемъ-то, видимо, думалъ онъ, думалъ упорно, настойчиво, и это замѣтилъ Герасимъ Егоровичъ. Ему стало жаль старика, вѣроятно одинокаго, должно быть николаевскаго солдата, которому холодно будетъ караулить церковь въ весеннюю, еще не грѣющую ночь; вмѣстѣ съ этимъ сопоставилась картина своего собственнаго домашняго тепла и уюта, и захотѣлось сказать ему что-нибудь милое, ласковое,—и онъ спросилъ:

— А вѣдь, небось, страшно здѣсь ночью? А? Воровъ-то, небось, трусишь, дѣдъ, а?

Сторожъ по прежнему глядѣлъ въ церковь и по прежнему же, кромѣ огней, ничего, казалось, не видѣлъ. Герасимъ Егоровичъ подумалъ, что онъ не слышалъ его, но старикъ вдругъ повернулъ къ нему глаза, изъ задумчивыхъ сдѣлавшіеся спокойными, и протяжно, точно удивляясь вопросу, отвѣтилъ:

— Нѣ-ѣтъ! Чего же страшно? Ничего... Часы бьешь, колотушкой вотъ стучишь... О смерти думаешь... Ничего!

Вверху, на колокольнѣ, заунывно ударилъ колоколъ, точно жалуясь на свое одиночество, и садъ, окружавшій церковь, на минуту оживился, но, шепнувъ что-то своими вершинами, не могъ преодолѣть все больше и больше надвигавшагося на него вмѣстѣ съ темнотой сна. Казалось, что и этому сторожу, и людямъ, которые молились въ церкви и вздыхали о грѣхахъ, хотѣлось имѣть душу чистую, какъ небо, освѣщенное звѣздами, хотѣлось мира, покоя, хотѣлось возродиться, какъ въ эту холод-

ную, юную ночь возрождается тамъ гдѣ-то, въ своихъ тайникахъ, засыпающая земля.

И когда Герасимъ Егоровичъ выходилъ изъ ограды и на него снова налетѣло воспоминаніе о томъ, что ему — сорокъ-восемь лѣтъ и что народъ говорилъ, будто Таню заставили выйти за него изъ-за денегъ, то, успокоенный, онъ сразу отогналъ эти думы отъ себя и вслухъ сказалъ:

— Эхе-хе-хе-е! Дураки! Изъ-за денегъ! Олухи Царя Небеснаго! Тумбы!

А когда вспомнилъ про сторожа, вспомнилъ, какими грустными, задумчивыми глазами смотрѣлъ онъ въ освѣщенную церковь, — то рѣшилъ, что у старика, навѣрное, есть очень большая забота на душѣ, или онъ, дѣйствительно, скоро собирается умирать.

V.

Когда стемнѣло, Петухинъ не сталъ зажигать лампы; онъ бросилъ подрясникъ и пошелъ въ хозяйскія комнаты. Онъ любилъ эти комнаты: въ нихъ воплощалось то, чего у него никогда не было, никогда не будетъ, что какъ ненужное, но въ концѣ концовъ все-таки пріятное, прошло въ жизни мимо него... Когда хозяевъ не было дома, Петухинъ бросалъ работу, шелъ въ эти комнаты, садился въ кресло, сжималъ на груди руки и думалъ, — думалъ объ этихъ комнатахъ. Думалъ онъ и о томъ, что вотъ прошла жизнь его,—прошла незамѣтно, скоро, наполненная то радостью, то горемъ. Радость была для него всегда въ женской любви, горе — въ нищетѣ, безработицѣ, запоѣ. Теперь ему сорокъ-восемь лѣтъ,—правда, по части бѣга въ мѣшкахъ ему еще не родился соперникъ, онъ все такъ же ловокъ и проворенъ,— но въ волосахъ уже сѣдина, лицо сдѣлалось морщинистымъ и бабъ онъ беретъ уже не красотою, не теноромъ, не усами, а просто опытностью, ловкостью... И бабье уже — второй сортъ. И вся уже жизнь его теперь второй сортъ. А вотъ Герасимъ, его товарищъ, съ которымъ они вмѣстѣ росли, учились,—всю свою жизнь засушилъ чрезмѣрной трезвостью, разсудительностью, сверхурочной работой, но нажилъ этимъ билеты и билетами купилъ себѣ молодую, красивую дѣвушку, живетъ съ ней, обладаетъ ею, — и она цѣлуетъ его, обнимаетъ, хотя и несчастна, хотя любитъ другого и потихоньку плачетъ... И все — билеты, которые онъ показалъ дураку печнику, у котораго тоже никогда

не было ни кола, ни двора... И вотъ у Герасима—эти комнаты, молодая жена, счастье... А вотъ ему, Петухину, скоро нельзя уже будетъ работать изъ-за дрожанія пальцевъ, и придется лечь въ богадѣльню. Хорошо, если въ богадѣльнѣ будутъ высокія, чистыя стѣны, кровать будетъ застлана чистымъ шерстянымъ одѣяломъ... Тогда бы еще жить можно было: надѣвалъ бы онъ очки, какіе сейчасъ Герасимъ Егоровичъ носитъ, и читалъ бы своимъ сосѣдямъ, тоже старикамъ, поучительныя газеты и книги, а они разсказывали бы про жизнь, про то, какъ при прежнихъ царяхъ служили въ солдатахъ. А потомъ для развлеченія заводили бы будильникъ и онъ игралъ бы „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ и „Коль славенъ“, — стариковъ бы прошибала слеза и они подтягивали бы за будильникомъ своими тоненькими, старческими голосами: небось, если и пѣли въ жизни, то только по пьяному дѣлу, а такъ, серьезно, для самаго пѣнья—никогда.

Въ послѣднее время Петухинъ особенно часто останавливался на Танѣ и Герасимѣ Егоровичѣ. Комнаты, альбомъ, граммофонъ, дорожку съ красной каймой,—все это заслужилъ Герасимъ, все это онъ заработалъ своею жизнью, на это онъ имѣетъ несомнѣнное и полное право,—но Таня, Танина любовь, Танино счастье, счастье Гаврюшки, котораго она любитъ и который ее любитъ, это захвачено Герасимомъ несправедливо, незаконно, насильно...

Обыкновенно, наступали сумерки, всходила луна, — и тогда все въ комнатѣ освѣщалось особымъ свѣтомъ: начиналъ какъ-то особенно выдѣляться на кафелѣ отдушникъ, кресло походило на согнувшуюся бабу, іерусалимскій патріархъ жмурилъ, казалось, глаза; по полу, перерѣзывая дорожки, чернѣли четкія, словно по линейкѣ проведенныя тѣни...

А Петухинъ стоялъ и думалъ, думалъ...

Съ каждымъ днемъ онъ все яснѣе и яснѣе понималъ, какая огромная нелѣпость совершена людьми, которые связали Таню съ Герасимомъ. Съ одной стороны люди поразительно умны: они додумываются до желѣзныхъ дорогъ, телефоновъ, будильниковъ, заставляютъ желѣзо думать, двигаться и подчиняться чужому хотѣнью, — все хорошо дѣлаютъ для тѣла; а для души, которая есть самое главное, отъ чего зависитъ счастье, они сочинили законы, которыхъ вотъ уже двѣ тысячи лѣтъ не хотятъ перемѣнить, которые и жестоки, и несправедливы, которые жизнь дѣлаютъ адомъ. И все это похоже, думалъ Петухинъ, будто люди придумали обувь: легкую, красивую, прочную, а самую дорогу, по которой идутъ, не хотятъ исправить: всюду камни, кочки, ямы,—и, дураки, удивляются: обувь хороша и легка, — но по-

чему же идти такъ трудно, такъ тяжело, почему нужно обливаться кровью и слезами?

И вотъ, когда Петухинъ оставался съ Таней наединѣ, онъ начиналъ съ ней разговоры о жизни...

Онъ очень жалѣлъ ее: разумѣется, нужда, бѣдность, дураки родители заставили ее идти за Герасима.

— Эхъ, болваны!—вздыхалъ въ темнотѣ Петухинъ и показывалъ кругомъ руками:—ну, вотъ вамъ и богатство! Ну, вотъ тебѣ и кресло, вотъ тебѣ постель мягкая, коверъ... Ну, а толкъ какой? Мать была больна!—кому-то ядовито и желчно возражалъ онъ.—Да мало ли чего — мать была больна! Тебѣ не хотѣлось ее тревожить да безпокоить! Да развѣ за Герасима мать-то твоя выходила? Ты выходила, а не мать! Ну, вотъ родится у тебя ребенокъ... Да развѣ ты его такъ будешь любить, какъ если бы онъ Гаврюшкинъ былъ? И потомъ удивляться будутъ: почему, молъ, баба своего дитя не любитъ? Дураки! Хо-хо, братцы, — эта башка жизнь прожила, жизнь видѣла, изъ семи печей хлѣбы ѣдала, все понимаетъ, всякіе планы развести можетъ...

И Петухинъ гордо постукивалъ себя по лбу пальцемъ.

Вспоминался ему Гаврюшка, гроза всей округи, первый боецъ на кулачкахъ, первый игрокъ на бильярдѣ, но за то и первый рѣзчикъ въ иконостасной мастерской братьевъ Свиридовыхъ. И былъ онъ, этотъ молодецъ, передъ нимъ, передъ Петухинымъ, какъ листъ передъ травой. И держалъ его Петухинъ въ своихъ рукахъ, какъ кучеръ—молодую, хорошую, но норовистую лошадь. Въ „Лондонѣ", гдѣ они обыкновенно видѣлись, Гаврюшка не зналъ, куда усадить его, чѣмъ подчивать. И все норовитъ куда-нибудь подальше забраться, въ уголокъ, чтобы люди не видѣли, не помѣшали...

Петухинъ жмуритъ глаза и, какъ живыя, представляетъ себѣ всѣ эти сцены въ трактирѣ.

„Лондонъ" горитъ огнями и тонетъ въ дыму. Разговоры, шумъ, крики. Снуютъ половые. Въ бильярдной щелкаютъ шары... А у Гаврюшки, у этого здороваго, сильнаго дурака, глаза чешутся. Онъ же, Петухинъ, солидно тянетъ богемское и говоритъ:

— И конешно, во всей этой исторіи дуракомъ выходишь одинъ ты. Да-а, вотъ побей меня Богъ!

И Петухинъ сразу начинаетъ сердиться и пристукивать, въ тактъ словамъ, стаканомъ о столъ. Ему, въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны жалко этого парня, а съ другой — досадно на его глупость.

— Да чтобъ я, Петухинъ, — съ азартомъ говоритъ онъ, —

да позволилъ этой старой, очкастой кочергѣ отбить у меня дѣвку, да будь я трижды анаѳема! Да пусть любой человѣкъ харкаетъ мнѣ въ рожу послѣ этого! Ну, какой ты есть парень, скажи на милость? Ну? названья вѣдь тебѣ не придумаешь! Оселъ? Дуракъ? Шаромъ тебя мало по башкѣ стукнуть? Ну? Чего ну? Чего бѣльмы вылупилъ? Неправду говорю, что-ли?

Петухинъ сердито поворачивался въ сторону, постукивалъ по полу подошвой и долго сидѣлъ въ такой позѣ. Потомъ вдругъ поворачивался къ Гаврюшкѣ и съ страстными, убѣждающими жестами говорилъ:

— Вѣдь даже, пойми, вчужѣ жаль... Сидишь вотъ такъ, работаешь, смотришь и душа на части раздирается... „Танечка! Не хочешь ли грушекъ? Грушки сочненькія! Штучка четыре копѣечки! Танечка! Бросила бы книжку! Въ книжкѣ ерунду все про любовь пишутъ! Въ садикѣ погуляла бы!“ Слушаешь, слушаешь,—ажъ сплюнешь! И Татьянѣ-то тошно...

— Тошно?—встрепенувшись, весь загорѣвшійся счастьемъ, переспрашиваетъ Гаврюшка.

— Знамо, тошно... Любитъ она тебя, дурачину...—съ большимъ презрѣніемъ говоритъ Петухинъ:—любитъ...

— Ну?

— Вотъ тебѣ и гну! Жалко дѣвку: дурака любитъ-то...

— Чего дурака?—вдругъ вспыхиваетъ Гаврюшка:—дурака, дурака... Заладила сорока про Якова... А что̀ бы ты, умный, на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ-то, подумаешь?

Петухина словно иголкой кольнули.

— Кто? я-то?

— Да, ты-то!

Петухинъ искусственно сразу остываетъ, долго смотритъ на Гаврюшку и уныло качаетъ головой: такъ велико его презрѣніе къ этому человѣку,—пусть даже онъ первый игрокъ на бильярдѣ. У Петухина даже голосъ мѣняется.

— Господи, Боже мой!—говоритъ онъ, вздыхая:—міра Создатель! Что̀ бы я сдѣлалъ? Что̀ бы я сдѣлалъ?—Петухинъ дѣлаетъ трагическій, театральный жестъ.—Дѣвка любитъ меня, я люблю дѣвку, а тутъ какая-то шваль мѣшается... И что̀ бы я сдѣлалъ? Нѣтъ, братъ Гаврюша, и люблю я тебя, и все, а разговора, вижу, съ тобой не выйдетъ... Да. Не выйдетъ разговора! Давай, братъ, платить за пиво да пойдемъ бай-бай... Рано завтра вставать-то... Хоть и поздно вставать сталъ мой хозяинъ, а все-таки... Спится ему съ молодой женой-то... Тѣло-то теплое, молодое...

И грѣетъ-то оно старыя кости... А кости-то старыя съ ржавчиной... Да. А все-таки поздно... Двѣнадцатый часъ... Охо-хо-хо...

И Петухинъ, словно забывъ разговоръ, начинаетъ ломаться и зѣвать. Но Гаврюшка уже поблѣднѣлъ, глаза у него заблестѣли, щеки какъ-то особенно задергались, — онъ хватаетъ Петухина за рукавъ, наклоняется къ нему черезъ столъ и бормочетъ дико, несвязно:

— Нѣтъ, ты скажи... Началъ, такъ скажи... Скажи...

Петухинъ возмущается этой навязчивостью, рѣзко выдергиваетъ отъ Гаврюшки свой рукавъ и говоритъ:

— Пошелъ ты къ чертямъ свинячьимъ! Чего присталъ, какъ банный листъ? Чего я буду съ тобой говорить, языкъ обивать, когда ты дуракъ есть, самый форменный... Асселъ, такъ сказать...— И Петухинъ дѣлается ядовито-ласковымъ:—Вѣдь разговаривать, Гаврюша, пріятно съ человѣкомъ, который обсудить можетъ и сказать по поводу. А ты что-жъ? На бильярдѣ ты мастакъ, слова нѣтъ, а насчетъ умственности и вообще высшихъ дѣйствій у тебя, сизый, слабо... Слабо, голубь, слабо... И люблю я тебя, и все,—а противъ правды грѣшить не хочу: слабо! — И Петухинъ разводитъ ладонями.

Гаврюшка долго и мрачно смотритъ на него, на насмѣшливыя искры въ его глазахъ,—душа начинаетъ кипѣть, зубы скрипятъ,—весь полный ненависти, сквозь стиснутыя челюсти, говоритъ онъ:

— Ух-хъ, Петухинъ... Будь на твоемъ мѣстѣ кто-нибудь другой... Сдѣлалъ бы я изъ тебя рюмочку... Ужъ умылся бы ты у меня... Ей-Бо-огу...

Петухинъ смотритъ на него и сразу свѣтлѣетъ: нравится ему, что въ человѣкѣ заговорило...

— О? Рюмочку? Сердитый какой!—ласково и улыбаясь, говоритъ онъ:—серди-итый... Не тронь меня, завяну... А, знаешь, когда ты сердитый, — фу ты, ну ты! Да ну-у, не будь такимъ Иванъ-Грознымъ!

— Оставь! Не крути свѣтомъ! — отвѣчаетъ Гаврюшка: — и безъ брехни твоей тошно.

— Тошно, это ничего, — успокаиваетъ Петухинъ и, таинственно оглядѣвшись кругомъ, наклоняется черезъ столъ, дѣлаетъ большіе глаза и шепчетъ: — А бѣдѣ я твоей помогу... Помогу! Не робь, Керопь! Самое главное — не робь. Затѣмъ я сижу съ тобой, чтобы помощь тебѣ оказать! Ты только не сердись! Слышь, Гаврюшь? Да ну-у, полно...

И, нѣсколько минутъ спустя, онъ выводитъ его черезъ заднюю

дверь на дворъ трактира. Темно. Никого нѣтъ. Въ уголку большого, закругленнаго зданія видна кухня, слышно, какъ шипитъ плита. По кухнѣ бѣгаетъ поваръ и съ кѣмъ-то разговариваетъ. Послѣ смрадной духоты „Лондона“ здѣсь такъ много воздуха, вкуснаго и прохладнаго. Никто ихъ не видитъ. Гаврюшка жмется къ Петухину плечомъ, словно угадывая въ немъ какую-то большую, жуткую тайну.

Петухинъ что-то замышляетъ. Онъ беретъ Гаврюшку за руку немного ниже плеча, наклоняется къ нему и, обдавая его легкимъ запахомъ пива и табаку, говоритъ тихо и серьезно:

— Задумалъ я дѣло, понимаешь? Дѣло, братъ, такое, что и на томъ свѣтѣ можетъ спроситься. Понимаешь? Вѣдь Богъ-то есть... Понимаешь? Онъ сидитъ, можетъ-быть, вонъ тамъ и смотритъ на насъ и слушаетъ: „что ты, молъ, старый сукинъ сынъ, дѣлать хочешь?“ Понимаешь? И все для тебя, для дурака... Не стоило бы,—ну, ужъ чортъ съ тобой! Такъ и быть, гдѣ моя не пропадала! Только—условіе...

— Какое?—сдавленнымъ голосомъ спросилъ Гаврюшка.

— Вотъ какое... Ты мнѣ, какъ передъ попомъ, скажи: ты въ серьезъ любишь Таню?

— Люблю... Въ серьезъ...

— Ну, помолись на небо...

Гаврюшка снялъ фуражку и перекрестился...

— Ну, а теперь пойдемъ...

Пошли.

— Ты что же? Заговоръ знаешь? — спросилъ Гаврюшка, нѣсколько взволнованный.

— Какой тамъ заговоръ! — ласково и участливо говоритъ Петухинъ:—что я, баба что ли, заговоры-то читать? Жизнь знаю... И люблю... Вотъ и весь заговоръ. Чудакъ ты, ваше благородіе. Заговоръ!

...Петухинъ сидитъ въ креслѣ, вспоминаетъ эти сцены и улыбается.

— Молодость, неопытность,—бормочетъ онъ самъ съ собой:— а проживи съ мое, другое запоешь...

И опять въ голову лѣзутъ думы о томъ, почему на землѣ такъ мало счастья? Всѣ хотятъ его, всѣ тянутся къ нему, а оно, какъ кукушка на часахъ, то выглянетъ, то скроется. Жизнь, такую хорошую, такую привольную,—съ солнцемъ, съ небомъ, съ рѣками, лѣсами, — люди дѣлаютъ каторгой. Жить тяжело, душно...

Въ спальнѣ зазвонили часы—торопливо, дѣловито...

— Восемь!

Петухинъ поворачивается къ окну, изъ котораго его обливаетъ лунный свѣтъ, и, что-то улыбаясь, бормочетъ.

„Вотъ восемь часовъ вечера“, — думаетъ онъ: сколько сейчасъ въ эту минуту рождается людей и умираетъ. Тѣ, что умираютъ, много любили, быть можетъ, много мучились. Тѣ, что рождаются, много будутъ любить и много мучиться. И во всемъ какая-то нелѣпость, безтолковость. И какъ, вѣроятно, все это ничтожно и мелко передъ Богомъ, у котораго тысяча лѣтъ — какъ одинъ день... И неужели же когда-нибудь передъ этимъ Богомъ предстанутъ и Герасимъ, и Гаврюшка, и Таня, и онъ, Петухинъ? И неужели Богъ, такой огромный, такой великій, живущій тысячу лѣтъ, какъ одинъ день, будетъ судиться съ ними, наказывать ихъ, мучить?

И губы Петухина шепчутъ, и голова его покачивается:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

VI.

Въ сѣняхъ стукнула дверь.

У Петухина сильно забилось сердце, — онъ затаилъ дыханіе и весь обратился въ слухъ: пришла изъ церкви Таня. Слышно каждое ея движеніе. Въ сѣняхъ темно, и вотъ она осторожно ступаетъ, боясь на что-нибудь наткнуться, вотъ шаритъ рукой по двери и не можетъ нащупать скобки, вотъ она нашла ее, нажала; дверь, отворясь, скрипитъ; Таня входитъ въ мастерскую, и тамъ темно, а она боится темноты. Окликаетъ:

— Павелъ Мартынычъ!

Петухинъ молчитъ и боится сразу отозваться: можно напугать.

— Мартынычъ! — снова повторяетъ Таня, и голосъ ея дрожитъ, какъ передъ слезами: — Мартынычъ!

Петухинъ дѣлаетъ видъ, будто дремалъ, и только сейчасъ услышалъ ее.

— А? Кто это? Это ты, Таня? — словно съ просонья, спрашиваетъ онъ.

— Я, — отвѣчаетъ Таня: — какъ вы меня напугали... Думала — никого дома нѣтъ.

Она, въ кофточкѣ, въ кружевной косынкѣ, входитъ въ комнату: ее отлично видно, потому что свѣтъ изъ окна прямо падаетъ ей на лицо. И вся она такая хрупкая, изящная. Глаза немного блестятъ и открыты шире обыкновеннаго; чувствуется

робость, испугъ... Она вошла въ комнату и какъ будто не знаетъ, что нужно дальше дѣлать.

— А я тутъ присѣлъ и тово...—говоритъ Петухинъ, искусственно зѣвая и протирая глаза:—старость... Гдѣ присѣлъ,—сейчасъ же глаза подъ себя... Кончилась вечерня?

Таня отлично знаетъ, что онъ здѣсь сидитъ давно и не спитъ, а все думаетъ и ожидаетъ ее, чтобы опять говорить—и все о томъ же. И разговоръ этотъ—преступный, беззаконный, передать его мужу нельзя, а все-таки сладкій онъ, щемитъ отъ него душу, хочется рѣшиться на что-то окончательное, безповоротное, непоправимое, хочется махнуть на все рукой и броситься въ жизнь, какъ въ воду. И—или жить, или утонуть.

— Кончилась...—отвѣчаетъ она.

— Та-акъ...—протягиваетъ Петухинъ и опять небрежно зѣваетъ.—А супругъ вашъ, Герасимъ Егоровичъ, пошли работу сдавать. Ждать велѣли часу такъ въ двѣнадцатомъ. Никакъ не раньше. Долгъ тамъ имъ нужно какой-то старинный получить, прикладъ разный купить, и все такое.

Таня, ничего не отвѣчая, проходитъ къ себѣ въ спальню и начинаетъ медленно переодѣваться. Огня она не зажигаетъ. Слышно, какъ достаетъ что-то изъ гардероба, какъ влѣзаетъ на стулъ и потомъ снова опускается на полъ: нога ступаетъ легко и эластично. Переодѣнется, будетъ ставить самоваръ.

„Надо говорить!"—думаетъ Петухинъ, и сердце опять такъ начинаетъ биться, что онъ закрываетъ, какъ въ изнеможеньѣ, глаза и прислоняется затылкомъ къ креслу.

Въ третій разъ ужъ говоритъ онъ съ нею. Таня, видимо, боится этихъ рѣчей и въ то же время хочетъ ихъ: вѣдь онъ говоритъ о томъ, о чемъ она сама думаетъ каждый день, каждую ночь, въ церкви, дома, на улицѣ... И все сильнѣе и сильнѣе она подчиняется его мысли, съ каждымъ днемъ его думы о жизни, о судьбѣ, о Богѣ все глубже и глубже проникаютъ въ нее и сживаются съ нею. Видно, какъ ростетъ человѣкъ, преображается и боится своего преображенія...

Тихо отворилась, наконецъ, дверь, и въ комнату, гдѣ сидѣлъ Петухинъ, робко вошла Таня. Она была въ своей обычной, домашней кофточкѣ, съ косой, заплетенной по-дѣвичьи, и выглядѣла какъ-то меньше, чѣмъ показалась сначала... Ступила два шага и остановилась у печки.

— Отецъ Власъ служилъ,—говоритъ она для того, чтобы сказать хоть что-нибудь.

„Сама начинаетъ", подумалъ Петухинъ: „и чего же я, ста-

рый болванъ, робѣю?“ пронеслось у него въ головѣ: „какъ маленькій... Ну, боюсь я ея что-ли?“

И онъ рѣшительно повернулся къ ней. Таня, заложивши руки назадъ, стояла спиной къ печи, на фонѣ глянцевитаго кафля освѣщенная мѣсячнымъ свѣтомъ. Каріе глаза ея, теперь почти черные, смотрѣли куда-то вдаль, безпокойно и тоскливо. Чего-то ждутъ они, о чемъ-то думаютъ... И видно чрезъ нихъ, какъ болитъ душа.

— Отецъ Власій?—для чего-то переспрашиваетъ Петухинъ и добавляетъ:—табакъ куритъ отецъ Власій хорошій... Четыре сорокъ фунтъ. И голосъ у него ничего. На величаніи всѣхъ превосходитъ.

Опять начинается молчаніе и длится долго, томительно, минуты три. Петухинъ чувствуетъ, что надо говорить, что драгоцѣнное время уходитъ, что дѣло идетъ уже къ девятому часу, а въ одиннадцать съ половиной вернется изъ города Герасимъ, и тогда все пропало: работа сдана почти вся, въ городъ уходить незачѣмъ, и будетъ онъ торчать около Тани, какъ бѣльмо.

Петухинъ придаетъ себѣ суровый видъ, кашляетъ и многозначительно поднимаетъ на Таню глаза.

— Ну, что же?—сердито начинаетъ онъ.

Онъ сидитъ спиной къ свѣту, глаза его въ тѣни, и Танѣ хорошо и отчетливо видны только общія очертанія его фигуры да взъерошенные волосы.

— Что?—переспрашиваетъ Таня, словно не понимая, о чемъ идетъ рѣчь. И голосъ у нея, какъ при кашлѣ, срывается и дѣлается грубымъ, необычнымъ.

— Да вотъ о чемъ я говорилъ тебѣ... прошлый разъ...—продолжаетъ Петухинъ, нервно теребя пальцами скатерть.

— Говорилъ, говорилъ! Мало ли о чемъ говорилъ! Обо всемъ думать—головы не хватитъ... И еще я не понимаю, Павелъ Мартыновичъ, зачѣмъ вы касаетесь меня? Вы живите сами по себѣ, я буду жить сама по себѣ... Убытку отъ этого вамъ никакого не можетъ выйти.

— Дура ты, Танька,—вотъ тебѣ и сказъ весь!..

Петухинъ вскакиваетъ съ кресла и начинаетъ нервно бѣгать по комнатѣ. Рваныя туфли его смѣшно смурыжатъ по полу и сбиваютъ дорожки, рубаха безъ пояса болтается во всѣ стороны.

— Дура ты!—снова говоритъ онъ, останавливается и, пронизывая ее глазами, продолжаетъ:—Жить не могу, когда несправедливость на землѣ вижу, да какую! Несправедливость-то, глупая, разная бываетъ: ну, тамъ деньги отняли, поколотили, даже

убили тебя — это ерунда! Это тѣло твое убили, ну и прахъ съ ними! И эту несправедливость я перенесть могу. Но когда у человѣка душу убиваютъ, да еще у какого человѣка: молодого, здороваго, которому жить не тужить, тогда я терпѣть не могу... Да! Не могу! Вотъ тебѣ и сказъ весь. Тогда я долженъ поправлять дѣло! Защищать долженъ! Исправлять жизнь долженъ! Да! я, Петухинъ,—пусть я пьяница и человѣкъ маленькій,—исправлять жизнь долженъ и бѣду, какъ съумѣю... И думаю, что на томъ свѣтѣ Богъ похвалитъ меня за это... Вѣдь вотъ ты... Ты же любишь Гаврюшку?

— Люблю.

— Ну и что же? Что мѣшаетъ тебѣ любить его?

Таня прямо и спокойно вскидываетъ на него свои каріе глаза, которые въ темнотѣ блестятъ по особенному, и отвѣчаетъ:

— Какъ что? Да вѣдь Герасиму Егоровичу-то я передъ Богомъ клялась...

— Въ чемъ клялась?

— Въ чемъ клянутся въ церкви, когда вѣнчаются: въ томъ, и я клялась.

Петухинъ опять бросается по комнатѣ.

— Клялась! Передъ Богомъ! — говоритъ онъ, жестикулируя обѣими руками: — нужна Богу твоя клятва! Да пойми же ты, глупая, что когда Богъ-то слышалъ, какъ ты клялась, ты, похожая на весенній цвѣтокъ, клялась какому-то изжившемуся старику, такъ вѣдь Богъ плакалъ! Пойми, дурочка, плакалъ Богъ! Богу жалко тебя было...

Петухинъ останавливается около Тани, беретъ ее за руку, глаза его дѣлаются лучистыми и ласковыми.

— Богу жалко тебя было! — продолжалъ онъ: — вѣдь Богъ что? Богъ счастья всѣмъ хочетъ, добра, —пойми ты это. Развѣ для зла создавалъ бы Богъ людей? Ну? Развѣ нужны ему наши страданья? Наши муки? Разъ ты любишь Гаврюшку, а Гаврюшка любитъ тебя—значитъ, эта любовь отъ Бога, значитъ—она угодна ему. А если тамъ какіе-то злые дураки сковали тебя да въ церковь притащили, да привязали на всю жизнь къ какому-то, прости Господи, хрѣну, такъ и нужно подчиняться не Богу, а этимъ дуракамъ? Милая ты моя! Цвѣтокъ ты мой ранній! Да и клятва твоя... Вѣдь она глупа, эта клятва, и опять-таки людьми придумана, а не Богомъ. Людьми придумана для того, чтобы вотъ, къ примѣру сказать, связать то, что само собою не связывается. Вотъ ты и Гаврюшка, вы любите другъ друга,—на кой вамъ шутъ какія-то тамъ клятвы? Любовь—она сама клятва! Милая, милая!

Люди, братецъ ты мой, такого на землѣ нагородили, такъ занавозили человѣческую душу, такъ жизнь запутали, что Богъ-то, поди, не радъ, что и людей создалъ. И нужно, дѣточка моя, людямъ, у которыхъ есть въ душѣ хоть маленькая искорка, нужно распутывать сѣтку эту. Вотъ и ты. Тебя запутали, а ты не подчинись и потихоньку распростывайся. Богъ увидитъ, что ты цѣнишь и бережешь душу, которую Онъ тебѣ далъ, и полюбитъ тебя, и поможетъ тебѣ. Ты распростаешься, а тамъ, глядя на тебя, и другой начнетъ распутываться, тамъ третій, дальше, больше, пятый, десятый, и, еще можетъ быть, сдѣлается на землѣ прекрасная жизнь. А то: клятва! Нѣ-ѣтъ, дѣвушка, Богъ-то, Богъ, когда слышалъ твои клятвы, сказалъ ангеламъ, которые ведутъ запись жизни человѣческой: „Слушайте вы, ангелы. Вонъ на землѣ, въ церкви, клянется раба моя Татьяна. Сама не соображаетъ, въ чемъ клянется. Не принимайте этой клятвы. Не отъ сердца она,—по неволѣ! И грѣха, если она нарушитъ клятву эту, грѣхомъ не считать, и въ книгу этого не записывать, и отвѣта на судѣ отъ нея не спрашивать!“ Такъ сказалъ Богъ.

Петухинъ подвелъ Таню къ окну.

— Посмотри вонъ. Развѣ эти звѣзды не людямъ свѣтятъ? Развѣ онѣ не для украшенія жизни созданы? Нужно, дѣвка, каждую ночь подолгу смотрѣть на нихъ, и тогда поймешь, въ чемъ дѣло. И будешь счастливой. Я вотъ человѣкъ счастливый, прямо такъ и говорю: я — счастливый. Жизнь я вотъ насквозь, какъ хрусталь, вижу и понимаю, что̀ въ ней хорошо, что̀ плохо. И живу по хорошему, и Богъ любитъ меня. А сколько счастья Онъ мнѣ посылалъ, Царь ты мой небесный! И оно, счастье-то, близко около человѣка лежитъ, вотъ оно, въ тебѣ самой счастье твое, только гляди на міръ своими глазами — и весь разговоръ въ этомъ. И когда будетъ наступать старость, вспомнишь свою хорошую, веселую молодость и скажешь: „Вотъ молодцомъ жила! Наплевала на всѣхъ—и дѣло съ концомъ!“ Да, ей-Богу! Чего тамъ?

Таня молчала, губы ея подергивались, а глаза, какъ двѣ чаши, наполнялись свѣтлой и лучистой думой. Петухинъ наклонился къ ней совсѣмъ близко, шепталъ, и шепотъ его становился все радостнѣе и радостнѣе:

— Любишь? По рукамъ, значитъ? Ну, во-отъ! Какъ ты потомъ поблагодаришь меня! Вотъ, скажешь, песъ старый, придворный артистъ шаха персидскаго! И умница! И молодецъ! Будильникъ тебѣ подарю... Не хотѣлъ до смерти съ нимъ разставаться, а тебѣ подарю, ей Богу не вру: подарю... Люблю, чтобы

люди хорошо жили! А около тебя-то Гаврюшка будетъ да еще будильникъ... Какого тебѣ еще корабля надо? Живи не тужи!

Таня выдернула отъ него руку и быстро ушла въ спальню... Петухинъ постоялъ немного у окна, безпокойно прислушался, и лицо его распустилось въ улыбку.

— Плачетъ...—облегченно прошепталъ онъ:—плачетъ... Это хорошо... Къ счастью... Слава тебѣ, Господи!

Растопыривъ руки, добрался онъ ощупью до мастерской, нашелъ тамъ гдѣ-то за печкой свое пальтишко, накинулъ его на плечи и торопливо выбѣжалъ на дворъ.

Ясно и четко освѣщалъ мѣсяцъ всю улицу, по которой вверхъ побѣжалъ Петухинъ, шурша своими большими, не по ногѣ, калошами. Черная тѣнь его, то переломившись, то во всю свою неуклюжую длину, прыгала по заборамъ и стѣнамъ уже заснувшихъ домовъ. Петухинъ спѣшилъ, что-то бормоталъ и ругалъ лужицы, которыя маленькими зеркальцами блестѣли на неровностяхъ троттуара.

VII.

Счастливый, улыбающійся, надѣвъ пальто въ рукава, сидѣлъ Петухинъ въ саду на скамеечкѣ и курилъ. Мѣсяцъ, округлившись, поднялся еще выше и залилъ свѣтомъ все небо, землю, садъ, которому такъ сладко дремалось въ эту полную силъ и возрожденія ночь. Подъ землей дѣлалась работа, радостная и срочная. Переливалась кровь и бурлила, юная, сильная. Протекала она въ деревья, въ цвѣты, въ травы,—безшумно, какъ по жиламъ, струилась вверхъ и рвалась наружу, къ свѣту, къ небу...

— Да, братецъ ты мой!—говорилъ Петухинъ, оглядывая садъ, видный насквозь:—вотъ и весны дождались! Да-а... Вотъ и зацвѣтешь скоро. Соловьи, братъ, къ тебѣ прилетятъ, пѣсни запоютъ... Знатно заживемъ! Шалашъ вотъ подъ яблоней соорудимъ... Спать на вольномъ воздухѣ будемъ... Да-а... Знатно!

Чѣмъ глубже въ ночь, тѣмъ становилось все холоднѣе. Было зябко въ пальтишкѣ на рыбьемъ мѣху, и Петухинъ, чтобы согрѣться, закурилъ, защищая спичку ладонями, набралъ полонъ ротъ дыма и затѣмъ сразу, клубомъ, выпустилъ его съ такимъ разсчетомъ, чтобы согрѣть себѣ носъ. Порою онъ начиналъ какъ-то особенно хитро смотрѣть передъ собой, щурился, жмурилъ глаза: что-то плавало въ его умѣ, и это что-то заслуживало насмѣшки, побѣдной и торжествующей... Одинъ изъ хищниковъ жизни,

хищниковъ маленькихъ, но жестокихъ, не разсуждающихъ, выхватывающихъ изъ ея гущи самыя сочныя и яркія жертвы, терпѣлъ теперь кару, и онъ, Петухинъ, содѣйствовалъ этой правдѣ, сдѣлалъ эту правду торжествующею. Теперь его Богъ смотритъ съ неба и простираетъ надъ нимъ благословляющую руку.

Бывало когда-то, что въ такія же ночи, ясныя и радостныя,— только теплыя,— бѣгала къ нему въ рощу Домна. Трава была высокая и прохладная, небо синее, соловьи не засыпали напролетъ до самаго утра, а звѣзды, казалось, справляютъ веселый праздникъ. И сколько разговоровъ было за эти ночи, сколько думъ! А когда онъ жилъ въ Орлѣ, въ магазинѣ готоваго платья Совокина съ сыномъ, его любила черноглазая Шура. Та любила пѣсню про Ваньку-ключника... Славная пѣсня!

Петухинъ зажмурилъ глаза, потомъ сразу открылъ ихъ, тряхнулъ головой и замурлыкалъ тихимъ, высокимъ теноркомъ:

— „Въ саду ягода малина—во цвѣту-то вся была"...

Это поетъ запѣвало. Только кончитъ—подхватываетъ хоръ:

— „А княгиня молодая съ княземъ въ теремѣ жила!"

Хоръ большой, какъ это бываетъ на народныхъ гуляньяхъ, одѣтый въ боярскіе костюмы, заложившій руки въ боки, съ залихватскими тенорами и съ глубокой, какъ колодезь, октавой. И среди этихъ пѣсенниковъ—онъ, Петухинъ, тоже одѣтый бояриномъ, молодой, задорный, чорту не братъ, съ лихими усами: вылитый Ванька-ключникъ. Его кафтанъ новѣе всѣхъ, знаетъ пѣсню онъ лучше всѣхъ, теноръ его особенно выдѣляется: публика, столпившаяся у эстрады, смотритъ на него съ восхищеньемъ и спрашиваетъ, откуда этотъ молодецъ взялся. Басамъ не особенно нравится прохвостъ Ванька, соблазнившій молодую княгиню, и они очень неохотно поспѣшаютъ съ низовъ за головорѣзами-тенорами. У басовъ больше лежитъ душа къ старому князю, у котораго подвалы трещатъ отъ золота и заморскаго вина.

— „Онъ не даривалъ княгинѣ ни парчи, ни кумачу",—снова, зажмуривъ глаза, воображаетъ себя запѣвалой Петухинъ, и хоръ снова удивляется:—„а княгиня къ нему льнула, какъ рубашка ко плечу".

Кончится, бывало, концертное отдѣленіе, начинается новый тріумфъ Петухина: бѣгъ въ мѣшкахъ.

— Завязывай!—кричитъ распорядитель Матвѣй Матвѣичъ.— Хорошенько узлы закручивай, чтобы свободы не было!

А кругомъ за веревкой люди, ждутъ, смѣются... Въ палаткѣ сидятъ судьи и на красномъ столѣ воздвигается призъ: будильникъ съ надписью: „Побѣдителю".

„Смѣйся, смѣйся! — думаетъ Петухинъ: — а ты поди, пробѣжи! Тогда и засмѣйся“.

Онъ серьезенъ, къ искусству относится съ уваженіемъ и почтеніемъ и думаетъ, что здѣсь нечего зубы скалить.

Побѣжали,—падаютъ, отстаютъ... И только одинъ впереди несется въ мѣшкѣ, какъ безъ мѣшка. Нужно умѣть, нужно знать, какъ въ тѣснотѣ переставлять ноги... Идутъ разговоры: „Кто это? А вы не знаете? Петухинъ! Портной Петухинъ! Одарилъ же Богъ! Браво, браво, господинъ Петухинъ! Ваше искусство — поразительное... Извольте по заслугамъ вашимъ призъ получить: будильничекъ-съ. Девять съ полтиной въ покупкѣ заплаченъ... Рано будитъ и двѣ музыкальныя пѣсни исполняетъ“.

И сейчасъ же изъ толпы высовывается завистливая рожа:

— Портной! Возьми за призъ синюю бумагу!

Много уже времени прошло, но и сейчасъ Петухинъ не можетъ вспомнить этого безъ отвращенія: За призъ? За искусство? Синюю бумагу?

— Тутъ сотни не нужны, болванъ ты этакой, а ты съ синей бумагой лѣзешь! — говоритъ Петухинъ гордо и презрительно: — не видалъ я твоей синей бумаги! Удивилъ чѣмъ... Ты вотъ заслужи поди, добейся... А то — синяя бумага! Какіе вы, братцы, несообразительные!

— Дураки!—и теперь говоритъ Петухинъ, открываетъ глаза и прислушивается: отъ Варвары-Великомученицы раздается, какъ вздохъ, ударъ колокола, нѣжнаго и серебристаго...

— Одиннадцать! — съ ужасомъ сосчиталъ онъ удары: — сатана ты старая, анаѳема! Что-же ты думаешь? Вѣдь вотъ-вотъ Гараська явиться долженъ! Ахъ, ты, чортъ голландскій!

И Петухинъ побѣжалъ къ дому, стукнулъ, не глядя, въ окно. Никто не отозвался.

„Что за чертовщина? — подумалъ онъ, стукнулъ погромче, заглянулъ. По комнатѣ, наполовину освѣщенной мѣсяцемъ, прошло что-то черное, высокое. Около него обвилось бѣлое, нѣжное,— обвилось и разстаться не можетъ...

— Ну, ну,—ворчитъ недовольно Петухинъ и, отвернувшись, снова стучитъ сурово и сердито: — надо честь знать да утирать бороду. Ишь, разлимонились!

Хлопнула дверь. На порогѣ показался высокій, статный парень.

— Ну, Гаврюшенька, какъ дѣло-то?—ехидно спросилъ Петухинъ и сейчасъ же опять сдѣлалъ скверное лицо. — Прежней дорогой-то идти нельзя,—того и смотри, на хозяина моего напо-

решься,—а ты вотъ черезъ садъ жарь, а тамъ огородами до самаго переѣзда... Понимѐ? Ну, вотъ то-то и оно... Ну-съ, айда...

Пошли. Петухинъ вдругъ останавливается и спрашиваетъ:

— Ну, а насчетъ будущаго уговорились?

— Уговорились!—отвѣчаетъ Гаврюшка.

— Гдѣ же? — не можетъ сдержать любопытства Петухинъ.

— У Варвары...

— То-то, у Варвары... Ну, айда, айда... Живо... Смотри, угощенье не забудь...

Гаврюшка лѣзетъ въ карманъ, достаетъ деньги и суетъ ихъ Петухину. Тотъ сердится:

— Болванъ! Что ты мнѣ деньги-то даешь! Что я, сводня что-ли? Ради правды устраиваю я это... А ты деньги! Орясина! Пивомъ угостишь... И знаешь еще что? Двѣ порціи осетровой селянки... Ей Богу! Идетъ?

— Идетъ! Идетъ! — радостно отвѣчаетъ Гаврюшка и перелѣзаетъ черезъ заборъ.

— До свиданья!—кричитъ онъ.

— Счастливо!—отвѣчаетъ Петухинъ.

Залитая свѣтомъ, у порога стоитъ Таня. На лицѣ и радость, и страхъ.

— Ну, а дальше же что̀ дѣлать? Какъ быть съ мужемъ? Какъ ему смотрѣть въ глаза? Вѣдь вотъ онъ сейчасъ же явится...— тревожно говоритъ она:—Ну, научи же, Мартынычъ!

Петухинъ закуриваетъ папиросу и защищаетъ спичку ладонями. Глубоко затягивается, думаетъ о чемъ-то, потомъ сразу вскидываетъ глаза на Таню и отвѣчаетъ:

— Понимаешь, хозяйка... Вотъ въ чемъ дѣло-то... Ты пойми. Я свою обязанность исполнилъ. Чувствуешь? Ну, а теперь ужъ твое дѣло. Какъ хочешь, такъ и разводи планы. Хочешь съ мужемъ жить, живи! Не хочешь — не живи! Это, братъ, теперь твое дѣло, и никому нѣтъ до этого касательства. Какъ ты будешь жить — тебѣ объ этомъ только и знать. Вотъ тебѣ мой сказъ. Вотъ завтра у Варвары и поговори объ этомъ съ Гаврюшкой. Теперь ужъ ты къ нему. Да. Совѣты онъ будетъ давать...

— Господи! — съ тоскою вспомнила Таня:—и причащаться завтра...

— А что-жъ? — серьезно отвѣтилъ Петухинъ: — теперь ты чиста передъ Богомъ. Теперь душа твоя—какъ хрусталь. Поруганье твое надъ Богомъ-то окончилось. Теперь причащайся...

Стукнула калитка. Вошелъ Герасимъ Егоровичъ съ бумажными кульками и какими-то покупками.

— Вотъ и я...—сказалъ онъ:—а ты, Танюша, давно пришла? Вотъ грушки. Хорошія, сочныя. Полтинничекъ десятокъ. Правило слушала? Ну, вотъ-вотъ. А тамъ, сзади меня,—и Герасимъ Егоровичъ обратился къ Петухину: — Михрютка ползъ... Пьяно-распьяно! И все „Чудный мѣсяцъ" поетъ... Ну и народъ!..

Петухинъ прислушался. Въ самомъ дѣлѣ поетъ,—поетъ звонко, задорно. И Петухинъ рѣшилъ, что если бы Михрюткѣ не пьянствовать и себя побольше беречь, то могъ бы получиться теноръ, на втору совершенно пригодный.

Хозяева ушли въ домъ. У Варвары опять ударили въ колоколъ: начиналась полночь.

И. Сургучевъ.

Ставрополь-Кавказскій.

ЦѢНА КРОВИ

(Продолженіе „Расплаты“ и „Боя при Цусимѣ“.)

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я долго колебался раньше, чѣмъ рѣшился подготовить для печати эту, послѣднюю, часть моего дневника... Она казалась мнѣ слишкомъ интимной... Жутко было подумать, что кто-нибудь встрѣтится и спроситъ: „Такъ и было?“...

Что отвѣтить? Единственный мой отвѣтъ: „такъ было записано тогда же, на мѣстѣ, въ моментъ совершавшагося событія“. Во всякой лѣтописи невольно сказывается личность лѣтописца, но если заносилъ онъ въ свою книжку все видѣнное и слышанное, „не мудрствуя лукаво“, то вѣдь эта безхитростная запись и явится въ будущемъ той канвой, по которой ученые историки разошьютъ свои пышные узоры.

Въ моихъ книгахъ „Расплата“ и „Бой при Цусимѣ“ я старался, строго придерживаясь дневника, который велъ изо дня въ день, изъ часа въ часъ, дать читателямъ картину переживаній собственныхъ и того тѣснаго кружка людей, въ которомъ я былъ замкнутъ.

Шесть мѣсяцевъ на портъ-артурской эскадрѣ, завершившихся боемъ при Шантунгѣ, 28 іюля 1904 года; двухъ-мѣсячный перерывъ; семь съ половиною мѣсяцевъ плаванія на второй эскадрѣ въ ея крестномъ пути отъ Либавы до Цусимы; роковой день 14 мая 1905 года, когда вмѣстѣ съ адмираломъ Рожественскимъ я былъ „переброшенъ“ съ погибающаго „Суворова“ на близкій къ гибели „Буйный“ — все это было уже мною разсказано, и разсказать объ этомъ я считалъ своимъ долгомъ, но отъ даль-

нѣйшаго повѣствованія до сихъ поръ воздерживался. Мнѣ думалось: „читателямъ интересна исторія войны, а не моя исторія“; теперь же мнѣ думается, что и съ самаго начала я писалъ не исторію войны, а исторію людей, принимавшихъ въ ней участіе, и если это правдивое сказаніе удостоилось чести быть переведеннымъ на всѣ европейскіе языки, то стóитъ его закончить.

Ничего не утаю изъ моихъ записокъ, ни въ чемъ ихъ не исправлю. Буду строго держаться стараго изреченія: „Еже писахъ—писахъ“.

Но есть и высшій судъ, наперсники разврата!
Есть Грозный Судія! — Онъ ждетъ!..
Онъ недоступенъ звону злата;
И мысли, и слова—Онъ знаетъ напередъ...
Напрасно вы тогда прибѣгнете къ злословью,—
Оно вамъ не поможетъ вновь...

М. Лермонтовъ.

I.

Возобновленіе замѣтокъ.—На память и съ чужихъ словъ.—На „Буйномъ“.—Перегрузка на „Бѣдовый“.—Краткое благополучіе.—Погоня.—„Да вѣдь они сдаются?..“—На буксирѣ японскаго крейсера.

Я внесъ послѣднюю замѣтку въ мою записную книжку 14 мая 1905 года въ 7 час. 40 мин. вечера, лежа на палубѣ миноносца „Буйный“. Отъ потери крови и начинавшагося воспаленія въ неперевязанныхъ, загрязнившихся ранахъ чувствовалась сильная слабость, ознобъ, тошнота, головокруженіе и мучительная жажда... Мой дневникъ, который я велъ изо дня въ день (и даже) изъ часа въ часъ за все время войны—въ Портъ-Артурѣ и на второй эскадрѣ,—прервался...

Только 22 мая (черезъ недѣлю послѣ боя) я въ силахъ былъ снова взяться за карандашъ и нацарапать нѣсколько строкъ:

„Ивасаки“ [1]) тоже нашелъ (въ ранѣ) что-то лишнее. Стригъ... Чортъ возьми!.. всюду таскаютъ на носилкахъ. Дрянь. Говорятъ,

---

[1]) Ивасаки—японскій докторъ, въ палату котораго я поступилъ отъ доктора Оки, оказавшаго мнѣ первую помощь.

рана была очень грязная [1]). Кругомъ раны—жестокая контузія. Весь мускулъ сильно смятъ и косо разорванъ; страшно болѣзненъ и мало-жизненъ. Размѣры (главной раны) — 130 милим. длины, а глубина—отъ 25 до 37 милиметровъ. Окн обнадеживаетъ крѣпкой натурой, говоритъ: „Very strong blood“.

Въ этотъ же день, чувствуя себя (почему-то) довольно бодро (временная вспышка энергіи), я набросалъ еще нѣсколько краткихъ, неудобо-читаемыхъ и для посторонняго человѣка совершенно непонятныхъ, но моей памяти такъ много говорящихъ замѣтокъ.

Руководствуясь ими, попытаюсь разсказать о томъ, что со мной было за предшествовавшіе дни.

Сдѣлавъ послѣднюю запись (на „Буйномъ“) и почувствовавъ себя „совсѣмъ скверно“, я (какъ? — не помню) спустился въ каютъ-компанію миноносца. Здѣсь фельдшеръ, Петръ Кудиновъ (такъ самъ онъ разсказывалъ), нашелъ меня сидящимъ у стола, и подо мной—лужу крови. По его словамъ, это было около полуночи. Странно, но, сколько помнится, тяжелая и огромная по размѣрамъ рана на правой ногѣ, причинявшая мнѣ впослѣдствіи столько... огорченій, въ то время почти не болѣла. Боль чувствовалась внѣ ея—въ колѣнѣ и въ бедрѣ, и вся нога плохо меня слушалась. Зато хорошо помню, какъ я началъ неистово ругаться, едва лишь фельдшеръ взялся за сапогъ на лѣвой ногѣ и попробовалъ его снять. Малѣйшее давленіе на раздробленный большой палецъ и на два сосѣдніе, сильно помятые, вызывало такія ощущенія, которыя можно было выразить единственно при посредствѣ богатаго боцманскаго лексикона... Немудрено!—вѣдь разсѣченный осколкомъ снаряда сапогъ былъ полонъ не только кровью, но и грязной, соленой водой, свободно проникавшей въ него черезъ пробоину, и въ этомъ разсолѣ раненый палецъ вымачивался безъ малаго девять часовъ...

Фельдшеръ Кудиновъ (дай ему Богъ здоровья и счастья на многія лѣта) сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло. Сапогъ и носокъ были разрѣзаны. Затѣмъ онъ такъ нѣжно, такъ аккуратно справилъ свое дѣло!.. Да мало того!—чтобы мнѣ не оказаться босикомъ, добылъ откуда-то туфлю, вырѣзалъ у нея часть передка такъ, что отъ него осталась только перемычка, и эту импровизированную сандалію прибинтовалъ къ ступнѣ. Какой славный малый, и какъ

---

[1]) Неудивительно — девять часовъ безъ перевязки сначала въ дыму пожара и подъ струями грязной соленой воды, а затѣмъ—лежа на не менѣе грязной палубѣ миноносца.

глубоко я былъ (и всегда буду) ему признателенъ! Вотъ относительно дальнѣйшаго устройства съ нѣкоторымъ комфортомъ оказалось труднѣе: не только всѣ койки и диваны были заняты, но даже всѣ матрасы разобраны.

— Эхъ, вы...—укоризненно ворчалъ Кудиновъ, видимо не обращая никакого вниманія на мои штабъ-офицерскіе погоны.— Туда же хорохоритесь! раньше бы надо мнѣ показаться—я бы васъ приспособилъ...

— Ну, ну... не свирѣпѣй...—отвѣчалъ я—и такъ ладно будетъ...

Конечно, ни Кудинову, ни, тѣмъ болѣе, мнѣ и въ голову не приходило вытаскивать матрасъ изъ-подъ кого-нибудь, хотя бы одного изъ легко-раненыхъ, которыми былъ переполненъ миноносецъ...

Однако онъ добылъ откуда-то чей-то дождевикъ. Правда, что, даже втрое сложенный, этотъ дождевикъ не напоминалъ собою тюфяка, но все-таки—не голая желѣзная палуба! А фланелевая рубашка Кудинова, свернутая комочкомъ и положенная подъ голову—это была почти подушка!..

22 мая я записалъ въ своемъ дневникѣ объ этой ночи: „Пришлось лечь на палубѣ (желѣзная), подостлавъ только дождевикъ... Холодно, больно, неудобно... Здорово качало... Слѣзла повязка. Фельдшеръ пришелъ, поправилъ; досталъ брезентъ, одѣяло“...

Въ данный моментъ эти послѣднія слова мнѣ самому не вполнѣ понятны: досталъ ли фельдшеръ брезентъ въ качествѣ подстилки, въ дополненіе дождевику, а одѣяло—для покрышки, или только брезентъ, который служилъ и подстилкой, и одѣяломъ? Во всякомъ случаѣ положеніе мое, въ смыслѣ комфорта, значительно улучшилось.

Ночью трясла лихорадка. Бредъ путался съ явью... Отчетливо, какъ сейчасъ, помню, будто командиръ миноносца приходилъ въ каютъ-компанію, собиралъ военный совѣтъ, спрашивалъ мнѣнія всѣхъ, начиная съ самаго младшаго... Оказалось, что ничего подобнаго не было... На судѣ (по поводу сдачи миноносца „Бѣдовый“) командиръ „Буйнаго“ заявилъ, что никакого военнаго совѣта онъ не собиралъ и никогда никакого мнѣнія отъ меня не спрашивалъ и спрашивать не могъ, такъ какъ даже не подозрѣвалъ о моемъ присутствіи въ каютъ-компаніи и видѣлъ меня только въ моментъ перегрузки съ „Суворова“ на „Буйный“, а послѣ того, занятый своимъ дѣломъ, совершенно забылъ о моемъ существованіи... Изъ офицеровъ „Буйнаго“ одинъ, мичманъ Храбро-Василевскій, показалъ, что хорошо помнитъ о моемъ

присутствіи на миноносцѣ, потому что ночью, спустившись въ каютъ-компанію, наступилъ на чьи-то ноги, торчавшія изъ-подъ стола, и, стараясь загладить свою неловкость, помогая потревоженному имъ раненому устроиться поудобнѣе, призналъ въ немъ меня...

Считаю долгомъ упомянуть объ этомъ обстоятельствѣ затѣмъ, чтобы подчеркнуть недостовѣрность „воспоминаній" тяжело-раненыхъ, которые не только бредъ мѣшаютъ съ дѣйствительностью, но еще и эту путаницу совершенно чистосердечно пополняютъ разсказами постороннихъ лицъ, слышанными позже и воспринятыми какъ факты, въ которыхъ они (раненые) якобы принимали непосредственное участіе.

Подъ утро я заснулъ... Разбудили (кто?—не помню). Говорятъ:—Пересаживаться на „Бѣдовый"!—Кто-то помогъ вылѣзти наверхъ. Невдалекѣ — „Дмитрій Донской"; совсѣмъ близко — два миноносца („Бѣдовый" и „Грозный"). Спрашиваю:—Въ чемъ дѣло?—Конечно—не до меня; отвѣчаютъ полусловами, что „Буйный" окончательно „искостился", идти не можетъ... Изрядная зыбь. У борта „Буйнаго"—гребной катеръ съ „Донского". Ведутъ къ нему, говорятъ: „Садись! не задерживай!"—и даже ругаются... Миноносецъ мотается; катеръ прыгаетъ рядомъ, и гребцы всѣ силы напрягаютъ, чтобы не разбиться о бортъ или, еще того хуже, не угодить планширемъ подъ какой-нибудь выступъ и не нырнуть вмѣстѣ со своей шлюпкой...—Какъ тутъ садиться? Скакать нужно! Да, развѣ жъ я могу... — „Еще разговариваетъ!.."—Выбравъ моментъ, приподняли, ткнули въ спину, и я... спрыгнулъ въ катеръ... неловко, торчмя, на обѣ ноги... свалился и, отъ боли, потерялъ сознаніе... Очнулся тоже отъ боли (вѣроятно еще худшей). Я лежалъ поперекъ банки; на мнѣ сидѣлъ кто-то въ матросской рубахѣ, а на правой моей ногѣ, почти на самой ранѣ, лежала какая-то здоровая палка и давила на нее... ну, затрудняюсь сказать, какъ она давила... Впослѣдствіи я узналъ, что, тотчасъ послѣ моего „переброса", на катеръ передали (тоже почти перебросили) носилки съ привязаннымъ къ нимъ адмираломъ. При этомъ одинъ изъ принимавшихъ носилки не удержался на ногахъ и сѣлъ на меня, а одна изъ ручекъ носилокъ всею тяжестью обрушилась на мою ногу и, какъ видно, крайне удачно... Всѣ эти подробности стали мнѣ извѣстны значительно позже, а тогда—я видѣлъ только спину сидящаго на мнѣ человѣка и, полный ожесточенія, схватившись одной рукой за бортъ катера, другой, сколько было силы, колотилъ его по шеѣ и по затылку, сопро-

вождая свои дѣйствія самыми убѣдительными словами, которыхъ не помню... да если бы и помнилъ, то врядъ ли ихъ можно было бы привести въ печати... [1])

Какъ меня выволокли на „Бѣдовый" — не знаю... Помню только, что лежалъ на его палубѣ, ничкомъ, почти уткнувшись головой въ гротъ-мачту, и старательно подбиралъ подъ себя лѣвую ногу, обутую въ импровизированную сандалію, страшно боясь, чтобы кто-нибудь изъ пробѣгавшихъ мимо людей не задѣлъ за этотъ „проклятый" палецъ. Правая нога вовсе меня не слушалась, но и не болѣла. Я только чувствовалъ, что она мокнетъ въ чемъ-то тепломъ, и это не было непріятно... (въ результатѣ претерпѣннаго при перегрузкѣ—повязка съѣхала и возобновилось обильное кровотеченіе).

Сколько времени я пролежалъ такъ?.. Во всякомъ случаѣ, миноносецъ уже былъ на полномъ ходу, когда на меня обратилъ вниманіе кто-то изъ офицеровъ... Я, прежде всего, попросилъ пить. Все время мучила страшная жажда. Конечно, просьба была немедленно исполнена, а потомъ меня свели (снесли) внизъ, въ каютъ-компанію (тутъ началось прямо блаженство!)—положили на диванъ, подъ голову сунули подушку (чуть ли не двѣ!), накрыли одѣяломъ...

Младшій докторъ съ „Донского", оставшійся на „Бѣдовомъ", долго еще возился съ перевязкой многочисленныхъ и тяжелыхъ ранъ адмирала. Адмиралъ хотя и былъ привязанъ къ носилкамъ, но при двойной перегрузкѣ—съ миноносца на катеръ и съ катера на миноносецъ—когда, волей-неволей, съ нимъ обращались какъ съ вещью, всѣ бинты (какъ ни искусно накладывалъ ихъ нашъ благодѣтель—Петръ Кудиновъ) съѣхали со своихъ мѣстъ.

Отдышавшись, напившись (да не простой воды, а чаю съ лимонной кислотой), я подбодрился и захотѣлъ мыться, такъ какъ, глянувъ въ зеркало, увидѣлъ какую-то негритянскую физіономію, а, проведя рукой по головѣ, могъ убѣдиться, что на ней не волоса, а какой-то войлокъ—до такой степени мы были прокопчены дымомъ пожара и, смѣю добавить, шимозы.

Правда, что бодрости моей хватило не намного. До уборной я добрался на своихъ ногахъ (хотя съ опорой на окружающіе предметы и при содѣйствіи окружающихъ), зато тамъ,

---

[1]) На судебномъ слѣдствіи по дѣлу о сдачѣ миноносца „Бѣдовый" выяснилось, что сидѣвшій на мнѣ человѣкъ былъ волонтеръ Максимовъ. Онъ же разсказалъ и всѣ подробности происшествія.

передъ умывальникомъ, управиться не смогъ... Выручилъ вѣстовой, который усадилъ меня на табуретку, принесъ тазъ и вымылъ меня „въ трехъ водахъ". Послѣ этого „трюка" я почувствовалъ себя какъ въ раю. — Къ тому же новые соплаватели наперерывъ предлагали чистое бѣлье, даже платье. Первое я принялъ съ глубокой благодарностью, но отъ второго отказался: моя тужурка, изорванная осколками японскихъ снарядовъ, и лохмотья брюкъ, залитыя кровью, казались мнѣ почетнымъ обмундированіемъ, съ которымъ я ни за что не хотѣлъ разстаться...

— Ого, а васъ и съ лѣваго бока изрядно попортило! — замѣтилъ кто-то, пока меня переодѣвали.

Дѣйствительно, невидныя подъ тужуркой, ярко выступали на бѣломъ жилетѣ красныя пятна—одно, большое, у пояса, и два поменьше, подъ лѣвой лопаткой.—По всей вѣроятности эти осколки были въ раскаленномъ состояніи (оттого и было такъ больно ихъ получать), но зато, проникнувъ неглубоко, сами дезинфецировали, прижгли раны, которыя уже успѣли покрыться струпомъ. Непріятно было только отдирать отъ нихъ присохшую рубашку.

Потомъ пришелъ докторъ (покончивъ съ адмираломъ) и началъ „манипулировать" со мной.

За шесть мѣсяцевъ въ Портъ-Артурѣ я достаточно пригляделся къ минамъ, которыя дѣлаютъ доктора при осмотрѣ раненыхъ (надо сознаться—всѣ по одному шаблону) и научился понимать истинный смыслъ ихъ всегда ободрительныхъ замѣчаній.

Въ данномъ случаѣ я понялъ, что дѣло серьезное, и мнѣ грозятъ крупныя непріятности.

— Да онъ (осколокъ) навылетъ или засѣлъ?—спрашивалъ я доктора, возившагося съ моей правой ногой.—Мнѣ кажется, что есть тамъ (въ ранѣ) что-то твердое...

— Отвердѣніе?—недовольнымъ тономъ переспросилъ докторъ, но тотчасъ же поправился:—твердое? Ну, если и сидитъ—„удалятъ". Вѣдь завтра же будемъ во Владивостокѣ, въ госпиталѣ... Тамъ васъ раздѣлаютъ по всѣмъ правиламъ науки, а пока, здѣсь, будемъ стараться объ одномъ: держать въ чистотѣ... И, кой чортъ, вы не перевязались немедленно?.. Не было бы тамъ всей этой дряни!.. — закончилъ онъ почти сердито. — По крайней мѣрѣ, хоть сейчасъ-то не геройствуйте, а ужъ разъ свалились съ ногъ, такъ лежите смирно.

Что дѣлалось въ это время на миноносцѣ? Какія рѣшенія принимались?—Этимъ я вовсе не интересовался. Докторъ сказалъ, что завтра мнѣ придется лечь на операціонный столъ во владивостокскомъ госпиталѣ. Этимъ все исчерпывалось. Я считалъ (и, смѣю думать, по праву), что мое дѣло сдѣлано, что, имѣя одну рану тяжелую, одну серьезную, три легкихъ, много мелкихъ пораненій и двѣ контузіи, я, попавъ на корабль, только наблюдавшій за боемъ, не сдѣлавшій ни одного выстрѣла ни изъ пушки, ни изъ миннаго аппарата, не имѣвшій не только никакихъ повреждeній, но даже и въ средѣ экипажа ни одного хотя бы оцарапаннаго человѣка, я, такой избитый и растрепанный — просто грузъ, подлежащій доставкѣ по назначенію. Мнѣ и въ голову не приходило разспрашивать окружающихъ:— Что и какъ?—Это значило бы мѣшать имъ. Да если бы я и сунулся съ какими-нибудь совѣтами, то... можетъ быть, меня не послали бы „къ чорту“ громко, во вниманіе къ моему положенію, но во всякомъ случаѣ отнеслись бы къ подобнымъ совѣтамъ только снисходительно... „Пусть, — молъ,—болтаетъ, лежа на диванѣ.—Не надо его волновать“.

Въ двѣнадцатомъ часу дня подали завтракъ, состряпанный изъ консервовъ.

Ѣсть я ничего не могъ. Съ трудомъ проглотилъ чашку бульона съ размоченными въ немъ кусками бѣлаго сухаря. Зато съ наслажденіемъ выпилъ два стакана горячаго чая съ коньякомъ и съ лимонной кислотой (По рецепту доктора.—Можетъ быть, онъ и еще чего-нибудь туда прибавилъ?). Сразу стало тепло, хорошо, и я крѣпко заснулъ на своемъ диванѣ, не смотря на шумъ и говоръ, стоявшіе въ каютъ-компаніи.

Проснулся по голосу флагъ-капитана, который меня окликалъ. Отчетливо помню (а можетъ-быть и бредъ), какъ онъ стоялъ, оправляя повязку на головѣ (имѣлъ три небольшихъ осколка въ затылкѣ) и говорилъ:

— На Sud и къ Ost'у—два дымка...

(Это записано 22 мая.)

— Ну, что жъ... полный ходъ,—отвѣтилъ я.

(По старой штурманской привычкѣ—записать „моментъ“— взглянулъ на часы—3 ч. 15 м.; записалъ „моментъ“.)

— Ну, конечно... и я такъ думалъ...—промолвилъ флагъ-капитанъ, уходя „наверхъ“.

Я опять заснулъ...

Дальше мои воспоминанія окончательно путаются. Многое изъ того, что и до сихъ поръ такъ отчетливо представляется,

какъ пережитое мною лично, было опровергнуто свидѣтелями, дававшими свои показанія подъ присягою.

Такъ, напримѣръ, 22 мая въ своемъ дневникѣ я записалъ: „Задремалъ опять. Проснулся. Смотрю—4 ч. 15 м. Ходъ, какъ будто, неособенный [1]). Кругомъ никого. Забезпокоился—выползъ наверхъ. Сидитъ Ильютовичъ [2]). Спрашиваю ходъ.—Отвѣчаетъ: — 15. — Какъ такъ? Сколько котловъ? — Отвѣчаетъ:—2!—Развѣ не разводили во всѣхъ?—Нѣтъ!“

На дѣлѣ оказывается, что я не самъ проснулся, а меня разбудилъ волонтеръ Максимовъ, и не я разговаривалъ съ Ильютовичемъ, а Максимовъ передалъ мнѣ свой разговоръ съ нимъ, добавивъ, что „дымки“ насъ замѣтно нагоняютъ. Вотъ почему я забезпокоился и „полѣзъ“ наверхъ. Какъ ни плохо работали мои мозги, но я не могъ не понять, что разъ за нами гонятся, то, на случай встрѣчи и боя, необходимо имѣть возможность дать полный ходъ. Вѣдь миноносецъ съ парами въ половинномъ числѣ котловъ—игрушка въ рукахъ непріятеля. Что̀ захочетъ, то̀ съ нимъ и сдѣлаетъ... Вѣдь это—азбука...

Гдѣ, подтягиваясь руками, гдѣ ползя на четверинкахъ, я добрался до мостика, но влѣзть на него, по вертикальному трапу, конечно, не могъ и, уцѣпившись за нижнюю ступеньку, принялся кричать: „Пары!.. Пары во всѣхъ котлахъ!.. Пары! Пары!.. Чего ждете?.. Пары!..“

На ближайшемъ ко мнѣ крылѣ мостика я видѣлъ командира миноносца, флагъ-капитана и флагманскаго штурмана. Это не былъ бредъ—эпизодъ засвидѣтельствованъ матросомъ—сигнальщикомъ Сибиревымъ.

Они о чемъ-то совѣщались между собою...

Потомъ командиръ перегнулся черезъ поручень мостика, ко мнѣ, и крикнулъ:—„Да! Да! Сейчасъ! Сейчасъ!“—и громко скомандовалъ:—„Разводить пары во всѣхъ котлахъ!“

— Есть!—отозвался ему боцманъ и повторилъ команду.

Мнѣ было такъ трудно... Миноносецъ изрядно покачивало; ноги были какъ чужія; руки слабѣли; голова кружилась... казалось, вотъ-вотъ, по горбатой, мокрой, желѣзной палубѣ скатишься за бортъ...

Да развѣ-жъ я не сдѣлалъ всего, что̀ могъ? Вѣдь я своими

---

[1]) Опытный человѣкъ, находясь въ каютъ-компаніи миноносца, всегда, по сотрясенію кормы, легко скажетъ, идетъ ли миноносецъ малымъ, среднимъ или полнымъ ходомъ.

[2]) Старшій механикъ миноносца „Бѣдовый“.

ушами слышалъ приказаніе: — „Разводить пары во всѣхъ котлахъ!“—Ну... а дальше... пусть исполняютъ свой долгъ...

Я поползъ обратно...

Въ полъ-пути (это былъ тяжелый путь, хотя всего саженъ двадцать) какой-то матросъ пришелъ ко мнѣ на помощь. Кто именно—сейчасъ не вспомню...

Добравшись до дивана въ каютъ-компаніи, я повалился на него, почти безъ чувствъ... Этотъ походъ къ мостику и обратно окончательно вывелъ меня изъ строя...

Какъ выяснилось впослѣдствіи, я былъ не одинъ въ каютъ-компаніи. На одной изъ коекъ, прикрытыхъ занавѣсками, лежалъ лейтенантъ Крыжановскій. Отравившись ядовитыми газами „шимозы“ (хотя вовсе нераненный), онъ, всю ночь промучившись приступами удушья и тошноты, теперь крѣпко спалъ.

Я, конечно, и не подозрѣвалъ объ его присутствіи, но теперь позволю себѣ воспользоваться его показаніемъ, даннымъ на судѣ.

Онъ показалъ, что былъ разбуженъ докторомъ, который сообщилъ ему тревожныя вѣсти:—Насъ нагоняютъ, какъ стоячихъ. Очевидно — японцы. У насъ ничего: пары — въ двухъ котлахъ; пушки—закрыты чехлами; мины—неготовы...

Крыжановскій заторопился „наверхъ“, замѣтилъ меня, спросилъ, не пойду ли и я, но я отвѣтилъ: „Не могу“...

Ничего этого я не помню...

Помню только, какъ, лежа на диванѣ (сколько прошло времени? когда это было?) прислушивался къ звукамъ выстрѣловъ, къ свисту снарядовъ... и соображалъ, что это стрѣляютъ „они“, а мы не отвѣчаемъ... Потомъ — у насъ застопорили машины. Пальба прекратилась... Въ чемъ дѣло?.. Вспоминались какія-то отрывочныя слова о флагѣ Краснаго Креста, о парламентерскомъ флагѣ...

И вдругъ мысль, ясная, отчетливая, во всей своей наготѣ—мелькнула въ мозгу: „Да вѣдь они сдаются“?!.

Какъ въ „Расплатѣ“, какъ въ „Боѣ при Цусимѣ“, такъ и сейчасъ буду безпощадно откровененъ не только по отношенію къ товарищамъ по несчастью, но и по отношенію къ самому себѣ...

Въ этотъ роковой моментъ я не думалъ ни о чести андреевскаго флага, ни о славѣ Россіи и ея флота,—я думалъ только о себѣ...

„Сдаются!.. А я-то? Вѣдь я съ „Діаны“! Хорошо, если разстрѣляютъ, а то... и повѣсить могутъ!.. Нѣтъ! — лучше самъ...“ Я сорвался съ дивана, схватилъ мой (мой собственный)

браунингъ, висѣвшій на крючкѣ для фуражекъ, отчаяннымъ усиліемъ взвелъ пружину... Осѣчка... Протянулъ опять. Проклятый патронъ выскочилъ, но какъ разъ въ этотъ моментъ въ каютъ-компанію спустился докторъ и сердито взялъ меня за руку... Сопротивляться я не могъ...

„Не судьба...— мелькнуло въ головѣ.— Будь, что будетъ..."

Въ Сасебо насъ прибуксировали только 17 мая, послѣ полудня, пожалуй даже къ вечеру. Что я дѣлалъ за эти двое сутокъ?— Ничего не записано... На память могу сказать, что меня то трясло въ ознобѣ, и я не зналъ, какъ бы мнѣ согрѣться и чѣмъ бы укрыться,— то, въ лихорадочномъ жару, я садился на своемъ диванѣ, вступалъ въ споры съ окружающими, говорилъ дерзости, почти оскорбленія... Нападалъ на командира миноносца и заявлялъ полную свою готовность дать удовлетвореніе поединкомъ, какъ только мы ступимъ па русскую территорію...

II.

Прибытіе въ госпиталь.— Первыя впечатлѣнія.— Послѣ операціи.— Тетрадка и карандашъ.— „Первый разъ вытянулъ ногу"...— Живая вода.— Повѣсятъ или разстрѣляютъ?

Меня несли на носилкахъ, а такъ какъ шелъ дождь, то съ головой покрыли одѣяломъ.

Въ госпиталѣ, первоначально, какъ „тяжелого" помѣстили въ отдѣльную комнату.

Кругомъ царило необычайное оживленіе, но вовсе не дѣловое, не озабоченное, вовсе не потому, что поминутно прибывали новые транспорты раненыхъ... вовсе нѣтъ!.. Я чувствовалъ, я мучительно чувствовалъ, что это оживленіе полно радости, полно ликованія. И когда ко мнѣ подходили доктора, сестры милосердія, фельдшера, санитары съ предложеніемъ услугъ, старались напоить, накормить, подбодрить, я не могъ не видѣть, что только усиліемъ воли они сдерживаютъ на своемъ лицѣ счастливую улыбку...

Да... этотъ день былъ днемъ великаго праздника для всей Японіи!— Всѣ, всѣ они были такъ счастливы, что это счастье рвалось наружу, выражалось въ каждомъ ничтожномъ словѣ, въ

каждомъ движеніи, взглядѣ... И они были счастливы... нашимъ разгромомъ!..

Если бы кто-нибудь изъ нихъ позволилъ себѣ, хоть чѣмъ-нибудь, открыто выразить свою радость — кажется, я былъ бы способенъ вцѣпиться ему въ горло, грызть зубами. Но всѣ они были такъ ласковы, такъ участливы... И какъ это было тяжело!..

Меня хотѣли на носилкахъ нести въ операціонную, но я почему-то счелъ это оскорбительнымъ и заявилъ, что пойду самъ. — Нелѣпый, смѣшной протестъ (скажутъ даже — глупая выходка), но я не хотѣлъ... (понимаете? не хотѣлъ!) быть жалкимъ, возбуждать состраданіе въ людяхъ, которыхъ я ненавидѣлъ, которымъ клялся въ душѣ страшной местью за „Нее", — за Россію...

Необычайное возбужденіе овладѣло мною (температура была 40°). Боли я почти не чувствовалъ, а если и чувствовалъ, то только злился, что больно.

Конечно, этого нервнаго подъема хватило ненадолго. Уже въ полъ-пути „туда" меня подхватили подъ-руки, а „оттуда" — привесли.

Оказывалось даже серьезнѣе, чѣмъ я думалъ.

Изъ разговора доктора Оки съ его ассистентомъ (въ „Расплатѣ" я уже говорилъ, какъ „на пари" выучился японскому языку и китайской грамотѣ) я понялъ, что воспаленіе лимфатическихъ железъ отъ загрязненія раны распространилось весьма значительно за предѣлы ея (вотъ почему боль чувствовалась въ бедрѣ и въ колѣнѣ), а въ самой ранѣ многіе клочья уже омертвѣли и начали... портиться. Слово „гангрена", которое японцы произносятъ: „гангуренъ", было въ особенности убѣдительно. Обмѣнъ мнѣній сводился къ дилеммѣ: съ одной стороны, по правиламъ науки, слѣдовало бы немедленно ампутировать ногу въ бедрѣ, но съ другой — подобное рѣшеніе являлось бы смертнымъ приговоромъ, такъ какъ въ томъ состояніи, въ которомъ я находился, сердце не выдержало бы ни хлороформированія, ни, тѣмъ болѣе, операціи безъ хлороформа; если же ждать, пока хоть нѣсколько возстановятся силы — зараженіе крови можетъ продвинуться выше бедра, а тогда всякая операція безполезна...

— Ну, такъ и не тормошите меня понапрасну! — прервалъ я ихъ разсужденія. — Оставьте меня въ покоѣ! Да вы и права не имѣете дѣлать операцію безъ моего согласія!

Докторъ Оки сердито проворчалъ, что и я тоже не имѣю

права скрывать своего знанія японскаго языка, а затѣмъ они заговорили въ полголоса и такой скороговоркой, что я уже ничего понять не могъ.

Раны только промыли, дезинфецировали. Видимо, рѣшили обождать до завтра.

На прощанье докторъ сказалъ ободрительнымъ тономъ:

— Perhaps, all right! Very strong blood!

Почему онъ перешелъ на англійскій языкъ, въ которомъ вовсе не былъ особенно твердъ? Я думаю—съ цѣлью избѣжать дальнѣйшихъ разспросовъ.

Уложивъ на койку, мнѣ дали выпить небольшую чашку чего-то краснаго, слегка вяжущаго и горьковатаго. Фельдшеръ пояснилъ, что это „будоо-сю“ (виноградное вино), но, вѣроятно, туда было что-нибудь подмѣшано, потому что я заснулъ какъ убитый.

Утромъ, 18 мая, Оки, снявъ перевязку и ощупавъ железы въ бедрѣ и подъ колѣнкой, разразился привѣтственными восклицаніями, затѣмъ сказалъ по-русски (вѣрно научился съ другими ранеными): — „Потерипите немуного!“ — и принялся за работу. Въ главной ранѣ (на правой ногѣ) много вырѣзалъ чего-то, что нашелъ лишнимъ; большой палецъ на лѣвой ногѣ прямо распотрошилъ, но не отнялъ крайней фаланги, какъ я думалъ, а только подпилилъ и подстригъ раздробленную кость, заявивъ ободрительно, что „ничего, если будетъ покороче, а все-таки будетъ, и даже ноготь выростетъ, хоть и некрасивый“. Вытащить порядочный осколокъ, засѣвшій въ поясницѣ, было пустымъ дѣломъ, а два небольшихъ, подъ лѣвой лопаткой, ранки которыхъ уже покрылись струпомъ, онъ оставилъ безъ вниманія.—„Это всегда успѣется. Начнутъ безпокоить—удалимъ“.

Хлороформировать и теперь не рѣшились. Вся операція прошла подъ кокаиномъ, который впрыскивался въ оперируемыя мѣста, по мѣрѣ надобности. Въ большую (длинную) рану на правой ногѣ было сдѣлано три впрыскиванья, если не четыре... Какое волшебное средство! Единственная боль, какую я чувствовалъ, были уколы шприца, а затѣмъ — только щекотно. Если иногда я бранился, то лишь потому, что со мной обращались какъ съ вещью.

Тѣмъ не менѣе, по окончаніи операціи, я въ значительной степени напоминалъ собой рыбу, выброшенную на песокъ, а по поводу кокаина вдругъ вспомнилъ знаменитое изреченіе: „Карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ“ — и, пока меня перевязывали, началъ смѣяться, чѣмъ дальше, тѣмъ безудержнѣе...

— What it is? What it is? — укоризненно заговорилъ док-

торъ.—Сай-йо на дзики-моно! Ах-ха! Варуку десъ! [1])—и вдругъ совсѣмъ неожиданно закончилъ:—Капитанъ! глотокъ виски?

— Терпѣть не могу...—отвѣтилъ я.—Коньяку бы, если найдется...

— Нобемасъ! Дзики-моно!—весело крикнулъ Оки.—Хаяку! хаяку! [2])—добавилъ онъ, обращаясь къ окружающимъ.

Мнѣ тотчасъ подали и почти влили въ ротъ большую рюмку напитка, который я призналъ за коньякъ...

Сразу стало теплѣе и легче. Вѣрнѣе, уменьшилась эта напряженность, это странное ощущеніе, которое я не могу характеризовать иначе, какъ словомъ „щекотно"...

— Харасо̀, харасо̀! Тепери усуните! —повторяла, сопровождавшая носилки, сестра милосердія въ смѣшномъ бѣломъ колпакѣ съ нашитымъ на немъ краснымъ крестомъ.

И мнѣ такъ хотѣлось поцѣловать эту маленькую лапку, такъ заботливо, какой-то тряпочкой, отиравшую холодный потъ съ моего лица... Куда дѣлась та ненависть, которой я былъ полонъ еще вчера вечеромъ? Мнѣ было рѣшительно все равно, къ какой національности принадлежитъ эта незнакомая женщина, хлопотавшая около меня, а что она меня жалѣетъ — не казалось обиднымъ...

— „Живая душа живой душѣ слово молвила" — вспомнилось вдругъ гдѣ-то и когда-то прочитанное изреченіе...

И я вовсе не сердился, когда санитары, перекладывая меня съ носилокъ на койку, говорили тономъ за панибрата:—„Кимо но фтой! Ясь! Ясь!" [3])

Слѣдующая перевязка состоялась уже при участіи главнаго доктора госпиталя Тадзуки и его помощника, фамилія котораго, къ сожалѣнію, у меня не записана, но о которомъ не могу не сказать пары словъ. Среди раненыхъ онъ получилъ прозвище „живоглота" за свою манеру—чуть что̀—раскромсать живого человѣка въ куски, а потомъ сшить и наладить все лучше прежняго. Надо отдать ему полную справедливость — это былъ хирургъ, получившій свой даръ отъ Бога, при рожденіи. Выучиться этому — нельзя. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что не только Тадзуки, а даже Оки или Ивасаки были ученѣе его, такъ какъ образованіе свое они заканчивали въ европейскихъ клиникахъ, онъ же никогда не выѣзжалъ изъ Японіи; но въ

---

[1]) Такой молодецъ. Ай-ай. Совсѣмъ нехорошо.

[2]) Туда же разбираетъ. Молодецъ.—Скорѣе, скорѣе.

[3]) Здоровый парень! Ладно! Ладно!

тѣхъ случаяхъ, когда приходилось дѣйствовать по чутью, по вдохновенію, когда (если можно такъ выразиться) надо было протянуть свои нервы до самаго конца зонда, шарящаго въ глубинѣ раны... это было дано ему свыше, онъ умѣлъ это сдѣлать!.. И не разъ смѣлымъ взмахомъ ножа (безъ всякаго наркоза) въ нѣсколько секундъ разрѣшалъ загадку, передъ которой въ тупикъ становились его ученые коллеги.

„Живоглотъ", первымъ дѣломъ освидѣтельствовавъ меня рентгеновскими лучами, категорически заявилъ, что кость только задѣта и никакихъ „отслоеній" нѣтъ. Затѣмъ внимательно изслѣдовалъ рану, о чемъ-то задумался... и вдругъ... нѣсколькими рѣзкими движеніями руки, въ которой мелькали то ножъ, то ножницы, „удалилъ" все найденное имъ „лишнимъ", съ такой быстротой, что я едва успѣлъ ахнуть и крѣпко выругаться...

— Камау на! Симаимасьта! Ичи-банъ десъ! [1]) — говорилъ онъ, смѣясь и дружелюбно хлопая меня по плечу въ то время, какъ ассистенты бинтовали ногу...

— Нанимо най!.. [2])—отвѣчалъ я, стараясь попасть въ тонъ, но невольно заглядывая въ тазъ, куда бросали все „лишнее".

Хорошо помню, какъ, очутившись вновь на своей койкѣ, я говорилъ... говорилъ безъ умолку съ волонтеромъ Максимовымъ, который (спасибо ему) всячески старался меня угомонить, терпѣливо слушая мою несвязную болтовню объ осадѣ Портъ-Артура, о моихъ прежнихъ плаваніяхъ, о дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ дѣйствій и т. д.—до мечтаній о реваншѣ включительно... Мнѣ это помогало отвлекать свое вниманіе отъ непрерывной, то зудящей, то ноющей, то дергающей боли въ „распатроненной" правой ногѣ... О прочихъ ранахъ и контузіяхъ я и не думалъ—онѣ казались царапинами.

Опять дали выпить чего-то, что называли „краснымъ виномъ"—и я заснулъ.

Подъ вліяніемъ этого напитка, который я получалъ послѣ утренней и вечерней перевязки, а также на ночь, всѣ ближайшіе дни прошли какъ въ полуснѣ.

21-го мая меня изъ отдѣльной комнаты, куда помѣстили первоначально, перенесли въ общую палату, въ которой были собраны всѣ доставленные въ Сасебо раненые русскіе офицеры и кондукторы флота. Всего 22 человѣка.

Общее завѣдываніе нами было возложено на доктора Ива-

---

[1]) Ничего. Покончилъ. Великолѣпно.

[2]) Конечно, пустяки...

саки, заслужившаго не только глубокую признательность, но, прямо могу сказать, горячую любовь своихъ случайныхъ паціентовъ.

Вотъ человѣкъ, который смѣло могъ бы и на Страшный Судъ Божій явиться съ повязкой Краснаго Креста, въ твердомъ сознаніи, что ни огненный мечъ архангела, ни „врата адовы“ не помѣшаютъ ему помочь страждущимъ...

22-го мая мнѣ стало нѣсколько легче (температура понизилась). Черезъ посредство фельдшера, добылъ тетрадку и карандашъ (изъ госпитальной лавочки) и отрывочными фразами занесъ въ нее все то, что выше изложено.

Оказалось, однако же, что я слишкомъ понадѣялся на свои силы. Положеніе ухудшилось. Ивасаки разсердился, бранилъ фельдшера и отобралъ отъ меня мой дневникъ.

Должно быть, что за послѣдующіе дни дѣло было совсѣмъ скверно, такъ какъ о нихъ я не только ничего не записалъ, но даже и вспомнить ничего не могу, а 28-го мая, когда Ивасаки (вѣроятно, по усиленнымъ просьбамъ) далъ мнѣ на минутку мою тетрадку, я занесъ въ нее лишь одну фразу: „Первый разъ вытянулъ ногу“.

Фраза эта требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

Дѣло въ томъ, что, кромѣ изряднаго количества (грубо выражаясь) говядки, вырванной изъ моей правой ноги осколкомъ непріятельскаго снаряда, докторъ Оки, „Живоглотъ“, а затѣмъ и милѣйшій Ивасаки — „удалили“ изъ нея столько „лишняго“, что приходилось заново обростать мясомъ. При этомъ они же меня бранили и утверждали, что я самъ виноватъ—„зачѣмъ не пошелъ на перевязку немедленно“... Такъ или иначе, но единственное положеніе, въ которомъ я чувствовалъ себя сносно, это—лежа на спинѣ и круто согнувъ правую ногу (подъ колѣно была приспособлена особая подставка). Всякое движеніе вызывало мучительныя, дергающія боли въ глубинѣ раны.

Понятно, почему съ такой радостью я отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ это событіе—„Первый разъ вытянулъ ногу“—и не записалъ ничего больше, хотя именно въ этотъ день мы (раненые, лежавшіе въ госпиталѣ Сасебо) получили такое лекарство, которое по своимъ цѣлебнымъ свойствамъ было неизмѣримо выше всякихъ микстуръ и даже хирургической помощи. Прямо—живая вода...

Повторяю—ничего у меня объ этомъ не записано, а потому приходится говорить на память и основываясь отчасти на документахъ, полученныхъ позже, отчасти на разсказахъ товарищей.

Упорно придерживаясь мнѣнія, что цѣнность историческаго матеріала имѣютъ лишь „записки“, веденныя въ самый моментъ совершавшагося событія, но отнюдь не „воспоминанія“ (особенно воспоминанія раненыхъ)—буду кратокъ.

Помню, какъ прибѣжалъ ко мнѣ, съ японской газетой въ рукахъ, старый (видимо призванный изъ запаса) санитаръ, фамилія котораго, къ сожалѣнію, у меня не записана — и читалъ мнѣ статью, написанную такимъ высокимъ стилемъ, что и самъ онъ многаго въ ней не понималъ, но смыслъ которой былъ ясенъ — „Русскій Микадо благодарилъ своихъ воиновъ за пролитую ими кровь“.

— Скорѣе скажите объ этомъ вашимъ товарищамъ! Какая для васъ всѣхъ радость!—твердилъ онъ.

Право, не знаю, правильно ли я перевелъ тогда на русскій языкъ текстъ Высочайшей телеграммы, адресованной адмиралу Рожественскому, но, во всякомъ случаѣ, даже и въ моемъ переводѣ она вызвала такой энтузіазмъ, что всѣ способные двигаться собрались около моей постели, а тѣ, что лежали и не могли подняться, сердились и требовали, чтобы „легкіе“ записали и принесли имъ для прочтенія эту благую вѣсть.

Какъ ни какъ, а всякаго мучила неотвязная мысль: „Пусть раненъ, пусть безпомощенъ, но все же въ плѣну... Оцѣнятъ ли? поймутъ ли, что не по своей винѣ? что судьба бросила въ плѣнъ...“ И вдругъ—такая телеграмма!..

Привожу точный текстъ привѣтствія, съ быстротою молніи разнесшагося по всѣмъ палатамъ госпиталя, давшаго отраду даже тѣмъ, чьи часы были уже сочтены, у которыхъ силъ не хватало крикнуть „ура!“, которымъ оставалось только умереть въ сознаніи, что ихъ подвигъ помнятъ и цѣнятъ... И они умирали счастливыми...

Вотъ что было напечатано въ японскихъ газетахъ:

„Сегодня адмиралъ Рожественскій, въ отвѣтъ на свою телеграмму о бѣдствіи, постигшемъ его эскадру, получилъ отъ Императора такой отвѣтъ:—Отъ души благодарю васъ и всѣхъ тѣхъ чиновъ эскадры, которые честно исполнили свой долгъ въ бою, за самоотверженную ихъ службу Россіи и Мнѣ. Волею Всевышняго не суждено было увѣнчать вашъ подвигъ успѣхомъ, но беззавѣтнымъ мужествомъ вашимъ отечество всегда будетъ гор-

диться. Желаю вамъ скораго выздоровленія, и да утѣшитъ васъ всѣхъ Господь".

Дальше слѣдовали комментаріи на тему, что герой, поверженный въ неравной борьбѣ—все же герой, что безуміе храбрыхъ всегда вызываетъ большее поклоненіе, нежели мудрость благоразумныхъ, что есть несчастія, которыя возвеличиваютъ, что, видимо, и въ Россіи, какъ въ Японіи, одинаково цѣнятъ кровь, пролитую за родину, и т. д.

Да.—Это былъ радостный день...

Потомъ опять перерывъ, опять нѣсколько дней, не отмѣченныхъ записями въ книжкѣ. Твердо помню одно, что носили на перевязку по два раза въ день—утромъ и вечеромъ, все что-то стригли, подчищали... Но хуже всѣхъ этихъ экскурсій на операціонный столъ мучила мысль о будущемъ...

Достаточно знакомый съ нравами и обычаями японцевъ, я былъ увѣренъ, что они притянутъ меня къ отвѣту и не удовлетворятся (чисто-формальной) отговоркой, будто я уѣхалъ съ „Діаны" наканунѣ ея оффиціальнаго разоруженія и не числился въ спискѣ „интернированныхъ" офицеровъ. Черезъ своихъ агентовъ они, конечно, знали, что приказъ о разоруженіи былъ полученъ 22 августа (эта телеграмма, какъ я уже говорилъ въ „Расплатѣ", была даже нешифрованная), знали, что даже оффиціально разоруженіе состоялось 27 августа, а мой отъѣздъ изъ Сайгона—только 2 сентября, такъ какъ раньше этого срока ни одного парохода, отходящаго въ Европу, не было.

Фактически, я былъ офицеромъ съ корабля, разоружившагося въ нейтральномъ порту, вновь принявшимъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ...

Тутъ судъ коротокъ, а приговоръ ясенъ...

Ужъ если англичане не задумались разстрѣлять Шефферса, захваченнаго въ плѣнъ тяжело больнымъ, котораго къ мѣсту казни принесли на носилкахъ,—то постѣснятся ли японцы?...

Эта мысль меня мучила... И, собственно, не мысль о смерти, а о... способѣ. „Повѣсятъ! — Какая гадость!.." Но мелькнула надежда — вспомнился эпизодъ изъ войны на сушѣ. Были захвачены нашими два японскихъ шпіона, уличены и приговорены къ повѣшенію; они обратились къ Куропаткину съ просьбой замѣнить повѣшеніе растрѣляніемъ, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что они офицеры и пошли на такое дѣло, т.-е. нарушили

обычай войны, не корысти ради, а изъ любви къ родинѣ.— Просьба была уважена,—ихъ разстрѣляли...

Но не будетъ ли унизительной подобная просьба съ моей стороны? — Вѣдь придется просить о милости!—И у кого?—У микадо!..—Возможно ли? не лучше ли „претерпѣть до конца"?...

Я даже подѣлился моими соображеніями съ нѣкоторыми изъ товарищей, но они меня подбодрили:—Конечно, можно! — и я рѣшилъ, въ случаѣ чего, просить... И ужъ если просить, такъ, заодно, чтобы... не въ какомъ-нибудь арестантскомъ халатѣ, а въ моей тужуркѣ, изорванной осколками непріятельскихъ снарядовъ, пережившей столько боевъ,—и не завязывая глазъ, какъ Шефферса...

Опасенія мои вовсе не были плодомъ разстроеннаго воображенія, лихорадочнаго бреда. Имѣлись факты, подтверждавшіе всю неумолимость японцевъ въ подобныхъ случаяхъ: называли офицера, который, „разоружившись" (или будучи „интернированъ") въ Чифу, пытался на частномъ пароходѣ пробраться во Владивостокъ, но былъ захваченъ и, не смотря на то, что даже намѣреніе его вновь принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ ничѣмъ не было доказано (онъ говорилъ, что просто стремился на родину), все же былъ приговоренъ къ восьми годамъ каторги.

Мнѣ сообщили также, что всѣхъ раненыхъ офицеровъ подробно спрашиваютъ: кто съ какого корабля? гдѣ былъ раньше? и т. п.

Ко мнѣ не приходили, и вотъ тутъ являлся вопросъ:—почему?—Потому ли, что до времени не хотятъ тревожить, какъ „тяжелаго", или же потому, что со мной... дѣло заранѣе рѣшенное?

III.

Допросъ.—Небрежность или великодушіе?—Начало настоящаго дневника.—Отношеніе японцевъ къ военно-плѣннымъ.

7-го іюня записано:—„Рѣзкое улучшеніе.—Раны энергично выполняются.—Отдѣленія только кровяныя."

8-го іюня:—„Опасность зараженія крови миновала."

Дальше слѣдуетъ эпизодъ, который я не рѣшился тогда же занести въ дневникъ изъ опасенія, какъ бы не прочли японцы, но твердо врѣзавшійся въ память:

Наконецъ-то и мнѣ былъ учиненъ допросъ, которому уже давно подверглись всѣ прочіе мои сотоварищи.

Чинилъ допросъ спеціально командированный офицеръ главнаго штаба, бывшій передъ войной помощникомъ японскаго морского агента въ Петербургѣ, много разъ пріѣзжавшій въ Кронштадтъ „посмотрѣть на то, что̀ осматривать разрѣшается“.—Недурно говорилъ по-русски.—Я въ то время былъ адъютантомъ главнаго командира (С. О. Макарова), а потому, въ предѣлахъ существующихъ правилъ, оказывалъ ему всякое содѣйствіе и гостепріимство. Раза два-три, вмѣсто обычнаго „кормленія“ въ морскомъ собраніи, онъ завтракалъ у меня и (такъ мнѣ кажется) не забылъ хлѣба-соли...

Надо ли пояснять, что мы сразу же узнали другъ друга и обмѣнялись привѣтствіями (по крайней мѣрѣ, по внѣшности) какъ старые пріятели.

Затѣмъ имѣлъ мѣсто слѣдующій діалогъ:

— Такъ, значитъ, передъ самой войной вы оставили ваше высокопочтенное мѣсто и отправились на эскадру?

— Да. Я былъ назначенъ старшимъ офицеромъ на „Бояринъ“...

— Но это извѣстно, что „Бояринъ“ уже погибъ, когда вы пріѣхали, а потому вы недолгое время командовали миноносцемъ „Рѣшительный“...

(„Чортъ возьми, какъ они хорошо обо всемъ освѣдомлены!“— подумалъ я.)

— Совершенно вѣрно.

— Потомъ васъ назначили старшимъ офицеромъ на „Ангару“... О! я хорошо понимаю, какъ вы сердились!.. Конечно, такъ?

— Разумѣется!—отвѣтилъ я, чувствуя приближеніе критическаго момента.

— И вотъ... извините, но это такъ странно, что съ „Ангары“ вы попали на „Суворовъ“!.. При капитуляціи Портъ-Артура васъ не было ни въ спискахъ плѣнныхъ, ни въ спискахъ больныхъ и раненыхъ, эвакуированныхъ въ Россію на „честное слово“... Гдѣ же вы были? какъ попали на вторую эскадру?

(„Глумится, что-ли?—мелькало у меня въ головѣ.—Не знаетъ, развѣ, что я на „Ангарѣ“ пробылъ всего три недѣли?“)

Однако же я взялъ себя въ руки и отвѣтилъ спокойно, почти небрежно:

— Согласитесь, что если бы вы были на моемъ мѣстѣ, вы на такіе вопросы промолчали бы?—Мало ли что̀ дѣлается во время войны?.. А вѣдь война еще не кончилась.—Нельзя же раскрывать хотя бы самые незначительные ея секреты...

— Да нѣтъ! да нѣтъ! — торопливо заговорилъ японецъ.—

Я васъ по-пріятельски, изъ простого любопытства, спросилъ: какъ это вы съ „Ангары“ попали на „Суворовъ“? *Намъ это непонятно!*

Послѣднюю фразу онъ рѣзко подчеркнулъ и тотчасъ же началъ прощаться, желая скорѣйшаго выздоровленія и приговаривая: — „Все это хорошо. Знаете, все это будетъ хорошо...“

Теперь мнѣ думается (можетъ быть, я ошибаюсь), что японецъ, вспомнивъ старую „хлѣбъ-соль“, слегка... покривилъ душою, отнесясь къ дѣлу чисто формально, ограничившись *моимъ* отвѣтомъ, не разспросилъ обо мнѣ не только раненыхъ нижнихъ чиновъ, которые, по наивности, навѣрно стали бы хвастать похожденіями „артурца“, но и ни съ кѣмъ изъ офицеровъ, изъ числа которыхъ многіе могли бы случайно проболтаться, не заводилъ разговора обо мнѣ.

Теперь я знаю, чѣмъ обязанъ этому слѣдователю, и почему онъ могъ, не рискуя отвѣтственностью, отнестись ко мнѣ подобнымъ образомъ, но тогда я недоумѣвалъ и волновался.

„Тогда“ я и не подозрѣвалъ о существованіи чисто канцелярской ошибки нашего главнаго штаба, благодаря которой старый знакомый могъ, не нарушая даннаго ему предписанія, формально исполнивъ возложенное на него порученіе, избавить отъ японскаго военнаго суда человѣка, безпомощно распластаннаго на госпитальной койкѣ.

Дѣло въ томъ, что (по какой-то случайности) мое назначеніе старшимъ офицеромъ на „Діану“ не было опубликовано въ Высочайшихъ приказахъ по морскому вѣдомству, почему и въ спискахъ адмираловъ и штабъ-офицеровъ (оффиціальное изданіе главнаго морского штаба), исправленныхъ по 1-ое іюля 1904 года, я все еще значился старшимъ офицеромъ транспорта „Ангара“, а въ тѣхъ же спискахъ, исправленныхъ по 1-ое января 1905 года, числился уже состоящимъ „при штабѣ командующаго 2-й эскадрой флота Тихаго океана“.

Надо замѣтить, что японцы, у которыхъ дѣло развѣдки поставлено идеально, тщательно слѣдили за движеніемъ личнаго состава нашей арміи и флота на основаніи оффиціальныхъ документовъ, конечно не допуская и мысли о возможности въ нихъ какихъ-либо ошибокъ или пропусковъ.

Разсказывали, что при переписи сдавшихся въ Портъ-Артурѣ произошелъ такой забавный случай:

— Полковникъ Ирманъ!

— Вы ошибаетесь, такого полковника нѣтъ! — заявляетъ японскій офицеръ.

— Какъ нѣтъ? да это—я самъ!

— Простите, но долженъ васъ поправить — вы генералъ-маіоръ... Произведены однимъ изъ послѣднихъ приказовъ, который, вѣроятно, не дошелъ до васъ. Поспѣшу сообщить вамъ, отъ какого числа и за какимъ номеромъ. Сейчасъ, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ руками.

Въ моемъ положеніи эта освѣдомленность японскаго главнаго штаба послужила мнѣ на пользу. Для нихъ я былъ старшимъ офицеромъ транспорта „Ангара", ухитрившимся какъ-то сбѣжать изъ Портъ-Артура ранѣе его сдачи и попасть на вторую эскадру.

Несомнѣнно, что полный списокъ офицеровъ, пришедшихъ на „Діанѣ" въ Сайгонъ, напечатанный тогда же въ мѣстныхъ газетахъ, имѣлся въ штабѣ, но вѣдь Семеновыхъ въ Россіи много, а оффиціальныхъ данныхъ для того, чтобы меня, старшаго офицера „Ангары", отождествлять со старшимъ офицеромъ „Діаны"—не было.

Въ то время я обо всѣхъ этихъ подробностяхъ не подозрѣвалъ и считалъ свое дѣло конченнымъ...

Если бы меня прямо спросили: — До „Суворова" вы были старшимъ офицеромъ на „Діанѣ"?—я не сталъ бы отпираться, считая это и недостойнымъ, и безполезнымъ, и конечно отвѣтилъ бы утвердительно.

Но... допросъ былъ веденъ въ такой формѣ, что этого не случилось...

Теперь мнѣ ясенъ смыслъ и рѣзко подчеркнутой фразы— „намъ это непонятно", — и ободреніе, заключавшееся въ прощальныхъ словахъ: — „Все это хорошо. Знаете, все это будетъ хорошо!" — но „тогда" я былъ какъ въ потемкахъ, и томился неизвѣстностью...

Все мнѣ казалось подозрительнымъ—и особое вниманіе, которое мнѣ оказывали, и дружескія бесѣды фельдшера, который (по его словамъ) былъ при осадѣ Портъ-Артура, и заботы главнаго доктора, такъ спѣшившаго „поставить меня на костыли" въ то время, какъ другимъ онъ сурово приказывалъ „не шевелиться"...

Возможно, что это было результатомъ возбужденія, мнительности, что никто меня не выслѣживалъ, не старался поймать на словѣ, но, тѣмъ не менѣе, это не могло не отозваться на ходѣ ранъ.—Вновь разыгралась лихорадка, а въ ночь на 13-ое іюня, совершенно неожиданно, возобновилось обильное кровотеченіе— промокла не только повязка, но даже и на простыняхъ оказались кровавыя пятна. Это—черезъ мѣсяцъ послѣ полученія ранъ!..

Въ дневникѣ записано:

„Сегодня Ивасаки сказалъ... ему не нравится. Чистилъ „ложечкой“, расковырялъ... заткнули іодоформенной марлей... — 14 іюня. Сегодня четыре недѣли, что лежу въ госпиталѣ, а ходить еще и думать нельзя. Конечно хорошо, что кость цѣла, и сѣдалищнаго нерва не перебило... — 16 іюня. Сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на обѣихъ ногахъ (на костыляхъ). Одолѣваютъ комары и перемѣнная погода. — То жарко, то холодный сквознякъ.—Часто простужаешься, и тогда совсѣмъ скверно“.

Конечно, дѣло было не въ простудѣ (по ночамъ, и то температура наружнаго воздуха рѣдко опускалась ниже 18° R.), и эти жалобы на недомоганіе являлись просто результатомъ общаго упадка силъ.

18 іюня записано: „Нога, видимо, энергично пошла на поправку. Хожу съ костылями въ... Безпокоитъ большой палецъ на лѣвой ногѣ... Рана и разрѣзъ (сдѣланный при операціи) зажили, но онъ очень чувствителенъ, и не знаю, какъ можно будетъ одѣть сапогъ“.

Съ этого дня (съ 18 іюня) мой дневникъ пріобрѣтаетъ свой обычный видъ. Всякое, хотя бы мелкое, событіе въ жизни моей и окружающихъ меня отмѣчается въ немъ кратко, но достаточно точно, чтобы возсоздать въ памяти не только общее впечатлѣніе, но и подробности.

Правда, многое писалось полу-словами, намеками, изъ боязни, что прочтутъ японцы, неутомимо слѣдившіе за каждымъ нашимъ словомъ, за каждымъ нашимъ движеніемъ.

Этотъ неусыпный надзоръ, эта подозрительность дѣйствовали угнетающе... Тѣмъ болѣе, что ихъ врядъ ли возможно было оправдать „военной необходимостью“.—По поводу этого режима „арестантскаго лазарета“, который практиковался по отношенію къ намъ, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ.

Въ теченіе войны японскіе и, въ особенности, японофильствующіе журналы создали цѣлую легенду о рыцарскомъ отношеніи нашихъ враговъ къ военно-плѣннымъ (не говоря уже о раненыхъ), а потому надѣюсь, что читатели не посѣтуютъ на меня за небольшое отступленіе, въ которомъ я попытаюсь дать правдивую картину пережитого.

Вѣрный правилу — строго руководствоваться только своими замѣтками, говорить только о томъ, что самъ видѣлъ, самъ перечувствовалъ и *тогда же* записалъ, не стану пересказывать всего слышаннаго о „рыцарскомъ“ отношеніи японцевъ къ

военно-плѣннымъ, сдавшимся въ добромъ здоровьѣ. Они сами, если захотятъ, могутъ повѣдать о всемъ, ими претерпѣнномъ, и, конечно, окажутся краснорѣчивѣе меня. Я буду говорить только о режимѣ, господствовавшемъ въ госпиталѣ Сасебо, куда я былъ доставленъ послѣ боя и откуда былъ выписанъ уже послѣ фактическаго заключенія мира, въ періодъ, назначенный для ратификаціи договора. Въ это время по отношенію къ плѣннымъ были допущены многія послабленія, и, такимъ образомъ, настоящаго „полоннаго претерпѣнія" мнѣ испытать не довелось; о томъ же, каково приходилось раненымъ, пусть судятъ сами читатели на основаніи моего правдиваго разсказа.

5 штабъ-офицеровъ, 12 оберъ-офицеровъ, 1 юнкеръ и 2 кондуктора — всего 20 человѣкъ — были помѣщены въ общую палату, обычно предназначенную для нижнихъ чиновъ (японцевъ), хотя госпиталь отнюдь не былъ переполненъ. Не говоря уже про отдѣльныя комнаты, предназначенныя для тяжело-раненыхъ, пустовали цѣлыя такъ называемыя „офицерскія" палаты, гдѣ койка отъ койки отдѣлялась раздвижной стѣнкой, освѣщалась каждая своимъ окномъ, гдѣ, вообще, было значительно больше комфорта, нежели въ „матросскихъ".

У насъ—койки стояли не больше какъ на аршинъ одна отъ другой.

По ночамъ—не давали покоя стоны тяжело-раненыхъ, несвязный лепетъ и выкрики бредившихъ; днемъ — лихорадочная болтовня „легкихъ" мѣшала „тяжелымъ", только что принесеннымъ съ операціоннаго стола, задремать, хоть ненадолго...

Многіе изъ этихъ послѣднихъ вынуждены были всѣ свои естественныя потребности выполнять тутъ же, на глазахъ у всѣхъ... Администрація госпиталя не хотѣла отпустить даже ширмъ—а ужъ чего другого, но этого добра въ Японіи можно найти въ любомъ, самомъ бѣдномъ, домѣ...

— Отчего жъ не просили, не жаловались? — скажутъ мнѣ.

— Да потому что заранѣе предчувствовался отказъ въ просьбѣ и... даже хуже — злорадное веселье въ этомъ отказѣ, глумленіе надъ безпомощными людьми, которые „вздумали жаловаться"...

Въ средніе вѣка, во времена расцвѣта рыцарства, несмываемымъ позоромъ считалось всякое насиліе, всякое оскорбленіе причиненное плѣнному, взятому въ честномъ бою. Самое это названіе „честный бой" обозначало собою столкновеніе противниковъ, исповѣдующихъ тотъ же догматъ воинской чести, готовыхъ биться на смерть, но уважающихъ другъ друга.

Въ Японіи—не существовало этого догмата.

Въ Японіи—шпіонство, отъ котораго съ презрѣніемъ отворачивался самый захудалый ландскнехтъ, искони почиталось величайшей доблестью.

Цѣлью войны была не только побѣда, но порабощеніе.

Для европейца — чѣмъ мужественнѣе сопротивлялся врагъ, тѣмъ большаго онъ заслуживалъ уваженія.

Для японца—чѣмъ больше упорства проявлялъ противникъ, тѣмъ ужаснѣе были тѣ истязанія, которымъ его надлежало подвергнуть.

Ричардъ-Львиное Сердце считалъ Саладина „братомъ по оружію“, а Хидейоси (японскій Наполеонъ, какъ его называютъ) изъ своего похода въ Корею привезъ 40.000 корейскихъ ушей и носовъ, надъ которыми воздвигъ памятникъ.

Развѣ эти „носы и уши“ не возбуждаютъ отвращенія? Развѣ они не во сто кратъ хуже пирамидъ изъ человѣческихъ головъ, складывавшихся Тамерланомъ, которыя возбуждаютъ только ужасъ?..

Долгіе вѣка исторіи, полной крови, полной жестокости, проникнутой единымъ девизомъ:—„горе побѣжденнымъ!“—не могли не наложить на душу всего народа той печати варварства, смыть которую не въ силахъ оказались какія-то тридцать-сорокъ лѣтъ общенія съ европейской цивилизаціей.

— Начальство приказало обращаться съ военно-плѣнными согласно европейскимъ обычаямъ, такъ какъ безъ этого Японія не можетъ вступить въ кругъ великихъ державъ. — Это необходимо. — Поняли? — Для блага родины мы готовы на все, даже на отказъ отъ нашего священнаго права потѣшиться надъ этими презрѣнными, попавшими въ наши руки, заслуживающими самой лютой казни...

Да! смѣло скажу! — къ намъ относились какъ къ преступникамъ, которыхъ, по какимъ-то высшимъ соображеніямъ, начальство не только казнить не позволяетъ, но даже приказываетъ за ними ухаживать...

По внѣшности это приказаніе исполнялось, но, казалось, самый воздухъ госпиталя былъ насыщенъ недоброжелательствомъ. Оно сказывалось въ безчисленныхъ мелкихъ уколахъ самолюбія, въ мелочныхъ придиркахъ, стѣсненіяхъ, отравлявшихъ существованіе...

Въ странѣ „этикета“ по преимуществу, какою является Японія, въ странѣ изысканной, вѣками выработанной вѣжливости, гдѣ въ разговорѣ двухъ лицъ, равныхъ по происхожденію, вос-

питанію и общественному положенію, не употребляютъ мѣстоименій, но, говоря о „высокомъ домѣ“ или „высокочтимой дамѣ“, подразумѣваютъ жилище и жену собесѣдника, а говоря о „гнусной лачугѣ“ или „ничтожной женщинѣ“ — свой домъ и свою жену, въ этой странѣ, гдѣ сохранился культъ „церемоній“ — служебный персоналъ госпиталя, обращаясь къ намъ, называлъ насъ просто по фамиліямъ, не добавляя къ ней ни чина, ни даже слово „санъ“ (т.-е. господинъ), безъ котораго въ Японіи не зовутъ по имени даже лакея...

Надо было видѣть этихъ приставленныхъ къ намъ переводчиковъ, говорившихъ по-русски (и до войны проживавшихъ во Владивостокѣ и въ Портъ-Артурѣ, исполняя обязанности приказчиковъ, поваровъ, разсыльныхъ, прислуги въ публичныхъ домахъ)... Надо было видѣть, съ какимъ наслажденіемъ они появлялись въ палатѣ съ нѣсколькими письмами въ рукахъ и выкрикивали:

— Бардинъ (матросъ-вѣстовой)! — Письмо!

— Филипповскій (полковникъ)! — Письмо!

Причемъ послѣднему это письмо тыкалось особенно пренебрежительно.

По поводу писемъ... Ну, что мы, съ койки госпиталя, могли бы сообщить въ Россію такого, что имѣло бы военное значеніе? — А между тѣмъ не только всѣ наши письма шли черезъ цензуру, но даже и въ размѣрѣ ихъ мы были ограничены: двѣ „открытки“ въ недѣлю.

Письма, газеты и журналы, присылавшіеся изъ Россіи, цензуровались такъ тщательно, что на это требовалось отъ одного до полутора мѣсяцевъ.

Мало того. — Газеты, издававшіяся въ самой Японіи (на англійскомъ языкѣ), и то не всѣ разрѣшались къ выпискѣ, а разрѣшенныя — опять-таки просматривались начальствомъ и... многіе номера конфисковались или приходили съ большимъ опозданіемъ.

Развѣ это не режимъ арестантскаго лазарета?..

Добавьте къ этому, что для прогулокъ (многіе съ самаго начала могли двигаться и нуждались въ движеніи) были назначены опредѣленные часы и отведена небольшая площадка передъ баракомъ.

Еще одна черта, ярко характеризующая окружавшее насъ недоброжелательство: всѣ палаты обслуживались сестрами милосердія, кромѣ нашей палаты. У насъ были санитары, да и то — чуть только начальство замѣчало, что какой-нибудь фельд-

шеръ, даже санитаръ привыкаетъ къ раненому, начинаетъ ухаживать за нимъ больше, чѣмъ это требуется по закону—его немедленно убирали. За три мѣсяца въ нашей палатѣ ихъ перемѣнилось болѣе трехъ комплектовъ. Въ другихъ палатахъ этого не было.

Вспоминая все пережитое, я глубоко увѣренъ, что если намъ не только не рѣзали ни носовъ, ни ушей, но даже лечили, то просто по разсчету, а вовсе не изъ рыцарскихъ чувствъ, которыхъ напрасно было бы искать въ боевомъ прошломъ Японіи.

Конечно, все вышесказанное относится къ японцамъ pur sang. Такіе друзья человѣчества, какъ доктора Ивасаки и Оки, такіе товарищи по оружію, какъ навѣщавшіе насъ моряки Номото, Танака и др. — не въ счетъ. Эти — долгіе годы проведя въ культурныхъ центрахъ Европы—получили тамъ не только образованіе, но и съумѣли, на общей почвѣ культа мужества и самоотверженія, слить въ душѣ своей идеалы „самурая“ съ завѣтами нашего „рыцарства“.

Для отдѣльныхъ лицъ такая метаморфоза, конечно, возможна... Но вѣдь исключенія только подтверждаютъ правило.

Объ отношеніи японцевъ къ военно-плѣннымъ мнѣ еще придется поговорить въ дальнѣйшемъ повѣствованіи, а пока — къ дѣлу.

IV.

Пробужденіе къ сознанію.—Тревоги и сомнѣнія.—Газеты изъ Россіи; общее негодованіе.—Адмиралу благополучно сдѣлали операцію. — Громкія телеграммы и бездѣйствіе Линевича.—Сдача Сахалина.—Тайфунъ.

До сихъ поръ я ни разу не упомянулъ о впечатлѣніи, которое произвело на насъ (раненыхъ) вообще, и на меня въ частности, извѣстіе о сдачѣ Небогатова съ четырьмя кораблями,—и не по какимъ-либо особымъ соображеніямъ, а единственно изъ желанія быть строго документальнымъ.

Несомнѣнно, что эта новость и мнѣ, и другимъ стала извѣстна на слѣдующій же день, но за весь первый мѣсяцъ пребыванія въ госпиталѣ ни слова, по этому поводу, въ моемъ дневникѣ не записано, а если память не измѣняетъ, то первоначально я отнесся къ извѣстію съ полнымъ равнодушіемъ.— Слишкомъ былъ занятъ насущнымъ вопросомъ: какъ обойдутся со мной на слѣдующей перевязкѣ...

День 20 іюня былъ днемъ радости. „Сегодня мылся подъ

краномъ, стоя".—Это значило, что самъ добрался до уборной и управился тамъ безъ посторонней помощи.

Но... изъ окна уборной былъ виденъ уголокъ рейда, и мнѣ показали... „Николай I", выходящій изъ дока...

„... Подъ своей машиной пошелъ куда-то... (записалъ я въ своемъ дневникѣ). — До слезъ обидно... — Японскій флагъ. — „Ики".—Боже, какой позоръ!—Тутъ же „Апраксинъ"... Идетъ на пробу (машинъ)..."

Вотъ когда ударило по сердцу!.. До того все заслонялось вопросомъ: будутъ сегодня рѣзать или нѣтъ?..

21 іюня записано: — „Безъ перемѣнъ (относительно здоровья).—Тоска, тоска... Что дѣлать, вернувшись?—Возрожденіе флота, живой духъ въ обученіи, живые люди вмѣсто чиновниковъ, исполненіе долга вмѣсто отбыванія номера... Хорошія слова... А кто это сдѣлаетъ? — Творцы тины, въ которой мы утонули, крѣпко, плотно сидятъ въ своихъ креслахъ... война ихъ не тронула... Нѣтъ! Ничего не выйдетъ... Уйти бы куда-нибудь, зарыться..."

Тяжело было...

Въ дневникѣ, опять, только отрывочныя фразы.

„25 іюня. — Третьяго дня вечеромъ поднимался къ адмиралу (во второй этажъ) и просидѣлъ у него часа два.—Сидячее положеніе для меня, повидимому, неблагопріятно. Ночью и вчера, весь день, въ глубинѣ раны сильно дергало. Вѣрно—сѣдалищный нервъ.—Валяюсь на койкѣ".

Должно-быть самочувствіе было неважно, но, тѣмъ не менѣе, я не утерпѣлъ, чтобы не повидать адмирала еще разъ. Не я одинъ, но всѣ мы — офицерская палата и палата нижнихъ чиновъ—всѣ подбодряли себя мыслью, что „онъ" поправится и, вернувшись въ Россію, „сдѣлаетъ"... Что̀ „сдѣлаетъ"—врядъ ли кто могъ бы точно формулировать, но всѣ понимали другъ друга, всѣ жили этой надеждой, хорошо зная, какая разница была между тѣмъ блестящимъ „свитскимъ" адмираломъ, который уходилъ изъ Либавы, и тѣмъ начальникомъ эскадры, который во главѣ ея шелъ на смерть при Цусимѣ...

Вѣдь „онъ" жутче и полнѣе любого изъ насъ пережилъ эту страду—отъ Либавы до Цусимы... Вѣдь это „онъ" велъ насъ въ бой, объ исходѣ котораго, еще пять мѣсяцевъ тому назадъ, доносилъ, съ солдатской прямотой, что „не имѣетъ надежды на успѣхъ"...

— Помните первую телеграмму Государя?—горячилась молодежь.—А дальнѣйшія? Эти запросы объ его будущей работо-

способности? Кому другому всѣ порядки пришлось вынести на своей шеѣ?—Камня на камнѣ подъ „шпицемъ" не оставитъ, когда вернется!—Только бы выжилъ...

И какъ наивны были не только эти мичмана, но и всѣ мы, болѣе опытные, видавшіе виды, но забывавшіе старую пословицу: „Жалуетъ Царь, да не жалуетъ псарь"...

Все-таки 25-го іюня вечеромъ я опять (черезъ силу) навѣстилъ адмирала и радовался, что „настроеніе у него хорошее; раны протекаютъ правильно; температура нормальная".

Путешествія во второй этажъ не прошли даромъ. Слѣдующее довелось предпринять только 1-го іюля, а въ промежуткѣ было довольно плохо, судя по краткости и отрывочности записей въ дневникѣ.

„4 іюля.—Большая рана раздѣлилась перемычками на четыре части... Очень болѣзненно"...

„5 іюля. — Ночью было развлеченіе. Задулъ свѣжій Ost (должно-быть южнѣе идетъ тайфунъ) и повалило лѣса строящагося барака [1]).—Больно дотронуться.—Бывало, послѣ перевязки блаженствуешь, а теперь приходится лежать, не шевеля ногой.—Свѣжо.—Почти штормъ.—Дождь.—Теперь еслибы въ морѣ, на хорошемъ кораблѣ!—зюйдвестка, дождевикъ, резиновые сапоги... льетъ сверху; поддаетъ изъ-за борта; мотаетъ—едва устоять... Но корабль держится хорошо; мѣсто извѣстно; курсъ точенъ; полная увѣренность, и... — свисти, вѣтеръ, хлещи, волна,—я сильнѣе! Приду, куда хочу!.. Какія это были минуты горделиваго сознанія своей силы!.. Повторятся ли онѣ?.. и когда?..—Въ плѣну!.."

Да простятъ мнѣ читатели, если эти дословныя выдержки нелитературны, но вѣдь это было записано на койкѣ госпиталя...

„6 іюля.—Вчера—весь день штормъ... отъ погоды, что-ли, нога не давала покоя.—Перевязка очень болѣзненна... Ходить, сидѣть—нельзя. Даже лежа, и то нехорошо... Чортъ возьми! Вѣдь недѣлю тому назадъ... казалось, совсѣмъ идетъ на поправку..."

„9 іюля.—Даже Ивасаки (онъ всегда подбодряетъ) сказалъ: „no good". Что такое?—ничего не понимаю. Лежу.—Передвигаюсь (когда необходимо) на костыляхъ."

Не одинъ я испытывалъ это рѣзкое ухудшеніе въ теченіи ранъ.—Казалось, повѣтріе какое-то.—Многіе изъ тѣхъ, что ужъ

[1]) Рядомъ съ нашимъ, передъ самыми окнами.

давно бродили по палатѣ и даже ходили на прогулку — слегли опять.—Во всѣхъ сказывалась какая-то особая нервность и раздражительность.—Надоѣдали прислугѣ, ссорились между собою...

Виною тому, какъ справедливо угадалъ Ивасаки, была впервые полученная пачка номеровъ „Новаго Времени", въ которыхъ г. Кладо, на основаніи какихъ-то отрывочныхъ и, въ большинствѣ, невѣрныхъ свѣдѣній развертывалъ передъ русской публикой фантастическую картину боя и выяснялъ причины нашего пораженія.

Что это было!..

Люди болѣе уравновѣшенные пытались успокоить товарищей, указывая, что вѣдь есть оговорка, что во вступительныхъ фразахъ самъ г. Кладо признаетъ имѣющіяся у него свѣдѣнія отрывочными и даже малодостовѣрными, предостерегаетъ отъ слишкомъ поспѣшныхъ выводовъ и сужденій...

— А самъ выводитъ и судитъ!—возражали имъ.—Эта оговорка—только лазейка, путь для благородной ретирады, припасенный на всякій случай! Вѣдь читатели понимаютъ, что если „ученый морякъ", основываясь на телеграммахъ какихъ-то американскихъ корреспондентовъ, пишетъ цѣлый рядъ статей, то ясно, что самъ-то онъ, этотъ „ученый морякъ", вѣритъ имъ, и оговорка въ предисловіи поставлена только для приличія. А если „онъ" вѣритъ, то какъ же не повѣрить людямъ, мало или вовсе не свѣдущимъ въ морскомъ дѣлѣ?—Вѣдь это „онъ" писалъ и научно доказывалъ всего четыре мѣсяца тому назадъ, что эскадра, находившаяся на Мадагаскарѣ, и послѣ паденія Портъ-Артура „имѣетъ надежду на успѣхъ", а если подкрѣпить ее разнымъ хламомъ (Небогатовскій отрядъ), то получится уже не надежда, а „увѣренность" въ успѣхѣ!—Вотъ онъ и даетъ теперь логическое разъясненіе причинъ небывалаго въ исторіи разгрома, когда одна сторона истреблена, а другая понесла потери до смѣшного ничтожныя. И причинами этими онъ выставляетъ— бездарность, грубое невѣжество и недостатокъ воинской доблести тѣхъ, кто шелъ умирать...

Представьте себѣ такое положеніе: гдѣ нибудь, на краю свѣта (скажемъ — въ Аргентинѣ), вы попали подъ автомобиль, жестоко изувѣчены и лечитесь въ госпиталѣ, а тѣмъ временемъ въ Петербургѣ, въ кругу вашихъ добрыхъ знакомыхъ, человѣкъ, пользующійся общимъ довѣріемъ и уваженіемъ, разсказываетъ, что, „конечно", это могутъ быть только сплетни, но ходитъ слухъ, что N вовсе не попадалъ подъ автомобиль, а, уличенный въ шулерничествѣ, былъ жестоко избитъ и спущенъ съ лѣстницы...

Дальше же слѣдуетъ длинный рядъ сужденій на тему о всемъ безобразіи такого поведенія, о томъ, что вы покрыли себя несмываемымъ позоромъ, призывъ къ устраненію изъ своей среды недостойныхъ, и т. д., и т. д.—Что же осталось отъ оговорки, предпосланной этой проповѣди?—Ровно ничего.—Дѣло сдѣлано... Добавьте къ этому, что въ силу особыхъ условій, ваши протесты, ваши опроверженія вы могли бы представить лишь въ отдаленномъ будущемъ, когда, выздоровѣвъ, вернетесь на родину, гдѣ вамъ придется бороться съ прочно сложившимся мнѣніемъ большинства, пытаться переубѣдить людей, которые брезгливо отъ васъ отворачиваются, которые не хотятъ васъ слушать...

А въ данномъ случаѣ положеніе было именно таково.

„Calomniez, calomniez! il en restera toujours quelque chose!“—говорятъ французы, и здѣсь этому правилу открывалось тѣмъ болѣе широкое поприще, что оклеветанные могли имѣть надежду поднять свой голосъ противъ клеветниковъ лишь черезъ много (они сами тогда не знали—черезъ сколько) мѣсяцевъ спустя...

Вотъ почему, къ неудовольствію главнаго доктора и даже „Живоглота“, наша палата, въ первой половинѣ іюля, представляла собою картину, мало чѣмъ отличающуюся отъ второй половины мая.

„10 іюля.—Вчера весь день лежалъ... Вѣрно, необходимо спокойствіе... На перевязкѣ здорово мучили... Сейчасъ (2 часа спустя)—хоть кричи! Въ потъ бросаетъ...—4 часа дня.—Уставши отъ этого удовольствія, заснулъ совершенно неожиданно и такъ крѣпко, что едва разбудили къ концу завтрака.—Если лежать смирно—не болитъ.“

„12 іюля.—На перевязкѣ не особенно притѣсняли, но послѣ прижиганія хлористымъ цинкомъ такъ жжетъ, что, прямо, верчусь на постели...—$2^1/_2$ часа дня.—Слава Богу! Адмиралу сдѣлали операцію (до сихъ поръ боялись, что не выдержитъ), вынули кусокъ кости, подсунувшійся подъ край пробитаго черепа.—Вечеромъ.—Адмиралъ чувствуетъ себя прекрасно (такъ разсказывали)—ни болей, ни лихорадки, ни слабости... Прямо праздникъ! Все время сверлила мысль—вдругъ не выдержитъ? Тогда не лучше ли было ему погибнуть въ бою, чѣмъ умирать въ госпиталѣ?...“

„13 іюля.—На перевязкѣ больно ковыряли... Ивасаки говоритъ: „Самъ не понимаю, въ чемъ дѣло; очень странно; однѣ дырки заростаютъ, другія открываются“. Нога болитъ. Погода скверная—дождь, вѣтеръ... Уныло. Точно осень... И на душѣ—

тоже... О Россіи въ газетахъ пишутъ такую дрянь. Дай Богъ, чтобы не все было правдой... Иной разъ подымаются разговоры о будущемъ. Безотрадные разговоры... Петра Великаго нужно! Героическія мѣры!.. Кто, наверху, рѣшится круто повернуть? Удалить отъ дѣлъ тѣхъ, кто достигли высокаго положенія, благодаря свойству, родству и тому, что берегли свое здоровье, когда другіе работали? Вѣдь не сами же они признаютъ себя подлежащими упраздненію..."

„14 іюля. — Бѣдная Россія... Даже англичане („Nagasaki Press"), не смотря на все злорадство, поражаются и восклицаютъ: „Если когда-нибудь можно было вообразить себѣ націю, рѣшившуюся похоронить себя подъ собственными развалинами, то этотъ спектакль даетъ Россія"..."

„19 іюля. — Вчера вечеромъ опять рискнулъ подняться по лѣстницѣ, чтобы навѣстить адмирала."

(Дневникъ полонъ записей о подробностяхъ перевязокъ, о ходѣ ранъ. Пропускаю ихъ, какъ неинтересныя.)

„23 іюля.—Все хорошо... Хорошія вѣсти изъ Россіи, т.-е., вѣрнѣе, не изъ Россіи, а о ней. Въ „Nagasaki Press" пишутъ, что мира не будетъ, такъ какъ Государь телеграфировалъ Линевичу, что „ни уступки территоріи, ни контрибуціи", а японцы ужъ карту отпечатали, по которой къ нимъ отходитъ Манджурія, Корея, Сахалинъ и вся Приморская область, включая Камчатку, да еще мечтаютъ о сдачѣ имъ всѣхъ судовъ, интернированныхъ въ нейтральныхъ портахъ, и о пяти милліардахъ контрибуціи.— Слава Богу! Всѣ подбодрились. Хоть и тяжело сидѣть въ плѣну, но... хоть умереть въ неволѣ, лишь бы Россія добилась почетнаго мира."

„24 іюля.—Все хорошо. Обѣщаютъ скорую поправку. Особенно томительно въ виду предстоящихъ мирныхъ переговоровъ. Хотѣлось бы заснуть недѣльки на три... Главное — ничего достовѣрнаго. Нельзя же вѣрить всему, что пишутъ?"

Надо замѣтить, что всѣ мы искренно вѣрили (или хотѣли вѣрить) телеграммѣ Линевича о готовности перейти въ наступленіе, и радовались, что перемирія не будетъ, что, можетъ быть, во время самыхъ переговоровъ онъ будетъ имѣть удачное дѣло и дастъ хоть какой-нибудь козырь въ руки нашимъ дипломатамъ... Дальнѣйшія извѣстія, которыхъ мы ждали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, не оправдали нашихъ надеждъ. Линевичъ бездѣйствовалъ; Мищенко въ своемъ набѣгѣ потерпѣлъ не-

удачу... А Сахалинъ?.. Вотъ что записалъ я въ своемъ дневникѣ по поводу Сахалина, резюмируя общее мнѣніе всего населенія палаты: „Новый срамъ. Если рѣшили не защищать Сахалина вовсе, то надо было его очистить. Если же войска тамъ были, то они должны были драться. Сами японцы признаютъ, что, при бездорожьѣ и пересѣченной мѣстности, Ляпуновъ съ его силами, ведя партизанскую войну, могъ бы надѣлать имъ много хлопотъ.“

---

26 іюля имѣло мѣсто происшествіе, внесшее нѣкоторое разнообразіе въ наше монотонное существованіе. Надвинулся тайфунъ, центръ котораго прошелъ немного сѣвернѣе Сасебо. Съ утра задулъ свѣжій Ost. Въ 3 часа 30 мин. пополудни рухнулъ двухъэтажный баракъ, строившійся рядомъ съ нашимъ, лѣса для котораго (какъ я писалъ уже) впервые повалило три недѣли тому назадъ. Теперь онъ уже былъ выведенъ подъ крышу (японцы строятъ деревянный остовъ дома, накрываютъ его тяжелой крышей, а затѣмъ уже забираютъ стѣны). Паденіе было грандіозное. Я дремалъ на койкѣ, какъ вдругъ услышалъ трескъ и голосъ мичмана Д.: — „Валится!“ — Обернулся, глянулъ въ большое (можно бы сказать — венеціанское) окно, у котораго стояла моя койка, и вижу — махина дѣйствительно валится прямо на насъ... Забылъ про раны и съ легкостью серны отлетѣлъ къ противоположной стѣнѣ... Обошлось благополучно. Въ нашъ баракъ ударили только отдѣльные обломки.—Въ 5 час. 20 мин. вѣтеръ отошелъ почти къ S, все свѣжѣя. Изрядныя деревья выворачивались съ корнемъ. Черепицы съ крышъ срывались и неслись по воздуху, какъ стаи галокъ. Въ центральномъ (двухъэтажномъ) зданіи напоромъ вѣтра вдавило стѣну; прибѣжали толпы рабочихъ и занялись ея подкрѣпленіемъ. Въ 6 час. вечера явилось опасеніе, какъ бы не рухнулъ двухъ-этажный баракъ, во второмъ этажѣ котораго была комната адмирала. Его принесли къ намъ на носилкахъ, растрепаннаго вѣтромъ, изрядно вымокшаго подъ дождемъ. Наибольшей силы штормъ достигъ около 7 час. вечера. Къ 10 час. вѣтеръ перешелъ къ SW и началъ ослабѣвать. Въ результатѣ всѣ двухъ-этажные дома были сильно повреждены, а съ трехъ бараковъ вовсе снесены крыши.“

27 іюля моя большая рана окончательно выполнилась и покрылась струпомъ. „Слава Богу!—записалъ я въ своемъ дневникѣ. — Давно пора! Вѣдь ужъ 74 дня прошло со времени ея полученія.“

„4 августа.—Не хочется ничего писать. Идутъ мирные переговоры. Въ газетахъ все какъ-то смутно и непонятно... Чего же хвасталъ Линевичъ?.. Тоска!..“

„6 августа. — Гулялъ. Однако, ходилъ нескоро и недолго (всего ½ часа), а здорово усталъ.“

V.

Въ періодъ выздоровленія. — Я—революціонеръ... — Наша молодежь. — Миръ. — Тяжелые дни. — Отъ Сасебо до Ниносима.

Только тотъ, кому довелось въ жизни благополучно перенести опасную, тяжелую и мучительную болѣзнь, пойметъ то, что я испытывалъ въ теченіе ближайшихъ недѣль. Я чувствовалъ (по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось), какъ съ каждымъ часомъ я крѣпну, какъ прибываютъ силы. И какъ старательно исполнялъ я всѣ предписанія доктора относительно постепеннаго увеличенія срока прогулокъ, какъ внимательно слѣдилъ за своей ногой, пріучая ее повиноваться моей волѣ — не „загребать“, не давать „вольтовъ“ въ сторону (сѣдалищный нервъ былъ-таки затронутъ)!

Послѣднее время изъ всего населенія палаты насъ было только трое съ еще незакрывшимися ранами; теперь осталось двое... Сознаюсь откровенно, когда эти двое отправлялись въ операціонную, я никогда не могъ удержаться, чтобы не подумать: „А мнѣ ужъ больше не нужно!“ — и эта мысль дѣлала меня счастливымъ. Пусть это была грубая, животная радость— что дѣлать!—я обѣщалъ писать всю правду.

Одновременно съ этимъ мысль, до того всецѣло сосредоточивавшаяся на ходѣ раны, словно вырвалась изъ-подъ гнета и заработала необычайно ярко. Въ нѣсколько дней я собралъ въ одно цѣлое отрывочныя замѣтки, которыя набрасывалъ, лежа на койкѣ, и уже 9 августа представилъ адмиралу обширную докладную записку, въ которой были подробно изслѣдованы и... названы своими именами тѣ условія, которыя въ теченіе многихъ лѣтъ подготовляли наше пораженіе. Послѣ всего пережитого я считалъ себя не только въ правѣ, но и обязаннымъ высказаться съ полной откровенностью. Адмиралъ никогда не говорилъ со мною объ этой запискѣ, зато въ Петербургѣ, гдѣ, съ его разрѣшенія, она была отпечатана и разослана всѣмъ высшимъ чинамъ морского вѣдомства, она имѣла несомнѣнный успѣхъ, возстановивъ противъ меня все тѣсно сплоченное населеніе зданія адмиралтейства.

Однако же, возвращаюсь къ моему дневнику. Читая его, кажется, что въ авторствѣ участвовали два человѣка: одинъ—полный бодрости, горячо вѣрящій, что не онъ только, но весь флотъ возрождается къ новой жизни, что гроза, принесшая разрушеніе, не можетъ не очистить атмосферы; и другой—на основаніи опыта прошлаго и кое-какихъ признаковъ въ настоящемъ, не вѣрящій въ обновленіе, глубоко убѣжденный, что никакая гроза не освѣжитъ спертаго воздуха безчисленныхъ канцелярій морского вѣдомства...

„9 августа.—...Что дѣлать дальше, вернувшись въ Россію? Используютъ ли горькій опытъ? Съумѣютъ ли создать настоящій флотъ, или только построятъ новые кузова, а закваска останется старая?.. Тогда нельзя служить, невозможно работать для подготовки новой Цусимы!.. Грустное, обидное сознаніе, что жизнь прожита зря, что лучшіе года отданы на службу учрежденію, которое привело Россію къ позору... Вмѣсто грозной силы, они соорудили грубо намалеванную декорацію, а мы, какъ дѣти, дались въ обманъ и, опоясавшись бутафорскимъ мечомъ, шли поражать враговъ родины!.. Вотъ и сидимъ въ Сасебо... А они? Они все тамъ же, гдѣ и были, на своихъ мягкихъ креслахъ, да еще, чего добраго, они же насъ и судить будутъ...“

10 и 11 августа записаны разныя мелочи госпитальной жизни, которыя я и въ дальнѣйшемъ изложеніи буду пропускать.

„12 августа.—...и развѣ я измѣнилъ себѣ, выступивъ съ рѣзкой критикой? Я всегда зналъ то, что говорю теперь, а при случаѣ и высказывалъ, и не за спиной, а въ глаза моимъ начальникамъ (бывали и непріятности). Но только, въ общемъ, я подавлялъ въ себѣ эти протесты. Я самъ себя старался увѣрить, что всѣ добросовѣстно исполняютъ свой долгъ. Я не допускалъ мысли, чтобы вопросы, приходящіе въ голову мнѣ, сравнительно молодому офицеру, не безпокоили людей много старше и опытнѣе меня, и если не все дѣлалось такъ, какъ мнѣ казалось нужнымъ, то, несомнѣнно, потому, что дѣлалось наилучшимъ способомъ, и иначе нельзя. Чудовищно было бы думать, что люди, стоящіе у власти, больше заботятся о себѣ и своихъ интересахъ, нежели о пользѣ дѣла, къ которому приставлены, о безопасности и чести родины, ввѣренныхъ ихъ попеченіямъ, что для нихъ неудовольствіе нужныхъ или пріятныхъ „особъ“ можетъ быть страшнѣе отвѣтственности передъ судомъ исторіи... Да! въ этомъ я ошибался... Но когда они съ высоты своего величія вѣщали: „Намъ лучше знать. Исполняйте, что вамъ приказано—

и все будетъ хорошо. Начнете умничать—только напортите"— какъ было имъ не вѣрить? Вѣдь въ ихъ рукахъ были сосредоточены всѣ средства, всѣ данныя... Можно ли было подозрѣвать, что груды „матеріаловъ" только обременяютъ шкафы канцелярій, а требованія, вызываемыя опытомъ, оставляются безъ вниманія?.. Но какъ это въѣлось! До какой степени священны традиціи! Напримѣръ, свѣжій человѣкъ, прочтя мою докладную записку, сказалъ бы: „Да вѣдь это прописныя истины! чего тутъ доказывать?" А вотъ NN, который читалъ ее, находитъ высказанные въ ней взгляды революціонными... И это — послѣ Цусимы!.."

„13-го августа.—Проснулся рано—только пробило 5 ч.— Вышелъ на крыльцо. Дождь пересталъ; на небѣ рѣдкія, разорванныя тучки; западъ еще темный; на востокѣ полъ-неба охвачено слабымъ бѣлесоватымъ свѣтомъ, а по низу стелется багровый отблескъ. Предразсвѣтный туманъ стоитъ въ неподвижномъ воздухѣ; бухта и склоны горъ задернуты легкой дымкой. Листъ не шелохнется. Тишина... такая тишина, что сквозь закрытую дверь явственно слышно всхрапываніе людей, спящихъ въ баракѣ.—Какая красота! какъ глубоко, какъ привольно дышется! какъ легко, какъ бодро себя чувствуешь! полетѣть бы птицей!.. И вдругъ — все померкло, поблекло... ужасное, роковое слово: „въ плѣну"...

„14-го августа.—Ожесточенные дебаты по поводу манифеста 6-го августа.—Боже мой! какое полное отсутствіе свѣдѣній о формахъ народнаго представительства въ другихъ государствахъ! Если бы еще всѣ эти нелѣпости говорили только молодые мичмана, которымъ въ корпусѣ, конечно, не читали государственнаго права (хотя и въ средѣ мичмановъ были одинъ инженеръ и одинъ лицеистъ, окончившіе курсъ и поступившіе во флотъ юнкерами), но такое же невѣжество проявляли и люди изрядно послужившіе, дожившіе даже до сѣдыхъ волосъ.

„О порядкѣ выборовъ въ различныхъ государствахъ, разумѣется, никто не имѣлъ ни малѣйшаго представленія; большинство, впрочемъ, слышало, что въ Англіи существуютъ палата лордовъ и палата общинъ, которыя иногда пререкаются между собою, но какъ разрѣшаются эти пререканія—не были освѣдомлены; сенату во Франціи приписывали роль нашего сената; о верхней палатѣ въ Австріи и Германіи, о сенатѣ въ Италіи и пр. вовсе ничего не знали. Въ результатѣ: одни ликовали, представляя себѣ Думу состоящею изъ депутатовъ, избранныхъ всеобщей подачей голосовъ, рѣшенія которыхъ непосредственно

поступаютъ на утвержденіе верховной власти; другіе же, опасаясь такого крутого перелома, возставали противъ всякаго народнаго представительства.—Было бы смѣшно, когда бы не было грустно."

„15-го августа.—Горькія мысли о нашемъ флотѣ приходятъ въ голову. Не только сверху надо основательно почистить,—необходимо и снизу перевоспитать. А перевоспитывать—это труднѣе, чѣмъ просто воспитывать... Пишу подъ впечатлѣніемъ разыгравшагося въ палатѣ горячаго спора.—Изъ Кіото, гдѣ содержится большая часть плѣнныхъ моряковъ, кѣмъ-то было получено письмо, въ которомъ сообщалось, что тамъ для офицеровъ организованы лекціи по штурманскому, артиллерійскому и минному дѣлу, по механикѣ и кораблестроенію, а также ведется военно-морская игра—вообще стараются съ пользой употребить время вынужденнаго бездѣйствія. Кто-то, шутя, сталъ поддразнивать молодежь, что по выпискѣ изъ госпиталя имъ придется засѣсть за книги, посѣщать лекціи, а потомъ, чего добраго, и экзаменъ сдавать... Всѣ смѣялись, но одинъ изъ мичмановъ принялъ дѣло въ-серьезъ и категорически заявилъ, что ни на какія лекціи не пойдетъ.—Пойдете, если будетъ приказано!—„Никто не можетъ мнѣ приказать!"—А начальство?—„Здѣсь нѣтъ никакого начальства, кромѣ японцевъ!"—Къ большому моему удивленію всѣ его товарищи энергично поддержали это заявленіе. Шуточныя пререканія превратились въ принципіальный споръ. Ни разъясненіе смысла служебныхъ отношеній, ни ссылка на статьи морского устава—ничто не помогало! Причемъ аргументъ протестующихъ былъ простъ до грубости: „Пусть самъ адмиралъ скажетъ мнѣ: „ступайте!"—а я не пойду! Ну, какъ онъ можетъ меня принудить?"—Выходило такъ, что исполненіе приказанія обязательно лишь въ томъ случаѣ, когда за ослушаніе грозитъ немедленное возмездіе. Не имѣешь возможности наказать—значитъ не можешь и приказывать. Печальное credo."

„16-го августа.—Послѣ долгаго ненастья установилась чудная погода. Вчера послѣ обѣда гулялъ по двору больше часа. Оказалось не по силамъ. Здорово усталъ; всего разломило; въ глубинѣ раны тупая боль—должно-быть клочья мускула срослись несовсѣмъ правильно; когда возвращался, нога подвертывалась—слаба и въ бедрѣ, и въ колѣнѣ."

„Въ японскихъ газетахъ пишутъ, что мирные переговоры будутъ продолжаться, такъ какъ за хорошее вознагражденіе они согласны очистить Сахалинъ. То-есть, желаютъ кромѣ желѣзной дороги, Артура, Дальняго, Ю. Манджуріи и Кореи, получить

контрибуцію?.. Что же Линевичъ, который еще два мѣсяца тому назадъ рвался въ бой? Хоть бы на шагъ потѣснилъ ихъ, и стали бы сговорчивѣе! Видно... слова только..."

„17-го августа. — „Пересвѣтъ" вышелъ изъ дока и пошелъ куда-то... Больно глядѣть... а тутъ еще музыка играетъ сегодня на площадкѣ у нашего барака и все такіе знакомые мотивы-марши: „Двуглавый Орелъ" и „Кронштадтъ-Тулонъ". Тяжело слушать—въ голову такъ и лѣзетъ назойливая мысль: не съ нашихъ ли судовъ взяты эти ноты?.. Тоска..."

„Около 9 ч. вечера принесли отпечатанную на особомъ листкѣ телеграмму: „Только что договорились о мирѣ". Все всколыхнулось. Первое движеніе — конечно, радость. Миръ!— Да, но какой цѣной?..—и лица нахмурились."

„18-го августа.—Всю ночь проворочался на койкѣ. Миръ заключенъ. Передъ Россіей двѣ дороги: новая, чуть намѣчающаяся—путь обновленія, и старая, наѣзженная—среди родныхъ болотъ и дремучихъ лѣсовъ. Хватитъ ли рѣшимости, хватитъ ли силы выбиться изъ глубокой, вѣками проложенной колеи?.. Вспомнились полные горькой ироніи стихи А. Толстого: „Ой, кабы Волга-матушка да вспять побѣжала!—кабы можно, братцы, начать жить съ начала"!.. Подъ утро задремалъ, но скоро опять проснулся. Заря на небѣ. И какъ ярко горитъ... Для кого?— Неужели только для японцевъ?—О, для этихъ она давно взошла, а сегодня каждый японецъ встаетъ съ постели, полный надежды и вѣры въ будущее, съ глубокимъ сознаніемъ, что принесенныя жертвы были небезплодны. Славный миръ завершилъ побѣдоносную войну, и Великая Японія прочно заняла свое мѣсто среди міровыхъ державъ.

„А ты, далекая, любимая родина? Ты, какъ Иванъ-Царевичъ, стоишь на роковомъ перекресткѣ... Помоги тебѣ Богъ избрать вѣрный путь, добыть и мертвой воды, чтобы срастить разбросанныя по полю части русскаго великана, — и живой, чтобы пробудить его отъ смертнаго сна... Горько за тебя, разбитую и униженную, и безъ словъ рвется сердце служить и работать для твоего счастья... Сколько тьмы, горя осталось позади... Что-то Богъ дастъ въ будущемъ?.. И плакать хочется, и молиться..."

„19-го августа.—Въ японскихъ газетахъ пишутъ, что мы уступили половину Сахалина и обязались уплатить за содержаніе плѣнныхъ 200 милліоновъ. Замаскированная контрибуція. Плачевный миръ..."

„20-го августа. — Японцы, видимо, недовольны условіями

мира (чего бы, кажется?). Къ намъ не пропускаютъ никакихъ газетъ".

„21-го августа.—Газетъ все нѣтъ, но фельдшеръ разсказывалъ, что отовсюду идутъ выраженія негодованія; подаются петиціи съ просьбой не заключать мира; Комурѣ грозятъ, предупреждаютъ, чтобы лучше не возвращался въ Японію."

„22-го августа.—Послѣ долгихъ требованій и обращеній по всѣмъ инстанціямъ начальства, наконецъ-то получили газеты. Понятно, почему ихъ прятали. По всей Японіи страшное недовольство условіями, на которыхъ заключенъ миръ. Причина та, что японскому правительству словно мало было дѣйствительныхъ побѣдъ, и оно (для поддержанія бодрости духа, что-ли?) еще преувеличивало ихъ. Естественно, что народъ считалъ Россію окончательно разгромленной, лежащей у ногъ Японіи и молящей пощады. Теперь наступило отрезвленіе и разочарованіе. Нигдѣ никакихъ празднествъ. Ни одного флага, развѣшивать которые японцы такъ любятъ. Наоборотъ—обѣщаютъ, при возвращеніи уполномоченныхъ изъ Америки, приспустить всѣ флаги до половины. Газеты печатаютъ условія мирнаго договора въ траурныхъ рамкахъ."

„23-го августа.—Нога все еще плохо дѣйствуетъ, особенно по утрамъ, пока не расходится. Струпъ еще не сошелъ и очень болѣзненъ при малѣйшемъ давленіи. Боюсь, не открылась бы рана снова. Безпокоитъ и большой палецъ на лѣвой ногѣ".

„24-го августа.—Кругомъ только и разговоровъ, что о близкомъ отъѣздѣ. Японцы суетятся. Портъ (госпиталь), видимо, хочетъ какъ можно скорѣе сдать насъ главному управленію военноплѣнныхъ, хотя, казалось бы, чего проще освободить прямо отсюда, тѣмъ болѣе, что многіе еще требуютъ леченія, а у двоихъ (не считая адмирала) даже раны не закрылись.

„Сегодня опять запросъ изъ Петербурга о состояніи здоровья адмирала, объ его работоспособности въ будущемъ и т. д.— Флагъ-капитанъ не рѣшился отвѣчать своими словами, но просилъ главнаго доктора написать все подробно, ничего не скрывая."

„25-го августа.—Сегодня уже начались сборы. Послѣ-завтра ѣдемъ въ Кіото.—Тяжелое, смутное время. Словно стоишь не то на распутьи, не то передъ запертой дверью, которая, вотъ-вотъ, должна открыться, а что за ней?—неизвѣстно. Страстно хочется скорѣе вернуться въ Россію, но самое возвращеніе пугаетъ. Все-таки — изъ плѣна, разбитые... Когда еще разберутся, кто дѣйствительные виновники разгрома?.. Единственное, что при-

даетъ бодрости — это телеграммы, которыя получалъ адмиралъ въ первые дни послѣ боя. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло; многое могло измѣниться, да, судя по газетамъ, такъ и есть; господа изъ-подъ „шпица" приняли свои мѣры, чтобы сухими изъ воды выйти и съ больной головы свалить на здоровую..."

„26-го августа. — Дождь; пасмурно. — Отъ погоды, что-ли, разболѣлись раны. — Ночью была лихорадка. — Не то во снѣ, не то на яву такъ ярко вспоминались наиболѣе тяжелые изъ пережитыхъ моментовъ... особенно одинъ... Вѣдь я же, какъ только услышалъ, выведенный изъ забытья, о появившихся дымкахъ, сейчасъ посовѣтовалъ разводить пары, давать полный ходъ, бороться до послѣдней возможности, и флагъ-капитанъ согласился со мной и пошелъ наверхъ распорядиться. Это всѣ помнятъ, всѣ подтверждаютъ. Виноватъ ли я, что снова впалъ въ забытье, что не поползъ за нимъ наверхъ, что повѣрилъ его рѣшимости?.. Можно ли этого требовать отъ человѣка, ослабѣвшаго отъ потери крови, лежащаго въ лихорадкѣ, раненаго въ обѣ ноги, которому каждый шагъ стоитъ огромныхъ усилій и страданій? — Требовать, конечно, нельзя, и никто не осудитъ... Но я самъ?.. Нѣтъ — ошибка была! Я долженъ былъ просить снести меня на мостикъ! Положеніе было слишкомъ серьезно, а вѣдь я зналъ его характеръ, его способность поддаваться уговорамъ, мѣнять рѣшенія... Понадѣялся на другихъ? — здоровыхъ, бодрыхъ, нераненыхъ, только наблюдавшихъ за боемъ? Они, молъ, распорядятся? Теперь ихъ чередъ? — Вздоръ! Ни на кого не имѣлъ права полагаться! Поддался физической слабости и не оцѣнилъ важности момента! — Вотъ моя вина..."

„Газеты принесли извѣстія о безпорядкахъ въ Токіо. Толпа хотѣла разнести зданіе министерства иностранныхъ дѣлъ, вступила въ схватку съ полиціей, сожгла нѣсколько полицейскихъ домовъ. 2 полицеймейстера, 5 приставовъ и 60 городовыхъ ранено; изъ толпы — 5 убито и 200 ранено. Вызваны войска. Объявлено военное положеніе и временныя правила о печати."

„27 августа. — Отъѣздъ не состоялся, какъ слышно — изъ-за того, что не успѣли прислать одежду для нашихъ матросовъ; а между тѣмъ многіе были спасены почти нагишомъ."

„28 августа. — Проснулся въ шестомъ часу утра, когда весь госпиталь еще спалъ, и заторопился послѣдній разъ сдѣлать мою предразсвѣтную прогулку, проститься съ убогой лужайкой передъ баракомъ, по которой я сдѣлалъ мои первые, невѣрные шаги безъ костылей, опираясь на палку, гдѣ „учился ходить". Дивное утро. — Рѣдкія, нѣжныя тучки ползутъ по небу, цѣпляясь

за вершины горъ. Даль затуманена. Все залито ровнымъ бѣлесоватымъ свѣтомъ. Не разберешь — взошло уже солнце за горами, или нѣтъ. Стебли высокой жесткой травы стоятъ, не шелохнутся, осыпанные каплями росы, и я стою неподвижно на потемнѣвшей сырой дорожкѣ и слушаю тишину. Въ порту, въ городѣ, кругомъ — ни звука... Но вотъ — одна, другая, третья — и по кустамъ, по травѣ, будто сотни колокольчиковъ и бубенчиковъ, зазвенѣли цикады. Гдѣ-то близко прокричалъ пѣтухъ. Неожиданно слѣва, изъ-за барака, взметнулась съ хриплымъ карканьемъ ворона и, грузно взмахивая крыльями, низко-низко перелетѣла черезъ мою дорогу, невдалекѣ отъ меня. За ней другая.— Любопытно, что̀ предсказали бы авгуры по такому полету... Впрочемъ и у насъ есть на этотъ счетъ какая-то народная примѣта.

„День прошелъ въ суетѣ и сборахъ.

„Въ 4 ч. 45 м. пополудни тронулись изъ госпиталя. Адмирала везли на дженрикшѣ; двоихъ несли на носилкахъ; мнѣ рекомендовали взять, на всякій случай, костыли, но я расхрабрился и пошелъ, опираясь на палку, такъ какъ до пристани было совсѣмъ недалеко. — У пристани ожидалъ портовый паровой катеръ, доставившій насъ на пароходъ „Genkai-Maru“, бывшій пассажирскій и, повидимому, до войны обслуживавшій линію, излюбленную туристами, такъ какъ салонъ и каюты перваго класса были совсѣмъ на европейскій ладъ и даже роскошно отдѣланы. Размѣстились весьма комфортабельно. Провожать пріѣзжалъ начальникъ штаба порта, контръ-адмиралъ Сакамото, наговорилъ массу любезностей, желалъ счастливаго пути, и т. д., и т. д.

„Въ 5 ч. 30 м. снялись съ якоря. Тутъ всѣхъ насъ пригласили въ салонъ, закрыли двери и спустили жалюзи. Это — чтобы мы не видѣли выхода изъ порта и не могли запомнить расположенія защищающихъ его фортовъ. — Въ 6 ч. 40 м., когда были уже въ морѣ и ничего секретнаго подглядѣть не могли, — получили свободу. — Невольно вспомнились добрые порядки отечественныхъ военныхъ портовъ, гдѣ для любого наблюдателя все — какъ на ладони.

„Прощанье въ госпиталѣ вышло довольно сухое. Да и трудно было ожидать, чтобы разстались „sans rancune“. — Въ комъ встрѣтили мы сердечное къ намъ отношеніе? — По пальцамъ сосчитать можно: доктора Оки и Ивасаки, смотритель госпиталя, фельдшеръ Мацуно, санитаръ Міяге (изъ числа санитаровъ бывали и другіе, но ихъ сейчасъ же убирали). Всѣ прочіе, видимо, лишь во исполненіе воли начальства не слишкомъ тре-

тировали насъ, но въ душѣ крѣпко держались стараго правила, что военно-плѣнный—это рабъ, собственность побѣдителя.

„При закатѣ солнца погода испортилась. Небо задернулось тучами; море свинцоваго цвѣта; откуда-то пошла зыбь. Совсѣмъ наша осень... Но не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ опять разъяснило, и наступила дивная лунная ночь, какія бываютъ только въ Японіи въ концѣ августа и началѣ сентября.—Стою на ютѣ. Постукиваетъ винтъ. Бѣлая струя ложится за кормой. Тихо. Черезъ ровные промежутки раздается глухой, отрывистый звонокъ механическаго лага. Временами слабо погромыхиваетъ цѣпной штуртросъ. Идемъ Большимъ Хирадскимъ проливомъ. Въ 10 ч. вечера взяли курсъ ONO на Симоносаки. Оріентируюсь по лунѣ и по берегу.—Къ югу, на фонѣ неба, посеребреннаго луной, темнѣютъ горы Кіу-Сіу. Между нами и берегомъ, по поверхности моря, разсѣяны сотни огней. Это—японскіе рыбаки.—Они спокойно ловятъ рыбу у своихъ береговъ, какъ ловили ее и во время войны... Они спокойны.—Ихъ флотъ владѣетъ моремъ... Владѣлъ, владѣетъ и будетъ владѣть... Долго ли еще? Не знаю, что это болитъ—душа или сердце? или то и другое?.. Горе побѣжденнымъ!.. Такъ больно, такъ горько... И зачѣмъ докторъ тогда помѣшалъ мнѣ?.. Заснуть, скорѣе бы заснуть...

„Не могу спать—мимо окна прошелъ часовой... Случайно посмотрѣлъ въ зеркало, и оттуда глянуло на меня какое-то совсѣмъ чужое, почернѣвшее, усталое лицо... Да и въ самомъ дѣлѣ—эти послѣдніе дни съ ихъ неотвязными, мучительными думами—я такъ усталъ..."

„29 августа.—Около 6 ч. утра останавливались у карантина, а въ началѣ 8-го подошли къ Дайри, гдѣ высадили шедшихъ на томъ же пароходѣ нижнихъ чиновъ, одновременно съ нами выписанныхъ изъ госпиталя. Они отправляются въ Кумамото.—Около 9 ч. вышли изъ пролива (Симоносаки) въ Средиземное море и легли курсомъ въ SO четверть.—Неожиданно вспомнилъ, что въ 1898 году „Владиміръ Мономахъ", подъ командой князя Ухтомскаго, идя этимъ курсомъ, въ туманѣ выскочилъ на мель, но благополучно снялся своими средствами. Теперь „Мономахъ" покоится на днѣ Корейскаго пролива, а его бывшій командиръ—въ плѣну...

„Изъ Сасебо насъ сопровождаютъ докторъ Тадзуки и капитанъ-лейтенантъ Кимура.

„Маленькое замѣчаніе.—Вчера, ложась спать, подумалъ, что провалился—такъ отвыкъ отъ порядочной койки. Въ самомъ

дѣлѣ: $3^{1}/_{2}$ мѣсяца на жесткомъ соломенномъ матрасѣ, а подъ головой — маленькая, купленная въ госпитальной лавочкѣ, надувная резиновая подушка, такъ какъ отъ госпиталя вмѣсто подушки полагался парусинный валекъ, набитый пескомъ.—Помню, первое время, пока я не зналъ, что можно послать санитара купить подушку, какъ онъ меня мучилъ! — Лихорадка, вынужденное лежаніе въ одномъ и томъ же положеніи (навзничь); шея затекаетъ, голова болитъ, и проклятый валекъ, кажется, упирается не въ черепъ, а въ самый мозгъ.

„Жарко. Съ утра чуть тянулъ слабый SO, а послѣ полудня совсѣмъ заштилѣло.—Все море усѣяно парусами каботажниковъ. Имъ, прямо, числа нѣтъ.—Вотъ откуда комплектуется японскій флотъ настоящими моряками, и вотъ гдѣ неистощимый резервъ его личнаго состава.

„Въ 6 ч. 45 м. вечера стали на якорь у карантина, расположеннаго на островкѣ Ниносима, гдѣ будемъ сданы на попеченіе военнаго вѣдомства."

Вл. Семеновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ТОСТЪ

Мы подъ осенними звѣздами
Поцѣловались въ первый разъ.
Струился Млечный путь надъ нами,
Сверкала Вега, какъ алмазъ.
Горѣло жало Скорпіона;
Навелъ завѣтный лукъ Стрѣлецъ,
И ночь октябрьская безсонно
Держала Сѣверный вѣнецъ.

Благословенье поцѣлую!
Благословенье сонмамъ звѣздъ!
Кто видѣлъ счастье въ ночь такую,
Тотъ встрѣтитъ радостно мой тостъ.

За чистоту, за свѣжесть смуглыхъ
Осеннихъ длительныхъ ночей!
За трепетъ грудей полукруглыхъ,
За тѣхъ, чье сердце горячѣй!
За сокъ изъ гроздій винограда
И за послѣдніе цвѣты!
За пламя любящаго взгляда,
За все, чѣмъ такъ богата ты!

За голубую опустѣлость!
За крики перелетныхъ птицъ!
За опьяняющую смѣлость
И беззавѣтность безъ границъ!

За сѣть прозрачной паутинки
За первый иней на зарѣ,
За эти чистыя слезинки
На освященномъ алтарѣ!

---

* * *

Ужъ опустѣли дачи. На пескѣ—
Слѣды колесъ, соръ, листья... Двери нѣмы
И слѣпы окна. Только въ цвѣтникѣ
Нарядно доцвѣтаютъ хризантемы.

И кажется, что солнце—лишь для нихъ,
Но жалко мнѣ ихъ острое блистанье,
Какъ безотзывно прозвучавшій стихъ,
Какъ позднее любовное признанье.

И море опустѣло. Посмотри,—
Ни паруса, ни дыма. Ясны дали.
На западѣ печаленъ свѣтъ зари,
Но ласковы осеннія печали.

Я ни о чемъ отцвѣтшемъ не скорблю.
Ужъ близки бури,—осени подспорье.
Тогда еще сильнѣй я полюблю
Мое глухое, дикое приморье.

Вчера на солнцѣ буйно, какъ костеръ,
Старинный дубъ пылалъ листвой тяжелой,
А ныньче утромъ лиственный коверъ
Упалъ вокругъ громады полуголой,

И вѣтеръ кружитъ листья... Изъ окна
Я вижу, какъ въ измятомъ огородѣ
Подсолнечникъ роняетъ сѣмена
И дозрѣваютъ тыквы на свободѣ.

Да, все идетъ къ безмолвному концу.
Ужъ льются слезы ночи—метеоры,
И паутинки пристаютъ къ лицу.
Кого-то ждутъ и не встрѣчаютъ взоры.

И все кругомъ пустынно и бѣдно,
И вѣришь какъ-то кротко и глубоко,
Что тѣмъ, кто здѣсь родился, суждено
Прожить всю жизнь смиренно-одиноко.

А. Ѳедоровъ.

ИЗЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ

КРЕСТЬЯНСКАГО ВОПРОСА

Оффиціальные проекты, совѣщанія и записки 1897—1906 годовъ.

III *).

Закрытіе Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности состоялось подъ вліяніемъ фактическаго тогда руководителя политикою министерства внутреннихъ дѣлъ, товарища министра, генерала Трепова. Не смотря на грозныя событія, вырисовывавшіяся съ самаго начала 1905 г., повидимому и тогда еще въ области крестьянскаго вопроса полагали возможнымъ оставаться при задачахъ, поставленныхъ еще министромъ Плеве.

Благодаря гласности, которой были отданы на судъ всѣ предшествовавшіе труды Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, роль его была оцѣнена по достоинству печатью. Общественное мнѣніе вольно было высказывать свои desiderata, но это ни къ чему не обязывало всесильную бюрократію, которая, руководствуясь то высшими соображеніями, то принципомъ: „tel est mon bon plaisir“, хотѣла по-своему ломать жизнь и нужды населенія. Въ области крестьянскаго вопроса идеаломъ для министерства внутреннихъ дѣлъ являлись начала, заповѣданныя В. К. Плеве, который конечно и тутъ неуклонно слѣдовалъ по торному пути бюрократизма, на все посягающаго и ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ не останавливающагося.

---

*) См. апрѣль, стр. 621.

Со свойственною ему прямолинейностью Плеве взялся за разрѣшеніе крестьянскаго вопроса вопреки требованіямъ современности и заявленіямъ земствъ и комитетовъ. Еще во всеподданнѣйшемъ докладѣ 26 октября 1903 г. онъ высказалъ, что „самымъ основнымъ началомъ Положеній 19 февраля 1861 года является сословная обособленность крестьянъ и установленный въ соотвѣтствіи съ этимъ особливый порядокъ управленія ими". Дѣйствуя въ этомъ направленіи, Плеве испросилъ образованіе при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особой „редакціонной коммиссіи", настоящею задачею которой было нейтрализировать или парализовать работы Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Этою коммиссіею былъ разработанъ рядъ проектовъ, сохранявшихъ въ полной силѣ безконтрольное усмотрѣніе земскихъ начальниковъ и сельскихъ властей, неурядицу волостныхъ судовъ, зависимость крестьянина отъ міра, допустимость тѣлеснаго наказанія и прочія прелести крестьянскихъ якобы привилегій.

Руководящимъ началомъ трудовъ своихъ коммиссія провозгласила неизмѣнную якобы вѣрность основнымъ началамъ реформы 19 февраля 1861 г. Въ дѣйствительности сословность, по самой идеѣ реформы, вовсе не полагалась въ ея основу. Именно эта реформа и должна была создать въ Россіи, по мѣткому замѣчанію Я. И. Ростовцева, „народъ, котораго до того въ отечествѣ нашемъ не существовало". Сословность проникла въ Положенія 1861 г. лишь въ силу временной исторической необходимости, которую нельзя было обойти. Обособленность крестьянскаго сословія не предуказывалась ни въ Высочайшихъ рескриптахъ 20 ноября и 5 декабря 1857 г., ни въ послѣдующихъ законодательныхъ актахъ, и вовсе не обсуждалась въ редакціонныхъ коммиссіяхъ. Основныя начала реформы заключались лишь „въ обезпеченіи помѣщикамъ поземельной ихъ собственности, а крестьянамъ—прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей". Относительно устройства крестьянъ въ Высочайшихъ рескриптахъ и Высочайше утвержденномъ 4 декабря 1858 г. журналѣ Главнаго Комитета по крестьянскимъ дѣламъ содержится единственное указаніе, что „крестьяне входятъ въ общій составъ свободнаго сельскаго сословія въ государствѣ и распредѣляются на сельскія общества, которыя должны имѣть свое мірское управленіе".

Такого же мнѣнія придерживалось и большинство депутатовъ перваго призыва въ крестьянскихъ комитетахъ; они считали необходимымъ слить въ административномъ отношеніи освобождае-

мыхъ крестьянъ съ другими сословіями. По мнѣнію ихъ, надлежало „подчинить крестьянъ, наравнѣ съ прочими жителями уѣзда, одному общему административному управленію, одной общей полиціи и одному общему суду“. Многіе члены редакціонной коммиссіи настойчиво проводили мысль о всесословной организаціи крестьянства, полагая, что „волость должна обнимать всѣхъ жителей мѣстности безъ различія сословій и вѣдомствъ“ и что „волость, какъ и городъ, должна быть единицею территоріальною, а не сословною“. Идея общесословной организаціи сельскаго населенія и прочнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, объединяющаго всѣ сословія, на столько отвѣчала всему духу реформы, вводившей крестьянство „въ общій составъ свободнаго сельскаго сословія въ государствѣ“, что никакихъ принципіальныхъ возраженій даже и не вызывала. Къ практическому осуществленію этой идеи представлялись тогда препятствія чисто временного характера: считалось опаснымъ объединить въ общей свободной организаціи противоположные элементы населенія (крестьянскій и помѣщичій), которые прежде всего надлежало окончательно разъединить, чтобы распутать интересы, сросшіеся долгимъ историческимъ процессомъ въ одно нескладное цѣлое — крѣпостное право.

Игнорируя эти несомнѣнные историческіе факты, коммиссія Плеве утверждала, будто русское крестьянство, „питаясь въ неустанномъ трудѣ отъ плодовъ земли“, пріучено земледѣльческимъ промысломъ къ сознанію своей зависимости отъ началъ высшаго порядка, всегда стоитъ „на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности“ и „является оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій“. Въ охранительномъ значеніи крестьянскаго сословія коммиссія и усматривала его „бытовое своеобразіе, которое составляетъ залогъ прочности сословнаго строя“.

Другимъ основаніемъ сословной обособленности крестьянства коммиссія выставляла своеобразное правосознаніе крестьянъ, вылившееся въ обычно-правовыя нормы, дѣйствію которыхъ составители крестьянскихъ Положеній 19 февраля 1861 г. мудро „предоставили весь имущественный оборотъ крестьянъ“. Пока въ крестьянской жизни „обычное право не уступитъ своего мѣста общегосударственнымъ нормамъ писаннаго закона, до тѣхъ поръ отпаденіе сословныхъ граней крестьянства совершенно немыслимо“. Въ сущности задачей коммиссіи было пріисканіе аргументовъ для обоснованія дальнѣйшаго опеканія крестьянства съ цѣлью предупрежденія всякихъ постороннихъ воздѣйствій. Подчиненіе крестьянства

правительственной опекѣ министерство внутреннихъ дѣлъ мотивировало даже такимъ чудовищнымъ соображеніемъ, что такъ какъ правительство въ свое время освободило крестьянъ и предоставило имъ средства для выкупа, то въ отплату за это крестьянство должно оставаться въ подчиненіи фиску, какъ своему опекуну.

Составленные подъ руководствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Стишинскаго проекты положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи, положенія о волостномъ судѣ, устава судопроизводства въ волостныхъ судахъ и съѣздахъ, устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ волостными судьями, сельскаго устава о договорахъ и наслѣдованіи, положенія о надѣльныхъ земляхъ и правилъ объ отграниченіи крестьянскихъ надѣловъ и разверстаніи ихъ съ чрезполосными угодьями частнаго владѣнія, были направлены въ комитетъ министровъ при представленіи Плеве, предлагавшаго учредить для предварительнаго ихъ обсужденія губернскія совѣщанія.

Комитетъ министровъ, не входя въ оцѣнку содержанія министерскихъ проектовъ, нашелъ, что они выражаютъ собою только мнѣнія нѣкоторыхъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ, не освѣщены всестороннею критикою прочихъ вѣдомствъ съ точки зрѣнія руководящихъ началъ общей сельско-хозяйственной и вообще экономической политики, права и пр., и не соображены съ матеріалами по крестьянскому вопросу, уже собранными комитетами по сельско-хозяйственному Совѣщанію. Допуская учрежденіе губернскихъ совѣщаній, комитетъ министровъ счелъ нужнымъ оговорить, что совѣщанія эти образуются въ видахъ дальнѣйшей разработки составленныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ проектовъ и для согласованія ихъ съ мѣстными особенностями. Статсъ-секретарю Плеве было предложено озаботиться тщательнымъ пересмотромъ объяснительной къ проектамъ записки, для исключенія изъ нея мѣстъ, которыя могли бы дать поводъ къ предположенію, что правительствомъ уже предрѣшены основныя начала преобразованія крестьянскаго законодательства. Государственный контролеръ, генералъ Лобко, находилъ, что если проекты министерства внутреннихъ дѣлъ будутъ переданы губернскимъ совѣщаніямъ безъ указанія, что существенныя основы проектовъ Высочайше одобрены и не подлежатъ обсужденію, то, какъ показываетъ дѣятельность мѣстныхъ комитетовъ по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ, эти именно основы и сдѣлаются предметомъ возраженій и проекты министерства внутреннихъ дѣлъ подвергнутся на мѣстахъ переработкѣ въ противоположномъ духѣ. Какъ отнесется къ подобнымъ проектамъ правительство? — не-

доумѣвалъ ген. Лобко. Настоитъ ли оно на сохраненіи началъ, указанныхъ въ проектѣ, или уступитъ соображеніямъ и желаніямъ губернскихъ совѣщаній? Въ первомъ случаѣ несомнѣнно возникнетъ смута въ умахъ отъ неудовлетворенныхъ ожиданій и обманутыхъ надеждъ, хотя бы и неосновательныхъ. Во второмъ случаѣ наступитъ небывалое въ исторіи нашего законодательства и противорѣчащее нашему государственному строю положеніе: реформа въ устройствѣ и бытѣ самаго главнаго нашего сословія совершится на началахъ указанныхъ не сверху, а снизу (журналъ комитета министровъ отъ 25 ноября и 2 декабря 1903 г.).

Особое мнѣніе генерала Лобко не осталось безъ послѣдствій. Въ указъ Правительствующему Сенату отъ 8 января 1904 года объ учрежденіи губернскихъ совѣщаній введено было указаніе на необходимость „сохранить крестьянамъ сословный строй и неотчуждаемость надѣльныхъ земель“.

Когда, почти годъ спустя, состоялся извѣстный указъ 12-го декабря, столь рѣшительно отдалившійся отъ осужденной печальнымъ опытомъ политики Плеве, министръ внутреннихъ дѣлъ, князь Святополкъ-Мирскій, пытался доказать (въ циркулярѣ отъ 31-го декабря), что между обоими указами нѣтъ противорѣчія. Онъ находилъ, что указъ 12 декабря „отнюдь не исключаетъ сохраненія крестьянскаго сословнаго строя, поскольку онъ обусловленъ издревле сложившимися бытовыми особенностями крестьянства, а преимущественно исконными и особливыми формами крестьянскаго землепользованія“. Даже тотъ пунктъ указа 12 декабря 1904 г., которымъ повелѣвалось, „въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній, внести должное единство въ устройство судебной въ Имперіи части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность“, — не слѣдовало, по мнѣнію министра, понимать въ смыслѣ безусловнаго предрѣшенія вопроса объ упраздненіи сословнаго крестьянскаго суда, такъ какъ онъ можетъ быть введенъ, „въ качествѣ низшей инстанціи, въ строй общихъ судебныхъ установленій“. Въ заключеніе губернаторамъ предписывалось принять всѣ мѣры къ тому, чтобы занятія губернскихъ совѣщаній „продолжались съ прежнею энергіею и чтобы всѣ работы Совѣщанія были неукоснительно завершены и доставлены въ министерство“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, министромъ высказывалось пожеланіе, чтобы въ губернскихъ совѣщаніяхъ свобода сужденій не была стѣсняема, такъ какъ „отъ совѣщаній важно получить не одобреніе посланныхъ на ихъ за-

ключеніе проектовъ, а выраженіе дѣйствительныхъ взглядовъ и мнѣній, господствующихъ по симъ вопросамъ въ средѣ людей, ознакомленныхъ съ сельскимъ бытомъ".

IV.

Въ мартѣ 1905 года министерство внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго стоялъ тогда А. Г. Булыгинъ, окончательно убѣдилось въ невозможности примирить взгляды большинства членовъ сельско-хозяйственнаго Совѣщанія съ видами внутренней политики, глашатаями которыхъ являлись гг. Стишинскій и Хвостовъ, по всѣмъ кореннымъ вопросамъ расходившіеся съ резолюціями Совѣщанія и остававшіеся при особыхъ мнѣніяхъ. А такъ какъ эти-то особыя мнѣнія министерству внутреннихъ дѣлъ и желательно было возвести на степень директивъ, вопреки убѣжденіямъ и мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, и большинства Совѣщанія, то единственнымъ средствомъ являлось упраздненіе Совѣщанія.

Такъ какъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату отъ 30 марта 1905 г. повелѣлъ Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности упразднить, то производившіяся въ немъ дѣла были переданы подлежащимъ вѣдомствамъ и вновь образованному Особому Совѣщанію по вопросамъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія.

Въ рескриптѣ отъ того же числа, данномъ на имя члена Государственнаго Совѣта Горемыкина, намѣчались вкратцѣ задачи новаго Совѣщанія. Крестьянскій вопросъ опять сводился къ непосредственному упроченію земельнаго строя крестьянъ, при непремѣнномъ условіи охраненія частнаго землевладѣнія отo всякихъ на него посягательствъ, а вмѣсто полнаго преобразованія правовыхъ условій крестьянства, намѣчавшихся упраздненнымъ Совѣщаніемъ, многочисленному крестьянскому сословію обѣщались только экономическія улучшенія, въ предѣлахъ существующихъ и всемѣрно охраняемыхъ бюрократическихъ воздѣйствій земскихъ начальниковъ и крестьянскихъ учрежденій.

Изыскивая способы возродить къ жизни любимое дѣтище внутренней политики Плеве, Совѣщаніе И. Л. Горемыкина должно было, однако, считаться съ волнами освободительнаго движенія, набѣгавшими на Россію все сильнѣе и рѣшительнѣе. При такихъ условіяхъ обосновывать нормами закона дальнѣйшую неопредѣленность гражданскихъ правъ крестьянства являлось задачею крайне трудною и неблагодарною. Нельзя, поэтому, уди-

вляться, что дѣятельность Горемыкинскаго Совѣщанія свелась къ нулю; по крайней мѣрѣ о занятіяхъ его не проникало въ публику никакихъ даже слуховъ. Единственную вѣсть, которую дало о себѣ это Совѣщаніе, было неопредѣленное и небрежно редактированное объявленіе, появившееся въ концѣ іюля 1905 г. въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Гласитъ оно такъ: „Начавъ свои работы и намѣтивъ ихъ порядокъ, Совѣщаніе имѣло сужденіе о вызовѣ выборныхъ отъ крестьянскаго населенія для доставленія Совѣщанію отвѣтовъ и объясненій по подлежащимъ обсужденію Совѣщанія вопросамъ, касающимся землеустройства и хозяйственнаго быта разныхъ родовъ крестьянскаго населенія государства. Сужденія Совѣщанія по сему важному для крестьянъ предмету удостоились Всемилостивѣйшаго одобренія. На семъ основаніи съ Высочайшаго соизволенія поставляю крестьянское населеніе въ извѣстность, что выбранные довѣренные крестьянъ будутъ призваны для указанной надобности въ Высочайше утвержденное Совѣщаніе о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія. Порядокъ избранія крестьянами своихъ довѣрителей будетъ своевременно установленъ и объявленъ населенію“. Приглашеніе крестьянъ въ Совѣщаніе пришлось, однако, отложить на неопредѣленное время. Аграрные безпорядки охватывали все бо̀льшую площадь, а крестьянство весьма рѣшительно вступало въ фарватеръ образовавшагося весною 1905 г. Всероссійскаго Крестьянскаго Союза.

Съ этими тревожными явленіями пришлось считаться кабинету графа Витте, когда онъ, послѣ объявленія манифеста 17 октября, былъ призванъ къ власти для проведенія въ жизнь началъ обновленія русскаго государственнаго строя. Предсѣдателю совѣта министровъ была передана записка профессора М—на, посвященная вопросу о принудительномъ отчужденіи. Авторъ исходилъ изъ положенія, что „аграрный вопросъ представляетъ для Россіи несравненно бо̀льшую важность, чѣмъ для иныхъ государствъ, такъ какъ 90% населенія существуютъ на счетъ земледѣлія и сельско-хозяйственныхъ промысловъ. При подобныхъ условіяхъ вопросъ о *собственности* на обрабатываемую землю—у насъ вопросъ особенно острый, и созданіе непосредственной юридической связи между землевладѣльцемъ и обрабатываемою имъ землею имѣетъ огромное значеніе для сохраненія спокойствія въ странѣ при массѣ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, заинтересованныхъ въ спокойствіи... Люди голодные, обездоленные являются элементомъ крайне опаснымъ, ибо терять имъ нечего. Съ такимъ общественнымъ элементомъ немы-

слимы ни серьезные договоры, ни юридическія отношенія. Голодные крестьяне всегда будутъ создавать и голодные бунты. Тѣ семь милліоновъ десятинъ земли, которыя съ 1882 г. перешли изъ помѣщичьихъ рукъ въ крестьянскія, увеличили площадь владѣнія только *зажиточныхъ* крестьянъ, составлявшихъ товарищества для такихъ покупокъ. Радикальное рѣшеніе аграрнаго вопроса можетъ состоять единственно въ созданіи условій, при которыхъ: 1) для избытка населенія явится возможность выхода со старыхъ мѣстъ и устройства хозяйствъ на новыхъ мѣстахъ (т.-е. расширеніе площади земледѣлія, съ правильною постановкою переселенческаго вопроса); 2) на нынѣ обрабатываемыхъ мѣстахъ окажется возможнымъ заведеніе правильнаго, раціональнаго хозяйства, съ увеличеніемъ для оскудѣлыхъ маломочныхъ крестьянъ ихъ надѣловъ прирѣзкою нѣкотораго количества выгонной земли и установленіемъ закона о недѣлимости подворныхъ участковъ, что позволило бы владѣльцамъ перейти къ интенсивному хозяйству, и 3) надъ сельскимъ населеніемъ перестанетъ тяготѣть угрозою призракъ голода, въ зависимости отъ неблагопріятнаго сочетанія метеорологическихъ условій".

Для осуществленія этого проекта, по соображеніямъ проф. М—на, могло быть использовано отъ 10 до 20 милл. десятинъ государственныхъ и удѣльныхъ земель, которыя могли отойти къ крестьянамъ на условіяхъ умѣреннаго выкупа; кромѣ того предстояло еще подвергнуть принудительному отчужденію около половины частновладѣльческихъ земель. „О нарушеніи права частной собственности землевладѣльцевъ при выкупѣ дополнительныхъ надѣловъ" — продолжалъ авторъ записки — „*нельзя серьезно говорить*, въ виду признанія современной наукой государственнаго права полной суверенности государства и доминированія его интересовъ надъ интересами частными. Откладывать выкупную операцію до созыва Государственной Думы невозможно. На своевременное собраніе Думы надежды очень мало, и еще меньше надежды, что по собраніи она займется аграрнымъ вопросомъ, а не вопросомъ самоопредѣленія и учредительными функціями. Тѣмъ временемъ общее крестьянское возстаніе будетъ въ полномъ разгарѣ и уничтожитъ весь сельско-хозяйственный оборотный капиталъ, повергнувъ всю страну въ состояніе голода и анархіи. Погромы могутъ быть остановлены единственно аграрной реформой, въ основѣ которой должны лежать дополнительные надѣлы".

Практически осуществимость выкупной операціи подтверждалась тѣмъ соображеніемъ, что весь ипотечный долгъ могъ быть

переведенъ на крестьянъ (въ суммѣ около $1^1/_2$ милліардовъ руб.), а 500 милліоновъ рублей предполагалось выдать частнымъ владѣльцамъ въ видѣ $5^0/_0$ выкупныхъ свидѣтельствъ.

Мысль профессора М—на курсировала въ высшихъ сферахъ и нашла себѣ горячихъ поборниковъ въ лицѣ нѣкоторыхъ генералъ-адъютантовъ, незадолго передъ тѣмъ командированныхъ для разслѣдованія погромовъ, и въ особенности въ лицѣ дворцоваго коменданта, генерала Д. Ѳ. Трепова. Эти лица неоднократно выражали убѣжденіе, что осуществленіе принудительнаго выкупа — единственный способъ положить предѣлъ аграрному броженію, и что помѣщики, въ виду грозящей имъ опасности, съ радостью поступятся половиною земли за соотвѣтствующее вознагражденіе, чтобы обезпечить себѣ спокойное пользованіе остальнымъ достояніемъ.

Когда состоялся ноябрьскій съѣздъ городскихъ и земскихъ дѣятелей, резолюціи его были переданы премьеру при объяснительной запискѣ, основная мысль которой заключалась въ томъ, что правительству слѣдуетъ смѣло и послѣдовательно осуществить широкую государственную программу, обнимающую собою органическія реформы во всѣхъ областяхъ государственной и народной жизни. Совѣтъ министровъ, разсмотрѣвъ эту записку, нашелъ, что его задача заключается въ исполненіи Высочайшей воли, выраженной въ манифестѣ 17-го октября и въ утвержденіи доклада графа Витте. Съ этого пути правительство не имѣетъ ни права, ни возможности сойти, а слѣдовательно все то, что̀ въ разныхъ пожеланіяхъ или резолюціяхъ можетъ клониться къ измѣненію или расширенію началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября, одинаково непріемлемо. Равнымъ образомъ не подлежатъ осуществленію ранѣе открытія засѣданій Государственной Думы и такія мѣры, которыя, имѣя коренное значеніе для всей будущности государства, могли бы умалить силу и значеніе манифеста, опредѣляющаго полномочія Думы. Это не исключаетъ, однако, изданія временныхъ правилъ. По такимъ же мотивамъ кабинетъ относился отрицательно ко всякой коренной ломкѣ и въ аграрной области, находя, что правительство въ порядкѣ управленія не можетъ и не вправѣ предпринимать рѣшающихъ и связывающихъ Россію надолго шаговъ, и что такія дѣйствія принадлежатъ къ компетенціи единственно закономѣрной законодательной власти.

По этимъ соображеніямъ совѣтъ министровъ отнесся отрицательно къ переданному на его обсужденіе проекту манифеста, воспроизводившему вышеизложенныя мысли проекта проф. М—на

и горячо поддержанному генераломъ Треповымъ. Возможными признавались только такія мѣры, которыя показали бы сельскому населенію, что правительство не останавливается предъ нѣкоторыми жертвами для обезпеченія матеріальнаго благосостоянія трудового населенія. Съ этою цѣлью былъ изданъ Высочайшій манифестъ отъ 3-го ноября 1905 г., которымъ было постановлено: 1) выкупные платежи съ крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, государственныхъ и удѣльныхъ уменьшить съ перваго января 1906 года на половину, а съ перваго января 1907 года взиманіе этихъ платежей прекратить вовсе, и 2) дать крестьянскому поземельному банку возможность успѣшнѣе помогать малоземельнымъ крестьянамъ въ расширеніи покупкою площади ихъ землевладѣнія, увеличивъ для того средства банка и установивъ болѣе льготныя правила по выдачѣ ссудъ. Въ развитіе началъ манифеста въ тотъ же день послѣдовали два указа Правительствующему Сенату: въ одномъ изъ нихъ подробно опредѣлялся порядокъ сложенія выкупныхъ платежей, а въ другомъ—порядокъ и объемъ дѣйствій крестьянскаго банка.

Дальнѣйшимъ правительственнымъ мѣропріятіемъ явилось учрежденіе на мѣстахъ особыхъ губернскихъ и уѣздныхъ коммиссій, для обслѣдованія быта крестьянъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ проявляется съ наибольшею силою крестьянское оскудѣніе. Дѣятельность этихъ коммиссій должна была объединяться особымъ центральнымъ органомъ въ вѣдомствѣ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія.

При обсужденіи дѣла въ совѣтѣ министровъ было высказано, что упадокъ крестьянскаго благосостоянія въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи, при громадности ея пространства и чрезвычайномъ разнообразіи климатическихъ, почвенныхъ, этнографическихъ и хозяйственныхъ условій отдѣльныхъ ея частей, является слѣдствіемъ различныхъ причинъ, среди которыхъ малоземелье можно считать только одною изъ главныхъ. Отсюда проистекаетъ исключительная сложность и трудность вопроса о лучшемъ земельномъ устройствѣ крестьянъ. Разрѣшеніе его потребуетъ всестороннихъ мѣстныхъ изслѣдованій и можетъ послѣдовать лишь по всесторонней разработкѣ его Государственною Думою.

Въ этомъ смыслѣ представлялась совѣту министровъ программа тѣхъ начинаній, какія отвѣчали переживаемому моменту.

V.

Кабинетъ графа Витте постепенно выработалъ по крестьянскому вопросу рядъ проектовъ, изъ которыхъ иные имѣли бо́льшую, другіе—меньшую важность. Вслѣдствіе непродолжительности существованія кабинета, эти проекты не получили ни гласнаго обсужденія, ни осуществленія. Намѣчались, главнымъ образомъ, тѣ вопросы, которые требовали предварительнаго принципіальнаго разрѣшенія. Они касались имущественныхъ правъ крестьянства, крестьянскаго управленія, крестьянскаго суда и землеустройства.

I.—*Въ отношеніи имущественныхъ правъ* на крестьянъ имѣлось въ виду распространить дѣйствіе общихъ гражданскихъ законовъ, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ особыхъ положеній, необходимыхъ, съ одной стороны, для нормировки тѣхъ правоотношеній, которыя отсутствуютъ въ общемъ гражданскомъ оборотѣ и вытекаютъ главнымъ образомъ изъ условій общиннаго землепользованія, а съ другой—для охраны крестьянскаго землевладѣнія отъ перехода его въ другія руки и для удержанія крестьянскихъ земель во владѣніи земледѣльческаго населенія. При этомъ предполагалось, однако, узаконить, что общество, въ теченіе продолжительнаго времени не производившее никакихъ земельныхъ передѣловъ, перестаетъ фактически быть общинно-уравнительною организаціею. Относительно прочихъ общинъ, гдѣ уравнительные передѣлы существуютъ, было рѣшено *каждому члену* общины предоставить по желанію либо оставаться въ условіяхъ уравнительнаго землепользованія, либо выйти изъ состава общины *со своею (?) земельною долею.*

Хозяйственное распоряженіе общинными землями признавалось неподлежащимъ регламентированію со стороны закона; но нормировка общинныхъ отношеній все-же допускалась, хотя только въ видахъ обезпеченія равноправности всѣхъ членовъ общины и предупрежденія нарушеній большинствомъ общины имущественныхъ интересовъ отдѣльныхъ ея членовъ. Административная провѣрка приговоровъ о передѣлахъ съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности безусловно отмѣнялась; только въ теченіе извѣстнаго срока, до вступленія приговора въ законную силу, администрація могла провѣрять его *законность.* Жалобы на нарушеніе имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ должны были подлежать, на общемъ основаніи, вѣдѣнію судебныхъ учрежденій. Устанавливался предѣльный

размѣръ сосредоточенія надѣльной земли во владѣніи одного лица; допускался переходъ этой земли только къ лицамъ сельскаго состоянія. Но залогъ земли разрѣшался лишь въ учрежденіяхъ правительственныхъ и общественныхъ.

II. — Въ области *управленія* проводилось начало всесословности. Къ несенію обязанностей и расходовъ по управленію въ сельскихъ мѣстностяхъ привлекались лица всѣхъ состояній.

На волостное управленіе возлагались обязанности исключительно административно-полицейскія, на мелкую земскую единицу — обязанности исключительно хозяйственныя, свойственныя органамъ земскаго самоуправленія. Устройство волостныхъ управленій, въ виду затруднительности исполненія административно-полицейскихъ обязанностей на слишкомъ обширныхъ территоріяхъ, пріурочивалось къ существующимъ территоріямъ волостей; что же касается мелкой земской единицы, то въ этомъ отношеніи признавалось, что для успѣшной дѣятельности ея нужны главнымъ образомъ достаточныя средства, и потому размѣръ ея территоріи долженъ зависѣть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отъ густоты населенія, его экономическаго положенія и другихъ мѣстныхъ условій. Опредѣленіе этихъ условій, равно какъ и разрѣшеніе вопросовъ, относящихся къ учрежденію мелкой земской единицы, возлагалось на уѣздныя земскія собранія, съ правомъ обжалованія ихъ постановленій въ особо устанавливаемомъ порядкѣ.

Изъ всесословной организаціи сельскаго управленія совершенно выдѣлялись дѣла, касающіяся крестьянскаго землевладѣнія. Правильно разрѣшать эти дѣла могутъ только лица, участвующія въ самомъ владѣніи землею, и потому союзу такихъ лицъ — земельному обществу — предполагалось дать совершенно самостоятельную организацію.

III.—Положенія, относящіяся *къ суду*, установляли въ сельскихъ мѣстностяхъ судъ одинаковый для всѣхъ сословій—близкій и доступный для населенія и дающій необходимыя гарантіи для скораго и правосуднаго разрѣшенія дѣлъ.

IV.—Положенія, касающіяся землеустройства, обнимали двѣ категоріи мѣръ, направленныхъ, съ одной стороны, къ такъ называемому улучшенію крестьянскаго землепользованія въ его существующихъ границахъ, съ другой — къ расширенію площади крестьянскаго землевладѣнія.

Мѣры первой категоріи касались главнымъ образомъ устраненія мелкополосья и отдаленности пашенъ, а также содѣйствія образованію выселковъ, раздѣла крупныхъ земельныхъ общинъ на болѣе мелкія, выдѣла хуторскихъ отрубовъ и т. п.

По дѣйствующему закону для осуществленія всѣхъ выше указанныхъ мѣръ требовалось согласіе не менѣе $^2/_3$ голосовъ сельскаго общества при общинномъ владѣніи и единогласное рѣшеніе всѣхъ заинтересованныхъ домохозяевъ — при подворномъ. Теперь предполагалось допустить производство выдѣла и разверстаніе угодій по требованію опредѣленнаго числа домохозяевъ, независимо отъ согласія общества.

Въ видахъ устраненія чрезполосности крестьянскихъ земель съ прилегающими владѣніями и общности пользованія крестьянъ съ частными владѣльцами, разверстаніе этихъ земель, равно какъ и предоставленныхъ крестьянамъ сервитутовъ, а также отграниченіе крестьянскихъ надѣльныхъ земель отъ частновладѣльческихъ по всей окружной межѣ, предполагалось производить обязательно по требованію одной изъ сторонъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ возникающіе при этомъ споры не направлялись въ судебно-межевомъ порядкѣ, а разрѣшались на мѣстахъ землеустроительными органами.

Для расширенія крестьянскаго землевладѣнія предназначались всѣ земли, состоящія въ непосредственномъ распоряженіи казны, за исключеніемъ необходимыхъ для удовлетворенія другихъ общегосударственныхъ потребностей, и земли, пріобрѣтаемыя чрезъ крестьянскій поземельный банкъ по соглашенію съ ихъ владѣльцами. Въ виду того, что количество частновладѣльческихъ, а равно и казенныхъ земель въ предѣлахъ Европейской Россіи считалось недостаточнымъ для удовлетворенія земельной потребности всего малоземельнаго населенія, указанныя земли предполагалось продавать съ такимъ разсчетомъ, чтобы на душу мужского населенія приходилось не свыше предѣльной нормы, опредѣляемой въ каждой мѣстности примѣнительно къ нормамъ 1861-го года. По отношенію къ азіатскимъ владѣніямъ нормы надѣленія признавалось возможнымъ поставить значительно шире, такъ какъ въ этомъ районѣ запасъ свободныхъ земель достаточно великъ и все дѣло сводится лишь къ усиленію работъ по подготовкѣ и приспособленію земель для заселенія, къ облегченію условій переселенія и къ расширенію правительственной помощи переселяющимся по хозяйственному устройству на новыхъ мѣстахъ.

Дѣятельность крестьянскаго банка предполагалось поставить въ непосредственную связь съ прочими правительственными мѣропріятіями въ области крестьянскаго землеустройства. Всѣ вопросы о покупкѣ предлагаемыхъ банку имѣній и о планѣ ихъ ликвидаціи, равно какъ и всѣ сдѣлки по продажѣ крестьянскихъ земель при посредствѣ крестьянскаго банка, должны были быть

обсуждаемы мѣстными землеустроительными учрежденіями, съ сохраненіемъ рѣшающаго голоса за банкомъ.

Съ цѣлью удовлетворенія земельной потребности той части населенія, для которой пріобрѣтеніе земель при содѣйствіи банка окажется непосильнымъ, признавалось желательнымъ ассигновать изъ казны особыя средства на покупку земель, которыя и могли бы быть перепродаваемы наиболѣе нуждающимся лицамъ.

Послѣ роспуска первой Думы кабинетъ П. А. Столыпина приступилъ къ разрѣшенію крестьянскаго дѣла, при посредствѣ отдѣльныхъ указовъ, издаваемыхъ въ порядкѣ 87-ой ст. основныхъ законовъ.

Въ манифестѣ 9-го іюля 1906 г. выражалась непреклонная воля, чтобы пахарь русскій, безъ ущерба чужому владѣнію, получилъ тамъ, гдѣ существуетъ тѣснота земельная, законный и честный способъ расширить свое землевладѣніе. 11-го іюля предсѣдатель совѣта министровъ въ телеграммѣ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ заявлялъ, что правительство проникнуто твердымъ намѣреніемъ способствовать отмѣнѣ и измѣненію въ законномъ порядкѣ постановленій устарѣвшихъ и недостигающихъ своей цѣли. 12-го августа 1906 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о передачѣ крестьянскому поземельному банку удѣльныхъ земель, чтобы продажею ихъ способствовать улучшенію крестьянскаго землепользованія. 27-го августа 1906 г. состоялся указъ Правительствующему Сенату о предназначеніи свободныхъ казенныхъ земель въ Европейской Россіи для обезпеченія нуждающихся въ землѣ крестьянъ, путемъ продажи этихъ земель чрезъ крестьянскій поземельный банкъ. 18-го августа правительственное сообщеніе объявляло, что мѣстнымъ землеустроительнымъ коммиссіямъ нынѣ же будетъ дана возможность фактически начать устройство быта малоземельныхъ крестьянъ какъ использованіемъ во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ земельная нужда, наличнаго земельнаго запаса, такъ и облегченіемъ въ этомъ отношеніи частной самодѣятельности крестьянъ. 5-го октября состоялся указъ Правительствующему Сенату „объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и лицъ другихъ бывшихъ податныхъ состояній“. 9-го ноября 1906 г. былъ опубликованъ указъ Правительствующему Сенату о допущеніи свободнаго выхода крестьянъ изъ общины, съ укрѣпленіемъ въ собственность отдѣльныхъ домохозяевъ, переходящихъ къ личному владѣнію, участковъ изъ мірского надѣла. Наконецъ, указомъ Правитель-

ствующему Сенату отъ 15 ноября 1906 г. установлены нормы для производства чрезъ крестьянскій земельный банкъ ссудъ подъ залогъ надѣльныхъ земель.

Этимъ исчерпываются главныя междудумскія начинанія правительства по урегулированію крестьянскаго вопроса.

Учрежденныя закономъ 4 марта 1905 г. землеустроительныя коммиссіи предназначались первоначально для скромной работы въ помощь крестьянскому банку при опредѣленіи степени цѣлесообразности предлагаемыхъ банкомъ покупокъ частновладѣльческихъ земель, стоимости покупаемыхъ земель и способа распредѣленія ихъ между крестьянами. Между тѣмъ, начиная съ 1906 г., коммиссіи эти, при ничтожномъ личномъ составѣ, совершенно подавляются взваливаемою на нихъ непосильною работою по участію въ распредѣленіи поступающихъ въ вѣдѣніе крестьянскаго банка удѣльныхъ земель и въ самостоятельномъ завѣдываніи дѣломъ распредѣленія всѣхъ казенныхъ земель, поступающихъ въ продажу крестьянамъ. По наказу, коммиссіи обязаны при самомъ открытіи своихъ дѣйствій направлять усилія къ удовлетворенію земельныхъ нуждъ тѣхъ селеній, которыя оказываются въ особо неблагопріятныхъ условіяхъ. Для этого коммиссіи обязаны посредствомъ мѣстнаго изслѣдованія выяснять размѣры земельной нужды, сообразуясь не только съ размѣрами землевладѣнія нуждающихся въ землеустроительныхъ мѣрахъ, но и съ расположеніемъ земельныхъ владѣній, съ существующими порядками землепользованія, съ производительностью угодій, со степенью обезпеченности населенія мѣстными и отхожими заработками и съ другими условіями, непосредственно вліяющими на хозяйственное положеніе населенія.

Независимо отъ всѣхъ предположенныхъ статистическихъ изслѣдованій, объемъ которыхъ напоминаетъ тѣ почтенныя работы, которыя годами и при затратѣ крупныхъ матеріальныхъ средствъ и серьезныхъ научныхъ силъ производились земствами,— землеустроительныя коммиссіи обязаны принимать участіе какъ въ дѣлахъ о покупкахъ крестьянскимъ банкомъ частновладѣльческихъ земель и въ ликвидаціи ихъ, такъ и въ дѣлахъ о покупкѣ непосредственно крестьянами земель съ помощью банка; на нихъ возложено, далѣе, содѣйствіе переселенію крестьянъ на казенныя земли Азіатской Россіи, помощь селеніямъ и даже отдѣльнымъ домохозяевамъ въ улучшеніи условій землевладѣнія и землепользованія и, наконецъ, содѣйствіе крестьянамъ и сосѣднимъ землевладѣльцамъ въ заключеніи добровольныхъ сдѣлокъ объ упразд-

неніи чрезполосности и общности угодій, а также въ осуществленіи состоявшихся сдѣлокъ.

Работа эта по 49 губерніямъ Европейской Россіи прямо таки колоссальна; одна уже сравнительно второстепенная межевая работа въ указанныхъ рамкахъ требуетъ такой арміи землемѣровъ, для подготовленія которой необходимо создать цѣлый рядъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній или курсовъ.

Насколько работы по разверстанію угодій вообще медлительны, тому весьма убѣдительныя доказательства представляетъ примѣръ Пруссіи. Тамъ потребовалось свыше ³/₄ вѣка (1817—1900), чтобы произвести разверстаніе земельныхъ угодій общаго пользованія между 2.251.178 совладѣльцами на пространствѣ 16.620.198 десятинъ, для чего понадобилось производство межевыхъ работъ на пространствѣ 14.270.256 десятинъ.

При такихъ условіяхъ широковѣщательныя заявленія о томъ, что землеустроительныя коммиссіи дѣйствуютъ успѣшно и смогутъ въ короткое время удовлетворить нуждающееся крестьянское населеніе нарѣзкою свободныхъ земель, устранить длинноземелье и чрезполосицу, насадить и правильно организовать самостоятельныя хуторскія хозяйства—по меньшей мѣрѣ фантастичны и не имѣютъ ничего общаго съ реальною дѣйствительностью. Хуже всего то, что, при чрезвычайномъ напряженіи усилій для искусственнаго на всѣхъ парахъ насажденія подворнаго и хуторского владѣнія, оставляется совершенно открытымъ вопросъ объ упорядоченіи правового положенія крестьянскаго населенія въ сферѣ хозяйственнаго сельскаго распорядка, управленія и суда, не говоря уже объ огромной области экономическаго споспѣшествованія нуждамъ сельскаго населенія.

Какъ въ остромъ политическомъ вопросѣ, возникшемъ съ начала 1905 г., бюрократія проявила полнѣйшее непониманіе духа времени и металась, въ нерѣшительности, изъ стороны въ сторону, пока не довела Россію до революціи, такъ и въ крестьянскомъ вопросѣ она частью проявляетъ то же непониманіе и неисправимое малодушіе, а частью поступаетъ явно несправедливо. Въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія все тѣ же сословно-дворянскіе аргументы, полная неубѣдительность которыхъ давно признана въ общественномъ сознаніи, настойчиво повторяются бюрократіею и выдаются ею за незыблемыя основы, на которыхъ зиждется, будто бы, благополучіе и спасеніе Россіи. До 1905-го года можно было, пожалуй, вѣрить въ цѣлесообразность сословнаго обособленія крестьянства, въ возможность оградить „простецовъ", при помощи земскихъ начальниковъ, отъ

„тлетворнаго“ вліянія интеллигенціи и освободительныхъ вѣяній; но съ тѣхъ поръ несостоятельность политики, стремившейся къ опекѣ надъ сельской массой, обнаружена событіями съ достаточною яркостью. Спрашивается: развѣ можно скрыть мотивы, ради которыхъ, разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, упорно цѣпляются за удержаніе неполноправнаго состоянія крестьянъ, за обособленность сословнаго крестьянскаго строя, стоящую въ полнѣйшемъ и непримиримомъ противорѣчіи со всѣмъ укладомъ гражданственности, внесеннымъ въ русскую государственную жизнь манифестомъ 17 октября 1905 года?

К.

ПИСЬМА
ИЗЪ
ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРѢПОСТИ *)

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ [1]).

25 августа 1901 г.

Милая и дорогая мамаша!

...Это лѣто было такое теплое и ясное, какихъ уже давно не бывало въ нашихъ краяхъ, и я буду надѣяться, что возможность проводить все время въ имѣньѣ, на чистомъ воздухѣ, послужитъ вамъ лучшимъ цѣлебнымъ средствомъ, буду надѣяться, что ваше нездоровье кончилось еще весной. И откуда только берутся, посреди вашихъ луговъ и березовыхъ рощъ, всѣ эти поганые коклюшечные микробы и тому подобная дрянь! Другое дѣло—въ большихъ городахъ или у насъ; но даже и здѣсь не было ничего подобнаго.

Хотя послѣдніе три-четыре мѣсяца я и чувствую себя нѣсколько болѣе нервозно, но въ общемъ мое здоровье осталось, какъ и въ прежніе годы, ни то, ни сё. Все это время я работалъ очень много надъ составленіемъ новой книги подъ трудно выговариваемымъ для васъ названіемъ: „*Періодическія системы. Теорія внутренняго строенія химическихъ единицъ*“ [2]), и успѣлъ

---

*) См. мартъ, стр. 99.

[1]) Затеряно и возстановлено по сохранившемуся въ тетрадяхъ черновику.

Позднѣйшее примѣчаніе.

[2]) Ее у меня взяли тогда для передачи на разсмотрѣніе Д. И. Менделѣеву или Н. Н. Бекетову, но я умолчалъ объ этомъ въ письмѣ, чтобъ не испортить дѣла, зная манеру департамента дѣлать все наоборотъ желаемому.

Позднѣйшее примѣчаніе.

вполнѣ закончить всю работу въ августѣ, а о дальнѣйшей судьбѣ этой книги сообщу вамъ только въ слѣдующемъ письмѣ [1]).

Всякій разъ, когда я вамъ пишу, я не могу не пожалѣть глубоко, что большинство моихъ научныхъ работъ настолько спеціальнаго характера, что о содержаніи ихъ нельзя ни съ кѣмъ потолковать, кромѣ людей, посвятившихъ всю свою жизнь изученію этой же области естествознанія. Для большинства общеобразованныхъ людей самыя названія моихъ сочиненій покажутся сочетаньемъ совершенно непонятныхъ звуковъ...

Ну, да что подѣлаешь! Вѣрно, такова уже моя судьба! Всякій долженъ работать въ той области, въ которой надѣется принести пользу людямъ,—иначе жизнь была бы слишкомъ пуста...

Что сообщить вамъ о моей жизни? — Почти нечего. Она идетъ по прежнему однообразно. Вотъ только въ концѣ іюня буря принесла къ намъ новую воспитанницу, вторую Чику, на этотъ разъ уже *деревенскую ласточку-малютку*, отличающуюся отъ *городскихъ ласточекъ* тѣмъ, что у нея лапки не покрыты пухомъ. Эта Чика оказалась еще болѣе ручной, чѣмъ прежняя.

Послѣ нашихъ многочисленныхъ опытовъ ежегоднаго воспитанія крошечныхъ ласточекъ, выбиваемыхъ бурями изъ гнѣздъ на окружающихъ насъ бастіонахъ, мы уже убѣдились, что для ихъ полнаго прирученія необходимо только очень много возиться съ ними, отвѣчать на всякое ихъ щебетанье и самому заговаривать съ ними, а такъ какъ у одного это отнимаетъ массу времени, то новую Чику мы передавали отъ одного къ другому. Сначала ее приходилось кормить, насильно раскрывая ей ротъ, потомъ уже, на второй или третій день, проголодавшаяся птичка начала брать сама. Для окончательнаго же прирученія мы приманивали ее къ себѣ, держа муху на нѣкоторомъ разстояніи, а затѣмъ заставляли перелетѣть къ мухѣ съ одной руки на другую. Въ результатѣ такого, найденнаго прежнимъ опытомъ, способа, получилось нѣчто поразительное. Она до того привязалась къ намъ, что предпочитаетъ наше общество даже компаніи своихъ подругъ. Стоитъ только позвать ее: „Чика! Чика!“ какъ сейчасъ же она спускается изъ-подъ небесъ и начинаетъ, какъ муха, кружиться вокругъ головы. Даже и безъ зова она постоянно возвращается полетать вокругъ кого-нибудь изъ насъ. Если работаешь въ огородѣ, то она садится по близости на верхушку первой воткнутой въ землю палки и наблюдаетъ съ такимъ серьезнымъ

---

[1]) Напечатана въ 1907 году.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

выраженіемъ, какъ будто вполнѣ понимаетъ дѣло. Если сидишь и читаешь, она спускается съ высоты, садится на плечо или на голову и смотритъ оттуда, особенно за переворачиваемыми страницами, съ самымъ серьезнымъ и внимательнымъ видомъ. По временамъ она любитъ и просто пошалить. Если покажешь ей муху, она вдругъ дѣлаетъ видъ, что муха ей совсѣмъ не нужна, вспорхнетъ и начнетъ махать крыльями передъ нею, какъ бабочка передъ цвѣткомъ, вися въ воздухѣ на одномъ мѣстѣ, или вдругъ примется быстро кружиться передъ лицомъ, не давая себя поймать. Но стоитъ только спрятать муху въ кулакъ, какъ Чика сейчасъ же испугается и сама сядетъ на руку.

Грустно только подумать о ея будущей судьбѣ. При такихъ привычкахъ, проголодавшись гдѣ-нибудь во время перелета въ Африку, она, того и гляди, сядетъ на голову къ первому арапченку и будетъ сцапана и привязана на нитку. Впрочемъ въ этомъ отношеніи она, кажется, имѣетъ уже нѣкоторую опытность, такъ какъ видимо остерегается всѣхъ постороннихъ людей и даже птицъ. Разъ, при видѣ только что сдѣланной чучелы-галки, Чика мгновенно взлетѣла на воздухъ, закричавъ отъ страха какимъ-то совсѣмъ не птичьимъ голосомъ. Теперь, когда я пишу, она уже съ недѣлю какъ исчезла во время неожиданныхъ холодовъ, вдругъ начавшихся у насъ въ двадцатыхъ числахъ августа. Вѣрно, уже улетѣла въ Африку!..

Но не однѣ ласточки разнообразятъ теперь мою жизнь. Въ послѣдніе годы у товарищей царитъ настоящая манія куроводства. Разводятся десятками цыплята, и кругомъ царитъ такое клохтанье и побѣдоносные кукуреку, что я затыкаю себѣ уши ватой, когда принимаюсь обдумывать и писать свои сочиненія [1]). Но, вѣроятно, и это увлеченіе скоро кончится и замѣнится чѣмъ-нибудь другимъ. Общій фонъ жизни въ заключеніи—независимо отъ времени и мѣста—это конвульсивная порывистость и, въ большинствѣ случаевъ, потеря способности къ самообладанію и продолжительному систематическому труду. Счастливъ тотъ, у кого есть какіе-нибудь опредѣленные интересы, напримѣръ научные, и возможность ихъ удовлетворять, хотя бы отчасти!.. Отсутствіе семьи, которая могла бы дать исходъ естественной потребности человѣка любить и охранять беззащитныя существа, зависящія всецѣло отъ него одного, невольно вызываетъ у него

[1]) Послѣдняя фраза была исключена мною изъ письма, чтобы не повредить хозяйственнымъ занятіямъ товарищей, и осталась только въ тетрадяхъ въ черновомъ набросkѣ, съ котораго и переписано это затерявшееся письмо.

Позднѣйшее примѣчаніе.

всякія суррогатныя увлеченія. Одинъ привязывается къ голубямъ и радуется, когда они свиваютъ у него гнѣзда въ печуркахъ камеры, хотя постоянное воркованіе и мѣшаетъ ему спать; другой разводитъ кроликовъ, которые поѣдаютъ всѣ имъ же самимъ посаженные въ прошломъ году кустарники и деревья; третій размножаетъ куръ и до того ухаживаетъ за ними, что со стороны невольно кажется, будто не куры существуютъ для человѣка, а человѣкъ для куръ... Все это понятно, и иначе быть не можетъ... И я не могу не согласиться съ товарищами, что изъ всѣхъ предпріятій, какія у насъ заводились, куры съ ихъ яйцами приносятъ наиболѣе пользы (для желудка); но мнѣ все-таки жалко видѣть, что многочисленные пестрые цвѣты, которыми всѣ такъ восхищались и увлекались нѣсколько лѣтъ назадъ, теперь—увы!—почти вездѣ раскопаны курами, поруганы и забыты [1])...

Когда вы получите это письмо, моя дорогая мамаша, лѣто уже совсѣмъ окончится и наступитъ осень съ ея дождями и непогодами. Берегите же въ это время свое здоровье!.. На одной изъ фотографій, присланныхъ мнѣ Вѣрочкой, я видѣлъ вашъ птичій домъ совершенно такимъ же, какъ онъ стоялъ при мнѣ въ рощѣ. Вспомнивъ, какъ вы заблудились ночью даже по дорогѣ изъ нашего дома въ кухню, я невольно подумалъ съ тревогой, какъ же вы уходите въ эту рощу, такъ далеко!.. Впрочемъ, вѣдь вамъ и не приходится бывать тамъ по вечерамъ, да и днемъ вы, вѣрно, заходите туда лишь въ сопровожденіи кого-либо изъ прислуги... Еще разъ прошу васъ, не безпокойтесь обо мнѣ такъ много. Люди съ не особенно крѣпкимъ здоровьемъ въ концѣ концовъ дѣлаются выносливѣе тѣхъ, кто былъ постоянно здоровъ. Я очень доволенъ, что въ прошломъ моемъ письмѣ васъ развлекли мои разсказы о приключеніяхъ въ Савойскихъ горахъ. Когда кругомъ нѣтъ никакихъ перемѣнъ, о которыхъ было бы возможно разсказать, мысль невольно уле-

---

[1]) Это утилитарное направленіе было введено у насъ въ 1900 г. комендантомъ, разрѣшившимъ сначала В. Г. Иванову, а затѣмъ и другимъ желающимъ товарищамъ разводить куръ въ ихъ крошечныхъ садикахъ. Пара кроликовъ сама прибѣжала къ намъ изъ комендантскаго сада и поѣла почти всѣ посаженные ранѣе кустарники у С. А. Иванова и нѣкоторыхъ другихъ, а голубей приручалъ П. С. Поливановъ. Меня эти увлеченія очень огорчали, такъ какъ отвлекали отъ умственныхъ интересовъ и занятій. Это огорченіе въ слабой степени и прорвалось наружу въ печальномъ тонѣ послѣднихъ строкъ. Черезъ годъ, при Плеве, все это было уничтожено, какъ незаслуженныя нами льготы.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

таетъ за тысячи земель... Признаюсь, что и мнѣ самому бываетъ по временамъ пріятно вспомнить о мѣстахъ, гдѣ пронеслись послѣдніе годы моей жизни на свободѣ. Всѣ мельчайшія событія передъ долгимъ заключеніемъ вспоминаются необыкновенно ярко, и можетъ быть именно поэтому берега Женевскаго озера и окружающія его горы стали для меня теперь какъ бы вторымъ Боркомъ. Притомъ же тотъ, кто хоть сколько-нибудь сочувствуетъ природѣ и прожилъ тамъ цѣлые годы, не можетъ не полюбить этой мѣстности. Она такъ прекрасна, что даже здѣсь я не разъ находилъ въ попадавшихъ къ намъ случайно иллюстрированныхъ журналахъ то ту, то другую картинку мѣстностей, гдѣ я когда-то жилъ. Разъ, какъ-то открывъ книгу по географіи, я увидѣлъ въ ней картинку островка Руссо при выходѣ Роны изъ Женевскаго озера, гдѣ подъ памятникомъ этого великаго писателя я не разъ сиживалъ съ книгой въ рукахъ на скамеечкѣ въ тѣни плакучихъ ивъ... Отъ одного вида этой картинки такъ и повѣяло на меня чѣмъ-то близкимъ и роднымъ, и я чуть не цѣлую недѣлю мечталъ о прошломъ, позабывъ свои ежедневныя дѣла и все окружающее... Потомъ приходилось встрѣчать въ иллюстрированныхъ журналахъ и другія близко знакомыя мѣста, которыя вижу здѣсь во снѣ: Роше-де-Нэ, Данъ-дю-Миди, Грамонъ или вершину Салева надъ Женевой, совершенно въ томъ же видѣ, какъ они представлялись изъ оконъ моихъ жилищъ въ Кларанѣ или Женевѣ.

Большая часть этого письма была уже написана къ 25 августа, но окончанію его въ этотъ день помѣшала необходимость переплести одну изъ моихъ научныхъ работъ [1]), а затѣмъ наступило какое-то вялое настроеніе; надѣюсь, что письмо не очень опоздаетъ, а относительно упомянутой сейчасъ „вялости“ не безпокойтесь: она была не отъ нездоровья... [2]) *(Конецъ этого письма утраченъ въ черновикѣ.)*

---

[1]) „Періодическія системы, теорія внутренняго строенія химическихъ единицъ“, которую только что разрѣшили взять у меня для передачи Н. Н. Бекетову на разсмотрѣніе.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) Карповича увели въ карцеръ.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ.

2 марта 1902 г.

Дорогая моя, милая мама!

Смотрю на фотографію, гдѣ вы сидите на стулѣ за угломъ дома, полуобнявъ Ниночку, прижавшуюся къ вашимъ колѣнямъ. Это замѣчательно хорошій снимокъ. Каждая морщинка ясно видна на вашихъ рукахъ и лицѣ. Только какъ много появилось у васъ этихъ морщинокъ, моя дорогая!

Вѣрочка писала мнѣ, какъ вы вспоминали о ямахъ, которыя я накопалъ у крыльца флигеля, когда былъ еще мальчикомъ, и какъ потомъ вы едва не сломали себѣ ногу въ одной изъ нихъ. Вѣдь и я помню эти ямы! Меня очень занимало тогда, что̀ такое находится подъ полами комнатъ флигеля, потому что туда не было ни съ одной стороны прохода. Вотъ я и вздумалъ подкопаться подъ крыльцо, чтобы проползти этимъ путемъ въ предполагаемыя „подземелья", а въ результатѣ вышло только то, что, сходя съ крыльца, вы какъ разъ попали въ одну изъ моихъ ямъ.

По этому поводу припомнился мнѣ и другой случай со мною самимъ. Когда я пріѣзжалъ къ вамъ изъ гимназіи на каникулы и жилъ въ верхнемъ этажѣ, мнѣ всегда было скучно пересчитывать ногами на лѣстницѣ всѣ ступени, и я наконецъ, послѣ многихъ упражненій, научился скакать оттуда въ три огромныхъ прыжка, по одному черезъ каждый поворотъ лѣстницы, и такъ ловко, что продѣлывалъ это даже ночью. Разъ кликнули меня снизу ужинать. Запоздавъ изъ-за какихъ-то занятій, бѣгу со всѣхъ ногъ. Сдѣлалъ въ абсолютной темнотѣ первый прыжокъ черезъ верхній рядъ ступеней и благополучно уперся руками въ противоположную стѣну. Сдѣлалъ второй прыжокъ—снова благополучно толкнулся во вторую стѣну. Сдѣлалъ третій и послѣдній прыжокъ—и едва лишь попалъ ногами на полъ, какъ ударился лбомъ о кастрюлю съ супомъ, которую проносилъ въ потемкахъ передъ лѣстницей нашъ тогдашній поваръ Иванъ. Крышка съ кастрюли полетѣла со звономъ на полъ, часть супа выплеснулась, а поваръ, въ испугѣ отъ неожиданности, завопилъ не своимъ голосомъ... Я быстро отворилъ дверь въ сосѣднюю, освѣщенную комнату, увидѣлъ, въ чемъ дѣло, и сказалъ Ивану, чтобъ онъ, когда будетъ возвращаться назадъ, подтеръ съ пола супъ и ничего не разсказывалъ, потому что супа осталось еще довольно для всѣхъ.

Бѣгу въ столовую, какъ ни въ чемъ не бывало сажусь между вами, и только чувствую, что передъ правымъ глазомъ у меня появилась какъ будто какая-то завѣса, а всѣ кругомъ смотрятъ на меня съ изумленіемъ и спрашиваютъ, что̀ это со мною?

Я протеръ рукой свой глазъ и вижу: пальцы въ крови, бровь надъ глазомъ разсѣчена краемъ крышки, которую я сбилъ съ кастрюли, и кровь съ нея течетъ мнѣ прямо въ глазъ. Такъ и пришлось сознаться, умаляя по возможности эффектъ, что, молъ, „это я наткнулся нечаянно на Ивана съ супомъ“.

Не знаю, помните ли вы теперь, какъ обвязывали тогда мою голову платкомъ, а отецъ говорилъ: „Этакій сумасшедшій!“ Едва ли помните, потому что кровь перестала течь уже на слѣдующій день, и я снялъ повязку. А вѣдь шрамъ вдоль брови сохранился у меня и до сихъ поръ, только его трудно разсмотрѣть сразу въ волосахъ...

Писать вамъ о своей жизни болѣе подробно, чѣмъ это сдѣлано въ прошлыхъ письмахъ, я не имѣю права. Здоровье мое по прежнему довольно хрупко, но не хуже, чѣмъ въ прошломъ году. Никакихъ опасныхъ болѣзней не было. Я и теперь могу гулять съ однимъ изъ товарищей по заключенію, но не пользуюсь этой льготой въ тѣхъ размѣрахъ, какъ позволено, по причинѣ почти ежедневныхъ научныхъ занятій у себя въ камерѣ, а лѣтомъ—также и на прогулкахъ. При томъ же видъ однихъ и тѣхъ же лицъ, живущихъ день за днемъ въ продолженіе многихъ лѣтъ въ той же самой обстановкѣ, отрѣзанныхъ отъ окружающаго міра и часто не имѣющихъ передъ собою никакой опредѣленной цѣли, перестаетъ вносить разнообразіе въ нашу жизнь, и разговоры понемногу становятся все болѣе и болѣе вялыми, по недостатку предметовъ, о которыхъ не было бы уже сто разъ переговорено. Вотъ развѣ кто-нибудь вдругъ заболѣетъ или стрясется какая бѣда [1])...

Очень хочется по временамъ взглянуть на просторъ луговъ и полей и даже какъ-то защемитъ отъ этого желанія на душѣ, но поскорѣе гонишь отъ себя воспоминанія и стараешься думать о чемъ-нибудь другомъ. Когда я былъ въ Бернѣ, я часто ходилъ смотрѣть на семейство медвѣдей, которые тамъ содержатся на городской счетъ (и получаютъ отъ посѣтителей пряники) въ память какихъ-то древнихъ событій. Отъ нихъ же

---

[1]) Намекъ на ухудшеніе условій заключенія въ этомъ году.

Позднѣйшее примѣчаніе.

произошло и самое названіе этого города. Живутъ они въ огромной круглой ямѣ, занимающей половину одной изъ городскихъ площадей и огороженной желѣзной рѣшеткой. На днѣ ямы построенъ для нихъ красивый бѣлый домъ съ берлогами внизу, а посрединѣ ямы растетъ, если можно такъ выразиться, стволъ большого засохшаго дерева, весь ободранный ихъ когтями, потому что они постоянно влѣзаютъ на него, чтобы посмотрѣть съ высоты на улицы города. Вотъ такъ живу и я! Но какъ печально, что и у насъ на дворѣ не устроено такого мѣста, съ котораго было бы можно взглянуть хоть разъ въ годъ на просторъ окружающаго міра!..

Въ прошлыхъ письмахъ я не разъ уже говорилъ вамъ всѣмъ о своихъ занятіяхъ и работахъ по теоріи строенія вещества. Теперь могу прибавить, что мнѣ разрѣшили послать ихъ общее изложеніе на имя президента Русскаго Физико-химическаго Общества [1]), для разсмотрѣнія спеціалистовъ. Я сдалъ эту работу въ концѣ прошлаго года, подъ названіемъ „Періодическія системы. Теорія внутренняго строенія химическихъ единицъ". Если мои выводы окажутся справедливыми, т.-е. подтвердятся соотвѣтствующими опытами, то моя работа несомнѣнно будетъ имѣть серьезное значеніе для науки. Не входя въ спеціальныя подробности, неумѣстныя въ письмѣ къ неспеціалистамъ, я могу только сказать, что моя теорія сводитъ первоначальныя крупинки—или, какъ ихъ называютъ, атомы—всѣхъ простыхъ веществъ: желѣза, мѣди, сѣры, фосфора и др. къ различнымъ комбинаціямъ однѣхъ и тѣхъ же трехъ, еще болѣе первоначальныхъ, невидимыхъ крупинокъ: полуатома очень легкаго газа—гелія, атома водорода и третьяго, повидимому не сохранившагося на землѣ въ свободномъ видѣ, вещества, первоначальный атомный вѣсъ котораго былъ равенъ четыремъ атомамъ водорода, а современный вѣсъ есть кратное этого числа.

Комбинаціи эти устраиваются не по произволу, а по правиламъ, установленнымъ въ современной химіи для такъ называемыхъ углеводородныхъ радикаловъ, изъ соединеній которыхъ состоятъ всѣ животныя и растенія. Результатъ такого построенія оказывается замѣчательный: періодическіе ряды получаемыхъ комбинацій предсказываютъ всѣ химическія и даже физическія особенности извѣстныхъ въ настоящее время „простыхъ" веществъ, т.-е. такихъ, которыхъ мы не успѣли пока разложить на болѣе простыя, и кромѣ того они указываютъ на существованіе въ

[1]) Н. Н. Бекетова.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

природѣ и опредѣляютъ главныя свойства многихъ еще неизвѣстныхъ веществъ. Когда я впервые обрабатывалъ эту теорію, еще въ восьмидесятыхъ годахъ, она предсказала, между прочимъ, существованіе въ природѣ и самаго гелія, и цѣлаго ряда разнообразныхъ веществъ, неспособныхъ соединяться химически съ металлами, чего нельзя было обнаружить по обычной періодической системѣ, какъ она была обработана въ то время Менделѣевымъ и Лотаромъ Мейеромъ. И что же?—не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ почти всѣ эти вещества были открыты, къ моей величайшей радости, англійскимъ физикомъ Рамзаемъ и его сотрудниками!

Но, кромѣ этого, теорія объяснила и много другихъ особенностей, замѣчаемыхъ у „простыхъ" веществъ, показавъ между прочимъ и то, что вопросъ объ ихъ превращеніи однихъ въ другія вовсе не такая неразрѣшимая задача, какъ большинство думаетъ въ настоящее время; что посредствомъ спеціально приспособленныхъ методовъ и приборовъ можно расчленить современный гелій на полуатомы [1]) и, присоединивъ ихъ къ атомамъ большинства обычныхъ „простыхъ" веществъ, преобразовать ихъ въ новыя, нѣсколько болѣе тяжелыя и съ другими свойствами. Правда, что въ виду чрезвычайной трудности полученія чистаго гелія, хотя бы и въ очень малыхъ количествахъ, такіе опыты должны обходиться необыкновенно дорого, а потому не могутъ имѣть никакого промышленнаго значенія... Но для познанія природы возможность превращенія хотя бы нѣкоторыхъ веществъ, считаемыхъ простыми, въ другія такія же имѣла бы большое значеніе.

Теперь, когда я уже передалъ свою рукопись по начальству (и, говорятъ, она уже послана по назначенію), меня смущаетъ только одно обстоятельство: предметъ моей работы принадлежитъ къ такимъ, о которыхъ идетъ еще немало споровъ между спеціалистами, и среди нихъ имѣются почти фанатическіе приверженцы какъ сложности, такъ и недѣлимости атомовъ. Такія знаменитости, какъ Круксъ, высказываются за сложность и были бы предрасположены заранѣе въ пользу моихъ построеній. Другіе, въ томъ числѣ и Менделѣевъ, болѣе склонны къ допущенію нераздѣлимости. Поэтому судьба моей рукописи во многихъ отношеніяхъ зависитъ не только отъ ея собственныхъ достоинствъ

---

[1]) Это писано въ мартѣ 1902 г., а черезъ два года эти полуатомы были экспериментально открыты Рамзаемъ и названы x—эманаціей радія.

Позднѣйшее примѣчаніе.

или недостатковъ, но также, хотя бы въ нѣкоторой долѣ, и отъ того, какъ привыкъ смотрѣть на этотъ предметъ данный ученый. Вотъ почему я жду теперь съ большимъ интересомъ какого-нибудь извѣстія о ней. Но какъ бы то ни было, я все же очень радъ, что хоть одна изъ моихъ работъ попала, наконецъ, въ компетентныя руки.

Теперь я занимаюсь уже новымъ изслѣдованіемъ по математической физикѣ, потому что, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при обработкѣ „Строенія Вещества", замѣтилъ, что по двумъ-тремъ соотношеніямъ, даже часто и по одному, между нѣсколькими сложными физическими дѣятелями въ природѣ, можно математическимъ путемъ опредѣлить и всѣ ихъ остальныя соотношенія, подобно тому, какъ въ зоологіи по одному зубу животнаго можно начертить и все остальное его тѣло. Но для этого мнѣ пришлось разработать новый методъ, который я назвалъ „качественнымъ физико-математическимъ анализомъ" [1]), гдѣ вмѣсто химическихъ формулъ, наполнявшихъ „Періодическія системы", пестрятъ на каждой страницѣ математическія формулы. Этимъ путемъ мнѣ удалось уже сдѣлать нѣсколько очень интересныхъ для меня выводовъ—напримѣръ, что притяженіе между небесными свѣтилами зависитъ не отъ однѣхъ только ихъ массъ, какъ это думаютъ до сихъ поръ, но и отъ заключающейся въ нихъ спеціальной энергіи тяготѣнія, такъ что при нѣкоторыхъ условіяхъ, напр. при абсолютномъ нулѣ температуры, между звѣздами и ихъ планетами, вѣроятно, не будетъ никакого притяженія и планетныя системы распадутся. Впрочемъ, это опять такой вопросъ, который интересенъ только для спеціалистовъ, а между вами, мои дорогіе, я думаю не найдется ни одного, кто хоть сколько-нибудь занимался бы въ настоящее время физикой, химіей или астрономіей, и если я переполнилъ этой сухой для васъ матеріей цѣлыхъ два столбца моего письма, то лишь для того, чтобы навсегда отвести себѣ душу и болѣе не возвращаться къ подобнымъ предметамъ.

Навалило у насъ въ эту зиму такое количество снѣгу, что едва удавалось разгрести мѣсто для прогулки. Впрочемъ, въ срединѣ февраля была довольно ясная, хотя и холодная, погода, а теперь крутитъ во всѣхъ закоулкахъ самый продувной вѣтеръ. Ну, да скоро весна,—наступаетъ мартъ,—и когда вы получите это письмо, у васъ, вѣрно, будутъ уже цвѣсти одуванчики...

---

[1]) Книга: „Основы качественнаго физико-математическаго анализа" была послѣ моего освобожденія издана Сытинымъ въ 1908 г.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

Какъ идутъ твои акварели, Ниночка? Что касается до твоихъ „анатомическихъ“ рукъ, ногъ и тому подобнаго, то въ былыя времена рисовалъ ихъ много и я. Разъ перерисовалъ почти цѣлый атласъ по сравнительной анатоміи, но потомъ вся куча моихъ рисунковъ,—и копій, и съ натуры,—затерялась при какомъ-то переселеніи [1]).

Считая и групповые снимки, я имѣю тебя теперь въ четырехъ видахъ и очень доволенъ этимъ. Думаю, что узналъ бы тебя съ перваго взгляда. Какъ хорошо, что ты побывала въ своихъ родныхъ краяхъ и повидалась со всѣми. Боюсь, что внутренняя обстановка нашихъ комнатъ сильно измѣнилась во время междуцарствій, которыя тамъ случались въ 80-хъ годахъ. Ты говоришь, что вспомнила даже и мѣсто, гдѣ стояли твои игрушки? Можешь себѣ представить, вѣдь и я помню, гдѣ стояли мои! Помню даже, что когда къ намъ съ Катей взяли первую гувернантку, наша старушка-нянька такъ плакала о насъ и такъ напугала насъ будущимъ ученіемъ, что мы попрятали всѣ свои игрушки во флигелѣ, въ углу за няниной „лежанкой“.

Желалъ бы я посмотрѣть на твой домашній звѣринецъ, Груша, и на твои цвѣтники. Большинство сѣмянъ, которыя я вамъ посылалъ, хорошо зимуютъ, а потому ты о нихъ не очень безпокойся. Что же касается до насъ, то у насъ слишкомъ мало мѣста, чтобы разводить вмѣстѣ и птицъ, и цвѣтники. Одно исключаетъ другое. Да и все это у насъ не болѣе и не менѣе, какъ „зданія, построенныя на пескѣ“; никогда не можешь сказать съ увѣренностью, что̀ принесетъ тебѣ завтрашній день. Вотъ почему я предоставилъ свой уголокъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ полное распоряженіе величайшему въ мірѣ садовнику—природѣ,—и она щедро украшаетъ его такими чудными лопухами и чертополохами, что просто прелесть. Ни одно выхоленное растеніе не можетъ сравниться съ ними по художественной красотѣ.

Я сильно опасаюсь, Вѣрочка, что теперь, когда я наполнилъ цѣлую страницу письма такой сухой матеріей, какъ содержаніе моихъ ученыхъ работъ, ты никогда болѣе меня о нихъ не спросишь. Да и по дѣломъ, Вѣрочка! Даже и спеціалистъ почти ничего не понялъ бы по моему краткому описанію. Для этого необходимо прочесть всю рукопись, страницъ въ пятьсотъ, со всѣми ея чертежами и таблицами. Могу сказать только, что занятія

---

[1]) Проще говоря, ее сжегъ одинъ товарищъ, у котораго она была на сохраненіи, изъ опасенія полиціи.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

эти для меня—вопросъ жизни и смерти. Только въ то время, когда я отдаюсь имъ цѣликомъ, дни проходятъ для меня быстро и незамѣтно; иначе часы тянутся какъ недѣли, да и здоровье сейчасъ же становится хуже. Вотъ почему я очень желалъ бы получить благопріятный отвѣтъ. Тогда я съ удвоенной энергіей принялся бы за окончательную обработку своей новой физико-математической рукописи, которая—по моей собственной оцѣнкѣ—будетъ интереснѣе первой, потому что приводитъ къ совсѣмъ неожиданнымъ выводамъ, тогда какъ идеи о строеніи вещества, изложенныя въ прошлой работѣ, уже сильно подготовлены многими частными изслѣдованіями, хотя и не были никогда развиты послѣдовательно и систематически.

Прощайте, мои дорогіе! Крѣпко обнимаю васъ всѣхъ. Будьте здоровы и счастливы!

ПИСЬМО ДВѢНАДЦАТОЕ.

18 сентября 1902 г.

Милая, дорогая мама, прежде всего цѣлую и обнимаю васъ сто разъ! Ваши послѣднія письма почему-то сильно запоздали, я получилъ ихъ только въ половинѣ сентября, и потому, начиная съ августа, очень безпокоился о васъ. Но тѣмъ сильнѣе была моя радость, когда, наконецъ, пришла посылка, и я узналъ, что ваше здоровье было даже лучше, чѣмъ въ прежніе годы.

Вѣрочка пишетъ, что вы говѣете по прежнему въ Никольскомъ, а я уже думалъ, что бывшій Копаньской священникъ давно присоединилъ всю нашу усадьбу къ своему приходу. Я очень хорошо помню, какъ мы каждый годъ ѣздили въ Никольское на Свѣтлое Воскресенье и возвращались на зарѣ послѣ службы обратно, зайдя сначала на кладбище поклониться надгробнымъ плитамъ дѣдушки и бабушки по отцу. Помню и мѣсто около лѣваго клироса, гдѣ мы обыкновенно стояли, и даже голоса пѣвчихъ, а вотъ теперь еще неожиданно вспомнилъ и свою первую исповѣдь, когда мнѣ было только семь лѣтъ. Я былъ такъ перепуганъ, что не призналъ за собою рѣшительно ни одного грѣха, и на разные вопросы священника отвѣчалъ, что никогда ни съ кѣмъ „не ссорился“, „не сердился“ и „ничѣмъ не огорчалъ своихъ родителей“, такъ что исповѣдовавшій меня старый отецъ Іоаннъ только улыбнулся и сказалъ мнѣ: „Благословляю тебя, сынъ мой!“

О моей собственной жизни не могу вамъ сообщить ничего

новаго или хорошаго [1])... Здоровье мое не хуже, чѣмъ въ прошломъ году. Отъ вялости пищеваренія докторъ шпигуетъ меня три раза въ недѣлю электричествомъ. Говоритъ, что, по мнѣнію берлинскихъ спеціалистовъ, это — самое лучшее средство. Микстуры и порошки тоже получаю по прежнему регулярно и съ ихъ помощью живу день за днемъ, не унывая. Да и по природѣ я мало склоненъ къ меланхоліи, хотя лѣто это было такое унылое, что хоть кого могло бы вогнать въ тоску. Лѣтнихъ дней совсѣмъ не случилось въ этомъ году. Послѣ весны сейчасъ же наступила осень, такъ что даже малина не успѣла вызрѣть, а никогда не дозрѣвавшія яблоки не достигли и половины своей обычной величины. Дожди проходили, буквально, каждый день и выпало такое количество воды, какъ будто всѣ тучи Европы и Азіи нарочно заходили сюда, чтобы поплакать надъ нашими головами. Поэтому и заниматься письменными работами приходилось почти все время у себя въ камерѣ, а не въ своемъ заросшемъ лопухами уголкѣ на дворѣ, какъ въ прежніе лѣтніе мѣсяцы.

Условія моей жизни, особенно по отношенію къ научнымъ занятіямъ, стали складываться тяжелѣе, чѣмъ въ прежніе годы, когда была только что разрѣшена наша переписка, и для систематической разработки открытыхъ вопросовъ науки стало еще болѣе затрудненій. Не знаю даже, какія книги появляются на Божій свѣтъ по интересующимъ меня физико-математическимъ наукамъ [2]). Однако, не смотря на все, я уже успѣлъ окончить свою вторую научную работу, носящую очень длинное названіе: „Основы качественнаго физико-математическаго анализа и новые физическіе факторы, присутствіе которыхъ онъ обнаруживаетъ въ силѣ тяготѣнія, дѣйствіяхъ электрической энергіи и другихъ явленіяхъ природы“ [3]). Вышло немного болѣе пятисотъ страницъ, и я переплеталъ ее какъ разъ въ день полученія вашихъ писемъ. Впрочемъ я уже писалъ вамъ о ней, также какъ и о рукописи „Періодическія системы“, посланной съ разрѣшенія министра на разсмотрѣніе Ник. Ник. Бекетову, какъ президенту Русскаго Физико-химическаго Общества. Теперь жду только удобнаго случая, чтобы попросить о передачѣ и этой моей работы на разсмотрѣніе спеціалистовъ, но не знаю, скоро ли это удастся, да и удастся ли это вообще. Новая рукопись представляетъ то

---

[1]) Было послѣдовательное ухудшеніе условій.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) Все было отобрано Плеве.—*Позднѣйшее примѣчаніе.*

[3]) Издана въ 1908 г.

преимущество передъ первой, что она не приводитъ ни къ какимъ черезчуръ неожиданнымъ выводамъ, за исключеніемъ измѣнчивости силы тяготѣнія, въ зависимости отъ физическихъ условій, хотя и представляетъ совершенно новый методъ обработки физическихъ вопросовъ чисто математическимъ путемъ. Поэтому для человѣка, который привыкъ держаться старыхъ мнѣній, она не будетъ казаться слишкомъ смѣлой въ своихъ заключеніяхъ, и ему будетъ легче согласиться съ ней, тѣмъ болѣе, что каждый новый параграфъ выводится изъ предыдущаго строго математическимъ путемъ. Но и здѣсь главная бѣда въ томъ, что я живу въ темнотѣ. Просидѣвъ болѣе двадцати-одного года отрѣзаннымъ отъ внѣшняго міра, я совсѣмъ позабылъ о безостановочномъ теченіи времени и о томъ, что всѣ тѣ, рѣдкія на нашей родинѣ, свѣтила науки, которыя въ мое время были полны силъ и энергіи, теперь должны быть совсѣмъ дряхлыми стариками, если еще живы, а болѣе молодыхъ я знаю только по нѣкоторымъ ихъ работамъ, и потому нахожусь въ постоянномъ затрудненіи, кому же лучше послать свою рукопись, если получу разрѣшеніе? При томъ же и выбирать я стараюсь исключительно между такими, всѣмъ извѣстными, учеными, посылка которымъ не могла бы возбудить никакихъ подозрѣній со стороны начальства.

Какъ теперь ваше зрѣніе, дорогая мама? Вѣрочка мнѣ пишетъ, что вы сильно безпокоились весной изъ-за того, что мое письмо немного опоздало, сравнительно съ предыдущими. Я лично всегда писалъ и буду писать вамъ въ первые же дни по полученіи вашихъ писемъ, и, каково бы ни было мое здоровье или другія обстоятельства моей жизни, буду сдавать ихъ въ продолженіе первой же недѣли, или въ крайнемъ случаѣ десяти дней послѣ полученія вашихъ. Но ваши письма доходятъ до меня не всегда въ одно и то же время, а дальнѣйшая судьба моихъ зависитъ не отъ меня...

Удивляюсь, что въ нашихъ корпусахъ и гимназіяхъ довольствуются до сихъ поръ преподаваніемъ исключительно французскаго и нѣмецкаго языковъ, тогда какъ англійскій, давно перегнавшій ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, отсутствуетъ въ обязательной программѣ, а между тѣмъ безъ него скоро нельзя будетъ повернуться на земномъ шарѣ. Уже въ настоящее время онъ является самымъ распространеннымъ среди всѣхъ остальныхъ, какъ по занимаемой территоріи, такъ и по количеству людей, говорящихъ на немъ отъ рожденія (болѣе 120 милліоновъ), не говоря уже о культурности этого населенія. А въ будущемъ ему предстоитъ еще бо́льшая роль. На всѣхъ остальныхъ языкахъ,

взятыхъ вмѣстѣ, не издается въ годъ столько книгъ и журналовъ—научныхъ, художественныхъ, политическихъ и литературныхъ — какъ на немъ одномъ, а по качеству они лучше. Въ Западной Европѣ, не говоря уже о крайнемъ Востокѣ и другихъ внѣ-европейскихъ странахъ, онъ преподается во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и среди образованныхъ не-англичанъ на немъ такъ много читаютъ, что въ Лейпцигѣ и Парижѣ существуютъ особыя фирмы (Таухница и Гашетта), спеціально издающія англійскія книги для иностранцевъ, безъ права ихъ ввоза въ Британскія владѣнія. Если въ корпусѣ у Вали англійскій языкъ преподается необязательно, то совѣтую ему подучить его хоть немного, а то потомъ придется жалѣть.

Твои впечатлѣнія, Ниночка, при посѣщеніи Борка служатъ какъ разъ повтореніемъ моихъ собственныхъ. И мнѣ, въ дѣтствѣ, всѣ его зданія и разстоянія казались необыкновенно громадными, а потомъ, когда мнѣ приходилось годъ за годомъ пріѣзжать туда на каникулы, мнѣ всегда казалось, что они уменьшаются, по мѣрѣ того, какъ выросталъ я самъ. Да это такъ и должно быть. Вѣдь всякіе размѣры мы въ сущности относимъ къ собственному росту, и то, что намъ кажется маленькимъ, для крысы или мыши должно быть чрезвычайно велико.

Боюсь, моя дорогая Вѣрочка, что твоя радость по случаю прошлогодней посылки моей рукописи Бекетову слишкомъ преждевременна. Я до сихъ поръ не имѣю о ней никакого извѣстія, и это меня такъ огорчаетъ, что еслибъ я не привыкъ работать ради самой работы, какъ пчела, которая тащитъ медъ и воскъ даже въ развалившійся улей, то давно бы пришелъ въ отчаяніе и жилъ бы, какъ многіе другіе, день за днемъ, лишь бы сутки прочь... Хотя ты и пишешь въ утѣшеніе, что „разсматривать и производить опыты надо время да время", но главная бѣда въ томъ, что ему скоро 80 лѣтъ, и я даже не знаю, живъ онъ теперь или нѣтъ, и если живъ, то сохранилъ ли настолько бодрости или зрѣнія, чтобы перечитать почти 500 страницъ моей рукописи. Еслибъ ты, Вѣрочка, или Ниночка, могли какъ-нибудь справиться о ней, то это была бы для меня самая лучшая рождественская елка будущей зимы.

Романъ Сенкевича „Камо грядеши?", о которомъ ты спрашиваешь, я читалъ и онъ мнѣ понравился, хотя эпоха, которую онъ описываетъ, слишкомъ отдалена отъ насъ. Ея нравы и обычаи, а также складъ ума дѣйствующихъ лицъ во многомъ стали для насъ совершенно чужды, а потому часто трудно войти въ положеніе героевъ романа и прочувствовать этотъ романъ такъ

сильно, какъ мы могли бы прочувствовать талантливый разсказъ изъ болѣе близкой къ намъ эпохи. Возьмемъ, напримѣръ, Петронія. Говорятъ, что онъ описанъ особенно хорошо, а между тѣмъ, попробуй-ка войти въ его душевное состояніе! Поэтому и смерть его въ срединѣ романа не производитъ на читателя никакого впечатлѣнія.

Конечно, истинное назначеніе и истинная мѣра при оцѣнкѣ бытового романа должна заключаться въ томъ, насколько вѣрно онъ описываетъ жизнь и характеры даннаго времени. Когда романъ написанъ дѣйствительно талантливо и жизнь довольно близка для насъ, мы инстинктивно чувствуемъ въ немъ правду и искренность, и намъ кажется иногда, что все это мы передумывали или переживали сами. Но для того, чтобъ обладать такой силой и яркостью изображенія, необходимо, чтобъ авторъ самъ много лѣтъ вращался въ томъ мірѣ, который намъ изображаетъ, и наблюдалъ его лично, а не по однимъ чужимъ разсказамъ. Всякій разъ, когда онъ измѣняетъ этому правилу, онъ неизбѣжно будетъ впадать въ рядъ болѣе или менѣе грубыхъ ошибокъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть тѣ части разсказа или повѣсти, даже у хорошихъ иностранныхъ писателей, гдѣ они переносятъ дѣйствіе въ страны, которыхъ не посѣщали лично, напримѣръ въ Россію. Возьмемъ хоть у Евгенія Сю лучшее мѣсто въ „Вѣчномъ Жидѣ“ — описаніе снѣжныхъ пустынь Сибири на берегахъ Берингова пролива, послѣ пронесшейся надъ ними снѣжной метели, повалившей вѣковыя ели и сосны. Для того, кто не имѣетъ яснаго представленія о природѣ этихъ странъ, это — чудное мѣсто; но оно теряетъ все свое обаяніе для того, кто знаетъ, что область сѣверныхъ лѣсовъ кончается за нѣсколько сотъ верстъ до Берингова пролива, гдѣ господствуютъ тундры да моховыя болота, а потому не можетъ быть и вырванныхъ съ корнемъ вѣковыхъ деревьевъ, о которыхъ говоритъ Сю. А о второстепенныхъ писаніяхъ ужъ и говорить нечего. Въ одномъ французскомъ романѣ, принадлежащемъ перу небезъизвѣстнаго писателя, вздумавшаго перенести дѣйствіе въ Россію, одна глава начинается тѣмъ, какъ двое влюбленныхъ сидѣли на берегу рѣки, подъ тѣнью огромной клюквы (à l'ombre d' un grand klukwa). Для французовъ, слышавшихъ только названія нашихъ сѣверныхъ ягодъ, это мѣсто кажется особенно колоритно, но каково читать его намъ? Конечно, у Сенкевича, который самъ жилъ въ Италіи, не можетъ быть такихъ грубыхъ ошибокъ, особенно въ описаніяхъ природы. Но болѣе тонкія и труднѣе поддающіяся анализу черты характеровъ и типовъ пер-

выхъ вѣковъ христіанства — какъ ихъ возстановить по тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя дошли до насъ черезъ нѣсколько рукъ и притомъ нерѣдко въ противорѣчивомъ видѣ, или касаются только внѣшней стороны событій?

Даже самаго языка древнихъ римлянъ и грековъ мы, въ сущности, не знаемъ. Прослушавъ нѣсколько разъ, какъ произносятъ иностранныя слова люди, изучившіе ихъ по самоучителямъ или въ одиночномъ заключеніи, черезъ третьи руки, я пришелъ къ полной увѣренности, что если бы древніе поэты— Овидій и Горацій—услыхали, какъ ихъ торжественно декламируютъ въ нашихъ европейскихъ школахъ (и притомъ каждый народъ произноситъ на свой ладъ), то они прежде всего схватились бы за бока отъ неудержимаго хохота.

Мой привѣтъ всѣмъ, кто меня помнитъ и любитъ!

Николай Морозовъ.

СОНЪ

Снится мнѣ на синемъ морѣ
Парусъ одинокій,
Чайки въ голубомъ просторѣ
Да утесъ высокій.

За желѣзною рѣшеткой
Въ каменной темницѣ
Юноша больной и кроткой
Безъ конца томится.

Врѣзались оковы въ тѣло,
Тяжко давятъ своды.
Часто виденъ парусъ бѣлый,
Не видать—свободы.

Что мольбы? къ чему проклятья?
Не помогутъ птицы.
Пьютъ живую кровь объятья
Каменной темницы.

День за днемъ теряетъ силы
Узникъ одинокій.
Для него живой могилой
Сталъ утесъ высокій...

Вдругъ онъ слышитъ:—„Побѣдили
Мы, товарищъ милый,
Цѣпи ржавыя разбили,—
Вышли изъ могилы.

„Развернули воли крылья—
И тираны пали.
Годы рабства и насилья
Темной сказкой стали“...

Свѣтелъ сонъ мой... Солнце сѣло.
И пустынно море.
Тихо тонетъ парусъ бѣлый
Въ огненномъ просторѣ.

Л. Андрусинъ.

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА
КЪ ЕГО НѢМЕЦКИМЪ ДРУЗЬЯМЪ

VI.—Письма къ Пичу.

(Продолженіе. 1866—1873 гг.)

Баденъ-Баденъ, 6 ноября 1866 г.

Дорогой другъ! Непростительно, что только теперь отвѣчаю на ваше письмо—но что дѣлать!

Охота, лѣнь, отчасти работа, да скучная семейная корреспонденція — вотъ причины моего молчанія. Однако, чувствую, что пора проявить признаки жизни. Итакъ, начинаю: а) Здоровье г-жи Віардо значительно лучше; она въ послѣднее время сочинила нѣсколько прелестныхъ вещицъ. b) Въ Берлинъ она, вѣроятно, поѣдетъ только въ январѣ, пробудетъ тамъ мѣсяцъ и беретъ обѣихъ дочекъ съ собой. с) Въ началѣ февраля пріѣду въ Берлинъ и я, но останусь не больше двухъ или трехъ недѣль, потому что долженъ буду пробыть въ Россіи дольше, чѣмъ предполагалъ. Мы употребимъ всѣ усилія на то, чтобы провести эти двѣ-три недѣли какъ можно лучше, пережить какъ можно больше (впрочемъ, это почти то же самое). d) Семейство Марсъ [1]) не получаетъ больше „Vossische Zeitung", и я, такимъ образомъ, лишенъ былъ возможности прочесть ваше описаніе чудеснаго въѣзда; очень сожалѣю объ этомъ: вѣдь вы обладаете положительно фотографическимъ умѣньемъ воспроизводить и группировать то, что описываете.

---

[1]) Содержатели кабинета для чтенія въ Баденъ-Баденѣ.

Спасибо Бегасу за его предложеніе; какая бы это была прелесть—вылѣпленный бюстъ г-жи Віардо! Что касается моей головы, то лучше пусть сдѣлаетъ одной статуей больше: для нашего брата и фотографіи довольно.

Баденъ-Баденъ, 16 ноября 1866 г.

Дорогой другъ!

Я долженъ васъ отъ души поблагодарить за любезную посылку отъ 9-го ноября. Фотографіи въ высшей степени интересны и вызываютъ живѣйшее желаніе увидѣть и оригиналы. Такой привѣтъ издалека производитъ чарующее, прямо трогательное впечатлѣніе. Еще разъ — спасибо!

Посылаю сегодняшней почтой экземпляръ моего разсказа Бегасу. Меня очень порадуетъ, если это ему доставитъ удовольствіе. Вообще, прекрасно и достойно удивленія, когда одинъ человѣкъ доставляетъ другому пріятныя переживанія.

Какъ обстоитъ дѣло съ его работой? У меня все еще передъ глазами великолѣпная женская фигура его памятника Шиллеру. Въ Тиргартенѣ, слава Богу, все благополучно, растетъ и процвѣтаетъ; обѣ дѣвочки становятся положительно очаровательными. Теперь онѣ каждый вечеръ исполняютъ танцы подъ музыку, которую импровизируетъ г-жа Віардо. Происходятъ удивительно милыя вещи: Клавдія устроила себѣ вчера нѣчто напоминающее тюрбанъ изъ анти-макасара (знаете, это такія штуки, которыя лежатъ на спинкахъ креселъ)—и напоминала молодую, немного дикую богиню изъ миѳологіи будущаго. Надо надѣяться, что вы сами увидите это въ Берлинѣ.

Петербургъ, 14 (2) апрѣля 1867 г.

Дорогой другъ!

Вчера прибылъ сюда изъ Москвы и засталъ ваше сердечное письмо. Въ отвѣтъ могу сказать одно: дѣлами, посѣщеніями и т. д. положительно подавленъ. Уѣзжаю послѣ-завтра, и если ничего особеннаго не случится, то буду въ четвергъ утромъ въ Берлинѣ. Будьте добры, зайдите, сейчасъ по полученіи этого письма, въ „Hôtel Petersburg“ и закажите мнѣ комнату. Въ четвергъ вы, конечно, должны со мной завтракать.—Мы тогда наговоримся до-сыта. Я долженъ вамъ многое разсказать. Съ моей ногой очень скверно, объ охотѣ пока и думать нечего.

Баденъ-Баденъ, 21 апрѣля 1867 г.

Я снова здѣсь, дорогой другъ, и радостно выглядываю на свѣтъ Божій изъ своего гнѣзда; если даже французы и придутъ, они меня не спугнутъ.

Г-жа Віардо выглядитъ совсѣмъ хорошо. Здѣсь гораздо зеленѣе и золотистѣе, чѣмъ у васъ.

Я еще хромаю, но уже начинаю ковылять по полямъ. Здѣсь всѣ приготовлены къ войнѣ и настроены въ пользу пруссаковъ. А въ прошломъ году вѣдь всѣ симпатіи были на сторонѣ Австріи.

Баденъ-Баденъ, 8 августа 1867 г.

Дорогой другъ! Вы должны, наконецъ, разъ навсегда крѣпко-на-крѣпко запомнить, что къ вамъ въ Баденѣ питаютъ самыя нѣжныя чувства, и если долго молчатъ, то это — ясное доказательство лѣни или чрезмѣрной дѣятельности. На этотъ разъ виновата послѣдняя причина. Г-жа Віардо сочинила двѣ прелестныхъ оперетки, а я написалъ къ нимъ текстъ; теперь беремся за третью. Вы это все увидите и услышите. Театръ находится въ моемъ новомъ домѣ, въ которомъ я, конечно, не живу. Если вы не пріѣдете въ Баденъ, то наше общее проклятіе послѣдуетъ за вами въ Берлинъ. Если же пріѣдете, то мы прижмемъ васъ къ нашей общей груди. Жить вы должны, конечно, у меня. Здѣсь все обстоитъ хорошо. Г-жа Віардо здорова и проситъ вамъ кланяться. Лидія хорошѣетъ съ каждымъ днемъ.

Баденъ-Баденъ, 26 октября 1867 г.

Дорогой другъ!

Рижская газета даетъ полный переводъ „Дыма“ и, судя по нѣсколькимъ фельетонамъ, довольно удачный.

Вы совсѣмъ ужасный человѣкъ со своими предположеніями о моемъ пренебреженіи (!!!!) къ вашимъ вещамъ. Если вы мнѣ сейчасъ не пришлете все то, что вами написано въ послѣднее время, то я подумаю, что вы кокетничаете, жаждете комплиментовъ, и никогда вамъ этого не прощу.

Абекенъ разсказалъ вамъ о моей *игрѣ*. Мнѣ, слѣдовательно, не стоитъ входить въ подробности [1]). Долженъ сознаться, что во мнѣ что-то дрогнуло, когда я въ роли паши лежалъ на полу и замѣтилъ легкую усмѣшку традиціоннаго презрѣнія на неподвижныхъ губахъ вашей надменной кронпринцессы! Не смотря

---

[1]) Тургеневъ въ своей опереткѣ „Trop de femmes“ самъ игралъ роль паши.

на то, что я здѣсь вообще не избалованъ почтительнымъ ко мнѣ отношеніемъ, тѣмъ не менѣе мнѣ показалось, что это ужъ — слишкомъ. При всемъ томъ наши спектакли были очень милы и пріятны.

Баденъ-Баденъ, 2 декабря 1867 г.

Дорогой другъ!

Еще не поблагодарилъ васъ за чудесный подарокъ отъ 9-го ноября. Я прочелъ оба тома съ большимъ удовольствіемъ. Многое было ново для меня, какъ, напримѣръ, статья о берлинскихъ скульпторахъ. Вашъ стиль чрезвычайно колоритенъ, ваши оцѣнки тонки и мѣтки, но, думается мнѣ, не всегда достаточно строги. Еще разъ благодарю васъ; пришлите мнѣ все, что еще будетъ напечатано.

Надо мной опять стряслась бѣда. Три недѣли тому назадъ оступился на охотѣ, колѣно распухло, и теперь я долженъ неподвижно сидѣть съ вытянутой ногой, а объ охотѣ нечего и думать. Каждая зима мнѣ приноситъ подобный пріятный сюрпризъ. Это, право, жалости достойно—какъ сказалъ принцъ Гессенскій, когда во время охоты, на которую онъ насъ пригласилъ, за все утро показался вдали только *одинъ* заяцъ. Я пробовалъ работать; не удается. „Дымъ“ скоро появится у Гетцеля въ Парижѣ. Вы и Юліанъ Шмидтъ получите, конечно, по экземпляру. Много читаю теперь Фрейтага — „Картины изъ нѣмецкаго прошлаго“. Тамъ есть отличныя вещи. Если увидите его, кланяйтесь ему отъ меня.

Баденъ-Баденъ, 14 января 1868 г.

Дорогой Пичъ! Начало вашего письма очень мрачно, но уже Гёте сказалъ: „Sie entwickelte dem Trüben ein erklingend Saitenspiel“. Будемъ надѣяться на лучшее. То, что вы собираетесь писать рефераты о балетѣ—представляется мнѣ дѣломъ первостепенной міровой важности. „Wage du zu irren und zu träumen“! Не бойтесь говорить объ икрахъ, углубитесь въ свой сюжетъ и пришлите мнѣ все это! Здѣсь все обстоитъ болѣе или менѣе благополучно; мое колѣно поправилось, и я уже былъ нѣсколько разъ на охотѣ. И работа опять начата.—Г-жа Віардо сочинила геніальную музыку къ гётевскому „Передъ судомъ“. Публично это нигдѣ не будетъ исполнено, но друзьямъ доставитъ огромное наслажденіе!

Баденъ-Баденъ, 19 марта 1868 г.

Дорогой другъ! Съ сегодняшней почтой вы получите три экземпляра „Дыма“: для Ауэрбаха, Гейзе и Фрейтага. На каждой

изъ книгъ написано, кому она предназначается. Слово „благодарю“ на экземплярѣ Гейзе относится къ тому, что онъ мнѣ посвятилъ свою книгу нѣсколько лѣтъ назадъ и прислалъ ее мнѣ въ Россію. Скажите ему объ этомъ, когда увидите его.

Ауэрбаху я тоже долженъ послать экземпляръ, потому что онъ далъ мнѣ всѣ свои сочиненія, а Фрейтагу мнѣ просто пріятно было дать мою книгу, хотя я лично съ нимъ незнакомъ. — Здѣсь у насъ все хорошо, работаемъ надъ *третьей* оперой. 15 апрѣля я переѣзжаю. „Комната Пича“ уже готова и ждетъ своего обитателя.

Баденъ-Баденъ, 20 апрѣля 1868 г. Тиргартенская улица.

Дорогой другъ! Адресъ, написанный на этомъ письмѣ, говоритъ вамъ, что я, наконецъ, переѣхалъ въ новый домъ. Чувствую себя здѣсь очень хорошо, но немного грандіозно и „endimanché“! Впрочемъ, это скоро наладится. „La chambre de Pitsch“ совсѣмъ готова и ждетъ своего обитателя. Надъ третьей оперой усердно работаютъ: вчера была репетиція двухъ хоровъ. Насколько можно пока судить, это новое произведеніе будетъ значительно лучше, чѣмъ „Le dernier des sorciers“.

Положительно, въ душѣ нашей пріятельницы открылся цѣлый родникъ свѣжихъ и сладкихъ мелодій, которыя такъ и льются свободной и дивной струей. Впрочемъ, вы все это сами будете переживать, можетъ-быть должны будете даже фигурировать въ качествѣ „безмолвнаго“ гостя.

Баденъ-Баденъ, 27 мая 1868 г.

Побѣда, дорогой Пичъ! Представленіе новой оперы „L'ogre“ состоялось три дня тому назадъ въ присутствіи прусской королевы, и успѣхъ былъ блестящій. Музыка прелестная, поэтичная, возвышенная. Эккертъ аккомпанировалъ; г-жа Віардо чудесно пѣла; все шло хорошо и легко. Во второмъ актѣ танецъ „pas oriental“, поставленный г-жею Боваль, „maître de ballet du théatre grand Duval“, какъ гласило въ программѣ,—excusez du peu!

Почему васъ не было? Pends-toi, brave Crillon!

Меня радуетъ, что вамъ понравился „Дымъ“ и мой маленькій чертенокъ въ „лейтенантѣ“ [1]). Переводъ „Дыма“, сдѣланный Гартманомъ въ „Allgemeine Zeitung“, прямо великолѣпенъ. Но въ Митавѣ выпустили другой переводъ отдѣльнымъ изданіемъ, на что

---

[1]) „Приключеніе лейтенанта Ергунова“.

я, къ сожалѣнію, далъ свое согласіе: это не переводъ, а возмутительное свинство! Они все безжалостно исковеркали, получилось настоящее caput mortuum изъ общихъ мѣстъ. И эту мерзкую книгу разсылаютъ повсюду, а нѣкій господинъ Эккартъ изъ Лейпцига присылаетъ мнѣ рецензію о ней!

Это возмутительно, хотя, собственно говоря, значенія не имѣетъ.

Баденъ-Баденъ, 17 сентября 1868 г.

Что вы дѣлаете, добрый, старый другъ? Неужели такъ завертѣлись въ вихрѣ своей берлинской дѣятельности, что не имѣете больше времени для другихъ? Здѣсь часто упоминается ваше имя. У насъ все обстоитъ довольно хорошо. Я долженъ вамъ разсказать, что былъ позавчера въ Карлсруэ и слышалъ фрейлейнъ Аглаю [1]) въ „Гугенотахъ". Съ тѣхъ поръ, какъ я слышалъ г-жу Віардо въ роли Валентины, я не видѣлъ ничего подобнаго. Я былъ пораженъ страстностью игры (да, да!), трагической силой, благородствомъ пѣнія и каждаго движенія, которое она проявила въ четвертомъ дѣйствіи.

Тутъ остается только снять шляпу и низко поклониться, что я и сдѣлалъ тѣмъ охотнѣе, что не ждалъ этого. Она—настоящая артистка, которая вкладываетъ въ игру не только темпераментъ, но и всю силу нервовъ.

Баденъ-Баденъ, 8 октября 1868 г.

Ауэрбахъ былъ въ Баденѣ! Я долженъ былъ перевести ему мое предисловіе и выслушать его остроумныя и глубокія замѣчанія; оно появится въ печати! (Я просто переписалъ нѣмецкій оригиналъ).

Вотъ какія это были замѣчанія: „Видите, это вы глубоко прочувствовали и это могли сдѣлать только вы!" — Я сидѣлъ съ глупымъ лицомъ и думалъ: „О, если бы ты зналъ!" Но лучше молчать объ этомъ! — Здѣсь все благополучно. Либретто новой оперы почти готово, текстъ хоровъ уже написанъ. Часто отправляемся съ Віардо на охоту; моя подагра исчезла. Прусскіе король и королева теперь здѣсь и очень внимательны. Г-жа Віардо участвовала въ „matinée" и божественно пропѣла сцену изъ „Алькесты".

Баденъ-Баденъ, 29 октября 1868 г.

Дорогой другъ! Отвѣчаю на ваши вопросы:

17-го октября у насъ было такое же представленіе, какъ 17-го октября прошлаго года, и та же публика. Король и ко-

---

[1]) Аглая Оргени, любимая ученица г-жи Віардо.

ролева, кронпринцъ съ кронпринцессой, герцогъ Баденскій съ супругой и т. д.

Спектакль состоялся въ моемъ домѣ. Театръ, благодаря обычной баденской быстротѣ дѣйствій, будетъ готовъ только весной...

Аглая была очень красива и пѣла очень хорошо. Успѣхъ былъ колоссальный!..

Не могу вамъ послать либретто, потому что мы даемъ завтра самое наипослѣднѣйшее представленіе, а другого экземпляра не имѣется.

Предисловіе къ Ауэрбаху должно появиться въ „Allgemeine Augsburger Zeitung“ [1]).

Онъ имъ очень доволенъ и каждый разъ цитируетъ оттуда мѣста, подарилъ мнѣ даже статуэтку своей босоножки.

— Mein Liebchen (а именно—вы)—was willst du noch mehr?

Боюсь ужасно, что вся исторія обнаружится. Но съ какимъ хладнокровіемъ я буду это отрицать!! — Заранѣе говорю вамъ это.—Статья Ю. Шмидта обо мнѣ—самое лучшее, что вообще писали о моей ничтожной особѣ, и я ему очень благодаренъ. Здѣсь все обстоитъ благополучно. Королева подарила г-жѣ Віардо очень красивый браслетъ, а господину Віардо — чудесную вазу.

Карлсруэ, 1-ое декабря 1868 г.

Дорогой другъ! Большое спасибо за чудесную фотографію. Она будетъ вставлена въ раму и отнынѣ станетъ украшать мою комнату. Да, мой другъ, мнѣ минуло 50 лѣтъ—или, какъ вы, поэты, выражаетесь, — я прожилъ половину моего вѣка; надѣюсь не увидѣть и конца слѣдующей четверти этого вѣка. Впрочемъ, я точно знаю годъ моей смерти—1881. Моя мать мнѣ предсказала это во снѣ: тѣ же цифры, что и годъ рожденія (1818), но иначе поставленныя. Я навѣрное умру въ 1881 году, если только это не случится раньше или позже... Но 50 — скверное число, надо съ этимъ примириться.—Г-жа Віардо переѣхала въ очень красивую квартиру; тамъ есть большой залъ, въ которомъ музыка безподобно звучитъ. Она уже пѣла на вечерѣ у нашего друга Поля—аріи изъ Шуберта и Шумана (особенно надо было слышать, какъ она спѣла „Sehnsucht“!).

Тамъ былъ одинъ художникъ, фонъ-Бренеръ; онъ мнѣ много говорилъ о Рифшталѣ и другихъ берлинскихъ художникахъ, но самъ онъ мнѣ кажется довольно поверхностнымъ. Знаете ли вы

[1]) Предисловіе Тургенева къ русскому переводу романа: „Дача на Рейнѣ“.

его? Вольмана я еще не видѣлъ, но встрѣчу его, конечно, съ распростертыми объятіями, какъ и Рифшталя.

Диди работаетъ очень прилежно; ко дню моего рожденія она мнѣ нарисовала „Снятіе съ креста". Прелесть, какъ хорошо! У дѣвочки больше воображенія, чѣмъ у Лессинга [1].

Я все-таки переведу мой мрачный и некрасивый разсказъ; въ Петербургѣ онъ понравился моимъ друзьямъ.

Радуюсь вашимъ успѣхамъ въ Веймарѣ. Погодите, вы еще получите дворянство и Бѣлаго Сокола перваго класса.

Аглая будетъ гастролировать у васъ въ декабрѣ; она теперь живетъ въ Берлинѣ. Если поставятъ „Гугеноты", пойдите.

Карлсруэ, 5 января 1869 г.

Дорогой другъ!

Здѣсь все обстоитъ благополучно. Сегодня первый музыкальный вечеръ у г-жи Віардо. Диди дѣлаетъ большіе успѣхи. Она ежедневно работаетъ два или три часа въ ателье.

Что касается меня, то я работаю очень мало.

Имя того русскаго, который хвалилъ мою работу, было, вѣроятно, Кавелинъ. Потому что Анненковъ въ Петербургѣ, а Ханиковъ въ Самаркандѣ, гдѣ онъ играетъ шикарную роль въ качествѣ губернатора и наслѣдника Тамерлана. Такъ какъ у него толстое лицо и онъ мало подвиженъ, то у него не будетъ недостатка въ восточномъ величіи.

Мой разсказъ все-таки появится въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Но онъ меня мало интересуетъ, потому что г-жа Віардо нашла его самымъ плохимъ изъ всего, что̀ я вообще написалъ [2]. Если я вамъ пришлю, посланный мнѣ очень деревянный, по моему мнѣнію, переводъ „Ергунова" съ французскимъ текстомъ, то вы его сравните съ оригиналомъ и поправите—не правда ли? *Много* труда вамъ на это, конечно, тратить не стоитъ.

Карлсруэ, 15 января 1869 г.

Дорогой другъ!

Въ этомъ письмѣ разскажу вамъ очень длинную исторію, которую постараюсь по возможности сократить. Въ городѣ Ригѣ существуетъ комичный издатель, который непремѣнно хочетъ издать мои „избранныя" сочиненія. Онъ рѣшаетъ начать съ „Отцовъ и Дѣтей". Я ему рекомендую переводъ этого романа,

---

[1]) Извѣстный живописецъ.

[2]) „Несчастная".

появившійся въ Штугартѣ, о которомъ я зналъ по наслышкѣ, что онъ очень хорошъ. Онъ пріобрѣтаетъ этотъ переводъ и посылаетъ мнѣ печатный экземпляръ для просмотра, съ просьбой отослать затѣмъ въ типографію въ Рудолштадтѣ. Я начинаю просматривать и нахожу, что переводъ (съ французскаго) очень плохъ. Терзаюсь надъ дюжиной главъ, но дальше не могу идти, слишкомъ плохо владѣя для этого нѣмецкимъ языкомъ.—Поймите мое положеніе. Вѣдь я самъ рекомендовалъ этотъ переводъ! Я дальше не въ силахъ это терпѣть, покаюсь въ своемъ грѣхѣ добродѣтельному, безкорыстному (потому что какой онъ можетъ съ этого получить барышъ?!!) издателю и сдѣлаю ему слѣдующее предложеніе: отослать переводъ для просмотра вамъ. Онъ навѣрное согласится, а я взвалю эту тяжесть вамъ на плечи. Но не стану рисовать эту исторію черезчуръ мрачными красками. Я убѣжденъ, что, благодаря необычайной быстротѣ работы, которою васъ наградило небо, вы исполните ее въ два дня. Главная суть въ томъ, чтобы сравнить съ французскимъ (превосходнымъ) переводомъ—„но я этого не могу", какъ поетъ Шуманъ. Если рижскій издатель (имя этого идеальнаго человѣка—Е. Бере) обратится къ вамъ, то поставьте ему свои условія, потому что gratis pro deo вы этого не должны дѣлать. Платить буду, конечно, я, потому что виноватъ я; вѣдь благодаря моему совѣту Бере долженъ это сдѣлать.

Отвѣчайте немногими, но содержательными словами и примите заранѣе мою благодарность. Вы можете отказаться — *и тогда...* о Боже, Боже, зачѣмъ меня хотятъ переводить!..

Карлсруэ, 3 февраля 1869 г.

Дорогой другъ!

Ваше письмо вызвало въ моей груди смѣшанное чувство сожалѣнія, благодарности и преклоненія! Безъ шутокъ, когда человѣкъ занятъ, какъ вы, когда время ему такъ дорого,—взвалить на него такую раздражающую работу, какъ исправленіе перевода! Это—громадное доказательство дружбы!

Что касается перевода, предоставляю вамъ carte-blanche. Можете, если хотите, женить Базарова на Одинцовой,—я не буду протестовать! На оборотъ!..

Базаровъ имѣетъ привычку выражаться презрительно: такъ онъ называетъ свое старое пальто—une loque—ein Fetzen—употребите какое хотите слово.

Карлсруэ, 12 февраля, 1869 г.

Дорогой другъ!

Сегодня буду очень краткомъ (за недостаткомъ времени).

Г-жа Віардо вчера уѣхала въ Веймаръ; тамъ хотятъ ставить 8-го сентября „Dernier des sorciers“ въ инструментовкѣ Листа (silentium объ этомъ).

Что касается перевода, то вы просто колоссъ, и я униженно ползаю у вашихъ ногъ.

Карлсруэ, 24 февраля 1869 г.

Дорогой другъ!

Добросовѣстно и точно отвѣчу на ваше письмо. Итакъ:

1) Нашу оперетку ставятъ 8-го апрѣля. Но г-жа Віардо не останется до этого дня въ Веймарѣ; сегодня же она вернулась сюда, пробывъ въ Веймарѣ 12 дней и устроивъ все необходимое. Листъ, Лассенъ и директоръ проявили необычайную любезность и услужливость.

2) „Салону“ я обѣщалъ (къ сожалѣнію!) маленькій разсказъ,— моя трусость и податливость, какъ вы знаете, безграничны,— но не написалъ еще и перваго слова.—Когда это будетъ, Богъ знаетъ!

3) Вы колоссально терпѣливы и добродушны! Я бы давно прогналъ „Неистоваго“ [1]) ко всѣмъ чертямъ. Съ предисловіемъ дѣло обстоитъ такъ. Я ему обѣщалъ нѣсколько строкъ. Эти нѣсколько строкъ прилагаю къ письму, придайте имъ болѣе нѣмецкій оборотъ и пошлите съ Божьей помощью въ Рудолштадтъ.

4) Я хочу взять на себя всѣ затраты, такъ какъ по глупости рекомендовалъ „Неистовому“ этотъ позорный переводъ; онъ, вѣроятно, за него заплатилъ и теперь имѣетъ право отказаться отъ дальнѣйшихъ расходовъ. Если же онъ этого не сдѣлаетъ и освѣдомится о вашихъ условіяхъ, то позвольте мнѣ уплатить за потраченное вами время, потому что pour le roi de Prusse вы не должны работать, хотя и являетесь лойальнымъ и хорошимъ подданнымъ...

Итакъ, „Неистовый“ или я!! Такъ какъ я ничего отъ него не требую, то вы можете успокоить вашу совѣсть.

Почему вы мнѣ сообщаете такъ мало подробностей о рѣчи Вирхова и объ ея поводѣ? Какъ, гдѣ, когда и что?—я все долженъ знать. Это вѣдь въ высшей степени интересно! Нельзя ли получить эту рѣчь?

---

[1]) „Berserker“: Тургеневъ такъ прозвалъ не въ мѣру усерднаго издателя—Бере-

Я себя хорошо чувствую и вотъ уже недѣлю сталъ немного меньше лѣниться. Но работа въ высшей степени тяжелая: обрывки литературныхъ воспоминаній, обѣщанные въ недобрый часъ моему издателю!

Какъ только я имѣю дѣло не съ личностями (образами), я совершенно смущенъ, и не знаю, съ чего начать. Мнѣ всегда кажется, что съ полнымъ правомъ можно утверждать противоположное тому, что я говорю. Когда же я говорю о красномъ носѣ или свѣтлыхъ волосахъ, то эти волосы дѣйствительно свѣтлы, а носъ красенъ, и этого отрицать нельзя. Но что дѣлать! Der Bien muss!

Карлсруэ, 7 марта 1869 года.

Слава Аллаху! Наконецъ-то вы сбросили эту тяжесть съ плечъ, дорогой другъ,—поздравляю васъ отъ души! Ваше отсутствіе 8-го апрѣля будетъ очень чувствительно для насъ. Но я былъ бы слишкомъ большимъ эгоистомъ, еслибы не радовался вашему неожиданному и интересному путешествію [1]. Если оно состоится, посылаю вамъ мое благословеніе и лучшія пожеланія! Какъ вы можете думать, что я напишу разсказъ на другомъ языкѣ, кромѣ моего—русскаго! Направляю васъ къ Роденбергу, пусть онъ позаботится о переводѣ. Но когда я его пошлю? Можетъ-быть вы это знаете? Я—нѣтъ! Здѣсь все хорошо. Клавдія дѣлаетъ большіе успѣхи. Г-жа Віардо хорошо настроена и много работаетъ. Я терзаюсь со своими „Воспоминаніями"; они совершенно не годятся для не-русской публики.

Карлсруэ, 14 марта 1869 года.

Pietschius amabilis grandiflorus, semper virens (какъ говорится въ ботаникѣ), отвѣчаю съ обезьяньей быстротой на ваше письмо.

„Ергуновъ" появился въ русскомъ журналѣ *по-русски* на цѣлый годъ раньше, чѣмъ въ „Revue des deux Mondes".

Повторяю: ни одного печатнаго слова не писалъ я на другомъ языкѣ.—Отправляюсь завтра въ Баденъ и пошлю вамъ французскій текстъ „Ергунова". А „Неистовому" напишу, чтобы онъ для второго томика избралъ не мой новый разсказъ, а „Рудина" или „Анчара" [2]) и, конечно, вамъ поручилъ бы переводъ. „Sentiment factice" не можетъ быть иначе переведено, насколько я знаю. По-русски здѣсь стоитъ эпитетъ, который бук-

---

[1]) Въ Аѳины и Константинополь.

[2]) Очевидно „Затишье".

вально означаетъ слѣдующее: „чувство, которое человѣкъ, неизвѣстно почему и зачѣмъ, допустилъ овладѣть собою“, — это все заключается въ одномъ словечкѣ: „напускной“; но за то мы и считаемся варварами!

Карлсруэ, 20 марта 1869 года.

Дорогой Пичъ!

Вы меня не поняли; слово, о которомъ вы спрашивали, „напускной“, означаетъ не то, что съ нами случается помимо нашей воли (какъ холера или что-нибудь подобное), а то, что по нашей волѣ, но безъ всякаго на то основанія, овладѣваетъ нами, и потому слова: factice и gemacht—все-таки самыя подходящія. Значитъ, вы уѣзжаете 8-го апрѣля? Досадно! Я долженъ васъ видѣть до отъѣзда.

PS. Только хотѣлъ запечатать письмо, какъ мнѣ принесли вашъ „Сентябрьскій вечеръ“ [1]). Я могу только сказать: о! о! о! но не въ томъ смыслѣ, какъ леди Макбетъ.

Сегодня вечеромъ прочтемъ въ товарищескомъ кругу.

Баденъ-Баденъ, 1 іюня 1869 г.

Дорогой Пичъ!

Вчера отправилъ почтою по вашему адресу три экземпляра только-что появившихся „Разсказовъ“: одинъ для васъ, другой— для Юліана Шмидта, третій — для Густава Фрейтага. Для васъ тамъ, собственно, нѣтъ ничего новаго. Но вы должны имѣть всѣ мои вещи.

Только-что прочелъ послѣдніе корректурные листы „Ергунова“. Все прекрасно. Есть только одна ошибка: „Il n'y a pas que les méchants qui tuent“, не значитъ: „Только дурные убиваютъ“, а: „Не только дурные убиваютъ“. Я это исправилъ и говорю это вамъ только „pour votre gouverne“. Мы работаемъ уже надъ новой оперой для здѣшняго театра. Въ концѣ этого мѣсяца будетъ дано первое представленіе, если все пойдетъ хорошо.

Баденъ-Баденъ, 8 іюня 1869 года.

Дорогой Пичъ!

Я не хочу идти съ вѣкомъ наравнѣ и униженно просить рекламы. Выслушайте меня! Вы написали мнѣ: „вы должны имѣть рецензіи объ „Отцахъ и Дѣтяхъ“.

Хорошо! Дайте вы рецензію, сдержанную, холодную, выра-

---

[1]) „Сентябрьскій вечеръ въ Баденъ-Баденѣ“—статья, написанная Л. Пичемъ для „Schlesische Zeitung“.

зите свое удивленіе по поводу того, что русская молодежь поняла типъ Базарова какъ обидную карикатуру, какъ клевету и памфлетъ. Укажите на то, что я обрисовалъ его даже слишкомъ геройскимъ, идеализированнымъ (вѣдь это такъ) и что русская молодежь слишкомъ чувствительна. Меня изъ-за Базарова забросали (и забрасываютъ) грязью, оскорбленіями, ругательствами (Видокъ, подкупленный Іуда, дуракъ, оселъ, гадина, плевательница, — вотъ небольшая доля того, что̀ говорятъ обо мнѣ!), и для меня было бы нѣкоторымъ удовлетвореніемъ показать, что другія націи не такъ на это смотрятъ. Я осмѣливаюсь просить у васъ рекламы, потому что такое сужденіе явится строго правдивымъ и не будетъ, конечно, противорѣчить вашимъ впечатлѣніямъ. Въ противномъ случаѣ я не сталъ бы васъ затруднять этимъ.

Если вы исполните мою просьбу, то, пожалуйста, сдѣлайте это поскорѣе, чтобы я могъ перевести вашу рецензію и напечатать ее вмѣстѣ съ моими воспоминаніями, которыя должны скоро появиться въ печати.

Dixi et animam meam levavi.

Г-жа Віардо со вчерашняго дня лежитъ, она простудилась; слава Богу, ничего опаснаго.

Баденъ-Баденъ, 21 іюня 1869 г.

Дорогой другъ!

Большое спасибо за быстрое исполненіе моей просьбы: статья въ „Vossische Zeitung“ въ 1000 разъ лучше, чѣмъ надо. Относящіяся ко мнѣ мѣста я уже использовалъ. Вашъ фельетонъ [1]) мы прочли съ большимъ удовольствіемъ. Мнѣ кажется, что была бы желательна бо̀льшая концентрація впечатлѣній, mais vous n'avez pas eu le temps d'être plus bref. Вчера, послѣ продолжительнаго перерыва, былъ послѣдній дневной концертъ. Явилась королева и много говорила о васъ и вашихъ фельетонахъ. Она хочетъ васъ читать, но вы сами должны послать продолженіе, потому что: 1) хотя въ кабинетѣ для чтенія теперь и есть „Vossische Zeitung“, но брать ее на̀-домъ не разрѣшается, и 2) газету эту такъ много требуютъ и она такъ сильно пахнетъ человѣческими руками, что еслибы и можно было заполучить ее, то никто не осмѣлился бы оскорбить ею королевскій носъ! Итакъ, посылайте поскорѣе продолженіе и упивайтесь мыслью о томъ, что васъ будетъ читать королева Августа.

---

[1]) Фельетонъ Л. Пича о его весенней поѣздкѣ въ Аѳины и Константинополь.

Когда вы пріѣзжаете сюда? Мы работаемъ надъ опереткой. Первое представленіе будетъ врядъ ли возможно раньше 5 августа. Можно даже съ увѣренностью сказать, что оно будетъ 10-го августа. Итакъ: à bon entendeur salut!

„Неистовый“ говоритъ уже о 3-мъ томѣ и даже о 4-омъ!!!— Это все-таки удивительный субъектъ.

Веймаръ, 17 февраля 1870 г.

Милѣйшій Пичъ! Вся семья здѣсь уже нѣсколько дней и— зябнетъ! Зябнетъ самымъ ужасающимъ образомъ! Холодъ лютый; дома въ Веймарѣ выстроены изъ стараго картона и слѣплены кое-какъ старой слюною. Въ своей комнатѣ я, несмотря на безпрерывную, бѣшеную топку, не могу добиться больше 7°! За ночь вода въ стаканѣ замерзаетъ, и я просыпаюсь съ сосульками въ бородѣ. Единственная мысль теперь — огонь, огонь, теплота! Всѣ бѣгаютъ по комнатамъ съ дровами и углемъ; руки у всѣхъ — грязныя и въ пузыряхъ; носы — красные и влажные. У всѣхъ насморкъ, кашель и всѣ говорятъ хриплымъ басомъ. Всѣ одѣты сразу во все, что имѣютъ, глядятъ другъ на друга мутнымъ, остеклянѣвшимъ взглядомъ. Мысль о томъ, что живешь въ томъ самомъ городѣ, гдѣ творили два геніальныхъ поэта, представляется совершенно ничтожной и не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на душу. Скорѣе даже склоняешься къ предположенію, что оба господина, толстые, бронзовые, что стоятъ передъ театромъ, еще усиливаютъ холодъ, и легкая злоба на нихъ прокрадывается въ сердце! — Вотъ еще причина, по которой нельзя простить Гёте его переѣздъ въ Веймаръ! — О какой бы то ни было работѣ, конечно, нечего и думать. Мое вдохновеніе замерзло, и тѣ крохи фантазіи, которыя еще слабо мерцали, тоже стали трещать, вспыхивать — и погасли навѣки. На моемъ Олимпѣ царятъ теперь только: Юпитеръ — кашель, Юнона — ангина, Аполлонъ — насморкъ и Венера — бронхитъ! Амуръ — маленькій бѣлый медвѣжонокъ, и онъ кувыркается по снѣгу. „Horrible, horrible, most horrible!“ — Могу еще только сказать, что вся семья шлетъ вамъ сердечный привѣтъ; я, разумѣется, тоже. Да, идея: если бы вы пріѣхали въ Веймаръ, то, можетъ быть, по гомеопатическому принципу: „similia similibus“, холодъ убрался бы во-свояси, такъ какъ вы вѣдь олицетворенный насморкъ. Во всякомъ случаѣ, мы собрали бы всю жизненную теплоту, которая еще остается въ насъ, чтобы радоваться вамъ. Повѣрите ли, вотъ сейчасъ кашляетъ даже маленькая собачка!

Иди, полузамерзшее письмо, изъ холодной дыры-Веймара въ еще болѣе холодную, но бо́льшую дыру-Берлинъ и дай хотя слабое понятіе о нашихъ страданіяхъ! Ну, теперь я совсѣмъ осѣлъ, точно ледяная глыба. До свиданія!

P. S. Одинъ только Іонъ [1]) не зябнетъ. Когда на дворѣ ниже 25° мороза, онъ беретъ въ руки маленькую тросточку, идетъ гулять и потѣетъ.

P. S. S. Со времени начала этого письма у меня появилась стрѣляющая боль въ поясницѣ.

P. S. S. S. Не вскрывайте этого письма въ слишкомъ теплой комнатѣ—не то оно тотчасъ растаетъ.

Веймаръ, 26 февраля 1870 г.

Pietschissimo carissimo, у меня есть къ вамъ просьба. Дѣло въ томъ, что я послалъ нѣкоему Отто Левальду, присяжному повѣренному (Вильгельмштрассе 82) свой автографъ, гдѣ я процитировалъ три Гётевскихъ стиха и сдѣлалъ двѣ ошибки. Это мнѣ непріятно; могутъ подумать, что я нетвердъ въ Гёте. Я написалъ: „Greift nur *hinaus*" и т. д. вмѣсто: „hinein ins volle Menschenleben": и потомъ: „nicht" *jedem*" вмѣсто „*vielen*". Колѣнопреклоненно прошу васъ: зайдите къ этому присяжному повѣренному и передайте ему прилагаемый автографъ.

Въ Веймарѣ пока живется недурно (теперь у меня теплая комната). Всѣ здѣсь чрезвычайно любезны и предупредительны.

P. S. „Орфей" пойдетъ въ воскресенье, черезъ недѣлю, а 1-го марта г-жа Віардо поетъ въ концертѣ въ Іенѣ.

Веймаръ, 16 апрѣля 1870 г.

Мой милый другъ! „Неистовый" снова неистовствуетъ! Теперь онъ хочетъ выпустить 4-ый томъ съ „Накануне" и пишетъ мнѣ, что черезъ двѣ недѣли рукопись пойдетъ въ печать! Я просмотрѣлъ ее и поправилъ по мѣрѣ силъ свыше 200 ошибокъ. Корректуру держать я не имѣю возможности, такъ какъ уѣзжаю въ началѣ мая и возвращаюсь только въ концѣ іюля. Сдѣлаете ли вы это? *Можете* ли это сдѣлать! Во-первыхъ, у васъ имѣется, насколько я знаю, французскій переводъ (подъ именемъ „Elena", въ новеллахъ „Scènes de la vie russe") для сравненія, и во-вторыхъ, вы знаете по многолѣтнему опыту мою манеру письма. Отвѣчайте коротко, точно и *скоро*, потому что „Неистовый" не-

---

[1]) Эрнстъ Іонъ, редакторъ „Kladderadatsch", жившій тогда въ Веймарѣ.

укротимъ и рычитъ! Какъ вы думаете, удобно ли мнѣ обратиться съ этимъ къ Іону, если вы не можете?

Вы прислали намъ г-жу Віардо совсѣмъ простуженною; у нея былъ сильный гриппъ, она ужасно кашляла и всего нѣсколько дней какъ чувствуетъ себя лучше. Она, вѣроятно, будетъ пѣть завтра въ концертѣ, а потомъ „Пророка". Все прочее идетъ по прежнему. Теперь здѣсь Листъ и уже кокетничаетъ направо и налѣво. При всемъ этомъ онъ все-таки—замѣчательная личность и такъ какъ онъ, дѣйствительно, очень любитъ г-жу Віардо, то и я его люблю. Я закончилъ повѣсть [1]). Боюсь, что m-me Віардо на 10-й страницѣ встанетъ и уйдетъ. Я еще не читалъ ей.

P. S. Ужасные „Мейстерзингеры" все-таки какъ будто побѣдили. Принцъ Eunuchos (Вагнеръ) можетъ потирать руки.

Веймаръ, 22 апрѣля 70 г.

Лучшій другъ и благодѣтель!

„Наканунѣ" появится въ печати, судя по письму „Неистоваго", только въ сентябрѣ, такъ что времени у насъ еще довольно. Очень радуюсь вашимъ „Путевымъ впечатлѣніямъ": это будетъ живописная, милая книга.—Здѣсь все идетъ отлично. Завтра г-жа Віардо устраиваетъ блестящую „matinée", будетъ пѣть и т. д.

Баденъ-Баденъ, 9 сентября 70 г.

Милый другъ Пичъ!

Теперь это ужъ не событія, а настоящіе громовые удары; едва успѣваешь опомниться отъ одного, какъ ужъ гремитъ другой! Императоръ въ плѣну, сто тысячъ французовъ въ плѣну, республика! Можетъ быть, черезъ нѣсколько дней мы услышимъ, что Парижъ взятъ и что Людвигъ Пичъ тріумфально шествуетъ по Avenue de l'Etoile и своимъ челомъ, увѣнчаннымъ побѣдоносными лаврами, сметаетъ звѣзды съ неба! — Что̀ же еще? Мы живемъ здѣсь въ напряженномъ ожиданіи. Первое письмо, съ поля битвы при Вёртѣ, хотя запоздало, но все-таки дошло. Въ началѣ августа здѣсь было очень тревожно: все было упаковано, чтобы тотчасъ уѣхать въ Вильдбадъ, если тюркосы перейдутъ черезъ Рейнъ. Теперь у насъ давно все спокойно. Вся семья Віардо здорова и благополучна. Работаютъ для раненыхъ, музицируютъ, читаютъ—такъ проходятъ дни. Паденіе имперіи было большимъ удовлетвореніемъ для бѣднаго Віардо. Конечно, теперь сердце его

[1]) „Степной король Лиръ".

обливается кровью, но онъ сознаетъ вполнѣ, что все это — заслуженная Франціей кара. Что касается меня, то я, какъ вамъ хорошо извѣстно, настроенъ совершенно какъ нѣмецъ. Уже потому, что побѣда Франціи была бы гибелью свободы. Вотъ только не слѣдовало жечь Страссбургъ. Это былъ шагъ чрезвычайно неловкій и безцѣльный. Теперь, въ виду Парижа, врядъ ли это сдѣлали бы. Но то, что намъ пришлось быть свидѣтелями того, какъ этой негодяй со всей своей кликой выброшенъ въ клоаку, это все-таки истинное счастье!

Лондонъ, 11 мая 1871 г.

О, Piet*sche*, Piet*sche* (латинскій звательный падежъ), этого я не ожидалъ отъ вашей проницательности! Какъ вы могли испугаться? Неужели вы думаете, что еслибъ г-жа Віардо дѣйствительно умерла, я былъ бы въ состояніи вырѣзать публикацію объ этомъ и наклеить ее?? О, Pietsche, Pietsche! Но вы вѣрный другъ, а это—главное.

Лондонъ, 9 іюня 71 г.

Pietschio de mi alma (это по-испански: „Душа моя, Пичъ"), вся семья Віардо остается здѣсь до 1-го августа; такъ катите сюда поскорѣе! Торжественный пріемъ, рукоплесканія и т. д., какъ въ Берлинѣ, но только въ меньшемъ масштабѣ. „Антинѣмецкое настроеніе" очень улеглось. Когда свои бьютъ тебя до синяковъ, то перестаешь вспоминать чужіе щелчки...

О Парижѣ не хочу даже говорить. Впечатлѣніе на здѣшніе умы было потрясающее. На мѣстѣ, гдѣ стояла Франція—одно мокрое пятно. Но на такомъ мѣстѣ можетъ еще расцвѣсти красивѣйшій цвѣтокъ прежняго существованія. Пока Франція получитъ временную республику, а что будетъ дальше? знаетъ, можетъ быть, Господь Богъ,—но врядъ ли и онъ знаетъ.

Остальное все благополучно; вотъ только просыпаемся мы утромъ съ сосульками въ бородѣ—такъ мерзъ я только въ Веймарѣ!

Лондонъ, 18 іюля 71 г.

Вѣчно юный Пичъ—Ахиллъ, Донъ-Жуанъ и Алкивіадъ! Ты единственный, которому удалось ухватить Фортуну за непокорныя кудри, пригнуть ее назадъ и поцѣловать съ побѣдной улыбкой. Съ быстротой молніи отвѣчаю я на ваше письмо. Все семейство Віардо (и я) ѣдетъ 29-го іюля въ Булонь, гдѣ останется до 8-го или 10-го августа, дышать морскимъ воздухомъ; потомъ они ѣдутъ въ Баденъ, гдѣ пробудутъ два мѣсяца. Я же изъ Бу-

лони отправляюсь 8-го числа въ Эдинбургъ (на празднованіе столѣтняго юбилея Вальтеръ-Скотта), а оттуда на недѣлю къ одному пріятелю въ Шотландію, гдѣ буду стрѣлять великолѣпныхъ тетеревовъ.

Г-жа Віардо къ своему пятидесятому дню рожденія здорова, свѣжа и весела.

Баденъ-Баденъ, 24 августа 71 г.

Милѣйшій Пичъ!

Пріѣхалъ я сюда въ понедѣльникъ и засталъ всю семью здоровой и благополучной; г-жа Віардо тоже чувствуетъ себя лучше.

Я писалъ вамъ изъ Эдинбурга. То, что вы не получили моего письма, является для меня еще однимъ доказательствомъ жалкаго состоянія всѣхъ англійскихъ оффиціальныхъ учрежденій. За одну эту зиму у меня пропало больше писемъ, чѣмъ за всю мою жизнь. О торжествѣ въ Эдинбургѣ и моемъ участіи въ немъ, право, нечего сказать. Совершенно неизвѣстный человѣкъ, Torgunoff, говорилъ о совершенно неинтересномъ предметѣ: о русской литературѣ.

Баденъ-Баденъ, 14 сентября 71 г.

Caro amico Ludovico!

Тысяча благодарностей за ваше милое письмо и хорошія пожеланія! Идетъ подъ гору шибко—53 года! Что ужъ тутъ?

Сижу еще здѣсь съ дѣтьми. Супруги Віардо уже давно въ Парижѣ, но квартира, гдѣ мы будемъ жить, все еще неготова. Надѣюсь, что мы выѣдемъ отсюда 18-го числа, въ субботу. „Johanna geht und nimmer kehrt sie wieder!“ Я уже пять дней живу у Віардо. Мой домъ—совершенная развалина; новый владѣлецъ хочетъ все заново отремонтировать. Въ добрый часъ!

Какой видъ имѣетъ Шиллеровскій памятникъ на открытомъ воздухѣ? Отчего вы не пишете ничего г-жѣ Віардо? Мое „Стукъ-стукъ“ переведено два раза. Это меня очень удивляетъ. Вашъ переводъ будетъ, конечно, превосходенъ. Я только что переписалъ свою вещицу, полную щебетанья жаворонка и голубого неба, и къ своему великому удивленію я замѣчаю, что она имѣетъ видъ ядовитаго грибка! Такимъ анти-моральнымъ я еще никогда не былъ—horreur!!

Баденъ-Баденъ, октябрь 71 года.

Милѣйшій Пичъ!

Разумѣется, мой „Стукъ-стукъ“ къ вашимъ услугамъ „and welcome“, какъ говорятъ англичане. Изъ письма г-жи Віардо вы, конечно, убѣдились, что она не принадлежитъ къ царству

мертвыхъ. Жаль, что вы не пріѣхали — я былъ мизантропическимъ осломъ; теперь мнѣ нѣсколько лучше.

P. S. Французскій переводъ я просмотрѣлъ бѣгло. Онъ, повидимому, хорошъ; только нѣкоторыя выраженія неудачны. Если вы считаете, что это стоитъ труда, то прокорректируйте.

Парижъ, 15-го декабря 71 г.

Итакъ, послѣ долгаго молчанія вы, наконецъ, подали признаки жизни! Но за то вы еще никогда такъ неразборчиво не писали, восхитительный Пичъ. Едва только половину письма мнѣ удалось расшифровать. Намъ живется здѣсь хорошо, только въ домѣ все находится еще въ хаотическомъ состояніи. Въ Парижѣ нѣтъ теперь вовсе рабочихъ, а тѣ, которые есть, не хотятъ работать. У г-жи Віардо дѣла много, настроена она бодро. Я еще почти никого здѣсь не видалъ, такъ какъ первое время былъ боленъ (проклятая подагра), а затѣмъ работалъ надъ своей повѣстью „Вешнія воды"; такимъ образомъ не знаю ничего о парижской жизни.

Не имѣю ни малѣйшаго представленія о томъ, когда эта повѣсть будетъ переведена на французскій языкъ; для этого я и пальцемъ не шевелю. Оттого я и не знаю, когда вамъ придется прочитать это новое твореніе. Что же касается вашего печальнаго настроенія, то хотя я ему и сочувствую, но думаю: „Перемелется, мука будетъ".

Уладится все. Республика кажется мнѣ сейчасъ настоящимъ „cabinet inodore". Всѣ замѣчаютъ, но никто не признается, что имѣлъ съ нимъ что-либо общее. Вѣроятно, Орлеаны скоро всплывутъ на поверхность. Но спокойно это не пройдетъ. Поживемъ— увидимъ. Ненависть къ нѣмцамъ здѣсь колоссальная! Единственное колоссальное, что здѣсь есть.

Парижъ, 9-го января 72 г.

Разумѣется, я еще здѣсь, милый Пичъ, и уѣзжаю въ Россію только въ срединѣ февраля—тогда пробуду обязательно два дня въ Берлинѣ. Въ Парижѣ развлекаемся теперь мало. Работы у г-жи Віардо много, здоровье ея теперь хорошо, а скоро и квартира будетъ готова для пріема гостей. Что касается меня, то живу какъ улитка, и не хочу жить иначе. Въ остальномъ все то же; вотъ только начинаю думать, что Франція смертельно больна.

„Мое младшее дитя", какъ вы его называете, появится 13-го января въ Петербургѣ, въ „Вѣстникѣ Европы". Относи-

тельно того, когда оно будетъ переводиться, я ничего не знаю. Можетъ-быть, скоро; можетъ-быть нескоро; можетъ-быть никогда. Но когда оно будетъ переведено, вы ужъ конечно первый получите его.

Съ нами идетъ все пòдъ-гору, пòдъ-гору, и вотъ она уже стоитъ—блѣдная, нѣмая, холодная, всепожирающая, вѣчная Ночь! Пишу лапидарнымъ слогомъ, а относительно „Confessions" ничего не знаю. Никогда я не писалъ ихъ и не понимаю, кто васъ мистифицируетъ? Все-таки хотѣлось бы эту штуку посмотрѣть.

P. S. Дѣйствительно ли А. фонъ Вернеръ такой крупный художникъ?

Парижъ, 17-го февраля 72 г.

Благородный другъ и благодѣтель Людвигъ Пичъ!

Я замѣтилъ, что бываютъ такіе моменты, когда при самыхъ лучшихъ отношеніяхъ между двумя друзьями одинъ изъ друзей является для другого мертвымъ псомъ и не смѣетъ претендовать на высшую оцѣнку. По разнымъ признакамъ и симптомамъ я заключилъ, что этотъ моментъ наступилъ въ моихъ отношеніяхъ съ нѣмецкими друзьями. Если это такъ, то не говорите ничего, молчите, и мое чуткое сердце проститъ все. Разбиться оно, однако, не намѣрено. Если же я ошибся—а ошибаться свойственно человѣку—тогда скажите какое-нибудь слово, и я буду радъ ему.

Дѣла Франціи и Парижа обстоятъ скверно, дѣла же семьи Віардо—хорошо.

Парижъ, 18-го марта 72 г.

Милѣйшій Пичъ!

Я давнымъ давно долженъ былъ бы отвѣтить на ваше привѣтливое письмо, но я ужасно лѣнивое животное, хотя отнюдь не неблагодарное. Я очень обрадовался тому, что вы все еще любите меня, и упрекалъ себя за свои сомнѣнія.

Жизнь здѣсь протекаетъ недурно. Г-жа Віардо пѣла два раза, съ огромнымъ успѣхомъ; это приподняло ея настроеніе, и она чувствуетъ себя весело и бодро—работаетъ, однако, слишкомъ много. Въ семьѣ тоже все благополучно. Я кое-какъ прозябаю и готовлюсь къ поѣздкѣ въ Россію.

Здѣсь устроена выставка картинъ и этюдовъ Regnault (того самаго Regnault, который въ прошломъ году былъ убитъ такъ несчастно за нѣсколько дней до заключенія мира). Стòитъ пріѣхать сюда спеціально для того, чтобы видѣть это. Regnault, безспорно, величайшій колористъ новаго времени. Чтò бы еще изъ него могло выйти!

St.-Valéry sur Somme. 19-го іюля 72 г.

Pietchissime carissime, живу теперь здѣсь, въ прелестномъ, тихомъ мѣстечкѣ, но, къ несчастью, у меня снова подагра, и я едва ползаю съ двумя костылями. Проклятая исторія тянется уже больше мѣсяца. Надо выжидать....

Всей семьѣ Віардо живется хорошо. У всѣхъ чудовищный аппетитъ, всѣ спятъ богатырскимъ сномъ и предаются основательнѣйшей лѣни. Одно только не совсѣмъ въ порядкѣ: большой палецъ на рукѣ у г-жи Віардо все еще опухъ и болитъ. Не могу не вспомнить знаменитую берлинскую мазь, которая однажды такъ помогла мнѣ. Если я не ошибаюсь, то изготовителя ея звали Циммерманъ, хирургъ? Rosenthalerstrasse, 20. Сдѣлайте одолженіе, милый Пичъ, сходите тотчасъ туда, купите маленькую баночку и отошлите ее сюда немедля или же, если это неудобно, то хоть въ Парижъ, на мое имя. Сдѣлайте это поскорѣе!

Я сталъ дѣдушкой — наконецъ! Позавчера моя дочь родила дѣвочку, кажется — вполнѣ здоровую.

Vale et me ama.

St.-Valéry sur Somme. 27-го іюля 72 г.

Милѣйшій Пичъ!

Когда вы мнѣ писали свое письмо отъ 20-го числа, вы, вѣроятно, еще не имѣли моего (гдѣ я просилъ о присылкѣ мази) и, должно быть, такъ и уѣхали изъ Берлина, не получивъ его. Я долженъ еще разъ просить васъ исполнить мое порученіе, какъ только вы вернетесь въ Аѳины на Шпрее.

Августъ и сентябрь мы всѣ проведемъ здѣсь.

Господи! какъ вы, нѣмцы, послѣ большихъ успѣховъ, стали чувствительны и, какъ старыя дѣвы, обидчивы! Вы уже не можете перенести того, что я немножко задѣлъ нѣмцевъ въ своей послѣдней повѣсти? Но вѣдь я своему родному народу, который я ужъ, конечно, люблю, наносилъ гораздо болѣе сильные удары!

И вдругъ критикъ нѣмецкой „Petersburger Zeitung" мечетъ на меня громы и молніи и призываетъ всѣхъ офицеровъ германской арміи стереть съ лица земли клеветника и наглаго лжеца, т. е. меня. Я до сихъ поръ думалъ, что нѣмцы обладаютъ большею уравновѣшенностью и объективностью. Не могу не похвалить въ этомъ случаѣ своихъ русскихъ.

Моя послѣдняя повѣсть достаточно плоха, но все же лучшее и самое цѣнное въ ней — это какъ-разъ эти немногіе щелчки.

St.-Valéry sur Somme. 14-го сентября 72 г.

Значитъ, вы побывали въ Россіи, въ Москвѣ и видѣли сфинкса [1]) въ Эрмитажѣ, carissimo Pietsch! Меня очень радуетъ, что вамъ нравится мой сфинксъ. О своемъ путешествіи вы, вѣроятно, напишете нѣсколько тонкихъ очерковъ въ „Vossische Zeitung"; было бы очень мило, еслибы вы прислали ихъ мнѣ. Я остаюсь здѣсь до 29-го числа, затѣмъ ѣду къ дочери на крестины внучки, затѣмъ въ Ноганъ, помѣстье Жоржъ-Зандъ, на нѣсколько дней, потомъ на 4—5 дней—въ Баденъ-Баденъ, чтобы привести въ порядокъ всѣ свои вещи, а затѣмъ назадъ въ Парижъ, гдѣ я пробуду отъ 10-го октября до конца ноября. Тогда я надѣюсь поѣхать въ Петербургъ, et ce serait le diable, еслибъ снова не удалось застать васъ. Моя проклятая подагра все еще не отпускаетъ меня. У меня были сильные приступы боли, и теперь еще я долженъ лазить въ туфляхъ. О, донъ Жуанъ, о, донъ Жуанъ (это я васъ подразумѣваю)! Старость—не радость. Объ этомъ вы еще ничего не знаете и продолжаете срывать самые красивые цвѣты.

Парижъ, 18-го ноября 72 г.

Мой милый другъ!

Не могу не благодарить васъ (хотя съ опозданіемъ) за пожеланія къ моему дню рожденія; не скрою, однако, что я самъ—быть можетъ, въ тотъ именно моментъ, когда вы брались за перо,—проклиналъ этотъ проклятый день отъ глубины души. Я страдалъ тогда 12-мъ приступомъ подагры за шесть мѣсяцевъ, и это былъ самый мучительный. Теперь я учусь лазить на костыляхъ, но тринадцатый приступъ, вѣроятно, уже готовится. Въ виду такихъ обстоятельствъ могу вамъ только сказать, что на душѣ у меня очень скверно. Къ счастью, въ семьѣ Віардо все идетъ хорошо, а это, въ концѣ концовъ, самое главное.

Парижъ, 7-го января 73 г.

Милый Пичъ!

Ни въ 1871-мъ, ни въ 1872-мъ, ни въ какомъ-либо другомъ году отъ Рождества Христова я не писалъ письма, хотя бы сколько-нибудь похожаго на цитируемое вами. И это письмо я будто бы послалъ въ „Gaulois" или въ „Figaro"! я, который

---

[1]) Древне-греческій маленькій раскрашенный флаконъ для духовъ, изъ терракоты (Lekone), изображающій крылатаго сфинкса съ демонически-прекрасной женской головой, которымъ Тургеневъ очень восхищался.

не имѣлъ никогда ни одного знакомаго между французскими журналистами и старался всегда держаться на почтительномъ разстояніи отъ всей этой клики! Во всей исторіи нѣтъ ни слова правды, и мнѣ только непонятно, какимъ образомъ она не попала мнѣ въ руки, если, какъ вы говорите, всѣ газеты перепечатали ее?

Я хочу раздобыть полные комплекты „Figaro" и „Gaulois" за первую половину 1871 года, чтобы посмотрѣть, дѣйствительно ли какой-то мерзавецъ сыгралъ штуку съ моимъ именемъ, или это все — чистая фантазія. Я готовъ подписать всякое разъясненіе, если вы и Ю. Шмидтъ найдете это нужнымъ.

Я пошлю „Неистовому" бронированное письмо. За свою работу (исправленіе корректуры и т. д.) я не имѣю другого гонорара, какъ только четыре или пять экземпляровъ, которые онъ долженъ послать моимъ друзьямъ—но онъ и этого не дѣлаетъ! Въ такомъ случаѣ онъ просто свинья.

Парижъ, 4-го апрѣля 73 г.

Милый Пичъ!

Съ моей стороны совершенно непростительно и гнусно, что я цѣлыхъ два мѣсяца не отвѣчалъ на ваше письмо. Я погрязъ въ бездонной пучинѣ лѣни и ничегонедѣланія, и писаніе для меня почти что немыслимо. Я совсѣмъ готовъ къ этой „бѣлой" пропасти, о которой говоритъ Гейне, но только очень ужъ скверно дѣлается на душѣ, когда подумаю объ этомъ. Плодъ перезрѣлъ, удержать его нельзя, и онъ виситъ тяжело и неподвижно на подгнившей вѣткѣ. Это красивое сравненіе, къ сожалѣнію, до ужаса правдиво. На здоровье свое не могу жаловаться. Сплю и ѣмъ хорошо. Но это все, что имѣю. Затѣмъ еще разсматриваю много картинъ и покупаю нѣкоторыя изъ нихъ (недавно пріобрѣлъ великолѣпнаго Ванъ-деръ-Неева). Это—моя единственная страсть. Радуюсь, что Менцель чувствуетъ себя бодрымъ и пишетъ прекрасныя картины.

Семья Віардо поживаетъ хорошо. Клавдія работаетъ прилежно, но подвигается впередъ меньше, чѣмъ можно было бы желать. Поль ужасно неотесанъ и подчасъ невыносимъ, но изъ него вырабатывается крупный скрипачъ. Г-жа Віардо, прежде чѣмъ совсѣмъ оставить пѣніе, должна создать (какъ здѣсь говорятъ) роль Магдалины въ очень красивой ораторіи Массенэ.

Нѣмцамъ теперь меньше, чѣмъ когда-либо, можно пріѣзжать въ Парижъ. Я разумѣю нѣмцевъ, которые себя уважаютъ. Ненависть растетъ и увеличивается съ каждымъ днемъ.

Парижъ, 6-го мая 73 г.

Милый Пичъ!

Вы теперь находитесь, такъ сказать, въ центрѣ большого водоворота; посему буду кратокъ: „vos moments sont précieux", какъ говорятъ французы. Хочу только извѣстить васъ о томъ, что я только 22-го ч. этого мѣсяца покидаю Парижъ и буду въ Вѣнѣ только 28-го. Застану ли я васъ еще тамъ, или вы раньше упорхнете оттуда, какъ мотылекъ, выпивъ соки изъ цвѣтка Всемірной выставки? Я бы охотно остановился въ томъ же отелѣ, гдѣ и вы. Напишите мнѣ нѣсколько строкъ. Говорятъ, что очень трудно теперь найти въ Вѣнѣ помѣщеніе.

Вчера открылась здѣсь выставка. Есть очень много красивыхъ и интересныхъ вещей. Г-жа Віардо, наконецъ, избавилась отъ своего гриппа. Всей семьѣ живется хорошо. Ждутъ перваго солнечнаго луча, чтобы переселиться въ Буживаль.

P. S. На выставкѣ имѣется очень значительная картина Мункачи.

Парижъ, 3-го іюня 73 г.

Милый другъ!

Послѣ-завтра уѣзжаю отсюда въ Баденъ, пробуду тамъ два дня, а затѣмъ—въ Вѣну. Къ концу будущей недѣли буду уже навѣрное тамъ и буду радоваться, видя васъ.

Здѣсь начатъ печатаніемъ французскій переводъ „Вешнихъ водъ". Онъ очень хромаетъ, и я долженъ его провѣрить; просмотрѣлъ уже половину, а другую половину мнѣ вышлютъ въ Вѣну, и я далъ вашъ адресъ со всѣми принадлежащими къ нему іероглифами—къ poste restante у меня нѣтъ довѣрія. Но теперь вы вѣдь мотылекъ первой степени и, можетъ быть, упорхнете и перемѣните мѣстопребываніе, въ виду того, что тамъ, какъ вы говорите, „вѣчно-женственное" не очень привлекательно. Если это такъ, то напишите мнѣ сейчасъ въ Баденъ-Баденъ, чтобы я могъ сдѣлать необходимыя перемѣны.

Буживаль, 1-го августа 73 г.

Милый Пичъ!

Относительно молодыхъ дамъ, которыя дерутся изъ-за моего стакана, могу сказать то же, что и о своей бородѣ, будто бы развѣвающейся до пояса: во всемъ этомъ нѣтъ ни слова правды. Точно такъ же я вовсе не другъ графа С.—мнѣ вовсе непріятно было бы считаться его другомъ. Я никогда у него не былъ.

Парижъ, 1-го декабря 73 г.

Гдѣ вы и что̀ хорошаго подѣлываете, дорогой Пичъ? Я давно долженъ былъ отвѣтить вамъ, но писать мнѣ трудно во всѣхъ смыслахъ этого слова.

Вообще же я здоровъ, и что̀ гораздо важнѣе — вся семья Віардо благополучна. Дайте мнѣ знать, какъ вамъ живется въ свободномъ городѣ Берлинѣ. Здѣсь мы совершенно порабощены, а дальше будетъ еще хуже. Мы идемъ къ совсѣмъ глупой, узкой, банальной, милитаристической, желѣзной и деревянной республикѣ!

КРЕСТЪ НА РАВНИНѢ

Романъ Клары Фибихъ.

„Das Kreuz im Venn", Roman von Clara Viebig. Berlin, 1908.

I.

Солнце еще не проникло въ узкія улицы. Надъ лугами у кладбищенской часовеньки, гдѣ ели осѣняютъ могилы своими вѣтвями, оно уже ярко свѣтило. Глубоко внизу, въ котловинѣ, лежалъ у рѣки городъ, казавшійся грудою старинныхъ косыхъ кровель. Въ немъ были только двѣ улицы. Сумрачно глядѣла сверху внизъ разрушенная сторожевая башня на церковь и аптеку. Съ другой стороны виднѣлась старая крѣпость — средневѣковая сказка, смотрѣвшая свысока на современную дѣйствительность: на мѣщанскіе домики со ставнями, на дымящіяся фабричныя трубы. Со стукомъ подбитыхъ гвоздями сапогъ сливались говоръ людей, женская визготня и звонъ шпоръ.

У входа въ гостинницу „Бѣлаго Лебедя", надъ которымъ уже болѣе ста лѣтъ качалась вывѣска, тѣснились мужчины въ парадныхъ черныхъ сюртукахъ и цилиндрахъ, виднѣлось среди нихъ и нѣсколько мундировъ. Умеръ хозяинъ „Бѣлаго Лебедя", человѣкъ еще не старый, славившійся своею кухнею и погребомъ.

— Бѣдняга! — сказалъ адъютантъ фонъ-Шеффлеръ: — пріятный былъ человѣкъ и умѣлъ держать себя; притомъ ничуть не эгоистъ. — При этомъ онъ слегка усмѣхнулся.

Лейтенантъ Абекингъ тоже улыбнулся. Глядя вдоль улицы, онъ щурился и не могъ подавить улыбки при воспоминаніи о прошломъ воскресномъ вечерѣ, когда хозяйка гостинницы, „пре-

красная Елена“ дарила его взглядами—о, какими взглядами!—и касалась своимъ колѣномъ его колѣна. Онъ до сихъ поръ чувствовалъ исходившую отъ нея полноту жизни. А толстый Вильгельмъ добродушно смѣялся, хитро подмигивалъ и ничего не подозрѣвалъ... И вотъ его уже нѣтъ! Внезапный трепетъ охватилъ молодого офицера. Отвратительно! Распроститься съ такой хорошей жизнью и съ такой славною бабенкой!

— Отъ пьянства умеръ!—вдругъ громко выговорилъ кто-то. Это былъ ветеринаръ. Одни съ неудовольствіемъ, другіе съ улыбкою обернулись въ сторону низенькаго человѣка, который постоянно изъ-за чего-нибудь кипятился. Опять Дрейборнъ не смолчалъ. Впрочемъ, на этотъ разъ онъ былъ правъ.

Лица снова приняли серьезное выраженіе, какъ только приблизился ландратъ. Онъ былъ несовсѣмъ въ своей тарелкѣ; его умное, аристократическое лицо имѣло нѣсколько смущенное выраженіе: ландратъ, слѣдующій за гробомъ извѣстнаго пьяницы!—но „прекрасная Елена“ не простила бы ему его отсутствія. Притомъ всѣ оказались на лицо: окружной врачъ и его помощникъ, нотаріусъ, бургомистръ, судья, архитекторъ, аптекарь, даже фабрикантъ Шмёльдеръ и господа офицеры.

Церковные колокола глухо зазвонили, обѣ половинки дверей распахнулись, послышались рыданія... Позади духовенства, съ крестомъ и кадиломъ, показались носильщики, съ трудомъ вынесшіе тяжелый широкій гробъ. Дѣти несли вѣнки. Подъ несмолкаемое пѣніе молитвъ шествіе двинулось. Вдова шла посреди женщинъ, одѣтыхъ въ черное, которыя поддерживали ее; она прижимала къ глазамъ траурный носовой платокъ и казалась искренно огорченною. Ниспадавшій на черное съ треномъ платье креповый вуаль совершенно закрывалъ ее, и между нимъ и мѣховымъ боа маленькій лейтенантъ, поднявшись на цыпочки, могъ различить кусочекъ бѣлой шеи и прядь бѣлокурыхъ, блестѣвшихъ подъ поцѣлуемъ солнца, волосъ.

Дымъ отъ кадила поднимался лишь до перваго этажа высокихъ, крытыхъ черепицею домовъ. Не смотря на раннее время года, было душно. Изъ всѣхъ оконъ выглядывали любопытныя женскія головы.

— Славныя похороны! Кого только тутъ нѣтъ? Самъ г. ландратъ. Красивый мужчина!..

Ландратъ фонъ-Мюленбринкъ чувствовалъ себя неловко подъ огнемъ этихъ взглядовъ, но что подѣлаешь? Съ волками жить—по волчьи выть. Сегодняшній день долженъ способствовать его популярности; онъ обязанъ завоевать себѣ положеніе. Онъ еще

молодъ, но ему уже порученъ видный постъ. Онъ можетъ многое сдѣлать, если ему удастся заслужить довѣріе тупоголоваго населенія. Кстати, позади него идетъ бургомистръ—мужиковатый съ виду человѣкъ колоссальнаго роста. Надо будетъ поговорить съ нимъ по душѣ сейчасъ же послѣ похоронъ...

Шествіе остановилось на перекресткѣ. Узкая дорога въ гору вела къ кладбищу, другая, широкая—къ вокзалу. Ландратъ остался въ хвостѣ процессіи, которая черною лентою поползла въ гору. Онъ замѣтилъ на углу пятнадцать человѣкъ съ бритыми головами, одѣтыхъ въ тиковыя куртки. Они тупымъ взоромъ слѣдили за удалявшимся похороннымъ шествіемъ. При нихъ стоялъ человѣкъ съ ястребинымъ взглядомъ, одѣтый въ такую же куртку и форменныя панталоны, но вооруженный винтовкою. Онъ былъ надзиратель, они—арестанты.

— Ага!—Ландратъ прищурился и подошелъ ближе.—Члены проектируемой исправительной колоніи!

Онъ ожидалъ ихъ позднѣе—въ апрѣлѣ, а не въ мартѣ, но все равно. Погода уже теплая, можно начинать стройку. Онъ подошелъ съ начальническимъ видомъ. Надзиратель спокойно смѣрилъ его взглядомъ.

Мюленбринкъ выпрямился.

— Я—здѣшній ландратъ. Какъ васъ звать?

— Брёйеръ.

— Вы только-что прибыли съ поѣздомъ изъ Аахена?

— Я буду отвѣчать въ полицейскомъ управленіи, — проговорилъ нехотя черный человѣкъ, видимо не любившій разспросовъ.

— Я—полицейское управленіе!—рѣзко оборвалъ его ландратъ, которому не понравился тонъ надзирателя.—Ступайте! Я лично наведу справки о положеніи дѣлъ.

— Слушаю!—Острые, свѣтлые, обведенные, какъ у ястреба, темными кругами глаза скользнули по людямъ въ тиковыхъ куртках и сразу охватили ихъ всѣхъ.—Маршъ!

Пятнадцать человѣкъ мгновенно взвалили себѣ на плечи свои узелки, и ихъ грубые сапоги застучали по мостовой. Надзиратель, съ видомъ собаки, желающей укусить, поглядывалъ на прохожихъ, пялившихъ глаза на его людей. Чего глазѣютъ? Много среди нихъ найдется такихъ, которымъ пристала бы тиковая куртка.

Ландратъ подумалъ, что ему слѣдовало, быть можетъ, сдѣлать какія-нибудь распоряженія, но теперь было уже поздно...

— Обучены какъ рекруты,—сказалъ, подойдя къ нему, плацъ-

комендантъ. — Этотъ черный, должно быть, бывшій унтеръ-офицеръ. Сразу видна военная выправка.

— Можетъ быть, но онъ—грубіянъ.

— Всѣ унтеръ-офицеры грубы!—засмѣялся тотъ:—имъ полагается быть такими для пользы службы. Однако, пора закусить. За отсутствіемъ „Лебедя", будемъ довольствоваться „Гусемъ". — Онъ указалъ на гостепріимно открытую дверь трактира. — Но почему вы сегодня въ дурномъ настроеніи, Мюленбринкъ?

— Дѣла,—коротко отвѣтилъ ландратъ.

Онъ остался поджидать бургомистра. Время тянулось медленно; наконецъ, онъ замѣтилъ высокаго человѣка, медленно спускавшагося съ горы. Онъ держалъ лохматый цилиндръ въ рукѣ, и лобъ у него былъ влажный.

— Наконецъ! Гдѣ вы пропадали такъ долго, г-нъ бургомистръ?—спросилъ ландратъ, пожимая ему руку.

— Я хотѣлъ отдать Вильгельму послѣдній долгъ,—серьезно отвѣтилъ Бартоломеусъ Ленкуленъ.

— Я поджидаю васъ цѣлыхъ полчаса! Васъ такъ рѣдко удается видѣть!

— Слишкомъ много чести! — Мужиковатый человѣкъ отеръ потъ со лба и надѣлъ старомодный цилиндръ. — Могу я спросить: чѣмъ могу служить г-ну ландрату? Что̀ вы желаете знать?

Моложавое, обрамленное сѣдѣющими волосами лицо говорившаго оставалось неподвижнымъ; а въ свѣтлыхъ глазахъ можно было прочесть какой-то вопросъ.

— Служить? Мнѣ?—Мюленбринкъ разсмѣялся немного нервнымъ смѣхомъ.—Я ровно ничего не желаю отъ васъ. Я хотѣлъ бы только знать: что̀ у васъ подѣлывается? Каковы виды на урожай? Каково состояніе здоровья?

— Вотъ видите, выходитъ, что вы хотите кое-что узнать и даже—многое!—расхохотался бургомистръ.—Г. ландратъ, это извѣстно только Господу Богу. Весна, кажется, будетъ сухая, зимою снѣгу было немного; пожалуй что и воды будетъ нынче маловато.

— Ага! Вотъ, другъ мой! Развѣ я уже давно не твержу вамъ, что водопроводъ необходимъ?

— Какая въ немъ польза? Есть ли вода, нѣтъ ли воды, это не имѣетъ отношенія къ урожаю.

— Но для здоровья это очень важно. Куда годятся ваши старые колодцы? Нужно строиться заново... Стройте, скорѣе стройте водопроводъ.

— У насъ денегъ нѣтъ,—сухо отозвался бургомистръ.

— А между тѣмъ вы построили большую церковь. Такая церковь для деревни—безуміе! Эти сто-семьдесятъ-пять тысячъ, полученныхъ отъ офицерскаго собранія за луга—сумма кругленькая! Вы могли бы ихъ употребить на процвѣтаніе общины, а между тѣмъ... Какъ глупо! Какъ глупо!

— Въ ту пору вы еще не были нашимъ ландратомъ, г. фонъ-Мюленбринкъ!—сказалъ Ленкуленъ съ улыбкою.

Ландратъ принялъ его слова за комплиментъ. Тотъ продолжалъ:

— Притомъ церковь выстроилась не на эти деньги, вы ошибаетесь, г. ландратъ. Мы собирали на нее въ теченіе десятковъ лѣтъ. Добровольныя пожертвованія... Для души, такъ сказать... Деньги, полученныя съ офицерскаго собранія, у насъ еще цѣлы.

— Вы положительно единственный разумный здѣсь человѣкъ, г. бургомистръ,—сказалъ ландратъ и дружески положилъ руку на рукавъ его изъ грубаго сукна. — Пойдемте ко мнѣ, выпьемъ по стакану вина. Здѣсь насъ слушаютъ изъ каждаго окна...

— Благодарю васъ, г. ландратъ, — Ленкуленъ приподнялъ свой цилиндръ,—я тороплюсь домой. Лучшая моя корова должна отелиться сегодня, тутъ нуженъ хозяйскій глазъ. Мое почтеніе!

Ландратъ съ раздраженіемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, и на лицѣ у него проступила краска. Опять сорвалось! Самоувѣренный мужланъ! А между тѣмъ безъ него никакъ не обойдешься. Никто не пользуется здѣсь такимъ вліяніемъ. Безъ него невозможно провести дѣло о водопроводѣ...

Ленкуленъ шелъ быстрыми большими шагами и скоро оставилъ за собою скучившійся въ котловинѣ средневѣковой городокъ съ его закоулками, высокими кровлями, маленькими садами, старинной крѣпостью. Онъ даже покачалъ головою. Неужели нѣкоторые люди могутъ находить это красивымъ? Онъ свободно перевелъ духъ, очутившись на просторѣ. Дорога въ Хеккенбройхъ, гдѣ онъ былъ бургомистромъ, шла въ гору между двухъ рядовъ громадныхъ, кое-гдѣ поросшихъ мхомъ сосенъ.

Какъ хорошо! Человѣкъ съ сѣдѣющими волосами принялся насвистывать какъ мальчикъ. Совсѣмъ тепло... Небо синее—безъ облачка, солнышко такъ ярко свѣтитъ! Съ чѣмъ это опять подъѣзжалъ къ нему Мюленбринкъ? — Состояніе здоровья! Старые колодцы! — Ленкуленъ расхохотался и сталъ громко разговаривать самъ съ собою. — Не такъ мы глупы, чтобы швырять денежки за окно! Водопроводъ! Ха! Ха! Вода у насъ холодная,

чистая, а если ея иногда и не хватаетъ, все равно ни одинъ крестьянинъ не станетъ пить воду изъ водопровода, изъ поганыхъ трубъ... А въ животѣ и смерти—Богъ волёнъ...

Онъ остановился и расправилъ руки. Климатъ здѣсь здоровый, что тамъ ни говори. Онъ пятьдесятъ лѣтъ прожилъ здѣсь; отъ ихъ дома часъ ходьбы до школы; будучи мальчикомъ, онъ, случалось, не разъ промокалъ до костей и снова просыхалъ дорогою, а между тѣмъ до сихъ поръ онъ ни разу не былъ боленъ. А мускулы какіе! Онъ похлопалъ себя по груди. Одною рукою онъ можетъ держать на вѣсу сто фунтовъ и жену свою Марихенъ легко поднимаетъ одной рукой.

— Упражняетесь въ гимнастикѣ? — раздался вдругъ чей-то голосъ.

Ленкуленъ обернулся. Въ сторонѣ отъ дороги сидѣлъ на обломкѣ скалы человѣкъ, быстро поднявшійся при его приближеніи.

— Здравствуйте, Ленкуленъ! Узнаете меня? Я издали узналъ васъ.

— Добрый день, Іозефъ!—Ленкуленъ протянулъ ему руку.— Такъ ты вернулся въ наши края? Слышалъ объ этомъ.

Іозефъ удивленно взглянулъ на него, пораженный непривычнымъ „ты", но затѣмъ сразу освоился и нашелъ настоящій тонъ.

— Бэртесъ,—сказалъ онъ искренно, и улыбка скрасила его лицо,—я радъ, что ты призналъ меня. Многіе меня не узнаютъ, или... не желаютъ узнавать. Непріятная вещь—быть въ родствѣ съ богачомъ и не имѣть самому ни гроша.

Онъ поглядѣлъ внизъ, гдѣ между бѣлою лентою шоссе и бурно несшимся по лугамъ потокомъ виднѣлось зданіе суконной фабрики.

— Генрихъ загадилъ своей фабрикой всю долину. Посмотри, какъ дерзко высятся ея трубы надъ вершинами сосенъ! Отъ дыма воняетъ тряпьемъ... фуй! — онъ сплюнулъ — и деньгами...

Ленкуленъ кивнулъ. — Да, красоты въ ней мало, я самъ иногда ее ругаю, а все-таки она даетъ хлѣбъ...

— Хлѣбъ? Горекъ онъ — этотъ хлѣбъ... Въ семь — на работу, въ семь — съ работы... Тряпье, вонь, удушливый дымъ... Некогда пообѣдать даже, похлебать чего-нибудь горячаго... Я уже дня два наблюдаю отсюда... Погляди-ка, Бэртесъ,—и схвативъ пріятеля за рукавъ, онъ подвелъ его къ краю обрыва.

Внизу какъ разъ подъ ними виднѣлась фабрика. Только-что

прозвонили къ обѣду. Двери открылись, изъ нихъ высыпала цѣлая толпа дѣвушекъ; жужжаніе ихъ голосовъ доносилось сюда.

— Видишь этихъ дѣвушекъ въ красныхъ ситцевыхъ платкахъ? Одна, двѣ, три... сколько ихъ! Онѣ садятся на узлы тряпья, которое только что сортировали, чужого тряпья, съ микробами туберкулеза, рака, сифилиса, Богъ вѣсть какой заразы, и тѣми же руками эти несчастныя созданія берутся за хлѣбъ... Я говорилъ Генриху: ты отравляешь народъ! А онъ смѣется:— „Содѣйствую, наоборотъ, его благополучію... Что бы стали дѣлать люди, если бы не было моей фабрики? Изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ дѣвушки бѣгутъ ко мнѣ—искать работы. Пускай сперва выполощутъ тряпье, если оно не довольно чисто: для этого есть во дворѣ колодезь, есть также и прудъ".—Вотъ что отвѣчаетъ мой братецъ. Что ты на это скажешь, Бэртесъ?

— Конечно, разборка тряпья—дѣло грязное,—веселое лицо Ленкулена омрачилось, — а къ чистотѣ трудно пріучить людей: они привыкли ѣсть, не помывши рукъ. А все-таки не сразу же они схватятъ холеру или что-нибудь такое. И Генрихъ правъ: отъ его фабрики люди какъ-ни-какъ кормятся... Не всѣ могутъ оставаться дома, а скотъ пасти могутъ дѣти и старики. Положимъ, парнямъ лучше идти на промыслы въ Аахенъ, въ Дюренъ, мало ли куда... Дѣвушекъ же мнѣ дѣйствительно жалко...

— Вѣдь онѣ до чахотки дорабатываются! — рѣзко воскликнулъ Іозефъ: — узкогрудыя, востроносыя, со впалыми щеками. Развѣ деревенскія дѣвушки—румяныя какъ яблоки, съ хорошо развитою грудью—таковы?

— Ну, ты по прежнему кипятишься? Не уходился за двадцать лѣтъ? — Ленкуленъ похлопалъ его по плечу. — Но относительно фабричныхъ—твоя правда: ничему хорошему дѣвушка на фабрикѣ не научится.

— Да и какія изъ нихъ выйдутъ матери?

— Ну, чего другого, а ребятъ у насъ на деревнѣ достаточно, — суховато сказалъ бургомистръ, — загляни какъ-нибудь самъ. Въ любомъ домѣ—пять, шесть штукъ. А у Іоргиса Генса, ткача—цѣлыхъ восемь, девятый—на пути...

— Господи Боже мой!

— Не скоро нашъ край вымретъ, какъ видишь. Притомъ каждая дѣвушка обзавелась возлюбленнымъ...

— Будетъ, Бэртесъ!—остановилъ его Іозефъ Шмёльдеръ— не хочу объ этомъ слышать... Неужели вездѣ — то же самое, даже здѣсь — на этой высотѣ? Чего, казалось бы, еще нужно людямъ? Какъ прекрасно, какъ невыразимо прекрасно!

Разговаривая, они дошли до просѣки; серебристые стебли сухой травы были залиты потоками свѣта; словно просвѣтленная первыми весенними лучами, даль казалась безоблачной и воздухъ былъ чистъ и прозраченъ, какъ хрусталь. Передъ ними тянулись безконечные лѣса и глубокія котловины, по которымъ струились потоки. Поля еще не зеленѣли, темная земля лежала обнаженною, но въ природѣ уже чувствовалось зарожденіе новой жизни: на вербахъ появились пушистыя сѣренькія почки...

— Весна идетъ!—весело сказалъ крестьянинъ. Іозефъ Шмёльдеръ молчалъ: то, чѣмъ онъ сейчасъ восхищался, вдругъ утратило для него всякую привлекательность.

— Тебѣ плохо живется! — сказалъ Ленкуленъ участливо; лицо пріятеля было блѣднѣе, онъ покашливалъ на вѣтру, а между тѣмъ ему было только сорокъ лѣтъ съ небольшимъ. Неужели старый школьный товарищъ дѣйствительно все спустилъ и пріѣхалъ на хлѣба къ братцу?—Ну, не грусти! Когда тебѣ наскучатъ фабриканты, приходи къ намъ наверхъ въ Хеккенбройхъ. Марихенъ будетъ очень рада.

— Благодарю!—Іозефъ пожалъ ему руку и улыбка освѣтила его лицо.—Ты—славный малый, но я уже не вѣрю въ дружбу. Не обижайся. Много было у меня радостей въ жизни... Гдѣ онѣ?—онъ беззвучно свистнулъ.—Я не могу примириться съ дѣйствительностью; мнѣ хотѣлось бы, чтобы все шло по иному, лучше, прекраснѣе. Зови это альтруизмомъ или эгоизмомъ, какъ хочешь... Меня прочили въ довѣренные фабрики, но не гожусь я въ купцы, не могу я навязывать людямъ сукно, которое дѣлается изъ дряни! А теперь я живу на хлѣбахъ изъ милости, скажешь ты, и мое самолюбіе съ этимъ мирится?

— Слушай, Іозефъ!—воскликнулъ вдругъ Ленкуленъ съ несвойственнымъ ему одушевленіемъ:—ты на себя наговариваешь... У тебя только воли нѣтъ. Оставайся здѣсь совсѣмъ. Свой домъ, свой клочекъ земли—даютъ особое чувство независимости. Видишь, я стою на собственной землѣ и признаю надъ собой лишь Господа Бога!

Онъ такъ хлопнулъ Іозефа по плечу, что тотъ едва не присѣлъ.—Приходи къ намъ въ будущее воскресенье и потолкуемъ объ этомъ...

— Идетъ!—улыбнулся Іозефъ. Они пожали другъ другу руку и собирались разойтись,—Іозефъ съ непривычки дрожалъ отъ холода на вѣтру,—но въ это время они увидѣли бѣжавшую со всѣхъ ногъ дѣвушку.

— Куда это ты, Бербеле?—спросилъ Ленкуленъ:—развѣ ты не на фабрикѣ?

Дѣвушка остановилась, подняла на нихъ черные глаза и, поздоровавшись, поспѣшно объяснила, что матери съ утра очень худо. Женщины велѣли ей сбѣгать за докторомъ, а его не найти... Говорятъ: къ вдовѣ его позвали.

— Что же съ матерью? Родила?

— Здоровенный мальчишка! — заявила Бербеле съ гордостью—только съ матерью худо:—ослабѣвши она...

— Кто же съ нею?

— Ребята старшіе, да еще Доресъ.

— Да ты съ ума сошла? — накинулся Ленкуленъ на дѣвушку:—оставила больную мать одну съ ребятишками!

Дѣвушка залилась слезами. Какъ же ей быть? Отецъ не вернется изъ Аахена раньше субботы, у Дореса вчера опять корчи были; мать испугалась очень, оттого съ нею и приключилось...

— Вотъ въ чемъ дѣло! Ну, Бербеле, бѣги скорѣй къ моей хозяйкѣ, спроси у нея бутылку вина — шампанскаго вина, запомнишь? Надобно давать его матери черезъ каждые полчаса по ложкѣ. Я приведу доктора.

— Я приведу его, а ты ступай съ дѣвушкой,—рѣшительно сказалъ Іозефъ: — я тоже хочу хоть чѣмъ-нибудь помочь... Иди пожалуйста. Черезъ полчаса я буду внизу и сейчасъ же пришлю доктора.

Ленкуленъ только успѣлъ крикнуть ему адресъ: ткачъ Генсъ, у Зеленаго луга!

Легкими прыжками, съ прежнею эластичностью, Іозефъ уже сбѣгалъ внизъ и вслѣдъ ему слышался шорохъ падающихъ камешковъ.

II.

Весна оказалась обманчивой. Снова выпалъ снѣгъ, неглубокій, твердый зимній снѣгъ, хрустящій подъ шагами, отягчающій сверкающимъ уборомъ широкія вѣтви сосенъ и кроющій равнину бѣлой пеленою. Въ воздухѣ кружились отдѣльные бѣлые хлопья; холодъ ихъ пробиралъ человѣка до мозга костей, простуживалъ и промачивалъ насквозь. Вѣтеръ затруднялъ дыханіе, рвалъ платье и бѣшено билъ снѣгомъ въ лицо каждому, кто дерзалъ идти ему навстрѣчу.

Хеккенбройхъ былъ огражденъ отъ вѣтровъ живою изгородью высокихъ буковъ, но далѣе равнина лежала безъ всякаго прикрытія, и сѣверо-восточная буря свистѣла, ревѣла, рычала надъ

нею, подобно чудовищу. Ни малѣйшаго проблеска лазури, никакого просвѣта на горизонтѣ. Все вокругъ — сѣрое, угасшее, мертвое и безутѣшное...

Не смотря на это, они работали: пятнадцать человѣкъ подъ надзоромъ Симона Брёйера.

Черный человѣкъ стоялъ какъ каменный, широко раздвинувъ ноги и поднявъ голову. Вѣтеръ былъ ему нипочемъ, онъ даже не морщился, когда мокрые хлопья снѣга залѣпляли ему лицо. Увѣреннымъ, дальнозоркимъ, круглымъ глазомъ хищной птицы слѣдилъ онъ за своими людьми. Вѣтеръ да снѣгъ — важность какая! И не такія бури тутъ бываютъ. Будучи мальчикомъ-сиротою, онъ пасъ крестьянскій скотъ на холмахъ, собиралъ ягоды въ заросляхъ, а позднѣе копалъ торфъ, стоя по колѣна въ водѣ. Здѣсь онъ скитался изъ дома въ домъ, мерзъ, голодалъ и все же, хотя на военной службѣ ему было хорошо, его всегда тянуло сюда. Здѣсь была его родина.

Симону Брёйеру, долго служившему унтеръ-офицеромъ, начальникъ тюрьмы охотно разрѣшилъ надзоръ за постройкою и отправилъ его въ качествѣ піонера. Немногіе изъ надзирателей добивались назначенія въ „колонизаторы". Жена и дѣти его плакали, но онъ обѣщалъ выписать ихъ къ лѣту, когда постройка подвинется.

И вотъ, Симонъ Брёйеръ снова дышалъ воздухомъ степи. Съ раздувающимися ноздрями, съ полураскрытыми губами, обыкновенно плотно сжатыми, онъ втягивалъ въ себя влажный холодный воздухъ и даже не надѣлъ мундира изъ толстаго сукна; ему было тепло въ лѣтней курткѣ. Чего мерзнутъ люди? Почему они пощелкаютъ зубами? Нечего покашливать, какъ старыя бабы, потирать руки и топать ногами. Онъ расхохотался.

— Лапы отморозилъ?—обратился онъ къ молодому человѣку, посинѣвшему отъ холода. — Приналягъ на работу: согрѣешься!

Арестантъ бросилъ на него искоса злобный взглядъ, но не рѣшился возразить. Съ опущенными головами, всѣ они походили на отупѣвшее отъ грозы, оглушенное стадо. Передъ ними лежалъ широкій просторъ, у нихъ было по двѣ ноги—кто мѣшалъ имъ бѣжать съ быстротою пущенной изъ лука стрѣлы? И все же ни одинъ не пытался бѣжать. Они были какъ убитые, какъ парализованные.

Они работали здѣсь уже двѣ недѣли — съ первыхъ лучей зари до сумерекъ, пока туманъ не становился такъ густъ, что въ десяти шагахъ ничего не было видно. Теперь они сами спѣшили съ постройкою: очень ужъ было имъ плохо въ сараѣ,

служившемъ пріютомъ для рабочихъ, копавшихъ торфъ. На ночь Симонъ ихъ запиралъ и уходилъ ночевать въ деревню, но по ночамъ дѣлалъ обходъ. Это было лишнее. Они лежали на соломѣ и никто изъ нихъ не шевелился.

Для постройки были выбраны самые сильные изъ арестантовъ. Вызывались многіе; можетъ-быть у нихъ мелькала мысль о побѣгѣ, но теперь они лежали съ равнодушіемъ собакъ, истомленные, продрогшіе, и у нихъ была одна мысль: спать! спать! спать!

Участокъ земли былъ очищенъ, деревья срублены, хворостъ сожженъ и построенъ частоколъ изъ крѣпкихъ сосновыхъ кольевъ; самое строеніе уже доходило до половины человѣческаго роста.

У крестьянъ было много матеріала для разговоровъ и наблюденій, но они полу-робко, полу-любопытно держались вдалекѣ. Дѣтямъ и женщинамъ запрещалось близко подходить къ этому мѣсту. Не походили ли эти зловѣщія фигуры на злыхъ духовъ равнины, вылѣзшихъ изъ болотъ?

На сходкѣ бургомистру пришлось выслушать много непріятнаго. Что онъ за бургомистръ и какъ онъ заботится о благѣ общины, если могъ допустить такую вещь? Теперь люди не чувствуютъ себя въ безопасности въ своихъ собственныхъ домахъ: приходится запираться. А что будетъ лѣтомъ, когда женщинамъ и дѣтямъ придется ходить за ягодами? Уже довольно съ нихъ и военнаго лагеря: работая въ собственномъ полѣ, приходится остерегаться во время стрѣльбы. Арестантская колонія — еще хуже...

Ленкулену пришлось защищаться. Чѣмъ онъ виноватъ, что правительство посадило имъ на шею эту колонію? Надо привыкать къ мысли, что пустыя мѣста застраиваются; нельзя отрицать и того, что колонизація осушаетъ почву и улучшаетъ климатъ. Громадное пространство болотъ и пустырей въ концѣ концовъ не будетъ годно ни для какой культуры, за исключеніемъ самой первобытной.

Въ отвѣтъ на слова бургомистра раздались смѣшки. Это все новомодныя фантазіи! По старинѣ лучше. Не хватаетъ дровъ — куда идти за ними? Въ лѣсъ. За торфомъ — на болото. И лугами, и охотою, и ягодами — всѣмъ пользовались люди, а теперь правительству понадобилось все отобрать у бѣдныхъ людей.

Больше всѣхъ горячился самый вліятельный и богатый изъ арендаторовъ — Адамсъ. Бургомистръ былъ пораженъ. Его упрекаютъ въ „новшествахъ“, а не онъ ли возставалъ противъ водопровода и холодно относился къ ландрату, видя въ немъ побор-

ника модныхъ идей? На минуту онъ сталъ въ тупикъ, но затѣмъ рѣшилъ вопросъ. Остальные ужъ слишкомъ отсталые люди, они не видятъ дальше своего носа. Какъ можно противиться культурѣ?

Онъ ушелъ разсерженный, чувствуя, что оставляетъ за собою недовольство, и поспѣшилъ домой.

Домъ его былъ старинный, принадлежавшій еще родителямъ Марихенъ; надъ косякомъ двери была вырублена цифра *1724 г.* Крыша была покатая, дверь—массивная, съ тяжелымъ мѣднымъ молоткомъ, очагъ — величиною съ цѣлый улей; стѣны снаружи по старинному украшены крестообразно положенными коричневыми балками; двери конюшенъ и службъ окрашены въ веселый синій цвѣтъ. Громадный полуторастолѣтній букъ осѣнялъ домъ; Ленкуленъ не рѣшался его срубить.

Войдя въ кухню, онъ позвалъ: Марихенъ! — но жены не было тамъ. Онъ разсѣянно взглянулъ на утварь, блестѣвшую какъ золото и серебро, на пестрыя тарелки съ надписями: „На память!“ „Будь счастливъ!“ „Въ знакъ дружбы!“ и т. д. Гдѣ она была — эта дружба? Хоть бы Марихенъ скорѣе пришла! „Бэртесъ“, сказала бы она ему, „чего ты сердишься? Вѣдь это не въ первый разъ. Будь спокоенъ, они придутъ къ тебѣ, имъ не обойтись безъ тебя“.

Сердце у него забилось какъ у молодого влюбленнаго, и онъ еще нетерпѣливѣе позвалъ: — Марихенъ!

Служанка съ черными, гладко причесанными волосами просунула голову въ дверь и объявила, что фрау ушла къ Генсамъ. Съ Доресомъ опять припадокъ, за нею прибѣжала Катринхенъ.

Ушла къ Генсамъ? Хорошо. И онъ пойдетъ туда.

Почки уже налились и блестѣли на кустахъ вдоль дороги; изъ-подъ земли пробивались свѣжіе побѣги травы, кое-гдѣ желтѣли звѣздочки полевыхъ цвѣтовъ. На встрѣчу ему попалась дѣвочка, которая, поздоровавшись съ нимъ, протянула ему цвѣточекъ.

— Это ты, Катринхенъ? Онъ ласково поглядѣлъ на дѣвочку; она была очень хорошенькая: круглое личико съ большими кроткими черными глазами, но личико было блѣдное, глаза — безъ блеска, дѣвочка казалась недѣтски-серьезною. Очевидно, и питалась она исключительно картофелемъ, кофе и хлѣбомъ. Ей было одиннадцать лѣтъ.

— Скажи, Катринхенъ, варитъ мать къ обѣду что-нибудь горячее?

Она молча кивнула.

— Что же такое?

— Кофе,— сказала она тихо.

— И картофель? Я такъ и зналъ.

Онъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на нее. Неужели и этотъ нѣжный ребенокъ пойдетъ на фабрику? Жаль! У бѣдняка Уоргиса Генса девятеро ребятъ, а у другого зажиточнаго человѣка, который полжизни отдалъ бы за это — нѣтъ ни одного ребенка! По лицу его скользила тѣнь; держа въ рукѣ холодную ручку Катринхенъ, онъ пошелъ рядомъ съ нею, а она изъ робости не рѣшалась ее освободить.

— Неужели, Катринхенъ, мать ничего другого не варитъ?

— А чего жъ еще? Матери все неможется, — продолжала она робко и покраснѣла, — Бербеле надо на фабрику, я сама буду варить обѣдъ, я умѣю...

Ленкуленъ погладилъ ее по мягкимъ волосамъ; они молча дошли до вросшей въ землю избушки Генса, и Катринхенъ какъ мышка юркнула въ дверь. Ленкулену пришлось нагнуться, чтобы не стукнуться головою. Въ кухнѣ было жарко и душно, и кровь хлынула въ голову высокому человѣку — не вслѣдствіе ли того, что онъ увидѣлъ?

На низенькой скамеечкѣ сидѣла Марихенъ, держа на колѣняхъ распеленутаго, совсѣмъ голенькаго ребенка и улыбалась ему особенной—тихой, блаженной и вмѣстѣ съ тѣмъ горестною улыбкою...

Ленкуленъ затворилъ дверь, онъ не хотѣлъ нарушить созерцаніе Марихенъ. Съ тѣхъ поръ какъ знаменитый врачъ въ Аахенѣ сказалъ имъ, что у Марихенъ не будетъ дѣтей, они покорились судьбѣ, но рана не зажила.

Самъ не сознавая—какъ, шагая по кочкамъ и черезъ кусты, онъ дошелъ до исправительной колоніи. Рѣзкое: „стой!“ остановило его.

— Что вамъ нужно?—спросилъ Симонъ Брѣйеръ. Лицо его не смягчилось даже и тогда, когда онъ узналъ бургомистра. Ландратъ надоѣлъ ему со своими планами улучшеній, а тутъ еще бургомистра принесло...

Онъ неохотно сталъ давать объясненія. Ну да, они работаютъ; устройство колоніи и безъ того дорого обходится правительству, и обойдется еще дороже. Надо прежде всего осушить почву, тогда, — тутъ его сумрачное лицо просвѣтлѣло, — тогда будетъ толкъ. Труды не пропадутъ даромъ.

Энергія, звучавшая въ его тонѣ и словахъ, поразила Ленкулена. Симонъ не былъ ему симпатиченъ: суровый, замкнутый, необходительный человѣкъ! Онъ помнилъ его еще мальчикомъ,

когда тотъ, въ отвѣтъ на поддразниванья другихъ мальчугановъ, бросалъ въ нихъ каменьями. Теперь онъ заинтересовался имъ. Какимъ образомъ этотъ человѣкъ, не имѣвшій ни клочка земли, бывшій солдатъ и тюремный надзиратель—могъ такъ живо интересоваться землею?

— Когда мы покончимъ съ осушкою, утрамбуемъ и замостимъ площадь, можно будетъ заняться другимъ. Вмѣсто простой травы на здѣшнихъ лугахъ долженъ быть посѣянъ клеверъ. Нужно только имѣть терпѣніе. — Замѣтно было, что Брейеръ сильно увлеченъ этою мыслью, такъ какъ онъ самъ разговорился; а видано ли было, чтобы здѣсь на холмахъ росли пшеница и овесъ?

— Ого!—Ленкуленъ улыбнулся:—широкіе же у васъ планы!

— Нечего смѣяться! Если вы смѣетесь, для чего спрашивать? А я вамъ говорю: здѣсь будетъ овесъ, а тамъ — хлѣбъ...

Онъ повелительнымъ жестомъ указалъ на равнину.—Эй вы, шевелитесь!—грубо крикнулъ онъ арестантамъ, тащившимъ тяжелую телѣжку съ каменьями. Одинъ изъ нихъ впрягся какъ лошадь, веревки врѣзались ему въ грудь, глаза вылѣзали изъ орбитъ отъ напряженія...

Другой подталкивалъ телѣжку сзади; онъ весь согнулся и двигался чуть не на четверенькахъ, какъ животное. Слышалось только его тяжелое дыханіе.

— Впередъ!—крикнулъ Брейеръ.—Впередъ, лѣнтяи!

Шедшій сзади приподнялъ на минуту блѣдное, орошенное потомъ лицо, передній напрягъ всѣ силы какъ лошадь, подхлеснутая кнутомъ, и телѣжка сдвинулась съ мѣста.

— Тяжелая работа!—сказалъ Ленкуленъ.—Развѣ люди ваши не хвораютъ, Брейеръ?

Презрительная усмѣшка скользнула по сумрачному лицу. Пятерыхъ слабосильныхъ онъ отправилъ въ Аахенъ. Вмѣсто нихъ ему прислали другихъ. Довольно имъ сидѣть тамъ подъ замкомъ. Лучше здѣсь, на свѣжемъ воздухѣ, Якобсъ? Такъ, что ли? — окликнулъ онъ возницу, который разминалъ отекшія руки и отвѣчалъ хриплымъ кашлемъ. Но все же онъ утвердительно кивнулъ головою.

Изможденное лицо его показалось Ленкулену типичнымъ лицомъ преступника. Непріятно повстрѣчаться съ такимъ субъектомъ въ лѣсу. Рыжіе волосы, оттопыренныя уши, блуждающіе глаза...

— За что онъ осужденъ? Не за убійство?

— Нѣтъ! Не то за подлогъ, не то за насиліе. Хотите разспросить его?

— Не надо,—поспѣшно остановилъ его Ленкуленъ.

— Вы думаете, ему будетъ это тяжело?—разсмѣялся надзиратель.—Ну, знаете, наши разспросы—ему съ гуся вода... Хуже для него, когда парни, съ которыми онъ не прочь былъ бы поиграть въ кегли, свищутъ ему вслѣдъ, а дѣвушки, съ которыми онъ хотѣлъ бы погулять, таращатъ на него глаза, какъ на дикаго звѣря. Такъ-то! И мы съ вами знаемъ, что на свѣтѣ бываютъ искушенія...

— Вы правы!—Ленкуленъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ: Брейеръ былъ менѣе жесткимъ человѣкомъ, чѣмъ казался съ перваго взгляда.—Вы понимаете вашихъ людей.

— А какъ же иначе? Я въ солдатахъ служилъ, тамъ почти такая же муштровка. А вотъ если вы жалѣете ихъ, г. бургомистръ, такъ доставьте намъ кубача два соломы... Валяются они прямо въ грязи, какъ собаки. Да не найдется ли еще у васъ стараго холста?

Голосъ его смягчился, но онъ тутъ же грубо крикнулъ на арестанта, нагнувшагося, чтобы напиться изъ лужи.

— Не смѣть пить! Сказано вамъ? Если у тебя заболитъ животъ, я тебѣ въ загорбокъ накладу.

— Вы очень строги,—сказалъ Ленкуленъ, когда арестантъ что-то забормоталъ о жаждѣ...

Его снова оттолкнуло отъ Брейера. Но тотъ пожалъ плечами.

— Если я не буду строгъ, они или пристукнутъ меня, или всѣ разбѣгутся... Прощайте!

Онъ повернулся и отошелъ. Ленкуленъ увидѣлъ, какъ онъ подгонялъ двоихъ людей, вздумавшихъ передохнуть и погрѣться на солнышкѣ, на мигъ проглянувшемъ.

Потянулъ такой рѣзкій вѣтеръ, что даже привыкшій къ нему Ленкуленъ застегнулся. Какъ должны были дрогнуть эти бѣдняги въ своихъ тиковыхъ курткахъ!

Непонятная ему самому печаль вдругъ опустилась на душу Ленкулена. Небо было сумрачно, тяжелыя облака прогнали робкій солнечный лучъ, воздухъ былъ насыщенъ удручающимъ туманомъ, горизонтъ исчезъ. Гдѣ были они—города и люди, счастливые люди и плодоносныя поля? Для темной степи еще не наступила весна.

III.

Фабрикантъ Генрихъ Шмёльдеръ былъ взбѣшенъ. Онъ вздумалъ въ прекрасное майское утро проѣхаться до колоніи, гдѣ

работы быстро подвигались, и показать своимъ дамамъ „жизнь преступниковъ“, но, къ его несказанному изумленію, надзиратель отказался впустить его во дворъ. Входъ запрещенъ.

— Не для меня! Я фабрикантъ Шмёльдеръ. Развѣ вы не знаете меня? Я буду жаловаться ландрату, бургомистру...

— Можете. Это ихъ не касается. У меня есть инструкція.

Фабрикантъ угадывалъ насмѣшливую улыбку Іозефа, стоявшаго позади, и это еще болѣе злило его.

— Уйдемъ, папа!—шепнула ему сконфуженная Гедвига.

— Дай ему что-нибудь!—посовѣтовала жена.

Генрихъ Шмёльдеръ полѣзъ въ карманъ.—Ну, одинъ разъ—не въ счетъ!—Выразительное пожатіе—и монета въ три марки очутилась въ рукѣ надзирателя. Лучшая сторона его натуры возмутилась, ему хотѣлось швырнуть деньги, но онъ все-таки взялъ ихъ. Входъ былъ свободенъ.

Съ сумрачнымъ лицомъ, закусивъ губу, онъ повелъ за собою посѣтителей. Ему хотѣлось убить ихъ... Какіе глупые вопросы задавала фрёйлейнъ!

— Вы здѣсь совсѣмъ одинъ?

— Да.

— Сколько же всѣхъ арестантовъ?

— Сорокъ.

— Есть среди нихъ убійцы?

— Нѣтъ.

— Развѣ вы не боитесь?

— Нѣтъ.

Чортъ побери! Это бабьё можетъ хоть кого свести съ ума! Почему онъ не швырнулъ имъ деньги? Бѣшеный гнѣвъ противъ самого себя охватилъ его. Деньги! Деньги! Жалованье его было и теперь ничтожное, надо содержать семью, а трехъ марокъ на улицѣ не найдешь... И все же онъ былъ противенъ самъ себѣ.

Со злости онъ рѣзко выговорилъ: — Смотрите!—и тутъ же, отойдя отъ нихъ, принялся осыпать бранью работавшихъ людей.

— Какой ужасный человѣкъ!—Фрау Шмёльдеръ, подобравъ платье, со страхомъ озиралась.—Что же тутъ смотрѣть, Генрихъ? Я право не понимаю, что за фантазія пришла тебѣ—привезти насъ сюда?

— Дикая фантазія!—усмѣхнулся Іозефъ.

И безъ того уже взбѣшенный Генрихъ еще болѣе обозлился. Его раздражало знакомое выраженіе на лицѣ Іозефа.

— Если бы у тебя въ свое время было меньше дикихъ фантазій, это было бы лучше для тебя и для...

— Насъ!—договорилъ Іозефъ. Сегодня онъ былъ склоненъ относиться къ такимъ вещамъ юмористически. Небо ярко синѣло. Степь золотилась отъ массы желтыхъ нарциссовъ.

— Не сердись, дядя Іозефъ!—сказала племянница и ласково взяла его подъ-руку.

— Что ты, Гедда?—Онъ сталъ тихо насвистывать.—Погляди, крошка, на эти нарциссы! Я хотѣлъ бы кинуться въ это золотое море! Вообще я не люблю золота: оно дѣлаетъ людей жесткими, эгоистичными, несправедливыми, но это золото—прекрасно.

— Какая поэзія!—фыркнулъ Генрихъ.

Но фрау Шмёльдеръ кивнула головою. Она дружелюбно относилась къ деверю. Сколько безполезныхъ людей кормятся отъ нихъ — неужели не найдется куска хлѣба для своего человѣка? Жаль только, что онъ—со странностями...

Іозефъ позвалъ племянницу рвать нарциссы, и они вдвоемъ легко побѣжали по лужайкѣ; въ эту минуту онъ казался такимъ же молодымъ, какъ эта семнадцатилѣтняя дѣвушка съ длинною косой, спускавшейся на спину ея голубого платья.

Фрау Шмёльдеръ, желая привести мужа въ хорошее настроеніе, предложила ему показать ей постройки, но онъ продолжалъ ворчать на брата, безпутнаго, легкомысленнаго человѣка, растратившаго состояніе и здоровье. Очень пріятно имѣть его у себя въ домѣ!..

— Господи, чѣмъ онъ тебѣ мѣшаетъ, Генрихъ? — заступилась за Іозефа фрау Шмёльдеръ.

— Почемъ ты знаешь?—оборвалъ онъ ее. Онъ часто говорилъ съ нею грубымъ тономъ: она была „слишкомъ ограниченна" для него, какъ это было извѣстно прекрасной Еленѣ изъ „Лебедя".

Онъ пожелалъ поскорѣе вернуться домой, и фрау Шмёльдеръ позвала дочь. Та прибѣжала раскраснѣвшаяся, съ руками полными цвѣтовъ, но — одна. Дядя Іозефъ извиняется; онъ хочетъ прогуляться и вернется домой пѣшкомъ.

Іозефъ лежалъ среди цвѣтущихъ нарциссовъ; онъ долго и довольно дружелюбно бесѣдовалъ съ надзирателемъ, но когда вздумалъ предложить ему сигару, тотъ дико взглянулъ на него и со словами:—Нѣтъ, я ничего больше не возьму!—почти убѣжалъ отъ него.

Съ его уходомъ Іозефа охватила грусть. Суровый человѣкъ, суровая природа—какъ они подходили другъ къ другу! Если бы онъ могъ быть такимъ! Онъ—половинчатый человѣкъ, обо всемъ мечтающій, ничего не доводящій до конца! Будь у него теперь

деньги, сколькимъ людямъ онъ бы сдѣлалъ добро: этимъ фабричнымъ дѣвушкамъ, напримѣръ. Онъ устроилъ бы столовую, гдѣ онѣ получали бы хорошую горячую пищу и не садились бы за столъ съ немытыми послѣ разборки грязныхъ тряпокъ руками. Это жалкое буржуазное общество съ понятіями такими же узкими, какъ улицы ихъ городишка! Впрочемъ чего же онъ хочетъ? Если онъ самъ не относится къ себѣ серьезно, какъ онъ можетъ ожидать, чтобы другіе послушали его?..

Солнце уже садилось и отъ низинъ повѣяло вечернею сыростью, когда Іозефъ сталъ подумывать о возвращеніи домой. Въ воздухѣ запахло дымомъ и гарью: арестанты жгли хворостъ и сучья.

Онъ содрогнулся отъ ощущенія холода. Равнину вдругъ заволокло туманомъ, солнце скрылось, и лишь крестъ на Маріиномъ лугу былъ ярко озаренъ, какъ будто бы на немъ сосредоточилось все сіяніе заходящаго дня. На золотистомъ фонѣ очертанія креста казались черными. Обращались ли къ нему взоры страждущихъ? Казался ли онъ имъ утѣшеніемъ, или онъ вздымался передъ ними—грозный и окровавленный, какъ предвѣщаніе ихъ собственной участи? Всѣ они пригвождены ко кресту...

Мимо Іозефа прошло двое арестантовъ. Онъ поздоровался съ ними; но ихъ блѣдныя лица лишь вопросительно уставились на него; казалось, что они даже не слышали его привѣта. Безконечное состраданіе охватило его душу. Но вдругъ онъ услышалъ за собою грубый смѣхъ и быстро обернулся. Они стояли и смотрѣли ему вслѣдъ: у нихъ были безобразныя, грубыя, жесткія лица. Іозефъ понялъ, что они смѣялись надъ нимъ—надъ господиномъ, прогуливавшимся здѣсь въ свѣтлыхъ панталонахъ, коричневыхъ башмакахъ, модной шляпѣ, и ему вдругъ стало стыдно за свою одежду. Они были полуголые, а онъ одѣтъ щеголемъ.

Онъ пошелъ впередъ быстрыми шагами. Не имѣютъ ли они право крикнуть ему: — отдай сюртукъ, сапоги, шляпу!? — Люди рождаются на свѣтъ голыми: почему же судьба наряжаетъ однихъ въ модный костюмъ, другихъ—въ лохмотья?

Іозефъ почувствовалъ себя лучше, очутившись на дорогѣ въ Хеккенбройхъ. Тутъ по зеленымъ лугамъ протекала рѣчка, бравшая свое начало въ болотахъ, но уже чистая отъ мути и такая прозрачная, что на днѣ ея виднѣлись серебристыя форели.

Мирно звонилъ вечерній колоколъ; изъ трубъ поднимались тонкія, прямыя струйки дыма. За изгородями изъ кустарника

слышалось мычаніе стадъ и звенѣли подойники. Людей не было видно, и тѣмъ не менѣе люди жили своею жизнью, мирною и счастливою, за этой оградой, охранявшей ихъ отъ всякаго зла.

Проѣзжая тутъ въ экипажѣ, Іозефъ не могъ оцѣнить съ такою полнотою, какъ теперь, всей прелести этой тихой деревушки. Какъ счастливъ Ленкуленъ, что онъ здѣсь живетъ, и почему онъ до сихъ поръ не навѣстилъ пріятеля?

Время было уже позднее, но онъ все же рѣшилъ зайти. Іозефъ услышалъ дѣтскіе голоса; онъ обернулся и увидѣлъ маленькую дѣвочку. Она ступала легко и беззвучно, хотя тащила на рукахъ ребенка, голова котораго была толще ея собственной.

Ребенокъ захныкалъ при видѣ чужого. Дѣвочка съ материнскою нѣжностью прижала его къ себѣ, шепча:—Молчи, молчи, Дореше!—и подняла на Іозефа большіе кроткіе черные глаза, поразившіе его своимъ глубокимъ взглядомъ. Гдѣ онъ видѣлъ такіе глаза?

— Гдѣ живетъ г. бургомистръ, крошка?—спросилъ онъ, погладивъ ее по щекѣ. Она зардѣлась и предложила проводить его. Она очень старательно произносила слова, желая говорить правильно, и это—въ связи съ ея наружностью—показалось Іозефу необычайнымъ; она совершенно не походила на деревенскихъ дѣтей.

Какая хорошенькая дѣвочка, нѣжная и стройная! Даже мальчикъ, не смотря на толстую голову, былъ бы красивъ, если бы не отвислая нижняя губа и мутный взглядъ. Его слабыя ручки были безсильно закинуты на шею сестры; онъ, вѣроятно, былъ страшно тяжелъ.

— Что съ твоимъ братомъ?—Дай, я понесу его!—предложилъ Іозефъ.

Дѣвочка покачала головою:—Нѣтъ, Доресъ не пойдетъ къ чужимъ. Я провожу васъ... Мнѣ не тяжело нести его...

Іозефъ жалѣлъ малютку, тащившую въ гору свой грузъ, но она увѣрила его, что идетъ туда же, и при этомъ личико ея неожиданно освѣтилось лукавою улыбкою, восхитившей Іозефа. Если бы только ему удалось заставить ее разговориться! Но онъ немногое узналъ отъ нея. У Дореше со второго года стали дѣлаться припадки; теперь ему уже семь лѣтъ, но онъ не можетъ ходить въ школу. Отецъ и мать уже не разъ ходили на богомолье въ надеждѣ, что онъ поправится...

— И ты тоже молишься за него Богу?

— Да,—она серьезно кивнула головою,—я каждое воскре-

сенье хожу къ св. кресту на Маріиномъ лугу. Не помогаетъ! — вздохнула она и густо покраснѣла.

Онъ разсмѣялся. Это было и трогательно, и забавно.

У входа въ домъ дѣвочка куда-то исчезла. Іозефъ вошелъ въ темныя сѣни, но въ глубинѣ виднѣлась дверь, изъ которой падалъ лучъ свѣта.

— Добрый вечеръ! — сказала появившаяся на порогѣ стройная женщина.

Онъ угадалъ, что это была фрау Марихенъ, и снялъ шляпу. Она знала его, какъ оказалось, и привѣтливо подала ему руку.

— Мужъ еще не вернулся, но сходка сейчасъ кончится. Пожалуйста обождите, г. Шмёльдеръ. Присядьте, прошу васъ.

Она усадила его на кожаную софу и сама сѣла напротивъ.

Въ полумракѣ комнаты стулья, столы, комодъ и шкафы блестѣли отъ чистоты, какъ будто бы ихъ только-что отполировали. На комодѣ стояли пестрыя вазочки и чашки. Передъ маленькою статуей Пресвятой Дѣвы горѣла неугасимая лампада краснаго стекла. Надъ диваномъ висѣло вышитое бисеромъ по черному шелку изреченіе:

„Да будутъ признаны, благословенны, прославлены, почитаемы и любимы во всякій часъ — Божественное сердце Іисуса Христа и чистѣйшее сердце Маріино!“

Въ комнатѣ было чисто, уютно, пахло чѣмъ-то свѣжимъ, но Іозефу здѣсь показалось душно. Почему вмѣсто этого изреченія не повѣсили на стѣну хорошей гравюры? Онъ немного затруднялся, о чемъ заговорить съ хозяйкою, но она сама начала:

— Бэртесъ разсказывалъ мнѣ про васъ, г. Шмёльдеръ, и я угадала, что это вы. Какъ вы поживаете? Обжились ли теперь въ нашихъ мѣстахъ? Я часто вспоминаю то, что̀ вы говорили Бэртесу насчетъ дѣвушекъ, которыя ходятъ на фабрику...

Іозефъ удивился, но она продолжала съ улыбкою:

— Въ нашей тишинѣ каждое слово падаетъ съ такимъ же шумомъ, какъ камень, брошенный въ колодезь... Долго потомъ гулъ идетъ... Спасибо вамъ, г. Шмёльдеръ, за участіе къ нашимъ дѣвушкамъ. Богъ васъ наградитъ, если вамъ удастся убѣдить вашего братца, чтобы онъ далъ имъ лишній часокъ на обѣдъ. Нѣкоторыя успѣли бы сбѣгать въ городъ къ роднымъ или къ знакомымъ — хоть горячаго супу похлебать, по крайней мѣрѣ зимою...

Какая милая, разумная женщина! Онъ разговорился съ нею о своихъ планахъ, и она съ интересомъ его слушала, какъ вдругъ за дверью послышался шорохъ и тихое пѣніе.

— Ахъ, это Катринхенъ съ Дореше! Дѣти Генса... Бѣдныя ребятишки!

Фрау Ленкуленъ вскочила и отворила дверь, но Катринхенъ не сразу рѣшилась войти; она боялась незнакомаго господина, который разсмѣялся при ея словахъ. Она вошла съ потупленными глазами, таща своего Дореса, и молча протянула жестяной котелокъ, который фрау Ленкуленъ наполняла каждое утро и вечеръ супомъ для больной.

— Какъ ты славно поешь!—сказалъ Іозефъ.

— Да, Катринхенъ чудесно поетъ,—сказала фрау Марихенъ и погладила дѣвочку по головкѣ.

— Садись, крошка. День-деньской ты его таскаешь...

— Плакать будетъ,—робко проговорила дѣвочка, но хозяйка рѣшительно взяла у нея изъ рукъ ребенка.

— Молчи, Дореше, слушай... Катринхенъ споетъ намъ. Спой, крошка, рождественскую хвалу Пресвятой Дѣвѣ Маріи.

Катринхенъ послушно и набожно сложила ручки, въ ея черныхъ глазахъ блеснулъ свѣтлый лучъ, и она запѣла съ истиннымъ вдохновеніемъ. Голосъ ея звучалъ чисто и свѣтло, исполненіе было музыкальное. Іозефъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ ее, между тѣмъ какъ фрау Марихенъ съ трудомъ удавалось сдерживать Дореса, который вырывался у нея изъ рукъ, брыкался слабыми ногами и, желая подпѣвать, испускалъ дикіе звуки.

У нервнаго Іозефа проступили слезы на глазахъ. А онъ еще думалъ, что въ степи нѣтъ пѣвчихъ птицъ! Какъ покорно и даже радостно несетъ эта слабая дѣвочка свой тяжелый крестъ!

Онъ сталъ прощаться съ хозяйкою, какъ только та отпустила дѣвочкѣ ея порцію супа. Уже поздно. Онъ проситъ передать поклонъ Бэртесу и зайдетъ какъ-нибудь въ другой разъ.

Когда онъ вышелъ, на улицѣ было темно. Только на черепицахъ кровель, на верхушкахъ деревьевъ и на высокихъ зданіяхъ церкви, школы и гостинницы еще лежалъ отблескъ свѣта. Но вдругъ, обернувшись въ сторону, откуда онъ пришелъ, Іозефъ былъ пораженъ. Тамъ—все горѣло и сіяло, словно поглотившая солнце равнина сдѣлалась сама источникомъ пламени и свѣта. Весь горизонтъ былъ залитъ багрянымъ отблескомъ огней заката, поднимавшихся къ темному небу какъ пламенные языки. Пыль и камни дороги казались алою лентою, а гладкія бѣлыя стѣны церкви—отраженіемъ струившагося отъ равнины сіянія.

Въ огняхъ заката все преобразилось, и возвращавшіеся домой съ работъ усталые мужчины и женщины имѣли видъ набожныхъ

пилигримовъ. Дверь церкви была широко раскрыта, алтарь освѣщенъ, по случаю мѣсяца Дѣвы Маріи—мая. Мужчины шли прямо домой, но изъ женщинъ ни одна, не смотря на утомленіе, не прошла мимо церкви. Лица у нихъ были голодныя, измученныя, въ желудкахъ урчало, но надо было прочитать на сонъ грядущій „Богородицу“ и „Отче нашъ“. Бербеле, дочь Генса, послѣднею вошла въ церковь. Ноги у нея распухли. Она всю ночь напролетъ провела за стиркою и лишь на разсвѣтѣ развѣсила бѣлье передъ уходомъ на фабрику. Глаза у нея горѣли отъ безсонницы, она дрожала на утреннемъ холоду, весь день ее клонило ко сну, и за обѣдомъ, пока другія дѣвушки закусывали и болтали о своихъ возлюбленныхъ—она растянулась посреди мѣшковъ съ тряпьемъ и заснула. Ѣсть она не могла, а возлюбленнаго у нея не было. Засыпая, она слышала разсказы о хозяйкѣ „Лебедя“, и лицо ея вспыхнуло отъ стыда, когда она услышала, что и г. Шмёльдеръ бываетъ у нея. Возможно ли это? Позднѣе за работою она не могла отдѣлаться отъ этой мысли и ей хотѣлось плакать...

Бербеле обмакнула пальцы въ святую воду. Она торопилась домой и такъ бѣжала, что едва не наткнулась въ темнотѣ на Іозефа Шмёльдера. Сначала она страшно испугалась, но, узнавъ „добраго барина“, бѣгавшаго за докторомъ для ея матери, очень обрадовалась и со словами: „Слава Тебѣ, Господи!“ крѣпко пожала его руку, а затѣмъ, испугавшись собственной смѣлости, хотѣла выдернуть руку.

Іозефъ засмѣялся: онъ зналъ теперь, чьи глаза напомнили ему глаза Катринхенъ.

— Скажи мнѣ, есть у тебя маленькая сестренка?

— Какъ же? Катринхенъ!—отвѣтила дѣвушка и также улыбнулась, отчего на щекахъ у нея появились ямочки.

— И братъ—Дореше? И матери вашей все не лучше, и онъ не поправляется, и вамъ съ Катринхенъ плохо приходится обѣимъ? Такъ что ли?

Дѣвушка испугалась. Откуда онъ все знаетъ? Не знаетъ ли онъ, чего добраго, что она часто, часто думала о немъ и все хотѣла его повидать хоть разочекъ?

Бербеле такъ смутилась, что вырвала свою руку и, тихо пробормотавъ: „прощайте!“, кинулась со всѣхъ ногъ домой. На поворотѣ она обернулась, но Іозефа уже не было видно.

IV.

— Это прямо скандалъ!—говорилъ бургомистръ Ленкуленъ женѣ, сидя за послѣобѣденнымъ кофе въ гостиной.

Она ничего не отвѣтила, только налила ему еще чашку и сѣла на свое мѣсто за рабочимъ столикомъ возлѣ окна. Она вышивала покровъ для церкви, за которымъ просиживала до половины ночи, чтобы онъ поспѣлъ къ Троицѣ, когда толпы богомольцевъ отправляются въ Геймбахъ, въ Маріавальдъ и къ другимъ святымъ мѣстамъ. Но сегодня былъ праздникъ, и потому она не работала.

— Это скандалъ, Марихенъ,—сказалъ Ленкуленъ, и такъ какъ она не отвѣчала, онъ въ третій разъ повторилъ:—Настоящій скандалъ!

Она подняла голову. Въ чемъ дѣло? Говоритъ ли онъ о постоянныхъ своихъ разногласіяхъ съ ландратомъ, сердится ли на согражданъ, или его раздражаетъ стукъ колесъ и копытъ по мостовой?

Въ эту самую минуту мимо прокатилъ экипажъ, едва не задѣвъ за уголъ.

— Что за баба!—Бургомистръ даже вскочилъ съ дивана:—Да что они всѣ одурѣли, что ли?

Съ самаго начала лагерной жизни онъ постоянно сердился. Какое дѣло было ему до того, что господа офицеры желаютъ выбрасывать деньги за окно? Его грызло то, что въ здѣшнихъ мѣстахъ нашлась женщина настолько доступная, что ради нея люди готовы сломить себѣ шею, возвращаясь отъ нея по ночамъ. Да, времена измѣнились. Позади—исправительная колонія, сбоку—лагерь, съ другого—эта Елена, срамъ для всей округи...

— Почему ты сердишься на Елену? Она и въ школѣ была сорви-головою, но если бы сюда не пришли военные, ничего бы не было. Они одни во всемъ виноваты. Наши дѣвушки—и тѣ уже пялятъ на нихъ глаза, а солдаты переглядываются съ ними... Ты бы сказалъ г. пастору, чтобы онъ сочинилъ хорошую проповѣдь. Гдѣ завелись военные—тамъ дѣвушкамъ какъ-разъ не сдобровать.

— Слушай, Марихенъ, не будь здѣсь войска, мы не достроили бы нашу новую церковь. Еще отецъ мой, будучи бургомистромъ, все сокрушался, что у насъ нѣтъ хорошей церкви. А теперь мы, наконецъ, ее достроили...

Лицо его даже покраснѣло отъ радостнаго возбужденія.

Конечно новой церковью можно было гордиться: не во всякомъ городѣ найдется такая, но все же—тѣнь раздумья скользнула по лицу фрау Марихенъ. И въ старой церкви хорошо можно было молиться. Она встала и съ улыбкою положила мужу руку на плечо.

— Бэртесъ, мнѣ кажется, что Пресвятая Дѣва и святые слышали наши молитвы и въ старой церкви.

Онъ изумленно поглядѣлъ на нее. Это говоритъ Марихенъ? Она, чего добраго, скоро согласится съ мнѣніемъ ландрата? Въ первый разъ въ жизни чуть не разсердясь на свою Марихенъ, онъ пошелъ въ пасторатъ, гдѣ уличный шумъ не былъ такъ слышенъ.

Сегодня у Елены былъ большой съѣздъ, да иначе оно и быть не могло. Куда дѣваться, чтобы не повѣситься съ тоски въ этой дикой пустынѣ? Единственнымъ оазисомъ въ ней была веселая вдова, обладавшая, помимо хорошаго погреба, подходящимъ настроеніемъ. Правда, она очень раздобрѣла, и при всей своей бѣлокурости и наивности, была тѣмъ что̀ называется „чортовой бабой“. Не попадайся ей въ лапы!

Эгонъ фонъ-Шеффлеръ пріѣхалъ съ маленькимъ Абекингомъ, штабнымъ врачемъ и еще однимъ офицеромъ. Экипажъ, взятый со станціи, и сегодняшній счетъ—дорого обойдутся, но что же дѣлать? Надо внести въ этотъ забытый Богомъ уголокъ не только умѣнье жить, но и деньги. Недаромъ его превосходительство громогласно заявилъ въ казино, что „военное сословіе—главный факторъ цивилизаціи“.

Абекингъ былъ въ нѣсколько удрученномъ состояніи. Лишнихъ денегъ у него не было и онъ не отличался такою жизнерадостью, какъ Эгонъ фонъ-Шеффлеръ; кромѣ того его возмущалъ тонъ, которымъ говорили товарищи о прекрасной женщинѣ, внушавшей ему нѣжную и почтительную страсть. Онъ зачастую порывался „оборвать“ ихъ, а они, словно ничего не подозрѣвая, пересчитывали при немъ ея любовниковъ и умолкали лишь тогда, когда видѣли, что онъ серьезно былъ обиженъ.

Послѣ смерти ея мужа маленькій лейтенантъ не видѣлъ Елены и вообще онъ ни разу не оставался съ нею съ глазу на глазъ. Дорогою у него мелькала дерзкая мысль—„пересидѣть“ остальныхъ. Придется вернуться въ лагерь пѣшкомъ, но это не бѣда. Офицеровъ обогналъ автомобиль, поднявшій цѣлые столбы пыли и оставившій за собою отвратительный запахъ бензина. Офицеры послали ему вслѣдъ проклятіе. И этотъ—туда же!..

Въ „Бѣломъ Лебедѣ" было очень оживлено. Всѣ столы были заняты, окна открыты, и гардины раздувались по вѣтру. Обѣдъ приходилъ къ концу. Посѣтители сидѣли за кофе и пуншемъ, нѣкоторые пили шампанское. Прислуга суетилась. Жакъ, помощникъ хозяйки, встрѣтилъ гостей и заявилъ, что все занято, но въ то же время многозначительно кивнулъ на маленькую дверь позади буфета, ведшую въ помѣщеніе Елены.

— Нахалъ!

— Каковъ попъ, таковъ и приходъ!—сказалъ штабный врачъ, повторяя свою любимую поговорку. Но они все же двинулись гуськомъ по длинному темному корридору.

Собственная комната Елены тоже оказалась занятою. Предъиванный столъ былъ выдвинутъ на середину, и за нимъ тѣснымъ кружкомъ, касаясь другъ друга локтями, сидѣли четверо вольноопредѣляющихся, вмѣстѣ съ хозяйкою. На столѣ стоялъ крюшонъ, на полу—холодильникъ съ шампанскимъ.

При входѣ офицеровъ всѣ четверо вскочили какъ одинъ человѣкъ и вытянулись по военному; ихъ покраснѣвшія отъ вина лица раскраснѣлись еще сильнѣе. Фонъ-Шеффлеръ смѣрилъ грознымъ взоромъ и юнцовъ, и хозяйку, а Елена принялась хохотать, и хохотала до упаду. Какъ испугались бѣдные мальчуганы! Она сдѣлала имъ насмѣшливый книксенъ и, показывая бѣлые зубы, проговорила: — До свиданія, господа, мое почтеніе! —Затѣмъ, обернувшись къ нимъ спиною, она довольно громко сказала съ дерзкою гримаскою:

— Слава Богу! Надоѣли мнѣ эти молокососы! Пойдемте!

Она старалась умилостивить разсерженныхъ офицеровъ, которые заявили, что они уѣдутъ, такъ какъ здѣсь мѣста для нихъ нѣтъ. Ни за что! Скорѣе она выгонитъ вонъ этихъ мальчугановъ! Чуть не плача, она стала у двери, повторяя, что не отпуститъ ихъ.

Гнѣвъ Абекинга растаялъ, но Шеффлеръ и Шмидтъ оставались неумолимы. Штабный врачъ нашелъ компромиссъ: въ наказаніе за то, что она отдала ихъ комнату чужимъ, Елена обязана просидѣть съ ними одними весь вечеръ, говорить глупости и пить шампанское... Идетъ?

— Идетъ!—Она расхохоталась, сверкнула глазами на своего бывшаго обожателя:—право-слово, толстячекъ—самый милый изъ всѣхъ... Онъ не то, что другіе—злюки!..

Она надула губки; лейтенанту захотѣлось поцѣловать ихъ, но онъ, конечно, не рѣшился и сталъ нервно крутить свои усики.

Шеффлеръ и Шмидтъ не сразу сдались. Они не хотѣли си-

дѣть въ общей залѣ. Наконецъ Елена придумала вынести столъ къ крыльцу и притащить обвитую плющемъ рѣшетку со двора.

Такимъ образомъ получилось подобіе бесѣдки и настроеніе сразу поднялось. Шеффлеръ и докторъ разсказывали весьма пикантные анекдоты, и Абекингъ удивлялся, что Елена можетъ такъ смѣяться при этихъ разсказахъ. Навѣрно она, какъ и онъ самъ, многаго въ нихъ не понимала...

Уже темнѣло; появились летучія мыши, шумъ рѣки доносился явственнѣе. Солнце еще озаряло возвышенность, на которой лежало кладбище, и очертанія крестовъ отчетливо вырисовывались на горизонтѣ. Бѣлое лицо женщины въ черномъ платьѣ казалось въ сумеркахъ свѣтлымъ пятномъ.

Юный лейтенантъ внезапно ощутилъ леденящую дрожь, какъ тогда—на похоронахъ. Умереть! Какъ это ужасно! Неужели никто изъ нихъ не вспомнилъ о здѣшнемъ хозяинѣ? Онъ лежитъ тамъ наверху, а жена его сидитъ здѣсь и смѣется... Прошло едва четыре мѣсяца. Какъ скоро забываютъ тѣхъ, кто умеръ!

— Вы устали, г. лейтенантъ?—Елена дотронулась до его руки.

Онъ поблѣднѣлъ.—Pardon, что вы сказали?

— Я спросила: не устали ли вы?—Она совсѣмъ близко нагнула къ нему свое улыбающееся лицо; онъ видѣлъ, какъ свѣтились въ темнотѣ ея глаза. Она нащупала подъ столомъ его руку, онъ крѣпко сжалъ ея пальцы въ своей рукѣ. Чего ему недостаетъ?

Абекингъ вдругъ вскочилъ съ мѣста. Высоко поднявъ надъ головою бокалъ, онъ воскликнулъ:

— Забудемъ о мертвыхъ! Мы живемъ и любимъ. За ваше здоровье, красавица!

Бокалы чокнулись.

— Да вы бѣдовый!—сказалъ Шмидтъ.

Елена была польщена. Милый юноша... Онъ положительно ей по душѣ.

Шеффлеръ поднялся. Онъ долженъ проститься. Фрау Шмёльдеръ съ дочерью ждутъ его, надо условиться относительно дня, въ который эти дамы пріѣдутъ осматривать лагерь.

Его принялись поддразнивать. Кажется, онъ ухаживаетъ за фрейлейнъ съ серьезными намѣреніями?

Адъютантъ, улыбаясь, слегка поклонился товарищамъ, погрозилъ пальцемъ Еленѣ, и скоро его стройпая фигура исчезла во мракѣ.

У фабриканта его ждали къ ужину. Была жареная козуля, застрѣленная самимъ хозяиномъ; у него было въ горахъ мѣсто для охоты, къ сожалѣнію — небольшое; часть лѣсовъ принадлежала казнѣ, а другая часть—Хеккенбройхской общинѣ, и это мужичьё заломило теперь такую арендную плату... Фабрикантъ затрясся отъ гнѣва, разсказывая объ этомъ офицеру.

— И всему виною — Ленкуленъ; онъ старается награбить какъ можно больше денегъ для своей общины — все для того, чтобы расплатиться за эту чортову... за постройку церкви, хочу я сказать...

— Что ты говоришь, Шмёльдеръ?—съ искреннимъ ужасомъ воскликнула его жена.

— Ну-ну, будетъ, — продолжалъ онъ, замѣтивъ испуганные глаза жены и дочери: — я хотѣлъ сказать, что они влѣзли въ долги изъ-за постройки, а теперь я долженъ за это расплачиваться...

— Жаль, жаль!—отозвался офицеръ, уже рисовавшій себѣ грандіозныя картины охоты съ будущимъ тестемъ. Однимъ соблазномъ оказывается меньше! Но онъ все же съ любезною улыбкою поблагодарилъ хозяйку дома, предлагавшую ему еще кусочекъ козули.

— Нѣтъ, благодарю васъ, многоуважаемая фрау, — у меня хорошій аппетитъ, но насъ такъ гоняютъ на ученьяхъ, что къ вечеру уже не можешь ѣсть...

— Развѣ вы такъ заняты, г. оберъ-лейтенантъ? — краснѣя, спросила Гедвига. Она весь вечеръ вспыхивала румянцемъ — безъ всякой, повидимому, причины.

Іозефъ видѣлъ это и раздражался. Онъ былъ искренно расположенъ къ племянницѣ, но сегодня она ему не нравилась. Какъ могла хорошенькая дѣвушка, которая будетъ имѣть три-четыре милліона, терять голову при видѣ закрученныхъ усовъ и расшитой шнурами куртки?

Братья Шмёльдеръ слушали съ довольно кислою миною блестящую бесѣду лейтенанта, распространявшагося о столичныхъ балахъ, о скачкахъ, о начальствѣ, товарищахъ, лошадяхъ и прочемъ; но барышня краснѣла, улыбалась и сіяла. Даже матери нравился красивый офицеръ: онъ былъ уже не зеленый юноша, но молодой человѣкъ изъ хорошей семьи и — не смотря на свое дворянство — очевидно отличался основательнымъ умомъ и практичностью.

Послѣ ужина Шеффлеръ сейчасъ же сталъ прощаться. Онъ чрезвычайно сожалѣетъ, но завтра рано утромъ ему нужно быть

на ученьѣ. Хозяина дома позвали по дѣлу; дамы съ Іозефомъ пошли проводить гостя до воротъ. Небо все было усѣяно звѣздами, садъ—въ цвѣту, но сегодня его красота не дѣйствовала на Іозефа; онъ досадливо отстранялъ вѣтки благоухающей сирени и, наконецъ, отсталъ. Эта болтовня, реплики кузины: „Ахъ! О! Какъ мило!"—и радостно-застѣнчивый смѣхъ племянницы—окончательно испортили ему настроеніе...

Въ гостиной онъ засталъ Генриха, уже переодѣвшагося въ старую тужурку. Передъ нимъ стоялъ, вертя шапку въ рукахъ, сторожъ охотничьяго домика.

— Итакъ, вы отказываетесь отъ мѣста? — рѣзко спросилъ фабрикантъ. — Нечего распространяться, скажите мнѣ въ двухъ словахъ причину.

— Извините, г. Шмёльдеръ, не по своей охотѣ отказываюсь. Мы что-жъ? Пожаловаться грѣхъ, ничѣмъ отъ васъ обижены не были... А только несподручно... Ребята подросли, въ школу надо, до Хеккенбройха три часа ходьбы, а дороги какія? Зимой и совсѣмъ дороги не бываетъ по недѣлямъ, потому — заносы... Ни въ церковь тебѣ, ни въ лавку, никуда... И кругомъ—ни души... Я бы ничего, остался, да жена несогласна... Ужъ вы извините!

Генрихъ накинулся на сторожа. Чортъ бы побралъ бабъ съ ихъ фантазіями! Поди, ищи теперь другого человѣка! Жена Гильса и стряпать умѣла, и за всѣмъ присматривала, на случай его пріѣзда все у нея было въ порядкѣ... Шмёльдеръ рѣшился.

— Слушайте, Гильсъ, что̀ я вамъ скажу: я прибавлю вамъ десять марокъ въ мѣсяцъ, и жена ваша получитъ хорошій подарокъ къ Рождеству. Согласны?

Онъ, видимо, считалъ дѣло рѣшеннымъ, но сторожъ по прежнему стоялъ передъ нимъ и безпомощно теребилъ шапку. По его грубому лицу видно было, что онъ борется съ искушеніемъ: сто-двадцать марокъ въ годъ на полу не найдешь.

— Г. Шмёльдеръ, — проговорилъ онъ удрученно, — видитъ Богъ, не могу. Жёнка ума рѣшится... И людей нѣтъ, да и страшно. Тутъ тебѣ и граница, всякій народъ шныряетъ, а теперь еще эта колонія завелась...—Онъ презрительно покосился въ сторону равнины.—Нѣтъ ужъ, г. Шмёльдеръ, поищите кого-другого. Не въ моготу, значитъ... Прощенья просимъ!

Онъ вышелъ. Генрихъ стукнулъ кулакомъ по столу.

— Каково? Не упрашивать же этого осла! А между тѣмъ и за большія деньги не скоро найдешь сторожа. А все эта проклятая колонизація! Ужъ скажу я спасибо этому ландрату, когда онъ заѣдетъ сюда!

— Знаешь что, Генрихъ? Пошли туда меня!—быстро выговорилъ Іозефъ. Эта мысль мгновенно его осѣнила.

— Тебя?—Фабрикантъ такъ посмотрѣлъ на Іозефа, словно тотъ сказалъ: „Пошли меня на луну".—Не говори глупостей... Я дѣйствительно нахожусь въ затрудненіи.

— Генрихъ, я говорю совершенно серьезно!—онъ подошелъ и съ силою облокотился на столъ. — Пошли меня туда. Я съ радостью тамъ поселюсь.

— Да ты съ ума сошелъ!—Генрихъ расхохотался.—Узнаю прежняго Іозефа. Все что-нибудь новое и никакой устойчивости; куда вѣтеръ подуетъ—туда и ты... Уже отецъ мой бѣдствовалъ съ этимъ домикомъ. Кому охота зарываться въ снѣгъ на всю зиму? Зимою и весною дуютъ вѣтры со всѣхъ сторонъ: настоящія бури. А весною, вдобавокъ, столько воды на равнинѣ, что хоть въ лодкѣ катайся!—Онъ расхохотался и раздраженіе его улеглось.—Ты понятія объ этомъ не имѣешь...—Генрихъ окинулъ взглядомъ стройную, немного тщедушную фигуру Іозефа,—да ты бывалъ тамъ? Нѣтъ? Ну, такъ и помолчи.

Грубость его задѣла Іозефа.

— Говорю тебѣ, Генрихъ, что я дѣйствительно этого хочу. Здѣсь у васъ я—лишній. Буду ли я здѣсь или тамъ у тебя на хлѣбахъ—все равно. Но тамъ это будетъ легче для меня вслѣдствіе сознанія, что я приношу хотя какую-нибудь пользу. И я ничего не боюсь... — Онъ тѣмъ упорнѣе цѣплялся за свой проектъ, чѣмъ недовѣрчивѣе относился къ нему Генрихъ; его не страшила жизнь среди болотъ и одиночества. Какое облегченіе—видѣть сосны и траву, и не видѣть людей!—Пожалуйста, я очень тебя прошу, пошли меня хотя на пробу. Я люблю природу, я понимаю ее. Тамъ я буду счастливъ!

Онъ увлекся; въ то время какъ онъ стоялъ съ высоко поднятою головою и устремленнымъ вдаль взоромъ—черты его казались удивительно тонкими, благородными и словно помолодѣвшими.

— Что за экзальтированное безуміе! Поищи себѣ счастья въ другомъ мѣстѣ!—проговорилъ Генрихъ сухо. Но, увидѣвъ поблѣднѣвшее лицо Іозефа, онъ вдругъ почувствовалъ къ нему жалость.

— Слушай, старина, если тебѣ хочется разсѣяться, поѣзжай съ Софи и Гедвигою въ Остенде. Онѣ во что бы то ни стало хотятъ тамъ быть — туалеты поглядѣть... Поѣзжай съ ними. Какъ ты станешь жить въ охотничьемъ домѣ? Вѣдь тебѣ нужно

пить и ѣсть. Кто будетъ тебѣ стряпать и прибирать комнату? Вѣдь ты не можешь этого дѣлать?

— Не могу.—Іозефъ повѣсилъ голову.—Конечно, мнѣ пришлось бы взять для этого служанку.

— А вотъ найди-ка ее!—Генрихъ расхохотался.—Если найдешь, тогда я ни слова не скажу. Перебирайся пожалуй.

V.

Бартоломеусъ Ленкуленъ снова воевалъ со своими односельчанами. Сходка была снова бурная, и всѣ они, какъ одинъ человѣкъ, напали на него. Они походили на рой пчелъ, жужжащихъ вокругъ пришельца.

— Да вы ошалѣли?—кричалъ Адамсъ, забывая всякое почтеніе къ бургомистру:—у меня будутъ осматривать колодезь, чистая ли въ немъ вода? Отцы, дѣды пили и не брезгали, а тутъ коммиссіи пошли!.. Я вышвырну вонъ всѣхъ осмотрщиковъ, вотъ вамъ и весь сказъ!

— Вы этого не сдѣлаете, Бальтесъ,—серьезно возразилъ Ленкуленъ:—коммиссію назначаетъ начальство, надо принять ее вѣжливо.

— Вѣжливо? А что въ ней толку? Расходы да непріятности. Ни одного пфеннига не дамъ я на починку колодца. Вы—заодно съ ландратомъ... Пріятели!

— Неправда,—сказалъ Ленкуленъ, не теряя самообладанія,—онъ мнѣ не пріятель. Но я обязанъ сообщить вамъ постановленіе. Въ виду того, что опасаются появленія тифа, а по близости расположены войска—приказано освидѣтельствовать колодцы. Пусть они увидятъ, что въ нашихъ колодцахъ—чистая родниковая вода.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—Адамсъ такъ хлопнулъ себя по колѣнкѣ, что отъ толстаго сукна полетѣла пыль.—Не позволю, чтобы въ мой колодезь первые встрѣчные совали свой носъ!

Сосѣдъ его, тоже зажиточный мужикъ, обмѣнялся съ нимъ взглядомъ и заговорилъ:

— А вдругъ они найдутъ, г. бургомистръ, что вода и вправду негодная? Вѣдь все равно людямъ пить надо: безъ воды не проживешь. Вотъ бы вы вмѣсто церкви и построили водопроводъ, какъ совѣтовалъ г. ландратъ. Тогда бы не надо было и тифа опасаться...

Поднялся говоръ одобренія. Всѣ двѣнадцать членовъ совѣта,

до сихъ поръ вполнѣ солидарные съ бургомистромъ и не желавшіе ничего кромѣ постройки церкви, были теперь другого мнѣнія. Никто изъ нихъ не былъ увѣренъ въ хорошемъ состояніи колодцевъ. Обшивка была старая, можетъ-быть гдѣ-нибудь она и попортилась.

— Тише! — загремѣлъ Ленкуленъ. — Были вы согласны на постройку церкви? Да или нѣтъ?

— Такъ-то оно такъ, г. бургомистръ, а все-таки вы съ г. пасторомъ насъ подбили... И старая церковь еще годилась. А теперь сидимъ въ долгу, какъ въ шелку.

Ленкуленъ прикусилъ себѣ губу, сердце у него сильно забилось. Они не совсѣмъ были неправы. Положимъ, у нихъ есть еще деньги отъ аренды, но эта сумма отдана подъ проценты, ее тронуть нельзя.

— Ужъ очень дорогую стройку затѣяли! — заворчали недовольные.

Ленкуленъ возмутился. Онъ вспомнилъ свою великую радость въ день освященія церкви, когда весь Хеккенбройхъ былъ изукрашенъ вѣнками, и тысячи людей стекались сюда изъ окрестныхъ мѣстъ. Самъ епископъ совершалъ обрядъ богослуженія. Это былъ лучшій день въ жизни Хеккенбройха! Пусть близорукіе болтаютъ что хотятъ!

Ленкуленъ выпрямился во весь свой богатырскій ростъ и заговорилъ такъ, что отъ голоса его подъ сводомъ низенькой комнаты только гулъ пошелъ.

— Что сдѣлано — того не передѣлаешь! И слава Богу. Церковь стоитъ и будетъ стоять, когда отъ насъ и праху не останется. Она переживетъ всѣхъ насъ и будетъ свидѣтельствовать о томъ, что и въ нашемъ глухомъ мѣстечкѣ жили люди, менѣе думавшіе о житейскихъ благахъ, чѣмъ о благѣ духовномъ.

Его голубые глаза твердо смотрѣли имъ въ лицо. Пусть себѣ обдумаютъ на досугѣ его слова!

— На сегодня — довольно. Объявляю засѣданіе закрытымъ. Прощайте!

Онъ захлопнулъ книгу съ синею обложкою и вышелъ, провожаемый смутнымъ говоромъ, но гордый сознаніемъ одержанной побѣды. Великое спокойствіе снизошло на него. Онъ поступилъ какъ должно. Если водопроводъ такъ необходимъ, они построятъ его со временемъ, когда расплатятся съ долгами. Богъ поможетъ имъ и въ этомъ.

Ленкуленъ удивился, увидѣвъ въ окнѣ свѣтъ. Неужели Марихенъ еще не спала?

Она отворила ему сама — теперь у нихъ вошло въ обычай запираться на ночь. Она была одѣта, на шеѣ у нея висѣли мотки съ шелкомъ, глаза слегка покраснѣли отъ утомленія, но въ нихъ былъ особенный блескъ.

— Ты опять за пеленою для алтаря?—спросилъ онъ, но въ тонѣ его слышалась скорѣе тайная радость, чѣмъ укоръ. Онъ крѣпко поцѣловалъ ее въ обѣ щеки и почувствовалъ, что она взволнована.

— Ты поздно сегодня!

— Мы здорово поругались, — онъ весело разсмѣялся, — но я все-таки поставилъ на своемъ!

Въ другой разъ она стала бы разспрашивать его о подробностяхъ сходки, но сегодня онъ видѣлъ, что она полна другимъ.

— Бэртесъ, — сказала Марихенъ, — пойдемъ въ горницу, я хочу тебѣ что-то сказать.

— Пойдемъ.

Они сѣли на диванъ передъ столомъ, на которомъ лежала бѣлоснѣжная пелена. Марихенъ стала разсказывать — дрожащимъ голосомъ, видимо волнуясь и возбуждаясь отъ собственныхъ словъ.—У больной Анны-Лизы Генсъ, матери Катринхенъ, было видѣніе... Именно — видѣніе... Она пошла помолиться къ Кресту на Маріиномъ лугу. Уже и то чудо, что такая слабая женщина могла туда дотащиться. Видитъ: на камнѣ сидитъ какая-то дама — совсѣмъ особенная, и такъ ласково съ ней говорила, что у той сердце задрожало. Разсказываетъ она незнакомкѣ о своихъ бѣдахъ, и чѣмъ больше говоритъ, тѣмъ легче ей дѣлается, словно все ея горе уплываетъ вмѣстѣ со слезами... Тутъ незнакомка достаетъ изъ кармана четки и образокъ и даетъ ихъ Аннѣ-Лизѣ. „Возьмите,—говоритъ,—и помолитесь чудотворному образу Лурдской Божьей Матери! Молитесь Ей всей семьей и будетъ вамъ помощь!“—И Анна-Лиза тотчасъ почувствовала, что надъ нею совершается чудо. Приложилась она къ образку—и сразу ей силы прибавилось...

— Можетъ быть, это была тоже богомолка, отправлявшаяся въ Лурдъ, или дама изъ тамошней общины?—предположилъ Ленкуленъ, но въ голосѣ его не было увѣренности: — онѣ въ это время всюду разъѣзжаютъ и предлагаютъ принять участіе въ поѣздкахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не то, — убѣжденно проговорила Марихенъ. — Я забыла тебѣ сказать, что когда Анна-Лиза разсказала ей о своемъ Доресѣ, она ласково улыбнулась и сказала:— Почему вы не сходите съ нимъ въ Эхтернахъ?

— Гм! — Ленкуленъ задумался. Можетъ быть, все это и померещилось больной, но какъ она счастлива въ своей великой вѣрѣ!

Марихенъ съ похорошѣвшимъ отъ радости лицомъ продолжала разсказывать:—Это еще не все. Покуда жена Генса сидѣла у нея и разсказывала все это, пришелъ Іозефъ Шмёльдеръ и, узнавъ объ ихъ нуждѣ, сейчасъ же высыпалъ больной на колѣни всѣ деньги изъ своего портмонэ: талеровъ десять съ мелочью да еще — золотая монета на придачу... Анна-Лиза даже остолбенѣла... Вотъ какъ скоро явилась первая помощь! Это ли не чудо? И какой добрый человѣкъ этотъ Іозефъ!

— Да, да, хорошій онъ, добрый человѣкъ! — сказалъ Ленкуленъ.—Жаль только!..—Онъ невольно вздохнулъ и прибавилъ:

— Пойдемъ спать, Марихенъ. Я сегодня хорошо засну.

— Я помолюсь за него,—сказала она набожно.

Они поднялись наверхъ, въ спаленку подъ кровлею. Надъ кроватями висѣло Распятіе, маленькое окно было открыто, и сіявшая чистотою комната вся была залита луннымъ свѣтомъ. Онъ не удержался и, прежде чѣмъ закрыть окно, высунулся изъ него, чтобы поглядѣть на церковь.

Колокольня ея высоко поднималась надъ всею окрестностью, ее отовсюду можно было видѣть, и радостное чувство переполнило его сердце. Много въ жизни бываетъ тяжелыхъ минутъ, но такой вечеръ можетъ все искупить. Онъ подозвалъ жену, и они, стоя рядомъ, смотрѣли на свѣтлое небо.

Марихенъ вспоминала о своихъ прежнихъ поѣздкахъ на богомолье. Годъ за годомъ она принимала участіе въ процессіяхъ, отправлявшихся въ Геймбахъ, въ Маріавальдъ, въ монастырь траппистовъ. Теперь Анна-Лиза навѣрно отправится со своимъ Дореше — болѣе всѣхъ любимымъ, потому что онъ былъ всѣхъ несчастнѣе — въ Эктернахъ. Эктернахъ для Германіи то же самое, что для Франціи—Лурдъ...

Онъ, словно понимая мысли жены, крѣпче обнялъ ее, привлекая къ себѣ, словно въ первую пору ихъ брачной жизни.

Сѣть изъ лунныхъ лучей сказочно обвивалась вокругъ высокихъ кровель и деревьевъ. Часть бѣлой стѣны, выглядывавшей изъ зелени, казалась мраморною, а широкая улица блестѣла какъ снѣгъ. Въ окнахъ было темно, нельзя было себѣ представить болѣе глубокой тишины. Даже буки, которые гнутся обыкновенно отъ вѣтра, высились сегодня, подобно колоннамъ, стройные и неподвижные. Кладбище казалось настоящимъ мѣстомъ

успокоенія въ этой тихой деревнѣ, и самая смерть — подобіемъ сна...

Вдругъ мужъ и жена вздрогнули. На дорогѣ послышался стукъ, и топотъ, и грохотъ, показавшіеся вдвойнѣ громкими среди мертвой тишины. Это мчался экипажъ, въ которомъ было такъ много народу, что двое сидѣли на козлахъ, а одинъ лежалъ поперекъ экипажа со свѣсившимися черезъ дверцу ландо ногами. Они гикали и ревѣли, и не смотря на крѣпкій сонъ крестьянъ, изъ окна сосѣдняго дома высунулась чья-то голова. Это мчались офицеры, возвращавшіеся изъ „Бѣлаго Лебедя". Фонари, подобно бдительной парѣ глазъ, указывали дорогу, такъ какъ никто изъ сѣдоковъ не былъ въ состояніи видѣть что-либо, даже — солдатъ, правившій лошадьми... Хозяйка „Лебедя" была женщина съ сердцемъ: пока господа кутили въ залѣ, кучеръ угощался на кухнѣ.

Ленкуленъ захлопнулъ окно. Кончится тѣмъ, что всѣ они провалятся въ болото. Хотя бы прекратился, по крайней мѣрѣ, этотъ дикій ревъ!

Долго еще прислушивалась деревня къ пьянымъ голосамъ, пѣнію, хохоту и гиканью, покуда они не смолкли вдалекѣ.

Съ нѣмецкаго О. Ч.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НЕИЗВѢСТНОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

Т. Г. ШЕВЧЕНКА

При разборѣ бумагъ покойной А. Л. Костомаровой найденъ небольшой полулистъ почтовой бумаги, на обѣихъ сторонахъ котораго рукою А. Л. записано украинское стихотвореніе, озаглавленное: „Човенъ". Подъ стихотвореніемъ подпись: „Т. Шевченко" и дата: „р. 1841. Спб.". Никакихъ другихъ указаній или помѣтъ не имѣется; когда и откуда стихотвореніе переписано—неизвѣстно. Отношеніе Шевченка къ своимъ рукописямъ въ началѣ его поэтической дѣятельности было самое небрежное: онѣ всюду валялись у него въ комнатѣ, попадали на полъ, хранились „въ коробкѣ подъ кроватью". Когда кто-нибудь изъ знакомыхъ, находя обрывки стиховъ, спрашивалъ, что это такое, Шевченко отвѣчалъ: „да это, если нападетъ на меня тоска, я и начинаю пачкать бумагу". Какъ на пачканіе бумаги смотрѣли на его поэзію и ближайшіе къ нему люди: напр., жившій съ нимъ одно время землякъ и покровитель художникъ Сошенко, которому онъ такъ многимъ былъ обязанъ въ дѣлѣ освобожденія изъ крѣпостного состоянія, когда Шевченко читалъ свои стихотворенія, говорилъ: „отстань со своими ничтожными виршами! Почему не занимаешься настоящимъ дѣломъ!" Самъ поэтъ не разъ искренно удивлялся своему „неугомонному призванію" къ поэтическому творчеству... Въ такихъ условіяхъ неудивительна пропажа рукописей, напр. всѣхъ его первоначальныхъ поэтическихъ опытовъ. Однако, къ 1841-му году уже нашлись люди, оцѣнившіе по достоинству поэзію Шевченка и помогшіе ему въ 1840-мъ году выпустить первое изданіе „Кобзаря". Какъ могло остаться

неизвѣстнымъ стихотвореніе, написанное въ 1841-мъ году (къ этому году, кромѣ значительной части поэмы „Гайдамаки", относятся только „Черниця Марьяна" и „Утоплена")—совершенно непонятно. Но копія стихотворенія, написанная рукою А. Л. Костомаровой, осторожность и щепетильность которой удостовѣряютъ люди близко ее знавшіе, и нахожденіе этой копіи среди оригинальныхъ рукописей Шевченка (между ними имѣется, напр., оригиналъ извѣстнаго стихотворенія, написаннаго въ 1847-мъ году въ казематѣ Петропавловской крѣпости и озаглавленнаго: „Н. И. Костомарову"), не оставляютъ мѣста сомнѣнію въ томъ, что стихотвореніе, дѣйствительно, принадлежитъ перу великаго украинскаго поэта. Самая возможность сомнѣнія устраняется текстомъ стихотворенія, столь явственно Шевченковскаго и по стилю, и по мотиву, и по пользованію матеріаломъ народной пѣсни. Приводимъ его, какъ доселѣ неизвѣстное стихотвореніе Шевченка, сохраняя орѳографію копіи, сдѣланной рукою А. Л. Костомаровой.

Мих. Могилянскій.

Човенъ.

Витеръ зъ гаемъ розмовляе,
Шепче зъ осокою,—
Плыве човенъ по Дунаю
Одинъ за водою.
Плыве човенъ воды повенъ—
Нихто не спинае;
Може-бъ спинивъ рибалонька,
Та ёго не мае.
Гойдаеться сюды—туды,
Ажъ серденько млiе!
Безъ весельця плыве соби,
Куды витеръ вiе...
Выплывъ човенъ въ сине море,
А воно заграло...
Погралися чорни хвили—
Та й скипокъ не стало!

* * *

Недовгій шляхъ, якъ човнови
До синёго моря,
Сиротини на чужину,
А тамъ и до горя:
Пограються добры люде
Якъ холодни хвили,
Поки зхочуть, поки стане
Въ сердешного силы;
Потимъ соби подивлються
Якъ сирота плаче;
Потимъ спытай—дѐ сирота?
—Не чувъ и не бачивъ!

Т. Шевченко.

р. 1841. Спб.

ОППОЗИЦІЯ И ПАРТІЙНОСТЬ
ВЪ ЗЕМСТВѢ

I.

„Правильное и послѣдовательное развитіе всесословнаго представительства въ дѣлахъ мѣстнаго управленія неизбѣжно приведетъ къ народному представительству въ сферѣ управленія центральнаго, а затѣмъ и къ властному участію народа въ законодательствѣ и въ управленіи верховномъ".

Эти слова принадлежатъ извѣстной „конфиденціальной" запискѣ С. Ю. Витте: „Самодержавіе и земство". Ими авторъ записки въ 1899 г. предостерегалъ правительство отъ какого бы то ни было „дальнѣйшаго расширенія" дѣятельности земства. И когда предостереженіе возымѣло свое непосредственное дѣйствіе,—когда былъ уволенъ И. Л. Горемыкинъ и былъ отвергнутъ проектъ закона о введеніи выборнаго земства въ западныхъ губерніяхъ, — оно легло въ основу ближайшей правительственной политики по отношенію къ земскому самоуправленію.

Теперь, когда, хотя еще только формально, но русская государственная жизнь все-таки пришла „къ властному участію народа въ законодательствѣ и въ верховномъ управленіи",—вѣрность словъ С. Ю. Витте не можетъ подлежать сомнѣнію. Даже болѣе: ходъ развитія у насъ конституціонной идеи показалъ, что для ея конечнаго торжества не нужно ни „правильно" поставленнаго, ни „послѣдовательно" расширяемаго „всесословнаго" представительства „въ дѣлахъ мѣстнаго управленія", а достаточно одного факта созданія самостоятельныхъ и самодѣятельныхъ органовъ мѣстнаго внѣ-городского самоуправленія. Ма-

нифестъ 17 октября 1905 г. былъ предрѣшенъ 1 января 1864 г. или, вѣрнѣе, онъ былъ предрѣшенъ освобожденіемъ крестьянъ и другими реформами Александра II, поскольку ими обусловливалась неустранимая необходимость надсословныхъ земскихъ учрежденій.

Было бы, конечно, ошибочно предостереженію С. Ю. Витте придавать значеніе какого-то открытія для правительства. Въ сущности, оно лишь формулировало ту мысль, которая служила руководящей и при пересмотрѣ земскаго положенія, завершенномъ въ 1890 г., и при изъятіи изъ вѣдѣнія земства продовольственнаго дѣла, и при составленіи не введеннаго въ дѣйствіе врачебнаго устава — всего не перечесть. Еще ярче эта мысль выражалась въ безчисленныхъ циркулярахъ и въ софистическихъ толкованіяхъ закона, къ которымъ прибѣгали министры, а нерѣдко и сенатъ, при всѣхъ случаяхъ столкновеній между земскими учрежденіями и органами администраціи. Тѣмъ не менѣе, за предостереженіемъ послѣдовала одна мѣра и предположена была другая—обѣ одинаково рѣшительныя и одинаково имѣвшія цѣлью привить къ земству грибокъ разложенія и привести его къ естественной смерти.

Конституція—„великая ложь нашего времени"; „кто хозяинъ въ странѣ, тотъ долженъ быть хозяиномъ и въ администраціи",—провозглашала та же записка въ дополненіе къ предостереженію. И, слѣдуя этимъ положеніямъ, С. Ю. Витте, совмѣстно съ Д. С. Сипягинымъ, клиномъ вбили въ земскую жизнь „временныя" правила 1900 г. о фиксаціи земскаго обложенія и затѣмъ намѣтили для будущаго институтъ „земскихъ гласныхъ" по назначенію, съ сохраненіемъ для такого „назначеннаго" земства условій дѣятельности земства выборнаго.

Въ представленіи Государственному Совѣту, отъ 22 августа 1901 г., Д. С. Сипягинъ писалъ: „Для министра внутреннихъ дѣлъ представляется неоспоримымъ, что и во внутреннихъ губерніяхъ быстрый переходъ отъ бюрократическаго завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ къ почти вполнѣ самостоятельнымъ выборнымъ учрежденіямъ былъ причиной того, что эти послѣднія не сразу усвоили себѣ предоставленную имъ закономъ роль, и что переходъ этотъ обошелся не безъ нѣкоторыхъ столкновеній"... „Министръ внутреннихъ дѣлъ не можетъ не сослаться на высказанное статсъ-секретаремъ Побѣдоносцевымъ мнѣніе о томъ, что мысль о принципіальномъ преимуществѣ органовъ общественнаго управленія передъ учрежденіями бюрократическими является въ значительной мѣрѣ продуктомъ увлеченія"...

„Для утвердительнаго рѣшенія вопроса о томъ, слѣдуетъ ли ввести земство на окраинахъ или нѣтъ, необходимо доказать, что никакое иное преобразованіе мѣстнаго хозяйственнаго управленія неземскихъ губерній не достигало бы цѣли. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, доказать это въ настоящее время нельзя"... „Въ рукахъ самодержавнаго монарха нѣтъ недостатка въ средствахъ, чтобы привлечь на службу государству лучшія силы страны, съ сохраненіемъ того порядка управленія, который соотвѣтствуетъ политической идеѣ, лежащей въ основѣ самодержавія".

„Проводимое вѣдомствами противоположеніе выборныхъ органовъ органамъ правительственнымъ — писалъ далѣе Д. С. Сипягинъ—не имѣетъ за собой, по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительныхъ основаній и коренится въ явномъ смѣшеніи понятій. При самодержавномъ образѣ нашего правленія, какъ центральное, такъ и мѣстное управленіе имѣетъ одинъ источникъ — волю монарха. Само собою при этомъ разумѣется, что единство и независимость воли монарха не могутъ нарушаться формой, въ коей образованы и дѣйствуютъ тѣ учрежденія, которыя призываются имъ къ задачамъ мѣстнаго подчиненнаго управленія. Будутъ ли то органы, указанные населеніемъ, или же органы бюрократическіе — они въ одинаковой степени черпаютъ свои полномочія отъ воли монарха, и дѣятельность ихъ опредѣляется общими законами или распоряженіями. При такихъ условіяхъ едва ли было бы правильно доказывать, что органамъ, состоящимъ изъ представителей мѣстныхъ интересовъ, избранныхъ самимъ населеніемъ, должно быть предоставлено болѣе правъ, чѣмъ органамъ, въ коихъ такіе представители назначены правительственною властью. Вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ эти представители назначены, это — вопросъ второстепенный"... „Будетъ ли примѣненъ тотъ или иной порядокъ— представляется безразличнымъ. Суть дѣла въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ органы эти съ правовой точки зрѣнія между собой не разнятся и являются одинаково органами правительства, получающими свои полномочія отъ закона и верховной власти" [1]).

Приведенныя выдержки ясно показываютъ, насколько проектъ земскаго управленія въ неземскихъ губерніяхъ шелъ дальше, чѣмъ говорилъ его заголовокъ. Правда, цитированныя общія сужденія и соображенія были эпизодически разбросаны въ объемистомъ представленіи, заключавшемъ въ себѣ свыше четырех-

---

1) Представленіе, стр. 91, 96, 99, 134 и 135.

сотъ страницъ. Но представленіе и не имѣло задачей обосновать замѣну мѣстнаго представительства въ земской Россіи гласными по назначенію. Оно создавало прецедентъ „истинно-русскаго" самоуправленія и какъ бы вскользь только подводило подъ него теоретическій фундаментъ, объявляя выборные органы управленія правительственными учрежденіями, а органы, составленные изъ назначенныхъ гласныхъ — не разнящимися, съ правовой точки зрѣнія, отъ составленныхъ по началу представительства.

Теоріи этой не довелось получить осуществленія. Смерть Д. С. Сипягина, вступленіе во власть В. К. Плеве и побѣда, одержанная новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ надъ всесильнымъ до тѣхъ поръ С. Ю. Витте, отвратили отъ земства готовившійся ему ударъ. В. К. Плеве на все и на всѣхъ смотрѣлъ съ высоты полицейскаго всемогущества. Для него не было ни опасныхъ самодержавію теорій, ни логической неизбѣжности развитія мѣстнаго представительства въ представительство государственное. Для него „всевидящее" полицейское око, „неослабный" надзоръ и кары были совершенно надежными гарантіями противъ всякой теоріи и противъ всякой неизбѣжности. Впередъ онъ не заглядывалъ, а въ возможности подчинить себѣ настоящее не сомнѣвался. Онъ взялъ обратно изъ Государственнаго Совѣта проектъ своего предшественника и замѣнилъ его другимъ, не затрагивавшимъ вопроса о снабженіи учрежденій, „земскихъ" по названію, полномочіями, естественно принадлежащими учрежденіямъ, „земскимъ" по способу образованія. В. К. Плеве боролся съ земской идеей просто: разогналъ статистиковъ, которые вели оцѣночныя работы, устранилъ отъ общественной дѣятельности кн. П. Д. Долгорукова, не утвердилъ Д. Н. Шипова, разгромилъ тверское земство — и вѣроятно еще долго бы дѣйствовалъ въ томъ же направленіи, если бы не война, отвлекшая вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ.

Временныя правила о фиксаціи, получившія утвержденіе 12 іюня 1900 г., были задуманы весьма хитро. Авторы проекта ловко съумѣли прикрыть красотами канцелярскаго слога истинныя цѣли и намѣренія своихъ вдохновителей — С. Ю. Витте и Д. С. Сипягина. Въ объясненіяхъ воздавалась хвала земскимъ учрежденіямъ за ихъ заботы о народномъ образованіи и здравіи и за постоянную готовность увеличивать расходы на удовлетвореніе насущныхъ нуждъ мѣстнаго крестьянскаго населенія. Министры заявляли, что они отнюдь не имѣютъ въ виду ограничивать эту полезную дѣятельность земскихъ учрежденій,—что, на-

противъ, они желаютъ ея расширенія и для этого признаютъ справедливымъ и необходимымъ, чтобы казна оказывала земству широкую денежную помощь. Съ другой стороны, длинными цифровыми выкладками краснорѣчиво доказывалось, что фиксація едва замѣтно отразится на земскомъ хозяйствѣ, и тоже цифровыми выкладками — что временныя правила дѣйствительно будутъ временными, такъ какъ не позже, чѣмъ черезъ четыре года, оцѣночныя работы повсемѣстно будутъ приведены къ окончанію, законъ опредѣлитъ нормы земскаго обложенія, и надобность въ фиксаціи упадетъ сама собой. Эта часть объясненій была даже настолько краснорѣчива, что невольно возникалъ вопросъ: если стѣсненія, налагаемыя правилами о фиксаціи на земство, столь несущественны и если они налагаются на столь короткое время, то стоитъ ли принимать мѣру, которая вызываетъ противъ себя такія единодушныя возраженія?

Составители объясненій этотъ вопросъ обходили молчаніемъ. Они не могли ни ставить его, ни отвѣчать на него. Имъ пришлось бы тогда сказать, что цѣнность правилъ о фиксаціи заключается, во-первыхъ, въ томъ, что они роютъ пропасть между населеніемъ и его избранниками; во-вторыхъ, въ томъ, что въ глазахъ населенія — надъ его избранниками, въ смыслѣ лицъ, отъ которыхъ зависитъ удовлетвореніе потребностей населенія, они ставятъ представителей мѣстной и центральной администраціи, и, въ-третьихъ, въ томъ, что правила подсказываютъ гласнымъ земскихъ собраній, что за счетъ отказа отъ самостоятельности въ опредѣленіи предметовъ и размѣровъ тратъ легко могутъ быть получены средства и на тѣ расходы, производство которыхъ особенно заботитъ земское собраніе.

Далекій отъ какой бы то ни было идеологіи и реальный политикъ въ самомъ элементарномъ пониманіи реализма, С. Ю. Витте — какимъ онъ былъ въ то время, — вѣрно опредѣлилъ, что представляло собою въ 1899 и 1900 гг. наиболѣе слабую и уязвимую сторону дѣятельности земства. И, направивъ удары на эту сторону, онъ разсчитывалъ, что ему безъ труда удастся сломить земскую оппозицію и, не мѣняя нормъ земскаго положенія, обратить земство въ послушный органъ бюрократіи.

Рядъ неурожайныхъ лѣтъ и финансовая система, безжалостно въ теченіе долгаго времени выкачивавшая деньги изъ деревни — на флотъ, на манчжурскія авантюры и на покровительство обрабатывающей промышленности, — ослабили платежныя силы земли — главнаго и почти единственнаго объекта земскаго обложенія. На обремененныхъ выкупными платежами крестьянъ

тяжело ложился каждый лишній рубль. Развитіе же земскаго дѣла требовало непрерывнаго увеличенія обложенія. Къ концу девятидесятыхъ годовъ и дворянское землевладѣніе, не смотря на ростъ арендныхъ цѣнъ, дошло до критическаго положенія. Легкій кредитъ дворянскаго банка, отсрочки и пересрочки успѣли оказать свое дѣйствіе: банковскіе платежи оставляли изъ дохода такъ мало, что всякое увеличеніе земскихъ сборовъ тоже чувствительно отзывалось на владѣльцахъ. Для того, чтобы посѣять рознь между избирателями и представителями населенія и тѣмъ заставить послѣднихъ отказаться отъ сорокалѣтняго земскаго прошлаго—моментъ былъ выбранъ исключительно удобный.

Правилами о фиксаціи бюрократія брала на себя защиту населенія отъ расточительнаго расходованія его средствъ избранными гласными. Населенію практически нужны, конечно, школы, больницы, склады, дороги, а не земская идея. И правила говорили населенію: „все у васъ будетъ, только пусть ваши представители отдадутъ губернаторамъ и министрамъ свое право рѣшать, посильны ли для васъ новые расходы и что̀ именно для васъ нужно". „Ходатайствуйте, просите—говорили правила земскимъ собраніямъ — и вамъ не только раскроется возможность повысить обложеніе свыше трехъ процентовъ, но вамъ будетъ даже дана субсидія или единовременно, или на цѣлый рядъ лѣтъ впередъ".

Успѣхъ правилъ фиксаціи неминуемо убилъ бы конституціонную идею въ земствѣ. Но не смотря на всѣ блага и облегченія сегодняшнихъ затрудненій, которыя сулилъ законъ, онъ успѣха не имѣлъ. Просьбы и ходатайства не посыпались отъ земскихъ собраній къ губернаторамъ и къ министрамъ. Были отдѣльные случаи ходатайствъ и дарованія щедрыхъ субсидій. Въ массѣ же земскія собранія забронировались отъ правительственнаго вмѣшательства разрѣшенными тремя процентами увеличенія обложенія. И населеніе, даже въ лицѣ дворянъ-избирателей, одобрило отношеніе земскихъ дѣятелей къ замыслу С. Ю. Витте: выборы 1903 и 1904 гг. въ большинствѣ губерній сохранили полномочія за земской оппозиціей.

II.

Партій, въ политическомъ смыслѣ понятія, до 1905 г. не могло быть въ нашей общественной жизни. До манифеста 17-го октября у насъ были только политическіе преступники и

не было вовсе политическихъ дѣятелей. Не было политическихъ партій и въ земствѣ. Кое-когда и кое-гдѣ дѣлались попытки создать въ земской средѣ конституціонныя партійныя организаціи. Но всѣ начинанія въ этомъ направленіи быстро пресѣкались. Впрочемъ, если бы и не было внѣшнихъ препятствій, то едва ли партіи съ опредѣленными программами могли бы въ земствѣ сложиться. Какъ общія условія жизни страны, такъ равно условія дѣятельности земскихъ собраній, собирающихся одинъ-много два раза въ годъ,—создавали для того естественныя и неустранимыя внутреннія препятствія.

Не сложились въ земствѣ и единенія на классовой основѣ. Въ тѣ мѣсяцы и дни, когда общественная мысль безудержно поднималась по восходящей революціонной волнѣ и когда въ будущемъ завтрашняго дня рисовалось новое земство,—земство старое, не только по его составу, но по всѣмъ сорокалѣтнимъ традиціямъ и по содержанію сорокалѣтней дѣятельности, было единодушно признано земствомъ сословно-дворянскимъ и классово-землевладѣльческимъ. И реакція, восторжествовавшая въ земствѣ раньше и полнѣе, чѣмъ въ другихъ проявленіяхъ современной общественности, закрѣпила это признаніе. Дѣйствительно, если судить о земствѣ по характеру дѣйствій уѣздныхъ и особенно губернскихъ собраній въ 1906—1908 гг.—по ассигновкамъ на полицейскую охрану помѣщичьихъ усадебъ и т. п.,—то, конечно, нельзя не придти къ выводу, что наше земское самоуправленіе есть организація классовая, въ которой крупно-землевладѣльческій классъ объединенъ классовыми интересами и давитъ всѣ остальные. Но если взять за отправную точку для сужденій не эпизодическое явленіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, а весь ходъ развитія земскаго дѣла, все прошлое земства въ совокупности, то будетъ ясно, что взглядъ революціонной эпохи былъ болѣе данью классовой теоріи, чѣмъ точнымъ установленіемъ факта. Въ этомъ прошломъ были моменты, когда формально классовый характеръ земскаго представительства рѣзко давалъ себя чувствовать: такіе моменты обыкновенно совпадали съ реакціоннымъ поворотомъ въ общественномъ настроеніи. Мало того: изъ 362 земскихъ уѣздовъ и 34 губерній можно назвать отдѣльные уѣзды и, быть можетъ, даже губерніи, дѣятельность которыхъ всегда была окрашена сословно-классовыми тонами. Но то были исключенія. Не эти отдѣльные моменты и не эти отдѣльныя единицы опредѣляютъ общій характеръ веденія земскаго дѣла.

Въ исторіи русскаго земства нашелъ блестящую иллюстрацію психологическій законъ обратнаго дѣйствія. И положеніе 1864 г.

не вполнѣ было свободно отъ сословно-классовой группировки избирателей. Положеніе же 1890 г., дѣйствующее до сихъ поръ, цѣликомъ построено на противоположеніи интересовъ дворянскихъ — крестьянскимъ, и землевладѣльческихъ — торгово-промышленнымъ, и на подчиненіи всѣхъ мѣстныхъ интересовъ интересамъ дворянскаго землевладѣнія. Весь смыслъ положенія сводился и сводится къ тому, чтобы внутри земства сложились классовыя единенія, чтобы гласные земскихъ собраній группировались не по единству политическихъ воззрѣній, а именно по единству интересовъ. Это была руководящая нота „видовъ правительства" въ политикѣ по отношенію къ земству. Цѣлый рядъ частныхъ узаконеній и распоряженій служитъ тому доказательствомъ. Достаточно привести дорожный законъ 1895-го года, освободившій земство отъ крупныхъ обязательныхъ тратъ на содержаніе земскихъ начальниковъ, подъ условіемъ расходованія освобожденныхъ суммъ на дороги, т.-е. на потребность, которая для землевладѣльческаго класса составляетъ одну изъ первыхъ, а для земледѣльческаго, не обезпеченнаго ни школами, ни больницами — одну изъ второстепенныхъ.

Вопреки ученію правовѣрнаго марксизма, все сводящаго къ классовой теоріи и все ею покрывающаго, и вопреки видамъ и намѣреніямъ приказнаго строя, пытавшагося создать условія наиболѣе легкаго властвованія надъ населеніемъ, разбитымъ на сословно-классовыя единенія, — внутренняя группировка въ земствѣ сложилась на началахъ, чуждыхъ классовой борьбѣ и сословной разобщенности. Въ ея основу легло противоположеніе идеи общественнаго служенія, съ одной стороны, и идеи всемогущаго сторонняго управленія — съ другой. Не сразу, конечно, но къ предконституціонному времени вполнѣ опредѣленно въ земствѣ обозначились двѣ группы: первую образовали люди опытомъ на земскомъ дѣлѣ познанной — далеко не всегда отвлеченно сознанной — идеи общественной самодѣятельности; вторую — люди, являющіе собою сложную смѣсь остатковъ крѣпостного права, своеобразно понимаемаго вѣрноподданническаго долга и привитыхъ бюрократической системой привычекъ преклоненія передъ властью.

Дворянскія собранія передали по наслѣдству земскимъ личныя партіи: Ивана Ивановича или Петра Петровича. Все общественное служеніе дворянства, какъ сословія, всегда сводилось у насъ къ производству выборовъ — губернскихъ и уѣздныхъ предводителей, депутатовъ, засѣдателей опеки, а въ дореформенное время и другихъ еще должностныхъ лицъ мѣстной адми-

нистраціи. Естественно было и земству на первыхъ порахъ усвоить такое же воззрѣніе на задачи не только избирательныхъ, но и земскихъ собраній. И насколько медленно проникало въ земскія сферы пониманіе истиннаго смысла земскаго самоуправленія, центральное значеніе въ которомъ принадлежитъ не исполнительнымъ органамъ, а распорядительнымъ — земскимъ собраніямъ,—настолько долго удерживалась группировка гласныхъ по подогрѣтымъ родственными или пріятельскими отношеніями симпатіямъ къ тому или другому кандидату въ предсѣдатели управы. Кое-гдѣ, въ уѣздныхъ медвѣжьихъ углахъ, дальше личныхъ партій развитіе земскихъ единеній такъ и не пошло. Но въ губернскихъ собраніяхъ оно давно оставило позади эту первичную форму общественной группировки.

Измѣненное въ 1890 г. земское положеніе получило примѣненіе почти одновременно съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ. Земскіе начальники—поручики и ротмистры въ запасѣ и дворянскіе сыновья, остававшіеся въ деревняхъ и въ столицахъ не у дѣлъ,—не всѣ пришли во вновь образованныя государства — въ „свои“ участки — съ единственной цѣлью быть властной рукой въ области всякаго рода пресѣченій и подавленій. Весьма многіе изъ нихъ принесли съ собою и положительную идею—точнѣе, искреннее желаніе насадить благополучіе въ „развращенное“, „распущенное“ и „спившееся“ крестьянство. Они принесли съ собою начальственный произволъ, какъ принципъ, какъ единственное вѣрное средство направленія крестьянской жизни къ экономически сильному укладу. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ земскіе начальники встрѣтили отрицательное къ себѣ отношеніе дворянъ-избирателей и принципіально были оставлены за стѣнами земскихъ собраній. Въ громадномъ же большинствѣ—они на выборахъ 1891 и 1892 гг. и также слѣдующаго трехлѣтія были намѣренно (всѣ, имѣвшіе избирательныя права) проведены въ земскіе гласные. Въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ такіе земскіе начальники представили собою компактную группу. А вмѣстѣ съ близкими къ нимъ предводителями дворянства, съ прошедшими черезъ фильтръ губернаторскаго утвержденія предсѣдателями и членами управъ, съ представителями вѣдомствъ и при совмѣстной работѣ съ подчиненными ихъ власти крестьянскими гласными,—они составили группу весьма сильную. Общій тонъ направленія земской дѣятельности чуть было не измѣнился.

Земство первыхъ девятидесятыхъ годовъ, безъ боязни впасть въ грубую ошибку, можно назвать земствомъ благожелательныхъ земскихъ начальниковъ. Особенно характерны для этого

періода ходатайства о полномъ воспрещеніи семейныхъ раздѣловъ, объ усиленіи наказаній за конокрадство и другія однородныя, которыя, однако, принимались собраніями одновременно съ значительнымъ увеличеніемъ ассигнованій на школы и на медицинскую часть. Въ послѣдніе годы дѣйствія положенія 1864 г. ростъ земскихъ расходовъ замѣтно остановился. Въ первые же годы по введеніи новаго положенія расходы—и именно на удовлетвореніе потребностей крестьянскаго населенія — дали такой подъемъ, какого прежде никогда не было. Но въ институтѣ земскихъ начальниковъ гораздо скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, способы дѣйствія вытравили всѣ благія пожеланія. Произволъ, какъ фактъ, растворилъ въ себѣ и поглотилъ всякія стремленія и всякіе принципы. Бывшіе поручики и ротмистры быстро обратились въ чиновниковъ обычнаго типа, заинтересованныхъ въ благосостояніи ввѣренныхъ ихъ попеченію крестьянъ лишь настолько, насколько по благосостоянію, а не по внѣшнему порядку, тотъ или другой губернаторъ оцѣнивалъ ихъ служебное усердіе. Правда, среди земскихъ начальниковъ остались если не идеологи просвѣщеннаго абсолютизма, то, все-таки, люди какой-то идеи. Но число такихъ земскихъ начальниковъ съ каждымъ годомъ падало, и земская группировка скоро вернулась къ прежнему дѣленію на правыхъ и лѣвыхъ земцевъ.

Наши личныя наблюденія относятся къ земской жизни одной изъ передовыхъ земскихъ губерній—тверской. Какъ въ губерніи передовой, здѣсь все въ земскомъ дѣлѣ вылилось въ болѣе законченныя формы, нежели въ другихъ. Естественно, что болѣе ярко, чѣмъ въ большинствѣ, быть можетъ, земскихъ губерній, опредѣлилась здѣсь и группировка земскихъ дѣятелей. Но, вопервыхъ, эта яркость одинаково касается обѣихъ группъ. А вовторыхъ, характеристику всякаго рода общественнаго явленія всегда приходится дѣлать по наиболѣе яркимъ его выраженіямъ. И такая характеристика отнюдь отъ того не дѣлается одностороннею. Суть вопроса—не въ законченности формъ, а въ содержаніи, не въ томъ, что на основаніи наблюденій надъ земской жизнью тверской губерніи можно говорить съ положительностью то, что, въ приложеніи къ другимъ губерніямъ, требовало бы ряда условныхъ оговорокъ,—а въ типичныхъ чертахъ одного общаго явленія.

Первая, основная для земскихъ партій типичная черта раскрывается изъ того, что никто не поставитъ знака равенства между понятіями: „земство" и „земская реакція". Напротивъ, каждый, не обинуясь, установитъ равенство понятій: „земство"

и „земская оппозиція“. И въ глазахъ правительства, и въ глазахъ всѣхъ слоевъ общества, какъ прогрессивныхъ, такъ и реакціонныхъ, „земство“—въ его доконституціонномъ прошломъ—есть земская оппозиція. Земское дѣло—дѣло удовлетворенія потребностей низшихъ классовъ населенія, дѣло культурнаго подъема и воспитанія народа. Земская дѣятельность—если не борьба съ правительствомъ, то противодѣйствіе его „видамъ“. Были большія колебанія въ земскомъ прошломъ, были значительныя различія въ цѣляхъ и въ способахъ веденія земскаго дѣла по губерніямъ и, особенно, по уѣздамъ, нерѣдко даже одной губерніи, были примѣры направленія земской дѣятельности во всемъ согласно „видамъ правительства“,—но на общій вопросъ о существѣ русскаго земства ни откуда нельзя услышать двухъ отвѣтовъ. Слѣдовательно, изъ теченій, боровшихся внутри земства, сила фактическая принадлежала земской оппозиціи — „земской лѣвой“, какъ давно уже принято называть представителей прогрессивнаго теченія въ земствѣ. А какъ необходимая опора фактической силы, ей же, т.-е. „земской лѣвой“, принадлежала и сила идейная. Въ конечномъ выводѣ, роль „земской правой“ была тормозомъ, чуждымъ логическому и потому неизбѣжному развитію заложенной въ земство идеи.

Ни „земская правая“, ни „земская лѣвая“ никогда не имѣли ни партійныхъ программъ, ни формулированныхъ партійныхъ лозунговъ, ни какой-либо партійной организаціи. При выборахъ въ гласные, среди избирателей, и при выборахъ состава управъ, среди гласныхъ,—разъ въ три года,—создавались нѣкоторыя подобія партійныхъ организацій, но по окончаніи выборовъ они сами собой разваливались и исчезали. Земская лѣвая имѣла гораздо бóльшее, чѣмъ всѣ программы, лозунги и организаціи: ее объединяло практическое торжество идеи самоуправленія. За нею стоялъ колоссальный объединяющій фактъ: больницы, школы, склады, врачи, агрономы, учителя и доказанное умѣнье вести дѣло. Передъ нею, лицомъ къ лицу, стоялъ тоже фактъ и тоже объединяющій: систематическое отклоненіе ходатайствъ, губернаторскіе протесты и вся политика циркуляровъ, изъ-за которой слишкомъ ясно чувствовалось, что для ея руководителей реальныя потребности населенія—ничто, сравнительно съ опасностью, что жизнь неудержимо приближаетъ „великую ложь нашего времени“. Отсюда вытекала активность лѣвыхъ земцевъ и ихъ энергія. Они знали, что дѣлаютъ реальное дѣло, они видѣли непосредственный результатъ своей работы, и если не сознавали, то

инстинктивно ощущали исходъ этой работы въ будущемъ—смерть приказнаго строя.

Земская правая имѣла общій классовый интересъ. Но этотъ интересъ былъ у нея общій и съ лѣвой, ибо въ губернскихъ собраніяхъ, которыя одни давали политическую окраску земской дѣятельности, всѣ гласные, за самыми ничтожными исключеніями, были поголовно дворянами и крупными землевладѣльцами. Еслибы правые въ земствѣ имѣли противъ себя людей другихъ классовъ и если бы классовая борьба дѣйствительно была основой нашей мѣстной жизни до освободительной эпохи, то классовый интересъ могъ бы служить для нихъ объединяющимъ началомъ, какъ послужилъ послѣ реакціоннаго поворота въ 1906-мъ году. Но могъ ли классовый интересъ связывать правыхъ земцевъ-дворянъ противъ такихъ же, какъ они сами, и дворянъ, и крупныхъ землевладѣльцевъ? Могъ ли онъ связывать ихъ въ то время, когда они видѣли себя единственно торжествующимъ классомъ? Объединялъ правыхъ земцевъ страхъ передъ начальствомъ, пережитокъ рабской привычки послушанія, боязнь. Но они тоже были людьми непосредственныхъ мѣстныхъ впечатлѣній. Они не могли не сознавать значенія созданнаго земствомъ факта и губительной для населенія политики правительства. Повседневный опытъ говорилъ имъ, что давно доказано то, чего доказательства требовались въ 1901 г. для Д. С. Сипягина: что „никакое преобразованіе мѣстнаго хозяйственнаго управленія", кромѣ какъ на началахъ самоуправленія, не въ силахъ достичь удовлетворенія мѣстныхъ пользъ и нуждъ. Какъ мѣстные люди, они не могли не видѣть всей нелѣпости опротестованія губернаторомъ, подъ предлогомъ явнаго нарушенія интересовъ населенія, ассигновки нѣсколькихъ десятковъ рублей на отопленіе больницы и тенденціозности производившихся время отъ времени, съ очевидно предвзятой мыслью, губернаторскихъ и министерскихъ ревизій.

Внутренняя противорѣчивость положенія не могла не чувствоваться правыми земцами. Поддерживая въ земскихъ собраніяхъ правительственныя тенденціи, они, завѣдомо для себя, вынуждены были разрушать то, чему служили. Отсюда проистекала ихъ пассивность. Ихъ энергіи хватало лишь на боевые моменты и на производство выборовъ. Затѣмъ, особенно когда имъ удавалось провести „свою" управу, они торопливо принимали доклады, дѣлали ассигнованія и разъѣзжались. Преклоненіе передъ властью правые земцы переносили и на исполнительные органы земства. Они всегда были готовы переуступать управамъ полно-

мочія собраній и сводить дѣятельность гласныхъ, не занимающихъ исполнительныхъ должностей, на огульное утвержденіе всѣхъ вносимыхъ управами предположеній. Какъ послѣдствіе пассивнаго отношенія къ земскому дѣлу, характерной общей чертой земской правой было отсутствіе сознанія принятыхъ на себя обязанностей и отвѣтственности. Правые цѣнили полученныя въ силу избранія права, и въ ихъ глазахъ права закрывали возложенныя избраніемъ обязанности. Они всегда и во всемъ считались съ отвѣтственностью передъ государственной властью, и эта отвѣтственность поглощала для нихъ идейную отвѣтственность передъ населеніемъ и передъ совѣстью. Отсюда, въ свою очередь, истекала склонность къ самоограниченію: къ передачѣ школъ — въ духовное вѣдомство, земской агрономіи — въ руки правительственныхъ агрономовъ, земской медицины — въ руки правительственной инспекціи.

Партійныя соотношенія въ земствѣ измѣнялись численно каждые три года. Острота внутренней борьбы то повышалась, то понижалась. Порой борьба вовсе затихала. Это были моменты наибольшаго давленія на земство со стороны центральной и мѣстной администраціи. Когда, напримѣръ, въ сессію 1899 г. тверское губернское собраніе обсуждало 163 протеста губернатора на уѣздныя смѣты и раскладки, въ немъ не было ни лѣвыхъ, ни правыхъ, а было единое земство, ставшее на защиту интересовъ населенія губерніи. Послѣ каждаго такого момента ряды „правыхъ земцевъ“ рѣдѣли. Менѣе—путемъ перехода въ оппозицію, гораздо болѣе—обычнымъ для нихъ путемъ, путемъ „нѣтчества“.

III.

Во второй половинѣ 1904 г. земская идея, въ лицѣ земской оппозиціи, формально побѣдила приказный строй. Призывомъ къ „довѣрію“, раздавшимся изъ устъ князя Святополкъ-Мирскаго, бюрократія объявила себя побѣжденной. Земство отвѣтило извѣстными ноябрьскими резолюціями, во многомъ опредѣлившими дальнѣйшій ходъ событій, которыя меньше, чѣмъ черезъ годъ, дали манифестъ 17 октября.

Прошелъ еще годъ—и земская оппозиція оказалась устраненной отъ земскаго дѣла. Земство, которое пронесло идею общественнаго служенія черезъ условія реакціи восьмидесятыхъ годовъ, черезъ положеніе 1890 г., черезъ правила о фиксаціи,

черезъ эксперименты гр. Д. А. Толстого, Д. С. Сипягина, В. К. Плеве и С. Ю. Витте,—это самое земство оказалось опрокинутымъ движеніемъ къ свободѣ, „къ властному участію народа въ законодательствѣ и въ управленіи верховномъ", когда движеніе охватило весь народъ. Когда было достигнуто то, отъ чего предостерегалъ въ 1899 г. С. Ю. Витте—и именно въ виду идейнаго значенія земства,—земства не стало. Его смѣнила земская реакція. Въ земствѣ, въ этотъ моментъ, нашелъ оплотъ бюрократическій принципъ—съ его охранами, съ его пониманіемъ законности, съ его симпатіями къ правящему классу и съ его боязнью дать права и свободу классамъ обездоленнымъ. Чего не могли сдѣлать десятки лѣтъ политики правительства, то явилось результатомъ освободительнаго движенія.

Конечно, нынѣшнее торжество земской реакціи есть явленіе временное, эпизодическое. Конечно, земская идея такъ жизненна и ея сила такъ велика, что въ концѣ концовъ побѣда останется за нею. Конечно, земская правая, объединенная послушаніемъ начальству, есть политическая группа, отрицающая свое бытіе. Конечно, она не нужна земскому дѣлу, какъ не нужна государству „послушная" Дума,—и потому ея долгое торжество можетъ имѣть одинъ логическій исходъ: упраздненіе земскаго самоуправленія. Конечно, изъятіемъ изъ книжныхъ складовъ „вредныхъ" книгъ, изгнаніемъ „несогласно мыслящихъ" служащихъ, назначеніемъ пособій черносотеннымъ изданіямъ, организаціей въ деревняхъ сыска и вообще борьбой съ крамолой, всяческимъ „искорененіемъ" и разрушеніемъ вести земскаго дѣла нельзя. Конечно, нежизнеспособны губернскія земскія собранія, разваливающіяся черезъ пять-шесть дней послѣ открытія. Конечно, все это свидѣтельствуетъ, что обратный поворотъ въ земствѣ долженъ наступить и скоро наступитъ, ибо и губернаторы уже при открытіи собраній стали дѣлать намеки на тему: „полегче, поменьше усердія". Но фактъ остается фактомъ и заслуживаетъ всесторонняго освѣщенія.

Побѣда земской реакціи на выборахъ 1906 и 1907 гг. обычно объясняется классовымъ испугомъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Въ этомъ несомнѣнно лежитъ главнѣйшая причина. Рядомъ съ нею, однако, есть и другія. И среди нихъ не послѣднее мѣсто занимаетъ рознь на почвѣ партійныхъ дробленій, которая съ поразительной быстротой охватила въ 1905 и 1906 гг. земскую оппозицію. Въ связи съ дробленіемъ, земская оппозиція тогда допустила крупнѣйшую историческую ошибку. Наканунѣ ожидавшейся передачи земскаго дѣла въ руки другихъ элемен-

товъ, она если не сожгла своего прошлаго, то отказалась отъ него и пассивно отошла въ сторону.

Въ ноябрьскихъ совѣщаніяхъ 1904 г. участвовало 104 земскихъ гласныхъ со всей земской Россіи. Подписали резолюціи 103. Только одинъ, ни звука не проронившій во время трехдневныхъ преній, передъ подписаніемъ ушелъ. И такое единство имѣло мѣсто при дачѣ подписей подъ документомъ, ближайшія слѣдствія представленія котораго были, по меньшей мѣрѣ, неизвѣстны. Просматривая теперь эти подписи, среди нихъ можно увидѣть, по нынѣшней партійной номенклатурѣ, и кадетовъ, и октябристовъ, и мирнообновленцевъ, и безпартійныхъ, какъ стоящихъ лѣвѣе кадетовъ, такъ и стоящихъ правѣе октябристовъ.

Совѣщаніе раскололось на большинство и меньшинство по вопросу: должна ли быть дарована конституція по западному образцу, или народному представительству должно быть дано лишь право совѣщательнаго голоса. Но этотъ расколъ, имѣя въ тотъ моментъ теоретическій характеръ, впослѣдствіи практическаго значенія не имѣлъ. Сторонники совѣщательнаго представительства хотя и выпустили въ мартѣ 1905 г. брошюру, въ которой настойчиво проводили свой взглядъ, но послѣ 17 октября немедленно примкнули къ конституціоналистамъ. Д. Н. Шиповъ, Н. А. Хомяковъ и М. А. Стаховичъ, въ качествѣ учредителей „союза 17 октября", подписали ярко конституціонное воззваніе вмѣстѣ съ такими конституціоналистами, какими были гр. П. А. Гейденъ—и раньше, и потомъ до самой смерти—и, тогда, А. И. Гучковъ. Вообще въ земской средѣ рознь создали не принципіальныя разнорѣчія по какимъ-либо опредѣленнымъ вопросамъ, а самое образованіе партій внѣ земства, когда партіи столкнулись съ земской группировкой и покрыли ее собою.

Апрѣльскій, майскій, іюльскій и, отчасти, сентябрьскій съѣзды 1905 г. были съѣздами земскими. По земско-партійному составу—съѣздами земской оппозиціи съ участіемъ отдѣльныхъ немногихъ единицъ изъ земской правой. Уже на съѣздѣ, собравшемся въ сентябрѣ, чувствовалось, что земцы стали подчиняться вліяніямъ намѣчавшихся обще-партійныхъ единеній. Ноябрьскій же съѣздъ 1905 г. въ Москвѣ былъ съѣздомъ не земскимъ, а съѣздомъ если не партійныхъ делегатовъ, то членовъ партій—сформировавшихся или близкихъ къ сформированію. Недаромъ этотъ съѣздъ былъ послѣднимъ. Голосованія производились по партійнымъ предуказаніямъ. Одновременно происходили совѣщанія партій, образовывались партійные комитеты. Надъ съѣздомъ оказались сторонніе для земства руководители. И изъ партій, съ особенной

ясностью изъ партіи конституціонно-демократической, раздались лозунги: обще-политическая роль земства кончена; кончена роль „дворянскаго“ земства и какъ органа мѣстнаго самоуправленія. Обще-политическую роль—говорилось на съѣздѣ съ полной опредѣленностью—принимаютъ на себя конституціонныя образованія, партіи. Роль мѣстныхъ самоуправляющихся организацій никому иному ни минуты не должна принадлежать, кромѣ „новаго“ земства, основаннаго на всеобщемъ, прямомъ и равномъ голосованіи и тоже дѣйствующаго подъ руководствомъ партій.

Эти лозунги земская оппозиція приняла, какъ безспорные. У кого остались въ памяти губернскія земскія собранія сессіи 1905 г., тотъ помнитъ, что это были похороны. „Старое“ земство хоронило себя. Наши впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ, были именно такія. Въ словахъ ораторовъ звучали ноты самобичеванія: „мы“—дворяне, „мы“—землевладѣльческая буржуазія, „мы“ ничего не сдѣлали; если что и сдѣлано въ земствѣ, то не „нами“, а „третьимъ элементомъ“; „мы“ должны отдать дѣло, которое не по праву держимъ въ своихъ рукахъ. Такого вялаго собранія, такихъ вялыхъ коммиссіонныхъ засѣданій никогда въ Твери не бывало. Даже непривычные для земскихъ собраній апплодисменты публики, отвѣчавшей ими на самобичеваніе—и они тоже были какіе-то вялые. Споръ всѣ считали оконченнымъ и старое земство—умершимъ.

А между тѣмъ обстоятельства требовали отъ земской оппозиціи исключительнаго напряженія энергіи. Рядъ ударовъ, которыми крайнія лѣвыя партіи стремились послѣ манифеста „добить“ бюрократію, пришлись, главнымъ образомъ, по земству. Изъ всѣхъ революціонныхъ выступленій и забастовокъ наибольшій успѣхъ естественно имѣла забастовка во всякаго рода платежахъ. Но казна, при системѣ косвенныхъ налоговъ, была мало уязвима для этой забастовки. Люди продолжали курить, пить водку, ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ и, слѣдовательно, продолжали дѣлать главнѣйшіе взносы въ государственное казначейство. Какъ извѣстно, даже деньги, выбранныя изъ сберегательныхъ кассъ, въ значительной части вернулись въ казну, въ видѣ давшаго увеличеніе потребленія водки. Земство же забастовка въ платежахъ поставила въ критическое положеніе. Прямые налоги—почти единственный источникъ земскихъ доходовъ. Крестьяне, дворяне, купцы, правые и лѣвые, союзники и эсъ-деки—эту „забастовку“ всѣ проводили съ одинаковымъ единодушіемъ—перестали вносить земскіе сборы, и земскія кассы оказались безъ копѣйки.

У земства не было денегъ для разсчета съ поставщиками,

для выдачи жалованья служащимъ, для уплаты за медикаменты, за хлѣбъ, за мясо, за дрова. Забастовкѣ не видѣлось конца, петля безвыходности затягивалась все туже; возникалъ вопросъ о неизбѣжной ликвидаціи сложнаго хозяйства, о закрытіи школъ и больницъ. Поставщики объявляли, что прекращаютъ отпускъ продуктовъ для душевно-больныхъ. На нашихъ глазахъ деревенская женщина, взявшая для кормленія грудью подкидыша и не получившая платы за нѣсколько мѣсяцевъ, принесла ребенка и положила на столъ предсѣдателя управы. И въ такое время дѣло оказалось безъ хозяина, безъ энергичнаго вмѣшательства земскихъ собраній, на попеченіи однихъ исполнительныхъ органовъ. Созывавшіяся въ началѣ 1906 г. экстренныя земскія собранія далеко не вездѣ могли состояться, за неприбытіемъ законнаго состава гласныхъ. Гдѣ гласные пріѣзжали въ достаточномъ числѣ, тамъ велись дебаты на общія темы, тамъ спорили кадеты съ эсъ-деками, октябристы съ кадетами, тамъ чуть не съ радостью говорили: „намъ“ населеніе не вѣритъ, потому оно „намъ“ и не платитъ и не будетъ платить...

Въ томъ же настроеніи оставалась земская оппозиція и послѣ роспуска первой Думы. Въ выборахъ 1906-го года многіе давніе гласные „по принципу“ не участвовали. Изъ реакціонныхъ элементовъ, напротивъ, пріѣхали такіе землевладѣльцы, которые никогда на избирательныхъ собраніяхъ не бывали. Съ помощью средней пассивной землевладѣльческой массы, на глазахъ которой земская оппозиція себя хоронила, правые обезпечили себѣ повсемѣстную побѣду...

Оглядываясь на прошлое и оцѣнивая перенесенное пораженіе, нельзя задумываться только надъ тѣмъ, въ чемъ и чѣмъ былъ силенъ побѣдившій. Для побѣжденнаго гораздо важнѣе выяснять, въ чемъ и чѣмъ онъ самъ былъ слабъ. Въ политической борьбѣ, какъ и во всякой, сила одного, прежде всего—въ слабости другого. Не столько совершенства своихъ пушекъ, кораблей, солдатъ обезпечили японцамъ побѣду, сколько несовершенства нашихъ. Не столько талантливость своихъ генераловъ и адмираловъ,— сколько бездарность нашихъ. Не столько своя осторожная предусмотрительность,— сколько наше самомнѣніе. И для того, кто умѣетъ находить и исправлять свои ошибки, пораженіе только тяжело, но не страшно...

В. Кузьминъ-Караваевъ.

КАКЪ РОСЛА МОЯ ВѢРА

Отрывки изъ автобіографіи.

VIII *).

Рядомъ съ этой картиной сейчасъ же воскресаетъ въ памяти другая. Она могла быть на слѣдующій же день за предъидущей, могла быть и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, — онѣ были не единичны, онѣ были обычны, повторялись, чередовались.

Опять вечеръ. Опять мой гувернеръ за рояломъ. Я гдѣ-нибудь если не на диванѣ, то на стулѣ въ гостиной же, но поближе къ колоннамъ, отдѣляющимъ гостиную отъ залы, — сижу и смотрю на моего гувернера. Но вечеръ уже поздній, давно горятъ лампы, и уже наполовину сгорѣли стоящія на роялѣ свѣчи. И мы не одни. Въ залѣ и отецъ, и нѣсколько человѣкъ гостей. Все мужчины. Одна изъ тѣхъ попоекъ, которыя любитъ устраивать отецъ для своихъ друзей послѣ обѣда до глубокой ночи и во всю ночь. На особомъ столѣ въ залѣ стоятъ закуски, вина и водки. Кто чего хочетъ. Гости и у этого стола, и съ налитыми виномъ стаканами ходятъ и разговариваютъ въ залѣ, присаживаются гдѣ вздумается. Только въ гостиную не заходятъ—тамъ имъ дѣлать нечего. И тамъ я одинъ. Бабушка и молодыя тетки ушли наверхъ въ свои комнаты, младшій братъ давно спитъ. Мнѣ не возбраняется оставаться, пока сидитъ здѣсь мой гувернеръ.

Гости ходятъ, пьютъ, говорятъ и спорятъ, наливаютъ опустѣвшіе стаканы, и опять пьютъ, — и поютъ — и хоромъ, и поодиночкѣ.

---

*) См. апрѣль, стр. 582.

Аккомпаніаторомъ—мой гувернеръ. Его втянули въ эти попойки очень скоро. Въ нашемъ домѣ нельзя было не выучиться пить. Мой милый Б., не успѣвшій еще забыть своего студенческаго Burschentum'а, легко поддался приманкѣ стать собутыльникомъ въ отцовской компаніи. Какъ и мой отецъ, совмѣщавшій религіозность и практическую дѣловитость съ кутежами, такъ и Б., при всемъ своемъ идеализмѣ и учености, не могъ устоять передъ налитымъ стаканомъ вина и почти всегда оказывался менѣе выносливымъ, чѣмъ другіе.

Гостей немного, но компанія „теплая". Мѣстная интеллигенція: докторъ, судебный слѣдователь, лѣсничій, бывшій уѣздный судья—театралъ и устроитель любительскихъ спектаклей, мой учитель русскаго языка—„неблагонадежный" студентъ Ю-нъ. Иногда кто-нибудь изъ пріѣзжихъ акцизныхъ, иногда надсмотрщикъ. И почти всегда протопопъ. Нашего приходскаго батюшку приглашеніемъ не удостоиваютъ: онъ въ своемъ родѣ тоже „выпить не дуракъ", но въ этой компаніи не къ масти. Онъ простецъ. А тутъ не только музыка и пѣніе, но и самый оживленный разговоръ „о Байронѣ, присяжныхъ и о матерьяхъ важныхъ". Тутъ отецъ мой возьметъ скрипку — онъ игралъ самоучкой по слуху, — ходитъ по залѣ, заложивъ руки со скрипкой и смычкомъ за спину, и играетъ въ этой неудобной позиціи или „Лучинушку" или „Не бѣлы снѣги". И сейчасъ же, положивъ скрипку, вступитъ въ горячій споръ съ докторомъ о томъ, что еслибы не было безсмертной души, то не было бы смысла въ существованіи и смертнаго тѣла, и не нужны были бы ни водка ни шампанское. Тутъ мой „неблагонадежный" учитель будетъ съ комической серьезностью доказывать тому же доктору, что есть черепа, которые изъ одной кости выточены, и тотъ, спьяну не сразу понявъ шутку, возмутится нелѣпостью,—а потомъ оба вступятъ въ бесѣду съ протопопомъ о сотвореніи міра, и мой учитель будетъ цѣлыми страницами цитировать только-что прочитанную имъ книгу Дарвина. Еще молодой, но уже осанистый протопопъ, съ красивой усмѣшкой въ умныхъ глазахъ и съ милой лукавой улыбкой, согласится:

— Весьма возможно, что, помимо сотвореннаго Богомъ Адама, гдѣ-нибудь и обезьяна въ свое время постепенно дѣлалась человѣкомъ. Не оспариваю. Даже еще и въ наши дни это весьма бы желательно. А вотъ насчетъ безсмертія души, такъ позволяю себѣ вольнодумно мыслить, что если бы таковой не было, не съ кѣмъ бы Господу Богу было на землѣ общеніе имѣть. Тогда и самого Господа Бога для земли не было бы. А безъ

Господа Бога не было бы и міра, — ergo: и безсмертную душу не могъ Господь Богъ не сотворить, хотя бы для того, чтобъ осуществить свое собственное бытіе.

— Ну ужъ и силлогизмъ!—пробурчитъ докторъ.—Настоящій протопоповскій!

Словомъ, въ своемъ родѣ пиръ Эпикура.

А я сижу, замкнувшись въ самого себя, смотрю, слушаю. Мнѣ здѣсь не то чтобы весело — интересно. Мнѣ интересно смотрѣть и на моего гувернера, — и въ то же время какъ-то жутко и больно за него. Втягиваютъ и его въ разговоръ. Онъ уже научился понимать по-русски, улавливаетъ мысль по какому-нибудь отдѣльному слову, дополняетъ воображеніемъ неразобранное, скажетъ свое слово то по-русски, то по-нѣмецки, то, обращаясь къ протопопу, по-латыни, чтобы показать, что онъ понялъ смыслъ разговора; ему поддакнутъ—и разговоръ идетъ дальше. Я вижу, какъ Б. напрягается умственно, чтобы быть участникомъ бесѣды, — а въ концѣ концовъ все-таки опять всѣ берутся за стаканы, протопопъ чокается съ моимъ гувернеромъ, и оба въ одинъ голосъ произносятъ:

— In vino veritas!

Мой гувернеръ съ протопопомъ скоро стали пріятелями. Протопопъ могъ съ грѣхомъ пополамъ говорить и по-нѣмецки, а дополняя свою бесѣду латинскими и греческими изреченіями, они иногда могли и по часу бесѣдовать другъ съ другомъ самымъ серьезнымъ образомъ. На попойкахъ мой гувернеръ, желая быть любезнымъ, обыкновенно послѣ чоканья и питья говорилъ:

— Ну, батюшка, поемъ!—и бралъ протопопа подъ руку и велъ его къ роялю.

Нотъ пѣсенъ и романсовъ отецъ выписывалъ безъ конца. Но были любимыя для всѣхъ. Онѣ были любимыя и для меня. У меня дрожь по тѣлу пробѣгала, когда, бывало, протопопъ скажетъ Б. только одно слово: — „Бородушку“ или „Морозецъ“.

У протопопа былъ дивный басъ — мягкій, бархатный, необычайной силы. Да еще крышку у рояля поднимутъ, чтобы струны откликались. И мой Б. съ любовью смотрѣлъ на красивое лицо протопопа, когда тотъ вставалъ у рояля и слегка поглаживалъ свою небольшую русую бородку, точно это была и въ самомъ дѣлѣ борода богатыря. Протопопъ былъ лысый, но это какъ-то необычайно шло къ нему.

Какъ, бывало, услышишь:

„Борода ль моя, бородушка,
Борода ль моя, бобровая!..
Посѣдѣла ты, бородушка“...

—оглянешься—все притихло въ залѣ, и только-что сейчасъ улыбавшееся лицо протопопа стало какимъ-то могуче-печальнымъ, такимъ же грустнымъ, какъ и его могучій голосъ. У меня тогда была хорошая книга рисунковъ по зоологіи, и когда протопопъ пѣлъ эти слова, мнѣ всегда почему-то представлялся левъ, стонущій въ пустынѣ.

И, затаивъ дыханіе, я слушаю:

„...Поведешь, бывало, гаркнувши,
Усомъ чернымъ, молодецкимъ—
Красна дѣвица огнемъ горитъ“...

Смотришь на пѣвца и вѣришь этой похвальбѣ, всей душой вѣришь: да, было это!

И всѣ должно-быть вѣрили. Ему—протопопу—вѣрили. Кончитъ, и уже кто-нибудь сейчасъ же проситъ:

— А. В., голубчикъ—„Морозецъ“!

И дивный басъ протопопа уже въ первомъ часу ночи оглашаетъ большую залу нашего дома:

„...При тебѣ, морозецъ,
Вспомнишь про старинку,
Какъ, бывало, съ нею
На летучихъ санкахъ
Мы стрѣлою мчимся“.

И не только вѣришь, что *съ нимъ* это было — *самому* хочется того же.

Я въ этой пѣснѣ чувствовалъ не только красоту ея, не только дорогую мнѣ удаль: мнѣ любо было слышать ее изъ устъ этого человѣка въ шелковой рясѣ и съ золотымъ крестомъ на шеѣ. Во мнѣ шевелится бѣсенокъ, и я думаю: „небось, наверхъ и къ тетушкѣ Марьякольнѣ донеслось—проснулась, поди-ка, да крестится“.

За „Морозцемъ“ идетъ еще какая-нибудь пѣсня, и еще, и еще. Перепѣть протопопа никто бы не смогъ. Перепить могъ только мой отецъ, остальные не выдерживали.

Смолкнетъ пѣніе, и опять завяжется какой-нибудь разговоръ. Говорятъ о послѣдней книжкѣ „Современника“, о статьѣ Писарева въ „Русскомъ Словѣ“, о новомъ стихотвореніи Некрасова. Разговоръ чѣмъ оживленнѣе, тѣмъ недоступнѣе моему гувернеру, и онъ прощается. Мы уходимъ спать, компанія остается.

Уходя, я вдругъ еще улавливаю по пути отрывокъ какого-нибудь „философскаго" діалога, — напримѣръ, моего учителя Ю-на съ протопопомъ.

— Васъ гдѣ похоронятъ, какъ умрете? — съ иронической улыбкой, но совсѣмъ дружески спрашиваетъ Ю-нъ протопопа.— Въ церкви, поди-ка, подъ чугунными плитами?

Протопопъ, уже готовясь отразить какую-нибудь шутку завѣдомаго зубоскала, улыбается и, пытливо вглядываясь въ лицо вопрошающаго, съ достоинствомъ отвѣчаетъ низкими нотами:

— По всей вѣроятности. Къ алтарю поближе.

— А жаль — не на кладбищѣ, — съ усмѣшкой, какъ бы вскользь бросаетъ Ю-нъ.

— Почему такое? — съ философскимъ спокойствіемъ благодушно спрашиваетъ протопопъ.

Ю-нъ на мгновеніе ласкаетъ взглядомъ внушительную фигуру протопопа съ головы до ногъ. И произноситъ тономъ сожалѣнія:

— Какой бы изъ васъ прекрасный лопухъ выросъ!

Слова Ю-на рѣзнули мой слухъ, я недружелюбно оглядываюсь на него. Но Б. въ дверяхъ немножко качнулся въ сторону, я долженъ поддержать его, и мы уже выходимъ изъ залы. Я только слышу еще позади себя короткій смѣшокъ Ю-на:

— Хо-хо!

Когда мой гувернеръ, бывало, осовѣетъ, мнѣ было немножко забавно смотрѣть на него. Но это состояніе опьянѣнія не унижало его въ моихъ глазахъ. Вѣдь и Вакхъ былъ богъ. Но мнѣ не надо было обращаться къ классической миѳологіи, чтобы съ трезвымъ дружелюбіемъ смотрѣть на пьянаго человѣка. Нашъ барскій домъ былъ при винокуренномъ заводѣ, и дѣло отца было винное. Всѣ торговыя помѣщенія были тутъ же на дворѣ, и если на дворѣ не было кабака, то встрѣча съ пьянымъ человѣкомъ въ нашихъ мѣстахъ и при нашемъ дѣлѣ была вообще явленіемъ обычнымъ. Переходъ отъ трезваго состоянія къ нетрезвому и, обратно, вытрезвленіе казались всѣмъ намъ такимъ естественнымъ явленіемъ, какъ переходъ отъ серьезности къ веселью, отъ веселья къ унынію, отъ бодрости къ сонливости, отъ сна къ работѣ. Да и большія, очень большія дозы нужны были для этихъ людей, чтобы хоть чуть-чуть затуманить ихъ мыслительныя способности. Пьяный угаръ являлся и проходилъ, и никто какъ будто и не замѣчалъ этого, никто съ особеннымъ вниманіемъ не останавливался на томъ, что вчера всѣ выпили черезъ мѣру: всякій зналъ, что сегодня будетъ дѣлать съ пол-

нымъ напряженіемъ силъ трезвое дѣло, а завтра выпьетъ можетъ-быть больше, чѣмъ вчера.

Рѣдко-рѣдко это олимпійское отношеніе къ „торжеству Вакха" нарушитъ какой-нибудь вновь поступившій бондарь или подвальный рабочій, по неопытности хвативъ втихомолку отъ подвальнаго слишкомъ большую дозу вкуснаго крѣпкаго спирта: глядишь, — черезъ четверть часа лежитъ съ багровымъ, почти темно-синимъ лицомъ мертвецъ. Посмотримъ, поохаемъ—и забудемъ. И это—дѣло бывалое, не новое. Тетушка Марья Яковлевна скажетъ:—„Еще одна душа безъ покаянія въ адъ пошла",—а я только подумаю:—„За что?"

Въ отцовскихъ попойкахъ никогда не было пристрастія собственно къ вину. Одинъ, безъ гостей, отецъ никогда не пилъ больше одной рюмки передъ обѣдомъ. Б. говорилъ отцу и его гостямъ, что на ихъ вечерахъ Вакхъ является только предшественникомъ Аполлона Музагета съ его любимыми музами. Можетъ-быть поэтому и отецъ никогда не мѣшалъ мнѣ оставаться въ ихъ компаніи: сочувственно смотрѣлъ на это и гувернеръ. Изрѣдка, если пили шампанское, отецъ давалъ стаканчикъ и мнѣ. Но меня занимала только ихъ бесѣда, къ вину не тянуло. Лишь однажды меня на пикникѣ, въ поѣздкѣ на катерѣ, такъ напоили, что, по возвращеніи, рабочій-гребецъ принесъ меня отъ берега къ дому на рукахъ спящимъ, и я уже не помню, какъ проснулся въ своей постели. Обыкновенно же вопросъ о „питьѣ" какъ-то проходилъ мимо моихъ глазъ и ушей. Попойки старшихъ казались мнѣ лишь проявленіемъ той мальчишеской удали, которую я, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, могъ проявлять въ другихъ формахъ, несвойственныхъ старшимъ, какъ и мнѣ была несвойственна въ то время выпивка.

Когда мы, оставивъ отцовскую компанію продолжать кутежъ, возвращались съ Б. въ свои комнаты, онъ—если еще не сразу засыпалъ—любилъ иногда вспомнить о своихъ студенческихъ похожденіяхъ и о своихъ кутежахъ, когда былъ вольноопредѣляющимся. Въ разсказахъ всегда фигурировалъ какой-то его легендарный пріятель—Хофмейстеръ. И я любилъ слушать эти разсказы: отъ нихъ вѣяло удалью, той свѣтлой удалью, которая совмѣщалась съ Redlichkeit.

Но утромъ мой гувернеръ вскакивалъ въ обычное время, будилъ насъ, мы серьезно занимались нашими уроками, а потомъ Б. начиналъ разспрашивать о томъ, что̀ я слышалъ интереснаго во вчерашнемъ разговорѣ и что̀ ускользнуло отъ его пониманія. Память у меня была въ дѣтствѣ феноменальная, и

я могъ легко воспроизводить бо̀льшую часть изъ того, чѣмъ вчера былъ заинтересованъ.

Это было тѣмъ легче, что многое, о чемъ говорили старшіе, я и самъ уже раньше успѣвалъ прочесть въ книжкахъ и журналахъ, которые лежали на столѣ въ комнатахъ отца и съ каждымъ мѣсяцемъ росли тамъ, какъ грибы. Получались „Современникъ“ и „Русское Слово“, и „Отечественныя Записки“, и „Русскій Вѣстникъ“, и „Библіотека для Чтенія“, получались разныя газеты, получалась „Искра“. Иногда отецъ обмѣнивался журналами и книгами съ пріятелями. Заговорятъ ли въ журналахъ о какой-нибудь новой книгѣ, она сейчасъ же появляется у насъ: прошумѣлъ Дарвинъ—давай „Происхожденіе видовъ“; за Дарвиномъ появились Льюисъ и Молешоттъ; заговорили о Боклѣ — выписывается „Исторія цивилизаціи Англіи“. Библіотека постоянно пополнялась не только новѣйшими, но и старыми книгами. А когда эти книги получаются съ почты, онѣ естественно привлекаютъ бо̀льшее вниманіе, чѣмъ еслибы ихъ нужно было взять съ полки книжнаго шкафа. И я теперь уже часто забывалъ и уженье рыбы, и верховую ѣзду, и катанье на конькахъ ради того, чтобы цѣлыми часами читать и перелистывать то „Космосъ“ Гумбольдта, то „Исторію Англіи“ Маколея, то чтобы выучить наизусть поэму Некрасова или монологъ Гамлета по Полевому, то чтобъ уяснить себѣ смыслъ какой-нибудь загадочной каррикатуры въ „Искрѣ“.

И когда объ этихъ вещахъ идутъ разговоры въ дружеской компаніи моего отца, все это для меня—*мое*, интересующее, трогающее меня. Это и вопросы эстетики, искусства, нравственности, и вопросы общественные, и опять и опять вопросы религіозные. Эпоха освобожденія личности отъ общественнаго гнета была эпохой освобожденія реализма отъ мистики, освобожденія и отъ вѣры въ Бога,—и естественно, что эти вопросы у насъ не сходили съ очереди.

Отецъ являлся элементомъ консервативнымъ и, какъ мнѣ уже и тогда казалось, болѣе консервативнымъ, чѣмъ нашъ милый протопопъ. Но этотъ консерватизмъ былъ такого хорошаго сорта! Онъ самъ по себѣ былъ *свободой*. Я помню, отецъ часто повторялъ съ особеннымъ сочувствіемъ некрасовскій стихъ:

„Что̀ ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ ему сверху и ляжетъ“,—

повторялъ, какъ бы желая этимъ сказать: „я не таковъ“. Онъ не отвергалъ ни одной новѣйшей книжки, ни одной новѣйшей

мысли, но не воспринималъ ихъ безъ критики. Онъ не хотѣлъ *подчиниться* хотя бы самому высокому чужому уму. Свою собственную вѣротерпимость, въ широкомъ смыслѣ—мыслетерпимость,—онъ бралъ какъ оружіе въ борьбѣ съ наступавшимъ на него полчищемъ всякихъ новыхъ вѣяній и мыслей, и эту вѣротерпимость противопоставлялъ стремительности тогдашнихъ разрушительныхъ направленій. Ею онъ защищалъ вѣрованія, сложившіяся вѣками, вѣрованія, служившія устоями духовной жизни народа, служившія, какъ онъ говорилъ, этому народу опорой въ трудныя минуты и личной, и государственной жизни. Отецъ не стремился бороться съ духомъ времени, тоже какъ бы, посвоему, памятуя некрасовскій стихъ: „Сѣетъ онъ все-таки доброе сѣмя!“ Не мечтая ничего повернуть вспять ни внѣшними, ни духовными мѣрами, отецъ только горячо отстаивалъ свою личную свободу, свободу *своей* совѣсти, свое право не быть рабомъ другихъ, жить той духовной жизнью, какая была ему по душѣ. И онъ отстаивалъ эту свободу не только для себя, но и для всѣхъ, кто могъ одинаково мыслить съ нимъ или мыслить посвоему.

Разсматривая теперь въ перспективѣ времени все тогдашнее, припоминая и мои позднѣйшія сужденія объ этомъ, я нахожу разныя объясненія той непослѣдовательности отца, которая выражалась въ противорѣчіи его жажды просвѣщенія съ твердостью его религіозныхъ вѣрованій. И въ ряду этихъ объясненій я готовъ поставить на первое мѣсто одно обстоятельство, которое, быть-можетъ помимо воли отца, налагало на него узду въ его порывахъ къ освобожденію себя отъ строгаго соблюденія обрядовъ. Вѣру свою онъ принималъ во всемъ ея объемѣ, не считая себя въ правѣ быть реформаторомъ, хотя бы для самого себя, хотя бы въ частностяхъ.

Обстоятельство, о которомъ я сейчасъ сказалъ, отецъ называлъ случившимся съ нимъ *чудомъ*.

Онъ разсказывалъ это такъ. Когда-то давно, еще въ его молодые годы, ему пришлось переправляться въ разливъ на паромѣ черезъ рѣку, не помню гдѣ-то,—не то на Сѣверной Двинѣ, не то на Ветлугѣ, гдѣ онъ тогда жилъ. Паромъ былъ переполненъ людьми, лошадьми, телѣгами. Не успѣли отчалить отъ берега, какъ поднялся вѣтеръ, паромъ закачало, весла гребцовъ не всегда попадали въ воду, руль не слушался рулевого. Лошади на паромѣ начали биться въ безпокойствѣ, бабы завыли, мужики упали на колѣни и взмолились Господу Богу о спасеніи. Волны нѣтъ-нѣтъ захлестывали и за бортъ глубоко осѣвшаго, перегруженнаго па-

рома. Сознаніе опасности охватило и отца, сознаніе, что спасеніе—лишь въ надеждѣ на Бога. Болѣе мужественный, чѣмъ другіе, онъ и въ минуту панической молитвы не растерялся. На немъ былъ небольшой натѣльный образокъ вмѣсто креста. Онъ вынулъ его изъ-за ворота рубашки, поднялъ высоко надъ головой, повернувъ его ликомъ противъ вѣтра. И обратился ко всѣмъ, бывшимъ на паромѣ, со словами:

— Молитесь Николаю Чудотворцу!

И всѣ стоявшіе уже на колѣняхъ обратили лицо свое къ маленькой иконѣ и въ одинъ голосъ стали молиться Угоднику. Опустился на колѣни и отецъ. Не прошло двухъ-трехъ минутъ, вѣтеръ сразу упалъ, точно шквалъ пролетѣлъ мимо, волненіе стихло. И съ радостными лицами люди, поднимаясь съ колѣнъ, стали прикладываться одинъ за другимъ къ маленькой иконѣ въ рукахъ отца. Паромъ благополучно присталъ къ берегу, хотя и ниже обычной пристани.

Что думалъ отецъ въ то время, какіе слѣды оставило въ душѣ его это „чудо"—не знаю, но, очевидно, вся религіозность его жизни была въ связи съ этимъ, потому что никому онъ и потомъ такъ усердно не молился, какъ Николаю Чудотворцу. Этотъ маленькій кипарисовый образокъ былъ впослѣдствіи вдѣланъ, осыпанный бриллiантами, въ большую икону съ изображеніемъ житія и чудесъ Святителя Миръ Ликійскихъ. Въ золоченомъ кіотѣ висѣла эта икона у отца въ спальнѣ. Изображеніе Николая Чудотворца висѣло у насъ и въ другихъ комнатахъ. И ни Чернышевскій, ни Писаревъ, ни Дарвинъ, ни Фейербахъ, ни Бюхнеръ не могли бы поколебать вѣру отца въ эту икону и во все то Священное Писаніе и Священное Преданіе, изъ которыхъ вытекала ея святость. Отецъ мой былъ честный, стойкій человѣкъ: не могъ же онъ отречься отъ Чудотворца, котораго онъ самъ видѣлъ своимъ незримымъ спасителемъ.

Теперь я къ религіознымъ вѣрованіямъ моего отца могу относиться съ такимъ же теплымъ чувствомъ, какое было у меня къ нему въ раннемъ дѣтствѣ. Но въ тотъ періодъ „бури и натиска", который я, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, переживалъ въ половинѣ 60-хъ годовъ, меня не трогала—меня начинала раздражать его слѣпая вѣра въ то, что Богъ за его молитву поможетъ ему въ томъ или другомъ дѣлѣ. Для меня уже чудесъ не было. Ни привидѣнія на чердакѣ, ни наяды, ни дріады мнѣ вѣдь не являлись! Правда, въ моей душѣ былъ Богъ, тотъ свѣтлый невѣдомый Богъ красоты и правды, служителемъ котораго—служителемъ никѣмъ нерукоположеннымъ, свободнымъ про-

повѣдникомъ—былъ для меня мой гувернеръ. Но это былъ Богъ безъ культа, Богъ, не требующій моленій. Во имя этого Невѣдомаго Бога я тогда еще готовъ былъ возстать на многое и изъ того, что мнѣ казалось такимъ убѣдительнымъ и значительнымъ и въ новыхъ книжкахъ, и въ рѣчахъ споровшихъ съ отцомъ его пріятелей. И если мой гувернеръ объяснялъ мнѣ по-своему то, что я передавалъ ему, какъ вновь открытую мною реалистскую истину изъ вчерашняго „пира Эпикура", я чаще всего становился на его идеалистическую точку зрѣнія.

Но дѣлиться съ нимъ приходилось не всѣми же мыслями и чувствами, которыя я переживалъ, проводя иногда цѣлые вечера въ молчаніи въ кружкѣ старшихъ. Я молчу, я не принимаю участія въ ихъ разговорѣ; но я воспринимаю своимъ юнымъ умомъ все, что говорятъ они, и уже не только то, о *чемъ* они говорятъ, но и *какъ*—какъ они понимаютъ прочитанное и какъ понимаютъ другъ друга. Я уже судилъ ихъ всѣхъ по-своему и для себя. Судилъ и отца, и гувернера, и учителя, и протопопа, и всѣхъ прочихъ. Въ моемъ умѣ возникали уже противорѣчія не только религіознаго, но и чисто житейскаго характера. Я не могъ не сравнивать протопопа—ученаго богослова, казавшагося мнѣ невѣрующимъ — съ такимъ же богословомъ-теологомъ — моимъ гувернеромъ. Я спрашивалъ себя: почему этотъ русскій богословъ носитъ рясу, которую, очевидно, охотно промѣнялъ бы на какой-нибудь вицъ-мундиръ, если бы представился удобный случай, — а вотъ этотъ нѣмецъ уѣхалъ въ нашу трущобу, чтобы не идти на компромиссъ? Я не помню, въ чемъ заключались задушевныя бесѣды протопопа съ гувернеромъ, но знаю, что общимъ фономъ бесѣдъ было страданіе отъ противорѣчій жизни съ идеалами. Тотъ и другой, не находя выхода, готовы были топить это страданіе въ винѣ.

И вотъ, и я самъ уже начиналъ испытывать если не страданіе, то все же непріятное, жуткое чувство отъ сознанія, что мой отецъ, котораго я любилъ за его стойкость въ убѣжденіяхъ, давалъ мнѣ иногда поводъ для сомнѣній и противорѣчій. Я спрашивалъ себя: почему отецъ не приглашаетъ, какъ обычнаго гостя, нашего приходскаго священника, а приглашаетъ протопопа? Что онъ, какъ прихожанинъ, ходитъ въ нашу приходскую церковь—это понятно: не хочетъ обидѣть своего попа. Но почему именно нашъ попъ, человѣкъ мало развитой и ограниченный и въ сужденіяхъ, и въ своемъ богословскомъ образованіи, является *духовникомъ* отца и всей нашей семьи? Почему не протопопъ? Мнѣ сдается, что и отцу и всѣмъ нашимъ ка-

жется, что нашъ попъ ближе къ Богу, какъ молельщикъ о грѣхахъ нашихъ, что молитва его къ Богу доходнѣе, а близость протопопа къ Богу для всѣхъ какъ будто сомнительна. Но почему именно милый всѣмъ намъ пѣвецъ „Бородушки“ считается и протопопомъ, и настоятелемъ собора, а нашему священнику данъ только незначительный приходъ нашей скромной церкви? Я былъ увѣренъ, что начитанность протопопа въ Священномъ Писаніи была едва ли значительнѣе начитанности тетушки Марьи Яковлевны, и что всѣ его преимущества были въ нѣкоей другой учености, болѣе свѣтской или, быть-можетъ, болѣе философской. Во всѣхъ спорахъ въ компаніи отца я что-то не замѣчалъ, чтобы протопопъ часто пользовался цитатами изъ Священнаго Писанія. А отецъ любилъ протопопа, съ нимъ считался, на него нерѣдко ссылался.

Разъ мнѣ какъ-то захотѣлось, наконецъ, уяснить себѣ разницу положеній этихъ двухъ священнослужителей и по отношенію къ мірянамъ, и по отношенію къ Богу. Я спросилъ объ этомъ отца. Мой вопросъ видимо поставилъ его въ нѣкоторое замѣшательство; отвѣтъ его показался мнѣ уклончивымъ и разочаровалъ меня. Онъ, видимо, хотѣлъ возвысить въ моихъ глазахъ нашего священника и сослался на слова проповѣди Христовой: „Блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть Царство Небесное“. И сталъ говорить мнѣ о смиреніи.

Мое смиреніе выразилось въ эту минуту въ томъ, что я не посмѣлъ задать отцу вопросовъ, какіе были на умѣ—не посмѣлъ не изъ страха передъ нимъ, а изъ жалости къ нему, потому что въ моей душѣ я уже рѣшилъ тогда, что онъ не можетъ дать мнѣ на нихъ удовлетворительнаго отвѣта.

И я не допытывался дальше. Но мысленно я говорилъ отцу: „Нищіе духомъ!.. Но вѣдь нищія духомъ и тетушка Марьякольна, и Митревна. Отчего же и вы, и вашъ протопопъ не идете въ это Небесное Царство тѣмъ ближайшимъ путемъ, какимъ идутъ туда онѣ, и куда я ни за что не хочу—ни съ ними, ни съ вами? Отчего вы не хотите быть нищимъ ни въ жизни внѣшней, ни въ духовной? Отчего вы, богобоязненный, ведете вашу „раздольную“ жизнь? Вы работаете, считаетесь умнымъ человѣкомъ, вы считаетесь честнымъ и безупречнымъ, но это не мѣшаетъ вамъ желать честнымъ образомъ увеличить ваше богатство. Вы не хотите быть нищимъ духомъ: вы читаете и говорите, вы слушаете и спорите,—все, видимо, стараясь только о томъ, чтобы *обогатить* себя бо́льшими и бо́льшими знаніями. Я вижу, что у насъ и во всей окружающей насъ средѣ относятся къ богат-

ству этихъ знаній съ такимъ же уваженіемъ, какъ къ богатству денежному. Даже еще больше. Вы говорите: „учись, будь уменъ, будешь и богатъ“. И протопопъ не хочетъ дружить съ нашимъ благочестивымъ приходскимъ попомъ, они чужіе — а вотъ мой невѣрующій нѣмецъ-гувернеръ ему близокъ. Объясните мнѣ это.“

Я почему-то былъ глубоко убѣжденъ, что эти мои вопросы причинили бы отцу душевную боль, а я не хочу этого. И я промолчалъ. Но мнѣ становилось стыдно за мое малодушіе, мнѣ казалось, что моимъ молчаніемъ я измѣняю самому себѣ, отказываюсь быть правдивымъ.

И я хочу найти разъясненіе этихъ вопросовъ у моего гувернера. И не нахожу. Ему они не причиняютъ боли, но отвѣты его остаются неопредѣленными, уклончивыми. Опять все то же: — „Надо имѣть терпимость къ чужимъ вѣрованіямъ. Неясное религіозное чувство такъ же присуще человѣку, какъ и жажда положительныхъ знаній. „Все существующее — разумно“. Во всѣ вѣка, всѣ народы міра имѣли свои религіи, которыя другимъ народамъ казались заблужденіями. Будь деликатенъ — не заглядывай въ душу другого“.

Но я уже чувствую разочарованіе въ этой безплодной терпимости, въ этомъ дрябломъ уваженіи къ чужимъ вѣрованіямъ и мнѣніямъ, когда они мнѣ самому кажутся неясными, нелогичными, иногда прямо нелѣпыми.

Мнѣ нужна во что бы то ни стало точка опоры въ этихъ моихъ шатаніяхъ, — и я пойду искать ее въ другихъ мнѣніяхъ, у другихъ людей, тамъ, гдѣ мнѣ кажется больше устойчивости и больше суровой правды. Да, хотя и суровой, менѣе возвышенной, но правды, не оставляющей ни сомнѣній, ни противорѣчій.

И гдѣ же ближе искать мнѣ эту точку опоры, какъ не у моего „нигилиста“-учителя, Ю — на? Вѣдь онъ былъ въ это время не только моимъ учителемъ, онъ былъ и другомъ моего гувернера: уже и на Б. вліяли иногда его безапелляціонные приговоры, его авторитетныя сужденія, опиравшіяся на модные авторитеты современной науки.

Ю-нъ — фигура могучая. Росту выше средняго, силы непомѣрной. Любитъ похвастать ею: засучитъ рукавъ и показываетъ ширину своихъ локтевыхъ мускуловъ. И лицо у него большое. Цвѣтъ кожи бѣлый, съ хорошимъ нѣжнымъ румянцемъ, а широкій и высокій лобъ кажется еще бѣлѣе отъ темно-рыжихъ гладко причесанныхъ волосъ. Рѣденькая рыжая бородка и маленькіе усики обнажаютъ большія, тонкія, красиво-очерченныя губы. И

носъ довольно большой, острый, не горбатый. Умные сѣрые глаза подъ рѣдкими бровями свѣтятся веселой насмѣшкой. Одѣтъ всегда довольно небрежно, въ пиджакѣ не по его росту. Галстухъ завязанъ каждый день какимъ-нибудь новымъ невозможнымъ узломъ — только бы отдѣлаться! У Ю-на прекрасный баритонъ, онъ не прочь бы и попѣть, да съ протопопомъ состязаться не смѣетъ — жажда первенства заѣдаетъ. Говоритъ всегда громко, смѣло, за словомъ въ карманъ не лѣзетъ. Никакихъ возраженій не боится, а и проврется — не испугается. Въ его смѣхѣ никогда не слышно „хе-хе“ и „хи-хи“, — а всегда полновѣсное „ха-ха! хо-хо!“ Ну, какъ его не послушаешь, когда онъ съ незыблемымъ убѣжденіемъ начинаетъ утверждать, что „все, чего ты не видишь, не осязаешь руками, чего не понимаешь — все это чепуха и ничего этого нѣтъ“. Я не помню, на какомъ онъ былъ факультетѣ и съ какого курса долженъ былъ удалиться изъ университета. Судя по наружности, ему было лѣтъ двадцать-пять, и онъ должно-быть былъ изъ кончающихъ, когда по „независящимъ обстоятельствамъ“ долженъ былъ промѣнять университетскую науку на „вольное изученіе“ и пропаганду естественныхъ наукъ по рецепту Писарева. Когда онъ говорилъ, въ компаніи ли отца, или съ кѣмъ бы то ни было, онъ, казалось, не допускалъ и мысли, что кто-нибудь можетъ возразить ему что-нибудь дѣльное, что-нибудь такое, что̀ могло бы заставить его задуматься.

Его авторитетность увлекала и меня.

Но отъ моего вниманія, изощреннаго постояннымъ прислушиваніемъ къ спорящимъ, безъ участія въ ихъ спорѣ, не ускользало, что, авторитетный въ своихъ сужденіяхъ по отношенію къ окружающимъ, Ю-нъ какъ-то никогда не возражалъ противъ того, что̀ было напечатано въ новѣйшихъ статьяхъ и книжкахъ. Съ возраженіями этого рода выступалъ большею частью мой отецъ. Не мнѣ было спорить о чемъ бы то ни было съ Ю., — я могъ только подчиняться его вліянію; но въ душѣ у меня просыпалось иногда такое же чувство желанія отстаивать свою свободу мыслить по-своему, какое я всегда любилъ замѣчать въ моемъ отцѣ. И, давая этому чувству удовлетвореніе, я рѣшался иногда возражать Ю-ну.

Помню, по поводу его словъ протопопу о лопухѣ, я не утерпѣлъ и на другой же день за урокомъ сказалъ Ю-ну:

— Зачѣмъ вы вчера протопопа обидѣли? Нехорошо.

Онъ расхохотался своимъ обычнымъ „хо-хо!“ и сказалъ:

— Протопопа-то обидѣть!.. А ты знаешь, что онъ мнѣ сказалъ?

— Ну?

— „Конечно,—говоритъ,—жаль! Но лопухи вѣдь и такъ изъ земли растутъ. А вотъ, говоритъ, изъ васъ съ Базаровымъ все равно ничего не выростетъ. Поднимутся изъ сырой земли пузырьки вонючаго газа, лопнутъ на поверхности и разсѣются въ воздухѣ“. Вотъ онъ протопопъ-то! Ха-ха!.. Кто его обидитъ!..

Я улыбаюсь. Урокъ продолжается.

И вотъ въ дни тревожныхъ сомнѣній, когда я самъ себя упрекалъ за мое малодушіе, за нерѣшимость говорить открыто отцу то, что я думаю о немъ, о протопопѣ, о нашемъ приходскомъ священникѣ, объ отношеніи людей другъ къ другу, и вообще о лжи, которую замѣчаешь на каждомъ шагу, — я нашелъ въ себѣ смѣлость упрекнуть въ этомъ даже и Ю-на:

— Вотъ,—говорю, — вы все же никогда не говорите такъ рѣзко о Богѣ съ папой, какъ говорите съ другими. Отчего же Б. все, что говоритъ съ вами, со мной, не боится сказать и ему? А вы говорите съ нимъ не такъ, какъ съ нами и съ другими.

Ю-нъ посмотрѣлъ на меня, коротко расхохотался и сказалъ:

— Младенецъ ты! Да вѣдь я отъ твоего отца жалованье получаю не за то, чтобы съ нимъ спорить. Онъ вѣдь тоже человѣкъ съ „убѣжденіями“. Мнѣ его не передѣлать. Ты—мальчикъ умный, слушай и учись, а онъ уже человѣкъ законченный. Зачѣмъ я его, понапрасну убѣждая, тревожить буду? Твой папа—человѣкъ хорошій, но если станешь двигать экую махинь съ мѣста, либо его сломаешь, либо самъ руку вывихнешь. А дѣла все равно не сдѣлаешь.

Отвѣтъ не удовлетворилъ меня, хотя немного и успокоилъ: ужъ если Ю-нъ находилъ нужнымъ дѣлать такую уступку чужимъ мнѣніямъ, то мнѣ стыдиться за свою замкнутость и несмѣлость передъ отцомъ было нечего.

Зато этотъ разговоръ положилъ начало моей большей откровенности съ Ю. И теперь, когда кончался урокъ, я всегда задавалъ ему то одинъ, то другой вопросъ по поводу чего-нибудь прочитаннаго мною, о чемъ я не могъ говорить съ гувернеромъ, не читавшимъ русскихъ книгъ. Ю-нъ началъ усердно просвѣщать меня, радуясь, что находилъ во мнѣ благодарную почву для той пропаганды своихъ идей, которая была его настоящей жизнью, и чѣмъ больше довѣрія выказывалъ онъ ко мнѣ, возвышая меня этимъ въ моихъ собственныхъ глазахъ, тѣмъ больше возвышался въ моихъ глазахъ и онъ самъ. Даже авторитетъ моего любимаго гувернера начиналъ постепенно тускнѣть предъ восходившимъ солнцемъ авторитета Ю-на.

Однажды за урокомъ, когда мы были съ нимъ вдвоемъ, онъ досталъ изъ кармана объемистую рукопись и, передавая мнѣ ее, серьезнымъ тономъ сказалъ:

— На вотъ, возьми и прочти. Половину не поймешь — не бѣда. Что нужно, въ головѣ останется. Только никому не показывай и не говори, что я тебѣ далъ. Иначе—сохрани тебя твой Богъ отъ этого: тебя можетъ-быть и не выпорютъ, а меня легко могутъ пустить на подножный кормъ.

Я покраснѣлъ отъ волненія, трепетными руками взялъ рукопись и спряталъ ее за пазуху моей суконной блузы.

Сейчасъ же послѣ урока, забравшись въ укромный уголокъ, гдѣ никто не могъ захватить меня врасплохъ, я досталъ рукопись и такъ жадно впился въ нее глазами, что если бы кто-нибудь подошелъ ко мнѣ, быть-можетъ даже окликнулъ меня, я бы не замѣтилъ и не разслышалъ.

Я какъ сейчасъ вижу передъ собой эти страницы хорошей толстой желтой бумаги, исписанныя красивымъ, крупнымъ писарскимъ почеркомъ. На первой страницѣ—болѣе мелко, но такъ же четко—стоялъ врѣзавшійся у меня въ памяти эпиграфъ, который я тутъ же съ восторгомъ, какъ какое-нибудь стихотвореніе, читалъ и перечитывалъ: „Ты молишься Богу, который умеръ на крестѣ, а я молюсь солнцу, которое никогда не умираетъ“.— И вмѣсто подписи автора эпиграфа — подчеркнутая подпись: „Отвѣтъ сѣверо-американскаго индѣйца англійскому миссіонеру“.

Въ моихъ рукахъ былъ рукописный переводъ книги, гремѣвшей въ то время по всей Европѣ: „Сила и Матерія“ Бюхнера.

IX.

Мнѣ, страстному рыболову, не разъ приходилось удить съ лодки по срединѣ рѣки или гдѣ-нибудь въ заводи. И часто я одинъ спускался въ ботникѣ далеко внизъ по теченію. Рѣка наша неровная: гдѣ яръ, гдѣ мель—теленокъ вбродъ перейдетъ. Къ концу лѣта на этихъ меляхъ выростали густыя водоросли, всплывавшія на поверхность; въ заводяхъ, у береговъ, камышъ разростался. Плывешь, бывало, въ лодкѣ по такимъ водорослямъ и застрянешь. Вода между ними струится тихо-тихо, а дно лодки и не двинется. Усиленно гребешь кормовымъ весломъ, но и весло запутается въ сѣти тонкихъ водорослей; тащишь его—выдираешь со дна зеленыя живыя веревки. Въ камышъ попадешь—едва протолкаешься. Устанешь и бранишься, пока выберешься,

наконецъ, на чистое мѣсто. Зато, какое счастье, когда гдѣ-нибудь на яру воткнешь въ дно длинный шестъ, привяжешь къ нему ботникъ, размотаешь съ удилища лесы и спустишь удочки съ тяжелымъ грузиломъ въ чистую, прозрачную, но непроницаемую для глазъ глубину! И какихъ же рыбинъ вылавливалъ я оттуда! Того и гляди—лодка краемъ воды хлебнетъ, затонетъ, когда тащишь пойманную добычу, а она упирается.

Такое впечатлѣніе испытывалъ я теперь, когда читалъ Бюхнера.

Какимъ бы яснымъ языкомъ ни была написана эта книга, все же многое въ ней было тогда еще не совсѣмъ доступно моему пониманію; не все казалось одинаково интереснымъ, не всегда улавливалъ я важность тѣхъ маленькихъ, запутанныхъ научныхъ доказательствъ, которыми были обставлены большія, ясныя мысли, выражавшіяся тутъ же въ яркихъ, образныхъ афоризмахъ. Зато эти афоризмы, эти словно библейскія изреченія приводили меня въ восторгъ и трепетъ, когда я, выловивъ ихъ изъ глубины туманныхъ страницъ, любовался и красотой ихъ выраженія и величіемъ ихъ содержанія. Эмбріонъ художника боролся во мнѣ съ эмбріономъ мыслителя. Красота формы, принимавшая здѣсь служебную роль для выраженія научной истины, подчиняла меня, читателя, тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе подчинялся ей—красотѣ формы—самъ ученый авторъ книги. Я проникался уваженіемъ къ естественнымъ наукамъ и ихъ божественнымъ выводамъ, но не чувствовалъ влеченія къ труду изслѣдователя. Въ этомъ я готовъ былъ повѣрить другимъ на слово и пѣть имъ благодарственные гимны за тѣ выводы, которые они мнѣ давали своей кропотливой работой. Для меня это было какъ скучная дорога въ темную ночь. Я готовъ былъ заснуть на первой станціи, при отъѣздѣ, чтобы утромъ, съ восходомъ солнца, проснуться передъ цѣлью, уже сверкающей вблизи своей красотой.

Я всегда былъ созерцателемъ. Я любилъ смотрѣть, какъ луна разсыпала брилліанты по бѣлому снѣгу, какъ пестрѣлъ цвѣтами лугъ, какъ колыхалась въ полѣ колосящаяся рожь; я любилъ наблюдать отраженіе облаковъ въ зеркальной поверхности рѣки, любилъ слѣдить за измѣненіемъ красокъ воднаго зеркала подъ вліяніемъ перемѣны красокъ на небѣ при закатѣ солнца. Теперь все это сдѣлалось мнѣ еще дороже. Все казалось величественнымъ, все было исполнено новаго, невѣдомаго прежде божественнаго значенія. О, это солнце, „которое никогда не умирало"!.. Какъ я любилъ его теперь! Богъ-Солнце, оно опускалось на моихъ глазахъ къ горизонту, чтобы осчастливить своимъ блескомъ другіе народы, чтобы въ ночь дать намъ отдох-

нуть отъ молитвеннаго предстоянія предъ его величіемъ,—а завтра оно снова вызоветъ насъ на молитву жизни.

По мѣрѣ того, какъ я вчитывался въ книгу Бюхнера, я открывалъ въ ней все новыя и новыя, великія для меня истины. Многія изъ нихъ были мнѣ тѣмъ дороже, что казались мною самимъ давно прочувствованными, быть-можетъ тогда не сознанными и вотъ теперь подсказанными мнѣ авторитетнымъ голосомъ ученаго. Я уже не въ состояніи отдѣлить теперь то, что я вычиталъ изъ этой переводной рукописи тогда и что запечатлѣлось въ памяти потомъ, гораздо позже, когда я прочелъ уже „Kraft und Stoff" въ подлинникѣ; но нѣкоторые моменты того времени хорошо помнятся мнѣ и теперь. Считая себя тогда „большимъ", даже очень большимъ, я радовался, „какъ ребенокъ", узнавъ изъ Бюхнера за достовѣрное, что Бога создаетъ себѣ каждый вѣрующій человѣкъ такимъ, какимъ хочетъ, какой соотвѣтствуетъ его характеру и пониманію міра. Я узналъ еще, что даже христіанскій реформаторъ Лютеръ сказалъ: „Богъ— чистая доска, на которой нѣтъ ничего, кромѣ того, что ты самъ на ней написалъ". Я записалъ себѣ на память эти слова. Я узналъ, что „образованный человѣкъ самъ по себѣ выше любого Бога, какого можетъ создать себѣ дикарь", и что нѣтъ никакого Бога-Творца, руководящаго нашей жизнью, а есть только вѣчная матерія, обладающая различными свойствами; свойства эти — вѣчная сила, проявленіе которой въ матеріи и есть жизнь, и есть міръ. И что на свѣтѣ нѣтъ ничего, кромѣ того, что доступно пониманію моего разума.

Со всѣмъ жаромъ неофита я увѣровалъ въ эти истины, и онѣ стали моимъ Закономъ Божіимъ.

Возвращая рукопись Ю-ну, я спросилъ его:

— А отецъ читалъ это?

Ю-нъ улыбнулся.

— Да. Я давалъ.

— Что же онъ сказалъ?

— Ха-ха! Что сказалъ? „Пусть, говоритъ, они вѣрятъ въ это, а я вѣрю въ своего Бога." Развѣ отца твоего передѣлаешь.

Я пожалъ плечами и развелъ руками.

И потомъ я долго былъ подъ горькимъ чувствомъ сознанія, что отца не передѣлаешь. А я такъ любилъ отца, я такъ вѣрилъ ему во всемъ, что касалось внѣшней жизни! И я такъ хотѣлъ бы, чтобы онъ, именно онъ былъ на высотѣ того пониманія міра, какое становилось въ то время „достояніемъ всей мыслящей Россіи", какъ говорилъ мнѣ Ю-нъ.

Съ этого времени бесѣды съ Ю. стали для меня потребностью. Половина тѣхъ симпатій, которыя были у меня къ гувернеру, отходила теперь къ нему.

Но только половина. Тотъ скептицизмъ, съ какимъ я еще ребенкомъ относился ко всему, въ чемъ желали увѣрить меня окружающіе, росъ во мнѣ въ той же мѣрѣ, въ какой росло мое сознаніе. И Бюхнеръ, въ которомъ воплощалось для меня пока все естествознаніе, не могъ дать мнѣ сразу такую же твердую точку опоры, какую находилъ въ естествознаніи и въ Писаревской проповѣди реализма мой „правовѣрный нигилистъ“-учитель. Этому мѣшала моя чрезмѣрная склонность къ поэзіи, къ „чародѣйству сладкихъ вымысловъ“ — и мѣшалъ мой идеалистъ-гувернеръ.

Я не могъ бы, еслибъ и захотѣлъ, утаить отъ Б., что я прочелъ Бюхнера: вычитанное оттуда сейчасъ же прорвалось въ нашихъ разговорахъ. Не хотѣлъ я и скрывать отъ него, откуда получилъ я рукопись. Б. нахмурился, покачалъ головой, но ничего не сказалъ мнѣ. Потомъ я въ теченіе нѣсколькихъ дней замѣчалъ нѣкоторую холодность во взаимныхъ отношеніяхъ между гувернеромъ и учителемъ. Я догадывался, что между ними было объясненіе, но не заводилъ объ этомъ рѣчи. И скоро я увидѣлъ ихъ опять друзьями. Б., разумѣется, не выдалъ Ю-на отцу, а Ю-нъ должно-быть убѣдилъ добраго нѣмца въ безполезности его цензуры по отношенію къ тому, что я могъ прочесть на русскомъ языкѣ не только въ ходячихъ рукописяхъ, но и въ журналахъ.

Тогда и самъ Б. разрѣшилъ себѣ говорить со мной еще болѣе свободно, чѣмъ раньше.

Цитаты, приведенныя Бюхнеромъ изъ Фейербаха, заохотили меня познакомиться поближе и съ Фейербахомъ; но Ю-нъ не могъ достать мнѣ переводовъ его сочиненій, которыя и самъ зналъ лишь по наслышкѣ. Заговорили мы объ этомъ съ Б., и онъ прочелъ намъ лекцію о Фейербахѣ, причемъ мнѣ многое приходилось усваивать вдвойнѣ въ качествѣ переводчика тѣхъ словъ и выраженій, которыя не всегда сразу понималъ по-нѣмецки Ю-нъ и передать которыя по-русски еще не умѣлъ Б.

Вслѣдъ за Фейербахомъ Б. познакомилъ меня теперь и съ идеями Давида Штрауса. А когда я восторженно говорилъ о поклоненіи „никогда не умирающему солнцу“, онъ разсказалъ мнѣ все что зналъ о солнцепоклонникахъ и огнепоклонникахъ, о гебрахъ и парсахъ, объ индусахъ. Разсказалъ онъ это, какъ умѣлъ разсказывать, — красиво и увлекательно, — но въ концѣ

концовъ и эти разсказы только подтвердили мнѣ незыблемую истину, что всѣ боги достойны своихъ творцовъ, и что огненный богъ жителей пустыннаго, жгучаго Ирана все же уступаетъ въ красотѣ и величіи Фебу жизнерадостной Эллады.

И вотъ я опять уже не на половину, а всей душой тяготѣю къ завѣдомо вымышленнымъ богамъ Олимпа и къ моему любимому гувернеру!.. Но новый „серьезный" разговоръ съ Ю. — и я снова увлекаюсь въ сторону реализма, я опять поклоняюсь только тому, что даетъ основанное на опытѣ знаніе.

Я заражался отъ Ю-на его самомнѣніемъ отрицателя, и въ такія минуты у меня являлся дѣтскій задоръ, мнѣ хотѣлось торжествовать надъ самой мыслью о возможности существованія Бога, хотѣлось, чтобы надо мной не было никакой высшей силы, кромѣ моего собственнаго разума и моей собственной воли, и хотѣлось не сомнѣваться въ этомъ.

Какъ-то разъ я сказалъ гувернеру:

— Вы говорили, что религіозное чувство есть у всѣхъ, даже самыхъ дикихъ народовъ. А вотъ Бюхнеръ доказываетъ, что есть народы, у которыхъ и слова-то Богъ вовсе нѣтъ.

Онъ отвѣтилъ:

— Можетъ-быть. И между людьми есть глухо-нѣмые и слѣпые отъ рожденія. У Дарвиновыхъ обезьянъ нѣтъ и многихъ другихъ человѣческихъ понятій. Но чѣмъ выше поднимается въ своемъ умственномъ развитіи родъ homo sapiens, тѣмъ ближе онъ къ тому, чтобы найти путь къ истинному Богу.

Я хорошо запомнилъ эти слова, но не помню, чтобы я что-нибудь возразилъ на нихъ.

У меня во всякомъ случаѣ для провѣрки того, что сказалъ Б., былъ всегда передъ глазами живой матеріалъ въ окружающей меня средѣ, и я не переставалъ наблюдать, сравнивать, думать, дѣлать свои заключенія. Какая пропасть между теологомъ Б. и „начитанной" въ Священномъ Писаніи тетей Марьей Яковлевной! Между „нигилистомъ" Ю., желавшимъ изъ всей „метафизики" сохранить только одинъ „рай Магомета", и нашимъ приходскимъ священникомъ, ѣздившимъ съ требами и за сборомъ „руги" по черемисскимъ деревнямъ! А какой антропологическій матеріалъ вотъ эти самые черемисы—дикари, язычники, только по обрядамъ сопричисленные къ православію!

Нашъ Царевококшайскъ окруженъ черемисскими деревнями. Ближнихъ и дальнихъ — ихъ тамъ быть-можетъ столько же, сколько и русскихъ. О бытѣ и вѣрованіяхъ этого народца изъ финскаго племени, живущаго до сихъ поръ въ первобытномъ

состояніи, какъ жилъ нѣсколько столѣтій тому назадъ, есть цѣлыя изслѣдованія. Но для тѣхъ, кто живетъ тамъ, постоянно соприкасаясь съ ними, они не представляютъ бо̀льшаго интереса, чѣмъ русское населеніе, живущее также въ своемъ первобытномъ состояніи. Въ праздничные дни черемисы и черемиски наводняютъ базаръ, наполняютъ церкви и кабаки. По ихъ бѣлымъ, самодѣльнаго сукна кафтанамъ вы отличите ихъ издали въ толпѣ. Нарядъ богатыхъ черемисокъ по-своему красивъ. Онѣ носятъ, какъ мужчины, суконные штаны и короткія, на-выпускъ, бѣлыя, вышитыя разноцвѣтными узорами рубахи съ пояскомъ. Ихъ грудь сплошь завѣшана мелкими и крупными серебряными монетами; на шеѣ ожерелья изъ янтаря, серебряныхъ монетъ и ракушекъ; на головѣ—огромные кокошники, тоже бѣлые, какъ и весь остальной нарядъ, и такъ же вышитые и украшенные серебряными деньгами. Такія щеголихи еще иногда невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе, но лишь на мгновеніе; ихъ такъ много, зрѣлище такъ обычно. Языкъ черемисъ бѣденъ словами, неблагозвученъ. По-русски они говорятъ далеко не всѣ, говорятъ мало, плохо и только то, безъ чего нельзя обойтись, когда имъ приходится имѣть дѣло съ русскимъ населеніемъ въ роли рабочихъ, продавцовъ или покупателей.

Еслибы я, параллельно съ Бюхнеромъ и Дарвиномъ, не читалъ тогда съ еще бо̀льшимъ увлеченіемъ Майнъ-Рида, Купера, Густава Эмара, я быть-можетъ и совсѣмъ бы проглядѣлъ черемисъ. Но мнѣ такъ нравились великіе вожди дикихъ индѣйскихъ племенъ! Какими увлекательными казались мнѣ ихъ боевые подвиги, ихъ необычайная стойкость въ перенесеніи страданій, вся ихъ бродячая, иногда таинственная жизнь! Какъ манила меня эта мощь американскихъ дикихъ лѣсовъ и безбрежныхъ прерій! И точно такъ же, какъ искалъ я у нашей рѣчки, у нашего пруда, невозможныхъ встрѣчъ съ нимфами Эллады, такъ, при дѣйствительныхъ встрѣчахъ съ черемисами, переносился я мысленно къ какому-нибудь Патфайндеру или Дирсляйеру, къ какому-нибудь Бѣлому Вождю или Красному Буйволу.

Мы съ гувернеромъ, то вдвоемъ, то въ сопровожденіи Ю-на, часто отправлялись верхами въ одну изъ ближайшихъ черемисскихъ деревень, чтобы погулять тамъ въ великолѣпной еловой рощѣ, перерѣзанной красивымъ ущельемъ-оврагомъ. Около этой рощи было гдѣ-то языческое черемисское мольбище, гдѣ они въ ихъ главный праздникъ—Агапаремъ—приносили жертвы одному изъ своихъ боговъ—Кереметю: рѣзали барановъ, телятъ и жеребятъ, опивались до одурѣнія самодѣльной водкой-

кумышкой, предавались дикимъ оргіямъ. Объ этомъ всѣ знали. Къ празднику Агапаремъ, какъ и къ другимъ своимъ праздникамъ, черемисы пріѣзжали къ намъ на заводъ за водкой цѣлыми деревнями. Но мѣсто жертвоприношеній и самое торжество ихъ считалось тайной, проникать въ которую не должны были русскіе, и въ особенности полиція. И я не помню, чтобы намъ удалось видѣть эти священныя поляны, священныя сосны, служившія черемисамъ храмомъ для ихъ культа. Оберегали черемисы тайну этихъ природныхъ храмовъ—священныхъ рощъ— еще и потому, что мѣсто моленья должно быть чисто, а русакъ, невѣрующій, могъ загрязнить, осквернить его, если не изъ озорства, такъ по невѣдѣнію. То тутъ, то тамъ попадавшійся въ лѣсу лошадиный или бараній черепъ, воткнутый на какомъ-нибудь суку, въ какомъ-нибудь очень красивомъ мѣстѣ, могъ давать поводъ къ догадкамъ о мольбищѣ—не болѣе.

Но оффиціально черемисы считались православными и были иногда можетъ-быть усерднѣе самихъ русскихъ въ исполненіи обрядовой стороны этой второй своей вѣры: христіанскій Богъ былъ богомъ ихъ начальства, надо было угождать ему.

Изъ пяти церквей нашего городка двѣ были особенно охотно посѣщаемы черемисами: наша приходская — потому что нашъ священникъ говорилъ по-черемисски и иногда произносилъ короткія проповѣди на черемисскомъ языкѣ,—и Троицкая, гдѣ былъ „черемисскій Христосъ“: такъ называли у насъ находившееся въ этой церкви скульптурное изображеніе Христа въ темницѣ. Вырѣзанная изъ дерева фигура въ человѣческій ростъ, въ сидячемъ положеніи, съ терновымъ вѣнцомъ на головѣ, была довольно грубо раскрашена масляными красками и одѣта въ хитонъ и гиматіонъ изъ цвѣтныхъ тканей. Вопросъ о допустимости этого изображенія въ христіанской церкви былъ спорнымъ, но священникъ говорилъ, что если допускается скульптурное изображеніе на Распятіи, то почему же не допустить такое же изображеніе Христа въ темницѣ? Темницу представляла собой одна изъ нишъ церкви, освѣщенная лампадой и задернутая занавѣской. Къ этому „Истинному Христу“, какъ они его называли, черемисы чувствовали особое благоговѣніе, приходили молиться по одиночкѣ и группами, ставили свѣчки въ паникадила передъ нишей, клали у подножія свертки холста и сукна, клали деньги въ стоявшую тутъ кружку. Для мѣстнаго причта это представляло доходъ, какъ и отъ всякой особо чтимой иконы. И очень многіе черемисы въ день пріѣзда въ городъ посѣщали обѣ церкви: Троицкую, чтобы поклониться „своему“ „Истинному Христу“,

и нашу Рождественскую, чтобы поклониться нашему батюшкѣ, съ которымъ они внѣ церковной службы могли перекинуться парой словъ на родномъ языкѣ.

Въ то время уже начинали переводить на инородческіе языки и Библію и Евангеліе, и нашъ священникъ разсказывалъ, какія это встрѣчало затрудненія. Понятіе о Богѣ у черемисъ было, было и слово для него; но многое другое, въ особенности всѣ отвлеченныя понятія, нельзя было передать иначе, какъ какимъ-нибудь описательнымъ выраженіемъ.

— Вотъ, напримѣръ, описаніе грѣхопаденія,—разсказывалъ намъ нашъ батюшка:—Что Ева, послушавъ змія, сорвала яблоко съ дерева, это очень просто. А вотъ что Богъ былъ невидимъ, это нельзя сказать иначе, какъ: „Богъ спрятался за дерево“.

Религіозное усердіе черемисъ выражалось особенно ярко въ Пасху. Въ пасхальную заутреню наша церковь полна бѣлыми кафтанами. Молятся истово, покупаютъ свѣчи, передаютъ ихъ въ толпѣ черезъ головы, отъ заднихъ къ переднимъ, къ иконамъ. Но вотъ, служба кончается, начинается христосованіе; дьячокъ съ пономаремъ выносятъ къ амвону и ставятъ по обѣ стороны священника и дьякона большія плетеныя корзины. Къ концу христосованія онѣ наполняются яйцами, крашеными и некрашеными. Каждый черемисинъ считалъ своимъ долгомъ, похристосовавшись съ попомъ и дьякономъ, положить имъ свой даръ. Не всѣ русскіе это дѣлали. Очевидно, русскіе болѣе твердо знали, что при христосованіи долженъ быть обмѣнъ яйцами, а гдѣ же батюшкѣ съ амвона этимъ заниматься. Для добродушныхъ черемисъ быть-можетъ не было разницы между этимъ и ихъ языческими жертвоприношеніями. Они знали, что Бога и святого нужно угостить. Въ нашей сторонѣ всѣмъ извѣстны разсказы о томъ, какъ мажутъ черемисы иконы по губамъ сметаной, если ихъ молитвы передъ этими иконами исполняются, и какъ они эти же самыя иконы ставятъ въ чуланъ, ликомъ въ уголъ, если святые остались глухи къ ихъ просьбамъ.

Я помню, что никогда никому изъ окружавшихъ меня не было никакого дѣла до духовной жизни этихъ черемисъ,—ни до ихъ вѣрованій по православному, ни до пережитковъ ихъ языческой вѣры. Съ равнодушіемъ существъ высшихъ, о нихъ, какъ о низшихъ, говорили меньше, чѣмъ о всякихъ другихъ мелочахъ жизни. Помнится еще, что тетушка Марья Яковлевна относилась къ нимъ какъ къ паріямъ. Очевидно, по ея представленію, черемисамъ въ рай было не попасть. Вѣроятно, она считала ихъ недостойными быть

тамъ вмѣстѣ съ нею. Но попадутъ ли они въ адъ или въ какое другое мѣсто—какое ей было до этого дѣло! Она была занята спасеніемъ собственной души. У меня же къ черемисамъ было что-то въ родѣ презрительной жалости, возникавшей совсѣмъ изъ другого источника. Между ними были и тщедушные, подслѣповатые, были и красавцы—кровь съ молокомъ. Начитавшись у моихъ любимыхъ авторовъ объ американскихъ индѣйцахъ, я должно-быть хотѣлъ, чтобы и у этихъ русскихъ дикарей проявлялся тотъ же могучій духъ, который дѣлалъ такимъ красивымъ бытъ Могиканъ, Ирокезовъ и Сіу. Но этого въ черемисахъ не было: они были ничтожны, они не съумѣли даже вымереть въ борьбѣ, какъ вымерли многія дикія племена Сѣверной Америки. И не зная, куда дѣвать ихъ въ храминѣ моихъ симпатій и антипатій, я, шутя, мысленно предавалъ ихъ Харону, и всѣхъ безъ исключенія переправлялъ черезъ Ахеронъ въ мрачный Аидъ.

Я не касаюсь здѣсь другихъ сторонъ моего умственнаго развитія, а беру только то, что имѣетъ отношеніе къ вопросамъ религіознымъ. А эти другія стороны шли своимъ чередомъ. Такъ, прочелъ я романъ Чернышевскаго „Что дѣлать"—и мой учитель Ю-нъ поспѣшилъ подѣлиться со мной тѣми свѣдѣніями, какія онъ имѣлъ объ этомъ романѣ, а попутно и о Фурье и фурьеризмѣ.

Когда въ нашемъ кругу заговорили о Ренанѣ и его „Жизни Іисуса", я, конечно, пожелалъ во что бы то ни стало прочесть и эту книгу. Но добыть ее тогда мнѣ не удалось.

Когда я просилъ Ю-на достать мнѣ Ренана, и онъ не могъ этого сдѣлать, онъ сказалъ мнѣ:

— На что тебѣ Ренанъ! На, вотъ, возьми-ка статью Писарева. Чѣмъ читать объ Іисусѣ Христѣ, прочти объ Аполлоніи Тіанскомъ—для тебя это будетъ одно и то же.

И вотъ я опять, забывая все на свѣтѣ, все свободное время проводилъ надъ Аполлоніемъ Тіанскимъ. Диссертація Писарева казалась мнѣ мѣстами скучной, и чтобы усвоить себѣ все лучше, я принуждалъ себя перечитывать многое по два, по три раза. И все же она увлекла меня, быть-можетъ больше всѣхъ другихъ книгъ, прочитанныхъ мною въ это время. Едва-ли я что-нибудь читалъ тогда такъ серьезно, какъ эту исторію упадка Рима, исторію религій, культовъ, это жизнеописаніе великаго фокусника, вызывавшаго къ себѣ для бесѣды тѣнь Ахилла, воскрешавшаго мертвыхъ, изгонявшаго бѣсовъ, исцѣлявшаго неизлечимыхъ, говорившаго съ птицами и узнававшаго оборотней, морочившаго царей и народы, провозглашеннаго богомъ, добровольно и самовольно

шедшаго въ Римъ на явную погибель, покинутаго учениками, судимаго, исчезнувшаго невѣдомо куда и какъ изъ залы суда, и неизвѣстно гдѣ и когда умершаго—исчезнувшаго съ земли таинственно, безъ слѣда. И все это съ благими намѣреніями истиннаго философа-пиѳагорейца, человѣка возвышенной аскетической жизни, желающаго сдѣлать народу добро, но не брезгующаго для того и маленькими обманами.

Для меня это было цѣлое откровеніе.

И самое важное было то, что отъ этого критическаго изложенія историческихъ событій, религіозныхъ вѣрованій и философскихъ ученій въ моихъ глазахъ поблекла въ значительной степени свѣжесть и красота легендъ христіанства, поблекла и поэзія греко-латинской миѳологіи. Мои прекрасные боги Олимпа, великіе символы жизни духа и тѣла человѣка, точно покрылись пылью и копотью,—не говоря уже о всѣхъ другихъ религіяхъ, потерявшихъ для меня всякое значеніе. Моя „вѣра въ невѣріе“ укрѣпилась еще больше. Но мнѣ было какъ-то грустно, какъ-то холодно, я какъ будто почувствовалъ, что и въ самомъ дѣлѣ больше уже ничего мнѣ не остается, какъ трезво заняться изученіемъ естественныхъ наукъ. А эти такъ-называемыя положительныя знанія обѣщали *все* моему уму и *ничего* моему сердцу: ни одной ласки моей поэтически-настроенной душѣ, ни одной грезы.

Грезы ими разрушались, разсѣивались.

Ал. Луговой.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЗАКОННОСТЬ

ВЪ

РУССКОЙ ЖИЗНИ

(Публичная лекція, прочитанная 17 марта 1909 года въ залѣ Тенишевскаго училища.)

Законность въ русской жизни — совсѣмъ не каламбуръ, а подлинное содержаніе моей лекціи. Но, конечно, сочетаніе этихъ словъ настолько загадочно, что требуетъ разъясненія.

Я не собираюсь доказывать, что законность процвѣтаетъ въ Россіи; это могло бы быть темой одной юмористики. Не буду утверждать и того, что ея нѣтъ; это къ несчастью слишкомъ извѣстно. И это поразительное отсутствіе законности въ нашемъ государственномъ обиходѣ—исходный пунктъ моей лекціи—есть и одно изъ главныхъ свойствъ, и одно изъ коренныхъ противорѣчій русской дѣйствительности.

Оно—противорѣчіе потому, что наша государственная власть никогда не отрицала необходимости строгой законности для существованія государства. Ст. 47-ая Основныхъ Законовъ въ старомъ изданіи, до реформы, гласитъ: „Имперія Россійская управляется *на твердыхъ основаніяхъ* положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной власти исходящихъ“.

И наши теоретики, въ родѣ Сперанскаго, именно въ этомъ, въ закономѣрности управленія, видѣли отличіе Россіи отъ деспотіи.

Эта нота, требованіе законности, еще рѣзче зазвучала въ послѣднее время.

Первый же пунктъ того знаменитаго Указа Сенату 12 декабря 1904 г., который стоитъ на рубежѣ революціи, говорилъ: „принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію *полной силы закона — важнѣйшей* въ самодержавномъ государствѣ *опоры престола*,—дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ подчиненныхъ Намъ властей и мѣстъ“...

И послѣ объявленія конституціи, послѣ созыва Думъ, правительство неизмѣнно выступало передъ нашими законодательными учрежденіями съ заявленіемъ о своей твердой рѣшимости поддерживать повсюду законность. Такъ, въ первой Государственной Думѣ предсѣдатель совѣта министровъ говорилъ въ своей деклараціи: „полагая въ основу своей дѣятельности соблюденіе *строгой законности*... правительство выражаетъ увѣренность... Проникнутое убѣжденіемъ, что провозглашенное Государемъ Императоромъ обновленіе нравственнаго облика земли русской немыслимо безъ водворенія въ странѣ истинныхъ началъ законности... Совѣтъ министровъ выдвигаетъ въ первую очередь“ и т. д.

Во второй Думѣ теперешній предсѣдатель совѣта министровъ говорилъ: „Въ основу всѣхъ правительственныхъ законопроектовъ положена одна общая руководящая мысль, которую правительство будетъ проводить и во всей своей послѣдующей дѣятельности... Преобразованное по волѣ Монарха отечество наше должно превратиться въ государство правовое“...

Накопецъ, передъ третьей Думой этого болѣе не обѣщали; это предполагалось извѣстнымъ, и въ своемъ отвѣтѣ на запросъ о Финляндіи предсѣдатель совѣта министровъ говорилъ, при рукоплесканіяхъ центра и правой: „правительство имѣетъ одну цѣль: установленіе на пространствѣ всей Россіи стройнаго и стойкаго *правового порядка*“.

Такимъ образомъ, на протяженіи цѣлаго вѣка при всякомъ удобномъ случаѣ, въ самыхъ торжественныхъ заявленіяхъ, высшіе представители правительства обязывались бороться за *законность*. И тѣмъ не менѣе ея не было, и чѣмъ дальше, тѣмъ становилось все меньше. Откуда же вышелъ этотъ неуспѣхъ правительственныхъ стараній, это безсиліе власти?

На это легко отвѣтить, что власть была неискренняя, и заявленія ея лицемѣрны. Но этой стороны дѣла я не буду касаться; не потому, чтобы я ее отрицалъ, или, наоборотъ, былъ съ нею согласенъ. Это просто внѣ моей темы. Моя точка зрѣнія не мо-

ральная, даже не политическая, а государственно-правовая. Разъ государственная власть ставитъ передъ собой извѣстную цѣль— она должна принимать мѣры къ ея достиженію; въ государственномъ механизмѣ каждой задачѣ долженъ соотвѣтствовать и свой аппаратъ; если охрана законности была дѣйствительно заботой государственной власти, то это должно было сказаться въ государственномъ строѣ, и та или другая комбинація мѣръ, направленныхъ къ этой задачѣ, сама собой свидѣтельствуетъ о степени искренности и умѣлости власти. И цѣль моей лекціи—дать бѣглую оцѣнку тѣхъ мѣръ, которыми государственная власть пыталась добиться законности; она не только покажетъ, почему законность въ Россіи оставалась до сихъ поръ мертвою буквою, но и что̀ нужно сдѣлать, чтобы наконецъ ее получить.

Но вы понимаете сами, что эта тема такъ широка, что ее нельзя исчерпать не только въ лекціи, но и въ обширной статьѣ; я принужденъ поневолѣ съузить ее, многія стороны вопроса оставить безъ разсмотрѣнія.

Такъ напр., я принужденъ обойти интересный вопросъ о тѣсной связи законности съ содержаніемъ, свойствомъ самыхъ законовъ. Всякому понятно безъ доказательствъ, что трудно добиться законности въ государствѣ, гдѣ законы или противорѣчатъ общественному правосознанію, такъ что соблюденіе ихъ явилось бы насиліемъ надъ общественной совѣстью, или уродливы, противорѣчивы и недостаточны. Всѣ эти свойства въ высокой степени присущи нашимъ законамъ. Интересную работу сдѣлалъ бы тотъ, кто захотѣлъ бы дать характеристику тѣхъ правовыхъ нормъ, которыя регулируютъ жизнь русскаго государства, отмѣтилъ бы и излишества, и пробѣлы нашего свода законовъ. Только спеціалистамъ вѣдомы всѣ тѣ курьезы, характерные и краснорѣчивые, которые въ немъ открываются.

Позвольте мнѣ нѣсколько краткихъ примѣровъ только затѣмъ, чтобы не быть голословнымъ. Не знаю, многіе ли изъ васъ читали „Уставъ предупрежденія и пресѣченія преступленій“. Вотъ книга, сборникъ дѣйствующихъ законовъ, положительнаго права—самаго злободневнаго права, ибо тамъ и Положеніе объ охранахъ,—при чтеніи которой невольно задаешь себѣ вопросъ, не шаржъ ли это, не пародія ли на наши законы? Какое отношеніе къ закону, кромѣ ироническаго, могутъ вызывать къ себѣ такія постановленія, курьезныя по своей наивности и безполезности, какъ ст. 30-ая: „запрещаются лжепредсказанія или лжепредзнаменованія“? или ст. 31-ая: „запрещается выдавать себя за колдуна или чародѣя“? или ст. 285-ая: „запрещаются обманы словомъ, письмомъ или

дѣйствіемъ, умышленное употребленіе поддѣльнаго, скрытаго или утаеннаго и разсѣиваніе лжи и клеветы"? Или, наконецъ, знаменитая ст. 153-ая: „запрещается всѣмъ и каждому пьянство"?

Но это — область курьезовъ. Въ той же книгѣ, мы наталкиваемся на другія, болѣе реальныя требованія, уже не столь забавныя, сколь характерныя. Уставъ предупрежденія и пресѣченія преступленій—это наша „хартія вольностей", характеристика отношенія государства къ тому, что у насъ теперь называютъ „свободами", а въ старину называлось „правами человѣка и гражданина".

Есть на свѣтѣ „свобода петицій". О ней говоритъ ст. 112 устава предупрежденія и пресѣченія преступленій: „запрещается учинять прошеніе или доносъ скопомъ или заговоромъ". Свобода собраній—а у насъ ст. 111: „запрещаются сходбища и собранія для совѣщанія или дѣйствія общей тишинѣ и спокойствію противныя". Свобода союзовъ—а въ нашемъ уставѣ пред. и пресѣч. преступл. она изложена такъ: „запрещается всѣмъ и каждому заводить и вчинать въ городѣ общество, товарищество, братство или иное подобное собраніе безъ вѣдома или согласія правительства".

Когда таковы законы, таково отношеніе къ тому, на что общественное мнѣніе взираетъ какъ на свое неотъемлемое право, тогда мудрено ли, что беззаконіе есть единственный логическій выходъ? И можно ли, имѣя такіе законы, надѣяться на торжество строгой законности и въ жизни, и въ общественномъ правосознаніи?

Но незаконность поощряется еще и съ другой стороны. Посмотрите на уродливость, на недостаточность нашихъ законовъ; на ихъ изумительную техническую несостоятельность.

Посмотрите, напр., что говоритъ нашъ законъ въ такой важной и щекотливой области человѣческихъ отношеній, какъ *семейное право.*

Съ одной стороны мы увидимъ, что наше право очень заботливо: оно тщательно предусматриваетъ и регулируетъ положительными нормами то, что всѣ законодатели міра предоставляютъ морали, нравамъ, религіи и т. д. Мы получаемъ въ положительномъ правѣ такія забавныя статьи, какъ нижеслѣдующая ст. 106 нашего X тома: „мужъ обязанъ любить свою жену, какъ собственное свое тѣло, жить съ ней въ согласіи, уважать, защищать, извинять ея недостатки и облегчать ея немощи".

Или слѣдующая за ней ст. 107, объ отношеніяхъ жены къ мужу: „жена обязана повиноваться мужу своему, пребывать къ

нему въ любви, почтеніи и въ неограниченномъ послушаніи, оказывать ему всякое угожденіе и привязанность".

Такимъ образомъ нашъ законъ даетъ себѣ трудъ положительными требованіями обставить ту сферу человѣческихъ отношеній, гдѣ люди по меньшей мѣрѣ могутъ обойтись безъ предписаній закона. И тотъ же законъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о такомъ важномъ, такомъ больномъ и остромъ вопросѣ, какъ право на дѣтей у супруговъ, оставившихъ совмѣстную жизнь. Кому принадлежатъ дѣти, когда супруги разошлись или даже развелись совершенно?—почти въ каждомъ неудавшемся бракѣ встаетъ этотъ вопросъ, и на него законъ не даетъ ни тѣни отвѣта. И въ нашемъ обществѣ, столь невѣжественномъ въ дѣлѣ закона, рождаются и упорно живутъ самыя нелѣпыя представленія; одни утверждаютъ, будто мать имѣетъ право на дѣвочекъ, а отецъ на мальчиковъ, другіе полагаютъ наоборотъ. Думаютъ, что при разводѣ теряетъ дѣтей виновная сторона и т. п. Эти представленія совершенно ошибочны, но они характерны какъ признаки того, что само общество не допускаетъ мысли, что эта сторона человѣческихъ отношеній можетъ существовать безъ закона. А между тѣмъ это такъ; законъ, предписывающій мужу извинять недостатки жены, не подумалъ о дѣтяхъ. А во всѣхъ случаяхъ, когда родители, не зная закона, обращаются за разрѣшеніемъ своихъ споровъ къ суду, и самъ судъ, и юристы-практики оказываются совершенно безпомощны. Для того или другого рѣшенія дѣла у нихъ нѣтъ опоры въ законѣ. Родителямъ можно сказать только одно: берегите ребенка, если онъ у васъ; отнимите, увезите его, если его у васъ нѣтъ. И именно поэтому разрѣшеніе семейныхъ несогласій сдѣлалось привилегіей верховной власти; съ ходатайствами о томъ обращаются въ коммиссію прошеній, приносимыхъ на Высочайшее Имя. Но вѣдь и въ этой коммиссіи вопросъ рѣшается по общимъ началамъ правды, справедливости, цѣлесообразности, а не по закону. И потому въ этой сферѣ человѣческой жизни, ощущаемой столь болѣзненно, царитъ полная неустойчивость, полный произволъ—и виноватъ въ этомъ самый законъ.

Но можно подумать, что этотъ пробѣлъ объясняется тѣмъ, что по самой сущности отношеній семейной жизни плохо поддается законодательной регламентаціи, что всякій семейный вопросъ вполѣ субъективенъ и никакія общія нормы здѣсь немыслимы. Но тогда возьмемъ, напр., область имущественныхъ отношеній, пресловутое „священное право собственности". Мы увидимъ и здѣсь, что громадное большинство нашего народа, все крестьянство, владѣло землей, уступало ее, передавало, наслѣдовало на

основанiи самыхъ неустойчивыхъ нормъ, я скажу прямо—почти безъ закона. Всякiй, кто соприкасался когда-либо съ земельными крестьянскими спорами, съ вопросомъ о наслѣдственномъ правѣ, объ отдѣленныхъ и неотдѣленныхъ членахъ семьи и т. д., знаетъ, что у юриста-практика кружилась голова отъ сложности, запутанности и неустойчивости тѣхъ правовыхъ началъ, которыя приходится здѣсь примѣнять. Достаточно сказать, что наслѣдованiе совершается *по обычаю*, а не по закону, что этотъ обычай удостовѣряется мiрскимъ приговоромъ и допросомъ свидѣтелей, чтобы понять, какая бездна произвола и случайностей была въ этой сферѣ общественной жизни.

Главная основа нашего экономическаго благосостоянiя—отношенiе крестьянъ къ ихъ землѣ—покоилась не на законѣ, а на сенатскихъ толкованiяхъ, на обычаяхъ, на инертности, да на усмотрѣнiи спецiальныхъ крестьянскихъ судовъ, начиная съ волостного суда и кончая губернскимъ присутствiемъ. Для того, кто плохо знаетъ русскую жизнь, является прямо загадкой, какъ могло существовать громадное государство, когда эта важнѣйшая сфера человѣческихъ отношенiй покоилась на такомъ негодномъ фундаментѣ!

Но какъ ни интересенъ этотъ вопросъ, какъ ни любопытны, ни знаменательны тѣ выводы, къ которымъ приводитъ его изученiе, я оставляю его въ сторонѣ, за неимѣнiемъ времени.

Я оставлю въ сторонѣ и другой, тѣсно съ нимъ связанный. Чтò дѣлало государство для защиты закона отъ нарушенiя его частными лицами? Спора нѣтъ, противъ этого государство мѣры принимало. Законъ защищался, право возстановлялось и администрацiей, и судомъ, гражданскимъ и уголовнымъ. И эта сторона государственной жизни заслуживала бы изученiя даже съ той точки зрѣнiя, на которой я стою въ своей лекцiи: для культурной и правовой физiономiи государства крайне характерно не только сравненiе той роли, которую играютъ въ дѣлѣ возстановленiя права судъ и администрацiя, но даже отношенiе гражданской и уголовной репрессiи. Можно было бы выставить, какъ общее правило, что уваженiе къ законности пропорцiонально уваженiю къ суду. Чѣмъ менѣе государственная власть уважаетъ судъ, тѣмъ менѣе уважаетъ она и законы, тѣмъ менѣе въ государствѣ законности. И изученiе русской жизни даетъ въ этомъ отношенiи самое печальное указанiе. Судъ у насъ не въ почетѣ, и потому въ такомъ загонѣ законъ. И это сказывается въ различныхъ формахъ, въ различныхъ явленiяхъ.

Въ томъ, во-первыхъ, что многiя нарушенiя закона соста-

вляютъ область вѣдѣнія администраціи, а не суда; администрація надѣлена правомъ и издавать обязательныя постановленія, и карать за ихъ нарушеніе; администраціи принадлежитъ право весьма жестокихъ наказаній, до ссылки включительно. Все это, при нормальныхъ порядкахъ, должно бы быть дѣломъ суда, и передача всего этого администраціи есть умаленіе его правъ. Компетенція администраціи простирается не только на область уголовныхъ репрессій — она вторгается и въ область отношеній чисто гражданскихъ, и не только въ формѣ явныхъ злоупотребленій, въ какой проявляетъ себя знаменитый администраторъ Думбадзе; это дѣлается довольно обычно. Кому приходилось сталкиваться съ нашимъ гражданскимъ процессомъ, тотъ знаетъ, какъ часто первая стадія процесса, нерѣдко предрѣшающая самый исходъ его—возстановленіе нарушеннаго права, дѣлается не судомъ, а администраціей. И это не только въ общественныхъ низахъ, въ крестьянской жизни, гдѣ все совершается незамѣтно. Въ прошломъ году я имѣлъ въ рукахъ дѣло, изъ котораго было видно, что въ Московской губерніи при гражданскомъ спорѣ губернаторъ исторгъ своей властью громадное торговое дѣло изъ рукъ одного правленія и передалъ въ другое; и это явное превышеніе власти было санкціонировано и Сенатомъ. Имъ предоставили потомъ разбираться въ судѣ; но первый споръ уже былъ разрѣшенъ, и разрѣшенъ администраціей.

Но если неуваженіе къ суду сказывалось въ дозволеніи этихъ захватовъ его компетенціи властью администраціи, то, во-вторыхъ, и въ своей сферѣ наше судебное вѣдомство занимаетъ по истинѣ несвойственное его государственной роли значеніе; примѣры — у всѣхъ на глазахъ. Мы, къ несчастью, слишкомъ хорошо знаемъ, какъ у насъ уважается судейское мнѣніе, судейская независимость; какую антигосударственную теорію о судѣ проповѣдывалъ Н. В. Муравьевъ, при пересмотрѣ судебныхъ уставовъ. Мы знаемъ многолѣтній и упорный походъ противъ суда, противъ судебныхъ уставовъ, который вели тѣ, кто давалъ направленіе русской жизни; знаемъ, какъ относилась наша государственная власть къ самымъ началамъ правильной постановки суда. За этимъ отношеніемъ къ суду скрывалось и то неуважительное отношеніе къ закону, которымъ болѣла и болѣетъ русская государственность. Это можно было бы подробнѣе развить, освѣтить рядомъ примѣровъ. Но и на это сегодня не хватило бы времени, и я спѣшу перейти къ тому, что есть главная тема моего сообщенія.

Не о томъ, что дѣлаетъ власть, чтобы охранять законъ отъ

нарушенія его частными лицами, я хочу говорить; главный нарушитель законности у насъ—сама власть, ея представители.

Беззаконія властей составляютъ главную, самобытную черту русской государственности, и такъ какъ высшіе носители власти неоднократно завѣряли, что полагаютъ строгую законность основаніемъ управленія, то является особенно интересно посмотрѣть, какія мѣры были приняты ими, чтобы ихъ собственные представители не противорѣчили этому обѣщанію.

И первая мѣра, которая представляется наиболѣе естественной и простой, это—отвѣтственность тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя нарушаютъ законы. Еслибы должностное лицо, нарушая законъ, злоупотребляя данными ему полномочіями, знало, что за это оно получитъ возмездіе столь же неизбѣжно, какъ и за всякое общее преступленіе, оно бы остерегалось. Наша государственная власть вообще вѣритъ репрессіямъ; онѣ—однѣ изъ главныхъ орудій нашего управленія. И въ то же время, какъ только дѣло доходитъ до репрессій за беззаконія должностныхъ лицъ—репрессіи исчезаютъ.

И не то чтобы государственная власть сдѣлала это открыто, дала своимъ представителямъ индульгенцію за беззаконія. Напротивъ, власть имъ грозитъ наказаніями. 1-ый пунктъ знаменитаго указа 12 дек. говоритъ объ этой отвѣтственности: „дабы неисполненіе ея (обязанности исполнять законъ) неизбѣжно влекло законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность“.

И предсѣдатель совѣта министровъ, въ своей рѣчи передъ второй Государственной Думой, признавалъ злоупотребленія власти. „Людямъ свойственно — говорилъ онъ — и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью“.

Наконецъ, и уголовный законъ говоритъ объ отвѣтственности, ее устанавливаетъ. Превышеніемъ власти считается, говоритъ ст. 338 ул. о нак., когда чиновникъ, „выступивъ изъ предѣла и круга дѣйствій, которыя ему предписаны, учинитъ что-либо въ отмѣну или же вопреки существующихъ узаконеній, учрежденій, уставовъ или данныхъ ему наставленій“. И тѣмъ не менѣе, на практикѣ эта отвѣтственность сдѣлалась мертвой буквой, и даже хуже чѣмъ мертвой буквой—она сдѣлалась источникомъ новаго соблазна и беззаконія.

Это произошло отъ своеобразной юридической постановки отвѣтственности. И нигдѣ то недовѣріе къ суду, о которомъ я только что упоминалъ, не сказалось, быть можетъ, съ такою рѣзкостью, какъ въ этой области — отвѣтственности должностныхъ лицъ за совершенныя преступленія. Вѣдь если го-

сударственная власть беззаконіе дѣйствительно считаетъ за преступленіе, она должна карать за него точно такъ же, какъ караетъ за всякое преступленіе; и если въ государственномъ механизмѣ есть вѣдомство, спеціальная функція котораго—изобличать, раскрывать и преслѣдовать преступленія, то очевидно, что и для преступленій, совершенныхъ должностными лицами, эта обязанность должна на немъ же лежать. И если судъ есть защитникъ закона, то онъ, конечно, защитникъ его и противъ должностного лица.

Такъ и стоитъ дѣло въ классической странѣ законности, въ Англіи; англійское правосудіе не знаетъ особыхъ судовъ, спеціальной отвѣтственности. Должностное лицо за совершенное имъ по службѣ злоупотребленіе властью отвѣчаетъ такъ же, какъ и частный человѣкъ; если полицейская власть подвергла кого-либо неправильному задержанію, то за это она отвѣтитъ передъ обыкновеннымъ судьей, и точно такъ же, какъ отвѣтилъ бы я, если бы, пользуясь физической силой, лишилъ свободы кого-либо.

Такъ поставлено дѣло въ Англіи; совершенно иначе—у насъ. И я не буду говорить даже о тѣхъ злоупотребленіяхъ власти, гдѣ элементъ преступности въ глаза не бросается, гдѣ законъ предоставилъ власти извѣстную долю усмотрѣнія, которымъ она и воспользовалась. Возьмемъ примѣръ. Полицейская власть имѣетъ право закрывать собраніе, если найдетъ его угрожающимъ для спокойствія. Она можетъ злоупотреблять этимъ правомъ, закрывая собраніе, когда ничего угрожающаго не происходитъ; это будетъ то же превышеніе власти, злоупотребленіе ею, но причиной этого можетъ быть недостатокъ такта, умѣнья, чутья у полицейскаго пристава, въ которомъ онъ передъ уголовнымъ судомъ неповиненъ. Законъ, давъ извѣстный просторъ усмотрѣнію власти, тѣмъ самымъ допустилъ и ошибки съ ея стороны. Но мы возьмемъ болѣе рѣзкій примѣръ, гдѣ власть совершаетъ поступокъ, на который права она не имѣетъ, преступность, полная преступность котораго стоитъ внѣ сомнѣнія.

Возьмемъ для примѣра поджогъ чужого имущества; это—несомнѣнное преступленіе, предусмотрѣнное уложеніемъ о наказаніяхъ. Если его совершаетъ частное лицо, оно отвѣчаетъ и въ уголовномъ порядкѣ передъ присяжными засѣдателями, и въ гражданскомъ возмѣщаетъ убытки по иску, предъявленному къ нему въ судебныхъ мѣстахъ. Но все это мѣняется, если поджогъ будетъ совершенъ лицомъ должностнымъ.

И замѣтимъ, что примѣръ мой—не фантастическій; онъ взятъ изъ дѣйствительной жизни. Тотъ, кто помнитъ засѣданія первой

Госуд. Думы, можетъ-быть не забылъ про знаменитый запросъ № 181, внесенный покойнымъ А. А. Мухановымъ; я вамъ напомню изъ него нѣсколько строкъ: „11 января, — гласитъ запросъ, — въ селѣ Александровкѣ, Ущернской волости, Суражскаго уѣзда, Черниговской губерніи, сгорѣло отъ поджога гумно Андрея Кулиша; по дознанію... оказалось, что поджогъ былъ произведенъ по распоряженію начальника черниговскаго жандармскаго управленія, генерала Рудова"... А далѣе идутъ еще пять примѣровъ того же. Наконецъ, въ Крыму показываютъ всѣмъ путешественникамъ остатки дома Новикова, сожженнаго по приказанію ялтинскаго генералъ-губернатора. Итакъ, преступленіе, и преступленіе несомнѣнное, было совершено у всѣхъ на глазахъ, и въ то же время у всѣхъ на глазахъ—безотвѣтственность виноватыхъ. Какъ могло это произойти?

На это отвѣтъ даетъ уставъ уголовнаго судопроизводства. По силѣ разд. III, кн. III, „О судопроизводствѣ по преступленіямъ должности", не только преданіе суду должностного лица, но даже и возбужденіе слѣдствія по его преступленію не можетъ состояться безъ согласія, безъ разрѣшенія начальства. Пусть поступокъ предусмотрѣнъ закономъ и считается преступленіемъ, пусть есть и слѣдственная власть, и прокурорскій надзоръ, которымъ преступленіе *оффиціально* извѣстно; они безсильны, разъ преступленіе—дѣло *должностного* лица. Они могутъ вступить въ свою роль только въ томъ случаѣ, если это имъ дозволитъ начальство того, кто совершилъ преступленіе.

Что̀ происходитъ на практикѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда подается жалоба, когда до свѣдѣнія прокурора доводятъ о должностномъ преступленіи? Изъ прокурора, слуги и охраны закона, онъ превращается въ передаточный пунктъ; онъ эту жалобу передаетъ по начальству. Тамъ могутъ нарядить слѣдствіе, но ведетъ его не слѣдователь, а подчиненный того же начальства, и его слѣдствіе ложится въ основаніе начальнической резолюціи. И если прокуроръ увидитъ, что совершается нѣчто непозволительное, что покрывается явное преступленіе—что̀ можетъ онъ сдѣлать? Только одно: возбудить пререканіе, идти выше, гдѣ будутъ судить между нимъ и начальствомъ, но судить исключительно по тѣмъ матеріаламъ, которые для начальства собралъ ему подчиненный чиновникъ. Къ чему же приводитъ этотъ порядокъ? Выводъ ясенъ. Должностныя лица за свои преступленія отвѣтственны, но не передъ закономъ и не передъ судомъ; они отвѣтственны передъ начальствомъ. Начальство, его воля, его одобреніе—есть для нихъ suprema lex. Оно можетъ стереть въ поро-

шокъ подчиненнаго, если захочетъ, но оно же можетъ и покрыть его, избавить отъ всякихъ непріятностей, если того пожелаетъ. Воля начальства есть щитъ, за которымъ беззаконіе перестаетъ быть наказуемымъ, и потому уголовную отвѣтственность должностного лица за совершенное имъ беззаконіе приходится формулировать такъ: оно подлежитъ отвѣтственности, но только постольку, поскольку этого хочетъ начальство, и противъ воли послѣдняго законъ беззащитенъ.

Я только нѣсколькими словами коснусь гражданской отвѣтственности; она любопытна потому, что ярко обнаруживаетъ всѣ тѣ ухищренія, къ которымъ прибѣгла власть, чтобы и эту отвѣтственность свести къ возможному minimum'у,—обнаруживаетъ, чьи интересы ею приняты къ сердцу, правонарушителя или потерпѣвшаго.

Сравните гражданскую отвѣтственность за убытки отъ дѣйствій простого и отъ дѣйствій должностного лица: въ первомъ случаѣ срокъ для взысканія десять лѣтъ, во второмъ — трехъ или, въ лучшемъ случаѣ, шестимѣсячный; въ первомъ случаѣ споръ рѣшается судомъ, во второмъ—смѣшаннымъ присутствіемъ, съ участіемъ лицъ административнаго вѣдомства; въ первомъ случаѣ лицо, причинившее убытки, отвѣчаетъ по общему началу нашего права, изложенному въ ст. 684-ой X т., по которой „всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные кому-либо его дѣяніемъ или упущеніемъ, хотя бы сіе дѣяніе или упущеніе и не составляли ни преступленія, ни проступка". Во второмъ случаѣ это начало бездѣйствуетъ: оно оговорено той же статьей 684-ой въ словахъ: „если только не будетъ доказано, что онъ не былъ принужденъ къ тому требованіями... закона или *правительства*".

Матеріальнымъ основаніемъ для иска къ должностному лицу, какъ это доказываетъ Н. И. Лазаревскій въ своемъ сочиненіи: „Отвѣтственность должностныхъ лицъ", является процессуальный законъ—знаменитая ст. 1316 у. г. с., которая даетъ казуистическое перечисленіе основаній, открывающихъ права на искъ. Мы узнаемъ изъ нея, что власть отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если убытки причинены „нерадѣніемъ, неосмотрительностью или медленностью". И, наконецъ, какъ бы въ довершеніе картины тѣхъ затрудненій, которыя законъ накидалъ на пути осуществленія данной отвѣтственности, является та непроходимая путаница, съ которой связанъ выборъ отвѣтчика. Ст. 1282 уст. гр. суд., по которой отвѣтчикомъ можетъ быть совсѣмъ не то лицо, которое причинило убытки, ученіе о двойственной роли казны, которое

преподалъ Сенатъ, и благодаря которому иногда отвѣчаетъ казна, а иногда отдѣльныя лица, неопредѣленность всѣхъ этихъ распоряженій закона, при томъ краткомъ срокѣ (три мѣсяца), который предоставляетъ законъ для разрѣшенія всѣхъ процессуальныхъ вопросовъ — все это дѣлаетъ иски подобнаго рода столь трудными и безнадежными, что самое ихъ предъявленіе представляетъ событіе. И я не ошибусь, утверждая, что легче добиться даже уголовной отвѣтственности должностного лица, чѣмъ гражданской.

Итакъ, вотъ какъ поставлена должностная отвѣтственность. Государственная власть признала ее, объявила во всеуслышаніе, обѣщала; но она остереглась поставить должностныхъ лицъ на одну доску съ частными; она не рѣшилась довѣрить привлеченіе ихъ къ отвѣтственности ни суду, ни прокурору. Она сохранила его всецѣло въ рукахъ самого должностного лица, въ рукахъ его начальства, его вѣдомства. Она какъ бы говоритъ подчиненнымъ: никого не бойтесь, кромѣ начальства; пока оно за васъ, никто вамъ не страшенъ. И всякое должностное лицо знаетъ, что сколько бы ни говорили о святости, о силѣ закона, о его преимущественномъ значеніи, есть нѣчто сильнѣе, надежнѣе закона: это — одобреніе власти. Оно знаетъ, что у закона нѣтъ *своихъ* слугъ, *своихъ* защитниковъ, и что беззаконіе, совершенное должностнымъ лицомъ, навлечетъ на него непріятность только въ томъ случаѣ, если оно будетъ не только беззаконіемъ, но и поступкомъ *неугоднымъ начальству*. Изъ гарантіи законности противъ нарушенія ея носителями государственной власти институтъ отвѣтственности должностныхъ лицъ превратился въ лишнюю иллюстрацію того, что у насъ желаніе власти—выше закона.

Такимъ образомъ административная власть сохранила въ своихъ рукахъ право карать подчиненныхъ за беззаконія, если она того пожелаетъ. И потому-то такъ интересенъ вопросъ: да какъ вообще, на практикѣ, государственная власть смотритъ и на законъ, и на беззаконіе? Считаетъ ли она беззаконіе тѣмъ зломъ, съ которымъ должно бороться, которое нужно уничтожать въ самомъ корнѣ, терпимость къ которому развращаетъ все государство? Какія мѣры были приняты, чтобы нарушеніе закона не могло порождать никакихъ правъ, не могло имѣть обязательной силы, чтобы наряду съ настоящимъ закономъ не было самозванныхъ законовъ?

И переходя къ этой темѣ, я долженъ ее раздѣлить на двѣ части: на время дореформенное и время конституціонное.

Основные законы 23 апрѣля 1906 г. провели въ нашей государственной жизни ту грань, которая существуетъ между

неограниченнымъ самодержавіемъ стараго типа и конституціонной монархіей; они образовали пропасть, которая раздѣляетъ два различныхъ государственныхъ пониманія. И я отнюдь не хочу сейчасъ воскрешать такъ называемыхъ „конституціонныхъ иллюзій". Я слѣпотой не страдаю. Я знаю, какъ далеки мы отъ конституціонной дѣйствительности, отъ новой правовой атмосферы; я знаю, что въ жизни все осталось по старому. Все это я знаю. Но былъ бы одинаково слѣпъ и тотъ, кто не хотѣлъ бы понять, что сложная жизнь не ломается сразу, что объявленіе новыхъ началъ не означаетъ еще ихъ проведенія въ жизнь, что незаконное сожительство старыхъ привычекъ, старыхъ нравовъ и новыхъ формъ есть характерная черта всякаго переходнаго времени. Все это въ свое время и предвидѣлъ, и предсказалъ авторъ того доклада, по которому послѣдовало объявленіе конституціи. „Между выраженнымъ съ наибольшею искренностью принципомъ—писалъ гр. Витте—и осуществленіемъ его въ законодательныхъ нормахъ, и въ особенности проведеніемъ этихъ нормъ въ нравы общества и пріемы правительственныхъ агентовъ, не можетъ не пройти нѣкотораго премени". Привычки у насъ остались старыя; онѣ еще владѣютъ жизнью; онѣ больно противорѣчатъ новымъ теоріямъ. Но теорія—уже новая; и если она прошла незамѣтно для многихъ, пожалуй самыхъ чувствительныхъ сторонъ практической жизни, если она оставила въ прежнемъ видѣ и вопросъ объ отвѣтственности властей, и вопросъ объ управленіи подчиненномъ, то зато она произвела цѣлую революцію на самыхъ верхахъ, въ самой сердцевинѣ нашего государственнаго пониманія.

И я спрашиваю себя: нужно ли говорить о существѣ нашего стараго строя, о нашемъ старомъ режимѣ, о томъ, что̀ уже отжило, уже отмѣнено, отошло въ область исторіи? Да, все-таки нужно. Во-первыхъ потому, что только ясно представивъ себѣ, что̀ такое былъ *юридически* этотъ старый порядокъ, мы поймемъ и все гигантское значеніе изданія законовъ 23 апрѣля 1906 г., поймемъ, что̀ сдѣлали они для нашего государственнаго развитія; во-вторыхъ, потому, что тѣ понятія, тѣ гибельныя привычки, которыя воспитывались старымъ порядкомъ, разошлись далеко за предѣлы его законнаго примѣненія, отразились на всемъ укладѣ нашей политической жизни; а въ-третьихъ потому, что эти привычки живутъ и теперь, воскрешаютъ въ нравахъ, въ мечтахъ, въ пожеланіяхъ. Съ ними и по сей день происходитъ борьба. И потому, въ самыхъ краткихъ чертахъ, по-

зволъте напомнить вамъ юридическую сущность отмѣненнаго стараго строя.

Онъ весь покоился на противорѣчіи, на двухъ взаимно другъ друга исключающихъ положеніяхъ. Ст. 47-ая осн. зак. утверждала, будто Россійская Имперія управляется на твердомъ основаніи законовъ, а ст. 1-ая говорила, что русскій Императоръ есть Монархъ самодержавный и неограниченный. Эти двѣ статьи логически исключали другъ друга. Одно изъ двухъ: либо законъ былъ выше воли монарха, и тогда монархъ не былъ неограниченнымъ; или воля монарха выше закона, и тогда законность не могла быть *твердымъ основаніемъ* управленія. Эта альтернатива неоспорима, но она была слишкомъ обидна для нашей государственности, и потому наши теоретики-государствовѣды постарались найти для нея примиреніе. Они нашли его въ понятіи „самоограниченіе". Монархъ остался неограниченнымъ; но онъ *самъ себя* ограничилъ. И одинъ изъ самыхъ почтенныхъ теоретиковъ нашего государственнаго права, Коркуновъ, шелъ такъ далеко, что утверждалъ, будто неограниченность монарха есть лучшая гарантія для законности. „Неограниченный монархъ—писалъ онъ — имѣетъ даже меньше побужденій отступать отъ строгаго соблюденія этихъ формъ, чѣмъ монархъ конституціонный... У него не можетъ быть никакого интереса не соблюдать имъ самимъ установленныхъ формъ. Соблюдая ихъ, онъ остается такъ же свободенъ, какъ и дѣйствуя въ порядкѣ управленія".

Да, вотъ то утѣшеніе, къ которому прибѣгли подъ напоромъ роковой очевидности. Теоретики не хотѣли разстаться съ предполагавшейся ими законностью; и потому, по ихъ мнѣнію, она была обезпечена тѣмъ, что и не нарушая закона монархъ могъ сдѣлать все, что хотѣлъ, что нарушеніе закона было бы для него излишнею роскошью. Вотъ та ultima ratio, которая стояла на стражѣ ст. 47 основныхъ законовъ имперіи.

Коркуновъ правъ былъ въ одномъ: монархъ дѣйствительно могъ бы управлять, не нарушая закона; но однако это не произошло, призывъ Коркунова не былъ услышанъ. Это признано и самою властью; 6-го іюня 1905 г. Госуд. Совѣтъ, разсуждая о пунктѣ 1-мъ указа 12-го дек. 1904 г., высказалъ мнѣніе, что въ области законодательства у насъ не все было благополучно потому, что въ Россіи не совсѣмъ ясно, *что такое законъ*. „Это коренное начало (ст. 47)—говорилъ Гос. Совѣтъ—вызываетъ необходимость точнаго опредѣленія признаковъ, при наличности которыхъ велѣнія верховной власти воспринимаютъ силу закона. Между тѣмъ,

изложенiе нѣкоторыхъ, касающихся сего предмета, постановленiй основныхъ законовъ до настоящаго времени остается недостаточно опредѣлительнымъ".

Итакъ, изъ двухъ противорѣчивыхъ началъ (ст. 47 и ст. 1) побѣдило одно: ученiе о полной неограниченности монарха, о безсилiи закона передъ монаршей волей. Къ этому началу естественно приспособился и нашъ государственный аппаратъ.

Возьмемъ область *законодательства.*

Ст. 73-ья, какъ будто развивая мысль ст. 47-ой, говорила: „Отмѣна закона существующаго совершается *тѣмъ же порядкомъ*, какой выше означенъ для составленiя законовъ. Законъ общiй и всенародно объявленный отмѣняется не иначе, какъ таковымъ же общимъ закономъ". Но чѣмъ же было обезпечено ея соблюденiе? Забудемъ на минуту затронутый Государственнымъ Совѣтомъ и далеко не праздный вопросъ: что такое былъ самый законъ по русскому праву? Вопросъ непраздный, ибо даже теоретики наши не были единомышленны въ его разрѣшенiи; такъ Градовскiй признакомъ закона считалъ Высочайшую подпись подъ нимъ (ст. 54 осн. зак.), Коркуновъ же этотъ признакъ видѣлъ въ обсужденiи Госуд. Совѣта (ст. 50 осн. зак.). Допустимъ, что въ этомъ вопросѣ не было и не могло быть ни малѣйшаго спора; ясно, все-таки, что ст. 73-ья основныхъ законовъ могла бы быть признана дѣйствительной гарантiей законности только въ томъ случаѣ, если бы въ государственномъ механизмѣ былъ органъ, который ее защищалъ бы, который слѣдилъ бы за ея выполненiемъ, который бы могъ и долженъ былъ объявить, что такой-то законъ недѣйствителенъ, какъ изданный въ нарушенiе установленныхъ формъ?

И вотъ именно этого органа и не было вовсе.

По основнымъ законамъ (ст. 57) законы публикуетъ Сенатъ; но лишь *публикуетъ.* Входить въ критику порядка его изданiя, отказывать въ опубликованiи по формальнымъ причинамъ Сенату не предоставлено; онъ—лишь исполнитель. А съ другой стороны, разъ законъ опубликованъ, то уже никто, ни одно должностное лицо, ни одинъ судъ не вправѣ уклониться отъ его исполненiя. Кто же защищаетъ ст. 73-ью? Никто. Она помѣщена въ сводъ законовъ совсѣмъ понапрасну. Ибо стѣснить она можетъ только законодателя; она касается его одного; она дана въ руководство ему одному. Но такъ какъ онъ неограниченъ, и такъ какъ во всемъ государствѣ нѣтъ аппарата, который бы могъ противостоять его волѣ, то основная статья, стоящая на стражѣ законности, изъ обязательнаго для всѣхъ закона пре-

вратилась въ платоническое пожеланіе, въ увѣщаніе, обращенное къ власти.

Но еще хуже дѣло стояло въ области управленія.

Для законодательства ст. 73-ья, не представляя закона (ибо lex imperfecta, безъ санкціи—законъ только по имени), для законодательства, говорю я, ст. 73-ья была все же хоть теоретическимъ пожеланіемъ. Для управленія не было даже и этого. Напротивъ, тамъ былъ провозглашенъ другой принципъ: верховная власть, не отмѣняя закона, можетъ сколько угодно его нарушать. Платоническое пожеланіе ст. 73-ой замѣнялось для управленія вполнѣ опредѣленной статьей 70-й: „Высочайшій Указъ, по частному дѣлу послѣдовавшій, или особенно на какой-либо родъ дѣлъ состоявшійся, по сему именно дѣлу или роду дѣлъ отмѣняетъ дѣйствіе законовъ общихъ". И это уже принципіальное *отрицаніе* силы закона, притомъ въ формѣ самой опасной, обнаруживало всю глубину понятія „неограниченности" власти.

Къ чему же свелась законность въ старомъ государственномъ строѣ, въ области какъ законодательства, такъ и верховнаго управленія? Къ простой надеждѣ, къ простому упованію, что власть сама себя ограничитъ. Законность не была исключена, не отрицалась, но она могла существовать только тамъ, гдѣ ее почему-либо *не хотѣли* нарушить.

Павелъ I говорилъ про дворянство: „у меня знатенъ только тотъ, съ кѣмъ я говорю, и пока я съ нимъ говорю". Онъ могъ сказать и про законность: „законъ есть, но тамъ, гдѣ я его не нарушаю и пока я его не нарушилъ". Римское опредѣленіе: princeps legibus solutus, т.-е. принципіальное отрицаніе силы закона, нашло себѣ полное выраженіе въ нашихъ основныхъ законахъ стараго времени.

Иная картина раскрывается, конечно, въ области управленія подчиненнаго. De lege тамъ все было иначе. Ни губернаторъ, ни министръ титуломъ „неограниченнаго" не пользовались; они были отвѣтственны передъ закономъ; незаконныя распоряженія ихъ могли быть отмѣнены, и былъ спеціальный органъ, поставленный на стражѣ законности—Сенатъ. Казалось, по крайней мѣрѣ *здѣсь* ст. 47-ая могла найти неуклонное примѣненіе. И оптимисты нашихъ порядковъ находили, что именно безграничность императорской власти, возможность для нея всегда возстановить правду, тѣснимую формальнымъ закономъ, существованіе этого экстраординарнаго прибѣжища для всѣхъ притѣсненныхъ, что именно *это* давало возможность въ области *подчиненнаго* упра-

вленія настаивать на самомъ неукоснительномъ соблюденіи закона.

Но жизнь часто показываетъ намъ, какъ фальшивы всѣ теоріи о дуализмѣ, объ оазисахъ, объ экстерриторіальныхъ владѣніяхъ. Нѣтъ преградъ, которыя бы могли локализовать дурныя государственныя привычки въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ: уровень государственнаго развитія повсюду одинъ и установляется не по лучшему, а по худшему взгляду. Было бы удивительно, если бы законъ, исполненіемъ котораго пренебрегали въ центрѣ, наверху, казался бы святынею для мѣстъ подчиненныхъ; было бы нелогично, если бы верховная власть, которая считала соблюденіе закона помѣхой *себѣ*, требовала его отъ *другихъ*. То пренебрежительное отношеніе къ закону, которымъ былъ полонъ нашъ старый порядокъ, которое воспитывалось наверху и теоріей, и практикой управленія, просачивалось изъ центра во всѣ области государственной жизни, создавало цѣлую административную школу. Когда, въ 1882 г., министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Д. А. Толстой, доложилъ Государю о беззаконныхъ распоряженіяхъ одесскаго генералъ-губернатора, ген. Роопа, и просилъ объ ихъ отмѣнѣ, покойный императоръ положилъ приснопамятную резолюцію: „Распоряженіе генералъ-губернатора, конечно, неправильно, но ему ничего не оставалось дѣлать другого, такъ какъ городская дума не слушалась никого и слишкомъ зазналась“.

И этими словами, гдѣ завѣдомо беззаконное распоряженіе было оставлено въ силѣ, судьба законности на мѣстахъ была рѣшена; законъ, который по смыслу нашей государственной теоріи былъ ниже *только монаршей* воли, былъ поставленъ ниже и распоряженій *подчиненныхъ* властей.

Но такая постановка дѣла создавала иное затрудненіе, иное противорѣчіе: какъ же примирить желательную возможность беззаконныхъ дѣйствій подчиненныхъ властей съ тѣми мѣрами, которыя были приняты законодателемъ для защиты закона? Какъ одновременно и возложить на Сенатъ наблюденіе за законностью всѣхъ частей управленія, и учить, что нарушеніе закона весьма часто можетъ быть только полезно?

И юридическій анализъ даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ: онъ даетъ мѣру искренности заботъ нашихъ властей о законности. Ибо мало провозгласить извѣстное правовое начало, мало даже создать органъ для его защиты: необходимо, чтобы этотъ органъ былъ способенъ служить тѣмъ задачамъ, которыя на него возлагаются. Иначе это будетъ простой государственной фикціей.

Представимъ себѣ, что законъ создалъ бы органъ для отмѣны незаконныхъ распоряженій министерства, но этимъ орга-

номъ сдѣлалъ бы подчиненнаго министру правителя его канцеляріи. Ясное дѣло, что это было бы прямымъ доказательствомъ нежеланія достигнуть той цѣли, которую законъ себѣ ставитъ. И хотя примѣръ въ такой формѣ выходитъ за предѣлы возможнаго, является вполнѣ фантастическимъ, однако онъ даетъ ключъ къ пониманію того пути, которымъ пошла наша государственная власть въ дѣлѣ защиты законности.

Я не буду говорить о нашемъ административномъ судѣ низшей степени, о смѣшанныхъ губернскихъ присутствіяхъ; эти присутствія, подъ предсѣдательствомъ губернатора, созываемыя для провѣрки, между прочимъ, законности *его* распоряженій, очень характерны для всей постановки этого дѣла. Я коснусь положенія центральнаго органа, верховнаго хранителя нашихъ законовъ—Сената.

У Сената есть заслуги, и я не буду ихъ отрицать. Онъ не разъ являлся оплотомъ законности; не даромъ не разъ на него поднималась гроза. Вспомнимъ тотъ походъ, который былъ противъ него поднятъ Катковымъ; вспомнимъ покушеніе Сипягина, когда на защиту Сената всталъ самъ Н. В. Муравьевъ. Однако грѣховъ у Сената не менѣе, чѣмъ заслугъ. И если посмотрѣть ближе на устройство Сената, становится ясно, почему онъ не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались.

Стоитъ поставить себѣ принципіальный вопросъ, какъ должно быть организовано то учрежденіе, на которое возлагается защита закона отъ нарушенія его властью — чтобы сразу найти тѣ общія начала, которыя должны быть положены въ его основаніе. Очевидно, во-первыхъ, что сенаторами должны быть люди, получившіе спеціальную подготовку; толковать, разъяснять законъ — совсѣмъ не легкое дѣло, и тотъ, кто возьмется за это не пройдя предварительной школы, внесетъ въ него сплошной произволъ. Необходимо, во-вторыхъ, чтобы защита законности была главнымъ и даже единственнымъ дѣломъ Сената, чтобы онъ стоялъ въ сторонѣ отъ управленія, чтобы у него не было покушенія освящать *беззаконныя* распоряженія власти, ради ихъ предполагаемой *пользы*. Необходимо, въ-третьихъ, чтобы Сенатъ былъ независимъ отъ тѣхъ, чьи дѣйствія онъ провѣряетъ, чтобы ни одинъ сенаторъ не могъ опасаться послѣдствій за свои мнѣнія и рѣшенія.

И вотъ, если отъ этихъ общихъ положеній мы перейдемъ къ конкретному устройству Сената, то увидимъ, что оно является отрицаніемъ всѣхъ названныхъ мною началъ.

Во-первыхъ, какой личный составъ Сената, кто назначается

сенаторами, какой цензъ нуженъ для нихъ? На это отвѣчаютъ двѣ статьи его учрежденія: „Ст. 5. Сенатъ составляется изъ особъ первыхъ трехъ классовъ, опредѣляемыхъ по непосредственному избранію Императорскаго Величества. Ст. 6. Сенаторы опредѣляются какъ изъ чиновъ гражданскихъ, такъ и изъ военныхъ, съ сохраненіемъ военнаго ихъ званія, или съ переименованіемъ, по Высочайшему усмотрѣнію".

Итакъ, единственный цензъ — это высшій служебный чинъ. Безразлично, на какой службѣ онъ былъ полученъ; сенаторомъ-хранителемъ и толкователемъ закона, служителемъ правосудія, можетъ быть и военный, заслужившій свой чинъ на полѣ сраженія, и бывшій начальникъ полиціи. Въ Сенатѣ можетъ не быть ни одного юриста, ни одного человѣка, мало-мальски знакомаго съ правомъ. И любопытны тѣ взгляды, которые были высказаны министромъ юстиціи, когда былъ поднятъ вопросъ о реформѣ Сената, когда особое совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ А. А. Сабурова, представило свой проектъ. Совѣщаніе предлагало, для огражденія личнаго состава Сената отъ вторженія въ него нежелательныхъ элементовъ, предоставить Сенату право рекомендовать кандидатовъ въ сенаторы и дать предсѣдателю Сената право личнаго доклада Государю. Министерство юстиціи возстало противъ этого пожеланія. „Ежедневное — говорилъ министръ юстиціи — общеніе съ человѣкомъ, въ рукахъ котораго имѣется болѣе или менѣе вѣроятная возможность влiять тѣмъ или другимъ путемъ на службу сенаторовъ, *непремѣнно, въ силу свойственныхъ всѣмъ людямъ слабостей, создастъ у нихъ ощущеніе зависимости и склонность къ уступчивости.* При такихъ условіяхъ было бы гораздо удобнѣе, чтобы всѣ вопросы, относящіеся до личной службы сенаторовъ, доводились до Высочайшаго свѣдѣнія лицомъ, стоящимъ сравнительно далеко отъ сенатской коллегіи, каковымъ является въ настоящее время министръ юстиціи".

И министръ юстиціи не скрывалъ, что онъ желаетъ сохранить за правительствомъ право подбирать сенаторовъ по своему усмотрѣнію именно затѣмъ, чтобы имѣть возможность черезъ посредство Сената „руководить внутренней политикой государства". По словамъ министра, „вездѣ назначеніе членовъ административныхъ судовъ совершается главою государства, по представленіямъ его ближайшихъ отвѣтственныхъ совѣтниковъ—министровъ. Нельзя при этомъ не признать, что такой порядокъ назначенія означенныхъ должностныхъ лицъ отнюдь не представляется случайнымъ, а, напротивъ того, имѣетъ глубоко правильныя основанія, такъ какъ *никакое правительство не можетъ существо-*

вать, если у него не будетъ возможности руководить внутренней политикою государства. Право же избранія личнаго состава государственныхъ учрежденій есть одно изъ могущественныхъ орудій для направленія политики по пути, указанному Монархомъ".

Нашъ Сенатъ не былъ только верховнымъ мѣстомъ административной юстиціи; на немъ были сосредоточены, кромѣ того, и функціи управленія. Какъ органъ управленія, хотя бы и высшій, онъ, конечно, долженъ былъ быть солидарнымъ съ правительствомъ; въ этомъ министръ юстиціи былъ, пожалуй, и правъ. Но потому-то и становилось совершенно неправильнымъ возлагать на него и столь важную и самостоятельную роль, какъ хранителя законовъ отъ нарушеній со стороны правительства. И смѣшеніе этихъ двухъ функцій, дѣлая его не органомъ законности, а просто органомъ управленія, лишило нашъ законъ единственнаго его защитника, на котораго онъ бы могъ положиться.

Наконецъ, и послѣднее необходимое условіе—полная независимость членовъ Сената—не была соблюдена точно также. Сенаторы не были ни независимы, ни несмѣняемы; не говоря уже о свободномъ перемѣщеніи ихъ изъ департамента въ департаментъ, благодаря чему строптивый сенаторъ могъ быть всегда безъ всякаго шума отставленъ отъ всякаго дѣла, сенаторы иногда лишались и самаго званія. Такъ на нашей общей памяти случилось съ сенаторомъ Закревскимъ, и примѣръ этотъ былъ хорошимъ предостереженіемъ для всѣхъ остальныхъ.

Такимъ образомъ постепенно наши сенаторы изъ слугъ и защитниковъ закона превратились въ сотрудниковъ правительства; проникаясь его „видами", они служили не *закону*, а цѣлямъ *правительства.* Такъ было достигнуто примиреніе между необходимымъ для власти беззаконіемъ управленія и наличностью высшаго органа, приставленнаго для защиты законности. И это паденіе сенаторскаго значенія, приниженіе дѣятельности Сената сказывались въ различныхъ формахъ. То Сенатъ выступалъ прямо съ соблазнительнымъ толкованіемъ, обогащая нашъ родной языкъ новымъ значеніемъ стараго слова „разъяснить"; таковы его толкованія по избирательному закону. То онъ по нѣскольку лѣтъ оставлялъ жалобы безъ разсмотрѣнія (жалоба на закрытіе московскаго юридическаго общества). То, пользуясь отсутствіемъ печатныхъ сборниковъ своихъ постановленій, издавалъ рѣшенія противорѣчивыя. И во всѣхъ этихъ случаяхъ Сенатъ давалъ новое подтвержденіе основной формулы русской жизни: законность въ Россіи существуетъ, пока начальству угодно законъ соблюдать.

И я не могу привести лучшей характеристики нашего ста-

раго строя, чѣмъ та, которая была дана однимъ изъ умнѣйшихъ русскихъ людей, М. М. Сперанскимъ. Онъ далъ пророческій отзывъ:

„Общій предметъ преобразованія состоитъ въ томъ, чтобы правленіе, доселѣ самодержавное, поставить и учредить на непремѣняемомъ законѣ... Два различныя устройства съ перваго воззрѣнія здѣсь представляются. Первое состоитъ въ томъ, чтобы облечь правленіе самодержавное всѣми, такъ сказать, внѣшними формами закона, оставивъ въ существѣ его ту же силу и то же пространство самодержавія. Второе устройство состоитъ въ томъ, чтобы не внѣшними только формами покрыть самодержавіе, но ограничить его внутреннею и существенною силой установленій и учредить державную власть на законѣ не словами, но самымъ дѣломъ. Въ самомъ преддверіи преобразованія должно рѣшительно избрать одно изъ сихъ двухъ устройствъ. Избраніе сіе опредѣляетъ истинный его разумъ. Если будетъ избрано первое устройство, тогда всѣ установленія такъ должны быть соображены, чтобы они въ мнѣніи народномъ казались дѣйствующими, *но никогда не дѣйствовали бы на самомъ дѣлѣ*".

Вотъ что̀ происходило въ Россіи. И потому-то законность стала какимъ-то миѳомъ, никому не нужнымъ; снизу она вызывала лишь ироническое къ себѣ отношеніе, сверху на нее смотрѣли какъ на пустую, ненужную выдумку. Законъ былъ и безсиленъ, и ненуженъ. Власть его попирала всякій разъ, когда это было ей нужно, а на напоминаніе ей о законности смотрѣла какъ на величайшую дерзость, первый признакъ неблагонамѣренности. Не законъ, а „предначертанія сверху", „виды правительства", „предписанія свыше" — вотъ лозунги старой Россіи. На нихъ воспитывалась власть, воспиталось и самое общество; будучи врагами во всемъ, они сходились въ одинаковомъ презрѣніи къ педантизму законниковъ. Самое употребленіе слова „законъ" въ старой Россіи было возможно лишь съ оговоркой; нашъ законъ былъ закономъ въ ковычкахъ.

Иныя начала были внесены съ объявленіемъ конституціи. Основные законы 23 апрѣля были встрѣчены негодованіемъ; они заслуживали лучшаго пріема. Конечно, они были далеки отъ идеала полнаго народоправства, отъ мечты о суверенномъ учредительномъ собраніи, о полной демократизаціи управленія. Но при всѣхъ своихъ несовершенствахъ они имѣли ту хорошую сторону, что юридически покончили съ старымъ режимомъ, съ неограниченнымъ самодержавіемъ, ввели насъ въ эпоху конституціонной монархіи.

Цѣлая пропасть лежитъ между государственнымъ строемъ старой Россіи и основными законами 1906 г. Впервые въ нихъ, въ нашей конституціи законъ былъ поставленъ выше воли монарха, былъ положенъ предѣлъ этой волѣ. Законъ выше воли монарха уже потому, что не одинъ монархъ его создаетъ. Ст. 7 гласитъ: „Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою". А ст. 86 развиваетъ это начало: „Никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора".

Законъ, такимъ образомъ созданный, да и ни одинъ законъ вообще не можетъ быть отмѣненъ единоличной волей монарха; объ этомъ говоритъ вполнѣ ясно ст. 94 основныхъ законовъ. „Законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ только силою закона. Посему доколѣ новымъ закономъ не отмѣненъ законъ существующій, онъ сохраняетъ полную свою силу".

Оградивъ законъ отъ нарушенія его Высочайшею волею въ области законодательства, наша конституція оградила его и въ области управленія. Ст. 10-ая постановляетъ: „Власть управленія во всемъ ея объемѣ принадлежитъ Государю Императору въ предѣлахъ всего государства Россійскаго". Однако управленіе теперь совсѣмъ не такъ безгранично свободно, какъ это было при старомъ порядкѣ. Прежней статьи 70-ой, которая допускала изъятія изъ законовъ, болѣе нѣтъ; ея мѣсто заступила ст. 94, гдѣ сказано ясно, что пока законъ не отмѣненъ такимъ же закономъ, онъ сохраняетъ свою *полную* силу. Наконецъ, и ст. 11, помѣщенная непосредственно за той 10-й статьей, которая говоритъ о правѣ управленія Государя, разъясняетъ, что „Государь Императоръ, въ порядкѣ верховнаго управленія, издаетъ, *въ соотвѣтствіи съ законами*, указы для устройства и приведенія въ дѣйствіе различныхъ частей государственнаго управленія, а равно повелѣнія, необходимыя для исполненія законовъ".

И эти ограничительныя слова: „въ соотвѣтствіи съ законами" имѣютъ въ виду исключительно распоряженія самого Государя, а не область подчиненнаго управленія. Это ясно уже изъ того, что для послѣдняго есть свое требованіе въ ст. 122: „Обязательныя постановленія, инструкціи и распоряженія, издаваемыя совѣтомъ министровъ, министрами и главноуправляющими отдѣльными частями, а также и другими, на то закономъ уполномоченными установленіями, *не должны противорѣчить законамъ*".

Такимъ образомъ, законъ поставленъ выше всего. Пока онъ не отмѣненъ опредѣленнымъ порядкомъ, верховная власть не можетъ ни сама его отмѣнить, ни нарушить его. И съ того момента, какъ это было постановлено, титулъ „неограниченный" сталъ уже невозможнымъ, и основные законы въ ст. 4 его выпускаютъ. Старая эпоха окончилась.

Однако, нельзя говорить объ этомъ порядкѣ, не коснувшись того нарушенія, которое совершилось въ актѣ 3-го іюня. Не затѣмъ, чтобы его обличать, но потому, что съ разныхъ сторонъ были высказаны мнѣнія, будто этимъ актомъ основные законы были отмѣнены, что ихъ болѣе нѣтъ. Долгое время объ этомъ актѣ нельзя было говорить, но этому запрету время прошло; въ прошломъ году онъ былъ предметомъ спора и критики въ Государственной Думѣ. Меня интересуетъ въ немъ не политическая сторона; я не буду говорить ни о томъ, вызванъ ли онъ обстоятельствами, ни о томъ, оправданъ ли онъ позднѣйшей исторіей. Меня интересуетъ только юридическая природа этого акта.

Въ прошломъ году, въ засѣданіи одной изъ коммиссій, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, на указаніе на незаконное изданіе акта 3 іюня, полушутливо, полусерьозно отвѣтилъ: „если вы считаете этотъ актъ незаконнымъ, то вы бы должны не признавать его въ силѣ закона, должны бы кассировать выборы, произведенные по нему; если же вы этого не сдѣлали, приняли полномочія и признали выборы правильными, то тѣмъ самымъ согласились, что актъ былъ изданъ законно". Вотъ точка зрѣнія, которая обнаруживаетъ такое смѣшеніе понятій, ведетъ къ такой юридической ереси, что на нее нельзя не отвѣтить.

Этотъ актъ или изданъ законно, или его не существуетъ— вотъ та диллема, которую поставилъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Но онъ упускаетъ изъ виду еще одинъ институтъ, отрицать который было бы вполнѣ безполезно, ибо отъ нашего отрицанія онъ не исчезнетъ; это институтъ государственнаго переворота. Вѣдь государственный переворотъ имѣетъ тоже свои юридическіе признаки, свою юридическую природу. Онъ имѣетъ мѣсто тогда, когда актъ юридически неправильный, юридически ничтожный, благодаря политическимъ обстоятельствамъ, получаетъ признаніе, становится правомъ. Исторія, и наша, и европейская, полна государственныхъ переворотовъ, производимыхъ и сверху, и снизу.

Кто у насъ возвелъ на престолъ императрицу Екатерину II? Какимъ образомъ возстаніе противъ законнаго государя могло явиться источникомъ права? Но Екатерина побѣдила: бунтъ пре-

вратился въ государственный переворотъ, а преступница—стала императрицей. И тотъ, кто, опираясь на букву закона, сталъ бы отрицать за нею императорскій титулъ, былъ бы также неправъ, какъ и тотъ, кто ради его успѣха не видѣлъ бы преступности того акта, который ее возвелъ на престолъ. Какой законъ далъ право законодательному корпусу Франціи въ день 10 августа 1792 г. низложить короля? Но онъ былъ низложенъ, и республика, провозглашенная конвентомъ, сдѣлалась законной формой правленія. Гдѣ юридическое основаніе низложенія Наполеона III—4 сентября 1870 г.? Это сдѣлала улица, и тѣмъ не менѣе этотъ уличный бунтъ юридически создалъ третью республику. Когда въ 1830 г. Карлъ X задумалъ государственный переворотъ, распустилъ еще не собравшуюся палату, измѣнилъ избирательный законъ и издалъ законъ противъ печати въ своихъ ордонансахъ, исходъ могъ быть двоякаго рода; онъ могъ побѣдить—и тогда незаконное повелѣніе сталъ бы закономъ; но онъ не побѣдилъ, и этотъ актъ сталъ разсматриваться какъ неудачное преступленіе. Эти наблюденія даютъ намъ ключъ къ пониманію и акта 3 іюня. По формѣ, по происхожденію онъ былъ незаконенъ; это признано въ самомъ манифестѣ. Но обстоятельства оказались сильнѣе юридическихъ доводовъ—и онъ сталъ закономъ.

И въ высшей степени знаменательно, что въ оцѣнкѣ этого акта наше правительство стало именно на эту позицію удавшагося государственнаго переворота. Перечтите крайне интересныя и характерныя пренія въ третьей Государственной Думѣ при обсужденіи адреса на Высочайшее Имя. Слѣва выступили съ протестами противъ акта 3 іюня, доказывали его незаконность, отсутствіе въ немъ юридической почвы. Справа выдвинули иную теорію: этотъ актъ—говорили оттуда—доказалъ, что верховная власть не считала себя стѣсненной основными законами, что эти законы писаны не для нея; такимъ образомъ этотъ актъ доказалъ, что никакой конституціи у насъ не было, и ученіе, будто верховная власть теперь ограничена, есть лжетолкованіе.

На какую же позицію стало правительство? Ни на ту, ни на другую. Правительство выдвинуло теорію государственнаго переворота. Съ присущимъ ему краснорѣчіемъ предсѣдатель совѣта министровъ воскликнулъ: „Не мнѣ, конечно, защищать право Государя спасать въ минуту опасности ввѣренную ему Богомъ державу“.

Вотъ и все его объясненіе. Какъ далеко оно отъ утвержденія правыхъ, будто актъ закономѣренъ, ибо верховная власть *сама* закономъ не стѣснена. И слушая эти слова предсѣдателя

совѣта министровъ, невольно вспоминаешь другія времена, другую рѣчь. Во время великой французской революціи, въ національномъ собраніи, представитель тогдашнихъ правыхъ, аббатъ Мори, поднялъ однажды вопросъ, по какому праву генеральные штаты провозгласили себя національнымъ собраніемъ, присвоили себѣ полномочія, которыя имъ довѣрены не были. Юридически онъ былъ, конечно, совершенно правъ. Національное собраніе вышло за предѣлы закона, совершило переворотъ. И Мирабо не побоялся поднять перчатку, защищая право страны въ минуту опасности не стѣсняться закономъ. И, по обычаю того времени вдохновляясь примѣрами классической древности, онъ кончилъ свою рѣчь слѣдующей знаменитой тирадой: „Messieurs, vous connaissez tous le trait de ce Romain, qui, pour sauver la patrie d'une grande conspiration, avait été contraint d'outre-passer les pouvoirs que lui conféraient les lois. Un tribun captieux exigea de lui le serment de les avoir respectées. Il croyait, par cette interrogation insidieuse, placer le consul dans l'alternative d'un parjure, ou d'un aveu embarassant. Je jure, dit le grand homme, je jure, que j'ai sauvé la république. Messieurs, je jure, que vous avez sauvé la chose publique". Вотъ она, одна и та же мысль, высказываемая столь различными людьми, по столь различнымъ побужденіямъ. Въ обоихъ случаяхъ законъ былъ несомнѣнно нарушенъ. И этого никто не отрицалъ; оправданія искали въ опасности, которой отъ соблюденія закона подвергалось государство. „Клянусь, я спасъ отечество"—сказалъ Цицеронъ. „Клянусь, вы спасли государство" — повторилъ Мирабо. И тотъ же мотивъ, въ переложеніи на современные нравы, звучалъ въ словахъ предсѣдателя совѣта министровъ: „не мнѣ защищать право Государя въ минуту опасности спасать ввѣренную ему Богомъ державу".

Этими словами актъ 3 іюня былъ поставленъ на надлежащее мѣсто. О политической его сторонѣ я говорить не хочу; но юридически онъ былъ признанъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ: *государственнымъ переворотомъ*. И поэтому конституція и послѣ него сохранила всю свою юридическую цѣльность.

Итакъ, какъ я указалъ выше, основные законы измѣнили въ корнѣ взгляды на силу закона и на прерогативы монарха; изъ тѣхъ двухъ противорѣчивыхъ началъ, которыя я отмѣчалъ въ старомъ строѣ, и изъ которыхъ въ немъ торжествовало начало „неограниченности" за счетъ начала „законности", послѣ объявленія конституціи побѣда досталась законности, и терминъ „неограниченности" былъ выкинутъ вовсе.

Но, провозглашая новыя начала, государственная власть должна была приспособить къ нимъ и весь государственный аппаратъ, создать новые органы для исполненія новыхъ функцій. Было ли сдѣлано это? Да, было, но далеко не все. Цѣлый рядъ препонъ, стоявшихъ на дорогѣ законности, не былъ даже затронутъ. Въ прежнемъ видѣ остались законы, регулирующіе гражданскія отношенія: наши законодательныя учрежденія ими вовсе не занимались. Мы не съумѣли поступить какъ французское національное собраніе, которое одновременно и выработало конституцію, и управляло страной, и создало основы для будущаго кодекса Наполеона; кромѣ весьма неудачной попытки разрѣшить земельный вопросъ — весь сумбуръ нашихъ правовыхъ отношеній продолжаетъ царить и по-днесь. Оставлена пока безъ перемѣны и система безотвѣтственности должностныхъ лицъ за должностныя правонарушенія; по видимому, новый проектъ объ этой отвѣтственности очень плохъ и ничтоженъ [1]). Осталось, наконецъ, въ силѣ, даже еще выросло, то униженіе, которому власть подвергала наши суды. Словомъ, старые нравы, наслѣдіе печальнаго прошлаго, во многомъ сохранились. И тѣмъ не менѣе основные законы не отнеслись безразлично къ вопросу, какими мѣрами защитить новыя начала законности отъ безпрерывнаго нарушенія. Они для этого создали три новыхъ института.

Во-первыхъ, была увеличена компетенція Сената; изъ инстанціи, регистрирующей издаваемые верховной властью законы, онъ превратился въ инстанцію контролирующую. Ему дано право— вѣрнѣе, на него возложена обязанность—отказывать въ обнародованіи закона, который былъ бы изданъ внѣзаконнымъ порядкомъ. Это явствуетъ изъ новыхъ статей 91 и 92 основныхъ законовъ, которыми Сенату дано право контроля надъ актами, исходящими отъ верховной власти; Сенатъ можетъ и долженъ не исполнять Высочайшаго повелѣнія опубликованія новаго закона, если найдетъ (ст. 92), что „порядокъ его изданія не соотвѣтствуетъ положеніямъ основныхъ законовъ“. Тотъ конфликтъ верховной власти съ Сенатомъ, который сейчасъ происходитъ въ Финляндіи, и въ разсмотрѣніе котораго я входить не хочу, для Россіи разрѣшается вполнѣ несомнѣнно въ смыслѣ права Сената отказывать въ опубликованіи законодательныхъ

[1]) Со времени прочтенія этой лекціи законопроектъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ былъ внесенъ въ Г. Думу; но, ознакомившись съ нимъ, мнѣ своего отзыва мѣнять не приходится. Этотъ законопроектъ представляетъ любопытный образчикъ того, какъ, не смотря на хорошія слова, на видимыя исправленія—въ существѣ и послѣ реформы все остается по старому.

актовъ. Такимъ образомъ теперь есть органъ, который долженъ наблюдать за чистотой Собранія Узаконеній.

Но нововведенія основныхъ законовъ этимъ не ограничились. Для защиты закономѣрности въ управленіи введены еще два новыхъ института: во-первыхъ, ст. 24 основныхъ законовъ требуетъ, чтобы всѣ указы и повелѣнія Государя, издаваемые въ порядкѣ управленія, носили скрѣпу министра, а во-вторыхъ, ст. 108 создала совершенно новое право парламентскаго запроса.

Таковы новыя и очень важныя измѣненія, которыя основные законы внесли въ дѣло наблюденія за закономѣрностью. И однако ни для кого не тайна — законности не прибавилось. И новые институты оказались столь же безсильными, сколь безсильны были прежніе. На это, конечно, было много причинъ, но позвольте передъ вами коснуться только причинъ юридическихъ.

Только немного словъ я скажу о новой роли Сената. Причина его неудачи совершенно ясна. Исполненія той колоссальной важности функціи, которую на него возложили основные законы, было бы совершеннымъ безуміемъ ожидать отъ стараго Сената. Если нашъ Сенатъ, какъ я старался вамъ показать, по составу своему не могъ справиться даже съ несомнѣнно болѣе скромной задачей — защитой закона отъ его нарушеній министрами, то могъ ли онъ защищать законъ отъ власти верховной, отказывать въ исполненіи Высочайшихъ указовъ? Функція Сената, начертанная ст. 91 и 92 основныхъ законовъ, крайне важна; это—превосходная мысль, которою нельзя не дорожить. Но она можетъ имѣть примѣненіе только въ томъ случаѣ, если самъ Сенатъ по своему устройству, по своему положенію будетъ поставленъ на ту высоту, которая была бы въ уровень съ его правомъ сводить къ нулю работу законодательной власти. А посмотрите, какъ до сихъ поръ исполнялъ эту работу Сенатъ! Мы имѣемъ образчикъ того, какъ онъ примѣнялъ свое право отказать въ опубликованіи; онъ отказался опубликовать наказы Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Но даже и въ этомъ сказалось, въ формѣ весьма печальной, несоотвѣтствіе нашего Сената тѣмъ надеждамъ, которыя на него возлагали. Оказалось, что и здѣсь Сенатъ не выступилъ за законъ, а исполнилъ волю министра. Нашумѣвшій когда-то споръ о правѣ парламентскихъ коммиссій приглашать и выслушивать свѣдущихъ лицъ, въ 1906 г. былъ разрѣшенъ Сенатомъ въ положительномъ смыслѣ; но Дума была распущена, у власти появился П. А. Столыпинъ. Не смотря на указъ Сената, онъ сталъ отрицать за

коммиссіями право обращаться къ экспертамъ—и Сенатъ, когда тотъ же § былъ вновь представленъ ему въ наказѣ Государственнаго Совѣта, въ отмѣну своего прежняго взгляда согласился съ министромъ.

Такъ поступилъ хранитель законности. Удивляться ли, послѣ этого, что онъ опубликовалъ безъ возраженій и актъ 3-го іюня, тотъ актъ, который сама верховная власть объявила изданнымъ въ ненормальномъ порядкѣ, хотя ст. 92 возлагала на него священный и непремѣнный долгъ не обнародовать этого акта? Я себѣ не противорѣчу. Я этотъ актъ признаю въ силѣ закона, но какъ удавшійся переворотъ; но обязанность Сената—не регистрировать перевороты, а наблюдать за закономѣрностью актовъ. И эту обязанность Сенатъ не исполнилъ; прибавлю, что при его теперешнемъ устройствѣ онъ ее и не могъ исполнить.

Гораздо важнѣе и гораздо интереснѣе судьба новаго института — запроса. Вѣдь главное беззаконіе русской жизни—не въ законодательствованіи, а въ управленіи. И если Сенатъ поставленъ на стражѣ законности въ моментъ публикованія незаконнаго акта, то онъ устраненъ отъ непосредственнаго вліянія на ходъ управленія, если не говорить о тѣхъ его функціяхъ надзора, которыя ему принадлежали и раньше. За то основные законы представили въ этой сферѣ широкое поле для дѣятельности новыхъ законодательныхъ учрежденій.

Парламентскій запросъ у насъ имѣетъ своеобразный характеръ. Это не интерпелляція въ заграничномъ смыслѣ этого слова; это не средство освѣдомленія, не способъ вліянія законодательной палаты на ходъ управленія. Это—исключительное орудіе борьбы за законность.

Зачатокъ интерпелляціи есть и у насъ, но онъ помѣщенъ не въ 108 ст. Осн. Законовъ, не въ повторяющей ее ст. 33 Учр. Гос. Думы, а въ ст. 40 Учр. Гос. Думы. Эта статья и неполна, и неясна, и недостаточна; довольно указать, что отвѣтъ министра на вопросъ по этой статьѣ не связанъ никакимъ срокомъ, что министръ можетъ просто отмолчаться. Конечно, практика можетъ придать и этой статьѣ не соотвѣтствующее ея первоначальной цѣли значеніе; добавлю даже, что практика уже пошла въ этомъ направленіи. Но и этотъ вопросъ стоитъ внѣ моей темы, и я возвращаюсь къ запросу.

Парламентъ можетъ запрашивать о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ власти, и область этого запроса если не безпредѣльна, то все же достаточно широка. Законъ ограничиваетъ ее дѣйствіями лицъ „по закону подчиненныхъ Сенату и имъ подвѣ-

домственныхъ учрежденій". Значитъ, есть все-таки лица и учрежденія, которыя отъ дѣйствія запроса изъемлются. Сюда относятся, напримѣръ, Св. Синодъ, самъ Сенатъ, большая часть распоряженій по флоту и арміи. Тѣмъ не менѣе и въ томъ, что несомнѣнно для запроса оставлено, содержится такое широкое поле для беззаконія, что институту запроса бездѣйствовать не приходится.

Я долженъ еще подчеркнуть, что, благодаря новой ст. 24, т.-е. обязательной скрѣпѣ министровъ, право запроса распространяется и на дѣйствія самой верховной власти, на указы, непосредственно отъ нея исходящіе. Разъ на каждомъ Высочайшемъ указѣ должна быть подпись министра, то о содержаніи такихъ указовъ министру всегда можетъ быть предъявленъ запросъ. На этотъ путь, послѣ нѣкоторыхъ чисто редакціонныхъ сомнѣній, вступила и третья Государственная Дума. Въ нее былъ внесенъ запросъ о незаконномъ возобновленіи серій государственнаго казначейства, послѣдовавшемъ въ видѣ Высочайшаго указа Сенату. Это былъ актъ Высочайшей воли, и тѣмъ не менѣе Дума признала его незакономѣрнымъ и о немъ предъявила запросъ. Къ запросу присоединились и правые, сторонники неограниченнаго самодержавія. Вотъ что по этому поводу говорилъ депутатъ Марковъ 2-ой: „Всякій именной Высочайшій указъ, разъ онъ подписанъ Самодержцемъ Всероссійскимъ, будетъ ли онъ соотвѣтствовать тому или иному параграфу того или иного закона, это для насъ безразлично, онъ для насъ—святой законъ. Дабы это оттѣнить, мы просимъ внести эту поправку, т.-е. вмѣсто словъ: „при изданіи" Высочайшаго указа, сказать: „при поднесеніи на благовоззрѣніе Его Императорскаго Величества проекта". Этимъ мы подчеркиваемъ, что нарушителемъ закона считаемъ именно министра финансовъ". Итакъ, правые абсолютисты, сторонники неограниченнаго самодержавія, оговаривались, предъявляя запросъ, что за незаконное дѣйствіе они обвиняютъ только министра финансовъ; но самый рьяный парламентаристъ не могъ бы сказать иначе. Для него парламентская фикція — the king can not do wrong — есть основа всего государственнаго пониманія. Конечно редакцію запроса, слова: „при поднесеніи проекта указа" вмѣсто „при его изданіи", нельзя признать очень удачною; но эта редакціонная уступка правымъ существа не мѣняетъ. Дума признала Высочайшій указъ незакономѣрнымъ и по поводу него предъявила запросъ.

И къ чести нашего правительства должно сказать, что оно не стало прятаться за Высочайшую волю. Министръ финансовъ

принялъ на себя отвѣтственность, и хотя въ своихъ юридическихъ доводахъ онъ былъ совершенно неправъ, но съ политической стороны былъ безупречно корректенъ: онъ говорилъ такъ, какъ конституціонный министръ долженъ говорить передъ парламентомъ.

Итакъ, и законъ, и практика предоставили Думѣ весьма широкое поприще для осуществленія права запроса. Однако и этого средства оказалось далеко недостаточно, чтобы хоть сколько-нибудь улучшить пріемы нашего управленія; не смотря на запросы законность все еще у насъ не водворилась. На это есть много причинъ. Можно обвинять за это и самую Думу; она вообще очень неохотно пользовалась запросомъ, считая его отвлеченіемъ отъ „плодотворной работы"; она обнаружила такую снисходительность къ министерскимъ отвѣтамъ, которая граничила съ попустительствомъ (напримѣръ въ запросѣ по дѣлу Азефа). Однако дѣло не въ этомъ. Первая Дума развила систему запросовъ до гипертрофіи; въ 73 дня она предъявила 381 запросъ. Отношеніе ея къ отвѣтамъ правительства было въ высшей степени рѣзкое. И законности все-таки не прибавилось. Конечно, одна изъ главныхъ причинъ этого—общая невозможность наблюденія за Россіей изъ единаго центра; это не по силамъ никому, не по силамъ и парламенту. Предметъ запроса, при обиліи беззаконій во всѣхъ отрасляхъ русской жизни, по необходимости будетъ случайнымъ. Но все это причины характера политическаго; я хочу говорить не о нихъ. Мнѣ хочется указать на тѣ чисто юридическіе дефекты въ постановкѣ запросовъ, которые допущены какъ будто нарочно затѣмъ, чтобы ослабить ихъ силу.

Чѣмъ, по закону, кончается думскій запросъ въ тѣхъ случаяхъ, когда Дума не удовлетворится отвѣтомъ министра? Это разъяснено ст. 60 Учр. Г. Д.; она гласитъ: „Если Государственная Дума большинствомъ двухъ третей ея членовъ не признаетъ возможнымъ удовлетвориться сообщеніемъ министра или главноуправляющаго отдѣльною частью, то дѣло представляется предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта на Высочайшее благовозврѣніе". Вотъ тотъ своеобразный порядокъ, который существуетъ у насъ, и только у насъ. И правительство имъ дорожитъ. Отвѣчая недавно на запросы по дѣлу о гарантированныхъ желѣзныхъ дорогахъ, министръ финансовъ заявилъ, что правительство признаетъ только эту систему, будетъ считаться только съ нею. А между тѣмъ сколько въ этой излюбленной правительствомъ системѣ страннаго, непонятнаго, нелогичнаго!

Не поразительно ли, во-первыхъ, что постановленіе Г. Думы

о признаніи объясненій министра неудовлетворительными доводится до Высочайшаго свѣдѣнія не *ея* предсѣдателемъ, а предсѣдателемъ второй палаты, Государственнаго Совѣта? Какъ! У Думы есть *свой* предсѣдатель, онъ имѣетъ *свой* докладъ у Государя, онъ самъ, по закону, докладываетъ ему о ходѣ думскихъ работъ—и вдругъ, когда рѣчь заходитъ о такомъ важномъ актѣ, о конфликтѣ Думы съ правительствомъ, онъ теряетъ слово, и представителемъ Думы, выразителемъ ея взгляда, является почему-то предсѣдатель совсѣмъ другого собранія! Это требованіе закона такъ нелогично, такъ нежизненно, скажу болѣе, такъ неисполнимо, что оно любопытно только какъ образчикъ затрудненій, которыя законъ умышленно ставитъ на пути думскихъ запросовъ.

Поставимъ рядомъ съ нимъ и другое—того же порядка. Почему для подобнаго постановленія Думы требуется большинство ²/з? Если простое большинство достаточно, чтобы принять, отмѣнить или измѣнить законопроектъ, если новый законъ создается простымъ большинствомъ, то почему, когда рѣчь заходитъ о его нарушеніи, мнѣніе большинства считается уже недостаточнымъ! Кто слѣдилъ за партійнымъ составомъ Думы, кто знаетъ нашу партійную нетерпимость, тотъ понимаетъ, какъ трудно по какому бы то ни было вопросу характера политическаго собрать большинство ²/з голосовъ. Не даромъ кассація неправильныхъ выборовъ, гдѣ законъ требуетъ того же большинства, превратилась почти въ мертвую букву; за всѣ три Думы было только два случая, гдѣ выборы были кассированы—а неправильностей, и притомъ вопіющихъ, въ избирательныхъ производствахъ было безконечное множество. Это сыграетъ свою роль и въ дѣлѣ запросовъ. Въ настоящее время въ Государственной Думѣ обсуждается запросъ о гарантированныхъ желѣзныхъ дорогахъ; большинство противъ точки зрѣнія, на которую стало правительство, вполнѣ обезпечено; запросъ внесенъ думскимъ центромъ. Однако ²/з голосовъ не соберется, такъ какъ правый флангъ Думы—противъ запроса; и вотъ, становится понятнымъ, почему министръ финансовъ такъ настойчиво требуетъ, чтобы Дума прибѣгла къ голосованію по 60-ой статьѣ. Тамъ исчезнетъ и испарится думское большинство.

Помимо этихъ чисто практическихъ затрудненій, самая основная идея 60-ой статьи не только неудачна, но и глубоко неконституціонна. Что это за институтъ доведенія до свѣдѣнія верховной власти о неудовлетворительности объясненій министра? Не такъ давно одинъ изъ представителей правительства

въ частномъ разговорѣ, не въ видѣ ироніи, а совершенно серьозно, сказалъ: „60-ая статья — это только своеобразный пріемъ подачи прошеній на Высочайшее Имя". Это—убійственное опредѣленіе, а между тѣмъ трудно противъ него возражать; никакого другого юридическаго значенія статья 60-ая не имѣетъ. Но тогда какое въ ней обнаруживается непониманіе самыхъ основъ новаго строя! Во-первыхъ Дума, высшее законодательное учрежденіе, немыслима въ роли просителя; это несовмѣстно ни съ ея достоинствомъ, ни съ ея положеніемъ. Во-вторыхъ—и это самое главное—допущеніе такихъ прошеній ведетъ къ результатамъ, недопустимымъ въ конституціонной странѣ: къ вмѣшательству личности и взгляда монарха въ споръ правительства и представительства. Обращеніе къ монарху цѣлой Думы предполагаетъ отвѣтъ: значить, мыслимъ конфликтъ между короной и Думой. Такой порядокъ несовмѣстенъ и съ положеніемъ монарха, особа и взгляды котораго стоятъ выше критики, выше оспариванія, выше возможнаго столкновенія. Потому-то и во имя достоинства Думы, и во имя достоинства верховной власти ст. 60-ая, которая вмѣшиваетъ мнѣніе монарха въ споръ между министрами и парламентомъ, является нежелательнымъ нововведеніемъ. И немудрено, что за все время существованія всѣхъ трехъ Думъ къ ней ни разу никто не прибѣгнулъ.

Таковы тѣ требованія закона, которыми законодатель старался по возможности обезсилить и обезвредить непріятное для правительства право запроса. Но не смотря на успѣхъ, котораго онъ въ этомъ достигъ, я все же скажу, что институтъ парламентскаго запроса является жизненнымъ и имѣющимъ несомнѣнную будущность. Она, конечно, не въ развитіи и даже не въ усовершенствованіи ст. 60; послѣдняя—искусственный придатокъ, который атрофируется за непримѣненіемъ. Будущность запроса связана вообще съ судьбами народнаго представительства; ростъ его авторитета, его значенія, его вліянія на управленіе—будетъ и ростомъ значенія думской интерпелляціи. Не 60-ая статья, не прошеніе на Высочайшее Имя, а просто осужденіе министра въ формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ—будетъ той угрозой, которая будетъ висѣть надъ правительствомъ. Главная причина безсилія запросовъ до настоящаго времени—совсѣмъ не негодность ихъ юридической постановки, а *политическое безсиліе* Думы. Мнѣніе Думы не импонируетъ, его не боятся, негодованіе Думы—похвальный аттестатъ для министра: вотъ тѣ политическія причины, по которымъ результатъ всѣхъ запросовъ сводился къ нулю.

Вѣдь практика Думы знала запросы классически убѣдительные. Такъ напр., вторая Дума предъявила запросъ о нарушеніи генералъ-губернаторомъ Гершельманомъ закона о неотмѣняемости приговоровъ полевого суда, послѣдствіемъ чего была незаконная казнь четырехъ человѣкъ. Достаточно было выслушать отвѣтъ министерства, чтобы убѣдиться въ неопровержимости запроса. На него отвѣчали сразу три министра. Министръ военный заявилъ, что хотя приговоръ дѣйствительно былъ отмѣненъ, но только потому, что въ немъ были усмотрѣны серьозные процессуальные недочеты. Министръ юстиціи, котораго запросъ въ сущности не касался, разъяснилъ, что генералъ Гершельманъ совсѣмъ не отмѣнялъ приговора, а только приказалъ не приводить его въ исполненіе. Представитель министерства внутреннихъ дѣлъ добавилъ, что генералъ Гершельманъ и не отмѣнялъ, и не останавливалъ приговора, потому что никакого приговора и не было. Вотъ тотъ отвѣтъ, который дали представители объединеннаго кабинета и который краснорѣчивѣе всякихъ думскимъ рѣчей обнаружилъ превышеніе власти, ресовершенное генералъ-губернаторомъ. Но что же вышло въ результатѣ такого запроса? Ничего. Генералъ Гершельманъ не только не понесъ наказанія, но остался на мѣстѣ — и единственнымъ послѣдствіемъ думскихъ рѣчей была иллюстрація какъ безсилія Думы въ дѣлѣ защиты закона, такъ и солидарности всего кабинета съ превышеніемъ власти, учиненнымъ генералъ-губернаторомъ. Но та же практика Думы указываетъ намъ и примѣръ того, какъ постановленіе Думы можетъ влiять на правительство. Мы сейчасъ переживаемъ своеобразное время. Правительство вовсе не глухо къ голосу общества, оно не позволяетъ себѣ съ нимъ не считаться. Но оно, говоря фигурально, слышитъ только однимъ ухомъ; оно чувствительно только къ указаніямъ *справа*. Оно не рѣшается отстаивать своей мысли, когда общественные дѣятели считаютъ ее слишкомъ передовой; оно боится упрека въ либерализмѣ. Правительство доказываетъ это повседневно; доказываетъ тѣми уступками, которыя оно дѣлаетъ въ угоду объединенному дворянству, въ угоду совѣту мѣстнаго хозяйства. То же самое происходитъ съ нимъ и въ сферѣ запросовъ. Правительство не боится быть уличеннымъ въ беззаконіяхъ, которыя оно дѣлаетъ во славу реакціи, во славу старыхъ порядковъ; но оно не можетъ выдержать обличенія въ потворствѣ новымъ идеямъ. Стоило справа внести запросъ, направленный противъ прежняго министра народнаго просвѣщенія— и судьба министра была рѣшена. Стоило справа и изъ центра

обвинить правительство въ уваженіи къ дарованной Финляндіи конституціи,—и хотя этотъ запросъ юридически былъ вполнѣ незаконенъ, правительство поспѣшило снять съ себя незаслуженный упрекъ. Будетъ время, и оно недалеко, когда государственная власть пойметъ, что спасеніе не только въ реакціи, не только въ попираніи права, когда она пойметъ, что у нея есть иныя задачи, кромѣ борьбы съ закономъ и общественнымъ мнѣніемъ—и тогда голосъ Думы, и помимо 60-ой статьи, не будетъ раздаваться безплодно. И потому-то, повторяю, институтъ запроса, данный въ защиту законности, имѣетъ у насъ ту же будущность, какую вообще имѣетъ народное представительство; они вмѣстѣ родились, переживаютъ одну и ту же судьбу, вмѣстѣ побѣдятъ или вмѣстѣ падутъ.

Мнѣ пора кончить. Я старался намѣтить тѣ области, гдѣ нужны реформы, коренныя и неотложныя, для того чтобы законность, о которой вздыхаютъ съ начала прошлаго вѣка, перестала быть той синей птицей, которую всѣ ловятъ и никакъ не могутъ поймать. И главная, основная и самая трудная изъ всѣхъ этихъ реформъ уже сдѣлана: неограниченнаго самодержавія болѣе нѣтъ. Законность не отрицается въ самомъ принципѣ; начала „правового строя“— одно упоминаніе о которомъ въ прежнее время считалось опаснымъ,—теперь объявлено основой нашихъ порядковъ. Теперь приходится уже не бороться съ существующимъ строемъ, а лишь выводить логическія послѣдствія изъ того, что̀ уже сдѣлано, осуществить то, что̀ обѣщано. Теперь законность не только *можетъ* придти въ нашу жизнь; она *должна* придти, или весь новый порядокъ станетъ обманомъ.

Но что же нужно сдѣлать сейчасъ?!

Нужно сдѣлать еще немало для того, чтобы нашъ государственный механизмъ привести въ соотвѣтствіе съ тѣми новыми идеями государственности, которыя нынѣ объявлены.

Необходима реформа Сената. Это понятно было и Государственному Совѣту, который самъ, во время второй Государственной Думы, въ порядкѣ законодательной инициативы, пытался провести такую реформу,—и центру нашей Государственной Думы, который сейчасъ обсуждаетъ этотъ вопросъ въ думской судебной коммиссіи. Реформѣ противится министерство юстиціи, основательно находя, что независимость Сената сдѣлаетъ изъ него слугу закона, органъ контроля надъ властью, а не орудіе ея усмотрѣнія. И пока наше правительство идетъ не во главѣ необходимыхъ реформъ, а стремится къ возможной ихъ ликвидаціи, оно постарается удержать Сенатъ въ прежнемъ его положеніи.

Это понятно. Но сторонники законности должны твердо помнить, что главная опасность для законности лежитъ въ самомъ правительствѣ, и что охранять законъ отъ правительства можетъ только тотъ органъ, который будетъ отъ правительства независимъ. Поступить иначе, значило бы поступить по рецепту Сперанскаго, который, какъ я уже говорилъ, писалъ: „...всѣ установленія такъ должны быть соображены, чтобы они въ мнѣніи народномъ казались дѣйствующими, но никогда не дѣйствовали бы на самомъ дѣлѣ“.

Но недостаточно отмѣнять незаконныя распоряженія послѣ того, какъ они уже состоялись: ихъ надо предупреждать. Это можетъ сдѣлать система строгой отвѣтственности. И мнѣ незачѣмъ вновь говорить, въ какомъ направленіи должна быть проведена эта реформа. Правительство прекрасно понимаетъ это само. Въ тотъ краткій періодъ либеральныхъ реформъ, который мы пережили въ 1905—1906 гг., въ частномъ законѣ о выборахъ въ Думу правительство уже успѣло для этого частнаго случая провести законъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ за должностное преступленіе, но *въ общемъ порядкѣ*. Это, именно это и должно быть основой реформы.

Но эта отвѣтственность должностныхъ лицъ должна предупреждать не только явное превышеніе предѣловъ компетенціи власти, но и всякое неправильное пользованіе ею. Въ дѣятельность власти, всякой власти непремѣнно входитъ элементъ усмотрѣнія; законъ не можетъ все предвидѣть, не можетъ не имѣть нѣкотораго довѣрія къ власти. Между тѣмъ злоупотребленіе довѣріемъ возможно и въ предѣлахъ того, что̀ законъ предоставилъ усмотрѣнію власти. Возьмемъ, напр., исключительное положеніе. Я не хочу говорить о томъ невозможномъ законѣ, который въ Думу внесенъ, принятіе котораго было бы просто скандаломъ. Однако и въ самомъ лучшемъ законѣ, при исключительномъ положеніи будутъ предоставлены нѣкоторыя экстраординарныя права по отношенію къ личности, прессѣ, собраніямъ и т. п. И вотъ, для того, чтобы эти права не превратились въ источникъ произвола, личной мести, вымогательствъ, необходимо, чтобы должностное лицо было отвѣтственно и за тѣ случаи, когда въ предѣлахъ права, ему предоставленнаго, оно будетъ пользоваться имъ не ради тѣхъ цѣлей, для которыхъ было дано самое право, чтобы должностное лицо, надѣленное дискреціонной властью, въ силу одного этого не могло считать себя совсѣмъ безотвѣтственнымъ. Если не внести этого корректива, то мы станемъ передъ роковой альтернативой: или не давать должностному лицу достаточ-

наго количества власти, или заранѣе примириться съ злоупотребленіемъ ею. Система широкой отвѣтственности дастъ выходъ изъ этого.

Но если будетъ проведено это начало, то тѣмъ необходимѣе станетъ и реформа *суда*. Провести ее всего легче. Здѣсь придется не столько реформировать, сколько реставрировать. Необходимо будетъ не только расширить компетенцію суда, что очень важно, но на прочномъ фундаментѣ основать его независимость. Въ этомъ — центръ вопроса. Авторитетъ судебнаго вѣдомства былъ подорванъ именно тогда, когда была подорвана его независимость; этимъ каналомъ развратъ политиканства и карьеризма проникъ въ судебную атмосферу. Но хорошія традиціи еще живы, еще незабыты, и воскресить ихъ будетъ не трудно.

Нужно будетъ, затѣмъ, пересмотрѣть постепенно и всѣ томы нашего Свода Законовъ, позаботиться о начертаніи единаго, равнаго для всѣхъ сословій гражданскаго кодекса. Публичное право въ концѣ концовъ всегда стоитъ на томъ же уровнѣ, что и право гражданское; законность, т.-е. прежде всего опредѣленность и ясность правовыхъ отношеній, должна проникать всю жизнь, составлять атмосферу нашей общественности. И съ этой точки зрѣнія я скажу, что законъ 9 ноября преслѣдовалъ благую цѣль: установленіе твердыхъ правилъ въ сферѣ земельныхъ отношеній крестьянъ. Это не значитъ, чтобы я былъ сторонникомъ самаго закона. Я очень опасаюсь, что вмѣсто пользы онъ принесетъ одинъ вредъ, и экономическій, и юридическій. Но самая цѣль закона—внести опредѣленность и ясность въ сферу, гдѣ все держалось силой привычки — есть именно та, которую непремѣнно должны поставить себѣ будущіе законодатели. Имъ удастся, быть можетъ, осуществить ее лучше, чѣмъ это удалось въ названномъ мною законѣ.

Таковы тѣ законодательныя улучшенія, которыя въ первую же очередь должно внести; но они получатъ все свое значеніе только тогда, когда одновременно съ этимъ произойдетъ измѣненіе политическихъ нравовъ, совершится перемѣна въ правовыхъ воззрѣніяхъ нашихъ.

Наша государственная жизнь слишкомъ долго — въ цѣломъ рядѣ поколѣній—насъ не воспитывала, а развращала. Вся Россія дѣлилась на двѣ неравныхъ половины: на правителей и управляемыхъ—и ни для кого не тайна, что эти двѣ половины были двумя враждебными станами, отношенія между которыми опредѣлялись не силою права, а правомъ сильнаго.

И немудрено, что законностью въ ихъ отношеніяхъ не могъ

никто изъ нихъ дорожить. Для однихъ, для управляемыхъ, законъ былъ приказомъ противнаго лагеря, былъ началомъ враждебнымъ и чуждымъ, навязаннымъ единою силой; для другихъ, для тѣхъ, кто его создавалъ, законъ былъ только уступкой, добровольнымъ отказомъ отъ произвола, стѣсненіемъ, часто помѣхой.

И потому въ отрицаніи законности, какъ цѣнности самой по себѣ, сходились обѣ крайности: и власть, и враги власти.

Мы возмущались злоупотребленіями властей, нарушеніемъ закона, но возмущались не столько самымъ фактомъ этого нарушенія, сколько цѣлью, съ которой оно дѣлалось; и мало было педантовъ-законниковъ, которые бы не одобрили такого нарушенія, если бы оно было направлено къ цѣли намъ симпатичной.

На той же позиціи стояла и власть; она освящала любыя злоупотребленія, любыя нарушенія, когда они дѣлались сообразно „видамъ правительства"; она была безпощадна, если это ея видамъ противорѣчило.

И на этомъ общемъ пренебреженіи къ началу законности, на сознаніи его безсилія и ненужности воспитывались цѣлыя поколѣнія русскихъ людей.

Конституція провозгласила иное начало, но нравы не перемѣнились: уваженіе къ закону не возросло. И въ послѣдней, отчаянной схваткѣ власти и общества, законъ не игралъ никакой роли, не стѣснялъ никого.

Сначала побѣда была на сторонѣ общества—и въ это время обнаружилось его полное пренебреженіе къ закону. Общество знало лишь естественныя права человѣка, а нормы положительнаго права нарушало съ сознаніемъ своей правоты. „Захватное право", „явочный порядокъ"—вотъ тѣ понятія, которыя оставила намъ эта эпоха пробужденія общества.

Иного и не бываетъ въ моментъ такихъ пробужденій; но когда возбужденіе спало, смѣнилось реакціей, когда правительство вернулось на мѣсто и, будучи естественнымъ защитникомъ закона, имѣло и возможность, и долгъ показать, что начала, имъ провозглашенныя, объявлены не на вѣтеръ, не для рекламы, тогда закоренѣлыя привычки, старые нравы одержали верхъ надъ торжественнымъ обѣщаніемъ—и началось такое господство беззаконія и безправія, какого мы не видѣли даже и прежде.

Обновленный строй не можетъ существовать при беззаконіи; и вотъ, чтобы примирить противорѣчіе между нашей формой правленія и пріемами нашего управленія, появилась особая теорія, теорія революціоннаго момента. „Бываютъ—сказалъ предсѣдатель совѣта министровъ, въ своей рѣчи 13-го марта 1907 г.—ро-

ковыя минуты въ жизни государства, когда государственная необходимость стоитъ выше права, и когда надлежитъ выбирать между цѣлостью теоріи и цѣлостью отечества".

Это — старая теорія, которая не въ первый разъ выдвигается для оправданія беззаконія. Вотъ еще небольшая цитата: „vous confondez la situation d'un peuple en révolution avec celle d'un peuple dont le gouvernement est affermi .. C'est une contradiction trop grossière de supposer que la constitution puisse présider à ce nouvel ordre de choses; ce serait supposer qu'elle survit à elle-même. Quelles sont les lois qui la remplacent? Celles de la nature; celle qui est la base de la société même, le salut du peuple..."

Это говорилъ уже не П. А. Столыпинъ, защищая полевые суды; это говорилъ Робеспьеръ, настаивая на казни Людовика. Сколь различны поводы, сколь различны люди и сколь одинаковое міровоззрѣніе!

Россія не успокоится, пока мы будемъ жить такими теоріями, пока власть и общество не объединятся на высшемъ началѣ, пока ихъ существованіе будетъ только взаимной борьбой, и они будутъ крутиться въ отчаянной схваткѣ, какъ схватившіе другъ друга за горло борцы. Кто бы ни былъ въ данный моментъ наверху, государство, какъ цѣлое, въ такіе моменты безсильно. Мы это на себѣ испытали. И конституціонная Россія на дняхъ пережила новую Цусиму, пережила новое униженіе. Горе тому, кто не пойметъ, чему учатъ такія событія, какое предостереженіе они даютъ тѣмъ, кто во взаимной борьбѣ забылъ о своемъ долгѣ передъ исторіей! Не уничтоженіе ослабленнаго противника даетъ прочную побѣду внутри: ее даетъ только искреннее примиреніе. Пусть наша власть, отъ которой сейчасъ зависитъ дать то или другое направленіе нашей политикѣ, помнитъ, что русское общество не склонитъ передъ ней своей головы такъ же покорно, какъ она склонила ее передъ угрозой Германіи.

Власть не должна ни ждать, ни требовать отъ общества покорности себѣ, подчиненія ея „видамъ" и „предначертаніямъ". Кромѣ обостренія борьбы и взаимнаго озлобленія на этомъ пути ее не ждетъ ничего. Внутренняя распря двухъ основныхъ элементовъ государства — власти и общества — окончится только тогда, когда обѣ стороны одинаково склонятся передъ тѣмъ, что̀ выше и той и другой, и обязательно для обѣихъ: передъ общимъ для всѣхъ закономъ.

В. Маклаковъ.

ГУСИНЫЕ ПОТРОХА

Josef Ruederer. Das Gansjung. Разсказъ [1]).

У бѣднаго адъюнкта была сегодня неудача за неудачей. Онъ взволнованно сбѣжалъ съ лѣстницы новой ратуши и вышелъ на городскую площадь. Его начальникъ такъ распушилъ его утромъ, что у него до сихъ поръ звенѣло въ ушахъ. И бургомистръ былъ тоже немилостивъ. „Вотъ какъ приходится страдать, — думалъ адъюнктъ, — когда состоишь въ маленькой должности, корпишь надъ бумагами цѣлый день и лишь въ полдень получаешь милостивое разрѣшеніе оставить службу на часъ, чтобы наскоро проглотить свой жалкій обѣдъ“.

Въ дѣйствительности адъюнктъ располагалъ цѣлыми двумя часами, отъ двѣнадцати до двухъ, но его пылкое воображеніе все преувеличивало, и онъ не могъ отрѣшиться отъ мысли, что у него на обѣдъ всего пятьдесятъ минутъ. При этомъ ему приходится идти въ отдаленный кварталъ, такъ что нужно страшно торопиться, чтобы вернуться во-время, какъ солдатъ на сборъ. Его начальникъ, конечно, могъ жить поближе и дорого платить за квартиру, не говоря уже о бургомистрѣ. Такіе господа, понятно, могутъ обѣдать, не торопясь. Если вздумается,

---

[1]) Іосифъ Рюдереръ—молодой мюнхенскій писатель, очень выдвинувшійся въ послѣдніе годы своими реалистическими разсказами, ярко рисующими, съ сатирическимъ оттѣнкомъ, психологію и жизненную борьбу среднихъ людей. Разсказъ „Гусиные потроха“ (Das Gansjung) взятъ изъ сборника „Tragikomödien“. Кромѣ этой книги, наиболѣе извѣстенъ романъ Рюдерера „Ein Verrückter“, изображающій трагическую судьбу учителя, загубленнаго разладомъ съ своей средой. Другія произведенія Рюдерера: „Wallfahrer, Maler und Mördergeschichten“, „Höllischer Spuck“ и нѣсколько комедій.—З. В.

они явятся часомъ позже; а вотъ несчастный адъюнктъ долженъ скорѣе бѣжать изъ дому, не успѣвъ проглотить послѣднiй кусокъ. Если бы хоть жалованье было хорошее, а то сто марокъ въ мѣсяцъ, безъ надежды на скорую прибавку — какъ съ этимъ прожить, когда у человѣка жена и трое маленькихъ дѣтей?

Пылкая фантазiя адъюнкта и на этотъ разъ подшутила надъ нимъ и даже вдвойнѣ. На самомъ дѣлѣ у него было сто-двадцать марокъ мѣсячнаго жалованья и только двое дѣтей; относительно третьяго не было извѣстно еще ничего опредѣленнаго. Правда, нѣсколько недѣль тому назадъ жена адъюнкта сдѣлала ему туманный намекъ, отъ котораго у него волосы встали дыбомъ. Ни о чемъ несомнѣнномъ, однако, не было даже рѣчи и не должно быть рѣчи, ибо онъ заявилъ своей супругѣ столь же невѣжливо, какъ и рѣшительно, что онъ разъ навсегда не желаетъ подобныхъ событiй и отодвигаетъ ихъ въ область невозможнаго. Но для его сегодняшняго настроенiя этотъ предполагаемый ребенокъ пришелся какъ нельзя болѣе кстати. Въ концѣ концовъ онъ мысленно принялъ его въ лоно своей семьи и сталъ ломать себѣ голову: какъ онъ прокормитъ еще ребенка при ста маркахъ жалованья?

На этой ничтожной суммѣ онъ твердо стоялъ, продолжая свой путь. Онъ прямо въѣлся въ эту мысль, которая доставляла ему какое-то мрачное наслажденiе. Онъ злобно ударялъ тонкой палкой о край панели, и это его нѣсколько успокоило, такъ какъ его смѣлое воображенiе превращало твердый камень въ широкую спину его начальника. Онъ тѣмъ яростнѣе колотилъ камень.

Ахъ, Господи, если бы хоть разъ отвести душу! Вотъ выиграй онъ двѣсти тысячъ, тогда можно было бы разрѣшить себѣ такую шутку и осуществить то, что̀ теперь онъ могъ только представлять себѣ въ воображенiи. Вотъ тогда бы онъ дѣйствительно такъ отколотилъ начальника, что тотъ бы запомнилъ на всю жизнь. Нѣсколько марокъ штрафа онъ бы охотно за это заплатилъ. Онъ бы началъ съ бургомистра, а потомъ спускался бы внизъ въ iерархическомъ порядкѣ и отколотилъ бы всѣхъ совѣтниковъ до послѣдняго ассесора. Вотъ была бы потѣха!

О себѣ и о своей семьѣ онъ бы тоже съумѣлъ позаботиться. Въ первое же воскресенье они отправились бы всѣ въ экипажѣ за городъ, покатались бы на пароходѣ, ни въ чемъ себѣ не отказывая, а поздно вечеромъ поѣхали бы ужинать въ придворную пивную или въ какой-нибудь изъ лучшихъ рестора-

новъ или кафе. На слѣдующій день онъ лежалъ бы въ постели до одиннадцати часовъ, а потомъ—это было апогеемъ его желаній—излилъ бы передъ старымъ канцелярскимъ служителемъ всю злобу, накопившуюся въ немъ за долгіе годы службы, еслибы тотъ вздумалъ придти звать его на службу. Вотъ тогда и понедѣльникъ былъ бы пріятнымъ днемъ. А то вѣдь адъюнктъ недолюбливалъ понедѣльникъ. Жена его обыкновенно не могла добудиться его въ этотъ день. Когда, наконецъ, онъ послѣ долгаго колебанія готовъ былъ къ уходу, то отправлялся въ канцелярію съ горькими проклятіями на судьбу. Конечно, онъ наканунѣ никогда такъ не роскошествовалъ, какъ представлялъ себѣ теперь въ воображеніи, но все же достаточно предавался излишествамъ, чтобы начало недѣли сопровождалось изряднымъ похмѣльемъ.

Полуденный звонъ въ церкви по близости вывелъ адъюнкта изъ его размышленій. Онъ посмотрѣлъ на часы, которые регулярно спѣшили на пять минутъ, когда онъ отправлялся на службу. По нимъ онъ бросилъ перо ровно въ двѣнадцать часовъ. Послѣднее слово—правда, оно было очень длинное — онъ даже не дописалъ до конца. И вдругъ эти проклятые колокола только теперь, когда онъ уже ушелъ изъ канцеляріи, возвѣщаютъ о часѣ обѣда. Что если начальникъ требовалъ его за это время? Ну, да пускай, рѣшилъ онъ, энергичнымъ жестомъ укрѣпляя на носу стальные очки.

Онъ такъ погрузился въ мысли, что все время, самъ этого не замѣчая, расхаживалъ по городской площади. Очнувшись, онъ быстро направился мимо спѣшившихъ людей къ аркѣ старой ратуши.

Онъ каждый день продѣлывалъ тотъ же путь черезъ старый Мюнхенъ, мимо лавокъ старьевщиковъ, черезъ Изарскія ворота. Иногда только онъ, въ видѣ исключенія, шелъ черезъ рынокъ. Но это случалось очень рѣдко—только тогда, когда онъ бывалъ или въ очень хорошемъ, или въ очень дурномъ настроеніи. Въ первомъ случаѣ онъ самъ дѣлалъ закупки, и это было всегда огромнымъ событіемъ. Случалось это большей частью въ началѣ мѣсяца. Онъ тогда дѣловито ходилъ изъ лавки въ лавку, обнюхивая всѣ выставленные товары, плоды, пестрые овощи подъ огромными зонтами, или же дарилъ свое вниманіе мясникамъ и торговкамъ живностью. Онъ бралъ все въ руки—у него была привычка глядѣть пальцами—и по десяти разъ вертѣлъ въ рукѣ голубя или кусокъ окровавленнаго мяса, а потомъ презрительнымъ жестомъ бросалъ его обратно на прилавокъ. При этомъ онъ велъ

длинные разговоры съ торговками. Онъ любилъ болтать дома, разговаривалъ на лѣстницѣ со всѣми жильцами, но больше всего ему нравились суета и гамъ на рынкѣ. Онъ самъ родился въ одномъ изъ переулковъ, прилегающихъ къ рынку. День, когда онъ могъ покупать, былъ для него поэтому истинно радостнымъ.

Въ плохіе дни—они большею частію совпадали съ концомъ мѣсяца—было совсѣмъ другое. Адъюнктъ шелъ тогда черезъ рыночную площадь быстрыми шагами, бросая ядовитые взгляды вправо и влѣво, все время плевался и не вступалъ ни въ какіе разговоры съ торговками, какъ бы привѣтливо онѣ его ни встрѣчали во всѣхъ лавкахъ словами: „Здравствуйте, господинъ адъюнктъ“. Случалось, при этомъ, что онъ намѣренно или нечаянно опрокидывалъ корзину съ фруктами, и фрукты разсыпались во всѣ стороны. Больше всего его бѣсили кухарки изъ хорошихъ домовъ; онѣ заграждали ему путь своими нагруженными корзинами, когда останавливались поболтать. Не одну онъ толкалъ въ бокъ, и если какая-нибудь изъ нихъ выражала неудовольствіе, то онъ еще вдобавокъ награждалъ ее соотвѣтствующими эпитетами.

— Богатые люди слишкомъ объѣдаются,—говорилъ онъ, утверждая, что ему это противно. Онъ вообще не одобрялъ богатыхъ людей, въ особенности если у нихъ были собственные экипажи.

Непріязнь къ богатымъ снова проснулась въ немъ, когда мимо него промчалась изящная коляска, заставивъ его быстро отскочить на скользкій тротуаръ. Страшно испуганный, онъ посылалъ бѣшеныя проклятія вслѣдъ умчавшемуся экипажу. Смѣлый прыжокъ отбросилъ маленькаго, неуклюжаго адъюнкта къ стѣнѣ, покрытой пестрыми афишами.

„Друзья и товарищи“... прочелъ онъ. На сегодняшній вечеръ, въ восемь часовъ, назначено было народное собраніе въ большой мюнхенской пивной. Докладъ о вредѣ капитализма.

— Браво, браво!—ехидствовалъ адъюнктъ.—Всѣмъ бы имъ скорѣе головы долой. Соціалъ-демократы совершенно правы. Они, по крайней мѣрѣ, хотятъ добра людямъ.

На выборахъ онъ уже давно подавалъ голосъ за соціалъ-демократовъ. Правда, посѣщать собранія было небезопасно. Это могло бы, не дай Богъ, повести къ потерѣ мѣста. Мѣста! Адъюнктъ хрипло засмѣялся при мысли о своемъ мѣстѣ. Одна насмѣшка—это мѣсто, больше ничего. Потомъ его злоба перешла въ грусть о томъ, что у него такая собачья жизнь, всю горечь которой онъ теперь особенно больно чувствовалъ. Такіе

внезапные переходы настроенiй бывали у него очень часто, и онъ обыкновенно плакалъ въ такихъ случаяхъ, какъ безпомощное дитя, брошенное посреди дороги. Ему не хотѣлось пройти по рынку въ такомъ состоянiи духа. Онъ опустилъ голову, точно не хотѣлъ выдавать своей печали, оперся на свою палку и медленно пошелъ по улицѣ.

Ему было дѣйствительно тяжело на душѣ, бѣднягѣ. Оставалось еще пять дней до конца мѣсяца, и онъ не зналъ, гдѣ добыть денегъ.

Слишкомъ ужъ хорошъ былъ май. Какъ на зло, каждое воскресенье сiяло солнце, маня на воздухъ. А въ добавокъ предстоялъ еще Троицынъ день, потомъ еще одинъ праздникъ. Какъ же было оставаться дома въ тѣ единственные дни, когда онъ могъ немножко отдышаться? Ужъ если нельзя себѣ доставить такое маленькое удовольствiе, то прямо не стоитъ служить.

— Значитъ, вовсе не нужно обвинять себя въ легкомыслiи,—повторялъ адъюнктъ, продолжая путь. Проходя мимо церкви Св. Духа, онъ слегка приподнялъ шляпу. Хотя онъ и подавалъ голосъ за соцiалъ-демократовъ, но все же не всѣ ихъ принципы перешли у него въ плоть и кровь. Онъ выписывалъ консервативную газету, которая давала утромъ и вечеромъ прекрасныя иллюстрацiи. Зато онъ считалъ своимъ долгомъ передъ партiей, которой давалъ свой голосъ, поворчать послѣ легкаго поклона передъ церковью. Онъ какъ бы считалъ неумѣстной свою вѣжливость по отношенiю къ Богу, который все равно ему не помогалъ, хотя онъ и ходилъ каждое восресенье съ женой и ребенкомъ въ церковь передъ поѣздкой за городъ.

Едва онъ снова утвердилъ на головѣ шляпу, какъ остановился и сталъ прислушиваться къ звукамъ, доносившимся съ рынка. Что̀ тамъ случилось? Скандалъ, сборище, драка или что-нибудь другое въ томъ же родѣ? У адъюнкта былъ очень тонкiй слухъ въ подобныхъ случаяхъ, такъ какъ его радостно возбуждала всякая возможность развлеченiя въ его однообразной жизни. Вскорѣ оказалось, что онъ не ошибся. Все ближе, все громче раздавался крикъ, и вотъ изъ-за угла церкви показалась толпа кричащихъ мужчинъ и женщинъ; огромный спутанный клубокъ ревущихъ людей обвился вокругъ чего-то въ центрѣ; всѣ неслись къ аркѣ старой ратуши.

Адъюнктъ не могъ равнодушно смотрѣть на все это. Онъ забылъ про жену, дѣтей, про всѣ заботы. Онъ чувствовалъ только, что его мѣсто теперь тамъ, среди другихъ. Онъ сталъ высоко размахивать палкой въ воздухѣ и быстро помчался за

толпой народа. И отъ общихъ криковъ ему тоже не хотѣлось отставать.

— Эй, эй! Тише, тише! Осторожно!—кричалъ онъ, что было силъ, пока наконецъ не нагналъ толпу. Онъ протолкался, расчищая себѣ путь локтями, и неистово ревѣлъ, оборачиваясь по сторонамъ:—Что случилось? Въ чемъ дѣло? Скажите же наконецъ!

Но никакого отвѣта на свои взволнованные вопросы онъ не получилъ. Пробравшись дальше, онъ увидѣлъ, наконецъ, что всѣ, точно одержимые, напираютъ на кого-то въ центрѣ толпы.

— Это она, она украла! Она, негодяйка!—кричали вокругъ.

Теперь, наконецъ, адъюнктъ смогъ разобраться въ томъ, что происходило. Зрѣлище было очень странное. Два жандарма тащили женщину, которая едва могла стоять на ногахъ. И это была не нищенка, не торговка или уличная женщина, а изящно одѣтая дама. Шляпу ей сорвали съ головы; прекрасные свѣтлые волосы висѣли спутанными прядями со всѣхъ сторонъ.

Адъюнктъ былъ пораженъ. Онъ поспѣшно надѣлилъ тумаками нѣсколькихъ людей около себя и протолкался впередъ. Теперь, наконецъ, онъ могъ разглядѣть лицо молодой женщины. Оно было довольно обыкновенное, нѣсколько грубоватое, но вполнѣ подходило своими круглыми щеками и глубокими ямочками къ полной фигурѣ арестованной женщины. Еслибы эта женщина въ своемъ изящномъ сѣромъ лѣтнемъ костюмѣ свободно шла по улицѣ, адъюнктъ бы рѣшилъ, что она очаровательна. На ея добродушномъ лицѣ выдѣлялись красивые каріе глаза, озиравшіеся теперь съ выраженіемъ ужаса. Вся ея фигура выражала полное отчаяніе.

И эта женщина воровка?

Адъюнктъ не зналъ, что ему думать.

Онъ весь дрожалъ отъ волненія. Ничего подобнаго онъ еще никогда не переживалъ. Первымъ его чувствомъ при видѣ безпомощнаго лица была глубокая жалость; но увидавъ, какъ вокругъ нея реветъ толпа, какъ жандармы безцеремонно толкаютъ ее впередъ, онъ понялъ, что она совершила тяжкое преступленіе. И такъ какъ всѣ вокругъ кричали, то онъ тоже въ концѣ концовъ сталъ кричать вмѣстѣ съ другими, чтобы дать хоть какой-нибудь исходъ мучившему его любопытству. Ни отъ кого нельзя было узнать что бы то ни было; всѣ вели себя точно выпущенные изъ сумасшедшаго дома. Неистовѣе всѣхъ кричала старая женщина, которая шла по пятамъ арестованной. Это была торговка живностью, женщина, извѣстная своей грубостью. Ея всѣ боялись, и торговаться съ ней не было возможности.

Адъюнктъ это зналъ по собственному опыту. Поэтому онъ ненавидѣлъ старуху, которая ревѣла больше всѣхъ, и былъ бы радъ дать ей здороваго тумака.

Вдругъ толпа замолкла на минуту. Жандармы остановили проѣзжавшую наемную коляску, съ трудомъ втолкнули въ нее полумертвую женщину, потомъ сами сѣли рядомъ и уѣхали при громкихъ возгласахъ разросшейся толпы. Кучеру данъ былъ приказъ ѣхать въ полицію.

У адъюнкта лопнуло терпѣніе. Онъ весь трясся какъ въ лихорадкѣ.

— Я хочу знать, что̀ случилось!—крикнулъ онъ человѣку, стоявшему рядомъ съ нимъ.—Я служу въ городскомъ совѣтѣ и имѣю право требовать объясненія. Поняли меня?

— Да что тамъ знать? — отвѣтилъ сосѣдъ. — Украла, негодяйка.

— Такъ-таки и украла?

— Да, — насмѣшливо отвѣтилъ сосѣдъ.—Не сомнѣвайтесь. И это называется образованными людьми! Это знатные господа!

Громкій взрывъ смѣха послѣдовалъ за этими словами. Жалость, которую адъюнктъ почувствовалъ на минуту къ арестованной, исчезла, уступая мѣсто совсѣмъ другимъ чувствамъ.

— Что̀ же она собственно украла?—продолжалъ онъ разспрашивать съ чувствомъ нѣкотораго внутренняго удовлетворенія.

— Гусиные потроха стащила.

— Да неужели?

Въ его вопросѣ слышалась откровенная радость. Вотъ они каковы, эти богатые люди! Онъ всегда ихъ ни во что не ставилъ.

— Спросите у самой фрау Шеппенбауэръ,—продолжалъ его собесѣдникъ.

Адъюнктъ направился къ сварливой торговкѣ. Но ему не удалось сразу подступить къ ней, потому что она все еще разсказывала рѣзкимъ голосомъ, широко раскрывъ ротъ, какъ все случилось. Разсказъ свой она сопровождала краснорѣчивыми жестами, размахивая руками во всѣ стороны.

— Фрау Шеппенбауэръ, разскажите же мнѣ, что̀ случилось! Мы вѣдь старые знакомые,—обратился къ ней адъюнктъ.

Разъяренная женщина даже не обернулась къ нему. Ему пришлось терпѣливо ждать, пока уляжется первое возбужденіе торговки. Наконецъ, часть собравшихся зѣвакъ разбрелась, и онъ рѣшительно подошелъ къ ней. Онъ схватилъ ее за руку и потащилъ за собой; за нимъ двинулась толпа людей.

— Фрау Шеппенбауэръ, — снова началъ онъ, — мы вѣдь

знаемъ другъ друга. Поговорите же со мной и разскажите въ точности, какъ все случилось.

Торговка стала разсказывать, и вскорѣ вокругъ нея образовался новый кружокъ. Она говорила спутанно, отрывистыми фразами, то ругаясь, то спокойно передавая ходъ событій. Адъюнктъ жадно слушалъ ея разсказъ о томъ, какъ нарядная барыня подошла къ ней покупать курицу. Она пошла за курицей вглубь лавки, но когда вернулась къ прилавку, то сейчасъ же замѣтила, что пропали гусиные потроха. Ихъ у нея лежало пять штукъ. А кромѣ франтихи-барыни никого не было.

— Сначала-то я вѣдь и не посмѣла ни слова сказать,—продолжала торговка.—Но когда она повернулась уходить, я такъ-таки спросила про потроха. Она покраснѣла, а я тогда и догадалась, выскочила изъ лавки да хвать—вытащила у нея изъ рукъ корзину. И что же вы думаете лежало сверху? Конечно, потроха! Ну, ужъ я и стала тогда такъ ругаться, такъ кричать, что сбѣжались люди со всѣхъ сторонъ. И господа жандармы явились. Они хотѣли все записать, а такъ какъ она не желала сказать своего имени, то они и забрали ее. Она тутъ кричать! Говорила, что хотѣла заплатить, да жандармы слушать ее не стали.

Гулъ одобренія пронесся по толпѣ.

У адъюнкта кружилась голова. Его охватила неописуемая радость. Онъ быстро схватилъ руку торговки и энергично потрясъ ее.

— По крайней мѣрѣ острастка на нихъ будетъ! — воскликнулъ онъ.—Это отлично.

Толпа отвѣтила ему громкими криками сочувствія.

Но вдругъ раздался чей-то насмѣшливый голосъ:

— Господи Іисусе! Да развѣ изъ этого выйдетъ хоть какой-нибудь толкъ? Съ благородныхъ господъ ничего не возьмешь. Скажутъ, что все это клептоманія. Вотъ и дѣлу конецъ.

Раздался насмѣшливый хохотъ. Адъюнктъ, высоко поднявъ палку, замахалъ въ воздухѣ. Онъ гордо выпрямилъ грудь, широко раскрылъ глаза и сталъ передъ глазѣющей толпой въ позу трибуна. Этотъ моментъ былъ самымъ торжественнымъ въ его жизни: тамъ, напротивъ, высилась ратуша, а у подножья ея онъ, простой маленькій служащій, могъ хоть разъ въ жизни высказать свои чувства народу, изъ лона котораго онъ вышелъ. Мало того: онъ могъ теперь говорить какъ бы изъ души этого народа. Вотъ ужъ чѣмъ не можетъ похвастать господинъ бургомистръ съ его золотой цѣпью. Онъ умѣетъ только произносить тосты на праздничныхъ пирахъ.

Адъюнктъ мощно возвысилъ голосъ:

— Нѣтъ, добрые люди!—кричалъ онъ.—Такъ просто на этотъ разъ дѣло не обойдется. Тутъ клептоманіей не отвертятся. Удостовѣренъ неслыханный случай, и я могу сказать вамъ, какъ чиновникъ...

— Ха, ха!.. Чинуша!.. Бюрократъ!—раздались насмѣшливые голоса.

Адъюнктъ понялъ, что онъ взялъ не тотъ тонъ, которымъ можно проникнуть въ душу народа.

— Нѣтъ, я вамъ говорю это не какъ чиновникъ,—продолжалъ онъ.—Я говорю какъ мюнхенскій гражданинъ, и утверждаю... да, утверждаю, что наше правосудіе не посмѣетъ...

— Уходите!—произнесъ за нимъ грубый голосъ.

Адъюнктъ съ возмущеніемъ оглянулся. Сквозь толпу протиснулся жандармъ и грозно стоялъ передъ нимъ.

— Позвольте!

— Прошу повиноваться. Всякія сборища запрещены закономъ.

— Вотъ какъ? Такъ я изложу свои взгляды сегодня вечеромъ на собраніи соціалъ-демократовъ,—выпалилъ адъюнктъ, самъ изумляясь своей дерзости.

— Это меня не касается. Но здѣсь извольте молчать!—сказалъ жандармъ и, обернувшись къ толпѣ, сталъ энергично разгонять ее. Всѣ уходили съ ропотомъ и ругательствами.

Въ душѣ адъюнкта поднялась цѣлая буря. Ему хотѣлось позвать всѣхъ обратно громовымъ голосомъ и произнести пламенную рѣчь; но благоразуміе все-таки одержало въ немъ верхъ. Онъ удалился вмѣстѣ съ нѣсколькими господами, достойными его общества, въ ресторанъ „Вѣчный Свѣтъ" и тамъ излилъ свой гнѣвъ въ ругательствахъ, направленныхъ противъ полицейскаго государства и разлагающихся высшихъ классовъ.

До того онъ пожалъ вторично руку фрау Шеппенбауэръ самымъ энергичнымъ образомъ.

Когда онъ въ два часа снова входилъ въ канцелярію, то былъ въ такомъ повышенномъ настроеніи, какого не ощущалъ уже много лѣтъ. Онъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ, забывъ о всѣхъ своихъ заботахъ; ему казалось, что какой-то внутренній голосъ успокоивающе шепчетъ ему: ужъ не долго онъ будетъ корпѣть тутъ въ кабалѣ. Если такъ пойдетъ дальше, то „верхнія

десять тысячъ“ вскорѣ должны будутъ убраться по добру, по здорову.

При этой мысли адъюнктъ тайно потиралъ себѣ руки. Съ начальникомъ онъ держалъ себя гордо и никогда такъ плохо не велъ книги, какъ въ этотъ день.

Вскорѣ онъ убѣдился, что вся канцелярія занята разговорами о недавнемъ происшествіи. Всѣ его товарищи уже знали о случившемся, а тѣмъ, кто не зналъ, адъюнктъ разсказалъ все съ точностью, не оставлявшей желать ничего большаго. Онъ весь горѣлъ.

„Ага! Теперь уже и бургомистръ, и совѣтникъ озабоченно покачиваютъ головами. Каково-то имъ теперь на душѣ!“ Адъюнктъ съ наслажденіемъ представлялъ себѣ ихъ душевное состояніе, не забывая при этомъ смотрѣть на часы, чтобы не пропустить момента окончанія занятій.

Но рабочіе часы тянутся очень медленно, если ждешь съ нетерпѣніемъ вечера. А на этотъ вечеръ у адъюнкта было очень много плановъ. Тысячи мыслей занимали его, но больше всего онъ думалъ о предстоящемъ собраніи и о газетѣ. Посмѣй она только не такъ какъ слѣдуетъ заговорить о событіи! Онъ тогда сейчасъ же подпишется на соціалистическую газету, да и самъ напишетъ статью и освѣтитъ въ надлежащемъ свѣтѣ дерзкое воровство фрау — какъ ея фамилія? До сихъ поръ адъюнктъ довольствовался тѣмъ фактомъ, что она принадлежитъ къ высшему кругу общества. Больше онъ, въ сущности, и не желалъ знать. Въ канцеляріи высказывались разныя предположенія относительно того, кто она, но никто не могъ сказать ничего опредѣленнаго. Одинъ говорилъ, что она—жена богатаго частнаго лица; другіе утверждали, что она—жена главнаго инженера; третьи—что она профессорша; кто-то, всегда хорошо освѣдомленный, доказывалъ даже, что она — жена городского совѣтника. У адъюнкта забилось сердце и сладостный трепетъ пробѣжалъ по его членамъ. Жена высокопоставленнаго лица — воровка: вотъ удовольствіе, которое превзошло бы даже всѣ его ожиданія! Это было бы самое для него пріятное. Это лучше даже, чѣмъ жена банкира, что однако тоже недурно.

Волненіе его возрастало съ минуты на минуту. И когда подъ вечеръ разносчица газетъ принесла начальнику вечерній номеръ и положила его на столъ совѣтника, то послѣдняя капля спокойствія исчезла у адъюнкта. Онъ со стономъ всталъ съ мѣста и сталъ бродить по комнатѣ. Начальника его незадолго передъ тѣмъ отозвали къ бургомистру, и онъ очутился въ комнатѣ одинъ

съ роковымъ номеромъ газеты. Газета была та же, которую онъ получалъ дома, и у него сжимались кулаки при мысли, что жена его какъ разъ въ эту минуту пошла за газетой и будетъ спокойно читать то, что сокрыто отъ него еще на цѣлый часъ.

Нѣтъ, этого онъ не могъ выдержать. Вернется ли въ эту минуту начальникъ или нѣтъ, все равно—онъ долженъ заглянуть въ газету. Онъ осторожно подошелъ къ столу, дрожащими руками взялъ газету, торопливо перевернулъ первую страницу съ совершенно неинтересной ему картинкой и сталъ быстро просматривать вторую, третью страницу. Ничего. Онъ сталъ искать въ отдѣлѣ хроники, смѣси — опять ничего. Адъюнктъ уже собирался послать проклятіе по адресу писакъ, которые все прикрываютъ, какъ вдругъ онъ, къ счастью, нашелъ напечатанную крупнымъ шрифтомъ статью въ послѣднемъ отдѣлѣ. Вотъ оно! Онъ сталъ читать и щеки его раскраснѣлись. Нѣтъ, нѣтъ, онъ былъ несправедливъ къ своей газетѣ; она—честная и ничего не замалчиваетъ.

Вся исторія кражи была разсказана очень точно, насколько это позволялъ недостатокъ времени. Газета выражала искреннее сожалѣніе почтенной фрау Шеппенбауэръ, а въ концѣ были слова, которыхъ адъюнктъ даже не ожидалъ отъ буржуазной газеты.

„Какъ мы слышали,—говорилось въ газетѣ,—легкомысленная, глубоко падшая молодая женщина принадлежитъ къ высшему классу. Мы чрезвычайно объ этомъ жалѣемъ. Въ такое время, какъ наше, которое — къ несчастію — полно грустныхъ партійныхъ раздоровъ и острыхъ столкновеній, именно имущій классъ долженъ бы подавать хорошій примѣръ. Только въ такомъ случаѣ можно надѣяться на постепенное умиротвореніе умовъ. Если же ежедневно будутъ бросать въ народную массу горючій матеріалъ, то всякія надежды тщетны".

„Браво! Браво! Написано точно изъ моей души", — торжествовалъ адъюнктъ, потирая себѣ руки.

Теперь онъ зналъ, что ему думать.

На слѣдующее утро онъ проснулся съ ужасной головной болью. Онъ вернулся домой въ два часа ночи, опьяненный пивомъ и громовыми рѣчами на собраніи. Все, что онъ тамъ слышалъ о свободѣ, равенствѣ, братствѣ, о плутократіи, испорченности, жадности и общемъ растлѣніи, все это снилось ему потомъ во время недолгихъ часовъ сна, и онъ былъ такъ счастливъ, что печальное пробужденіе съ трещавшей головой, въ тѣсной комнатѣ, гдѣ едва хватало мѣста кроватямъ, было для

него болѣе горькимъ, чѣмъ когда-либо. Послѣ того настроенія, въ которомъ онъ вернулся домой, послѣ ослѣпительныхъ надеждъ, онъ бы долженъ былъ, въ сущности, проснуться въ роскошной комнатѣ подъ пурпурнымъ балдахиномъ. А вмѣсто этого снова начиналась старая собачья жизнь.

Онъ сердито одѣлся и сердито вышелъ изъ дому. Только свѣжій утренній воздухъ очаровательнаго майскаго дня, обвѣвавшій его голову, когда онъ переходилъ черезъ мостъ, нѣсколько оживилъ его, и онъ снова сталъ относиться съ интересомъ ко всему окружающему. Вдругъ въ памяти его воскресли гусиные потроха, и это сейчасъ же подняло его нервы. Онъ вспомнилъ, какъ на вчерашнемъ собраніи одинъ изъ ораторовъ обсуждалъ происшествіе и съ какимъ ликованіемъ его привѣтствовала толпа. Тогда всѣ узнали также, что дерзкая воровка принадлежитъ не только къ хорошему обществу, но и къ самымъ аристократическимъ кругамъ, что она—дочь бывшаго министра. Ораторъ отвѣчалъ честнымъ словомъ за истину своего сообщенія, такъ что никакого сомнѣнія не могло быть. „Какой позоръ для высшаго общества!“—думалъ адъюнктъ, и радостное ощущеніе при этой мысли сгладило мало-по-малу роковые слѣды безсонной ночи.

Когда издали онъ увидѣлъ рынокъ съ его утренней суетой, то еще живѣе вспомнилъ недавнія событія; все вчерашнее стояло передъ его глазами, какъ наканунѣ. Онъ рѣшилъ навѣстить фрау Шеппенбауэръ по дорогѣ и сказать ей нѣсколько ласковыхъ словъ. Походка его сдѣлалась болѣе эластичной. Онъ снова принялъ гордую осанку и взглядъ его былъ ясный за очками. Онъ снова сдѣлался добродушнымъ чиновникомъ, который снисходитъ до того, чтобы выразить свое сочувствіе бѣдной, пострадавшей женщинѣ.

Его величіе, къ сожалѣнію, едва ли кто-нибудь могъ оцѣнить, потому что никогда еще на рынкѣ не было подобной толкотни. „Все изъ-за потроховъ“,—съ гордостью сказалъ себѣ адъюнктъ, приписывая себѣ немалую долю участія въ народномъ возбужденіи. Онъ медленно подвигался впередъ. Толпа упрямо стояла на мѣстѣ и нельзя было протолкаться. Всѣхъ видимо занималъ одинъ общій интересъ. Адъюнктъ видѣлъ это по взволнованнымъ лицамъ, и поэтому не толкался, какъ обыкновенно, не давалъ тумаковъ, расчищая себѣ мѣсто, а дѣйствовалъ мягко и добродушно. У него было достаточно времени. Онъ съ улыбкой кивалъ въ разныя стороны и не обижался, когда не получалъ отвѣтныхъ поклоновъ.

Такъ онъ дошелъ до прилавка фрау Шеппенбауэръ, но, къ величайшему его изумленію, именно у ея лавки не было толпы. Что же это такое? На десять шаговъ вокругъ было совершенно просторно, и когда адъюнктъ внимательнѣе осмотрѣлся вокругъ себя, то замѣтилъ сердитый видъ проходящихъ мимо и стоящихъ поодаль. Сама торговка сидѣла за прилавкомъ, закрывъ глаза передникомъ, и горько плакала.

Адъюнктъ былъ очень смущенъ этимъ видомъ, и съ нѣкоторымъ колебаніемъ приблизился къ торговкѣ.

— Фрау Шеппенбауэръ,—сказалъ онъ, понизивъ голосъ,—что съ вами?

Она на минуту опустила передникъ, потомъ снова закрыла имъ лицо и продолжала плакать.

— Да успокойтесь же!—говорилъ адъюнктъ, которому становилось все болѣе не по себѣ.—Что съ вами случилось?

Старуха продолжала рыдать.

— Боже мой!—простонала она.—Я-то чѣмъ виновата? Я ни при чемъ.

— Въ чемъ вы не виноваты?

— Что она... Что она... Господи помилуй... что она утопилась!

— Кто утопился?—съ ужасомъ вскрикнулъ адъюнктъ.

Старуха стала отмахиваться рукой по направленію къ улицѣ, точно хотѣла прогнать подкрадывающійся къ ней призракъ.

За нее отвѣтила бойкая кухарка съ багровымъ лицомъ, угрожая кулакомъ торговкѣ живностью.

— Кто утопился?—крикнула она.—Да та несчастная молодая женщина. Это она ее въ воду толкнула, безсовѣстная!...

У адъюнкта уходила почва изъ-подъ ногъ. Онъ точно окаменѣлъ и смотрѣлъ съ испугомъ на возмущенную толпу, все еще стоявшую поодаль.

— Пусть насъ назовутъ послѣдними тварями,—продолжала кухарка, — если мы у нея хоть кусочекъ чего-нибудь купимъ. Ничего у нея брать не станемъ, даже гусиныхъ потроховъ.

При послѣднемъ словѣ торговка вся задрожала, и всѣ окружающіе заволновались, вспомнивъ, изъ-за чего произошло несчастье.

— Стыдно, чортъ возьми, поднимать такую исторію изъ-за какихъ-нибудь гусиныхъ потроховъ! Совѣсти въ тебѣ нѣтъ! Бѣдная барыня хотѣла вѣдь заплатить.

Такъ говорили кругомъ съ трудно скрываемой яростью.

Адъюнктъ не зналъ, что ему думать.

Прежде всего онъ отошелъ отъ лавки и затерялся въ толпѣ, предпочитая всегда быть тамъ, гдѣ много другихъ. Потомъ онъ вытеръ потъ съ лица. Исторія самоубійства его волновала. Не шуточное это дѣло. Какъ же это могло случиться? Онъ тщетно старался самъ себѣ это объяснить. Спрашивать было некого. Маленькій словоохотливый человѣкъ, съ которымъ онъ прежде заговорилъ, теперь лишился дара слова. Адъюнктъ смотрѣлъ въ сторону лавки и, наконецъ, увидавъ, что онъ лишній, ускользнулъ, какъ напроказившій котъ.

— Утопилась!.. Утопилась!.. Возможно ли это?

Придя въ канцелярію, онъ не замѣчалъ, что происходило вокругъ него. Онъ машинально продѣлывалъ свою работу, и такъ царапалъ прямыя буквы на жесткой бумагѣ большихъ фоліантовъ, что перо немилосердно скрипѣло. Глаза его при этомъ неотступно устремлены были вглубь комнаты; онъ хватался за лобъ, точно хотѣлъ убѣдиться, что разумъ его еще уцѣлѣлъ. Потомъ онъ замѣтилъ, что начальникъ говорилъ о катастрофѣ съ кѣмъ-то изъ служащихъ; но онъ не слушалъ ихъ разговора. Напротивъ того, онъ зажималъ себѣ одно ухо во время писанія, чтобы ничего не слышать.

Боже мой! Онъ припоминалъ лицо утопленницы, и когда думалъ о томъ, что наканунѣ въ это время она еще была жива и весела, а теперь... Онъ совершенно не могъ этого вынести. Какое страшное событіе! Какъ все это глубоко печально! Бѣдная молодая женщина вѣдь уже въ первую минуту возбудила жалость въ адъюнктѣ. Онъ отъ души жалѣлъ ее. Онъ могъ поклясться въ этомъ Господомъ и всѣми святыми. Онъ ясно вспоминалъ свой гнѣвъ, когда фрау Шеппенбауэръ, какъ безумная, мчалась вслѣдъ за арестованной и ругала ее. Какая грубость! Какъ можно такъ ругаться? Не могла она развѣ говорить спокойнѣе? И зачѣмъ было сейчасъ же звать жандармовъ? Бѣдная молодая женщина! Можетъ-быть у нея были дѣти, которыя теперь рыдаютъ по матери. Можетъ-быть она не замышляла ничего худого, не хотѣла воровать. Можетъ-быть все это было недоразумѣніемъ, которое могло бы исправить одно доброе слово, еслибъ эта негодная рыночная торговка не подняла такого скандала.

Сильный гнѣвъ загорѣлся въ душѣ адъюнкта. Во всемъ виновата эта женщина — убѣждался онъ, чѣмъ болѣе разбирался въ томъ, что случилось. А онъ очень точно все обдумывалъ, принимая во вниманіе каждый пунктъ, вовсе не дѣйствуя на угадъ, какъ легкомысленная чернь на площади. Правда, какъ

онъ вскорѣ припомнилъ, въ это утро толпа говорила какъ разъ то, что онъ самъ теперь думаетъ: онъ, поэтому, въ ту же минуту примирился съ народомъ. Онъ даже радовался, что толпа проявила въ данномъ случаѣ столь тонкое и вѣрное пониманіе, и произнесъ глубокимъ груднымъ голосомъ старинное изреченіе: „Гласъ народа—гласъ Божій“.

Всѣ такія изреченія имѣютъ глубокій смыслъ и нравственную подкладку—это адъюнктъ чувствовалъ теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Все же онъ не хотѣлъ вторично поддаться общему настроенію, не хотѣлъ слѣпо осудить торговку. Онъ рѣшилъ точно освѣдомиться и обдумать, какъ слѣдуетъ отнестись къ этой грубой женщинѣ: что она груба—въ этомъ, во всякомъ случаѣ, не было сомнѣнія.

Принявъ это рѣшеніе, онъ снова почувствовалъ интересъ ко всему окружающему, и велѣлъ проходившему мимо служителю принести ему кружку пива и колбасы. Во время завтрака онъ равнодушно спросилъ служителя, не знаетъ ли онъ подробностей о вчерашнемъ происшествіи? Тотъ оказался хорошо освѣдомленнымъ и разсказалъ, что молодую женщину привели въ полицію, допросили, и когда установлено было ея имя и адресъ, отпустили. Но она уже не возвращалась домой, а взяла извозчика и поѣхала къ рѣкѣ. У моста она вышла изъ коляски, и прежде чѣмъ кучеръ могъ опомниться, прыгнула въ воду. Уже гораздо дальше внизъ по теченію вытащили ея тѣло.

— Ужасно, ужасно!—пробормоталъ адъюнктъ и опорожнилъ свою кружку. — И во всемъ виновата эта низкая женщина, — продолжалъ онъ.—Я знаю, какъ она обращается съ публикой—она и со мной бывала груба, негодяйка,—особенно когда пришлось имѣть дѣло съ деликатной женщиной самаго высшаго общества.

— Какое тамъ высшее общество! — остановилъ его служитель.—Ничуть она къ нему не принадлежала.

— Какъ такъ?

— Да очень просто. Мужъ ея—мелкій почтовый служащій.

Адъюнктъ весь задрожалъ.

— Мужъ той, которая вчера утопилась, почтовый служащій?

— Конечно.

— Да не можетъ быть. Она такъ хорошо была одѣта.

— Что жъ такое? У нея было немного денегъ изъ дому, и она была кокетка, хотя и не слѣдуетъ говорить дурного про покойниковъ.

— Да вѣдь она же дочь министра?

— Что за глупости! Кто вамъ это сказалъ?

Адъюнктъ и не подумалъ отвѣтить—кто. Онъ только рѣшилъ, что послѣднее оправданіе, которое могло быть у торговки, исчезло. Оказалось, что она сжила со свѣту простую женщину, мужъ которой былъ такой же маленькій служащій, какъ онъ самъ.

— Откуда вы все это знаете?—рѣзко спросилъ онъ служителя.

— Да развѣ вы не читали сегодняшнюю газету?

Адъюнктъ не читалъ. Ужасная головная боль и то, что онъ поздно всталъ, помѣшали ему.

— Вотъ прочтите, — сказалъ сторожъ и вынулъ изъ кармана газету. Адъюнктъ жадно схватилъ ее.

На первой страницѣ была помѣщена большая картина, и адъюнктъ съ ужасомъ увидѣлъ, что на ней изображенъ арестъ воровки. Онъ быстро перевернулъ страницу; у него было такое чувство, точно онъ увидѣлъ и свою собственную фотографію среди изображенной толпы. Онъ сталъ искать дальше; на третьей страницѣ была вторая картина, еще хуже нарисованная, чѣмъ первая: несчастная изображена была скользящей по водѣ въ тѣсно прилегающемъ, даже несмятомъ платьѣ, со взоромъ, обращеннымъ къ небу. Въ глубинѣ кучеръ прыгалъ какъ клоунъ и размахивалъ кнутомъ.

Адъюнктъ взволнованно прочелъ то, что̀ было написано подъ изображенной наглядно сценой: „Мы предлагаемъ нашимъ читателямъ вѣрное изображеніе мрачной вчерашней трагедіи, сдѣланное рукой нашего спеціальнаго рисовальщика. Такъ вотъ чѣмъ это кончилось. Волна милостиво смыла послѣдній остатокъ вины, если вина была, и у насъ невольно возникаетъ тяжелый вопросъ: какъ это могло вообще случиться? Какъ могла глубоко несчастная молодая женщина, принадлежащая къ скромной семьѣ, покончить самоубійствомъ изъ-за злополучнаго недоразумѣнія при покупкѣ гусиныхъ потроховъ?

„Отвѣтъ мы находимъ въ позорномъ обращеніи жандармовъ, которые увели ее какъ преступницу, и въ особенности — хотя мы далеки отъ намѣренія бросить въ кого-либо камень—въ неслыханной грубости торговки, имя которой мы лучше обойдемъ молчаніемъ. Мы полагаемъ, поэтому, что вполнѣ выражаемъ общественное мнѣніе, высказывая пожеланіе, чтобы эта женщина порѣшила сама со своей совѣстью вопросъ о своей отвѣтственности".

— Точно изъ моей души написано!—сказалъ адъюнктъ, съ облегченіемъ вздыхая. Теперь онъ опять зналъ, что̀ думать.

Въ полдень онъ рѣшилъ еще разъ взглянуть на ужасную женщину и снова направился на рынокъ. Она по прежнему сидѣла, какъ и утромъ, за прилавкомъ, плакала и жаловалась, а въ соотвѣтствующемъ отдаленіи стояли зрители, число которыхъ увеличилось.

Это было настоящее выставленіе у позорнаго столба, какъ въ пресловутое доброе старое время, о которомъ адъюнктъ, хотя самъ и не былъ старикомъ, все же думалъ съ глубокимъ сожалѣніемъ. Хотя на женщинѣ за прилавкомъ и не былъ надѣтъ деревянный ошейникъ и она не была привязана, но все же она не могла двинуться съ мѣста—до того у толпы былъ угрожающій видъ. Адъюнкту здорово бы досталось, еслибы онъ отважился, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ, заговорить съ нею. Но ему и въ голову не приходила такая самоубійственная мысль.

Чувства, руководившія имъ, были далеко не благопріятныя для фрау Шеппенбауэръ, которую осудилъ голосъ народа на рыночной площади.

Онъ прежде всего оглянулся, чтобы посмотрѣть, не было ли по близости кого-нибудь, кто, быть можетъ, видѣлъ его утромъ. Когда же онъ убѣдился, что никого нѣтъ, то ему захотѣлось притвориться непосвященнымъ. Онъ принялъ горестный видъ и сразу—точно отъ радости, которую ему доставляла его новая роль—въ глазахъ у него показались двѣ крупныя слезы, которыми онъ хотѣлъ умѣло воспользоваться. Онъ медленно обратился къ стоящимъ по близости, глядя на нихъ печальнымъ, заплаканнымъ лицомъ.

— Это она?—спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Она,—подтвердилъ стоявшій рядомъ съ нимъ тѣмъ же тономъ.

— Какъ все это собственно произошло?—спросилъ адъюнктъ тихимъ голосомъ, чтобы не нарушить торжественнаго молчанія толпы.

— Да неужели вы не знаете?

Со всѣхъ сторонъ на адъюнкта обратились изумленные взоры. Неужели есть человѣкъ, который еще не знаетъ, что произошло? Возможно ли это? У толпы быстро развязались языки, и всѣ стали наперерывъ разсказывать ему. Одинъ началъ разсказъ, потомъ его прервала какая-то женщина, которая доказывала, что она лучше знаетъ, затѣмъ вмѣшались третій, четвертый, и вскорѣ поднялся общій шумъ.

Адъюнктъ почувствовалъ, что онъ—центръ общаго вниманія.

— Ужасно! — воскликнулъ онъ. — Ужасно! Знаете вы, чтò сдѣлали бы въ Америкѣ съ такой особой?

Всѣ стали прислушиваться, чувствуя величайшее почтеніе къ человѣку, который побывалъ такъ далеко. Адъюнктъ это замѣтилъ. Онъ гордо выпрямился. Не было вѣдь никакого основанія сознаваться этимъ добрымъ людямъ, что дальше, чѣмъ на Штарнбергскомъ озерѣ, онъ никогда и не бывалъ, живя постоянно въ своемъ родномъ городѣ. Онъ увидѣлъ, что ему снова представился случай сыграть роль въ обществѣ. На этотъ разъ онъ хотѣлъ использовать этотъ случай, такъ какъ несомнѣнно правда на его сторонѣ. Онъ властно поднялъ голову и, убѣдившись, что нигдѣ не видать жандармовъ, крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Я вамъ скажу, чтò въ Америкѣ дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ: такихъ женщинъ тамъ линчуютъ.

На этотъ разъ онъ дѣйствительно проникъ въ душу народа. Это доказалъ оглушительный гулъ одобренія. Всѣ кричали какъ безумные, и возгласы по направленію къ лавкѣ становились все болѣе грозными.

— Слыхала, чтò съ тобой сдѣлали бы въ Америкѣ?—крикнулъ какой-то мальчикъ и, взявъ комокъ грязи, швырнулъ имъ въ несчастную женщину.

Громкій смѣхъ былъ отвѣтомъ на эту выходку; потомъ вся толпа двинулась къ лавкѣ. Одинъ только адъюнктъ оставался позади и руководилъ оттуда боемъ, отъ времени до времени подбодряя толпу зажигательными возгласами. Дѣло стало принимать опасный оборотъ.

Въ лавку уже летѣли камни, и ругань становилась все болѣе безудержною. Никто не помогалъ осажденной. Холодно и равнодушно смотрѣли на происходящее торговки изъ сосѣднихъ лавокъ. Чтò имъ было за дѣло? Онѣ радовались, что избавляются отъ опасной соперницы, а потому и не думали придти къ ней на помощь. И всѣ другіе прибѣжавшіе изъ лавокъ, изъ-подъ навѣсовъ, не выказывали ни тѣни состраданія и только усиливали крикъ и шумъ.

Видя, какъ со всѣхъ сторонъ наростаетъ губительный потокъ, адъюнктъ могъ сказать себѣ не безъ нѣкотораго удовлетворенія: „это дѣло моихъ рукъ!“ При этомъ, конечно, онъ, въ качествѣ благочестиваго христіанина и миролюбиваго гражданина, питалъ тихую надежду, что нападающіе смогутъ соблюсти нужную мѣру и не зайдутъ слишкомъ далеко въ своемъ гнѣвѣ. Не бѣда, если негодная женщина натерпится страху; но все-таки ему хотѣлось, чтобы дѣло оставалось въ извѣстныхъ границахъ.

Какое дѣло, однако, камню до того, кто его толкнулъ? Чѣмъ многочисленнѣе становилась толпа, тѣмъ храбрѣе дѣлалась она по отношенію къ одинокой, беззащитной женщинѣ. Толпа напирала на лавку, и неизвѣстно, чего бы насмотрѣлся адъюнктъ, еслибы въ эту минуту не произошло одно изъ тѣхъ событій, которыя такъ озадачиваютъ людей, что они останавливаются какъ вкопанные среди натиска и побѣды, чувствуя себя превзойденными.

Сквозь толпу пробирался коренастый, широкоплечій человѣкъ, расчищавшій себѣ дорогу кулаками. Когда запуганная до полусмерти женщина увидѣла его, она испустила раздирающій крикъ и стала бѣгать по лавкѣ, какъ помѣшанная. Не обращая вниманія на ея плачъ, онъ сталъ колотить ее обоими кулаками, сыпля удары какъ кузнецъ молотомъ по наковальнѣ, совершенно слѣпо, куда ни попало. Продѣлывалъ онъ это безъ особеннаго волненія, какъ бы съ сознаніемъ своего права и считая, что такъ и нужно.

— Господи Іисусе!—раздался голосъ изъ сосѣдней лавки.— Это ея мужъ.

— Ахъ, бѣдняга!—кричали другіе.—Жалко его, что у него такая жена. Убилъ бы онъ ее, негодяйку.

Толпа сочувственно крикнула въ отвѣтъ на эти слова, и воздухъ задрожалъ отъ дикихъ возгласовъ.

Адъюнктъ старался вынырнуть изъ толпы и былъ въ полномъ отчаяніи. Онъ былъ слишкомъ малаго роста, чтобы все видѣть, а ему страстно хотѣлось поглядѣть на потасовку. Наконецъ, его любопытство было удовлетворено. Толпа ревущихъ людей пришла въ волненіе и потомъ вдругъ раздалась въ обѣ стороны, какъ порванный на-двое листъ бумаги. Въ образовавшемся проходѣ несчастная, затравленная женщина шла среди хохота, насмѣшекъ и криковъ толпы; мужъ съ руганью гналъ ее впередъ, толкая ногами и руками.

Когда адъюнктъ увидѣлъ окровавленное лицо торговки, у него опять зашевелилось его мягкое сердце. Но на этотъ разъ онъ рѣшилъ быть желѣзнымъ и подавилъ въ себѣ всякое нѣжное чувство, убѣждая самого себя логическими доводами.

— Онъ законный мужъ этой женщины, — говорилъ онъ себѣ, — и гнѣвъ его совершенно справедливый: у жены его на совѣсти убійство, за которое, однако, ее не можетъ привлечь къ отвѣтственности земное правосудіе. Кромѣ того, она повредила своимъ поведеніемъ ихъ торговлѣ. Значитъ, пусть онъ и бьетъ ее, сколько хочетъ. Онъ—ея господинъ и можетъ поступать какъ ему угодно.

Обсудивъ это, адъюнктъ отправился домой къ женѣ и разсказалъ, въ назиданіе ей, о случившемся.

Одно только было очень странно. Онъ теперь отлично зналъ, что ему думать, и все же никакъ не могъ придти въ такое хорошее настроеніе, какъ наканунѣ. Почему это? Вчерашнее происшествіе доставило ему больше чистой радости; тотъ оборотъ, который обстоятельства приняли теперь, былъ ему скорѣе непріятенъ. Прежде все такъ хорошо складывалось: богатая молодая женщина оказалась воровкой; можно было предсказывать гибель буржуазнаго общества, презрительно смотрѣть на начальство. А сегодня вдругъ оказалось, что она вовсе не знатная дама, а просто жена мелкаго служащаго, отличавшаяся отъ его собственной жены только тѣмъ, что любила наряжаться и была гораздо красивѣе. „Удивительно право, какъ могутъ одурачить нѣсколько пестрыхъ тряпокъ!" — подумалъ адъюнктъ. Конечно, это отчасти хорошо, потому что тѣмъ ярче выступаетъ низость торговки, которая затравила до смерти женщину его круга. По крайней мѣрѣ теперь свѣтъ увидитъ, какъ обращаются съ низшими служащими. Но все же онъ долженъ былъ сознаться въ глубинѣ души, что съ радостью отдалъ бы побѣду, которую только что одержалъ на площади, за то, чтобы воровка оказалась дѣйствительно дамой изъ лучшаго общества и не бросилась бы въ рѣку.

Да, не такъ-то еще скоро наступитъ царство справедливости, о близости котораго такъ убѣжденно говорилъ ораторъ на вчерашнемъ собраніи. Адъюнктъ почувствовалъ горькую обиду; гнѣвъ его такъ усилился, что онъ здорово поколотилъ своего сынка, который вздумалъ съ пѣніемъ носиться по комнатѣ. Ребенокъ разревѣлся и побѣжалъ за матерью, но адъюнктъ строго заявилъ, что не позволитъ никому нарушать свои отцовскія права. Онъ сталъ говорить грубости женѣ.

— Да замолчи, наконецъ! — прервала его жена. — Скажи лучше, куда мы завтра поѣдемъ.

— Завтра?

— Конечно. Завтра вѣдь воскресенье.

Съ нимъ еще никогда не случалось, чтобы онъ забылъ порядокъ дней. Вотъ до чего его разстроили событія послѣдняго времени. Впрочемъ, ему было безразлично, будетъ ли слѣдующій день рабочій или праздничный, такъ какъ онъ пропилъ послѣднія деньги на собраніи. Ни о какихъ развлеченіяхъ не могло

быть и рѣчи. Онъ заявилъ объ этомъ женѣ въ очень рѣзкомъ тонѣ и быстро ушелъ; часы возвѣщали, что уже скоро пора снова взяться за свой каторжный трудъ.

До чего рынокъ казался точно вымершимъ и пустымъ въ сравненіи съ утреннимъ оживленіемъ! Торговки дремали подъ своими бѣлыми зонтами, на которые безжалостно падали раскаленные полуденные лучи. Въ душномъ грозовомъ воздухѣ носился запахъ рыночныхъ отбросовъ, сметенныхъ въ большую кучу. Все это производило удручающее впечатлѣніе на адъюнкта. Онъ ненавидѣлъ подобное настроеніе рынка. Онъ обошелъ навѣсъ фрау Шеппенбауэръ, но не могъ удержаться отъ того, чтобы не поглядѣть въ ея сторону. Отъ бурной толпы и слѣда не было. Лавка была заперта и зеленыя ставни заколочены. Передъ лавкой стояли на стражѣ три жандарма и зѣвали во весь ротъ.

Адъюнктъ отправился въ канцелярію въ нѣсколько подавленномъ настроеніи, точно отяжелѣвшій отъ надвигающейся грозы. И дѣйствительно, гроза скоро разразилась.

— Вы были на народномъ собраніи,—заявилъ ему начальникъ, какъ только онъ вошелъ.

— Я...

— Это еще не все. Вы возмутительно вели себя вчера на площади и сегодня на рынкѣ.

— Господинъ совѣтникъ...

— Зачѣмъ вы суетесь не въ свое дѣло?

У адъюнкта похолодѣла кровь въ жилахъ. Вотъ какъ онъ называетъ справедливый интересъ гражданина, платящаго налоги, къ общественнымъ событіямъ въ родномъ городѣ! Противъ этого онъ долженъ протестовать.

— Господинъ совѣтникъ, я попрошу...

— Я вамъ долженъ заявить, что если вы не будете вести себя какъ полагается, то я васъ уволю.

Какая неслыханная дерзость! Вотъ, значитъ, до чего дѣло дошло. Ему зажимаютъ ротъ, отнимаютъ даже право выражать свое мнѣніе—только потому, что не желаютъ слышать правды. Нѣтъ, этого онъ никакъ не допуститъ. И какъ разъ теперь! Нѣтъ, онъ не потерпитъ. Онъ отправится въ понедѣльникъ утромъ къ этой гнусной особѣ, къ фрау Шеппенбауэръ, и скажетъ ей прямо въ лицо на рыночной площади, что она—убійца, самая низкая убійца. Теперь онъ покажетъ себя. Могутъ платить ему гроши, лишать его средствъ къ существованію — это неотъемлемое право его начальства. Но заставить его дѣйствовать противъ его глубокаго убѣжденія никто не можетъ. Свои

убѣжденія онъ готовъ отстаивать цѣной жизни. За нихъ онъ пойдетъ въ огонь.

Съ этимъ рѣшеніемъ онъ легъ вечеромъ спать, ничего не ѣвши, и не могъ заснуть отъ волненія. Среди ночи онъ всталъ, зажегъ свѣчу и написалъ нѣсколько фразъ карандашомъ. Фразы эти относились къ рѣчи, которую онъ собирался произнести въ понедѣльникъ передъ собравшимся народомъ. Въ понедѣльникъ? Почему такъ долго ждать? Носить въ себѣ невысказанную рѣчь цѣлыхъ тридцать-шесть часовъ? Это немыслимо. Этого онъ не выдержитъ. Необходимо скорѣе все высказать, а то его задушитъ гнѣвъ. Правда, торговка не явится въ воскресенье на рынокъ, но вѣдь можно пойти къ ней на домъ и поднять противъ нея всѣхъ сосѣдей.

Принявъ это рѣшеніе среди безсонной ночи, онъ хотѣлъ выполнить его рано утромъ.

— Вставай — сказалъ онъ женѣ — и принеси отъ сосѣдей адресную книгу.

— Въ пять часовъ утра тебѣ понадобилась адресная книга?

— Да, она мнѣ необходима сейчасъ же.

— Но вѣдь всѣ еще спятъ.

— А ты разбуди.

— Это въ воскресенье будить людей спозаранку?

— Да, въ воскресенье.

— А если мнѣ не дадутъ?

— Такъ пойди къ кому-нибудь другому. Не смѣй приходить безъ книги!

Жена поняла, что съ нимъ невозможно спорить. Она одѣлась, вышла изъ дому и черезъ два часа вернулась съ адресной книгой. Качая головой, она положила ее на столъ вмѣстѣ съ газетой, которую купила по дорогѣ. Мужъ ея тѣмъ временемъ одѣлся по праздничному и надѣлъ на голову цилиндръ. Онъ ходилъ по комнатѣ гигантскими шагами и заучивалъ наизусть свою рѣчь. При появленіи жены онъ рѣзко накинулся на нее, потомъ бросился къ столу и раскрылъ книгу. Вотъ онъ, нужный ему адресъ:

— Шеппенбауэръ, Алоисъ и Вальпурга, торговцы живностью. Нижній Валъ, 17, III, налѣво.

— Хорошо,—сказалъ онъ и отодвинулъ книгу. Потомъ онъ поправилъ галстухъ и направился къ двери.

— Выпей хоть кофе,—сказала жена.—Время терпитъ.

— Какъ время терпитъ? — набросился онъ на нее и сталъ съ бѣшенствомъ искать палку.

— Нѣтъ, такъ нѣтъ, но...

— Вотъ именно. Совѣтую тебѣ помолчать.

Вдругъ взоръ его случайно упалъ на газету, которой онъ раньше не замѣтилъ. Это его удержало еще на минуту, потому что на заглавномъ листѣ онъ увидѣлъ большой портретъ женщины, которая бросилась въ воду.

Адъюнктъ сунулъ газету женѣ, точно показывая ей смертный приговоръ.

— Вотъ, смотри!—сказалъ онъ торжественнымъ тономъ.— Вотъ эту женщину затравили до смерти. Я иду теперь къ ея убійцѣ, а Шеппенбауэру я скажу, чтобы онъ еще трижды такъ отколотилъ жену, какъ вчера. Да, это я ему скажу, а ты пока почитай, заслужила ли эта негодяйка палокъ или нѣтъ.

Онъ быстро раскрылъ газету и ударилъ нѣсколько разъ палкой по передовой статьѣ.

Вдругъ онъ остановился, точно сраженный ударомъ. Лицо его мертвенно поблѣднѣло и колѣна стали дрожать.

— Что съ тобой?—съ испугомъ крикнула жена.

Онъ смотрѣлъ, не отводя глазъ на одно мѣсто въ газетѣ, и изъ груди его вырвался стонъ ужаса.

— Повѣсилась! Она повѣсилась!

— Кто?—съ ужасомъ крикнула жена.

— Торговка Шеппенбауэръ.

— Господи помилуй!

Они оба глядѣли испуганными глазами на газету. Извѣстіе о смерти торговки сопровождалось нравоучительнымъ разъясненіемъ редакціи.

„Мы настойчиво совѣтуемъ — писала газета — не терять хладнокровія. Глубоко потрясенные стоимъ мы сегодня передъ безжизненными тѣлами почтенной жены почтоваго служащаго и честной продавщицы фрау Вальпурги Шеппенбауэръ. Портретъ ея, нарисованный нашимъ спеціальнымъ художникомъ, будетъ помѣщенъ въ завтрашнемъ номерѣ. Не будемъ разсуждать о томъ, насколько въ обоихъ случаяхъ чрезмѣрное волненіе способствовало смерти двухъ несчастныхъ жертвъ. Мы надѣемся, что здравомысліе нашихъ столь разумныхъ согражданъ и широкихъ народныхъ массъ устранитъ со временемъ возможность такихъ ужасныхъ трагедій, которыя мы пережили за два послѣдніе дня“.

— Вотъ тебѣ!—пробормотала жена послѣ долгой паузы.

Адъюнктъ ничего не отвѣтилъ. Онъ опустился на стулъ и смотрѣлъ въ пространство остановившимся взоромъ.

Теперь онъ ужъ совсѣмъ не зналъ, что думать.

Съ нѣмецкаго З. В.

ПРИЗЫВЪ КЪ ПОКАЯНІЮ

„**Вѣхи**". Сборникъ статей (Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковскаго, П. Б. Струве и С. Л. Франка) о русской интеллигенціи.

Покайтеся—и сотворите дѣла достойныя покаянія: таковъ призывъ, съ которымъ участники сборника, въ разныхъ тональностяхъ, прямо или косвенно, обращаются къ русской интеллигенціи. Они стараются пробудить въ ней сознаніе сдѣланныхъ ею ошибокъ и рѣшимость избѣгать ихъ повторенія. Они проповѣдуютъ „переоцѣнку старыхъ идеологій", провѣрку „основъ традиціоннаго міровоззрѣнія", поворотъ къ „творческому личному самосознанію". Проповѣдь ведется искренно, горячо, бо̀льшею частью талантливо. Она не только интересна, но и не безполезна—не безполезна уже потому, что лишній разъ, въ критическій моментъ русской жизни, заставляетъ поглубже заглянуть въ прошлое и задуматься надъ будущимъ. Согласиться съ нею невозможно, но считаться съ нею необходимо.

Начнемъ съ вопроса, который самъ собою возникаетъ при чтеніи книги, посвященной *русской интеллигенціи*. Что̀ понимаютъ авторы подъ этимъ терминомъ? Не смотря на всю его употребительность, никто не назоветъ его на столько яснымъ, чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній на счетъ его смысла и его границъ. Не совсѣмъ одинаково, по видимому, понимаютъ его и сами составители сборника. Обыкновенно они разсматриваютъ интеллигенцію какъ одно нераздѣльное цѣлое, но иногда дробятъ ее на части, отличаютъ интеллигенцію соціалистическую отъ интеллигенціи „просто демократической", говорятъ объ интеллигенціи „революціонной", „специфической", „кружковой", противопоставляютъ интеллигенціи то „интеллигентщину", то образованный классъ. Попытку болѣе точнаго опредѣленія дѣлаетъ только П. Б. Струве, но не доводитъ ее до конца. Оговариваясь, что

подъ именемъ интеллигенціи нельзя разумѣть ни „публику, посѣщающую дворянское собраніе", ни даже „образованный классъ", онъ видитъ въ ней „политическую категорію", историческое значеніе которой обусловливается „отношеніемъ къ государству въ его идеѣ и въ его реальномъ воплощеніи". Это отношеніе обрисовывается, дальше, какъ *отщепенство*, какъ противогосударственность—и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ безрелигіозность. Очевидно, что здѣсь совершенъ логическій скачекъ: вмѣсто того, чтобы показать, изъ кого состоитъ интеллигенція, авторъ прямо переходитъ къ характеристикѣ ея міросозерцанія. Не такъ рельефно выраженъ этотъ скачекъ въ другихъ статьяхъ сборника, но въ той или иной степени онъ составляетъ общую ихъ черту. Отсюда рядъ неустранимыхъ недоразумѣній. До сихъ поръ съ понятіемъ объ интеллигенціи тѣсно, неразрывно связано было понятіе объ общественномъ слоѣ, объединяемомъ не тождествомъ или сходствомъ взглядовъ, а одинаковостью или близостью положеній. Въ его рамки включались люди, не примыкающіе—или примыкающіе только внѣшнимъ образомъ—къ формально отграниченнымъ общественнымъ классамъ, люди находящіе или ищущіе главное содержаніе своей жизни въ умственныхъ интересахъ — научныхъ, философскихъ, политическихъ, художественныхъ. Между ними возможны — и даже неизбѣжны—самыя глубокія разногласія, но имъ всѣмъ свойственна нѣкоторая душевная приподнятость, нѣкоторая независимость отъ узъ, налагаемыхъ происхожденіемъ, воспитаніемъ, данною, а не свободно выбранною средою, вынужденнымъ, а не свободно выбраннымъ трудомъ. У интеллигенціи, такимъ образомъ понимаемой, есть, конечно, общія черты, различныя у разныхъ народовъ и въ разное время—но отъ нихъ еще очень далеко до того приведенія къ одному знаменателю, которое производитъ П. Б. Струве. Отщепенство, въ смыслѣ „отчужденія отъ государства или враждебности къ нему", можетъ быть отличительнымъ признакомъ тѣхъ или другихъ партій, тѣхъ или другихъ интеллигентныхъ — или *интеллигентскихъ* — группъ, но отнюдь не *всей* интеллигенціи. Отщепенцы (réfractaires), систематическіе и непримиримые, вездѣ и всегда образуютъ меньшинство; изъ нихъ не можетъ составиться широко развѣтвленное цѣлое, какимъ до сихъ поръ, въ общераспространенномъ представленіи, являлась русская интеллигенція.

Зависитъ ли, однако, значеніе взглядовъ, проводимыхъ составителями сборника, отъ того, что они понимаютъ подъ именемъ интеллигенціи? Не все ли равно, какимъ словомъ они выражаютъ свою мысль? Нѣтъ, не все равно: неопредѣленность терминологіи влечетъ за собою сбивчивость понятій и противорѣчія въ выводахъ. По мнѣнію П. Б. Струве, „интеллигенція, какъ политическая

категорія, объявилась въ русской исторической жизни лишь въ эпоху реформъ"; С. Н. Булгаковъ и М. О. Гершензонъ считаютъ интеллигенцію „созданіемъ Петровымъ". Къ „духовнымъ вождямъ интеллигенціи" Б. А. Кистяковскій причисляетъ Кавелина, который, конечно, не былъ „отщепенцемъ". Чтобы отстоять свою позицію, П. Б. Струве старательно исключаетъ изъ числа интеллигентовъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя—хотя такое исключеніе должно было бы разумѣться для него само собою, такъ какъ они всѣ жили до эпохи реформъ; въ Бѣлинскомъ, ихъ современникѣ, онъ различаетъ интеллигента отъ не-интеллигента. Придумывается, дальше, какой-то интеллигентскій „мундиръ"; сначала въ него облекаются Герценъ и Салтыковъ, потомъ подъ нимъ оказывается „весь русскій либерализмъ". Загадочность „лика" Глѣба Успенскаго объясняется прикрывающими его „интеллигентскими масками". До крайности, такимъ образомъ, стушевываются и расплываются очертанія той группы, къ вразумленію которой направленъ сборникъ. Входятъ ли въ ея составъ либералы всѣхъ оттѣнковъ—*русскіе* либералы, столь мало, въ своемъ большинствѣ, похожіе на западно-европейскихъ носителей того же имени? Если входятъ, то нельзя приписывать *всей* русской интеллигенціи отщепенство, „острую суть" котораго П. Б. Струве справедливо признаетъ совершенно чуждою русскому либерализму; если не входятъ, то не теряется ли почва для общихъ заключеній объ интеллигенціи, обнимающей собою на самомъ дѣлѣ существенно разнородные элементы?

Не всѣ участники сборника, впрочемъ, видятъ въ „отщепенствѣ" отличительную черту интеллигенціи, выдѣляющую ее изъ среды русскаго общества. Въ предисловіи къ сборнику, написанномъ М. О. Гершензономъ, такой чертой провозглашается „признаніе безусловнаго примата общественныхъ реформъ". Этому принципу противопоставляется „теоретическое и практическое первенство духовной жизни надъ внѣшними формами общежитія". Внутренняя жизнь личности „есть единственная сила человѣческаго бытія; она, а не самодовлѣющія начала политическаго порядка, является единственно-прочнымъ базисомъ для всякаго общественнаго строительства". Подробно та же самая мысль развита въ статьѣ М. О. Гершензона: „Творческое самосознаніе". „Русскій интеллигентъ"—читаемъ мы здѣсь—„это, прежде всего, человѣкъ, съ юныхъ лѣтъ живущій *внѣ себя*, т.-е. признающій единственно-достойнымъ объектомъ своего интереса и участія нѣчто лежащее внѣ его личности: народъ, общество, государство... Думать о своей личности—эгоизмъ, непристойность; настоящій человѣкъ—лишь тотъ, кто думаетъ объ общественномъ, работаетъ на пользу общую... Никому не приходитъ на мысль, что нельзя человѣку вѣчно

жить снаружи, что именно отъ этого мы и больны субъективно, и въ дѣйствіяхъ безсильны". Аналогичную тему развиваетъ С. Н. Булгаковъ, въ статьѣ: „Героизмъ и подвижничество". „Крайне непопулярны среди интеллигенціи"—говоритъ онъ,—„понятія *личной* нравственности, *личнаго* самоусовершенствованія, выработки *личности*, и на оборотъ, особенный, сакраментальный характеръ имѣетъ слово *общественный*". Съ точки зрѣнія интеллигенціи „никакой особой заботы о культурѣ личности, о столь презрѣнномъ *самосовершенствованіи* быть не можетъ и не должно, а вся энергія должна быть цѣликомъ расходуема на борьбу за улучшеніе среды". Н. А. Бердяевъ, въ статьѣ: „Философская истина и интеллигентская правда", видитъ несчастье интеллигенціи въ томъ, что въ ея средѣ „любовь къ общественному добру, къ народному благу парализовала интересъ и любовь къ истинѣ", привела „къ утвержденію двухъ истинъ — полезной и вредной". Да и П. Б. Струве выражаетъ увѣренность, что настаетъ конецъ господству политики надъ всей духовной жизнью интеллигенціи и что въ основу самой политики „ляжетъ идея не внѣшняго устроенія общественной жизни, а внутренняго совершенствованія человѣка". Замѣтимъ, что въ этомъ видѣ проповѣдь радикальной перемѣны затрогиваетъ, несомнѣнно, очень широкіе круги русской интеллигенціи: за „приматъ общественныхъ преобразованій" стояли—и, можетъ быть, стоятъ до сихъ поръ—не только „отщепенцы", но и сравнительно умѣренные реформисты, вовсе не повинные въ „противогосударственности". Къ покаянію призывается, въ сущности, громадное большинство „образованнаго класса".

Чтобы успѣшно реагировать противъ зла, нужно, прежде всего, установить его причины. Составителями сборника это сдѣлано въ весьма недостаточной мѣрѣ. Объ условіяхъ, при которыхъ сложилась и развивалась русская интеллигенція, говорится нѣсколько разъ, но только слегка и мимоходомъ. С. Н. Булгаковъ, напримѣръ, признаетъ, что „атмосфера стараго режима духовно замораживала интеллигенцію, поддерживала и до извѣстной степени оправдывала ея политическій моноидеизмъ, затрудняла возможность разносторонняго ея развитія", но не останавливается на этомъ фактѣ, какъ бы не замѣчая его первостепенную важность. А между тѣмъ, именно въ немъ лежитъ разгадка многаго, о чемъ сокрушаются и противъ чего возстаютъ наши проповѣдники. Самоусовершенствованіе, которому они придаютъ такое громадное значеніе, требуетъ не только внутренней, но и внѣшней свободы. Трудно преодолимыми — а иногда и вовсе непреодолимыми — лежатъ на его пути преграды, создаваемыя недовѣрчивостью власти, мелочной регламентаціей, стремленіемъ все направить въ одно и то же русло, всѣхъ подвести подъ одинъ общій, по необходимости невысокій

уровень. Противодѣйствіе, встрѣчаемое на каждомъ шагу, неизбѣжно вызываетъ реакцію—пассивную у однихъ, активную у другихъ, но во всякомъ случаѣ отвлекающую отъ работы надъ самимъ собою и выдвигающую на первый планъ обстановку, среду, государственный и общественный строй, тяжело давящій на личность. Чтобы идти впередъ, чтобы подниматься со ступеньки на ступеньку, среднему человѣку нужна поддержка, помощь, дружная дѣятельность съ другими—нужно все то, къ чему подозрительно и враждебно относится абсолютизмъ. Съ какими затрудненіями сопряжена была у насъ совмѣстная работа, хотя бы она не задавалась ничѣмъ инымъ, кромѣ развитія личности—это слишкомъ хорошо извѣстно. Одинъ изъ путей къ самоусовершенствованію проходитъ въ области религіи; но у насъ единственною законной формой религіознаго общенія признавалась принадлежность къ господствующей церкви, въ которой едва теплилась жизнь и почти ничего не дѣлалось для удовлетворенія запросовъ ума и сердца. Попытка найти душевный миръ въ сторонѣ отъ торной дороги разсматривалась какъ преступленіе или, по меньшей мѣрѣ, какъ нарушеніе установленнаго порядка. Столь же мало, какъ и оффиціальная церковь, давала, съ занимающей насъ точки зрѣнія, оффиціальная школа — и столь же трудно было восполнить ея пробѣлы усиліями частной иниціативы. Куда бы ни направлялась свободная мысль, передъ нею вездѣ воздвигались шлагбаумы съ подписью: до сихъ поръ—и не дальше. Самоусовершенствованіе, достойное этого имени, не довольствуется сознаніемъ достигнутаго въ личной жизни: оно порождаетъ потребность подѣлиться пріобрѣтеннымъ, использовать его для другихъ или для общаго блага. И вотъ, этой потребности суждено было, за рѣдкими исключеніями, оставаться неудовлетворенною. Не было такой сферы, гдѣ бы она не наталкивалась на препятствія всякаго рода. Удивительно ли, затѣмъ, что въ русскомъ обществѣ — и въ интеллигенціи, какъ въ наиболѣе чуткой и подвижной его части—слагалась и крѣпла вѣра въ „приматъ общественныхъ реформъ“, т.-е. убѣжденіе въ томъ, что только на почвѣ новаго политическаго и общественнаго строя возможно всестороннее и полное развитіе личности?

Никогда, однако, эта вѣра не принимала тѣхъ уродливыхъ формъ, въ которыхъ рисуетъ ее, напримѣръ, г. Гершензонъ. „До конца 90-хъ годовъ“ — читаемъ мы въ его статьѣ,—„общественное мнѣніе, столь властное въ интеллигенціи, категорически увѣряло, что вся тяжесть жизни происходитъ отъ политическихъ причинъ: рухнетъ полицейскій режимъ—и тотчасъ вмѣстѣ со свободой воцарятся и здоровье, и бодрость“. Быть можетъ, кѣмъ-нибудь, когда-нибудь, и былъ высказанъ подобный взглядъ—но общепринятымъ и широко-распространеннымъ онъ никогда не былъ. Немного найдется наивныхъ людей, способныхъ

думать, что въ нѣсколько дней можетъ исчезнуть настроеніе, созданное вѣками. Измѣненіе политическихъ условій—необходимая предпосылка всякой перемѣны къ лучшему, но, конечно, не единственный ея производитель. Работы въ общественной и личной жизни—работы, ведущей къ здоровью и бодрости — предстоитъ много, безконечно много; но успѣшно двигаться впередъ она можетъ только при существенно обновленной обстановкѣ. Проповѣдь „Вѣхъ" представляется намъ, поэтому, по меньшей мѣрѣ преждевременною. Русская государственность возвратилась къ той мертвой точкѣ, на которой стояла пять лѣтъ тому назадъ. Слегка измѣненная внѣшность прикрываетъ старое политическое содержаніе. Личная и общественная инціатива встрѣчаетъ тѣ же препятствія, какъ и прежде. И соотвѣтственно этому, что̀ бы ни говорили составители сборника, въ средѣ интеллигенціи—да и въ другихъ, болѣе широкихъ сферахъ,—по прежнему чувствуется увѣренность, что безъ коренныхъ общественныхъ реформъ невозможно глубокое обновленіе личной жизни. Только sublata causa tollitur effectus—а главная причина настроенія, господствовавшаго въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, до сихъ поръ не устранена. Одними словесными доводами трудно чего-либо достигнуть, пока въ разрѣзъ съ ними идутъ безконечной чередой болѣзненно ощущаемые факты. „Что дала бы политическая свобода интеллигенціи"?—спрашиваетъ г. Гершензонъ. „Освобожденіе есть только снятіе оковъ, не больше; а снять цѣпи съ того, кто снѣдаемъ внутреннимъ недугомъ, еще не значитъ вернуть ему здоровье. Для насъ свобода имѣла бы лишь тотъ смыслъ, что поставила бы насъ въ болѣе благопріятныя условія для выздоровленія". Да развѣ этого мало? Развѣ возможно выздоровленіе, пока условія для него совершенно неблагопріятны? Развѣ неправъ больной, когда онъ страстно желаетъ ихъ измѣненія? Если и допустить, что интеллигенція больна, и больна именно тою болѣзнью, діагнозъ которой поставленъ г. Гершензономъ, то все-таки нельзя утверждать, что неудача освободительнаго движенія принесла интеллигенціи „почти всю ту пользу, какую могла бы принести его удача". Нѣтъ, Сизифовъ камень опять скатился внизъ, и нужны новыя усилія для его подъема—усилія, которыя, при другомъ исходѣ борьбы, могли бы быть обращены на болѣе плодотворную работу.

Русскій интеллигентъ — читаемъ мы въ статьѣ С. Л. Франка — „приблизительно съ семидесятыхъ годовъ и до нашихъ дней остается упорнымъ народникомъ: его Богъ есть народъ, его единственная цѣль есть счастье большинства, его мораль состоитъ въ служеніи этой цѣли". И все-таки, если вѣрить другимъ участникамъ сборника, народъ относится къ интеллигенціи безусловно отрицательно. Глубокую между ними пропасть вырываетъ, по мнѣнію С. Н. Булгакова, космо-

политизмъ интеллигенціи, еще болѣе глубокую—ея безрелигіозность. Еще дальше идетъ М. О. Гершензонъ. Въ интеллигентахъ, по его словамъ, „народъ не чувствуетъ людей"; онъ ихъ „не понимаетъ и ненавидитъ". На Западѣ „народъ ненавидитъ барина за то, что баринъ живетъ сыто, не трудясь физически, что трудами прежнихъ поколѣній народа баринъ накопилъ себѣ крупный излишекъ, который даетъ ему возможность держать народъ въ безъисходномъ рабствѣ и пріобрѣтать знанія, помогающія ему опять-таки эксплуатировать народъ... Между нами и нашимъ народомъ — иная рознь. Мы для него не грабители, какъ свой братъ, деревенскій кулакъ; мы даже для него не просто чужіе, какъ турокъ или французъ; онъ видитъ наше человѣческое и именно русское обличье, но не чувствуетъ въ насъ человѣческой души, и потому онъ ненавидитъ насъ страстно, вѣроятно съ безсознательнымъ мистическимъ ужасомъ, тѣмъ глубже ненавидитъ, что мы — свои. *Каковы мы есть* (подчеркнуто въ подлинникѣ), намъ нельзя не только мечтать о сліяніи съ народомъ, — бояться его мы должны пуще всѣхъ козней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной".

Итакъ, за любовь интеллигенціи къ народу народъ платитъ ей ненавистью, свирѣпою и неумолимою. Если принять это за безспорный фактъ, то самъ собою рождается вопросъ: не лежитъ ли въ его основѣ глубокое недоразумѣніе? Знаетъ ли народъ интеллигенцію, ея прошедшее и настоящее, ея стремленія и чувства? Не смѣшиваетъ ли онъ ее съ другими общественными классами, къ которымъ она, по наружному виду, по внѣшнимъ признакамъ, стоитъ ближе, чѣмъ къ народу? И не насталъ ли—или, по меньшей мѣрѣ, не приближается ли—конецъ недоразумѣнія? Статочное ли дѣло, чтобы любви *сознательно* противопоставлялась ненависть? Мы не беремся отвѣтить на всѣ эти вопросы съ тою категоричностью, которая слышится въ словахъ г. Гершензона; но мы думаемъ, что именно въ нихъ заключается ключъ къ рѣшенію загадки. Сходныя причины всегда ведутъ къ сходнымъ послѣдствіямъ. Та почва, на которой выросло у нашихъ западныхъ сосѣдей недовѣріе и нерасположеніе массы къ привилегированному меньшинству, существовала — да отчасти и теперь существуетъ — и въ Россіи. Крѣпостное право воспитало въ крестьянахъ недружелюбное чувство къ *барину* — чувство, для искорененія котораго въ теченіе полувѣка сдѣлано было, къ несчастію, слишкомъ мало. Видоизмѣняясь и захватывая новыя сферы — проникая, напримѣръ, въ среду городского рабочаго класса,—оно уцѣлѣло до нашихъ дней и предрѣшило, отчасти, отношеніе народа къ интеллигенціи, представителей которой онъ причислялъ и до сихъ поръ часто причисляетъ къ барамъ,

къ господамъ. Что сдѣлала и что пыталась сдѣлать для народа интеллигенція, какъ мало ея стремленія имѣли и имѣютъ общаго съ традиціями барства — этого народъ долго не зналъ вовсе, да и теперь знаетъ не всегда и не вполнѣ. Предположеніе г. Гершензона о какой-то особой, страстной злобѣ, которую народъ питаетъ къ интеллигентамъ — и будетъ питать, пока они не станутъ совершенно иными,—относится, какъ намъ кажется, къ области фантазіи. Мы убѣждены, что пропасть, отдѣлявшая народъ отъ интеллигенціи, уже теперь не можетъ считаться непроходимой — и должна уменьшаться съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того, какъ будетъ „уступать свѣту мракъ упрямый".

Усиленно подчеркивая слабыя стороны интеллигенціи, составители сборника видятъ въ нихъ если не единственную, то важнѣйшую причину неудачи, постигшей освободительное движеніе. По словамъ С. Н. Булгакова, это движеніе не могло побѣдить не только потому, что „оказалось слишкомъ слабо для борьбы съ темными силами исторіи, но и потому, что само оказалось не на высотѣ своего призванія, само страдало слабостью отъ внутреннихъ противорѣчій". А такъ какъ „руководящимъ духовнымъ двигателемъ революціи была интеллигенція", то „исторія революціи есть историческій судъ надъ интеллигенціей". „Глубочайшій культурно-философскій смыслъ судьбы общественнаго движенія послѣднихъ лѣтъ" — говоритъ С. Л. Франкъ — заключается въ томъ, что „обнаружилась несостоятельность міровоззрѣнія и всего духовнаго склада русской интеллигенціи". П. Б. Струве считаетъ интеллигенцію главной виновницей не только того, что революцію „дѣлали плохо", но и того, что ее *вообще дѣлали*, тогда какъ „вся задача состояла въ сосредоточеніи усилій на политическомъ воспитаніи и самовоспитаніи". Всесторонняя оцѣнка всѣхъ этихъ утвержденій—авторами не столько обоснованныхъ, сколько провозглашенныхъ— не входитъ въ составъ нашей задачи; ограничимся немногими замѣчаніями. Именно здѣсь раскрывается съ особенною ясностью основной дефектъ сборника: неопредѣленность понятія объ интеллигенціи. Вѣдь не всѣ же вѣрившіе въ „приматъ общественныхъ реформъ", даже не всѣ „противо-государственники" и „отщепенцы" играли одинаковую роль въ движеніи, стремились къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ, дѣйствовали одними и тѣми же средствами. Отвѣтственность—на сколько о ней въ данномъ случаѣ можетъ идти рѣчь—падаетъ на участниковъ движенія далеко неравномѣрно; привлеченіе къ ней огульно всей интеллигенціи противорѣчитъ и справедливости, и очевидности. Не такими поспѣшными обобщеніями можно предвосхищать судъ исторіи, который для русской революціи вообще еще не наступилъ и едва ли наступитъ скоро. И слыханное ли дѣло, чтобы въ такія критическія

минуты, какія переживала Россія въ 1904—6 гг., общественное вниманіе сосредоточивалось на вопросахъ воспитанія и самовоспитанія? Характеръ революціи освободительное движеніе получило именно потому, что слишкомъ долго былъ закрытъ для русскихъ гражданъ доступъ къ государственной дѣятельности и до крайности затруднено даже ея обсужденіе, даже ближайшее знакомство съ нею. Русское общество не прошло въ свое время черезъ политическую школу—и это не могло не сказаться, когда внезапно раздвинулась политическая сцена и пали окружавшія ее перегородки. Ошибки были неизбѣжны, и мы не отрицаемъ, что ихъ было сдѣлано немало; но въ чемъ коренятся ихъ отдаленныя и ближайшія причины, кому и въ какой мѣрѣ онѣ должны быть вмѣнены въ вину—это вопросъ, къ рѣшенію котораго составители сборника подошли съ предвзятою мыслью и съ слишкомъ упрощенными пріемами.

„Несостоятельностью міровоззрѣнія и всего духовнаго склада интеллигенціи“ авторы разбираемыхъ нами статей объясняютъ не только неудачу освободительнаго движенія, но и цѣлый рядъ послѣдующихъ явленій. „Многіе удивленно стоятъ теперь“ — говоритъ С. Н. Булгаковъ—„передъ перемѣной настроеній, совершившейся на протяженіи послѣднихъ лѣтъ, отъ настроенія героически-революціоннаго къ нигилистическому и порнографическому, а также передъ эпидеміей самоубійствъ, которую ошибочно объяснять только политической реакціей и тяжелыми впечатлѣніями русской жизни. Но это чередованіе и эта истеричность представляются естественными для интеллигенціи, и она не мѣнялась при этомъ въ своемъ существѣ“. „Интеллигентскимъ просвѣтителямъ“, „опустошающимъ“ народную душу, С. Н. Булгаковъ приписываетъ реакцію этой души „въ видѣ роста преступности сначала подъ идейнымъ предлогомъ, а потомъ и безъ этого предлога“. „Народническая, не говоря уже о марксистской, проповѣдь“—читаемъ мы въ статьѣ П. Б. Струве—„въ исторической дѣйствительности превращалась въ разнузданіе и деморализацію“. „Какъ объяснить“ — спрашиваетъ С. Л. Франкъ, — „что чистая и честная русская интеллигенція, воспитанная на проповѣди лучшихъ людей, способна была хоть на мгновеніе опуститься до грабежей и животной разнузданности? Отчего политическія преступленія такъ незамѣтно слились съ уголовными и отчего „санинство“ и вульгаризованная „проблема пола“ какъ-то идейно сплелись съ революціонностью“?.. Дальше идетъ рѣчь о противорѣчіи „между общеобязательнымъ характеромъ интеллигентской вѣры и нигилистически-безпринципнымъ ея содержаніемъ“. Изъ него вытекаетъ „чудовищная, морально недопустимая непослѣдовательность въ отношеніи къ террору правому и лѣвому, къ погромамъ чернымъ и краснымъ“... Утверждая,

что „русская интеллигенція въ теченіе многихъ лѣтъ являла собою своеобразный монашескій орденъ людей, обрекшихъ себя на смерть", А. С. Изгоевъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „принципъ *иди и умирай*, пока онъ руководилъ поступками немногихъ, избранныхъ людей, могъ еще держать ихъ на огромной нравственной высотѣ; но когда кругъ *обреченныхъ* расширился, внутренняя логика неизбѣжно должна была привести къ тому, что въ Россіи и случилось—ко всей этой грязи, убійствамъ, грабежамъ, воровству, всяческому распутству и провокаціи". Если вѣрить М. О. Гершензону, „интеллигентскій бытъ, въ цѣломъ, ужасенъ, подлинная мерзость запустѣнія — праздность, неряшливость, гомерическая неаккуратность въ личной жизни, грязь и хаосъ въ брачныхъ и вообще половыхъ отношеніяхъ, наивная недобросовѣстность въ работѣ".

На чью мельницу льютъ воду всѣ подобныя увѣренія —это не требуетъ поясненій. Конечно, правду нужно раскрывать во что бы то ни стало; но чѣмъ опаснѣе ближайшія послѣдствія разоблаченій, тѣмъ осторожнѣе слѣдуетъ приступать къ нимъ, тѣмъ внимательнѣе взвѣшивать каждое ихъ слово. Этому требованію не удовлетворяютъ только что приведенныя нами цитаты. Совершенно очевидна безпочвенность обобщенія, дѣлаемаго г. Гершензономъ. „Интеллигентскаго быта", какъ чего-то характеризующаго цѣлую многочисленную группу (всѣхъ вѣрующихъ въ „приматъ общественныхъ реформъ"), нѣтъ и быть не можетъ: „интеллигенція"—какъ бы ни понимать этотъ терминъ — обнимаетъ собою множество группъ, существенно различныхъ между собою по привычкамъ, по духовному складу, по образу жизни. Отталкивающая картина, нарисованная г. Гершензономъ, вѣрна, быть можетъ, по отношенію къ тому или другому „интеллигентскому" кружку, существовавшему когда-то или существующему въ настоящее время; но она не имѣетъ ничего общаго съ интеллигенціей, разсматриваемой какъ сколько-нибудь крупное цѣлое... А „чудовищная непослѣдовательность въ отношеніи къ террору красному и черному"—развѣ она можетъ быть вмѣнена въ вину всей интеллигенціи? Развѣ въ средѣ интеллигенціи не высказывались діаметрально противоположные взгляды по этому вопросу? Даже въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ противорѣчіе, указанное г. Франкомъ, несомнѣнно существовало, развѣ оно не возбуждало тяжелой внутренней борьбы, развѣ не дѣлалось попытокъ къ его устраненію? И развѣ оправданіе *террора*, какъ оно ни несостоятельно само по себѣ, равносильно оправданію грабежа, воровства, животной разнузданности? Развѣ эксцессы, омрачившіе аграрное движеніе, не имѣли прецедентовъ въ такія эпохи, когда о вліяніи „интеллигентовъ" на народную душу не было и рѣчи, когда интеллигенція вовсе даже не существовала? Развѣ въ подъемѣ порнографической волны повинны

сколько-нибудь широкіе круги интеллигенціи—и развѣ не изъ среды интеллигенціи вышла реакція, такъ быстро положившая конецъ эфемерному торжеству порнографіи?.. Каковы бы ни были ошибки и прегрѣшенія интеллигенціи — или, лучше сказать, ошибки и прегрѣшенія различныхъ группъ, объединяемыхъ этимъ словомъ, — главное, тягчайшее обвиненіе, взведенное на нее въ „Вѣхахъ“, должно быть признано не только недоказаннымъ, но безусловно несправедливымъ.

Мы далеки отъ мысли, чтобы вся отвѣтственность за неудачу освободительнаго движенія должна была пасть на побѣдителей. Во многомъ, безъ сомнѣнія, виноваты и побѣжденные — но для опредѣленія рода и степени ихъ вины необходимы совсѣмъ другіе пріемы, чѣмъ пущенные въ ходъ авторами „Вѣхъ“. Необходима дифференціація элементовъ, смѣшанныхъ здѣсь въ одну кучу; необходимо установить роль каждаго изъ нихъ, прослѣдить ея источники въ прошедшемъ и оцѣнить ея значеніе въ „дни свободы“, въ дни колебаній и въ дни реакціи. Тогда, быть можетъ, подтвердятся нѣкоторыя—немногія—положенія, выдвинутыя составителями сборника, но подтвердятся по отношенію къ точно опредѣленнымъ и отграниченнымъ группамъ. Только тогда получится болѣе твердое основаніе для „гороскоповъ“, бросающихъ свѣтъ на будущее. Попытокъ, въ этомъ направленіи, сдѣлано въ „Вѣхахъ“ немало, но общій ихъ недостатокъ — крайняя неопредѣленность. Къ этой сторонѣ сборника мы постараемся возвратиться.

К. Арсеньевъ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ 1905—6 гг.

I.

Крестьянскія волненія 1905-06 годовъ имѣли очень важное значеніе въ исторіи новѣйшаго нашего освободительнаго движенія. Послѣднее, въ подготовительныхъ его фазахъ, мало считалось съ земельными нуждами крестьянъ; большинство его участниковъ полагало, что первой задачей движенія должно быть водвореніе свободныхъ формъ политическаго быта. Аграрное движеніе начала 1905 г. дало преобладаніе теченіямъ общественной мысли, настаивавшимъ на неразрывности политическихъ и аграрныхъ задачъ. Всѣ наши политическія партіи включили послѣ того въ свои программы статьи о принудительномъ отчужденіи, для надѣленія крестьянъ, частновладѣльческой земли. Это обратило въ пользу политическаго теченія симпатіи крестьянскихъ массъ и обезпечило побѣду демократіи на выборахъ въ первую и вторую Государственныя Думы.

Но это же обстоятельство вызвало въ дѣйствіе контръ-революціонныя силы. Особенно послѣ аграрнаго пожара второй половины 1905 г. дворянское сословіе ясно представило себѣ опасность для него освободительнаго движенія и приготовилось къ энергической борьбѣ. Оно вступило въ союзъ съ властью, обѣщая ей поддержку во всѣхъ ея предположеніяхъ и требуя за то сохраненія своихъ привилегій. Фактически этотъ союзъ осуществился изданіемъ указа 9-го ноября,—создававшаго, казалось, прочную опору для частнаго землевладѣнія въ средѣ самого крестьянства,—безпощаднымъ преслѣдованіемъ всѣхъ проявленій освободительной стихіи въ недавнемъ прошломъ и въ настоящемъ, и созданіемъ правительственнаго большинства въ Думѣ, путемъ соотвѣтствующаго измѣненія избирательнаго закона.

Реакціонное теченіе въ нашей государственной жизни нельзя, однако, считать прочнымъ. Доказательствомъ этому служитъ отсутствіе рѣшимости отмѣнить крайнія мѣры репрессій, распространившіяся на весь народъ, не смотря на видимое его успокоеніе. Правящія сферы понимаютъ, что, не получивъ удовлетворенія главнѣйшихъ своихъ нуждъ и потерпѣвъ неудачу на революціонномъ пути достиженія

своихъ цѣлей, крестьяне воспользуются всякой возможностью повести борьбу за землю иными путями, и рѣшили не предоставлять имъ никакой для этого возможности, удерживать ихъ въ бездѣйствіи до тѣхъ поръ, пока аграрныя мѣропріятія правительства не приведутъ къ созданію такихъ слоевъ мелкихъ собственниковъ, которые способны будутъ играть роль буфера между малоземельнымъ крестьянствомъ и крупными землевладѣльцами. Послѣ такого „успокоенія" можно будетъ приступить и къ „реформамъ". Возникаетъ только вопросъ: долго ли правительство европейскаго государства можетъ держаться такой политики въ двадцатомъ вѣкѣ? Какой запасъ злобы и ненависти наростаетъ въ душѣ крестьянина, уже почувствовавшаго дыханіе свободы, вслѣдствіе постоянныхъ физическихъ, моральныхъ и экономическихъ надъ нимъ насилій, и какъ выразится это настроеніе, когда внѣшнія или внутреннія обстоятельства обнаружатъ новый проломъ въ нашемъ государственномъ строѣ, а сознаніе неудовлетворенности насущнѣйшихъ нуждъ народа заставитъ его устремиться въ открывшуюся брешь?

Чтобы сознательно отнестись къ этому вопросу, весьма важно составить себѣ правильное понятіе о хозяйственномъ положеніи и о психологіи нашего крестьянства. Переживаемый нами періодъ политическаго „успокоенія" общества, казалось бы, долженъ благопріятствовать серьезному изученію дѣла. Большой интересъ съ этой точки зрѣнія представляетъ анкета Вольнаго Экономическаго Общества относительно крестьянскаго движенія 1905-06 годовъ. Мы хотимъ вѣрить, что наши ученые и политики не замедлятъ использовать собранный Обществомъ матеріалъ и разработаютъ его въ связи съ хозяйственными условіями различныхъ районовъ и группъ населенія, съ точки зрѣнія экономической, политической и народно-психологической.

Помимо всего прочаго, крестьянскія движенія 1905-06 гг. представляютъ громадный интересъ, какъ первое послѣ пугачевщины массовое выступленіе народа. Выступленіе это интересно, прежде всего, для историка и соціолога. При какихъ условіяхъ возникло, въ какихъ формахъ выразилось, какими чувствами и идеями питалось и какое знамя выкидывало это движеніе; въ чемъ можно видѣть отличіе новаго движенія отъ предшествующаго, какія измѣненія въ психологіи народа это отличіе отражаетъ и какими историческими обстоятельствами обусловлено — вотъ вопросы, интересные и для соціолога, и для историка, и имѣющіе, кромѣ того, немаловажное значеніе для практическаго политика. Настоящей замѣткой мы хотѣли бы обратить вниманіе на одну черту, отличающую послѣднее крестьянское движеніе отъ предшествующихъ.

Въ дореформенное время Россія знала два массовыхъ крестьян-

скихъ возстанія — при Разинѣ и Пугачевѣ. Возстанія эти отдѣлены другъ отъ друга промежуткомъ во сто лѣтъ. По прошествіи слѣдующей сотни лѣтъ, т.-е. приблизительно въ семидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія, мы могли бы увидѣть третье возстаніе крѣпостного народа; этого можно было ожидать судя по нервности крестьянъ, развивавшейся болѣе и болѣе въ теченіе XIX-го вѣка и выражавшейся, между прочимъ, въ быстромъ ростѣ насилій крѣпостныхъ надъ своими владѣльцами. Реформа 1861 г., казалось, устранила самыя основанія крестьянскихъ возстаній, уничтоживъ то установленіе, съ которымъ — активно или пассивно — крестьянство боролось во все время его существованія. Но оказалось, что уничтоженіе крѣпостного права не предупредило, а лишь отсрочило новое выступленіе народныхъ массъ. Необходимо правильно оцѣнить этотъ фактъ и точно опредѣлить условія, вызвавшія новое всеобщее движеніе крестьянъ. Только путемъ подобнаго изслѣдованія мы можемъ поставить правильный діагнозъ болѣзни и указать дѣйствительныя средства успокоенія народныхъ массъ, необходимаго уже потому, что безъ него немыслимо серьезное переустройство государства.

Реформа 1861-го года принесла полное освобожденіе отъ помѣщика лишь крестьянамъ восьми западныхъ губерній, которые не только получили въ свое владѣніе (даже съ избыткомъ) всю землю, состоявшую въ ихъ единственномъ пользованіи, но и надѣлены были правомъ сервитута на угодья, состоявшія въ общемъ пользованіи помѣщиковъ и крестьянъ. Крѣпостное населеніе остальной Россіи было вполнѣ освобождено отъ помѣщиковъ только въ личномъ отношеніи; значительная же часть земли, обрабатывавшейся имъ для поддержанія своего существованія, была оставлена у помѣщиковъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства, освобожденный крѣпостной оказался въ хозяйственной зависимости отъ своего бывшаго владѣльца. Съ размноженіемъ населенія эта зависимость, въ черноземномъ, по крайней мѣрѣ, районѣ, увеличивалась болѣе и болѣе, и въ концѣ концовъ крестьянинъ почувствовалъ себя въ такой кабалѣ, что, какъ и его крѣпостной предокъ, готовъ былъ на всякія средства для своего освобожденія. Въ его рукахъ, впрочемъ, находилось лишь одно средство протеста; онъ его пытался пустить въ ходъ еще въ 1902 г., но полнѣе сдѣлалъ это въ 1905 г. Въ какой же мѣрѣ новое выступленіе крестьянства повторяетъ черты и насколько оно отличается отъ движенія крестьянъ 130 лѣтъ тому назадъ?

II.

Оба наши крестьянскія движенія сходствуютъ въ томъ, что они возникли во время внѣшнихъ войнъ и что главнымъ полемъ наиболѣе

яркихъ ихъ проявленій былъ одинъ и тотъ же приволжскій районъ. Не будемъ останавливаться на томъ, случайно или нѣтъ это совпаденіе, и отмѣтимъ лишь, что крестьяне наиболѣе волновавшейся въ 1905 г. Саратовской губерніи потеряли чуть ли не больше всѣхъ другихъ при освобожденіи отъ крѣпостной неволи: у $^2/_3$ крѣпостного населенія были отрѣзки земли, а $^2/_5$ крестьянъ получили при освобожденіи менѣе половины той площади земли, какою они пользовались въ крѣпостномъ состояніи.

Нельзя принимать за случайность сходство тѣхъ проявленій крестьянскаго движенія, которыя считаются характерными и для пугачевщины, и для крестьянскихъ выступленій 1905 г. въ черноземной полосѣ и которыя привели въ такое смущеніе помѣщиковъ и XVIII-го, и XX-го столѣтій. Если движеніе „свободныхъ" крестьянъ въ XX-мъ в. отличается такимъ же агрессивнымъ и разрушительнымъ характеромъ, какъ возстаніе закрѣпощеннаго народа почти полтора столѣтія тому назадъ, то мы въ правѣ, думается намъ, допустить, что и соціальныя чувства, вскормленныя въ обстановкѣ обновленной Россіи, не отличались по существу отъ настроенія, слагавшагося въ народѣ подъ игомъ крѣпостного права.

Это обстоятельство слѣдовало бы имѣть въ виду при сужденіи о событіяхъ, возможныхъ въ ближайшемъ будущемъ, и объ аграрныхъ преобразованіяхъ, отвѣчающихъ нуждамъ народа. Отношеніе крестьянъ къ существующимъ порядкамъ, выразившееся въ разгромахъ и поджогахъ помѣщичьихъ экономій,—даетъ понятіе о силѣ тисковъ, давящихъ крестьянъ въ спокойномъ состояніи, свидѣтельствуетъ о глубинѣ разстройства ихъ хозяйства и предуказываетъ объемъ и направленіе тѣхъ реформъ, какія слѣдуетъ развить въ борьбѣ съ существующимъ зломъ. Своевременное исправленіе этихъ золъ важно не только для внутренняго успокоенія страны, но и для ея безопасности отъ внѣшнихъ враговъ. Съ этой стороны интереснымъ представляется фактъ возникновенія крупныхъ нашихъ народныхъ движеній во время внѣшнихъ войнъ. Фактъ этотъ показываетъ, что недовольство крестьянъ своимъ положеніемъ въ настоящее время, какъ и при крѣпостномъ правѣ, преодолѣваетъ естественное побужденіе патріотическаго чувства: не создавать правительству внутреннихъ затрудненій въ то время, когда ему приходится отражать внѣшняго врага. Въ литературѣ имѣются даже указанія на то, что современный крестьянинъ сознательно перерабатываетъ этотъ мучительный антагонизмъ чувствъ; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне ожидаютъ войны, какъ средства избавленія отъ тяготѣющаго надъ ними гнета.

Но современное крестьянское движеніе отличается отъ предшествовавшаго многими существенными особенностями. Въ XVIII-мъ в.

агрессивныя дѣйствія крестьянъ направлялись главнымъ образомъ на личность помѣщиковъ, а въ настоящее время направляются только на ихъ имущество. Это очень просто объясняется тѣмъ, что современный „свободный" крестьянинъ зависитъ отъ крупнаго собственника лишь въ хозяйственномъ отношеніи; крѣпостной же испытывалъ тяжелую руку владѣльца не только въ хозяйственныхъ, но и въ важнѣйшихъ личныхъ дѣлахъ, и долженъ былъ подчиняться всѣмъ его капризамъ.

Гораздо болѣе важное различіе наблюдается въ томъ, что можно назвать политическимъ знаменемъ возстанія. Психологическія основы послѣдняго тогда и теперь въ сущности одинаковы. Возмущенное чувство народа, воспитанное условіями политическаго и экономическаго быта, но сдерживаемое въ обычное время многочисленными средствами репрессіи, находящимися въ распоряженіи власти, „внезапно становится активной психической силой, лишь только хотя бы на мигъ коллективному сознанію низшихъ слоевъ населенія представится, что пришло, наконецъ, время, когда можно покончить со страданіемъ" [1]). Этотъ желанный моментъ крѣпостной народъ въ XVIII в. усмотрѣлъ въ выступленіи царя, обратившагося къ низшимъ классамъ за помощью для возстановленія его на прародительскомъ престолѣ и возвѣщавшаго о полномъ преобразованіи соціальнаго строя на демократическихъ, какъ бы нынѣ выразились, началахъ. Подъ знаменемъ царя и происходило народное возстаніе какъ въ XVIII, такъ и въ XVII (при Разинѣ) вѣкахъ.

Другая характерная черта этихъ возстаній, вытекающая изъ того же психологическаго основанія, какъ и первая, заключается въ томъ, что возстанія крѣпостныхъ крестьянъ происходили не во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда достигали призывы самозванца, а главнымъ образомъ, если не исключительно, въ районахъ распространенія настоящихъ или самозванныхъ его посланцевъ. Въ то время какъ Пугачевъ одерживалъ рядъ побѣдъ за Волгой и только по нерѣшительности характера отказался идти на Москву, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ожидали низшіе классы народа, и со страхомъ—высшіе,—крѣпостное населеніе, горячо сочувствовавшее самозванцу, оставалось спокойнымъ. Лишь съ переправой Пугачева на правый берегъ Волги и вдоль пути стремительнаго его движенія на югъ поднимались массы крѣпостного народа и расправлялись съ помѣщиками. Для того, чтобы рѣшиться возстать, крѣпостному крестьянину XVIII в., оказывается, недостаточно было личнаго страданія подъ гнетомъ рабства и страстнаго желанія освобожденія; недостаточно было и простой вѣсти объ успѣшномъ со-

[1]) Н. И. Ѳирсовъ. „Пугачевщина", стр. 130.

стязаніи съ правительственными войсками царя, призывавшаго къ возстанію и къ избіенію помѣщиковъ. Ему нужно было еще осязательное, такъ сказать, удостовѣреніе въ наличности и самого царя, и его призывовъ—и онъ находилъ его въ появленіи шаекъ, именовавшихъ себя царскими отрядами, громившихъ помѣщичьи гнѣзда и издававшихъ на своемъ пути бунтовщическіе приказы. Эту политическую несамостоятельность крѣпостного крестьянства мы пытались когда-то объяснить соображеніями такого рода.

„Со времени образованія московскаго государства вмѣшательство народа въ общественную жизнь непрерывно уменьшалось и увеличивалась власть царскаго правительства. Простой наблюдатель общественной жизни видѣлъ, поэтому, что ея явленія санкціонировались царской властью и что всѣ измѣненія совершались ею же, и выводилъ естественное заключеніе, что царская власть есть общественная сила. Дальнѣйшія наблюденія убѣждали его въ томъ, что многое дѣлается вопреки царскимъ повелѣніямъ, вліяніемъ боярства; слѣдовательно и за послѣднимъ долженъ былъ онъ признать общественную силу. Объединеніе государства и военные подвиги, льстящіе народному самолюбію, совершенные подъ знаменемъ царской власти, укрѣпляли за ней въ сознаніи народа высокій характеръ; церковь проповѣдующая божественное ея происхожденіе, придавала ей высшее право; угнетенное состояніе самого народа, непосредственными виновниками коего были представители другой, близкой къ нему силы, возбуждало въ немъ естественное стремленіе ожидать себѣ защиты отъ другой силы—высшей и отдаленной. Такимъ образомъ въ сознаніи русскаго народа установилось понятіе о наличности въ русскомъ обществѣ двухъ силъ: правомѣрной, для него благодѣтельной—царской, и неправомѣрной, ему враждебной—дворянской“.

Вотъ какое понятіе относительно движущихъ силъ русскаго общества долженъ былъ вынести народъ изъ наблюденія окружавшихъ его явленій. „Но въ этихъ явленіяхъ не было мѣста народу, какъ силѣ, а только какъ матеріалу. Въ удѣльно-вѣчевой періодъ народъ былъ дѣйствительной силой и въ первое время московскаго государства у него еще сохранялось сознаніе о томъ, проявлявшееся въ народныхъ движеніяхъ. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ можно наблюдать проблески такого сознанія хотя бы въ Москвѣ, гдѣ народъ обращался къ царю съ опредѣленными требованіями, а тотъ просилъ у него о прощеніи провинившагося вельможи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе народъ терялъ общественное значеніе, тѣмъ болѣе устанавливалась власть государственная, и, наконецъ, въ общественной жизни народъ оказался въ „нѣтяхъ“; въ „нѣтяхъ“ оказался онъ и въ своемъ сознаніи“ [1]).

[1]) „Отъ семидесятыхъ годовъ къ девятисотымъ“, стр. 9—10.

Такое именно воззрѣніе на соотношеніе политическихъ силъ и проявилось въ возстаніи крѣпостныхъ крестьянъ во времена Пугачева.

III.

Что же говоритъ намъ по предмету политическаго самосознанія народа исторія послѣднихъ крестьянскихъ движеній? Замѣчаются ли въ ихъ ходѣ, содержаніи и выкидываемыхъ знаменахъ признаки того, что здѣсь—лишь обновленное изданіе старой традиціи, или мы находимъ въ нихъ черты, свидѣтельствующія о переломѣ политическаго міросозерцанія крестьянъ?

По этому предмету надлежитъ прежде всего замѣтить, что въ новѣйшемъ крестьянскомъ движеніи не встрѣчается ни самозванца или его полковниковъ, ни манифестовъ, призывающихъ къ возстанію, ни предварительной побѣды царя-благодѣтеля надъ правительственными войсками—словомъ, ничего составляющаго характерную черту пугачевщины. Свободное крестьянство оказалось, такимъ образомъ, не столь щепетильнымъ въ отношеніи средствъ оправданія его права возстать, какъ его крѣпостные предки. Другая особенность современнаго движенія заключается въ блѣдности того политическаго знамени, которое ярко окрашивало пугачевщину и позднѣйшія более мелкія волненія крѣпостныхъ — знамени царской власти, призывавшей къ возстанію или даровавшей народу искомыя имъ права. Знамя это еще колебалось въ крестьянскихъ рукахъ во время волненій 1902 г.; въ 1905 г. оно обратилось въ мелкіе, мало-опредѣленные, кое-гдѣ мелькавшіе флаги.

И дѣйствительно, въ матеріалахъ, изданныхъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, мы находимъ очень мало прямыхъ указаній на то, что волновавшіеся крестьяне воодушевлялись наличностью мнимаго манифеста, призывавшаго къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ или разрѣшавшаго таковыя.

Кое-гдѣ въ Островскомъ уѣздѣ Псковской губ. самовольную рубку чужого лѣса крестьяне объясняли тѣмъ, что „государь всѣ земли отдалъ крестьянамъ, а правительство (господа) скрыли манифестъ"; въ Ошмянскомъ уѣздѣ Виленской губ. многіе крестьяне поняли свободу, объявленную 17 октября, „какъ отдачу крестьянамъ всѣхъ сервитутовъ безплатно"; въ Херсонскомъ уѣздѣ въ манифестѣ 17 октября крестьяне вычитали обѣщаніе нарѣзки крестьянамъ земли; въ Бобровскомъ уѣздѣ Воронежской губ. крестьяне говорили, что „Царь и Дума разрѣшили жечь и грабить помѣщиковъ". Есть извѣстія изъ отдѣльныхъ уѣздовъ, что крестьяне истолковывали свободы, объявленныя правительствомъ, какъ разрѣшеніе расхищать помѣщичье добро до 1 января 1906 г.

До 1 января „свобода“, „все можно дѣлать“, говорили мѣстами въ Пермской и Херсонской губ.; „поработаемъ, пока свобода дана, а тамъ опять свободы не будетъ“ (Донская область); „что теперь возьмете въ дни свободы — все будетъ ваше“, — говорили въ Ошмянскомъ уѣздѣ Виленской губ.

Подтвержденіе этому крестьяне находили въ видимомъ попустительствѣ со стороны властей грабежей и погромовъ еврейскаго населенія и подвиговъ черной сотни въ городахъ и мѣстечкахъ. Возникновеніе аграрнаго движенія въ Кирсановскомъ уѣздѣ Тамбовской губ. корреспондентъ Вольнаго Экономическаго Общества приписываетъ слухамъ, что „въ городахъ безнаказанно бьютъ жидовъ и позволено грабить ихъ имущество“. Въ погромномъ движеніи въ Рѣпкинской волости Черниговскаго уѣзда толчкомъ послужили еврейскіе погромы въ Черниговѣ. „Бывшіе въ Черниговѣ во время погрома крестьяне видѣли, что власти бездѣйствовали, а потому принесли вѣсть, что бить пановъ и жидовъ разрѣшено, и начался затѣмъ во время базара разгромъ еврейскихъ лавокъ и домовъ, экономій, арендуемыхъ евреями, и, наконецъ, помѣщиковъ“. „Бѣдняковъ-евреевъ не трогали; мѣстные крестьяне живутъ дружно съ евреями, отъ которыхъ много зарабатываютъ извозомъ“. Въ разгромахъ усадьбъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Городнянскаго уѣзда (Черниговской губ.), главное участіе принимали также „возвратившіеся изъ города рабочіе, участвовавшіе въ еврейскихъ погромахъ и потому успѣвшіе вооружиться и убѣдившіеся въ безнаказанности грабежа“. Ближайшимъ толчкомъ къ возникновенію безпорядковъ въ Рыльскомъ уѣздѣ Курской губ. былъ еврейскій погромъ въ г. Рыльскѣ; въ Рожновской волости Суражскаго уѣзда (Черниговской губ.)—погромъ въ посадѣ Клинцахъ; разгромы помѣщичьихъ экономій подъ Нѣжиномъ начались послѣ еврейскаго погрома въ г. Нѣжинѣ. Въ Пакульской волости Черниговскаго уѣзда движеніе выразилось разграбленіемъ еврейскихъ лавокъ и помѣщичьяго добра; въ Слабинской и Кизлянской волостяхъ были еврейскіе погромы и расхищеніе экономическаго хлѣба; въ Довжицкой волости движеніе началось еврейскими погромами, что угрожало и помѣщичьимъ экономіямъ, но во-время были вызваны войска.

Отсутствіе политической самостоятельности проявляется и въ тѣхъ, тоже немногочисленныхъ случаяхъ, когда, разочаровавшись въ старыхъ авторитетахъ, крестьяне, для поддержанія своихъ притязаній, ссылались на авторитетъ какихъ-то новыхъ, имъ постороннихъ и мало извѣстныхъ силъ. Разгрому имѣній въ Тамбовскомъ уѣздѣ предшествовало предложеніе ихъ владѣльцамъ, передаваемое крестьянами будто бы отъ имени „стюдентовъ“—оставить усадьбу. Въ Бобровскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи обычный ходъ погрома былъ такой: „сна-

чала шли ребятишки, дѣвки и бабы, бросались въ садъ на фрукты; затѣмъ подходили взрослые и начинался грабежъ, причемъ большинство владѣльцевъ уѣзжали изъ хуторовъ при первомъ появленіи грабителей, которые говорили, что за ними идутъ шестьсотъ студентовъ съ пушкой и все сожгутъ". Въ Бугульминскомъ уѣздѣ воображеніе соединило вмѣстѣ старую и новую благодѣтельныя для крестьянъ силы: въ Костюнлинской волости носились слухи, что по барскимъ усадьбамъ ходятъ „студенцы" и по царскому приказанію сжигаютъ и увозятъ все.

Въ другихъ мѣстахъ миѳическихъ „стюдентовъ" замѣняли реальные „неизвѣстные", игравшіе какъ бы роль пугачевскихъ „полковниковъ", но представлявшихъ не традиціонную, а какую-то новую силу. Такъ было, напр., въ Козловской волости Петровскаго уѣзда Саратовской губ. „Разгрому экономіи въ с. Камаевкѣ предшествовали зарева, всевозможные слухи и, наконецъ, пріѣхали „неизвѣстные", „шляпы", и началось „возмущеніе". „Неизвѣстные" вели крестьянъ разбирать помѣщичій хлѣбъ: „все равно сгоритъ"! Кончали „неизвѣстные" въ одномъ мѣстѣ—переѣзжали въ другое, и тамъ начиналось то же самое". Въ Спасско-Александровской волости того же уѣзда уполномоченные отъ крестьянъ пришли съ „неизвѣстнымъ" къ мѣстному землевладѣльцу и потребовали отъ него ружья, деньги, ключи и книги съ записями крестьянскихъ долговъ; „при этомъ неизвѣстный заявилъ помѣщику, что сопротивленіе безполезно, ибо во власти революціи находится большая половина Россіи. Получивъ требуемое, неизвѣстный передалъ все крестьянамъ и уѣхалъ".

Случаи, подобные вышеприведеннымъ, въ которыхъ можно видѣть какъ бы открытое признаніе крестьянами своей политической несостоятельности и открытую ссылку, въ оправданіе тѣхъ или другихъ своихъ дѣйствій, на призывъ и разрѣшеніе высшей власти—пріемъ, свидѣтельствующій о сохраненіи традиціоннаго политическаго міросозерцанія — встрѣчаются въ нашихъ матеріалахъ, повторяемъ, не часто. Въ огромномъ большинствѣ дѣйствій крестьянъ мы видимъ выраженіе тѣхъ же мотивовъ и пріемовъ борьбы, какіе свойственны и свободнымъ отъ традиціи людямъ, находящимся въ ихъ положеніи и на ихъ уровнѣ пониманія соціальныхъ явленій. Они дѣйствовали такъ или иначе потому, что это соотвѣтствовало преслѣдуемымъ ими цѣлямъ; колебались въ своемъ поведеніи, когда чувствовали потребность выразить свое настроеніе, но не были увѣрены въ цѣлесообразности избранныхъ для того средствъ. Они громили экономіи, смѣщали выборныхъ должностныхъ лицъ, прибѣгали къ забастовкамъ, чередовали различныя дѣйствія, въ зависимости отъ настроенія и отъ своего пониманія цѣлесообразности той или другой мѣры, а не по приказу

внѣшней силы, не по ошибочному предположенію, что это кому-либо желательно. Не смотря на это, связь осеннихъ крестьянскихъ движеній съ манифестомъ 17 октября очевидна, и на совпаденіе изданія манифеста съ началомъ крестьянскихъ волненій постоянно указываютъ корреспонденты Вольнаго Экономическаго Общества. Можно указать еще и на тотъ фактъ, что многіе крестьяне, прекращавшіе взносъ податей, въ оправданіе своихъ дѣйствій ссылались на манифестъ объ уничтоженіи выкупныхъ платежей. Ближайшее изслѣдованіе, быть можетъ, указало бы нѣкоторую связь весеннихъ движеній крестьянъ съ правительственными актами, въ родѣ Высочайшаго рескрипта 18 февраля о привлеченіи народныхъ представителей къ государственнымъ дѣламъ. Въ такомъ вліяніи Высочайшихъ манифестовъ нѣтъ ничего исключительнаго: манифестъ 17 октября оживилъ освободительное движеніе во всѣхъ слояхъ общества. Его дѣйствіе на крестьянъ было только замѣтнѣе, быть-можетъ и потому, что изданіе манифеста совпало съ такими грандіозными фактами, какъ всероссійская забастовка, способная и сама по себѣ произвести большое впечатлѣніе на крестьянъ.

Связь манифеста 17 октября и крестьянскихъ движеній можно представить такимъ образомъ, что манифестомъ, объявлявшимъ о свободахъ, объ изданіи законовъ не иначе, какъ съ одобренія народныхъ представителей и объ участіи „выборныхъ отъ народа“ въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій властей,—прежніе обыватели обращались въ гражданъ, способныхъ принимать участіе въ направленіи государственныхъ дѣлъ и какъ бы приглашавшихся къ обсужденію и этихъ послѣднихъ, и своего положенія, и поведенія мѣстныхъ властей. Въ одномъ разъясненіи манифеста, сдѣланномъ гвардейскимъ солдатомъ, нарочно для того прибывшимъ на родину въ Холмскій у. Псковской губ., рѣчь была прямо закончена заявленіемъ: „мы всѣ граждане“. „До 1905 г.—сообщаетъ корреспондентъ изъ Глуховскаго у. Черниговской губ.,—у насъ объ аграрныхъ движеніяхъ народъ и понятія не имѣлъ, а послѣ манифеста 17 октября онъ сразу почувствовалъ, что теперь можно найти свѣжій воздухъ, который просвѣтитъ нашъ разумъ къ отысканію своихъ правъ“. И крестьяне, дѣйствительно, не ограничились одними обсужденіями, а стали осуществлять свои „права“, какъ они ихъ понимали, или, говоря иначе, стали добиваться улучшенія своего положенія. Въ вышеуказанномъ, напримѣръ, случаѣ въ Холмскомъ уѣздѣ тотчасъ послѣ прочтенія и разъясненія манифеста началась полемика крестьянъ съ присутствовавшимъ на собраніи земскимъ начальникомъ, а въ ближайшее послѣ того время крестьянами были смѣщены выборныя власти, за ихъ злоупотребленія. Это не вытекало изъ манифеста и находилось даже въ проти-

ворѣчіи съ нимъ; но этимъ доказывается то, что манифестъ не былъ въ глазахъ крестьянъ единственнымъ актомъ, съ которымъ они считали нужнымъ согласовать свое поведеніе. Послѣднее подготовлялось ранѣе и опредѣлялось другими моментами, а манифестъ игралъ роль толчка къ дальнѣйшему развитію начавшагося процесса. И если первое впечатлѣніе отъ него нерѣдко было въ духѣ традиціонныхъ политическихъ взглядовъ народа, то въ послѣдующемъ крестьяне вели уже собственную линію, выступали съ собственными рѣшеніями и программами, дѣйствовали за свой собственный страхъ.

Корреспонденты Вольнаго Экономическаго Общества отмѣтили эту самостоятельность крестьянскаго поведенія; но кто связывалъ движеніе съ манифестомъ,—приписывалъ ее невѣжеству крестьянъ. „Совершенное непониманіе манифеста 17 октября было главнымъ поводомъ движенія (лѣтомъ 1906 г.); никто изъ начальствующихъ лицъ не позаботился объяснить его содержанія"—жалуется корреспондентъ изъ Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губ. Главной причиной крестьянскаго движенія въ Данковскомъ уѣздѣ Рязанской губ. корреспондентъ также считаетъ „неправильное толкованіе объявленной свободы". „Всѣ крестьяне Туровской волости (Новоржевскаго уѣзда, Псковской губ.), услыша про свободу слова въ 1905 г. и не понимая ея законной сущности, безбоязненно стали передавать одинъ другому всякіе нелѣпые слухи, отчего и вышло у всѣхъ отклоненіе отъ платежа (податей)".

Не вездѣ, однако, манифестъ 17 октября произвелъ благопріятное впечатлѣніе на крестьянъ: они не находили въ немъ отвѣта на свою настоятельнѣйшую нужду — недостатокъ земли. „Въ большинствѣ случаевъ чтеніе манифеста вызывало у слушателей нѣкоторое разочарованіе, такъ какъ въ немъ ничего не говорилось о надѣленіи землей, и манифестъ получилъ наименованіе господскаго" (Курская губ.). „Что намъ свобода, когда ѣсть нечего", говорили о манифестѣ въ Пензенской губерніи. „Все про свободы какія-то, чтобы, значитъ, жидъ, али тамъ татаринъ могъ молиться свободно. Мы думали—намъ земли прибавятъ, а тутъ—на-поди!"—слышалось въ Псковской губерніи. Подобное разочарованіе въ томъ, что̀ составляло предметъ постоянныхъ чаяній народа и что̀ въ описываемое время всеобщаго возбужденія и преувеличенныхъ надеждъ казалось столь близкимъ къ осуществленію, могло само по себѣ вызвать въ народѣ рѣшимость добиваться отчаянными средствами завѣтной мечты.

IV.

Относительная самостоятельность движенія 1905-6 гг., его сравнительная независимость отъ внѣшняго импульса—дѣйствительнаго или воображаемаго,—доказывается и самымъ ходомъ волненій.

Хотя наибольшаго напряженія движеніе достигло въ концѣ 1905 г., но начало его относится къ веснѣ этого года. Уже 10-го апрѣля изданъ былъ Высочайшій указъ о вознагражденіи потерпѣвшихъ помѣщиковъ изъ имуществъ „всѣхъ членовъ сельскихъ обществъ, участвовавшихъ въ скопищахъ крестьянъ, коими произведены разгромы и грабежи“. Новые взрывы движенія наблюдались въ 1906 и даже въ 1907 годахъ. Эта разновременность движеній противорѣчитъ заключенію, что они вызваны внѣшнимъ фактомъ, каковымъ въ XVIII вѣкѣ было прибытіе посланцевъ новаго царя, а въ новѣйшее время могло быть опубликованіе манифеста 17 октября. Разновременность крестьянскихъ движеній указываетъ на то, что ихъ возникновеніе зависѣло и отъ условій, такъ сказать, внутреннихъ, отъ какихъ-то подготовительныхъ процессовъ, происходившихъ въ средѣ самого крестьянства, и въ разныхъ его группахъ и районахъ созрѣвшихъ въ разное время.

Характерной чертой новѣйшаго движенія, также указывающей на его связь съ внутренними, а не внѣшними условіями крестьянской жизни, было разнообразіе формъ его проявленія, свидѣтельствующее съ одной стороны объ отсутствіи одного, даннаго извнѣ лозунга, съ другой—о разнообразіи мотивовъ, обусловливавшихъ движеніе. Главнѣйшими формами крестьянскихъ движеній, сплошь и рядомъ сочетавшимися, но еще чаще разъединявшимися, были разгромы владѣльческихъ экономій, захватъ во временное пользованіе частновладѣльческихъ, казенныхъ и удѣльныхъ земель, стачки, неплатежъ податей и смѣна выборныхъ властей.

Мы не съумѣемъ правильно отнестись къ крестьянскимъ волненіямъ, если будемъ разсматривать ихъ внѣ связи съ общимъ потокомъ освободительнаго движенія, объявшаго русскую землю во время японской войны. Мы должны, однако, различать вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльные рукава этого потока, и во всякомъ случаѣ не забывать того обстоятельства, что наибольшей сознательностью и организованностью естественнымъ образомъ отличалось движеніе культурныхъ слоевъ общества, планомѣрно боровшихся за свободныя политическія учрежденія. По мѣрѣ распространенія внизъ, къ задачамъ общей политической борьбы все болѣе и болѣе присоединялись задачи, диктуемыя частными, главнымъ образомъ матеріальными нуждами, а планомѣрность и организованность движенія нарушались или даже замѣщались стихійными порывами. Въ самомъ отдаленномъ, крестьянскомъ слоѣ нашего общества таилось наиболѣе причинъ для преобладанія матеріальныхъ мотивовъ движенія и наименѣе условій для его организованности и планомѣрности.

Крестьянство такъ далеко отстоитъ отъ интеллигентныхъ слоевъ общества, столь многочисленно сравнительно со слабыми силами по-

слѣднихъ и такъ еще мало пользуется главнѣйшимъ средствомъ объединенія мысли и дѣйствій — печатнымъ словомъ, что своевременное воздѣйствіе на него того, что происходитъ въ центрахъ и на верхахъ общества, является простой случайностью.

И дѣйствительно, главными проводниками въ среду крестьянства идей и фактовъ завязавшейся во время японской войны освободительной борьбы нашего общества съ правительствомъ, были не печать и не достаточно сознательная устная пропаганда, а случайные разсказы прохожихъ людей, односельцевъ, возвратившихся съ стороннихъ заработковъ, слухи и сплетни о забастовкахъ рабочихъ, дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ правительства и т. п. Идеи и факты политической борьбы доходили до крестьянъ поздно, въ неодинаковомъ количествѣ, въ неодинаковой обработкѣ, съ разной степенью искаженія, и не имѣли объединяющаго характера. Оттого-то порожденныя общими внѣшними условіями, но движимыя не совсѣмъ одинаковыми внутренними мотивами, освободительное движеніе въ обществѣ и движеніе въ крестьянской массѣ оставались въ первое и самое важное время разъединенными, и лишь послѣ тяжелыхъ испытаній оказалась общая для нихъ почва. Въ бóльшей связи крестьянское движеніе находилось съ рабочимъ. Какъ и послѣднее, оно открылось въ началѣ 1905 г. и наибольшаго напряженія достигло осенью.

Съ весны 1905 г.—говоритъ наблюдатель крестьянскаго движенія въ „захолустной, мало культурной“ Пензенской губерніи—замѣчалась перемѣна въ настроеніи народа: измѣнился самый тонъ, мужикъ началъ разговаривать съ чиновникомъ, съ помѣщикомъ, съ земцемъ такимъ тономъ, какого раньше отъ него не слыхали. Повсемѣстно пришлось дѣлать уступки при сдачѣ земель въ аренду; чиновнику приходилось на сходѣ выслушивать замѣчанія, въ родѣ того: „мало ли мужика надували“. При попыткѣ объяснить самую простую вещь—необходимость ремонта школы и т. п. — учителямъ приходилось отвѣчать на повышенные запросы народа. Ходили въ народѣ, въ связи съ неудачной войной и разгоравшейся смутой, толки объ измѣнѣ и подкупѣ. Кое-кто изъ учительницъ говорили, что жить въ деревнѣ дѣлается жутко. Лѣто, съ его заботами и работами, отвлекло вниманіе народа; осенью, какъ только кончилось страдное время, особенно послѣ Покрова, броженіе усилилось. Въ Саратовской губерніи народъ какъ будто выбился изъ колеи, собирался и толковалъ. Агитація съиграла въ этомъ несомнѣнную роль: никогда не было такой массы прокламацій, какъ въ это лѣто. Такую же агитаціонную роль играли и газеты черносотеннаго направленія. Онѣ проповѣдывали какъ разъ противоположное прокламаціямъ, но производили тотъ же эффектъ; и въ тѣхъ, и въ другихъ доказывалось, что кто-то вредитъ народу и что

этого врага народа надо истребить. Газеты, съ ихъ обличеніями господствующихъ порядковъ, внесли въ народную среду много новыхъ идей. „Реформы, ожидавшіяся и обѣщанныя въ туманной формѣ, вызвали въ народѣ надежду, что на его положеніе будетъ обращено вниманіе. Желѣзнодорожная забастовка показала народу существованіе какихъ-то силъ, способныхъ вступить въ борьбу съ правительствомъ. Историческій актъ, завершившій эту классическую стачку, довершилъ путаницу и былъ фитилемъ, приложеннымъ къ пороховому ящику“ [1]).

Боевое настроеніе крестьянскихъ массъ развивалось, такимъ образомъ, одновременно и параллельно съ такимъ же настроеніемъ во всемъ русскомъ обществѣ, и, какъ это послѣднее, нашло разряженіе во внѣшнемъ взрывѣ. Манифестъ 17 октября пріурочилъ такой взрывъ къ опредѣленному моменту разочарованіемъ, внесеннымъ въ умы крестьянъ, толчкомъ, даннымъ развитію политической мысли народа. За нимъ послѣдовала сравнительная свобода общенія народа съ интеллигенціей, пришедшей къ нему съ идеей борьбы народныхъ массъ съ существующимъ порядкомъ вещей.

Изложенныя выше мысли о крестьянскомъ движеніи, какъ рукавѣ освободительнаго теченія, захватившаго всѣ слои русскаго общества, подтверждаются мнѣніями многихъ корреспондентовъ Вольнаго Экономическаго Общества, равно какъ и явленіями самаго движенія. Въ нижеслѣдующемъ мы приведемъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ, ограничиваясь территоріей черноземныхъ губерній, гдѣ съ особенной силой сказалась тенденція къ овладѣнію, такъ или иначе, частновладѣльческими землями.

V.

Въ вопросномъ листѣ, разосланномъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, не находилось вопросовъ о связи крестьянскаго движенія съ общимъ освободительнымъ, объ агитаціи среди крестьянъ и о политическихъ выступленіяхъ послѣднихъ. Этимъ, вѣроятно, и объясняется сравнительная бѣдность матеріаловъ, собранныхъ обществомъ относительно этихъ предметовъ.

Въ Рыльскомъ уѣздѣ, Курской губ., передъ движеніемъ собирались „митинги“, гдѣ толковалось о землѣ, читались прокламаціи соціалистовъ-революціонеровъ и крестьянскаго союза. Въ этомъ уѣздѣ замѣтно вліяніе интеллигентныхъ крестьянъ (десятниковъ, мастеровыхъ и др.) и народныхъ учителей. Въ Суджанскомъ уѣздѣ большимъ распростра-

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“ 1905 г., № 319: „Аграрная опасность“.

неніемъ пользовались газеты, изъ которыхъ крестьяне знакомились, между прочимъ, съ протоколами московскаго крестьянскаго съѣзда; въ южной части уѣзда была распространена организація крестьянскаго союза, и въ этой части не наблюдалось погромовъ. Смутныя извѣстія о вліяніи на крестьянъ мѣстныхъ (сельскаго учителя, помѣщика) или пришлыхъ агитаторовъ и прокламацій находятся въ корреспонденціяхъ изъ Орловской губерніи. Корреспондентъ изъ Ряжскаго уѣзда, Рязанской губ., главной причиной мѣстнаго движенія крестьянъ считаетъ „революціонную явную и тайную печать", корреспондентъ изъ Веневскаго уѣзда Тульской губ.—„вредное вліяніе газетъ и брошюръ". Аграрное движеніе въ Богородицкомъ уѣздѣ Тульской губ. „сильно двинула желѣзнодорожная забастовка, которая не сразу была понята крестьянами". Въ Воронежской губ. агитаціей среди крестьянъ занимались псаломщики, семинаристы, фельдшера, фельдшерицы, доктора, акушерки, кондуктора желѣзныхъ дорогъ. Въ Землянскомъ уѣздѣ „на сходъ пріѣзжалъ псаломщикъ и составилъ съ крестьянами приговоръ для отсылки въ крестьянскій союзъ, по программѣ этого послѣдняго, печатавшейся въ газетахъ". Въ Бобровскомъ уѣздѣ „читались описанія и рѣчи крестьянскаго съѣзда въ Москвѣ и разная нелегальная литература".

Въ Саратовской губ. задолго до движенія среди крестьянъ начались разговоры „объ уравненіи земли", „о революціи", „о борьбѣ за право". Агитаторы „заразили" всѣхъ: и богатыхъ, и бѣдныхъ, и рабочихъ, и солдатъ,—пишетъ крестьянинъ-писарь; слѣдовало бы „прекратить" лѣвыя партіи и „надѣлить крестьянъ землею, по силѣ возможности". Для нѣкоторыхъ уѣздовъ Харьковской губ., главнымъ образомъ Сумскаго, корреспонденты отмѣчаютъ агитацію постороннихъ лицъ (въ томъ числѣ земскихъ служащихъ) лѣтомъ 1905 г. Въ с. Терешковку Сумскаго уѣзда, напримѣръ, въ концѣ іюня 1905 г. пріѣхалъ для демонстраціи желѣзныхъ плуговъ предсѣдатель земской управы съ нѣсколькими служащими. Быстро собрались крестьяне, въ числѣ до 1.000 человѣкъ, и послѣ демонстраціи произносились рѣчи. „Съ этого и началось", прибавляетъ корреспондентъ-священникъ. Въ Сумскомъ и Лебединскомъ уѣздахъ широкое распространеніе получила организація крестьянскаго союза; отдѣльные союзы находились во взаимныхъ сношеніяхъ черезъ своихъ уполномоченныхъ. Изъ с. Малый Исторкъ, Лебединскаго уѣзда, было отправлено 25 чел. въ с. Великій Исторкъ „для возмущенія тамъ жителей о присоединеніи къ волненію". Уполномоченные эти въ концѣ декабря мѣсяца 1905 г. были арестованы.

Въ Константиноградскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., послѣ 17-го окт. проявились въ деревнѣ мѣстные и пріѣзжіе агитаторы и прокламаціи.

По ночамъ собирались митинги; составлялись общественные приговоры, съ требованіемъ учредительнаго собранія и отобранія земли у помѣщиковъ. Всѣ, кромѣ болѣе состоятельныхъ, „сочувствовали и желали безпорядковъ". „Всѣ одно думали и объ одномъ мечтали". Въ Пироговской волости, Кременчугскаго уѣзда, аграрнаго движенія не было, но наблюдалось „какое-то общее движеніе въ городѣ и уѣздѣ по объявленіи манифеста 17-го октября". Крестьяне собирались на деревенскія сходки; два раза были сходы цѣлой волостью, и на нихъ выступали ораторы. Разговоры были на тему, что „земля, какъ воздухъ и солнце, есть даръ Божій". Въ Николаевской волости, Полтавскаго уѣзда, не было аграрныхъ безпорядковъ, но, подъ вліяніемъ желѣзнодорожной забастовки, при близкихъ къ жел. дорогамъ деревняхъ собирались митинги, на которыхъ ораторы подбивали къ забастовкѣ и крестьянъ. Въ Русановской волости, Гадячскаго уѣзда, въ районѣ хут. Ющановка, движеніе началось въ ноябрѣ 1905 г. Въ сосѣдней деревнѣ Роменскаго уѣзда молодые интеллигенты и полуинтеллигенты стали въ это время устраивать митинги, собиравшіе отовсюду до тысячи душъ. Послѣ того и пошли „волненія и безпокойства". Въ с. Богодуховкѣ и трехъ деревняхъ Золотоношскаго уѣзда въ началѣ декабря 1905 г. состоялись сходки крестьянъ, на которыхъ пріѣзжіе ораторы разъясняли „разныя правосвободы и гражданственность". Крестьяне рѣшили „сдѣлать забастовку высылкой рабочихъ".

Въ Суражскомъ уѣздѣ, Черниговской губ., осенью 1905 г. по селеніямъ собирались митинги, на которыхъ выступали пріѣзжіе ораторы. Въ Новозыбковскомъ уѣздѣ крестьяне массами записывались въ крестьянскій союзъ, не жалѣя денегъ на посылку делегатовъ на уѣздные съѣзды. Крестьянинъ Черниговскаго уѣзда, описавъ свои впечатлѣнія отъ всеобщей забастовки въ г. Черниговѣ 17-го окт., продолжаетъ: „отъ сего дня начали усиливаться въ нашихъ и сосѣднихъ мѣстностяхъ злые слухи на помѣщиковъ и получились печатныя разстроительныя письма, въ которыхъ совѣтуютъ не платить податей, не слушать правительства и т. д. Вамъ—говорятъ—будетъ земля, а намъ—повышеніе жалованья. Просятъ крестьянъ также брать оружіе, кто какое имѣетъ, и приходить къ нимъ въ города".

Въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, „послѣ 17-го октября крестьяне почувствовали потребность занять опредѣленную позицію и нашли выходъ въ крестьянскомъ союзѣ, въ резолюціяхъ котораго видѣли осуществленіе своихъ давнишнихъ желаній. Почти въ каждомъ селѣ безпрерывно шли митинги; громадное большинство крестьянъ записалось въ крестьянскій союзъ". Не смотря на такое движеніе среди крестьянъ, въ этомъ уѣздѣ не было ни разгромовъ помѣщичьихъ усадебъ, ни захвата помѣщичьихъ земель. Хотя центромъ

движенія былъ аграрный вопросъ, „но рѣшенія его переносились не на поля помѣщиковъ, а на сходы крестьянскаго союза“. 15-го декабря всѣ сельскія общества, по приглашенію уѣздной земской управы, прислали своихъ уполномоченныхъ въ сельско-хозяйственный совѣтъ съ приговорами въ духѣ крестьянскаго союза. Въ Казенно-Торско-Алексѣевской вол., Бахмутскаго уѣзда, крестьянское движеніе возникло осенью 1905 г. и повторилось лѣтомъ 1906 г. Мѣстность эта находится вблизи рудниковъ и культурныхъ нѣмецкихъ колоній. Мѣстная интеллигенція старалась вліять на развитіе сознанія крестьянъ уже начиная съ 1894 г. Здѣсь дѣйствовали толстовцы, народники и украинофилы. Въ теченіе 1903-04 гг. происходили народныя чтенія при школѣ, коими, между прочимъ, освѣщалась японская война въ духѣ „Сына Отечества“. Въ октябрѣ 1905 г. чтенія возобновились, и ихъ вліянію корреспондентъ приписываетъ присоединеніе 500 человѣкъ къ крестьянскому союзу.

Выше приводились нами факты, указывающіе на связь крестьянскихъ движеній съ общимъ освободительнымъ и подрывающіе тѣмъ самымъ предположеніе о подчиненіи крестьянскаго движенія традиціонному политическому авторитету. Сравнительная независимость крестьянской мысли отъ этого авторитета подтверждается и ниже излагаемыми данными относительно главнѣйшей аграрной задачи движенія и способовъ достиженія крестьянами поставленной имъ цѣли.

VI.

Въ крестьянскомъ движеніи 1905—1906 гг. мы усматриваемъ различныя цѣли и различныя средства ихъ достиженія. Крестьяне стремятся къ овладѣнію помѣщичьей, казенной и удѣльной землей, къ обезпеченію болѣе выгодныхъ для себя условій аренды земли и найма на сельско-хозяйственныя работы, къ завладѣнію, съ цѣлью потребленія, помѣщичьимъ имуществомъ, къ устраненію злоупотребленій выборныхъ властей и т. п. Средствами для этого служатъ забастовки, самовольное пользованіе чужою землею, разгромъ помѣщичьихъ экономій, смѣна должностныхъ лицъ и т. д. Всѣ эти цѣли и соотвѣтствующія имъ средства примѣняются сплошь и рядомъ на одной и той же территоріи, различными или даже одними и тѣми же селеніями. Мы ограничимся по преимуществу сообщеніемъ о дѣйствіяхъ крестьянъ, направленныхъ къ переходу въ пользованіе земледѣльцевъ всѣхъ частновладѣльческихъ земель. Этой цѣли крестьяне полагали достигнуть, кромѣ соотвѣтствующихъ приговоровъ и петицій въ Государственную Думу, или путемъ болѣе или менѣе широкихъ

забастовокъ, съ предъявленіемъ требованій, выполненіе коихъ дѣлало невозможнымъ веденіе сельскаго хозяйства за счетъ владѣльцевъ и арендаторовъ, или разгромами помѣщичьихъ экономій, уничтоженіемъ всего ихъ обзаведенія, мертваго и живого инвентаря, производительнаго скота и т. п. Путь забастовокъ примѣнялся преимущественно въ юго-западныхъ губерніяхъ и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ другихъ черноземныхъ губерній. Разгромы распространились болѣе всего на территорію губерній приволжскихъ, южныхъ степныхъ и Черниговской.

Крестьянское движеніе въ юго-западныхъ губерніяхъ началось весною 1905 г., продолжалось весною и лѣтомъ 1906 г. и въ слабой степени—въ 1907 г. Забастовки не всегда имѣли главной цѣлью возвышеніе заработной платы; ими выражалось также возбужденное состояніе крестьянъ, ищущихъ, но не нашедшихъ настоящихъ средствъ для улучшенія своего положенія. Забастовки примѣнялись также какъ средство предъявленіемъ непомѣрныхъ требованій сдѣлать невозможнымъ веденіе крупнаго сельскаго хозяйства и тѣмъ заставить помѣщиковъ передать землю крестьянамъ. „Это было общее движеніе крестьянъ противъ крупныхъ собственниковъ и работодателей“ (Острожскій уѣздъ Волынской губерніи). „Общее движеніе, толки и слухи понудили крестьянъ устроить что-то въ родѣ забастовки“ (Житомірскій уѣздъ, Мотоволоховская волость). „При забастовкахъ 1905 г. (въ Смѣлянщинѣ, Кіевской губерніи) хотѣнія крестьянъ—часто мало осмысленныя и мало опредѣленныя. Это больше выраженіе возмущенія, накипѣвшаго противъ гнета, чѣмъ формулировка требованій. Земли и хлѣба — вотъ мечта крестьянъ. Человѣческаго обращенія и лучшей платы тоже требовали они“. Забастовщики въ Маковской волости Каменецкаго уѣзда, Подольской губерніи, лѣтомъ 1906 г. требовали „то увеличенія платы, то земли, то не знали чего... Крестьяне разсуждали такъ: если не будетъ забастовки, т.-е. проявленія неудовольствія, то это обозначаетъ, что въ такомъ селѣ всѣ довольны существующимъ порядкомъ и при имѣющей наступить раздачѣ земли ихъ обойдутъ; стало быть нужно обнаружить свои желанія“.

Скрытой цѣлью забастовокъ въ 1906 г. въ Кременецкомъ уѣздѣ Волынской губерніи было „выжить помѣщиковъ, непомѣрнымъ повышеніемъ цѣнъ сдѣлать бездоходными ихъ имѣнія и заставить ихъ такимъ образомъ отдать землю крестьянамъ“. „Въ конечныхъ цѣляхъ аграрное движеніе (въ Гайсинскомъ уѣздѣ, Подольской губерніи) имѣло въ виду посредствомъ чрезмѣрнаго повышенія заработной платы заставить землевладѣльцевъ продавать землю или сдавать крестьянамъ въ аренду хотя бы по дорогой цѣнѣ“. Въ Таращанскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, крестьяне требовали высокой заработной платы, „съ цѣлью, чтобы владѣльцы и арендаторы сами оставили землю крестья-

намъ безъ всякой платы". Въ Чигиринскомъ уѣздѣ дѣйствія крестьянъ были направлены къ тому, „чтобы помѣщиковъ не было; земля должна принадлежать тому, кто обрабатываетъ ее своими руками". „Каждое село, по мнѣнію крестьянъ, должно получить землю помѣщика; кому будетъ недостатокъ, долженъ разселиться на удѣльныя земли; помѣщикъ же, какъ капиталистъ, можетъ обзаводиться хозяйствомъ въ Сибири". Въ Житомірскомъ уѣздѣ въ ноябрѣ 1905 г. говорили, что помѣщичья земля будетъ раздана крестьянамъ; ходили слухи, что „крестьяне отбираютъ отъ помѣщиковъ землю и не позволяютъ рабочимъ производить работы въ экономіяхъ". Въ Новоградъ-Волынскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи „всѣ крестьяне—зажиточные и бѣдные—ждутъ общаго раздѣла земли и надѣются, что помѣщичьи земли перейдутъ къ нимъ въ недалекомъ будущемъ". На развитіе крестьянскаго движенія въ юго-западныхъ губерніяхъ оказали нѣкоторое вліяніе посторонніе агитаторы и газеты, а также извѣстія о постановленіяхъ московскаго крестьянскаго съѣзда, на которомъ присутствовали и делегаты изъ юго-западныхъ губерній. Кое-гдѣ для руководительства движеніемъ избирались комитеты; въ число членовъ такого комитета въ с. Ольшаницахъ, Васильковскаго уѣзда, Кіевской губерніи, кромѣ 12 крестьянъ было избрано два еврея.

Большой организованностью отличалось стачечное движеніе лѣтомъ 1906 г. въ Козловскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи. Постановленіе бороться съ землевладѣльцами путемъ урегулированія арендныхъ цѣнъ и заработной платы принято на съѣздѣ крестьянъ, числомъ 70 человѣкъ, въ г. Козловѣ, 30-го мая. Послѣ этого рѣшенія въ разныхъ селеніяхъ путемъ общественныхъ приговоровъ устанавливались цѣны снимаемой крестьянами земли и высота заработной платы и избирались уполномоченные для наблюденія за выполненіемъ этого постановленія. Крестьяне стремились при этомъ къ поддержанію возможнаго спокойствія и порядка и устанавливали даже караулы помѣщичьихъ садовъ и полей. Это стачечное движеніе преслѣдовало, однако, не столько цѣли регулированія извѣстныхъ отношеній, сколько задачу сдѣлать невозможнымъ веденіе помѣщиками своего хозяйства и заставить ихъ уступить землю крестьянамъ. По мнѣнію совѣта козловскаго сельско-хозяйственнаго общества, предъявляя требованія о повышеніи заработной платы, „не отвѣчающемъ той стадіи культуры, на которой стоитъ наше сельское хозяйство", крестьяне, какъ они сами объ этомъ заявляютъ, имѣютъ въ виду „поддержать требованія (аграрныя) Государственной Думы и заставить создаваемыми забастовкой затрудненіями землевладѣльцевъ употребить съ своей стороны всѣ усилія для скорѣйшаго разрѣшенія земельнаго вопроса".

Не совсѣмъ обычнымъ явленіемъ по его организованности слѣ-

дуетъ считать мирное движеніе крестьянъ въ Ивановской 2-й волости, Балашовскаго уѣзда, Саратовской губерніи. Большинство деревень этой волости волновалось, подъ вліяніемъ извѣстій о крестьянскихъ движеніяхъ въ Харьковской губ., еще въ 1902 г. Въ 1905-06 гг. центромъ движенія сдѣлалось с. Ивановское, крестьянъ бывшихъ удѣльныхъ, сравнительно зажиточное. Весною 1905 г. крестьяне этого селенія составили приговоръ о землѣ и о переустройствѣ Россіи, въ свое время опубликованный въ газетахъ. 28-го мая 1906 г. сельскій сходъ постановилъ довести до свѣдѣнія Государственной Думы о бѣдственномъ положеніи крестьянъ, страдающихъ отъ малоземелья и административнаго произвола; 4-го іюня волостной сходъ постановилъ резолюцію о присоединеніи ко всѣмъ постановленіямъ трудовой группы въ Государственной Думѣ. Лѣтомъ этого года въ с. Ивановское съѣзжаются крестьяне сосѣднихъ волостей и постановляютъ общія рѣшенія, которыми и руководится населеніе довольно значительнаго района. На собраніи представителей трехъ волостей, 2-го іюля, было рѣшено примкнуть къ сельско-хозяйственной стачкѣ рабочихъ въ Балашовскомъ уѣздѣ.

Первыя проявленія крестьянскихъ движеній въ Полтавской губ. относятся къ началу 1905 г., но „рѣзкую грань движенію кладетъ манифестъ 17-го октября", послѣ котораго собственно и началось всеобщее волненіе крестьянъ, выражавшееся главнымъ образомъ забастовками, самовольными потравами и покосами на чужой землѣ, рубкой лѣса и т. п.; разгромы и поджоги стояли на второмъ планѣ. Тотчасъ послѣ объявленія манифеста, впрочемъ, волненія начались далеко не вездѣ; въ нѣкоторыхъ районахъ начало ихъ относится къ ноябрю, декабрю мѣсяцамъ 1905 г. и даже къ 1906 г.

Въ Русановской волости, Гадячскаго уѣзда, движеніе началось въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1905 г. Оно было направлено противъ помѣщиковъ и „богатырей", къ коимъ предъявлялись требованія непомѣрнаго повышенія заработной платы, и такого же пониженія цѣны снимаемой крестьянами земли. „Во время волненій мѣстная администрація стушевалась, крестьяне ее игнорировали; земскій начальникъ также потерялъ всякій авторитетъ и ничего не предпринималъ. Весь ноябрь полиціи не было ни видно, ни слышно". „Говорятъ, полиція имѣла распоряженіе: ничего не предупреждать, а когда совершилось—пресѣкать". „Словомъ, ноябрь мѣсяцъ было что-то невозможное. Одинъ ужасъ и только!"

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ движеніе отличалось значительной организованностью. Въ Б. и М. Буромкахъ, Оржицкой волости, Лубенскаго уѣзда, для руководства забастовками устроенъ былъ комитетъ; его вліяніе распространялось и на сосѣднія селенія. Подобные комитеты устраивались и въ Кобелякскомъ уѣздѣ, для разбора разно-

гласій между помѣщиками и рабочими „впредь до установленія законнымъ путемъ лучшихъ способовъ землепользованія и лучшихъ условій для трудящихся массъ“. Въ пяти волостяхъ Миргородскаго уѣзда организовались крестьянскіе союзы, для чего созывались сходы и составлялись приговоры. Кое-гдѣ это наблюдалось и въ Кобелякскомъ уѣздѣ.

„Подъ вліяніемъ манифеста 17-го октября“ крестьяне с. Спасскаго Оренбургскаго уѣзда, наиболѣе „сознательные“ среди окрестнаго населенія, постановили приговоръ о соціализаціи земли, отказались платить подати и наниматься къ помѣщикамъ въ работники.

Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи крестьянское движеніе въ общемъ носило погромный характеръ, но мѣстами наблюдалось политическое броженіе мирнаго характера, на почвѣ манифеста 17-го октября. „Особенно сильно вооружались противъ произвола и, забывъ даже племенную вражду, дѣйствовали за-одно; волненія были повсемѣстныя, но мирныя. Собирались митинги, дѣлались постановленія, требовали увеличенія надѣла, уменьшенія налоговъ и замѣны ихъ подоходнымъ налогомъ, отвѣтственнаго начальства, свободы собраній, слова и печати, народнаго законодательнаго права и проч. Просили закрыть винныя лавки, но получили отказъ; тогда кое-гдѣ самовольно расправились съ монополькой“.

VII.

Въ слѣдующей серіи губерній движеніе крестьянъ уже не носило мирнаго характера.

Въ Пензенской губ. крестьянское движеніе проявлялось преимущественно въ разгромахъ помѣщичьихъ экономій, возникшихъ еще весною, но особенно распространившихся осенью. „Цѣль аграрныхъ погромовъ была очевидна,—говоритъ г. Езерскій:—лишить помѣщика возможности вести хозяйство и защищать его, чтобы вынудить бросить землю“. Такое же мнѣніе высказываютъ и корреспонденты Вольнаго Экономическаго Общества, дополняя его нѣкоторыми другими наблюденіями. Чтобы принудить помѣщиковъ отдать землю крестьянамъ, послѣдніе старались „вытурить господъ изъ имѣнія“, путемъ уменьшенія доходности имѣнія или его обезцѣненія. „Движеніе направлено было противъ всѣхъ состоятельныхъ, на чей счетъ можно было уменьшить свою нужду“. „Цѣлью движенія было осуществленіе крестьянскаго міра безъ бѣдныхъ и богатыхъ“; „паши—кто хочетъ,—на фабрикѣ работай—кому охота, но чтобы земля и фабрики принадлежали государству, а не отдѣльнымъ лицамъ“. „Нѣкоторые называли этотъ желанный строй республикой“.

Въ Скопинскомъ уѣздѣ Рязанской губ. движеніе крестьянъ проявлялось весною, осенью и зимой 1905 г., весной и лѣтомъ 1906 г. и въ 1907 г. „Крестьяне просто хотѣли выжить частныхъ землевладѣльцевъ". Главной причиной движенія въ 1907 г. былъ, повидимому, роспускъ второй Думы. „Будетъ, говорили крестьяне.—Было уже двѣ думы, а толку нѣтъ. Теперь уже, видно, надо самимъ о себѣ хлопотать". „Коли и эту Думу разгонятъ—говорили крестьяне во время засѣданій второй Думы—тогда останется одно—такую алюминацію устроить, чтобы небу стало жарко". „И вотъ—продолжаетъ корреспондентъ—угроза уже въ дѣйствіи. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, какъ по командѣ, хотя безъ всякаго сговора, въ уѣздѣ можно подмѣтить цѣлый рядъ поджоговъ помѣщичьихъ усадебъ". „Выжить сколько-нибудь крупныхъ землевладѣльцевъ, захватить въ свои руки землю, быть ея нераздѣльнымъ хозяиномъ—вотъ главная задача, конечный пунктъ помысловъ и желаній" крестьянъ Курской губ., какъ это выяснилось при судебныхъ процессахъ по обвиненію почти $3^1/_2$ тысячъ крестьянъ.

Въ Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. открыто устраивались собранія, на которыхъ раздавались прокламаціи; по призыву набата всѣ шли громить экономію. Крестьяне стремились къ тому, чтобы „земли помѣщиковъ, священниковъ и богатыхъ людей перешли къ нимъ".

Въ Саратовской губ. аграрныя волненія вспыхивали ежегодно то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, начиная съ 1901 г.; въ 1905 г. они начались весной, преимущественно въ формѣ самовольныхъ порубокъ и борьбы за лучшія условія аренды и найма крестьянъ на сельско-хозяйственныя работы. Осенью въ шести уѣздахъ разражается погромное движеніе, повторившееся и лѣтомъ 1906 г. „Въ разгромномъ движеніи въ большинствѣ случаевъ къ помѣщику крестьяне никакихъ требованій не предъявляли. Преслѣдовалась единственная цѣль: „выкурить", „выжить" помѣщиковъ и завладѣть ихъ землею „даромъ" или по дешевой цѣнѣ. „Громить надо частныхъ землевладѣльцевъ, они скорѣе землю отдадутъ". „Земля, какъ даръ Божій, должна принадлежать трудящемуся населенію". „Уравнять землю между помѣщиками и крестьянами—и вся прекратится вражда". „Крестьянское мнѣніе такое—передать всю землю крестьянскую, частновладѣльческую, казенную и удѣльную землеустроительнымъ коммиссіямъ, съ платою за нее по стоимости, безъ обиды; а коммиссіи должны сдавать эту землю въ аренду только занимающимся хлѣбопашествомъ". Мѣстами крестьяне стали и отбирать помѣщичьи земли въ свое пользованіе. Въ селѣ Графчинскомъ, Аткарскаго уѣзда, крестьяне постановили объявить землю мѣстнаго помѣщика народной

собственностью и впредь до утвержденія сего законодательной властью раздѣлить ее между общественниками. Объявивъ имѣніе при селѣ Ключахъ общественной собственностью, крестьяне выбрали особую администрацію для завѣдыванія имъ" (Политическая Энциклопедія, вып. I, стр. 64).

Начавшись еще въ 1904 г., крестьянское движеніе въ Черниговской губ. получило всеобщее распространеніе послѣ объявленія манифеста 17 октября. Оно выразилось, главнымъ образомъ, разгромомъ помѣщичьяго и еврейскаго имущества, присвоеніемъ его и поджогами. 21 февраля 1905 г. противъ хутора братьевъ Терещенко въ Глуховскомъ уѣздѣ предпринятъ былъ настоящій походъ, причемъ во главѣ крестьянъ находились, будто бы, агитаторы въ генеральскихъ мундирахъ, объявлявшіе, что „все принадлежитъ крестьянамъ". Въ Тупичевской вол., Городнянскаго уѣзда, осенью 1905 г. крестьяне „собирались по ночамъ въ лѣсахъ, съ оружіемъ разнаго рода, и требовали отъ другихъ селъ, чтобы собирались и шли жечь помѣщиковъ и зажиточныхъ крестьянъ и дѣлить землю". Въ Перелюбскую волость, Сосницкаго уѣзда, движеніе было занесено послѣ разгрома мѣстечка Семіоновки: „чтобы не отставать отъ другихъ, всѣ до одного стали волноваться", а за отсутствіемъ помѣщичьихъ экономій движеніе направилось противъ евреевъ.

Въ Черниговской губ. ярко выразилась вражда рядового крестьянства не только къ крупнымъ землевладѣльцамъ, но и къ мелкимъ и къ зажиточнымъ крестьянамъ, къ тѣмъ, кто живетъ хуторами. Это вызвало междоусобія въ самой крестьянской средѣ. „Крестьяне (Новозыбковскаго уѣзда), пріобрѣвшіе землю на наличныя, боялись движенія и зачастую являлись доносителями. Ихъ пугала, главнымъ образомъ, новая форма землепользованія, такъ называемая національзація. Но когда на второмъ всероссійскомъ крестьянскомъ съѣздѣ былъ окончательно выясненъ вопросъ, какъ поступать съ пріобрѣтенной крестьянами землей, тогда они успокоились". Полиціи, однако, удавалось вызывать въ нихъ новыя опасенія, и тогда они опять принимались за шпіонныя дѣла. Въ другихъ мѣстностяхъ различіе интересовъ зажиточныхъ и бѣдныхъ слоевъ крестьянства разрѣшалось не такъ благополучно. „Невыразимо ужасна, дика и отвратительна" была картина мести зажиточныхъ крестьянъ за нападеніе на ихъ усадьбы въ Городнянскомъ уѣздѣ. „Лица, заподозрѣнныя въ сожженіи или разгромѣ крестьянскихъ усадьбъ, присуждались немедленно своими же сельчанами къ смертной казни, и здѣсь же на мѣстѣ убивались изъ ружей, кольями или разрывались желѣзными вилами". Въ Тупичевской волости въ четырехъ селеніяхъ было убито 50 человѣкъ. „Такая же картина была по всему уѣзду". Движеніе въ октябрѣ 1905 г.

началось здѣсь съ границы Черниговскаго уѣзда. Толпа человѣкъ въ 500 съ разныхъ частей уѣзда двинулась отсюда на подводахъ и, „разгромивъ и разграбивъ нѣсколько экономій и усадьбъ отдѣльныхъ хуторовъ, въ томъ числѣ и мелкихъ, почти крестьянскаго типа—пошла на мѣстечки Сновскъ, Добрянку и др. и на городъ Городню. Но крестьяне были сначала разбиты подъ Сновскомъ самообороной и окончательно разсѣяны самообороной города Городни, причемъ было убито человѣкъ 40, а затѣмъ уже разогнанныхъ избивали сами крестьяне, болѣе зажиточные и хозяйственные; убивали особенно жестоко: вилами, топорами, кольями". Со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ самообороны не было, но „мелкіе землевладѣльцы защищались отчаянно, и многіе отстояли свои усадьбы, пуская въ ходъ ружья".

Въ Екатеринославской губ., въ Верхнеднѣпровскомъ и Александровскомъ уѣздахъ, волненія крестьянъ стали замѣчаться съ начала 1905 года. Въ Александровскомъ уѣздѣ съ февраля мѣсяца сельскіе сходы принимали постановленія о „лучшемъ благоустройствѣ страны". Въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ задолго до движенія собирались митинги и массами разбрасывались прокламаціи. По выходѣ манифеста 17 октября пошли толки объ отобраніи земли частныхъ владѣльцевъ независимо отъ ихъ сословія. „30 ноября началось одновременно во всѣхъ мѣстностяхъ какъ бы по командѣ аграрное движеніе (расхищеніе имущества землевладѣльцевъ, сниманіе ихъ рабочихъ), сопровождавшееся почти ежедневными сходами, митингами, приговорами, образованіемъ партій и союзовъ. Вездѣ лозунгомъ было: „Земля и воля", отобрать землю у сытыхъ и отдать голоднымъ... Было что-то невообразимое, фантастичное, что трудно себѣ представить!" Въ Екатеринославскомъ уѣздѣ на сходахъ составлялись приговоры объ осуществленіи манифеста 17 октября. Въ южной части уѣзда незадолго до начала движенія образовался крестьянскій союзъ; устроены были особые комитеты для указанія мѣръ, какія долженъ принять народъ. Грабить было запрещено; тѣмъ не менѣе дѣло окончилось разгромами помѣщичьихъ экономій.—Въ Казенно-Торско-Алексѣевской вол., Бахмутскаго уѣзда, аграрное движеніе въ іюнѣ 1906 г. руководилось выборнымъ комитетомъ, „который настолько вросъ въ жизнь, что ему было ввѣрено завѣдываніе пресѣченіемъ и наказаніемъ воровства, грабежей, и къ нему же обращались за разрѣшеніемъ тяжбъ". Крестьяне придерживались здѣсь программы крестьянскаго союза, а потомъ, приблизительно, партіи соціалистовъ-революціонеровъ. На митингахъ въ этой волости иногда появлялись пріѣзжіе, совѣтовавшіе крестьянамъ дружно добиваться своихъ цѣлей, но не дѣлать ни воровства, ни разоренія кому бы то ни было. Движеніе первоначально носило мирный характеръ, проявляясь въ отказѣ платить налоги, въ

предъявленіи землевладѣльцамъ требованій относительно условій арендованія земли и т. п. Отсюда же посылались соотвѣтственные телеграммы и приговоры въ Государственную Думу. „Когда же собранія стали преслѣдоваться, а уполномоченные потеряли возможность дѣйствовать открыто, начались тайные увозы хлѣба съ полей, хищничество и поджоги брошенныхъ помѣщичьихъ построекъ".

Въ восточной части Херсонской губерніи (Александрійскомъ, Елизаветградскомъ и Херсонскомъ уѣздахъ) крестьянское движеніе осенью и зимой 1905 г. носило по преимуществу погромный характеръ, имѣвшій цѣлью уничтоженіе „помѣщичьихъ гнѣздъ". „Движеніе возникло съ увѣренностью крестьянъ, что этимъ они уничтожаютъ своихъ притѣснителей", что послѣ разгрома помѣщичьихъ экономій владѣльцы перестанутъ хозяйничать и больше будутъ сдавать земли крестьянамъ (Херсонскій уѣздъ). „Разоримъ насиженныя гнѣзда помѣщиковъ,—говорили крестьяне;—они больше сюда не возвратятся. Намъ будетъ больше земли и жить свободнѣе" (Александрійскій уѣздъ). Никакихъ требованій помѣщикамъ, при разгромахъ ихъ усадьбъ, не предъявлялось. „Никакихъ другихъ побужденій для бунта, кромѣ желанія крестьянъ вытѣснить помѣщиковъ изъ ихъ насиженныхъ имѣній, не было" (Александрійскій уѣздъ). „Крестьяне желали уравненія земли, уменьшенія налоговъ и предоставленія имъ правъ, которыми нынѣ не пользуются... Всѣ крестьяне ожидали и ожидаютъ реформъ" (Херсонскій уѣздъ). Расхищать помѣщичье добро побуждала многихъ крестьянъ „крайняя бѣдность" и воззрѣніе на него, какъ на результатъ крестьянскаго труда. „Вотъ пойдемъ и отберемъ тотъ хлѣбъ, который за много лѣтъ взятъ съ насъ непосильно", въ видѣ тяжелой скопщины (Херсонскій уѣздъ). Въ западной части губерніи проявлялось „болѣе или менѣе планомѣрное и организованное движеніе" въ цѣляхъ улучшенія положенія крестьянъ, какъ наемныхъ рабочихъ и мелкихъ арендаторовъ.

Самой выдающейся чертой крестьянскихъ волненій въ Мелитопольскомъ и Днѣпровскомъ уѣздахъ Таврической губерніи въ концѣ 1905 г. было „разрушеніе и расхищеніе" наиболѣе крупныхъ экономій. Требованія крестьянъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ сводились „въ общей формѣ къ увеличенію земельнаго надѣла до 10 дес. на душу, а какъ временную мѣру требовали отдачи всей помѣщичьей земли въ арендное пользованіе крестьянъ... Ихъ прадѣды, дѣды и отцы работали на пана и давно заработали эту землю". Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ при погромахъ „требованій никакихъ не предъявлялось. Крестьяне какъ бы мстили помѣщикамъ за невыносимыя со стороны ихъ притѣсненія въ арендѣ земли, отработкахъ панщины, за притѣсненія рабочихъ и прочія вернувшіяся крѣпостныя отношенія—пишетъ торго-

вецъ-землевладѣлецъ.—Всѣ пришли въ сознаніе, что дальнѣйшее притѣсненіе на каждомъ шагу со стороны помѣщиковъ терпимо быть не можетъ".

VIII.

Приведенные выше факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что съ политической точки зрѣнія новѣйшее крестьянское движеніе отличается отъ пугачевщины и болѣе мелкихъ возстаній крѣпостного народа. Хотя мы не можемъ утверждать, что въ этомъ движеніи совершенно отсутствовали тѣ политическія идеи, подъ знаменемъ коихъ возставали крѣпостные крестьяне; но яркія проявленія этихъ идей были настолько рѣдки, а связь съ ними остальныхъ дѣйствій крестьянъ была настолько смутна и отдаленна, что мы имѣемъ полное право разсматривать крестьянскія волненія какъ проявленіе общаго стремленія къ освобожденію, охватившаго всѣ слои русскаго общества, и во всякомъ случаѣ право трактовать это движеніе, какъ самостоятельное выступленіе крестьянскихъ массъ.

Эта сравнительная самостоятельность новѣйшаго крестьянскаго движенія свидѣтельствуетъ о важной перемѣнѣ политическаго міровоззрѣнія народа, заключающейся въ томъ, что въ числѣ активныхъ политическихъ силъ—наряду съ царской и чиновничье-дворянской—въ міросозерцаніи массъ начинаетъ находить мѣсто и сила народа. Это измѣненіе міросозерцанія народа подготовлялось постепенно и находится въ соотвѣтствіи съ перемѣнами общественнаго быта послѣ крестьянской реформы. „Какъ ни принижено было положеніе нашего освобожденнаго крестьянина сравнительно съ гражданиномъ западно-европейскаго правового государства, но это униженіе не могло идти ни въ какое сравненіе съ безправіемъ крѣпостного. А такіе факты, какъ уравненіе народа съ привилегированными сословіями въ отбываніи воинской повинности, призваніе крестьянъ къ участію въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей и въ земскомъ самоуправленіи—наряду съ ихъ освобожденіемъ отъ чужой зависимости въ личныхъ дѣлахъ—не могло не оказать вліянія въ смыслѣ поднятія чувства личнаго и общественнаго достоинства и значенія крестьянина; этимъ подготовлялась почва для включенія новаго элемента въ счетъ политическихъ силъ, въ ряду которыхъ начала мелькать и потенціальная сила простыхъ народныхъ массъ. Этимъ создавалось настроеніе, благопріятное для воспріятія народомъ элементарныхъ идей о правовомъ государствѣ и борьбѣ силъ, какъ механизмѣ общественной эволюціи". Настроеніе это становилось еще благопріятнѣе вслѣдствіе недовольства народа существующими отношеніями экономическаго и

юридическаго характера, создавшимися и стихійнымъ теченіемъ жизни, и противонародной и реакціонной политикой правительства. Растущее обѣднѣніе населенія обращало его мысль на причины этого явленія и на средства выхода изъ него, располагало ловить всякіе слухи и мысли о возможности измѣненія своего положенія; вся же политика власти болѣе и болѣе разрушала его вѣру въ правительство, какъ средство такого измѣненія, и создавала почву для воспріятія идей о другихъ путяхъ, приводящихъ къ той же цѣли. Отреченіе отъ прежняго политическаго міросозерцанія представлялось для крестьянъ тѣмъ болѣе легкимъ, что міросозерцаніе это не покоилось на прочной основѣ. „Историческая жизнь не могла создать въ настроеніи русскаго крестьянина такихъ прочныхъ привязанностей къ нашему государственному строю, для искорененія коихъ требовалось бы продолжительное на него воздѣйствіе. Онъ видѣлъ отъ него въ исторіи только шипы, а не розы; шипами же въ концѣ концовъ заколола его и реформа 19 февраля. Главнаго препятствія къ распространенію въ народѣ правильныхъ политическихъ идей слѣдуетъ, поэтому, искать не въ традиціонныхъ чувствахъ и поддерживаемыхъ ими понятіяхъ, привязывающихъ къ существующему, а въ незнакомствѣ съ элементарными политическими истинами. Недостатокъ этотъ легко преобо示имъ, особенно если истина соотвѣтствуетъ интересамъ познающаго и несетъ надежду на радикальное измѣненіе его положенія. Этимъ объясняются быстрые успѣхи политическаго самосознанія русскаго народа. „Крестьянинъ не нуждается въ проповѣди о несовершенствѣ существующаго порядка вещей; это несовершенство достаточно ярко записано на его шкурѣ и шеѣ. Нѣтъ надобности убѣждать его и въ пользѣ правового порядка, въ необходимости реформы землевладѣнія, системы налоговъ, образованія, самоуправленія, суда и т. п. Въ большинствѣ случаевъ достаточно объяснить содержаніе освободительныхъ идей, и онѣ уже входятъ въ сознаніе крестьянина“ [1]).

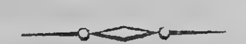
Огромный толчокъ дѣлу развитія политическаго самосознанія крестьянъ дали военныя наши неудачи, вызвавшія критическое отношеніе къ существующему государственному порядку во всѣхъ слояхъ населенія. Но вѣками воспитанныя понятія не могли, конечно, исчезнуть сразу и повсемѣстно. Ихъ слѣды проявляются и въ новѣйшихъ движеніяхъ крестьянъ. Хотя начало послѣднихъ относится, какъ и выступленіе рабочихъ массъ, къ первымъ мѣсяцамъ 1905 г., но политическая отсталость крестьянъ выразилась въ томъ, что высшій подъемъ ихъ революціоннаго напряженія относится не къ моменту максимальнаго подъема революціи въ городахъ (всероссійская заба-

[1]) „Отъ семидесятыхъ годовъ къ девятисотымъ“, стр. 196—197.

стовка), а на время послѣ изданія манифеста о свободахъ. По своему содержанію движеніе крестьянъ осенью 1905 г. не имѣетъ, правда, ничего общаго съ манифестомъ, и крестьянскія притязанія никоимъ образомъ не могутъ быть согласованы съ желаніями власти, выраженными въ этомъ документѣ; крестьянское движеніе исходило совсѣмъ изъ другихъ источниковъ, но послѣдняго толчка заурядный, сѣрый крестьянинъ искалъ все-таки внѣ себя, на тѣхъ вершинахъ политическаго Олимпа, на которыхъ въ прежнее время покоились всѣ его надежды, къ которымъ нѣкогда обращались всѣ его мольбы.

Въ чемъ бы, однако, ни заключались психологическо-политическіе импульсы къ движенію въ умахъ массы зауряднаго крестьянства—самый процессъ этого движенія, со всѣми обстоятельствами, ему сопутствовавшими и за нимъ послѣдовавшими, не прошелъ безслѣдно для политическаго воспитанія народа. Крестьяне уразумѣли ту простую истину, что народныя массы составляютъ одинъ изъ факторовъ политическаго строенія и что прочное улучшеніе ихъ положенія зависитъ всего болѣе отъ ихъ собственнаго участія въ политической жизни страны. Убѣдились они и въ томъ, что высшіе слои общества не состоятъ сплошь изъ враждебно-настроенныхъ къ нимъ „господъ", а заключаютъ въ себѣ элементы, готовые, при поддержкѣ народа, работать въ пользу его интересовъ. Такимъ образомъ начинаетъ заполняться пропасть, раздѣлявшая интеллигенцію и народъ и вносившая истинный трагизмъ въ положеніе и той, и другой стороны. Рушились психологическія преграды, мѣшавшія объединенной, организованной борьбѣ за благосостояніе народа и за культурное преуспѣяніе страны—и въ этомъ мы видимъ главный положительный результатъ освободительнаго движенія.

В. В.



МАРСЪ КАКЪ ОБИТАЛИЩЕ ЖИЗНИ

Mars as the abode of life. By Percival Lowell. New-York, 1908.

Въ февралѣ текущаго года появилась эта давно ожидаемая книга, о днѣ выхода которой извѣщалось нѣсколько разъ въ печати. Интересъ, возбуждаемый ею, объясняется полемикой, возникшей по поводу предшествовавшей книги того же автора (Mars and its canals). Въ числѣ оппонентовъ, выступившихъ противъ первой книги, находился и знаменитый, полный энергіи, не смотря на пошедшій ему девятый десятокъ, А. Уоллесъ.

Новая книга извѣстнаго американскаго астронома представляетъ изящное изложеніе его воззрѣній и въ то же время отвѣтъ на сдѣланныя ему возраженія. Желаніе включить въ это изложеніе и новѣйшія блестящія его наблюденія заставило его, вѣроятно, задержать выходъ книги. Лоуэль состоитъ директоромъ Флагстафской обсерваторіи въ Аризонѣ, дѣятельность которой почти всецѣло посвящена изученію Марса, при исключительно благопріятныхъ атмосферныхъ условіяхъ, опредѣляемыхъ климатомъ Аризоны. Едва ли какой астрономъ можетъ съ нимъ конкурировать въ этой области изслѣдованія.

Книга состоитъ изъ двухъ частей: первая изложена вполнѣ популярно и представляетъ переработанный рядъ публичныхъ лекцій; вторая состоитъ изъ примѣчаній, служащихъ оправдательнымъ матеріаломъ по астрономическимъ, физическимъ и даже психо-физическимъ или физіологическимъ вопросамъ и, понятно, имѣетъ въ виду только спеціалистовъ, такъ какъ иная строка или даже просто цифра первой части опирается на десятки страницъ второй.

Общее направленіе дѣятельности своей обсерваторіи Лоуэль опредѣляетъ терминомъ—*планетологія* и видитъ въ этой области соединительное звено между ученіемъ о происхожденіи міровъ изъ туманностей и дарвинизмомъ, т.-е. ученіемъ о происхожденіи живыхъ существъ. Главный интересъ книги сосредоточивается на доказательствѣ возможности или даже логической необходимости сначала допущенія, что Марсъ обитаемъ. Для этого автору необходимо сначала устранить возраженія, клонящіяся къ отрицанію возможности жизни на этой планетѣ, а затѣмъ уже онъ переходитъ къ тѣмъ положительнымъ аргументамъ, ко-

торые говорятъ въ пользу этого допущенія, т. е. къ фактамъ необъяснимымъ иначе, какъ исходя изъ него. Лоуэль прежде всего весьма остроумно напоминаетъ, съ какою осторожностью вообще нужно предъявлять подобнаго рода отрицательныя заключенія. Какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и даже менѣе, считалось очевидной истиной, что дно океановъ не можетъ быть обитаемо. Въ самомъ дѣлѣ, температура этихъ безднъ, вѣроятно, постоянно ниже нуля; тамъ царитъ вѣчный мракъ и, наконецъ, давленіе на каждый квадратный дюймъ живого тѣла вмѣсто пятнадцати фунтовъ, какъ на землѣ, достигаетъ колоссальной цифры десяти тысячъ фунтовъ—какіе уже тутъ организмы? Всѣ они будутъ смяты и раздавлены! И однако, въ результатѣ глубинныхъ изслѣдованій экспедиціи *Чаленджера*, оказалось, что на этомъ днѣ жизнь кишитъ и при томъ представлена даже такими сложными формами, какъ молюски, ракообразныя и рыбы.

Главнѣйшія возраженія противъ обитаемости Марса вертѣлись около двухъ соображеній—слишкомъ низкой температуры и отсутствія воды. Лоуэль показываетъ, что при оцѣнкѣ температуры руководились только разстояніемъ отъ солнца, упуская изъ виду цѣлый рядъ другихъ соображеній (отраженіе свѣта, отсутствіе облачности, продолжительность лѣта и т. д.), при надлежащей оцѣнкѣ которыхъ Марсъ оказывается далеко не такимъ обиженнымъ въ сравненіи съ землей, какъ это считали до сихъ поръ. Только крайности лѣта и зимы на немъ должны быть выражены болѣе рѣзко. Около одной шестой всей поверхности поочередно бываетъ покрыто ослѣпительно бѣлой шапкой снѣговъ. Но вѣдь и „философы на Марсѣ"—иронически замѣчаетъ Лоуэль—„если они похожи на нашихъ доморощенныхъ, могли бы для вящшаго своего удовольствія доказывать, что жизнь на нашей землѣ невозможна"; „однако" — продолжаетъ онъ — „цѣлыя великія націи зимуютъ въ предѣлахъ нашей сѣверной снѣговой шапки, не прибѣгая даже къ зимней спячкѣ, что съ такимъ успѣхомъ продѣлываютъ многочисленныя животныя".

Второе возраженіе, которое ему было сдѣлано, именно указаніе на отсутствіе въ атмосферѣ водяного пара, было имъ блистательно опровергнуто въ 1908-мъ году посредствомъ спектральнаго изслѣдованія, показавшаго въ атмосферѣ Марса присутствіе водяного пара даже въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ земной атмосферѣ. Устранивъ такимъ образомъ выдвинутыя противъ его воззрѣній препятствія, онъ переходитъ къ изложенію пріобрѣтенныхъ имъ положительныхъ данныхъ въ защиту обитаемости Марса.

Въ своей аргументаціи Лоуэль отправляется съ двухъ противоположныхъ концовъ: онъ доказываетъ существованіе растительности—и присутствіе разумныхъ существъ. На поверхности Марса уже давно

обращали на себя вниманіе значительныя площади, окрашенныя въ зеленый (или, вѣрнѣе, синевато-зеленый) цвѣтъ. Ихъ принимали за моря, но по Лоуэлю это—пространства, покрытыя растительностью. И въ доказательство этого онъ приводитъ замѣчательный фактъ періодической смѣны ихъ окраски—изъ зеленой въ желтую—и притомъ какъ разъ въ соотвѣтствіи со смѣной времени года. „Намъ извѣстенъ только одинъ предметъ“,—говоритъ онъ—„измѣняющій подъ вліяніемъ солнца свою окраску то въ сине-зеленую, то въ охристо-желтую—это растительность“. „Именно эту картину представляла бы и наша земля изъ глубины мірового пространства со смѣною временъ года“. Эти сообщенія Лоуэля пріобрѣтаютъ особый интересъ въ виду новѣйшаго его поразительнаго открытія (не вошедшаго въ его книгу). Въ спектрахъ другихъ планетъ ему удалось показать полосы поглощенія, сходныя съ спектромъ хлорофила, т.-е. красящаго вещества зеленыхъ растеній. Еслибы ему удалось показать то же для зеленыхъ поверхностей на Марсѣ, вопросъ о жизни на немъ изъ области предположеній перешелъ бы въ область полной достовѣрности.

Но пока, самые убѣдительные доводы Лоуэля носятъ не столько физическій, сколько чисто логическій или психологическій характеръ. По остроумному его замѣчанію, астрономъ превращается здѣсь въ искуснаго *детектива*. Какъ тотъ, по слѣдамъ преступленія, разыскиваетъ преступника, такъ астрономъ открываетъ виновниковъ тѣхъ явленій, которыя наблюдаются на Марсѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что раскрываются на этотъ разъ слѣды разумной дѣятельности—чуть не добродѣтелей! Здѣсь идетъ рѣчь о знаменитыхъ, открытыхъ въ 1877 г. Скіапарелли, каналахъ Марса. Если по отношенію къ поразительнымъ наблюденіямъ знаменитаго итальянскаго астронома была еще возможна доля скептицизма—предположеніе объ ихъ субъективности, объ участіи въ ихъ созданіи воображенія наблюдателя,—то эти сомнѣнія едва ли примѣнимы къ дѣятельности Лоуэля. Во-первыхъ, видимость каналовъ—настолько же реальный фактъ, какъ и видимость телеграфной проволоки на разстояніи 150 футовъ [1]). А главное, въ настоящее время у него идетъ рѣчь уже не о зарисовываніи каналовъ (особыми, спеціально тренированными рисовальщиками), а о ихъ фотографированіи. Когда Скіапарелли увидѣлъ первыя, полученныя въ Флагстафѣ, фотографіи Марса, онъ воскликнулъ, что и не воображалъ, чтобы когда-нибудь можно было достигнуть чего-либо подобнаго. Да и достигнутъ былъ этотъ результатъ не такъ-то легко. Первыя по-

[1]) А по весьма любопытнымъ, находящимся въ приложеніи, психо-физическимъ наблюденіямъ Лоуэля, предѣлъ видимости этого предмета наступаетъ только на разстояніи 1.800 футовъ.

пытки сдѣланы въ 1901 году; два года терпѣлись неудачи; два года дѣло налаживалось, и только съ 1906 года стали получаться вполнѣ удовлетворительные результаты.

Общій выводъ, что всѣ эти многочисленные каналы (ихъ число съ 113, открытыхъ Скіапарелли, возросло, по наблюденіямъ Флагстафской обсерваторіи, до 437) необъяснимы иначе какъ произведенія искусства. Это, несомнѣнно, не трещины и не рѣки, а прямыя линіи, вытянутыя иногда на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ миль словно нанесенныя „циркулемъ и по линейкѣ" и соединяющія конечные пункты кратчайшимъ путемъ. Иногда нѣсколько линій пересѣкается строго въ одной точкѣ. Еще поразительнѣе такъ называемые двойные каналы; они тянутся параллельно, какъ два рельса желѣзнодорожнаго пути. Что же такое въ дѣйствительности эти образованія? Конечно, не каналы въ тѣсномъ смыслѣ, а нѣчто ихъ сопровождающее. Если-бы съ Марса мы смотрѣли на Нилъ, то увидали бы не самую рѣку, а всю орошаемую имъ полосу земли. Противъ реальности этихъ образованій выдвигалось то соображеніе, что они періодически исчезаютъ и снова появляются. Но Лоуэль обращаетъ это возраженіе въ самое удачное объясненіе природы этихъ каналовъ. Для этого имъ сдѣлано не болѣе, не менѣе какъ 10.900 наблюденій надъ 109 каналами, имѣющими общее направленіе отъ полюсовъ къ экватору, начинаясь у снѣговой полярной шапки и появляясь въ такомъ же порядкѣ послѣдовательности. По мѣрѣ того какъ потокъ подвигается къ экватору, онъ пробуждаетъ по своему пути растительность. Это появленіе и исчезаніе линій — та же смѣна окраски, которая наблюдается на зеленыхъ площадяхъ. Только, конечно, цвѣта линій нельзя распознать; выступаютъ онѣ только съ различной степенью рѣзкости на розовато-желтомъ фонѣ общей пустыни [1]). Бо̀льшую часть поверхности Марса Лоуэль уподобляетъ Сахарѣ; ему удалось однажды наблюдать и самумъ, т.-е. облако пыли, двигавшееся по краю планеты. Вообще же атмосфера ея безоблачная, благодаря чему и возможно такое подробное изученіе ея поверхности. Только на границѣ полярной снѣговой шапки удается иногда видѣть облачность, а порой—и снѣжныя мятели.

Этимъ не ограничиваются разоблаченія Лоуэля. На пересѣченіяхъ каналовъ, и только на пересѣченіяхъ, встрѣчаются правильныя круглыя оазы—Лоуэль подчеркиваетъ это постоянство ихъ формы. Это—города, числомъ 186. То-есть, собственно, центры этихъ круговъ, по мнѣнію

---

[1]) Лоуэль даетъ раскрашенный рисунокъ Марса, но говоритъ въ одномъ мѣстѣ книги, что невозможно передать опализирующіе тона этого самаго красиваго предмета, какой только можно видѣть на небѣ.

Лоуэля—города, величиною съ Токіо или Лондонъ, такъ какъ только эти точки не измѣняютъ рѣзкости своихъ очертаній; окружающая ихъ зона представляетъ ту же смѣну ясности, какъ и каналы,—это, можетъ быть, окружающій города, необходимый для ихъ пропитанія поясъ культуръ.

Какой же общей мыслью связываетъ Лоуэль эти диковинные факты? Онъ говоритъ: поверхность Марса (за исключеніемъ зеленыхъ пространствъ)—одна сплошная безводная пустыня подъ безоблачнымъ небомъ, не знающая, что̀ такое дождь. У его обитателей одна забота—забота о водѣ, которую даютъ только тающіе снѣга попеременно того и другого полюса. Уловить ее и распредѣлить—единственное условіе, дѣлающее возможнымъ самое существованіе; и это обезпечивается изумительной системой канализаціи. Успѣхъ ея значительно облегчается свойствомъ поверхности—полнымъ отсутствіемъ горъ, а можетъ-быть и сравнительною легкостью механическихъ работъ: „слонъ тамъ можетъ прыгать съ легкостью газели". Осуществленіе этой общей оросительной системы должно было объединить все населеніе планеты; и обитатели Марса, шутливо замѣчаетъ Лоуэль, конечно не знаютъ ни нашихъ войнъ, ни нашего націонализма. Во всякомъ случаѣ — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — психологія обитателей Марса будетъ всегда болѣе доступна нашему изученію, чѣмъ ихъ формы.

Сказаннаго достаточно, чтобы показать глубокій интересъ книги Лоуэля. Добавимъ, что она изложена строго научно, чѣмъ отличается отъ произведеній Фламаріона, Бёльше и имъ подобныхъ.

Лоуэль справедливо заявляетъ, что онъ не пускается ни въ какія праздныя умствованія. Онъ только связываетъ тщательно наблюденные факты единственнымъ, представляющимся ему возможнымъ, логическимъ объясненіемъ. „Двѣнадцатилѣтнее изученіе Марса"—говоритъ онъ—„даетъ мнѣ нѣкоторое право имѣть свое сужденіе о немъ, такое же право, какое предъявляютъ тѣ люди, которые его никогда не видали".

Какъ и предшествующая, книга эта, конечно, вызоветъ полемику, на которую Лоуэль также, вѣроятно, отвѣтитъ новыми открытіями. Издана книга очень изящно и прекрасно иллюстрирована.

К. Тимирязевъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1909.

I.

— *Литературный распадъ.* Критическій сборникъ. Книга первая. Изд. второе. Стр. 299.—Книга вторая. Стр. 279. Книгоиздательство „Eos". Спб., 1909.

Участники этого критическаго сборника, какъ предупредительно заявлено въ предисловіи, „стоятъ на почвѣ пролетарскаго міровоззрѣнія въ его единственно научной формѣ — марксизма". Они считаютъ неизбѣжнымъ „признаніе принципіальнаго разрыва между творчествомъ современнаго декаданса и творчествомъ будущаго". Они исходятъ изъ того убѣжденія, что „цѣнности литературнаго модерна созданы расколотымъ міромъ, чующимъ надвигающуюся гибель", и что „грядущее творчество будетъ преодолѣніемъ цѣнностей, созданныхъ эпохой идейнаго и моральнаго распада".

Конечно, недолговѣчность литературнаго „декаданса" и „модерна" можетъ быть установлена помимо пролетарскаго міровоззрѣнія и безъ помощи научнаго марксизма; но ничего нельзя сказать противъ попытки приложить пролетарско-марксистскую мѣрку къ вопросамъ литературы и искусства. Самая мысль заслуживаетъ вниманія, и съ этой точки зрѣнія указанный выше сборникъ представляетъ несомнѣнный интересъ. Марксизмъ есть не только научная доктрина, но и соціальная религія; онъ даетъ своимъ послѣдователямъ не только извѣстное пониманіе существующаго, но и опредѣленную вѣру въ будущее. Марксистское міровоззрѣніе подкупаетъ своею общедоступною простотою и прямолинейностью; всѣ міровые и человѣческіе вопросы разъ навсегда рѣшены для марксиста, не оставляя въ немъ никакихъ сомнѣній, и этотъ ясный взглядъ на міръ есть именно то, что наиболѣе привлекаетъ людей въ лагерь соціалъ-демократіи. Но простота и ясность

не всегда свидѣтельствуютъ о научности, и многія разсужденія, построенныя, повидимому, на основныхъ идеяхъ и понятіяхъ марксизма, не выдерживаютъ даже снисходительной критики по существу.

Въ первой статьѣ сборника г. Ю. Стекловъ очень рѣзко и самоувѣренно доказываетъ, что новѣйшее декадентство, порнографія и мистицизмъ въ литературѣ неразрывно связаны съ особенностями современнаго капиталистическаго строя, такъ какъ „литературный цехъ, за ничтожными исключеніями, является идеологомъ буржуазіи" и „изъ мелко-буржуазной среды главнымъ образомъ и вербуются представители либеральныхъ профессій, въ томъ числѣ и служители искусства". Къ числу болѣзненныхъ продуктовъ декадентской нейрастеніи авторъ относитъ и драмы Ибсена, съ ихъ героями (стр. 25), а величайшіе изъ новыхъ русскихъ писателей, Достоевскій и Левъ Толстой, оказываются лишь неудачными преемниками умственныхъ вождей шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Послѣ торжества реакціи надъ дѣятелями „Народной Воли"—говоритъ г. Ю. Стекловъ—„отчаяніе и вѣрный спутникъ его, скептицизмъ, охватили передовые слои русскаго общества; вмѣстѣ съ тѣмъ подняли головы индивидуалисты и реакціонеры всякихъ толковъ. Реалистическое настроеніе 60—70-хъ годовъ начало уступать мѣсто мистицизму и ханжеству; горячая пропаганда глубокихъ соціально-политическихъ преобразованій умолкла предъ проповѣдью „малыхъ дѣлъ" и личнаго совершенствованія, какъ основной задачи момента и даже какъ единственной задачи вообще. Вмѣсто Лаврова, Михайловскаго, Елисеева и Щедрина законодателями умственной моды сдѣлались Достоевскій, Л. Толстой и Вл. Соловьевъ. Исчезъ великій Патроклъ революціи, а вмѣсто него на тронѣ общественнаго мнѣнія возсѣлъ косноязычный и уродливый Терситъ мелкой обыденщины и мистицизма" (стр. 41). Спрашивается: кого изображаетъ здѣсь авторъ великимъ Патрокломъ, а кого — презрительнымъ Терситомъ? Стоитъ только на минуту остановиться на приведенныхъ словахъ г. Стеклова, чтобы убѣдиться въ ихъ крайней легкомысленности. „Косноязычный и уродливый Терситъ" въ видѣ Достоевскаго, Льва Толстого и Владиміра Соловьева! Не говоримъ уже о хронологической неточности: Достоевскій и Левъ Толстой „возсѣли на тронѣ общественнаго мнѣнія" еще въ то время, когда дѣятельность перечисленныхъ авторомъ корифеевъ оппозиціонной литературы находилась въ полномъ разгарѣ. Г. Стекловъ серьезно настаиваетъ на внутренней связи творчества Достоевскаго и Толстого съ „затхлой атмосферой" реакціи восьмидесятыхъ годовъ, а Владиміра Соловьева онъ выставляетъ какимъ-то смѣхотворнымъ проповѣдникомъ реакціонныхъ философскихъ глупостей, обнаруживая при этомъ свое собственное полнѣйшее незнакомство съ дѣйствительными трудами и идеями кри-

тикуемаго писателя. „Притихшее-было славянофильство и дикій націонализмъ—разсуждаетъ г. Стекловъ—подняли голову и нагло усѣлись на мѣстѣ, еще не остывшемъ отъ пламенныхъ призывовъ къ гуманности и общечеловѣческой солидарности; Вл. Соловьевъ, не вызывая гомерическаго хохота, съ самой серьезной миной проповѣдывалъ мысль о соединеніи церквей и объ установленіи всемірной теократіи, путемъ объединенія свѣтскаго меча русскаго царя съ духовной палицей римскаго первосвященника; графъ Толстой пытался воскресить „истинное христіанство" и, въ разгаръ ожесточенной ломки послѣднихъ остатковъ „великихъ реформъ", предлагалъ растерявшейся интеллигенціи исправленное имъ евангеліе въ качествѣ безспорнаго руководства для рѣшенія всѣхъ терзающихъ душу проклятыхъ вопросовъ". Авторъ какъ будто не знаетъ, что сильнѣйшимъ обличителемъ славянофильскаго ханжества и „дикаго націонализма" былъ именно Вл. Соловьевъ и что сущность ученія Льва Толстого заключается вовсе не въ евангельской религіозности, а въ отрицаніи государственности и всякой принудительной власти. Приписывать Вл. Соловьеву мечту о присоединеніи „свѣтскаго меча русскаго царя" къ духовному авторитету римскаго папы—просто смѣшно; его идеи о теократіи и о возсоединеніи церквей значительно сложнѣе и отвлеченнѣе... При такой обстановкѣ, по словамъ г. Стеклова, декаденты легко и быстро воспользовались упадкомъ революціоннаго движенія пролетаріата, завладѣли вниманіемъ буржуазной публики и „устроили настоящій шабашъ вѣдьмъ, въ которомъ дѣятельное участіе приняли дамы-писательницы"; другіе увлеклись религіозно-философскими собесѣдованіями и стали примирять соціалъ-демократію съ православіемъ. Одинъ изъ столповъ декадентства, Ѳедоръ Сологубъ, даже позволилъ себѣ въ романѣ „Навьи чары" вывести на сцену членовъ мѣстнаго комитета соціалъ-демократической партіи, и гнусности главнаго дѣйствующаго лица, Триродова, „какъ бы покрываются багровыми складками с.-д. знамени". Г. Стекловъ почему-то страшно негодуетъ по поводу этого злоупотребленія именемъ соціалъ-демократіи; онъ находитъ, что можно все изображать въ литературѣ, но только не партію пролетаріата. „Вотъ противъ чего—восклицаетъ онъ—мы должны выступить самымъ рѣзкимъ образомъ, вотъ чему мы должны разъ навсегда положить конецъ, дабы господамъ и дамамъ, желающимъ съ своей реабилитаціей плоти... присосѣдиться къ великому освободительному движенію трудящихся, впредь не повадно было шалить въ этомъ направленіи". Какимъ образомъ думаетъ авторъ „разъ навсегда положить конецъ" попыткамъ выводить соціалъ-демократовъ въ декадентской беллетристикѣ—понять невозможно. Это выступленіе въ защиту соціалъ-демократіи должно, очевидно, напомнить читателю,

что статья г. Стеклова проникнута надлежащимъ пролетарско-марксистскимъ духомъ; но самое содержаніе статьи не имѣетъ въ сущности ничего общаго съ марксизмомъ, если не считать терминологіи. Марксистское міровоззрѣніе автора подчеркивается отдѣльными фразами и разсужденіями о буржуазіи и капитализмѣ, о борьбѣ классовъ, объ освободительномъ пролетарскомъ движеніи, и публикѣ предоставляется вѣрить, что эти тяжеловѣсныя слова и фразы имѣютъ логическую связь съ легкомысленными замѣчаніями и выводами г. Стеклова о новѣйшемъ ходѣ развитія русской литературы.

Такой же, приблизительно, характеръ носятъ на себѣ и другія статьи первой книги, за нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями. Этюдъ г. Ю. Каменева о Валеріи Брюсовѣ, котораго авторъ признаетъ „величайшимъ изъ поэтовъ современности въ Россіи", неожиданно кончается выписками изъ „Коммунистическаго манифеста" и смѣлымъ утвержденіемъ, что въ Брюсовѣ „русская буржуазія пережила свою идеологическую молодость и нашла пѣвца своего реальнаго трепета и фатальнаго рока" (стр. 92). Въ статьѣ г. П. Юшкевича о современныхъ философско-религіозныхъ исканіяхъ проводится мысль, что мистицизмъ есть результатъ разрыва съ народомъ, „продуктъ соціальной группки, тонкой фосфоресцирующей пленкой держащейся на поверхности общества", и не можетъ поэтому выйти „изъ стадіи настроеній и словъ". Г. Ст. Ивановичъ обрушивается на „прессу-модернъ" и главнымъ образомъ на кружокъ литераторовъ, работавшихъ въ газетѣ „Понедѣльникъ", послѣ чего приходитъ къ заключенію, что неизбѣжно настанетъ день, когда на смѣну развращающей капиталистической печати „въ русскую культуру войдетъ новая могучая соціальная сила—свободная соціалистическая пресса". Г. А. Луначарскій краснорѣчиво доказываетъ, что творчество Леонида Андреева безсильно въ своихъ титаническихъ потугахъ, ибо „онъ—мѣщанинъ" и не видитъ просвѣта въ окружающей тьмѣ, „свѣтъ же истинный есть идеологія рабочаго класса, это свѣтъ истинный и тьма не объемлетъ его" (стр. 172). Не безъ интереса читаются статьи г. Н. Троцкаго — о Ведекиндѣ, В. Базарова — „о личности и любви въ свѣтѣ новаго религіознаго сознанія", содержательный этюдъ г. Михаила Морозова о литературномъ мистицизмѣ и, наконецъ, небольшая заключительная статья Максима Горькаго о „цинизмѣ".

Вторая книга „Распада" существенно дополняетъ первую и отчасти исправляетъ ея недостатки; въ ней больше обдуманности и серьезности въ трактовкѣ обсуждаемыхъ вопросовъ, хотя и съ тѣмъ же однообразнымъ жонглированіемъ обычными терминами и словечками марксизма. Г. В. Базаровъ ядовито полемизируетъ съ Д. С. Мережковскимъ; г. Л. Войтоловскій говоритъ о декадентствѣ, какъ продуктѣ внутренняго бур-

жуазнаго кризиса; г. Ю. Каменевъ — о произведеніяхъ г-жи З. Гиппіусъ; г. А. Луначарскій — о марксизмѣ въ связи съ задачами искусства, по поводу послѣдняго сборника „Знанія“; г. Михаилъ Морозовъ—о творчествѣ Бориса Зайцева; г. П. Орловскій—о двухъ типахъ нигилизма: Базаровѣ и Санинѣ. Г. Ю. Стекловъ посвящаетъ очень обстоятельный этюдъ критическому разбору сочиненій Ѳедора Сологуба (стр. 165—216), какъ бы съ цѣлью загладить впечатлѣніе неудачной статьи перваго сборника, — причемъ опять-таки предсказываетъ въ концѣ, что „пролетаріатъ пробьетъ себѣ дорогу къ конечной цѣли своихъ освободительныхъ порывовъ, и врата адовы не одолѣютъ его“. Г. В. Фриче въ дѣльномъ небольшомъ очеркѣ характеризуетъ основные мотивы западно-европейскаго модернизма; г. В. Шулятниковъ возвращается къ старой полемикѣ съ идеалистами-романтиками, а г. П. Юшкевичъ вновь разсуждаетъ о современныхъ религіозныхъ исканіяхъ.

Если вкратцѣ резюмировать содержаніе обѣихъ книгъ, то основной смыслъ ихъ окажется направленнымъ, съ одной стороны, противъ декадентства въ разныхъ его видахъ, а съ другой—противъ религіозно-философскаго идеализма. Но декадентство и религіозно-философскій мистицизмъ имѣютъ противъ себя значительнѣйшую часть „буржуазной“ литературы; декадентовъ высмѣивалъ еще Владиміръ Соловьевъ, а идеалисты-мистики подвергались жестокому глумленію всей прогрессивно-радикальной печати. Народники стараго типа, трезвые прогрессисты, послѣдовательные сторонники демократическихъ идей остались тѣми же, какими были, и о нихъ совершенно не упоминается въ разбираемомъ сборникѣ. Декадентство и мистицизмъ представляютъ собою опредѣленныя направленія, имѣющія также свое законное право на существованіе, и это разнообразіе общественно-литературныхъ направленій и кружковъ вовсе не служитъ симптомомъ распада. И въ пролетарско-соціалистическомъ обществѣ не могло бы установиться полное единство міросозерцанія, такъ какъ неограниченная свобода совѣсти, мысли, стремленій и вкусовъ еще болѣе усилили бы богатство и разнообразіе жизни; неизбѣжно появились бы тогда свои Сологубы и Бальмонты, Зинаиды Гиппіусъ и Андреи Бѣлые, богоискатели — Мережковскіе и Бердяевы, соблазнители въ новомъ видѣ, и ничѣмъ нельзя было бы предупредить ихъ возможный успѣхъ, если бы у нихъ оказались соотвѣтственные таланты. Участники „Литературнаго распада“ впадаютъ въ грубую ошибку, предполагая устраненіе всѣхъ идейныхъ разногласій при торжествѣ практической программы соціализма; они ошибаются и въ томъ отношеніи, что приписываютъ современный идейный разбродъ капиталистическому строю, и въ томъ, что признаютъ единообразіе мыслей и чувствъ обязательнымъ для будущаго.—Л. Слонимскій.

II.

— Алексѣй Веселовскій. — Герценъ-писатель.

Герценъ настолько всеобъемлющъ и многограненъ, такъ глубоко захватываетъ онъ каждую область, въ которой проявлялось его творчество, что необходимо раздѣлить и спеціализировать трудъ его изученія.

Давъ намъ характеристику Герцена, какъ писателя, А. Н. Веселовскій явился иниціаторомъ этого дѣла. Его книга: „Герценъ-писатель“ — цѣнный вкладъ въ русскую литературу не только талантливостью обобщеній и полнотою матеріала, но и той правильной оцѣнкой, которою онъ опредѣлилъ значеніе Герцена въ нашемъ литературномъ мѣстничествѣ.

Эта книга, послужившая первоначально темой рѣчи, прочтенной А. Н. Веселовскимъ въ Академіи Наукъ, а затѣмъ статьи, напечатанной въ нашемъ журналѣ въ 1908 г., прочтется съ интересомъ какъ знатокомъ литературы, такъ и тѣмъ, кто будетъ искать въ ней свѣдѣній и „учиться Герцену“. Необыкновенно легко справляясь съ огромнымъ матеріаломъ, авторъ ведетъ насъ послѣдовательно отъ колыбели великаго писателя до его могилы и на фонѣ этой жизни, которая всегда служила призмой творчеству Александра Ивановича, яркимъ прожекторомъ своего пера освѣщаетъ намъ всѣ его разнообразныя произведенія.

Авторъ отмѣчаетъ раннее стремленіе Герцена къ литературнымъ занятіямъ, его жажду самаго разносторонняго знанія, его юныя писательскія увлеченія. „Такого разнообразія ранняго умственнаго развитія не знали Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій, Лермонтовъ“.

Въ первомъ, „до-тюремномъ“ періодѣ творчества Герцена авторъ указываетъ на статью: „28-ое Января“, извлеченную изъ архива Третьяго Отдѣленія. Въ ней Герценъ горячо защищалъ личность Петра и предвѣщалъ великую будущность Россіи, которая съумѣетъ сохранить свою индивидуальность въ общей европейской культурѣ. Выдается также характеристика Гофмана, полная яркихъ и живыхъ образовъ.

Тюрьма, которую благословлялъ Герценъ за интенсификацію душевныхъ его силъ, за первые проблески сближенія съ Наташей, за то самоуглубленіе, которое послѣ разсѣянной жизни помогло ему снова найти себя, отмѣчается также нѣкоторыми мистическими настроеніями, результатомъ которыхъ было сочиненіе: „Легенда о Святой Θеодорѣ“. А. Н. Веселовскій совершенно справедливо находитъ, что у Герцена, по самому складу его ума, не могло развиться живу-

чаго и художественно-сильнаго мистическаго направленія. Интересно, что даже въ отшельникахъ, посвятившихъ себя славословію Бога, Герценъ видитъ главнымъ образомъ высшее выраженіе общественности. Затѣмъ идетъ ссылка, во время которой сильно развивается писательская склонность Герцена, крайне разнообразная, пестрая, еще неустоявшаяся. „Дитя", „I Maestri", „Встрѣча", повѣсти — „Тамъ", „Его Превосходительство", „Студентъ", — стихотворные опыты, сценаріи драматическихъ опытовъ „Люцинія" и „Вильямъ Пеннъ". Вліяніе Сенъ-Симона переводитъ неустоявшіяся исканія и мистическія настроенія Герцена на широкую соціальную арену.

Жизнь во Владимірѣ, въ тихой обстановкѣ личнаго счастья, способствуетъ, по мнѣнію Веселовскаго, успокоенію литературныхъ „фантазій" Герцена и сосредоточиваетъ его мысль на большомъ трудѣ. „Съ одной стороны это долженъ быть реально-правдивый разсказъ о русскомъ бытѣ, идущій отъ человѣка, которому привелось спуститься до самаго дна до-реформенной трясины; это будетъ рядъ подлинныхъ, бытовыхъ картинъ, Герценовскіе „Губернскіе Очерки" или главы изъ обширнаго нравоописательнаго романа. Съ другой стороны снова выдвигается характеристическое у Герцена стремленіе къ автобіографіи, исповѣди. Вмѣсто разрозненныхъ набросковъ изъ ранней поры, говорившихъ то о дѣтствѣ, то о знаменательныхъ „встрѣчахъ", должна начаться связная, оживленная лицами, типами, рѣчами, повѣсть о быломъ и недавнемъ, съ фактами и помышленіями изъ личной жизни,— вмѣстѣ и исторія своего времени, и лѣтопись собственныхъ „faits et gestes". Это — вторая редакція перваго отдѣла „Былого и Думъ"— „Записки молодого человѣка".

Переходя къ сороковымъ годамъ, авторъ особенно подробно останавливается на повѣсти „Кто виноватъ?", вокругъ которой „группируются новеллы и очерки во всѣхъ отдѣлахъ и переходахъ драматизма, остроумія, колкой шутки". Все, что ни выходило тогда изъ-подъ пера Герцена, „выдаетъ въ естествоиспытателѣ, философѣ, моралистѣ, историкѣ или оцѣнщикѣ общественныхъ явленій прежде всего писателя, съ рѣдкой быстротой и силой завоевавшаго мастерство литературной формы".

Герценъ не признавалъ себя романистомъ; Веселовскій не согласенъ съ нимъ и думаетъ, что эту неудовлетворенность Герцена своими повѣстями надо приписать былымъ воззрѣніямъ на романъ, который Герценъ, силою своего таланта, освобождаетъ отъ формализма и его гнета. Веселовскій считаетъ Герцена новаторомъ какъ формы разсказа, такъ и его соціальнаго содержанія. Освобожденіе женской личности, эта краеугольная тема романа „Кто виноватъ?", также какъ и повѣсти „Поврежденный", носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды увле-

ченія Жоржъ-Зандомъ, общаго Герцену со всѣми выдающимися мыслителями того времени. Авторъ указываетъ на это вліяніе, а также на отголоски симпатіи къ Гейне и Бальзаку, но видитъ въ натурализмѣ Гоголевскаго творчества то преобладающее вліяніе, которое окончательно опредѣлило характеръ повѣствованія Герцена. Вспоминая, какъ волновало Герцена чтеніе „Мертвыхъ Душъ", онъ высказываетъ положеніе, что вліяніе Гоголя сказалось не только на идейной сторонѣ его повѣсти, но и на деталяхъ ея выполненія. Совершенно справедливо оцѣнивая художественный образъ Любоньки, ея трогательную жизненность и тотъ драматизмъ положенія, который, какъ и въ повѣсти „Сорока Воровка", взываетъ къ переоцѣнкѣ и переустройству жизни, авторъ характеризуетъ Бельтова какъ болѣе положительный типъ сравнительно со сродными ему по противорѣчіямъ Печоринымъ и особенно Рудинымъ, у котораго за „словомъ" не только не встало, но и не могло встать „дѣйствія".

Тонкимъ анализомъ раскрываетъ авторъ всю красоту художественнаго проникновенія Герцена въ убогомъ образѣ Левки, на которомъ иллюстрируются идеи д-ра Крупова—относительность понятій о „болѣзненномъ" и „ненормальномъ" въ обиходѣ современнаго человѣчества. Д-ръ Круповъ, о которомъ Герценъ черезъ тридцать лѣтъ пишетъ „послѣсловіе", есть еще разъ самъ Герценъ, во всей непосредственности своего сужденія о людяхъ, ихъ жалкой общественной немощи, комическомъ самомнѣніи и политическомъ самообманѣ. „Къ такому апоѳеозу торжествующей мысли приходитъ облеченная въ психіатрическій нарядъ сатира Герцена, одна изъ наиболѣе глубокихъ во всей русской литературѣ".

„Письма" и статья „Съ того берега"—результатъ „страннической Одиссеи" Герцена—разобраны авторомъ съ тѣмъ философскимъ проникновеніемъ въ глубокую душу писателя, которое заставляетъ и читателя переживать всѣ его разочарованія.

Крушеніе цѣлаго вѣрованія на фонѣ крушенія личнаго счастья, проблески его возврата, какой-то затуманенной радости, и тутъ же, вскорѣ, вѣчная разлука съ привязанностью цѣлой жизни: „это не сонъ, это смерть!" — находятъ нѣкоторое умиротвореніе въ переживаніи и переработкѣ „Былого и Думъ". Это несравненное произведеніе, которое надо признать „классическимъ", эта удивительная исповѣдь, которую переживаешь и любишь, которую, чѣмъ больше слушаешь, тѣмъ больше хочется слушать, это соединеніе всегда яркой мысли съ теплотою человѣчности не могло бы родиться, еслибы оно не было создано непосредственной, бьющей ключомъ, живой жизнью.

Цѣнность этой исповѣди увеличивается особенно тѣмъ, что у нея, по словамъ Веселовскаго, „необыкновенно обширный хронологическій

захватъ". „Если отодвинуть вглубь ссыльнаго періода первые опыты самоанализа—говоритъ онъ,—получится совершенно непривычная въ литературѣ признаній и въ высокой степени характеристическая „Исповѣдь", созданіе которой равно *всему объему сознательной жизни человѣка*". Авторъ отмѣчаетъ въ „Быломъ и Думахъ" несомнѣнныя свойства историческаго романа большой художественной силы и правды, полетъ и взмахъ мысли къ историческимъ, бытовымъ, философскимъ, политическимъ горизонтамъ, „невыразимое обаяніе" личности, выступающей во всемъ блескѣ и разносторонности дарованія, стремленіе установить „истину" во что бы ни стало, силу художественнаго изложенія и мастерства въ образахъ и портретахъ и, наконецъ, единственный въ своемъ родѣ слогъ Герцена, „блескъ котораго осложнился свободой, сатирической солью, остроуміемъ и гражданственнымъ воодушевленіемъ его публицистики".

Подводя заключительные итоги „Герцена-писателя", А. Н. Веселовскій говоритъ слѣдующія, драгоцѣнныя для литературной критики слова: „По всей жизни его прошла, то независимо отъ политической его работы, то тѣсно сливаясь съ основными ея идеями, струя литературнаго, художественнаго творчества. Участникъ въ современной ему порѣ роста родной словесности, онъ не повторилъ собой никого изъ ея главныхъ дѣятелей, не остановился на идейной красотѣ движенія сороковыхъ годовъ, но, пробивая новые пути соціальной мысли, былъ независимымъ новаторомъ въ области литературы". — С. К.-Д.

III.

— Ник. Сухановъ. Къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства. Москва, 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Книга г. Суханова посвящена злободневному въ экономической наукѣ и въ программахъ соціалистическихъ партій вопросу о формахъ эволюціи сельско-хозяйственной промышленности. Наука не можетъ построить цѣльной теоріи экономической эволюціи, не разрѣшивъ предварительно поставленный выше вопросъ; соціалистическія партіи, собирающія подъ свои знамена милліоны рабочихъ, не будутъ имѣть устойчивой аграрной программы до тѣхъ поръ, пока не составятъ себѣ правильнаго понятія о сравнительной силѣ капиталистическаго и трудового теченій въ сельскомъ хозяйствѣ. Естественно, поэтому, что на полѣ литературной разработки этого вопроса въ новѣйшее время въ Европѣ, какъ и въ Россіи, мы встрѣчаемъ по преимуществу соціалистическихъ писателей, заинтересованныхъ въ немъ и научно, и практически.

Возникновеніе этого вопроса объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время, какъ неземледѣльческая промышленность подпала подъ руководство капитала и быстро эволюціонируетъ въ направленіи обобществленія труда, сельское хозяйство упорно сохраняетъ до-капиталистическія формы, и мелкое производство скорѣе замѣщаетъ крупное, чѣмъ уступаетъ ему мѣсто. Въ новѣйшей разработкѣ вопроса о причинахъ различія въ характерѣ эволюціи индустріи и сельскаго хозяйства сдѣлано важное упущеніе, заключающееся въ томъ, что не было проводимо надлежащаго разграниченія между крупной формой хозяйства, какъ таковой, и историческимъ капиталистическимъ ея выраженіемъ. Вопросъ о преимуществахъ крупнаго или мелкаго земледѣльческаго производства сплошь и рядомъ отождествлялся съ вопросомъ о сравнительномъ значеніи хозяйствъ трудового и капиталистическаго, и когда наблюдались факты побѣды въ какомъ-либо отношеніи крестьянскаго хозяйства надъ капиталистическимъ, то существовала тенденція объяснять это преимуществомъ мелкаго производства надъ крупнымъ.

Авторъ разсматриваемаго нами труда протестуетъ противъ такого смѣшенія различныхъ предметовъ. Смѣшеніе это, незаконное съ логической точки зрѣнія, вноситъ путаницу въ пониманіе дѣйствительной жизни, потому что технико-экономическія преимущества извѣстной формы вовсе не обезпечиваютъ ея торжества при данныхъ условіяхъ, а побѣда мелкаго или капиталистическаго производства въ настоящее время не служитъ еще безусловно правильнымъ свидѣтельствомъ его технико-экономическаго превосходства. Передъ нами, говоритъ г. Сухановъ, стоитъ не одинъ, а два вопроса о мелкой и крупной формахъ хозяйства: „одинъ—о цѣляхъ, о конечныхъ формахъ производства, опредѣляемыхъ технико-экономическимъ ихъ совершенствомъ и соотвѣтствіемъ ихъ наивысшему развитію производительныхъ силъ; другой—о средствахъ, о путяхъ, о соціальныхъ формахъ эволюціи и о шансахъ для земледѣльческой промышленности быть обобществленной капиталомъ". Перебирая аргументы въ пользу крупнаго и мелкаго сельско-хозяйственныхъ производствъ, какъ технико-экономическихъ формъ, г. Сухановъ видитъ „громадныя преимущества крупнаго земледѣлія, по существу своему и по характеру тѣ же самыя, что и въ индустріи". Теорія идеальной, такъ сказать, эволюціи хозяйства сохраняетъ, слѣдовательно, свою цѣльность: и въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ и въ индустріи, наивысшее развитіе производительности требуетъ концентраціи производства, обобществленія труда. Различіе между указанными двумя отдѣлами хозяйства проявляется не въ теоріи или, говоря иначе, не въ сущности дѣла, а на практикѣ, въ тѣхъ формахъ, которыя получаютъ преобладаніе въ данной конкретной дѣйствительности. Дѣй-

ствительность эта характеризуется господствомъ капитала; условія, имъ создаваемыя, благопріятствуютъ крупной (капиталистической) организаціи обрабатывающей промышленности и препятствуютъ такому же преобразованію земледѣлія. Слабое развитіе капиталистическаго земледѣлія объясняется менѣе выгодными результатами примѣненія капитала въ сельскомъ хозяйствѣ, сравнительно съ индустріей; обобществленія земледѣлія капиталистическимъ путемъ можно было бы, поэтому, ожидать развѣ только тогда, когда „всѣ или почти всѣ остальныя отрасли хозяйства будутъ уже капитализированы, и средняя норма прибыли дойдетъ до относительно ничтожныхъ размѣровъ". Наблюденія показываютъ, однако, что по мѣрѣ того, какъ капиталъ овладѣваетъ различными отраслями труда (и процентъ прибыли понижается), капитализація земледѣлія не только не прогрессируетъ, а идетъ назадъ. Изслѣдованіе вопроса обнаружило и причину указаннаго явленія, заключающуюся въ томъ, что развитіе индустріи ведетъ къ повышенію заработной платы, которое легко выноситъ (и даже вызываетъ) промышленный капитализмъ, но которое не по силамъ менѣе выгодно обставленному капитализму земледѣльческому. Промышленное развитіе страны создаетъ, поэтому, новыя препятствія обобществленію земледѣлія капиталистическимъ путемъ; а такъ какъ превращеніе мелкаго хозяйства въ крупное составляетъ необходимое условіе высшей производительности труда, то достиженіе послѣдней въ области сельскаго хозяйства возможно лишь при освобожденіи его отъ руководства капитала.

Такова общая теоретическая схема г. Суханова, не составляющая, правда, его исключительнаго достоянія, но имъ рафинированная и, такъ сказать, округленная. Лепта, внесенная лично авторомъ въ дѣло разъясненія этого вопроса, заключается въ изслѣдованіи (по даннымъ земской статистики) капиталистическаго земледѣлія на земляхъ крестьянскаго надѣла. Изслѣдованіе это показало, что батрацкое крестьянское хозяйство наиболѣе распространено въ чисто земледѣльческихъ районахъ и болѣе и болѣе отступаетъ передъ хозяйствомъ трудовымъ, по мѣрѣ привлеченія земледѣльческаго населенія къ промышленному труду. Это наблюденіе обратной пропорціональности въ развитіи промышленности и земледѣльческаго капитализма и внушило впервые г. Суханову мысль о ихъ антагонизмѣ, которую онъ пытается затѣмъ обосновать дальнѣйшими сопоставленіями и разсужденіями.

Мы не можемъ подвергать здѣсь критическому разбору изслѣдованіе г. Суханова. Скажемъ лишь, что для рѣшенія вопроса о земледѣльческомъ капитализмѣ недостаточно разсмотрѣнія данныхъ о хозяйствѣ крестьянъ на надѣльной землѣ, да и отношенія въ сферѣ этого

самаго хозяйства требуютъ еще дальнѣйшихъ изслѣдованій. Необходимость дополненій чувствуется и въ общей концепціи автора, упустившаго изъ виду, что настоятельной задачей современнаго крестьянскаго хозяйства является не одна лишь интенсификація земледѣлія, въ смыслѣ добычи съ единицы площади бо̀льшей массы продукта, но и преобразованіе его въ системы, допускающія производительное использованіе земледѣльческаго труда, освободившагося вслѣдствіе разъединенія обрабатывающей и земледѣльческой промышленности и нынѣ пропадающаго безплодно. Это достигается перенесеніемъ центра тяжести крестьянскаго хозяйства съ добычи зерна на животноводство, послѣ чего конкурренція заатлантическаго хлѣба теряетъ прежнее свое значеніе, а устойчивость мелкаго хозяйства не будетъ уже свидѣтельствовать, какъ выражается г. Сухановъ, лишь „о жалкомъ положеніи современнаго крестьянства, обрекающемъ трудовыхъ земледѣльцевъ на крайне непроизводительный и чуть не даровой трудъ". Трактуемый г. Сухановымъ вопросъ требуетъ, повторяемъ, еще многочисленныхъ изслѣдованій, и рѣзкая постановка его въ книгѣ, заслуживающей полнаго вниманія читателя, не останется безъ вліянія на дальнѣйшую разработку предмета.—В. В.

Въ теченіе апрѣля мѣсяца поступили въ редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Алексѣевъ, В. П.—Борьба за идею законности въ Московской Руси. Москва, 1909. Цѣна 40 коп.

Антоновъ, Александръ. — Могаска. Философская поэма. Спб., 1909. Цѣна 60 коп.

Арепьевъ, Н. Ѳ. — Географія Россіи. Общій очеркъ страны. Съ картами и иллюстраціями. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1909. Цѣна 60 коп.

Аэль.—Стихотворенія. Москва, 1909. Цѣна 75 к.

Аѳанасьевъ, Г. Э., докторъ исторіи.—Историческія и экономическія статьи. Т. I и II. Кіевъ, 1909. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Бальмонтъ, К. Д.—Изъ чужеземныхъ поэтовъ. Спб., 1909. Цѣна 1 р. 25 к.

Баръ, Ф. — Коренное преобразованіе крестьянскаго хозяйства. Спб., 1909. Цѣна 1 р.

Бёльше, В. — Любовь въ природѣ. Ч. II. Пер. съ нѣм. Э. К. Пименовой. Спб., 1909. Цѣна 1 р. 50 к.

Бобринскій, А. А., гр.—Исторія одного кредитнаго товарищества. Москва, 1909.

Брандтъ, Р. Ф.—О международныхъ языкахъ вообще и въ частности объ „Эсперанто". Москва, 1909. Цѣна 5 к.

Брюсовъ, Валерій. — Всѣ напѣвы. Стихи. Т. III. Москва, 1909. Цѣна 2 р.

Бунинъ, Ив.—Разсказы. Томъ V. Спб., 1909. Цѣна 1 р.

——— Стихотворенія. Томъ II. Спб. 1909. Цѣна 1 р.

Бѣлый, Андрей.—Стихотворенія. Москва, 1909. Цѣна 1 р.

Вернъ, Жюль.—Сергѣй Ладко. Посмертный романъ. Спб., 1909. Цѣна 75 к.

Вовчокъ, Марко.—Сказки и быль. Съ портретомъ автора. Изд. 4-е, значительно дополненное. Спб., 1909. Цѣна 1 р. 75 к.

Вундтъ, В.—Душа и мозгъ. Перев. съ нѣмецкаго. Спб., 1909. Цѣна 30 к.

Ганейзеръ, Евгеній.—Праздникъ татей. Повѣсть. Спб., 1909. Цѣна 1 р. 50 к.

Гауптманъ, Гергардтъ. — Гризельда. Переводъ З. А. Венгеровой. Спб., 1909. Цѣна 75 к.

Гауптманъ, Гергардтъ.—Потонувшій колоколъ. Нѣмецкая сказка-драма. Переводъ Е. Колышкевичъ, подъ ред. Сергѣя Городецкаго. Спб., 1909. Ц. 65 к.

Гейерстамъ, Густавъ.—Роковыя силы. Собраніе сочиненій, т. III. Москва, 1909. Цѣна 1 р. 25 к.

Геккель, Эрнестъ. — Борьба за эволюціонную идею. Спб., 1909. Цѣна 1 р.

Гервудъ, А.—Обновленная земля. Сказаніе о побѣдахъ современнаго земледѣлія въ Америкѣ. Въ сокращенномъ изложеніи проф. К. А. Тимирязева. Москва, 1909. Цѣна 75 к.

Гомеръ, Иліада. Пер. Н. М. Минскаго. Изд. 2-е. Спб., 1909. Цѣна 1 р. 25 к.

Городецкій, Сергѣй.— Кладбище страстей. Разсказы. Книга 1. Спб., 1909. Цѣна 1 р.

Громбахъ, А.—То, о чемъ говорятъ (О такъ-называемомъ половомъ воспитаніи). Москва, 1909. Цѣна 20 к.

Диксъ, Б.—Стихотворенія. Спб., 1909. Цѣна 75 к.

Е. Д.—Степное право и имперскій законъ. Томскъ, 1909.

Жеромскій, Стефанъ. — Сизифов труд. Библіотека „Молодой Польши". Спб., 1909. Цѣна 1 р. 50 к.

Зелинскій, В. — Подробный орѳографическій словарь. Москва, 1909. Цѣна 2 рубля.

Каратыгинъ, Е. С.— Въ странѣ крестьянскихъ товариществъ. Спб., 1909. Цѣна 1 р.

Карѣевъ, Н.—Идеалы общаго образованія. Изд. 2-е. Спб., 1909. Цѣна 40 к.

— — Исторія Западной Европы въ новое время. Т. VI. Послѣдняя треть XIX вѣка. Часть I (1867—1880 гг.).

Кисель, А. А. и И. Е. *Майзель*. — Грудной ребенокъ. Вскармливаніе и уходъ за нимъ. Совѣты матерямъ. Москва, 1909. Цѣна 25 к.

Кондратьевъ, А. Л.—Стихи. Книга II. Спб., 1909. Цѣна 75 к.

Котельниковъ, А.—Исторія производства и разработки всеобщей переписи населенія. Спб., 1909. Цѣна 40 к.

Красновъ, А. Н., проф.—Курсъ землевѣдѣнія. Спб., 1909. Цѣна 6 р.

Кубасовъ, П. И. — О микробѣ возвратной горячки (Febris recurrens). Микробіологическія и клиническія изслѣдованія. Москва, 1909.

Le Bon, Gustave, d-r. — Возникновеніе и исчезновеніе матеріи. Пер. съ французскаго Ал. Чайкеля, съ предисловіемъ и подъ редакціей проф. П. Коптяева. Харьковъ, 1909.

Левенфельдъ, Л., д-ръ.—Гипнотизмъ и искусство. Москва, 1909. Цѣна 30 к.

Ли, Іонасъ.—Злая сила. Москва, 1909. Цѣна 1 р.

Львовъ, Вл.— Жаркія страны. Разсказы о растеніяхъ, животныхъ и дикаряхъ тропическихъ странъ. Съ 60 рисунками. Москва, 1909. Цѣна 25 к.

Махъ, Эрнестъ. — Механика. Историко-критическій очеркъ ея развитія. Пер. съ нѣм. Г. А. Котляра, подъ ред. проф. Н. А. Гезехуса. Спб., 1909. Цѣна 3 рубля.

Миллеръ, Гансъ, д-ръ.—Теорія классовой борьбы и принципъ нейтралитета кооперативнаго движенія. Спб., 1909. Цѣна 30 к.

Мöбіусъ, П., д-ръ. — Физіологическое слабоуміе женщины. Съ портретомъ автора. Спб., 1909. Цѣна 1 р. 25 к.

Молеровъ, Д. Г. — Стойна пострумка. Разсказъ. 3-е поправ. изд. Сливенъ. 1909. Цѣна 40 к.

Новопозинъ, Г. С. — Порнографическій элементъ въ русской литературѣ. Спб., 1909. Цѣна 1 р.

Новосельскій, С. А.—Профессіональная смертность въ Англіи. Спб., 1909.

Носказинъ, Е.—Вѣчные мотивы. Спб., 1909. Цѣна 1 р.

Омелянскій, В. Л.– Основы микробіологіи. Спб., 1909. Ц. въ перепл. 3 р.

Платтеръ, Юліусъ. — Основныя ученія политической экономіи. Т. I. Переводъ съ нѣм. подъ ред. А. А. Мануилова и I. М. Гольдштейна, при участіи С. О. Загорскаго. Т. II. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. А. Мануилова, I. М. Гольдштейна и О. Е. Буханскаго. Москва, 1908—1909. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.

Преображенскій, Н. А.—Проклятая быль. Спб., 1909. Цѣна 75 к.

Рафаловичъ, Сергѣй.—На вѣсахъ справедливости. Комментарій къ роману. Спб., 1909. Цѣна 1 р. 50 к.

Ростанъ, Эдмундъ.— Самарянка. Въ трехъ картинахъ, въ стихахъ. Переводъ Е. Александровой. Спб., 1909. Цѣна 1 р.

Рошфоръ, Анри.—Развращенные. Спб., 1909. Цѣна 1 р. 30 к.

Рубиновскій, А. Л.—Повинность разврата. Спб., 1905.

Самаринъ, Өедоръ.— Къ чему приведетъ указъ 9 ноября 1906 г.? Москва, 1909. Цѣна 50 к.

Семеновъ, Вл.—Засѣданіе адмиралтействъ-коллегіи. Рождественная сказка. Спб., 1909. Цѣна 25 к.

Сологубъ, Өедоръ.—Книга очарованій. Спб., 1909. Цѣна 1 р.

Стринбергъ, Августъ.—Красная комната. Собраніе сочиненій, т. V. Москва, 1909. Цѣна 1 р. 25 к.

Стринбергъ, Августъ.—Чандала. Собраніе сочиненій, т. VI. Москва, 1909. Цѣна 1 р.

Тиграновъ, Л. Ө.—Изъ общественно-экономическихъ отношеній въ Персіи. Спб., 1909.

Томашевичъ, В. А. — Учебникъ законовѣдѣнія для гимназій и реальныхъ училищъ. Спб., 1909. Цѣна 80 к.

Шапировъ, Борисъ. — Наши пограничныя окраины на Кавказѣ. Путевые наброски. Спб., 1909. Цѣна 1 р.

Шишко, Л. — По поводу одного рѣшеннаго вопроса. Москва, 1909. Цѣна 55 коп.

Штильгебауэръ.— Король биржи. Пер. съ нѣм. М. А. Энгельгардта. Спб., 1909. Цѣна 1 р. 25 к.

Щегловъ, Ив.—Подвижникъ слова. Новые матеріалы о Н. В. Гоголѣ. Спб., 1909. Цѣна 1 р.

Цензоръ, Дмитрій.—Крылья Икара. Стихи. Спб., 1909. Цѣна 80 к.

— Библіотека для дѣтей И. Горбунова-Посадова: Три медвѣдя. Цѣна 18 к. Мордашка-Замарашка. Цѣна 20 к.

— Библіотека „Наше Чтеніе": № 1. Леонидъ Андреевъ. Разсказъ о семи повѣшенныхъ. Цѣна 10 к. № 2. Катюль Мендесъ. Первая книга разсказовъ. Цѣна 10 к. №№ 3—4. Анатоль Франсъ. Островъ пингвиновъ. Цѣна 20 к.

— Виленскій Временникъ. Книга III. Крестьянское землевладѣніе Виленской губ. Вильна, 1909.

— Врачебная хроника Харьковской губ. Харьковъ, 1909.

— Вѣхи. Сборникъ статей о русской интеллигенціи. Москва, 1909. Цѣна 1 р. 25 к.

— Деревенское хозяйство. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Выпускъ 71. Садъ и огородъ. Часть I. Составилъ I. Беттнеръ, съ нѣм. пер. С. А. Порѣцкій. Цѣна 50 к. Выпускъ 73. О хорошемъ уходѣ за коровой, теленкомъ и быкомъ. Составилъ Л. Штейертъ, пер. съ нѣм. подъ ред. Н. И. Шнеля. Цѣна 40 к. Выпускъ 76. Садъ и огородъ. Часть II. Составилъ I. Беттнеръ, пер. съ нѣм. С. А. Порѣцкій. Цѣна 40 к.

— Catalogue mensuel des livres anciens et modernes de la librairie Alphonse Picard et fils. Paris, 1909.

— Katalog 363.—Mittel- und Südamerika, West-Indien und die Philippinen. Лейпцигъ, 1909.

— Katalog 364.—Archäologie. Kunst und Kunstgewerbe des klassischen Altertums. Лейпцигъ, 1909.

— Katalog 365. Orientalische Linguistik. Лейпцигъ, 1909.

— Katalog 367.—Klassische Philologie und Altertumskunde. Лейпцигъ, 1909.

— Матеріалы для біографіи А. И. Герцена. Отрывки изъ воспоминаній М. К. Рейхель и письма къ ней А. И. Герцена. Съ 4 портретами. Москва, 1909. Цѣна 1 р.

— Мѣсечни статистически извѣстия на главната дирекция на статистиката на Българското царство. 1909. Февр., № 5.

— Начальныя основы музыки. Лекціи Е. Э. Линевой. Курсъ хоровыхъ классовъ Народной консерваторіи. Выпускъ I. Москва, 1909. Цѣна 50 к.

— О минувшемъ. Историческій сборникъ. Спб., 1909. Цѣна 1 р. 50 к.

— Особый судъ по дѣламъ о несовершеннолѣтнихъ до 17 лѣтъ. Спб., 1909. Цѣна 30 к.

— Отчетъ Никопольской общественной библіотеки за 1908 годъ. Никополь, 1909.

— О Толстомъ.—Международный альманахъ. Второе изданіе. Москва, 1909. Ц. 2 р.

— Переселеніе за Уралъ. Справочная книжка для ходоковъ и переселенцевъ на 1909 годъ. Съ путевой картой Азіатской Россіи. Спб., 1909. Цѣна 7 к.

— Письма А. И. Эртеля. Подъ ред. и съ предисловіемъ М. Гершензона. Москва, 1909. Цѣна 2 р.

— „Посредникъ". Изданія. № 743. Н. В. Гоголь. Шинель. № 608. Л. Н. Толстой. Для чего люди одурманиваются. № 74. Грѣхъ и Безуміе пьянства. Сборникъ поученій изъ твореній св. отцовъ церкви. № 745. Н. В. Гоголь. Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. № 578. Л. Н. Толстой. Мысли о Богѣ. № 744. Н. В. Гоголь. Старосвѣтскіе помѣщики. № 746. Н. В. Гоголь. Жизнь. № 402. Волки. Сборникъ разсказовъ и притчъ. № 58. С. Семеновъ. Не въ деньгахъ счастье. № 72. Ледащій. Разсказъ. № 313. С. Стаховичъ. Сиротка. № 352. Э. Моро. Бѣлая мышка. № 9. Странникъ. Разсказы. № 740. Житіе св. Петра мытаря. № 407. С. Семеновъ. Дѣдъ Аверьянъ. № 737. В. Смирновъ. Пѣвецъ Муса. № 393. Мудрецъ Солонъ. № 397. Бѣлый гость. № 112. Д. Марковичъ. Омелько—бѣглый каторжникъ.

— Poesia. Миланъ, 1909. Цѣна 2 лиры.

— Статистическій сборникъ Рижскаго городского управленія. Часть I. Рига, 1909.

— Стенографическій отчетъ Портъ-Артурскаго процесса. Подъ ред. К. И. Ксидо и М. К. Соколовскаго. Выпускъ V. Спб., 1909. Цѣна 1 р.

— Труды совѣщанія объ экономическихъ нуждахъ студенчества г. С.-Петербурга 26—31 марта 1908 г. Съ вступительными статьями проф. Ѳ. А. Брауна и В. Ѳ. Тотоміанца. Спб., 1909. Цѣна 30 к.

— Славянски Гласъ. — Изданіе на Славянското Благотворительно Дружество въ България. Година VII. 1909. Книжка I.

— Славянски Гласъ. Издание на Славянското Благотворително Дружество въ България. Год 1909. Книжка I и II.

— The anglo-russian literary society.—Proceedings October, November and December 1908. Лондонъ, 1908.

— Университетъ въ София. Расписъ на лекцинтѣ за лѣтното полугодие 1908—1909 учебна година. София, 1909.

— Уставъ Липецкаго Петровскаго общества распространенія научныхъ и практическихъ знаній. Липецкъ, 1909.

— Уравненіе національныхъ правъ, какъ основная реформа въ Россійскомъ государствѣ. Переводъ съ польскаго. Спб., 1909. Ц. 30 к.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Хмуро, черно вокругъ, но жизнь все-таки какъ будто дѣлаетъ свое цѣлебное дѣло: плавно, постепенно выноситъ рядъ мелкихъ, оздоровляющихъ и, главное, возможныхъ задачъ.

Едва ли не на первомъ планѣ общественной жизни въ провинціи стоитъ сейчасъ для прогрессистовъ задача отвоеванія земства у правыхъ.

Побѣдоносно захвативъ въ свои руки земское хозяйство на прошлыхъ выборахъ, правые во многихъ губерніяхъ проявили свои хозяйственные таланты ярко, выпукло, опредѣленно. Закрывались народныя библіотеки, уничтожалась или сокращалась статистика, прекращались ассигновки на внѣшкольное образованіе, ликвидировались книжные склады,—вообще шла усиленная, поспѣшная и торжествующая ломка всего, что̀ долго и упорно, съ преодолѣніемъ всевозможныхъ препятствій, создавалось культурно-прогрессивными земствами.

Рядомъ съ этимъ при дружескомъ содѣйствіи администраціи увольнялись, изгонялись, высылались всѣ лучшіе земскіе работники третьяго элемента.

И вотъ, къ нынѣшнему году многія правыя земства дошли, такъ сказать, до тупика: либерально-крамольный духъ изгнанъ, земская нива оголена, нужно засѣвать ее по новому, правому способу. И тутъ-то явственно опредѣлилось, что въ правой земской средѣ не оказалось ни практической подготовки, ни творческой инціативы, ни подготовленныхъ людей для замѣны прогрессивныхъ работниковъ третьяго элемента.

Нѣкоторыя правыя земства, въ родѣ курскаго, ни на какіе компромиссы не пожелали пойти, и потому до сихъ поръ на ихъ земской нивѣ оголеніе и запустѣніе.

Другія правыя земства вольно или невольно были втянуты въ

естественное теченіе сложной и давно налаженной земской работы. Тверскому земству, напримѣръ, пришлось оставить и даже постепенно совершенствовать цѣнное наслѣдіе либеральной управы — страховую систему. Саратовское, вятское, тульское и другія земства принуждены были примириться со статистикой. И почти во всѣхъ правыхъ земствахъ пришлось оставлять на службѣ или вновь приглашать прогрессивныхъ работниковъ третьяго элемента: секретарей управы, завѣдывающихъ статистикой, агрономовъ, санитарныхъ врачей, знатоковъ школьнаго, страхового дѣла и т. д.

Живое земское дѣло нашло въ себѣ естественный отпоръ попыткамъ внѣшняго разрушенія. Надо полагать, что у многихъ правыхъ земцевъ это обстоятельство значительно уменьшило торжествующую самоувѣренность. И на оборотъ, по той же причинѣ временное уныніе побѣжденныхъ прогрессистовъ смѣняется кое-гдѣ бодрыми надеждами.

Отвоевать земства у правыхъ можно, конечно, только черезъ выборы. Въ нынѣшнемъ году обновленіе состава гласныхъ произойдетъ въ 14 губерніяхъ.

Въ разговорахъ съ прогрессивными дѣятелями на мѣстахъ мнѣ много пришлось услышать плановъ, гаданій и мечтаній относительно земскихъ выборовъ нынѣшняго года. Списки землевладѣльцевъ въ сущности не обѣщаютъ хорошихъ результатовъ. Почти повсюду преобладаютъ правые элементы, которые, притомъ, въ послѣдніе годы значительно встряхнулись отъ долголѣтней спячки и оказались способными къ воинственному сплоченію. Прогрессивные землевладѣльцы малочисленны и разрозненны. Буря освободительныхъ дней и репрессіи воспрянувшей реакціи сильно разстроили и разрѣдили прогрессивные земскіе ряды. Невольно является мысль о подкрѣпленіи, и внимательный взглядъ прогрессистовъ выжидательно направляется въ колыхающуюся темноту крестьянской жизни.

Когда руки тянулись къ близкому, крупному богатству, не хотѣлось думать о мелкой монетѣ. Но разлетѣлись недавніе широкіе планы коренного переустройства жизни. И снова пришла скудная пора, снова приходится заботливо пересчитывать мелкую монету, оставшуюся отъ прежняго хозяйства или случайно оброненную сверху во время суматохи освободительныхъ дней...

Мелкая монета—законъ 5-го октября 1906-го года, по которому крестьяне самостоятельно избираютъ изъ своей среды земскихъ гласныхъ, не подвергающихся произвольному выбору и утвержденію губернатора. Но въ прогрессивныхъ земскихъ кругахъ съ нѣкоторой надеждой смотрятъ на этотъ законъ. И, кажется, не безосновательно. До первой государственной думы была горячая мечта вверху и большое опасеніе въ либеральномъ обществѣ, что крестьянство наше въ

громадной своей массѣ настроено консервативно. Эта иллюзія, какъ и многія другія, безслѣдно сгорѣла въ недавніе пламенные дни. Послѣ первой Государственной Думы деревня не получила отъ правительственной власти основательныхъ причинъ для поправѣнія.

Репрессіи всякаго рода полились щедрымъ дождемъ на деревню. Но ихъ результаты весьма спорны. Часто несутъ онѣ испугъ, еще чаще—озлобленіе и раздраженіе. Но естественнаго, успокоеннаго поправѣнія достигать имъ, кажется, не суждено.

На мѣстахъ настроеніе крестьянства настолько ясно, что исходъ земскихъ выборовъ по закону 5 октября почти вездѣ представляется несомнѣннымъ: пройдутъ лѣвые.

Выборы кандидатовъ въ земскіе гласные отъ крестьянъ прошли пока по двумъ губерніямъ: Московской и Вятской.

Газетныхъ свѣдѣній о Московской губерніи мнѣ не попадалось, но изъ разговоровъ съ близкими московскому земству людьми извѣстно, что крестьяне дали здѣсь, въ общей массѣ, прогрессивныхъ представителей.

По Вятской губерніи имѣются довольно подробныя газетныя свѣдѣнія. Въ гласные отъ крестьянъ прошли въ громадномъ большинствѣ прогрессисты. „Выборами нынѣ — пишутъ оттуда—не въ примѣръ прошлымъ годамъ интересуются; къ нимъ готовились заранѣе и дружно выбираютъ намѣченныхъ кандидатовъ. Отовсюду идутъ вѣсти, что интересъ къ земскимъ выборамъ со стороны крестьянъ сильно повышенъ и что отношеніе къ выбору волостныхъ кандидатовъ самое серьезное и сознательное. Крестьяне, повидимому, прекрасно учли тѣ возможныя перспективы, которыя предоставляетъ имъ законъ 5 октября 1906 года, и рѣшили воспользоваться имъ, какъ оружіемъ для расширенія своего вліянія на земскую работу. Любопытно—говорится далѣе въ газетной корреспонденціи,—что волостные сходы выражаютъ рѣзко-отрицательное отношеніе къ прежнему составу гласныхъ, а особенно къ той разрушительной работѣ, которою такъ прославились за эти три года вятскіе новоземцы, уничтоживъ 5-ти-рублевыя сельскія библіотеки, внѣшкольное образованіе, текущую статистику, книжный складъ и т. д. Поэтому на волостныхъ сходахъ прежніе гласные и даже члены управъ или явно-черносотеннаго направленія, или же малосознательные, безпощадно забаллотировываются, выборъ же падаетъ на яркихъ прогрессистовъ. Теперь уже забаллотированъ рядъ представителей черносотенства, обыкновенно—пріятелей и друзей предсѣдателей управъ, ставленниковъ князя Горчакова. Особенно это нужно сказать объ Уржумскомъ уѣздѣ, гдѣ забаллотированы Черезовъ и Касьяновъ, оба соратники предсѣдателя управы по назначенію, бывшаго станового пристава Храболовича. Въ

Нолинскомъ уѣздѣ забаллотированъ предсѣдатель управы А. Т. Пестриковъ, въ Яранскомъ — члены управы Соснинъ и Щенниковъ. Характерно, что крестьяне избираютъ ранѣе „довѣріемъ народа облеченныхъ“: такъ напримѣръ, въ Уржумскомъ уѣздѣ избранъ бывшій членъ первой Государственной Думы—Финѣевъ, ярый прогрессистъ; повсюду избранъ цѣлый рядъ бывшихъ уполномоченныхъ по выборамъ въ первую, вторую и третью Государственныя Думы. Избирается очень много народныхъ учителей. Омутнинскій волостной сходъ, Глазовскаго уѣзда, единогласно выбралъ бывшаго редактора закрытой теперь газеты „Вятская Жизнь“, П. А. Голубева, который сидитъ сейчасъ въ тюрьмѣ“.

Корреспонденція пропитана нѣсколько излишнимъ, можетъ быть, удовольствіемъ. Но всякому, заѣзжавшему хоть на нѣсколько дней въ Вятскую губернію, до болѣзненной очевидности ясно, сколько справедливаго негодованія накипѣло въ самыхъ мирныхъ и лойяльныхъ сердцахъ мѣстныхъ гражданъ.

Было передовое, лучшее, первоклассное земское хозяйство, которымъ вятичи законно гордились предъ всей Россіей. Административная рука, въ стремительномъ желаніи создать „успокоеніе“, превратила въ развалины многолѣтніе результаты упорной, напряженной культурно-земской работы.

И что можетъ быть еще обиднѣе: на мѣсто уважаемыхъ выборныхъ общественныхъ дѣятелей губернаторская власть увѣренно назначала своихъ излюбленныхъ лицъ. Шесть предсѣдателей уѣздныхъ управъ, вятскій городской голова, предсѣдатель губернской управы, многіе члены уѣздныхъ земскихъ управъ—были посажены властью губернатора, князя Горчакова. Всѣ они числились въ рядахъ правыхъ монархическихъ организацій — и всѣ фатальнымъ образомъ пользовались нелюбовью, недовѣріемъ, почти презрѣніемъ широкихъ слоевъ мѣстнаго общества.

Еслибы правительственная власть задалась странной цѣлью всяческими способами возстановлять противъ себя населеніе, то она, вѣроятно, признала бы вятскую систему князя Горчакова наилучшей для этой цѣли. Много живописныхъ фактовъ и яркихъ иллюстрацій къ этой темѣ разсказали мнѣ мѣстные люди, когда я былъ въ Вяткѣ.

Не любопытно ли, напримѣръ, что вятское общественное собраніе, въ большинствѣ состоящее изъ чиновниковъ, упорно забаллотировывало ставленниковъ князя Горчакова? Губернаторъ негодовалъ, закрывалъ клубъ, бойкотировалъ его, призывалъ старшинъ, гнѣвно кричалъ на нихъ—и все-же ставленники губернатора не могли попасть въ члены мирнѣйшаго обывательскаго клуба. Городской голова по назначенію Синцовъ, послѣ неудачныхъ попытокъ, принужденъ былъ отказаться отъ этой чести. Или такой случай. Во время пріѣзда князя

Горчакова въ одинъ изъ уѣздовъ земскіе начальники устроили губернатору обѣдъ по подпискѣ. Было при этомъ единогласно постановлено и условлено, чтобы на обѣдѣ не присутствовалъ предсѣдатель уѣздной управы, назначенный губернаторской властью и пользовавшійся очень плохой репутаціей среди мѣстнаго общества. Губернаторъ, однако, соглашаясь быть на обѣдѣ, съ перваго слова спросилъ, приглашенъ ли предсѣдатель управы, и заявилъ, что безъ него на обѣдъ онъ не пойдетъ. Пришлось земскимъ начальникамъ, скрѣпя сердце, приглашать и предсѣдателя, но послѣ этого, — разсказывали мнѣ, — земскіе начальники будто бы рѣшили никогда больше для губернатора обѣдовъ не устраивать.

Ужъ если губернаторъ съумѣлъ создать нѣкоторую оппозицію среди собственныхъ чиновниковъ, то нечего говорить о крестьянствѣ, земскихъ и общественныхъ кругахъ.

Фатальнымъ образомъ къ начальнику губерніи льнули низкопоклонные, корыстные люди, готовые въ угоду власти совершить любое разрушеніе въ общественныхъ учрежденіяхъ. И съ другой стороны, также фатально выборъ губернаторомъ лицъ на общественныя должности вызывалъ въ населеніи молчаливое, приглушенное негодованіе.

Одинъ изъ лучшихъ способовъ опредѣленія общественнаго настроенія—выборы. И вятская администрація дождалась нагляднаго проявленія чувствъ населенія къ своей системѣ.

Сначала прошли городскіе выборы. Мнѣ пришлось быть въ Вяткѣ за нѣсколько дней до нихъ. Одинъ изъ прогрессивныхъ гласныхъ, разложивъ на колѣняхъ списки избирателей, уныло, безнадежно говорилъ мнѣ:

— Тщательно подсчиталъ я голоса правыхъ и лѣвыхъ. Нѣтъ, положеніе прогрессистовъ совсѣмъ плохое. У правыхъ явное большинство. Только развѣ чудомъ пройдутъ три-четыре прогрессиста.

И черезъ нѣсколько дней читалъ я въ газетахъ:

— На выборахъ въ вятскую городскую думу одержали побѣду лѣвые. Большинство избранныхъ гласныхъ—прогрессисты.

Чуду помогъ совершиться князь Горчаковъ. Даже въ узкомъ кругу консервативно-буржуазныхъ избирателей безцеремонное вмѣшательство администраціи въ общественныя дѣла постепенно создало прогрессивную оппозицію. Черезъ нѣсколько недѣль сообщалось въ газетахъ, что и въ городскіе головы на мѣсто губернаторскаго ставленника Синцова избранъ прогрессистъ.

Теперь земскіе крестьянскіе выборы еще шире и внушительнѣе продемонстрировали недвусмысленное отношеніе къ администраціи и правымъ земцамъ. Князь Горчаковъ, совершая переѣздъ въ Калужскую

губернію, можетъ убѣдиться, что его система воздѣйствія на общественное настроеніе принесла хотя и неожиданные, но весьма ощутительные плоды.

Земскіе крестьянскіе выборы Вятской губерніи имѣютъ, кромѣ поучительно-демонстративнаго смысла, и широкое практическое значеніе для мѣстной жизни. Въ 6 уѣздахъ (изъ 11-ти) Вятской губерніи гласные-крестьяне являются преобладающимъ элементомъ. Въ остальныхъ пяти уѣздахъ они составляютъ немного менѣе половины общаго числа гласныхъ. Въ губернское земское собраніе крестьяне также посылаютъ около половины общаго числа гласныхъ. Не можетъ, конечно, быть, чтобы по первому и второму избирательнымъ собраніямъ не прошло въ каждомъ уѣздѣ трехъ-четырехъ прогрессивныхъ гласныхъ. Такимъ образомъ во всѣхъ уѣздныхъ земствахъ и губернскомъ будетъ прочное прогрессивное большинство, которое снова выведетъ земскую работу на прежнюю торную, культурную дорогу, если только со стороны новаго губернатора не воспослѣдуетъ продолженія разрушительной политики князя Горчакова.

Вятская губернія является выпуклымъ примѣромъ для многихъ другихъ губерній. Вездѣ въ такомъ же духѣ дѣйствуетъ губернская и уѣздная администрація. Повсюду назрѣваетъ въ большей или меньшей степени среди населенія оппозиціонное настроеніе. Князь Горчаковъ и административныя дѣянія въ его губерніи (вплоть до избіеній при взиманіи податей) пріобрѣли всероссійскую гласность исключительно благодаря чрезвычайному мужеству мѣстной прогрессивной газеты. Она платила много разъ штрафы, провожала ежегодно въ тюрьму по пяти своихъ редакторовъ, изнемогала въ непосильной борьбѣ, но продолжала печатать такіе факты изъ мѣстной жизни, которые не рѣшалась публиковать даже столичная печать. И правда хотя на мигъ, но восторжествовала: пріоткрытую злую черноту административнаго произвола въ вятской деревнѣ не смогло прикрыть даже оффиціальное разслѣдованіе, и князь Горчаковъ получилъ переводъ въ Калужскую губернію (вѣроятно, максимальное наказаніе, возможное въ настоящее время за бюрократическое небреженіе).

Другія губерніи только тѣмъ и отличаются отъ Вятской, что въ нихъ нѣтъ такихъ мужественныхъ прогрессивныхъ газетъ. Но если бы онѣ были!.. Было бы жутко жить, когда бы сбросили онѣ покрывало молчанія съ нынѣшней деревни... Не въ одной Вятской губерніи скачутъ поперекъ деревни конные отряды, не съ однихъ вятичей взыскиваютъ подати...

Довольно однообразно во всѣхъ губерніяхъ администрація заботливо поддерживаетъ правыхъ общественныхъ дѣятелей, причемъ почти вездѣ эти дѣятели или чрезвычайно непопулярны среди населенія,

или безнадежно бездарны. Правымъ одно только безусловно удается во всѣхъ губерніяхъ: разрушеніе. Творчество ихъ сковано роковымъ безсиліемъ.

Естественно и неизбѣжно союзъ администраціи съ правыми элементами общества вызываетъ къ жизни оппозицію, сплачиваетъ и обостряетъ ее.

Кромѣ Вятки наиболѣе ярко проявилось это въ Уфѣ. Прошлой осенью были здѣсь городскіе выборы. Полную побѣду одержали прогрессисты. Въ первую очередь былъ забаллотированъ городской голова Гиневскій, главная опора и вождь всѣхъ правыхъ въ губерніи. Губернская администрація вступилась за него и подъ незначительнымъ предлогомъ отмѣнила выборы. Въ январѣ была новая битва. Снова въ первую очередь былъ забаллотированъ городской голова, причемъ онъ получилъ гораздо меньше голосовъ, чѣмъ въ первый разъ; снова прошли тѣ же самыя прогрессивные кандидаты, съ тою только разницей, что на этотъ разъ они получили еще больше избирательныхъ голосовъ. Администрація создала оппозицію, а новое административное вмѣшательство укрѣпило и увеличило ее.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что для земскихъ выборовъ нынѣшняго года въ остающихся 12 губерніяхъ соединенныя старанія правыхъ земцевъ и администраціи создали настроеніе, сходное съ настроеніемъ Вятской губерніи. И глубокое воздѣйствіе этого настроенія въ большей или меньшей степени отразится, вѣроятно, на земскихъ выборахъ во всѣхъ 12 губерніяхъ. Но было бы, конечно, ошибочно со стороны близкихъ земствамъ прогрессивно настроенныхъ лицъ предоставить все случаю и ждать стихійнаго, такъ сказать, проявленія скопившагося настроенія. Необходимо къ выборной кампаніи готовиться и постараться использовать благопріятныя условія.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, чрезъ которыя мнѣ пришлось проѣхать, крупные земскіе дѣятели очень этимъ озабочены. Они справедливо говорятъ, что хотя среди крестьянъ и проснулся интересъ къ земской работѣ, но у нихъ еще нѣтъ навыка къ организованному и стройному проведенію выборовъ, нѣтъ и полнаго, опредѣленнаго представленія о предстоящей имъ земской работѣ.

Поэтому, говорятъ они, какъ ни трудно при нынѣшнемъ административномъ надзорѣ подойти къ деревнѣ, но необходимо это хоть въ малой степени сдѣлать, чтобы практически посодѣйствовать крестьянамъ намѣтить подходящихъ кандидатовъ въ земскіе гласные и провести ихъ сквозь выборныя преграды.

Въ Тверской и Московской губерніяхъ видные земскіе дѣятели говорили мнѣ, что есть значительная надежда отвоевать при помощи крестьянъ земство у правыхъ.

— По крестьянской куріи — разсуждали они — почти навѣрное пройдутъ лѣвые. По второму избирательному собранію пройдетъ очень много прогрессистовъ. Въ первомъ избирательномъ собраніи преобладаютъ вездѣ правые. Но дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ крупныхъ землевладѣльцевъ такъ мало, что избирателей на выборное собраніе является меньше, чѣмъ нужно гласныхъ. Поэтому, если среди нихъ окажется одинъ или два-три прогрессиста, они окажутся поневолѣ для правыхъ гласными. Такимъ образомъ общее большинство въ земскихъ собраніяхъ можетъ сложиться въ пользу прогрессистовъ.

Съ такими же соображеніями пришлось мнѣ встрѣтиться и въ другихъ губерніяхъ. Бѣда правыхъ земцевъ въ томъ, что ихъ повсюду мало и дѣлается все меньше. Это дѣйствительно своего рода „зубры", которыхъ тщательно поддерживаютъ и которые все-таки таютъ въ числѣ. Въ освободительные дни многіе изъ нихъ поспѣшили распродать земли въ крестьянскій банкъ или въ частныя руки. Нѣкоторые изъ нихъ и теперь распродаютъ свои участки, теряютъ цензъ и удаляются отъ земской жизни. Немало найдется уѣздовъ, гдѣ на избирательное собраніе являются пять-шесть землевладѣльцевъ и торжественно объявляютъ себя гласными.

Законъ исторіи медленно, но съ непоколебимой, желѣзной настойчивостью сводитъ съ земской арены дворянина и вводитъ новаго дѣятеля—крестьянина. Какъ бы ни задерживалась земская реформа, но неизбѣжно она войдетъ въ жизнь. Уже и октябристскіе круги признаютъ необходимость создать мелкую земскую единицу и только стараются сохранить въ ней привилегированное положеніе для дворянина-землевладѣльца, чтобы продержалъ онъ еще нѣкоторое время въ опекѣ мужика...

Будущая крестьянская земская армія внушаетъ, впрочемъ, нѣкоторое опасеніе, хотя и въ другомъ смыслѣ, не однимъ правымъ. Прогрессивные земскіе дѣятели опасаются неподготовленности, горячности крестьянской массы. Внезапный напоръ деревни на земскія учрежденія можетъ, кажется имъ, поколебать и подорвать нѣкоторыя культурныя организаціи въ земствѣ (статистику, медицину, санитарію, школьное дѣло). Даже и относительно крестьянскихъ гласныхъ по закону 5 октября они говорятъ:

— Вотъ прогрессивные крестьяне объединятся съ прогрессивными земцами и составятъ прогрессивное большинство. Но вѣдь опытъ освободительныхъ дней показалъ, какихъ лѣвыхъ дѣятелей можетъ иногда выдвинуть деревня. Это тоже своего рода разрушители. Войти прогрессистамъ съ ними въ соглашеніе будетъ нелегко.

Впрочемъ, тѣ же прогрессивные дѣятели тотчасъ же высказываютъ и успокоительныя соображенія:

— Конечно, опытъ пріобрѣтается на дѣлѣ. Отчасти даже хорошо, что крестьяне входятъ сначала въ земство черезъ законъ 5 октября. Маленькія передовыя группы пріобрѣтутъ навыкъ, знанія, практическую ровность въ земской работѣ и понесутъ свой опытъ въ деревню. А за ними уже по нѣсколько проторенной дорогѣ двинутся густыя массы крестьянскаго населенія.

Русская жизнь въ своей вѣковой тьмѣ такъ много хранитъ пугающихъ призраковъ, которые притомъ не разъ грозно вылетали изъ тьмы, что нѣкоторая напуганность прогрессивныхъ земцевъ естественна и понятна. Конечно, не трудно было бы возразить на ихъ опасенія, что если земская работа—хорошая школа, то почему въ эту школу нужно отдавать крестьянъ маленькими группами, а не сразу, путемъ введенія всеобщаго голосованія? Но суть, разумѣется, не въ теоретическихъ спорахъ. Жизнь складывается теперь такъ, что намѣчаетъ для земской работы маленькія надежды на обновленіе и оздоровленіе. И пока не видно впереди крупныхъ задачъ, трезвая политика подсказываетъ прогрессивнымъ земскимъ дѣятелямъ, что нужно использовать возможно плодотворнѣе эти мелкія задачи дня. Въ нынѣшнемъ году состоятся выборы въ 14 губерніяхъ, въ будущемъ году—въ 20-ти. Правильное, подготовленное и организованное проведеніе выборовъ можетъ сослужить для захирѣвшихъ земствъ немалую службу.

Въ нынѣшнихъ земствахъ, даже въ правыхъ—и, пожалуй, особенно въ правыхъ—есть одна сторона жизни, которая проявляетъ склонность къ большому развитію. Это—земская агрономія.

При поѣздкѣ по Россіи меня сначала очень поражало это явленіе. Даже въ такихъ закоченѣвшихъ подъ административнымъ „успокоеніемъ“ губерніяхъ, какъ Ярославская, агрономія расцвѣтаетъ пышнымъ, невозбраннымъ цвѣтомъ. Всѣ почти просвѣтительныя общества закрыты, лекціи воспрещены, интеллигенція скована по рукамъ и ногамъ—а моторы-агрономы разъѣзжаютъ по всей губерніи, устраиваютъ собесѣдованія, временные курсы, раздаютъ брошюры, налаживаютъ травосѣяніе, пропагандируютъ опытныя поля. Въ самомъ Ярославлѣ быстро и успѣшно организуются сельско-хозяйственные курсы на сто человѣкъ изъ крестьянской среды, и правое земство охотно даетъ деньги какъ на эти курсы, такъ и вообще на всѣ мѣропріятія по агрономіи.

Въ Самарской губерніи правые земцы только-что вошли въ полный жаръ разрушенія: закрыли книжный складъ, сократили стати-

стику и вообще окоротили всѣ культурныя начинанія прежняго земства,—но агрономія и здѣсь въ почетномъ вниманіи.

Пензенское губернское земство до сихъ поръ не озаботилось организовать у себя статистическія изслѣдованія, съ презрѣніемъ относилось ко всякимъ либеральнымъ новшествамъ, но въ срединѣ прошлаго года пригласило ученаго агронома и стало удѣлять ему значительное вниманіе.

То въ той, то въ другой губерніи земская агрономія страннымъ образомъ выдвигается на первый планъ и проявляетъ чрезвычайную жизнедѣятельность.

— Очень просто, — стали мнѣ разъяснять на мѣстахъ:—особая политика проводится. Разрѣшается земельный вопросъ. Правительство переводитъ крестьянъ военнымъ маршемъ на отрубныя и хуторскія хозяйства, а земская агрономія должна научить мужика культурной обработкѣ земли и должна убѣдить его, что нечего мечтать о прирѣзкахъ и новыхъ надѣлахъ: нужно изъ клочка земли сдѣлать золотое дно. Правительство очень подталкиваетъ агрономію на этотъ путь, и правые земцы сочувствуютъ такому разрѣшенію земельнаго вопроса. Ну, а губернская администрація—ей что же, ей приказано, и она споспѣшествуетъ.

Послѣ такихъ явно насмѣшливыхъ отзывовъ мѣстные люди вполнѣ серьезно говорятъ:

— А впрочемъ, что же? Вреда отъ агрономіи не будетъ. Всякая наука во благо для деревни, особенно если подходятъ къ ней культурные, интеллигентные люди.

Со многими земскими агрономами я подолгу бесѣдовалъ объ ихъ работѣ и видѣлъ, что польза отъ нихъ для деревни можетъ выйти немалая. Ни о какой политикѣ они не думаютъ, а преданно и горячо служатъ своей агрономической мечтѣ: оздоровить, обогатить, экономически поднять деревню.

И все же странную роль играетъ политика въ русской жизни. Правительство всѣми способами отгоняетъ интеллигенцію отъ деревни, обвиняя всякаго интеллигента въ политическомъ воздѣйствіи на крестьянъ. Но вотъ само правительство рѣшило поощрить агрономію и допустить въ деревню интеллигентовъ-агрономовъ. Какая же основная цѣль бюрократіи? Все та же политика. Укрѣпить казенную земельную реформу и политически воздѣйствовать черезъ агрономію на крестьянскую массу.

Не есть ли политика для русской жизни та природа, которую гонятъ въ дверь, а она влетаетъ въ окно?

Переживаемая нами теперь политика, которая тщетно ломится въ запертыя двери, дуетъ сверху сквознякомъ черезъ разбитыя для

„успокоенія“ окна и вырывается внезапными клубами пламени и дыма изъ подполья, спутала мысли и чувства рядового обывателя. Когда политика, дождавшись своего времени, пойдетъ прямымъ путемъ черезъ распахнутыя двери, многія нынѣшнія партіи и группы, вѣроятно, перетасуются по иному. Въ провинціи, напримѣръ, любопытныя вещи приходилось мнѣ слышать о союзѣ русскаго народа. Изъ Петербурга отдѣленія союза, разбросанныя по Россіи, представляются однородной арміей, мечтающей о возстановленіи стараго самодержавнаго строя. Во многихъ городахъ (въ Твери, Перми, Саратовѣ) мнѣ говорили мѣстные люди:

— А знаете, пожалуй, очень хорошо, что эти союзники собираются и разговариваютъ на общественно-политическія темы. Въ сущности только немногіе главари у нихъ истинные черносотенцы. А вся остальная масса очень демократически настроена. Мысли у нихъ, конечно, безсвязныя и дикія. Но мечтаютъ они искренно о лучшей жизни. Чиновниковъ не любятъ, министрамъ не вѣрятъ, къ дворянамъ чувствуютъ нерасположеніе. Смутны ихъ порывы къ единенію монарха съ народомъ помимо министровъ и бюрократіи. Въ сущности они, пожалуй, самые настоящіе конституціоналисты! Пусть только покричатъ на своихъ собраніяхъ да разберутся немного въ политическихъ вопросахъ...

А въ Перми мнѣ, смѣясь, разсказывали про одного мѣстнаго торговца, котораго союзъ русскаго народа выдвигалъ въ кандидаты въ Государственную Думу.

— Вы черносотенецъ?—спрашивали его.—Зачѣмъ же въ Думу собираетесь идти? Вы вѣдь противъ Думы?

— Зачѣмъ противъ? — солидно возражалъ торговецъ. — Государственная Дума должна всѣ дѣла направлять, какъ вотъ у насъ городская дума, а министры должны выполнять все и отчетъ давать Думѣ, какъ вотъ у насъ городской голова и члены управы. А ежели министры что неправильно, то Государственная Дума должна новыхъ министровъ поставить.

— Такъ вы, значитъ, за отвѣтственность министровъ предъ Думой?

— Вотъ это самое. Въ родѣ, какъ у насъ управа и городская дума. Слуга и хозяинъ.

— Такъ какой же вы правый?

— А что-же? Я правый.

— Да вѣдь и лѣвые того же хотятъ, чего и вы.

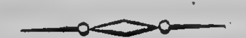
— Ну, нѣтъ! Лѣвые въ Бога не вѣруютъ и Царя отвергаютъ, а я не согласенъ. Я правый.

Народная мысль только еще выходитъ на непривычный широкій путь политической жизни. Впереди ждутъ ее многія прозрѣнія и

откровенія. А отъ ея зигзаговъ и внезапныхъ уклоненій могутъ еще развернуться всякія неожиданныя осложненія въ русской жизни. Но въ далекомъ, туманномъ будущемъ намѣчается торная, широкая дорога, по которой увѣренно двинется русская жизнь, когда народная политическая мысль окрѣпнетъ, прояснится и созрѣетъ.

Къ тому идетъ, и это будетъ.

И. Жилкинъ.



ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1909.

Вопросъ о „національномъ лицѣ".—Дѣло о штатахъ морского генеральнаго штаба.—Рѣчи П. Н. Дурново, гр. С. Ю. Витте и В. Н. Коковцова.—Слухи о министерскомъ кризисѣ.—Почему значительная часть общества относится къ нимъ равнодушно?—Черты сходства между настоящимъ и недавнимъ прошлымъ.

Послѣдніе два мѣсяца обогатили нашу литературу и періодическую печать двумя новыми—или, правильнѣе, въ новой формѣ поставленными—вопросами: о грѣхахъ интеллигенціи и о „національномъ лицѣ". Первому вопросу посвященъ сборникъ „Вѣхи", о которомъ у насъ помѣщена выше отдѣльная статья. Второй выдвинутъ „Словомъ", въ связи съ появившимися въ литературномъ мірѣ проблесками антисемитизма или „асемитизма". Мы безусловно вѣримъ въ искренность писателей, успѣвшихъ уже получить прозвище нео-націоналистовъ; мы знаемъ, что между ними и приверженцами узкаго традиціоннаго національзма нѣтъ ничего общаго, и потому постараемся разсмотрѣть ихъ взгляды sine ira et studio, не заподозривая ихъ ни въ лицемѣріи, какъ это дѣлаетъ „Россія" („Россія"!), ни въ реакціонности, которую имъ ставитъ въ вину „Современный Міръ".

Существенно-важнымъ недостаткомъ разсужденій о „національномъ лицѣ"—какъ и проповѣди покаянія, обращенной къ русской интеллигенціи,—является, прежде всего, ихъ крайняя неопредѣленность. Подчеркивая глубокую перемѣну, происшедшую въ русскомъ обществѣ за послѣдніе годы, „Слово" пишетъ: „Каждой національности, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, много пришлось передумать и перечувствовать. Естественно, что русскимъ людямъ также пришлось задуматься надъ своей національной задачей, тѣмъ болѣе, что задача

24*

русскихъ много сложнѣе задачъ недержавныхъ національностей россійской имперіи, ибо наша національная задача является въ то же время и задачей государственной, а слѣдовательно и творческой... Когда недержавныя національности стали самоопредѣляться, явилась необходимость самоопредѣленія и для русскаго человѣка. И это самоопредѣленіе необходимо, ибо русскій человѣкъ, въ особенности русскій интеллигентъ, меньше всего задумывался надъ собою... Общечеловѣческіе идеалы, общечеловѣческія стремленія были для насъ гораздо важнѣе, чѣмъ собственное строительство... Наша ошибка была въ томъ, что до сихъ поръ мы сливали себя со всѣми другими національностями, замалчивали особенности, отдѣляющія русскихъ людей отъ другихъ національностей... Задача русской интеллигенціи—развивая свою національность, какъ національность государственную, стремиться не къ сліянію съ другими національностями, а къ признанію соглашенія съ ними".—„Я и всякій другой русскій"—говоритъ другой сотрудникъ „Слова",—„мы имѣемъ право на наше національное лицо... Въ тяжелыхъ испытаніяхъ послѣднихъ лѣтъ выростаетъ наше національное русское чувство; оно преобразилось, усложнилось и утончилось, но въ то же время возмужало и окрѣпло. Не пристало намъ хитрить съ нимъ и прятать наше лицо".

Таковы исходныя точки и основныя положенія нео-національзма. Они возбуждаютъ цѣлый рядъ недоразумѣній. Въ чемъ заключаются характерные признаки русскаго „національнаго лица"? Кто отрицалъ наше на него право—да и можно ли отрицать фактъ, данный извнѣ и независящій ни отъ чьей воли? Что мѣшало „самоопредѣленію" нерусскихъ національностей, входящихъ въ составъ населенія имперіи—это всякій изъ насъ хорошо знаетъ; но чѣмъ было стѣснено самоопредѣленіе русской (или, точнѣе, великорусской) національности, какъ таковой? Какимъ ограниченіямъ подвергалось распространеніе русскаго языка, русской литературы, русскаго искусства, русской школы, русской печати, вѣроученія, исповѣдуемаго большинствомъ русскихъ [1])? Совершенно понятно, что „дни свободы"—да и дни реакціи—должны были оживить въ угнетенныхъ національностяхъ стремленіе къ огражденію своей самостоятельности, къ обезпеченію свободнаго проявленія и развитія національныхъ особенностей, раньше находившихся точно подъ семью замками; но для возникновенія аналогичныхъ стремленій среди коренныхъ русскихъ не было ни повода, ни основанія. Для нихъ національный вопросъ сводился не къ тому, чтобы опредѣлить

[1]) Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь не объ ограниченіяхъ цензурныхъ, полицейскихъ и всякихъ другихъ, одинаковыхъ для всѣхъ жителей имперіи, а только о тѣхъ, которыя обусловливаются и мотивируются именно принадлежностью къ той или другой національности.

самихъ себя, а къ тому, чтобы установить разумное и справедливое отношеніе къ другимъ національностямъ. Не знаемъ, въ чемъ усмотрѣло „Слово" наклонность русскихъ *сливаться* съ другими національностями. Сліяніе предполагаетъ общность языка, нравовъ, культуры. О чемъ-то подобномъ мечтали наши оффиціальные „обрусители", когда преслѣдовали, напримѣръ, польскій языкъ въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ, нѣмецкій—въ прибалтійскомъ краѣ, когда изгоняли мѣстные языки изъ народныхъ школъ, когда налагали запретъ на украинскую литературу и на латинскій шрифтъ въ литовскихъ книгахъ, когда искореняли унію, затрудняли смѣшанные браки и требовали воспитанія рождающихся отъ нихъ дѣтей въ православной вѣрѣ. Не о такомъ сліяніи, конечно, говоритъ либеральная газета— а *уравненіе* національностей, котораго хотятъ всѣ дѣйствительно прогрессивныя партіи, достигается именно путемъ *соглашенія*, рекомендуемаго „Словомъ". Если когда-нибудь и гдѣ-нибудь соглашеніе само собою, постепенно и незамѣтно обратится въ сліяніе [1])—прекрасно; но искусственно, одновременно и повсемѣстно сліяніе совершиться не можетъ, и о немъ никто въ тѣхъ кругахъ, къ которымъ обращается „Слово", никогда не помышлялъ. Или, можетъ быть, подъ именемъ сліянія, къ которому, будто бы, расположена русская интеллигенція, разумѣется отреченіе отъ всего русскаго? Но въ чью же пользу? Съ кѣмъ предполагается слиться—съ поляками или нѣмцами, съ литовцами или латышами, съ финнами, съ татарами, съ евреями? Вѣдь отъ того, съ кѣмъ намѣчается сліяніе, зависитъ и выборъ пути, и способъ достиженія цѣли—а слиться заразъ съ столь различными элементами совершенно невозможно. Невозможно и отреченіе отъ собственнаго „лица", сложившагося вѣками, переходящаго по наслѣдству и неизбѣжно носимаго каждымъ изъ насъ отъ колыбели до могилы.

Общечеловѣческіе идеалы — говорятъ намъ — были для русскихъ гораздо важнѣе, чѣмъ собственное строительство. Допустимъ, что русскому міросозерцанію не всегда была чужда нѣкоторая расплывчатость; допустимъ, что надъ общимъ оно останавливалось больше, чѣмъ надъ частнымъ, надъ отдаленнымъ—больше, чѣмъ надъ близкимъ. Не объясняется ли это, однако, внѣшними условіями, при которыхъ легче было уноситься въ высь и въ даль, чѣмъ спускаться на землю, къ злобѣ дня и къ очереднымъ задачамъ? Давно ли для насъ открылась возможность, и то весьма ограниченная, принимать участіе въ „собственномъ строительствѣ"? И развѣ можно, развѣ должно отрѣшать это строительство отъ общечеловѣческихъ идеаловъ? Тяготѣніе

---

[1]) Мы имѣемъ здѣсь въ виду некультурныя національности, безъ всякаго давленія сверху принимающія, мало-по-малу, русскій обликъ.

къ идеаламъ — не болѣзнь, отъ которой должны излечиться русскіе интеллигенты, а скорѣе признакъ здоровья, которое желательно сохранить. Можно сомнѣваться въ томъ, такъ ли ужъ сильно развито въ насъ это свойство, какъ кажется „Слову“ — но нельзя видѣть въ немъ камень преткновенія на дорогѣ къ лучшему будущему. Не все равно, какія общія идеи будутъ внесены въ русское „строительство“, когда оно получитъ, наконецъ, прочную и широкую основу, когда „лѣса“ перестанутъ отвлекать вниманіе отъ постройки. Одна изъ идей, выдвигаемыхъ нео-націоналистами, можетъ повести тогда къ весьма опаснымъ выводамъ: это — идея „державности“ и „государственности“ русской національности. Вѣдь отъ проведенія демаркаціонной черты между національностями державною и недержавными очень недалеко до признанія за первою, вмѣстѣ съ особыми обязанностями и особою отвѣтственностью, и особыхъ правъ, ни съ кѣмъ ею не раздѣляемыхъ. Если „державность“ и „государственность“ — не пустыя слова, то за ними непремѣнно должно стоять привилегированное положеніе въ политической жизни. Если русская національная задача, будучи „государственною“, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и „творческая“, то за русской національностью, и только за нею, должна быть обезпечена активная роль въ великомъ и трудномъ дѣлѣ возведенія Россіи на степень правового государства. И какъ установить предѣлы „державной“ національности? Включать ли въ ея составъ малоруссовъ и бѣлоруссовъ? Вѣдь ихъ „національное лицо“ далеко не во всемъ схоже съ великорусскимъ, да и въ образованіи россійскаго государства они участвовали меньше, чѣмъ великоруссы. А между тѣмъ, если ограничить понятіе о русской національности одними великоруссами, то за нею не окажется даже численнаго большинства: по даннымъ переписи 1897-года въ составѣ ста-двадцатипятимилліоннаго населенія имперіи великоруссовъ числилось только $55^1/_2$ милліоновъ.

Меньше чѣмъ когда-либо постановка вопроса о „національномъ лицѣ“, въ томъ видѣ, въ какомъ это сдѣлано „Словомъ“, можетъ быть названа своевременною именно теперь. Мы присутствуемъ при настоящей оргіи националистическихъ поползновеній. Всякое соприкосновеніе съ ними, хотя бы только кажущееся, можетъ быть истолковано какъ признаніе, въ той или другой степени, ихъ правоты—и соотвѣтственно использовано исконными проповѣдниками лже-патріотизма. Предостереженіемъ для нео-націоналистовъ должно послужить, съ этой точки зрѣнія, одобреніе, встрѣчаемое нѣкоторыми ихъ взглядами въ „Новомъ Времени“ и въ право-октябристской печати. Прибавимъ къ этому два указанія, съ достаточною силой подтверждающія нашу мысль. Положеніемъ о выборахъ въ Государственную Думу,

изданнымъ 3-го іюня 1907-го года, значительно уменьшено представительство Царства Польскаго, Кавказа, Закавказья, Сибири—и вовсе оставлены безъ представительства восемь областей Азіатской Россіи. Мотивирована эта существенно-важная перемѣна тѣмъ, что „созданная для укрѣпленія государства россійскаго Государственная Дума должна быть русскою и по духу; иныя народности, входящія въ составъ россійской державы, должны имѣть въ Государственной Думѣ представителей нуждъ своихъ, но не должны являться въ числѣ, дающемъ имъ возможность быть вершителями вопросовъ чисто-русскихъ". Неужели не ясно, что проповѣдь „державности", „государственности" и „творческой способности" русской національности приходится какъ нельзя болѣе на руку защитникамъ системы, исключающей всякую мысль о равноправности національностей, о регулируемомъ одинаковыми началами участіи ихъ въ русскомъ государственномъ строительствѣ? А пресловутый проектъ, клонящійся къ измѣненію порядка избранія членовъ Государственнаго Совѣта отъ западныхъ губерній? Развѣ составители его не руководствуются идеей „державности" русской національности? Конечно, они понимаютъ ее совсѣмъ не такъ, какъ новые ея сторонники; но при тѣхъ условіяхъ, которыя мы переживаемъ, необходимо остерегаться даже кажущихся совпаденій съ видами и пожеланіями враждебнаго лагеря. Повторяемъ еще разъ: лично къ нео-націоналистамъ мы относимся съ полнымъ уваженіемъ, но ихъ доктрину считаемъ безусловно невѣрной, а выступленіе съ нею въ настоящую минуту—большою тактическою ошибкой.

Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, прошло уже около мѣсяца со времени разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ проекта штатовъ морского генеральнаго штаба—а окончательная его судьба все еще неизвѣстна, и все еще не получилъ разрѣшенія вызванный имъ кризисъ. Сколько ни старались ораторы меньшинства въ Государственномъ Совѣтѣ доказать важность спорнаго вопроса, для всѣхъ было и продолжаетъ быть яснымъ, что не въ немъ самомъ лежитъ ключъ къ пониманію созданнаго имъ положенія. Уже a priori трудно допустить, чтобы проектъ, дважды внесенный въ законодательныя учрежденія кабинетомъ П. А. Столыпина, безъ всякихъ колебаній дважды одобренный *третьею* Государственною Думою и, въ концѣ концовъ, принятый большинствомъ Государственнаго Совѣта, могъ быть направленъ къ обходу или нарушенію основныхъ законовъ, въ ущербъ прерогативамъ верховной власти. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣніе меньшинства лишено серьозныхъ основаній. Главный представитель меньшинства, гр. Витте, всецѣло построилъ свою

аргументацію на ст. 14-ой основн. законовъ, редакцію которой онъ вмѣняетъ себѣ въ особенную заслугу. Истинная мысль законодателя—въ томъ видѣ, въ какомъ она выражена въ текстѣ закона, а не въ томъ, какой даютъ ей воспоминанія его составителей—можетъ быть раскрыта только сопоставленіемъ всѣхъ узаконеній, относящихся къ данному предмету. Ст. 14-ая можетъ быть правильно понята только въ связи съ ст. 96-ою. Значеніе послѣдней гр. Витте старался уменьшить ссылкою на то, что она помѣщена въ главѣ девятой, *о законахъ*, тогда какъ ст. 14-ая входитъ въ составъ главы первой, *о существѣ верховной самодержавной власти*. Мы думаемъ, на оборотъ, что именно мѣсто, занимаемое ст. 96-ою въ системѣ основныхъ законовъ, даетъ ей особенную важность, когда идетъ рѣчь о *направленіи* законопроекта. Именно въ главѣ о законахъ слѣдуетъ искать руководящихъ указаній на сферу дѣйствій общаго законодательнаго порядка и на предѣлы допущенныхъ изъ него изъятій. Гдѣ, напримѣръ, опредѣлена точнѣе самая организація законодательной власти: въ статьѣ 7-ой главы первой („Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою") или въ статьѣ 86-ой главы девятой („Никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора")? Очевидно — въ послѣдней изъ этихъ двухъ статей. То же самое слѣдуетъ сказать и о взаимномъ отношеніи ст. 14-ой и 96-ой.

Что же гласитъ статья 96-ая? „Постановленія по строевой, технической и хозяйственной частямъ, а равно положенія и наказы учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ военнаго и военно-морского вѣдомствъ, по разсмотрѣніи Военнымъ и Адмиралтействъ-Совѣтомъ по принадлежности, непосредственно представляются Государю Императору, если только сіи постановленія, положенія и наказы относятся собственно къ однимъ упомянутымъ вѣдомствамъ, не касаются предметовъ общихъ законовъ и *не вызываютъ новаго расхода изъ казны* или вызываемый ими *расходъ покрывается ожидаемыми сбереженіями по финансовой смѣтѣ военнаго или морского министерства*. Въ томъ же случаѣ, когда новый расходъ не можетъ быть покрытъ указанными сбереженіями, представленіе постановленій, положеній и наказовъ на Высочайшее утвержденіе *допускается лишь* по испрошеніи въ установленномъ порядкѣ ассигнованія соотвѣтственнаго кредита". Въ настоящемъ случаѣ учрежденіе морского генеральнаго штаба требовало новаго расхода изъ казны, и притомъ расхода не единовременнаго, а постояннаго, ежегоднаго, о покрытіи котораго изъ *ожидаемыхъ сбереженій*—и сбереженій, притомъ, именно по смѣтѣ морского

министерства,—не могло, слѣдовательно, быть и рѣчи. Въ какомъ же порядкѣ должно было быть испрошено „ассигнованіе соотвѣтственнаго кредита“? Очевидно— въ общемъ законодательномъ порядкѣ: постоянный кредитъ на содержаніе новаго учрежденія обусловливается его *штатомъ*, а штаты должны проходить черезъ тѣ же инстанціи, какъ и законы (Учр. Госуд. Думы ст. 31 пун. 1).

Выводъ, столь несомнѣнно вытекающій какъ изъ буквы, такъ и изъ смысла ст. 96-ой, нимало не опровергается и не ослабляется статьею 14-ою основныхъ законовъ. Самое мѣсто, которое эта статья занимаетъ въ главѣ первой, показываетъ, что она имѣетъ въ виду область верховнаго управленія, а не область законодательства, въ составъ которой входитъ установленіе штатовъ. Въ той ея части, которая, какъ видно изъ рѣчи графа Витте, прибавлена къ первоначальному тексту именно въ видахъ расширенія прерогативъ верховной власти, мы читаемъ слѣдующее: „Онъ (Государь Императоръ) опредѣляетъ устройство арміи и флота и издаетъ указы и повелѣнія относительно дислокаціи войскъ, приведенія ихъ на военное положеніе, обученія ихъ, прохожденія службы чинами арміи и флота и всего вообще относящагося до устройства вооруженныхъ силъ и обороны россійскаго государства“. Все это—акты управленія, а не законодательства, и притомъ акты, относящіеся къ войску и флоту, а не къ министерствамъ военному и морскому. Подъ именемъ *устройства* нельзя понимать *организацію* вновь создаваемыхъ *учрежденій*, прямо предусмотрѣнную въ ст. 96-ой. Графъ Витте подчеркиваетъ упоминаніе въ ст. 14-ой объ *указахъ*, называя ихъ такими актами Высочайшей воли, „которые по нашей терминологіи приближаются и часто отождествляются съ понятіемъ закона“. Это совершенно невѣрно: даже при старомъ порядкѣ лучшіе наши юристы-государствовѣды проводили рѣзкое различіе между указомъ и закономъ (покойный профессоръ Н. М. Коркуновъ посвятилъ этой темѣ цѣлую книгу)—а при дѣйствіи новаго режима о смѣшеніи ихъ не можетъ быть и рѣчи. Понятіе о законѣ опредѣлено совершенно точно въ ст. 7, 8, 9, 84, 86, 88 и 92 основныхъ законовъ. Указы, на основаніи ст. 11-ой, должны быть издаваемы *въ соотвѣтствіи съ законами*, отъ которыхъ они, такимъ образомъ, отдѣлены рѣзкою демаркаціонною чертою. Никакого изъятія для указовъ, издаваемыхъ на основаніи ст. 14-ой, не сдѣлано: какъ и всѣ остальные, они должны быть строго согласованы съ законами.—Не считается съ перемѣной, происшедшей въ нашемъ государственномъ строѣ, и П. Н. Дурново, когда утверждаетъ, что „общій законъ 1906-го года — т.-е. ст. 31-ая учрежденія Госуд. Думы, — не можетъ отмѣнять силы позднѣйшихъ спеціальныхъ военныхъ и морскихъ постановленій, изданныхъ въ 1907 г.“ (эти постановленія, по мнѣнію

г. Дурново, предрѣшаютъ вопросъ о штатахъ морского генеральнаго штаба въ смыслѣ, благопріятномъ для меньшинства). Слѣдовало бы сказать, на оборотъ, что спеціальными постановленіями 1907 г. не могъ быть ни отмѣненъ, ни измѣненъ общій законъ 1906-го года. За силою ст. 94-ой осн. зак, „законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ только силою закона; поэтому, доколѣ новымъ закономъ *положительно* не отмѣненъ законъ существующій, онъ сохраняетъ полную свою силу" [1]).

Первостепенную важность графъ Витте придавалъ, по видимому, ссылкѣ на японскую конституцію, по которой расходы, вызываемые осуществленіемъ полномочій императора (весьма широкихъ, „почти безграничныхъ" именно въ военной сферѣ), не могутъ быть ни отмѣняемы, ни уменьшаемы парламентомъ безъ согласія правительства. Но что же слѣдуетъ вывести изъ того, что въ нашихъ основныхъ законахъ нѣтъ соотвѣтствующаго постановленія? Очевидно — нѣчто прямо противоположное мнѣнію графа Витте. Разъ что расходъ на содержаніе морского генеральнаго штаба требуетъ у насъ утвержденія въ законодательномъ порядкѣ, нѣтъ никакой причины настаивать на проведеніи штатовъ помимо законодательныхъ учрежденій, отъ которыхъ, въ послѣднемъ счетѣ, все-таки должно зависѣть ихъ осуществленіе. Безъ ассигновки достаточныхъ средствъ не можетъ быть призвано къ жизни никакое новое учрежденіе—а что ассигновка на содержаніе генеральнаго штаба должна пройти черезъ обѣ палаты, этого не оспаривали и ораторы меньшинства въ Государственномъ Совѣтѣ. Изъ-за чего же весь шумъ, поднятый около даннаго вопроса?

На это даютъ отвѣтъ какъ нѣкоторые детали преній, такъ, въ особенности, и послѣдующія событія. Дважды направляя проектъ штатовъ морского генеральнаго штаба въ законодательномъ порядкѣ, оставаясь на однажды избранной дорогѣ не смотря на осужденіе ея первымъ рѣшеніемъ Государственнаго Совѣта, кабинетъ П. А. Столыпина призналъ, тѣмъ самымъ, что такой способъ проведенія штатовъ отвѣчаетъ требованіямъ закона. Странное впечатлѣніе производятъ, поэтому, объясненія, данныя, въ засѣданіи 19-го марта, временнымъ замѣстителемъ перваго министра, В. Н. Коковцовымъ. Убѣжденности въ нихъ не чувствуется; образъ дѣйствій кабинета оправдывается не ссылкою на законъ, а оппортунистическими соображеніями, въ родѣ необходимости достигнуть какъ можно скорѣе утвержденія штатовъ,—неудобства рѣ-

---

[1]) Въ напечатанной выше статьѣ В. А. Маклакова показано съ полною ясностью, что въ настоящее время не имѣетъ больше никакой силы постановленіе ст. 70-ой прежнихъ основныхъ законовъ, гласившее такъ: „Высочайшій указъ, по частному дѣлу послѣдовавшій, или особенно на какой-либо родъ дѣлъ состоявшійся, по сему именно дѣлу или роду дѣлъ отмѣняетъ дѣйствіе законовъ общихъ".

шать общій вопросъ какъ бы мимоходомъ, при разсмотрѣніи частнаго случая,—невозможности покрыть расходъ на содержаніе морского генеральнаго штаба изъ запасного десятимилліоннаго фонда. Г. министръ финансовъ упустилъ изъ виду, что толкованіе закона почти всегда пріурочивается къ отдѣльному случаю, обнаруживающему его—мнимую или дѣйствительную—неясность. Онъ упустилъ изъ виду, что способъ временного пополненія расходовъ, вызываемыхъ новыми постановленіями по военному или военно-морскому вѣдомству, прямо предусмотрѣнъ ст. 96-ою осн. зак.: они могутъ быть покрываемы только изъ *сбереженій по смѣтѣ того же вѣдомства*, а отнюдь не изъ какихъ-либо другихъ рессурсовъ государственнаго казначейства. Едва ли, наконецъ, опасность промедленія, въ данномъ случаѣ, была такъ велика, чтобы изъ-за нея можно было не обращать вниманія на правильность или неправильность направленія, полученнаго вопросомъ. Слишкомъ много труда В. Н. Коковцовъ посвятилъ выясненію политической благонадежности кабинета, въ которой едва ли серьозно сомнѣвались самые ярые его противники. Въ приподнятомъ тонѣ нападеній, которымъ подверглось министерство, слышалось не столько осужденіе образа дѣйствій, котораго оно держалось въ вопросѣ о штатахъ морского генеральнаго штаба, сколько желаніе поколебать положеніе кабинета—или, по меньшей мѣрѣ, положеніе его главы, связавшаго, по слухамъ, свою судьбу съ судьбою злополучнаго проекта. Отсюда указанія П. Н. Дурново на „опасные прецеденты", которые можетъ создать хотя бы „малозначительное вмѣшательство" законодательныхъ учрежденій въ область военнаго управленія—вмѣшательство, „опутывающее" армію „чуждыми ей гражданскими возрѣніями"; отсюда, въ рѣчи гр. Витте, диѳирамбъ въ честь „исколесившей почти всю Европу императорской арміи", которой принятіе законопроекта грозитъ, будто бы, превращеніемъ въ армію „случайностей и дилеттантизма" (!). Еще откровеннѣе раскрыты карты въ бѣшеныхъ выходкахъ реакціонной печати, поднявшей вопль о „государственномъ скандалѣ" (см. „Новое Время" № 11865), о хитрой интригѣ кадетовъ (въ ряды которыхъ оказался зачисленнымъ Н. С. Таганцевъ!), о „лѣвыхъ приключеніяхъ" правительства.

Большинство Государственнаго Совѣта оказалось на этотъ разъ, какъ извѣстно, на сторонѣ министерства; но продолженію похода, предпринятаго крайними правыми, это не помѣшало. Напротивъ того, онъ возобновился, по видимому, съ еще бо̀льшею силой. Газеты наполнялись сообщеніями о предстоящихъ перемѣнахъ—сообщеніями сбивчивыми, часто противорѣчивыми, но напоминающими поговорку: нѣтъ дыма безъ огня. Появлялись удивительныя вѣсти, приписывавшія крайнимъ реакціонерамъ вовсе не реакціонныя намѣренія. Довѣрія эти

вѣсти не внушали—и тѣмъ не менѣе мало кого пугала мысль о возможномъ, близкомъ паденіи министерства. Съ перваго взгляда это можетъ показаться крайне страннымъ. Слишкомъ хорошо извѣстно, чего можно ожидать отъ вѣроятныхъ преемниковъ П. А. Столыпина. Одни изъ нихъ навсегда связали свое имя съ мрачной эпохой, предшествовавшей освободительному движенію; другіе доказали свою неспособность и до, и послѣ перелома въ русской государственной жизни; третьихъ, менѣе извѣстныхъ, энергично выдвигаютъ на первый планъ наиболѣе темныя общественныя силы. Кто бы изъ нихъ ни достигъ власти, неизбѣжнымъ станетъ поворотъ назадъ, о которомъ они всѣ одинаково мечтаютъ. Чѣмъ же объяснить равнодушіе, съ которымъ значительная часть общества и печати относится къ такой перспективѣ? Тѣмъ, во-первыхъ, что многимъ хуже, чѣмъ теперь, не будетъ и при какомъ угодно правомъ министерствѣ; тѣмъ, во-вторыхъ, что продолжительною реакція, кто бы ее ни руководилъ, едва ли будетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, можно ли представить себѣ бо́льшее пренебреженіе къ закону, къ свободѣ, къ праву, чѣмъ то, которое продолжается, ничуть не ослабѣвая, уже около трехъ лѣтъ? Можно ли увеличить еще больше число казнимыхъ, ссылаемыхъ, лишаемыхъ свободы? Можно ли еще рѣшительнѣе свести на нѣтъ свободу собраній, пойти еще дальше въ ограниченіи свободы печати, въ установленіи неравенства между партіями? Многія ли изъ пожеланій, выражаемыхъ численно ничтожнымъ, но вліятельнымъ меньшинствомъ въ ущербъ огромному большинству, остаются неисполненными? Много ли сдѣлано для поднятія правового и экономическаго уровня народной массы? Положенъ ли предѣлъ недоразумѣніямъ, вольнымъ и невольнымъ, затемняющимъ истинный смыслъ манифеста 17-го октября? Признано ли, прямо и открыто, значеніе перемѣны, происшедшей въ русскомъ государственномъ строѣ? Имѣется ли въ виду возвращеніе къ избирательному закону, дѣйствовавшему до 3-го іюня 1907-го года, или вообще переходъ къ другой, болѣе нормальной избирательной системѣ? Предвидится ли отмѣна исключительныхъ положеній, какъ обычнаго, широко примѣняемаго способа управленія? Близокъ ли конецъ чрезвычайныхъ полномочій, облекающихъ мѣстную администрацію законодательною властью, правомъ суда и даже правомъ помилованія?.. Отвѣтъ на всѣ эти вопросы не вызываетъ никакихъ сомнѣній. А между тѣмъ, необходимость иной, противоположной правительственной системы теперь еще настоятельнѣе, еще очевиднѣе, чѣмъ пять лѣтъ тому назадъ. Все то, что тогда привело Россію на край гибели, по прежнему или больше прежняго грозитъ ей и теперь. Вступленіе на новый путь можетъ быть задержано, затруднено, но предотвращено быть не можетъ. Реакція можетъ продолжаться еще

нѣсколько времени, можетъ даже обостриться, но не можетъ предупредить возобновленіе движенія. Увѣренность въ этомъ, сознательная или инстинктивная—вотъ разгадка спокойствія, съ которымъ широкіе круги русскаго общества ожидаютъ окончанія министерскаго кризиса. Пугаетъ онъ только тѣхъ, кто связалъ свою судьбу съ судьбою кабинета П. А. Столыпина; радостную надежду онъ возбуждаетъ только въ тѣхъ, кто видитъ въ торжествѣ крайнихъ правыхъ залогъ великихъ и богатыхъ милостей для „истинно-русскихъ" людей и „истинно-русскихъ" организацій.

Доказательствами только-что высказаннаго нами взгляда русская современная дѣйствительность весьма богата. Въ апрѣльской общественной хроникѣ нашего журнала отмѣченъ отказъ въ легализаціи „лиги борьбы противъ смертной казни". Теперь въ газетахъ оглашены какъ оффиціальные мотивы отказа, такъ и содержаніе жалобы, принесенной учредителями лиги въ Правительствующій Сенатъ. Въ регистраціи лиги с.-петербургскимъ особымъ городскимъ присутствіемъ отказано въ виду ст. 6 разд. 1-го временныхъ правилъ 4-го марта 1906-го года, такъ какъ „смертная казнь является установленіемъ, основаннымъ на дѣйствующемъ законодательствѣ, организаціи же, избравшія цѣлью своей дѣятельности борьбу противъ существующихъ законныхъ установленій, какимъ бы путемъ она ни осуществлялась, не могутъ не быть признаны угрожающими общественному спокойствію и безопасности, а цѣль ихъ — противозаконною". Въ жалобѣ учредителей лиги указывается на статью вторую проекта устава лиги, по которой дѣятельность ея сводится къ собранію данныхъ по вопросу о примѣненіи смертной казни и о вліяніи ея на развитіе преступности и на общественные нравы, къ изданію книгъ, брошюръ и журналовъ, посвященныхъ задачамъ лиги, и къ обсужденію докладовъ и сообщеній, связанныхъ съ этими задачами. Все это—различныя формы идейной пропаганды, не имѣющія ничего общаго съ оспариваніемъ силы дѣйствующаго закона, съ призывомъ къ неподчиненію или сопротивленію ему. Еслибы можно было признать, что распространеніе идеи о необходимости законодательной реформы опасно и противозаконно, то утрачивалось бы всякое подобіе свободы слова, терялась бы возможность легальнаго существованія политическихъ партій, изъ которыхъ каждая ставитъ себѣ извѣстныя задачи въ области законодательства и стремится къ ихъ достиженію.

Къ этимъ неопровержимымъ соображеніямъ можно прибавить только

[1]) Вотъ текстъ этой статьи: „воспрещаются общества преслѣдующія цѣли, противныя общественной нравственности или воспрещенныя уголовнымъ закономъ, или же угрожающія общественнымъ спокойствію и безопасности".

весьма немногое. Отрицая легальную возможность борьбы противъ существующихъ законныхъ установленій, какимъ бы путемъ она ни осуществлялась, особое присутствіе возвращается къ точкѣ зрѣнія, почти полвѣка тому назадъ оставленной нашимъ законодательствомъ. Въ указъ 6-го апрѣля 1865-го года, впервые давшій русской печати нѣкоторое подобіе свободы, было включено слѣдующее постановленіе, вошедшее, затѣмъ, въ составъ примѣчанія къ ст. 1035 уложенія о наказаніяхъ: „не вмѣняется въ преступленіе и не подвергается наказаніямъ обсужденіе отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій оскорбительныхъ для установленныхъ властей“. Здѣсь совершенно точно намѣчены тѣ условія, при которыхъ законна критика дѣйствующихъ узаконеній—критика, безспорно представляющая собою видъ борьбы противъ дѣйствующаго закона. Постоянно возвращаясь къ указанію недостатковъ закона, иллюстрируя ихъ примѣрами, подтверждая ихъ научными, философскими, моральными доводами, печать несомнѣнно стремится къ отмѣнѣ закона, несомнѣнно подрываетъ его нравственную силу, возстановляетъ противъ него общественное мнѣніе. И вотъ, такая борьба, оффиціально, въ эпоху господства стараго режима, объявленная ненаказуемой и допустимой, признается теперь опасной и противозаконной! Это ли—не скачокъ назадъ, это ли—не признакъ настроенія, немыслимаго въ истинно-правовомъ государствѣ? Чтобы быть послѣдовательнымъ, присутствіе должно было бы обратиться къ своему предсѣдателю—градоначальнику—съ просьбою запретить, въ силу принадлежащей ему при чрезвычайной охранѣ власти, всѣ газеты и журналы, возстающіе противъ смертной казни и доказывающіе необходимость совершенной ея отмѣны — т.-е. всѣ органы печати, кромѣ немногихъ, готовыхъ вернуться и вернуть Россію не только къ началу шестидесятыхъ годовъ, но и гораздо дальше, къ концу XVIII-го вѣка.

Въ защиту опредѣленія с.-петербургскаго особаго присутствія выступила „Россія“. Она ссылается на примѣръ Франціи, чтобы доказать, что не у насъ однихъ ограничена свобода образованія обществъ и союзовъ. Французскій законъ 1901-го года признаетъ недозволенными ассоціаціи, цѣлью которыхъ является дѣятельность, направленная противъ цѣлости государственной территоріи и противъ республиканской формы правленія. Логическій выводъ отсюда можетъ быть сдѣланъ только одинъ, прямо противоположный тому, къ которому приходитъ присяжный защитникъ всего носящаго оффиціальный штемпель. Развѣ можно сравнивать агитацію противъ одной изъ многихъ карательныхъ мѣръ, которыми располагаетъ власть—противъ мѣры, безъ ко-

торой благополучно живутъ многія страны, безъ которой, фактически, въ теченіе долгихъ періодовъ времени обходилась и Россія, — съ борьбою противъ такихъ основъ государственной жизни, какъ цѣлость территоріи и неприкосновенность образа правленія? Мы вовсе не расположены защищать законъ, направленный противъ *мирныхъ*, легальныхъ формъ такой борьбы; но мы не удивляемся тому, что во Франціи, столь часто переживавшей крутые перевороты, законодательство грѣшитъ нѣкоторымъ избыткомъ осторожности. Другое дѣло—отстаиванье смертной казни: это уже не превышеніе необходимой обороны, а оборона, въ которой нѣтъ и тѣни необходимости... Другой аргументъ „Россіи“ заключается въ томъ, что идейная борьба противъ закона, безвредная и, слѣдовательно, допустимая, пока она ведется однимъ лицомъ, становится опасной, когда за нее берется организованное общество. Но вѣдь и помимо составившагося ad hoc общества, въ борьбѣ можетъ принять участіе множество лицъ, дѣйствующихъ по взаимному согласію и по обдуманному плану. Существованіе общества только облегчаетъ такую дѣятельность, и если въ самомъ ея характерѣ нѣтъ ничего угрожающаго общественному спокойствію, то опасной, вслѣдствіе одной только легализаціи факта, она сдѣлаться не можетъ.

Читая опредѣленіе особаго присутствія, мы невольно перенеслись мыслью въ другія, болѣе счастливыя страны. Мы вспомнили о знаменитой Кобденовской лигѣ (Anti-Corn-Law League), задавшейся цѣлью поколебать твердыню англійскихъ хлѣбныхъ законовъ и въ теченіе немногихъ лѣтъ склонившей на свою сторону общественное мнѣніе, министерство и большинство палаты общинъ, за которою поневолѣ послѣдовала и верхняя палата. Противниковъ у нея было много, и очень сильныхъ; волненія ея агитація возбуждала въ широкихъ народныхъ сферахъ, но никому не приходило въ голову дѣйствовать противъ нея запретительными и репрессивными мѣрами. Послѣдствія показали, что на ея сторонѣ была справедливость, былъ правильно понятый интересъ государства. Даже въ Германіи начала шестидесятыхъ годовъ, только-что начинавшей оправляться послѣ продолжительной реакціи, въ Германіи, гдѣ господствовалъ или стремился къ господству псевдо-конституціонализмъ, могъ образоваться и безпрепятственно дѣйствовать Національный Союзъ (Nationalverein), открыто стремившійся къ объединенію всей страны, т.-е. къ глубокимъ перемѣнамъ въ устройствѣ каждаго отдѣльнаго германскаго государства. Во Франціи, въ худшія времена реставраціи, сложилась, не встрѣчая прямого противодѣйствія со стороны власти, ассоціація: „Aide-toi, le ciel t'aidera“, имѣвшая цѣлью подготовить избирательную побѣду оппозиціи надъ министерствомъ Виллеля. А въ Россіи, при формальномъ

существованіи конституціоннаго строя, не можетъ получить права на существованіе лига, стремящаяся только къ уничтоженію, легальнымъ путемъ, одного звена въ длинной цѣпи уголовныхъ каръ—къ отмѣнѣ смертной казни, осужденной у насъ въ принципѣ еще полтора вѣка тому назадъ и въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій почти не примѣнявшейся на практикѣ! Что̀ опаснаго для общественнаго спокойствія и порядка могло бы представить внесеніе нѣкоторой системы въ борьбу, которая безъ того ведется въ думскихъ рѣчахъ, въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, въ частныхъ бесѣдахъ, безпрестанно возобновляясь, потому что жизнь безпрестанно даетъ новые для нея поводы? Менѣе чѣмъ когда-либо отказъ въ регистраціи лиги борьбы противъ смертной казни цѣлесообразенъ именно теперь, когда оправданіе Кузнецова, раньше приговореннаго къ смертной казни на основаніи ложныхъ свидѣтельскихъ показаній, обнаружило съ полною ясностью всю опасность непоправимыхъ судебныхъ ошибокъ [1]). Со всѣхъ сторонъ стекаются по истинѣ ужасающія свѣдѣнія о порядкѣ исполненія смертныхъ казней, о потрясающемъ впечатлѣніи, производимомъ не только самою процедурою повѣшенія, но и всѣмъ предшествующимъ ей. Припомнимъ письмо бывшаго депутата Ломтадидзе, ставшее недавно предметомъ запроса въ Государственной Думѣ—запроса, къ которому съ такимъ изумительнымъ равнодушіемъ отнеслось, согласно призыву одного изъ октябристовъ (г. Шубинскаго), большинство депутатовъ. Припомнимъ письмо изъ Новочеркасска, недавно появившееся въ „Рѣчи“ (№ 87). Вѣшали, по словамъ корреспондента, „за городомъ, въ два часа ночи; привозили осужденныхъ полузамерзшими, вѣшали по нѣскольку человѣкъ заразъ (всего въ зимніе мѣсяцы было повѣшено въ Новочеркасскѣ двадцать человѣкъ). Зима была очень суровая; поэтому былъ случай, что не успѣли къ прибытію осужденныхъ вырыть ямы, и при нихъ рыли съ часъ, а то и

---

[1]) О первыхъ фазисахъ дѣла Кузнецова мы говорили подробно въ январьскомъ внутреннемъ обозрѣніи. Онъ былъ присужденъ московскимъ военно-окружнымъ судомъ къ повѣшенію по обвиненію въ ограбленіи винной лавки и въ убійствѣ городового. Генералъ-губернаторъ замѣнилъ казнь безсрочной каторгой. Защитнику Кузнецова, присяжному повѣренному Николаеву, удалось настоять на возбужденіи уголовнаго преслѣдованія противъ двухъ свидѣтелей, показанія которыхъ привели къ осужденію Кузнецова. Они были преданы суду и признаны виновными въ лжесвидѣтельствѣ. Дѣло Кузнецова, вслѣдствіе этого, было возобновлено, и при новомъ производствѣ Кузнецовъ военнымъ судомъ оправданъ. Вопіющій актъ неправосудія не осуществился только благодаря ряду счастливыхъ обстоятельствъ—замѣнѣ висѣлицы каторгою, необыкновенной энергіи защитника, чуткости прокуратуры, не отказавшей въ возбужденіи преслѣдованія противъ лжесвидѣтелей. А гдѣ ручательство въ томъ, что нѣтъ ошибокъ, остающихся нераскрытыми—или раскрываемыхъ слишкомъ поздно?

дольше... При повѣшеніи палачъ затягивалъ петлю на шеѣ осужденнаго, а рабочіе на блокѣ приподнимали его вверхъ; потомъ приступали къ слѣдующимъ ожидавшимъ очереди. При этомъ палачъ покрикивалъ:—Не бойсь, чего боишься? Кто первый?..—Когда вѣшали больше двоихъ заразъ, то казненные падали не въ яму, а сбоку ямы. Палачъ, бывшій лѣтомъ, сталкивалъ трупъ въ яму руками, а палачъ, бывшій зимой—ногою"... Въ той же корреспонденціи приведены трогательныя письма одного изъ казненныхъ, восемнадцатилѣтняго юноши, обвиненнаго въ покушеніи на убійство—письма, полныя самаго искренняго раскаянія, самыхъ добрыхъ чувствъ. Трудно понять, какимъ образомъ они могли не подѣйствовать на тѣхъ, отъ кого зависѣла участь осужденнаго. Или, можетъ быть, они были прочитаны только тюремнымъ начальствомъ, прочитаны только во исполненіе формальнаго долга? Написаны письма были 18-го декабря—а дошли по назначенію къ роднымъ казненнаго, живущимъ въ 100 верстахъ отъ Новочеркасска, лишь 5-го января, черезъ недѣлю послѣ казни, состоявшейся 29-го декабря... Ужасающіе факты приведены въ статьѣ: „Смертная казнь въ Царствѣ Польскомъ", напечатанной въ № 15 „Права". Присуждаются къ смерти отроки отъ 15 до 17 лѣтъ; сплошь и рядомъ подвергаются казни лица, не достигшія совершеннолѣтія; смягченіемъ наказанія совершившіе уголовныя преступленія пользуются чаще, чѣмъ политическіе преступники. Въ Лодзи, напримѣръ, гдѣ исполненіе или неисполненіе смертной казни зависѣло отъ мѣстнаго генералъ-губернатора, изъ 18 смертныхъ приговоровъ, произнесенныхъ по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ, смягченъ только *одинъ*, а изъ 49 смертныхъ приговоровъ надъ уголовными преступниками смягчено *двѣнадцать*... Тамъ же казнены братья Бартосяки, alibi которыхъ было доказано одиннадцатью свидѣтелями, спрошенными подъ присягой, и за которыхъ усиленно ходатайствовало католическое духовенство... Число смертныхъ приговоровъ, приводимыхъ въ исполненіе, такъ велико, что только на немногіе изъ нихъ удается обратить общественное вниманіе. Одною изъ важнѣйшихъ задачъ лиги было бы возможно полное освѣщеніе возможно бóльшаго числа дѣлъ, по которымъ постановлены или могутъ быть постановлены такіе приговоры. Можно сказать, не рискуя ошибкой, что свѣдѣнія, собранныя этимъ путемъ, не только сохранили бы жизнь многимъ обвиняемымъ или осужденнымъ, но сдѣлали бы невозможной или безнадежной дальнѣйшую защиту смертной казни.

Менѣе крупны по своему значенію, но не менѣе характерны такіе факты, какъ сенатское „разъясненіе" вопроса о консультаціяхъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, исходъ дѣла о газетѣ

„Полтавщина“, закрытіе съѣзда фабричныхъ врачей и многіе другіе. Въ самомъ дѣлѣ, не знаменательно ли, что послѣ почти сорокалѣтней практики, ни съ чьей стороны, даже въ худшія времена русской жизни, не встрѣчавшей никакихъ препятствій, постоянно разроставшейся и приносившей массу пользы населенію, внезапно понадобилось усомниться въ правѣ совѣтовъ и судовъ устраивать консультаціи— и перенести этотъ вопросъ на разсмотрѣніе Сената? Консультаціи, съ ихъ постоянно мѣняющимся составомъ, съ ихъ зависимостью отъ сословныхъ или судебныхъ учрежденій, не могли, очевидно, быть подведены подъ общее понятіе объ обществахъ и союзахъ. Не подвелъ ихъ подъ него, судя по газетнымъ сообщеніямъ, и Сенатъ (хотя поводомъ—или предлогомъ—къ возбужденію вопроса и послужило изданіе временныхъ правилъ 4-го марта 1906-го года); онъ призналъ необходимымъ регулированіе ихъ особымъ закономъ. Законодательная дѣятельность у насъ, какъ извѣстно, не отличается быстротою. Что же дѣлать въ ожиданіи новаго закона? Чѣмъ замѣнить консультаціи, столь неожиданно потерявшія право на существованіе? Объ этомъ, повидимому, не думаетъ никто изъ поклонниковъ формы—мертвой, бездушной формы. Или, можетъ быть, консультаціи кому-то или чему-то мѣшали, помогая, напримѣръ, избирателямъ въ пониманіи избирательныхъ законовъ?.. Отчего бы не „разъяснить“, заодно, юридическое положеніе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, т.-е. уничтожить все то, что сдѣлано въ этомъ отношеніи совѣтами? Вѣдь „особаго закона“ о помощникахъ—кромѣ нѣсколькихъ словъ, устанавляющихъ продолжительность ихъ стажа,—до сихъ поръ нѣтъ, и слѣдовательно, все сколько-нибудь опредѣляющее ихъ права и обязанности можетъ быть зачеркнуто однимъ почеркомъ того пера, которое положило конецъ существованію консультацій.

До Сената доходило и дѣло о прекращеніи „Полтавщины“ (по иску бывшаго издателя газеты къ бывшему полтавскому губернатору)—прекращеніи, достигнутомъ путемъ закрытія типографіи, гдѣ печаталась газета. Обычная судьба гражданскихъ исковъ, предъявляемыхъ къ должностнымъ лицамъ, слишкомъ хорошо извѣстна; отказъ истцамъ является здѣсь правиломъ, почти не допускающимъ исключеній. Но въ дѣлѣ „Полтавщины“ была одна особенность, рельефно выставленная въ статьѣ В. Г. Короленка („Русскія Вѣдомости“, № 83): однимъ изъ мотивовъ къ прекращенію газеты было выставлено то, что судъ *двадцать четыре раза* признавалъ неосновательными обвиненія, возбужденныя противъ нея администраціею. В. Г. Короленко предполагалъ, что это осложнитъ задачу Сената. Не знаемъ, оправдалось ли это предположеніе—но въ концѣ концовъ результатъ

получился такой же, какъ обыкновенно: рѣшеніе первой инстанціи объ отказѣ въ искѣ утверждено общимъ собраніемъ Сената.

Московскій съѣздъ фабричныхъ врачей прекратилъ свои занятія, не дождавшись ихъ нормальнаго конца, потому что ораторамъ слишкомъ часто не давалъ говорить представитель полиціи. Можно было думать, что съѣздъ происходитъ не въ 1909-мъ году, а въ началѣ 1904-го, когда надъ собраніями, даже самыми спеціальными по своему предмету, тяготѣла рука В. К. Плеве. Разница заключается только въ томъ, что тогда, среди всеобщаго молчанія, всякій сколько-нибудь независимый голосъ звучалъ въ ушахъ власти рѣзкимъ диссонансомъ—а теперь можно было бы, кажется, привыкнуть къ свободному обмѣну мнѣній. Старыя традиціи оказываются, однако, слишкомъ сильными: полиція прерываетъ сдержанныя, дѣловыя рѣчи, нимало не выходившія изъ круга вопросовъ, для обсужденія которыхъ былъ созванъ съѣздъ—и съѣздъ рѣшаетъ, наконецъ, что такъ продолжать дѣло нельзя и не стоитъ... Напоминаетъ времена Плеве и слѣдующій циркуляръ, разосланный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предводителямъ дворянства: „по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ земскихъ кругахъ распространяется въ копіи при семъ прилагаемое гектографированное сообщеніе бюро съѣзда прогрессивныхъ земскихъ дѣятелей о тезисахъ, принятыхъ названными дѣятелями на бывшемъ въ Москвѣ 12—13 октября минувшаго года частномъ совѣщаніи и направленныхъ къ установленію общей партійной тактики прогрессивныхъ элементовъ въ земскихъ собраніяхъ въ соотвѣтствіи съ программой дѣйствій прогрессивной оппозиціи. Будучи обязанъ принять мѣры къ установленію соотвѣтствующаго наблюденія за указаннымъ движеніемъ, обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою поставлять меня въ извѣстность о всѣхъ тѣхъ симптомахъ, которые будутъ замѣчаться вами въ смыслѣ осуществленія помянутой программы". Не говоримъ уже о томъ, что въ кругъ обязанностей предводителей дворянства едва ли входитъ наблюденіе за „симптомами" чего-либо происходящаго внѣ дворянскихъ собраній: сомнительно, въ нашихъ глазахъ, самое право министерства внутреннихъ дѣлъ наблюдать за частными совѣщаніями земскихъ дѣятелей, преслѣдующихъ совершенно законную цѣль—соглашеніе по текущимъ вопросамъ земской жизни. Прежде это могло считаться чѣмъ-то несовмѣстнымъ съ „ограниченнымъ умомъ подданныхъ"—но теперь положеніе вещей существенно измѣнилось. Не такъ относилось правительство къ земскимъ съѣздамъ при кн. П. Д. Святополкъ-Мирскомъ и даже при А. Г. Булыгинѣ, хотя тогда предметы совѣщаній съѣздовъ далеко не ограничивались вопросами „тактики прогрессивныхъ элементовъ въ земскихъ собраніяхъ"... А высылка В. Г. Черткова изъ тульской губерніи? А отказъ министерства народнаго просвѣщенія утвер-

дить постановленіе совѣта петербургскаго университета объ оставленіи одного лица при университетѣ для подготовки къ профессорскому званію—отказъ, мотивированный тѣмъ, что это лицо не имѣло хорошихъ отмѣтокъ за время обученія въ гимназіи и было замѣшано въ студенческихъ безпорядкахъ? А требованіе, чтобы на финляндскихъ географическихъ картахъ границы Финляндіи означались тою же краскою, какъ и междугубернскія границы—хотя глубокое различіе между великимъ княжествомъ финляндскимъ и обыкновенной губерніей и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію? А запрещеніе исполнять въ народныхъ школахъ кіевской губерніи, во время чествованія памяти Гоголя, пѣсенъ и стихотвореній на украинскомъ языкѣ?.. Не переноситъ ли насъ все это далеко назадъ, въ эпоху, недавно казавшуюся безвозвратно минувшей? И не оправдывается ли всѣмъ этимъ наше предположеніе, что многимъ хуже не стало бы положеніе общества и при министерствѣ, по своему составу значительно передвинувшемся вправо?

А если—могутъ сказать намъ—передвиженіе дойдетъ до той линіи, представителями которой могутъ считаться гг. Марковъ 2-ой и Пуришкевичъ — въ Государственной Думѣ, гг. Дурново, Стишинскій, Штюрмеръ—въ Государственномъ Совѣтѣ, гг. Дубровинъ и Булацель—въ печати, ген. Толмачевъ и г. Римскій-Корсаковъ—въ администраціи? Вѣдь это означало бы отмѣну манифеста 17-го октября, роспускъ Государственной Думы, новое измѣненіе избирательнаго закона, возвращеніе къ 6-му августа 1905-го года—а можетъ быть и еще дальше, къ положенію дѣлъ, существовавшему до изданія указа 12-го декабря. Невозможнымъ все это, судя по нѣкоторымъ признакамъ, считать нельзя—и все-таки мы остаемся при нашей исходной точкѣ зрѣнія. Если старый порядокъ не могъ удержаться въ силѣ четыре года тому назадъ, когда не былъ еще потрясенъ оптимистическій взглядъ на настроеніе народной массы, не была еще поколеблена, въ высшихъ сферахъ, вѣра въ твердость вѣковыхъ устоевъ, не было еще на лицо ни Мукдена и Цусимы, ни дипломатическихъ неудачъ послѣдняго времени, то гдѣ же шансы возстановленія его, на сколько-нибудь прочныхъ основахъ, въ настоящее время? Болѣе чѣмъ вѣроятно, что крайній пунктъ напряженія реакціи знаменовалъ бы собою близость рѣшительнаго перехода на тотъ путь, съ котораго слишкомъ скоро сошло — или, лучше сказать, на который вовсе не вступало — министерство П. А. Столыпина.

ЗАПИСКИ АНГЛІЙСКАГО СУДЬИ

(Письмо изъ Лондона.)

Съ портрета, приложеннаго при только-что вышедшихъ „Reminiscences of Sir Henry Hawkins“, глядитъ суровое лицо, въ сѣдомъ парикѣ. Длинная судейская мантія, обшитая горностаемъ, придаетъ особую торжественность этой фигурѣ. При чтеніи этихъ „Записокъ“ передъ вами вырисовывается мало-по-малу другое, *коллективное* лицо— англійскаго судьи. И въ головѣ русскаго читателя, рядомъ съ этимъ спокойнымъ, безпристрастнымъ лицомъ, возникаетъ образъ другого судьи,—ну, хотя бы того, о которомъ повѣствуетъ странница Ѳеклуша у Островскаго: „И судъ творятъ они, милая дѣвушка, надъ всѣми людьми, и что ни судятъ они, все неправильно. И не могутъ они ни одного дѣла разсудить праведно, такой ужъ имъ предѣлъ положенъ“. Докончивъ „Записки“ сэра Генри Хаукинса, читатель доподлинно знаетъ, что теперь въ Англіи нѣтъ и не можетъ быть „положеннаго предѣла“ для судей быть „неправедными“. И далѣе, въ то время, когда существовала въ Англіи возможность давленія короны на судей, совсѣмъ „откровенные“ изъ нихъ представляли все же исключеніе. Классическимъ „неправеднымъ судьею“ въ Англіи былъ сэръ Джорджъ Джефрисъ, котораго Іаковъ II выбралъ для расправы съ круглоголовыми послѣ мятежа. Какъ многіе, подобные этому судьѣ не въ одной только Англіи, сэръ Джорджъ былъ политическій перевертень. Во времена республики онъ былъ „круглоголовымъ“, но какъ только наступила реакція, Джефрисъ — по выраженію англійскаго историка— „поспѣшилъ продать коронѣ свой мѣдный лобъ и отравленный языкъ“. Реакціи предстояло расправиться съ политическими противниками; для этого необходимо было найти „безчестнаго и безстыднаго человѣка, не считающагося съ закономъ“. Джефрисъ былъ какъ разъ такой человѣкъ. Онъ постановлялъ приговоры согласно полученнымъ приказаніямъ, а отъ себя уже прибавлялъ злобныя насмѣшки надъ осужденными. „Палачъ!“—крикнулъ онъ, приговаривая республиканку къ плетямъ:—„поручаю твоимъ спеціальнымъ работамъ эту даму. Дери ее! Дери сильнѣе, покуда брызнетъ кровь. Теперь Рождество. Барынѣ будетъ холодно стоять раздѣтой на морозѣ. Смотри же, палачъ, *согрѣй*

ее хорошенько!" Имя Джефриса до сихъ поръ является въ Англіи синонимомъ всего безчестнаго, злобнаго и продажнаго. А между тѣмъ русскій читатель, знакомящійся съ жизнью *этого* „судьи неправеднаго", испытываетъ желаніе... заступиться за него: „рекордъ" побитъ не Джефрисомъ. Въ самомъ дѣлѣ. Самая ужасная страница въ исторіи Англіи, это — „кровавыя судилища", the Bloody Assizes. Такъ называютъ судъ надъ участниками возстанія 1685 г. Повстанцевъ судилъ Джефрисъ. Онъ хвасталъ, что „повѣсилъ больше измѣнниковъ, чѣмъ всѣ его предшественники вмѣстѣ, начиная отъ временъ Вильгельма Завоевателя". По исчисленіямъ Маколея, всѣхъ казненныхъ во время „кровавыхъ судилищъ" было 320. Рекордъ, конечно, побитъ другими судьями... Въ каждой исторіи паденія Стюартовъ мы читаемъ, какъ лондонцы, первымъ дѣломъ послѣ бѣгства Іакова II, принялись искать всюду „судью неправеднаго". Какъ и всѣ жестокіе и безчестные люди, Джефрисъ былъ трусъ. Онъ сбрилъ свои характерныя, густыя брови, переодѣлся матросомъ и пробовалъ бѣжать; но его узнали по свирѣпымъ глазамъ. Только сильному отряду латниковъ удалось освободить Джефриса отъ толпы и доставить его благополучно въ Тоуэръ. Нѣсколько разъ по дорогѣ латники вынуждены были построить карэ и отбивать нападеніе лондонцевъ, желавшихъ убить судью.

То, что имя Джефриса живетъ въ Англіи до сихъ поръ, какъ олицетвореніе судейской безчестности, доказываетъ, что подобные ему неправедные судьи составляли исключеніе. По „Запискамъ" сэра Генри Хаукинса мы знакомимся съ современнымъ англійскимъ судьею. Намъ становится понятно то уваженіе, которымъ онъ окруженъ въ Англіи. Судья выбирается изъ лучшихъ адвокатовъ, выдвинувшихся своими глубокими знаніями, краснорѣчіемъ и честностью. Англійскій судья нелицепріятенъ. Передъ нимъ всѣ равны. Мнѣ припоминается дѣло генерала Гайона, разбиравшееся недавно въ Ричмондѣ. Подсудимый — крупный земельный собственникъ, принадлежащій по рожденію, по связямъ, по богатству, по службѣ къ высшей англійской аристократіи. По жалобѣ двухъ матерей онъ былъ преданъ суду за преступленія противъ нравственности. Дѣло шло о „непристойномъ поведеніи" по отношенію къ двумъ дѣвочкамъ въ возрастѣ 12-ти лѣтъ. Дальше „непристойныхъ жестовъ" дѣло не пошло. Защитникъ подсудимаго просилъ снисхожденія, ссылаясь на высокое общественное положеніе своего кліента, на моральныя страданія генерала, очутившагося въ тюрьмѣ и извергнутаго теперь изъ общества, къ которому принадлежалъ. Указывалось также на тридцатилѣтнюю службу генерала родинѣ и королю. Присяжные признали подсудимаго виновнымъ. Судья, постановляя приговоръ, сказалъ подсудимому: „Мнѣ всегда тяжело налагать наказаніе на человѣка, принадлежащаго къ нашему кругу;

но справедливость заставляетъ меня забыть личное чувство. Ваше высокое общественное положеніе, ваше богатство и образованіе являются не смягчающими, а отягчающими вину обстоятельствами. Вы имѣли всю возможность не слѣдовать по пути преступленія, но все же пошли. Малограмотный рабочій, тупой бродяга въ этомъ отношеніи имѣютъ больше смягчающихъ вину обстоятельствъ. Но, опредѣляя наказаніе, я приму во вниманіе вашу продолжительную честную службу родинѣ и королю". Генералъ былъ приговоренъ къ девятимѣсячному тюремному заключенію. Опять напоминаю, что надъ дѣвочками не была совершена даже попытка насилія. Дѣло шло только о „непристойныхъ жестахъ". Читатели „Вѣстника Европы", быть можетъ, вспомнятъ по аналогіи дѣло г. Зайченки въ Одессѣ. Тамъ въ наличности были не „жесты", а обольщеніе малолѣтнихъ. Какъ извѣстно, дѣло замято, и „пострадавшимъ" лицомъ оказался не г. Зайченко, а д-ръ Цѣновскій, написавшій въ газетѣ статью объ одесскихъ павіанахъ. Вещественныя доказательства, какъ напр. дневникъ дѣвочки, куда-то исчезли...

Возвращусь, однако, къ англійскому судьѣ. Никто не можетъ его смѣнить, если онъ не совершилъ преступленія, предусмотрѣннаго закономъ. Никто не можетъ давать ему „директивы". Уголовный процессъ въ англійскомъ судѣ — состязаніе между подсудимымъ и обществомъ въ лицѣ двѣнадцати представителей. Посредникомъ является судья, внимательно слѣдящій за тѣмъ, чтобы интересы обвиняемаго не были нарушены. Представители общества въ Англіи *единогласно* должны признать подсудимаго виновнымъ. Мы, русскіе, прежде всего, обращаемся къ тѣмъ главамъ „Записокъ", въ которыхъ говорится о смертной казни. Вѣдь тѣ, которыя защищаютъ ее у насъ, любятъ ссылаться на примѣръ Англіи. Не ужасно ли, что вопросы, казавшіеся разрѣшенными окончательно много десятковъ лѣтъ тому назадъ, при извѣстныхъ условіяхъ выползаютъ, какъ кровожадные упыри, изъ могилы? Возьмемъ, напр., отношеніе къ смертной казни самаго умѣреннаго изъ энциклопедистовъ, являвшагося большимъ консерваторомъ въ политическихъ вопросахъ. Вольтеръ рѣшительно отрицаетъ за обществомъ право отнимать у человѣка жизнь подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, до войны включительно. „Но я слышу—пишетъ Вольтеръ—раздающіеся крики: „свирѣпый негодяй выбилъ мнѣ глазъ; злодѣй убилъ моего брата. Мщенія! Дайте мнѣ глазъ обидчика, ослѣпившаго меня! Дайте мнѣ крови убійцы, отнявшаго жизнь у моего брата! Приведите въ исполненіе старинный и всемірный законъ возмездія!" Я могу отвѣтить вопящимъ: „Выростетъ ли у васъ другой глазъ, когда мы ослѣпимъ обидчика? Когда мы предадимъ смерти убійцу, воскреснетъ ли вашъ

братъ?.. Я отнюдь не хочу поощрять убійства; но я предлагаю карать за него, не прибѣгая къ новому убійству" (Prix de la justice et de l'humanité. Article III. Oeuvres Complètes de Voltaire, vol. V, p. 422). И черезъ сто-пятьдесятъ лѣтъ послѣ того, какъ были высказаны эти простые и убѣдительные доводы, мы присутствуемъ при какомъ-то кровавомъ карнавалѣ...

Въ началѣ XIX вѣка, когда вершителями судебъ въ Англіи являлись исключительно крупные землевладѣльцы, когда масса населенія была устранена отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ,—наказанія за преступленія были безпощадны. Даже мелкое воровство каралось смертной казнью. И когда нижняя палата приняла билль о смягченіи наказаній, лорды отвергли законопроектъ на томъ основаніи, что имъ невозможно будетъ спокойно жить въ своихъ помѣстьяхъ, если нарушителей священныхъ правъ собственности перестанутъ отправлять на висѣлицу. Въ этомъ отношеніи епископы въ верхней палатѣ усердно поддерживали свѣтскихъ лордовъ. Къ воспоминаніямъ сэра Генри Хаукинса приложена выдержка изъ лѣтописи линкольнширскаго ассизнаго суда 18 марта 1818 года. Мы читаемъ тамъ такія отмѣтки: „Вильямъ Бьюли, 49 лѣтъ, отставной солдатъ. Арестованъ 29 іюля 1817 г. Проникъ со взломомъ въ квартиру Джэмса Краудера изъ Бартона. Похитилъ одну бутылку, одну бархатную куртку и три жилета. Признанъ виновнымъ. Смертный приговоръ".—„Джорджъ Кроу, пятнадцати лѣтъ. Арестованъ 23 сентября 1817 г. Проникъ въ жилое помѣщеніе въ С. Холмсѣ, взломалъ конторку и похитилъ три золотыхъ соверена и серебромъ 3 ш. 6 п. Признанъ виновнымъ. Смертный приговоръ".—„Томасъ Янгъ, 17 лѣтъ. Рабочій. Арестованъ 23 сентября 1817 г. Проникъ въ 11 ч. вечера въ домъ Джона Ашлина, эсквайра, съ цѣлью совершить кражу. Признанъ виновнымъ. Смертный приговоръ".—„Робертъ Хескеръ, 28 лѣтъ, и Джонъ Робинсонъ, 28 лѣтъ. Арестованы 13 октября 1817 г. за похищеніе нѣкоторыхъ вещей изъ квартиры Чарльза Соунби. Признаны виновными. Смертный приговоръ".—„Джонъ Марріотъ, 19 лѣтъ, рабочій. Обвинялся въ поджогѣ омета соломы, принадлежавшаго Томасу Маршалю, эсквайру. Признанъ виновнымъ. Смертный приговоръ".—„Ричардъ Рэндоль, 27 лѣтъ, и Джонъ Табсъ, 29 лѣтъ. Ночью на большой дорогѣ напали на Вильяма Рауботтома, изъ Олбича, и отняли у него вексель и 8 шиллинговъ серебромъ. Признаны виновными. Смертный приговоръ".—„Вильямъ Хайсъ, 20 лѣтъ, ткачъ. Похитилъ кобылу съ сѣдломъ и уздечкой, составлявшими собственность Эдуарда Бригса, эсквайра. Признанъ виновнымъ. Смертный приговоръ". „Вильямъ Уокеръ, 20 лѣтъ, рабочій, и Елизавета Ино, 19 лѣтъ, дѣвица. Вломились въ домъ Вильяма Трэнтхэма, эсквайра. Похитили нѣкую сумму денегъ и красный бумажникъ. Признаны ви-

новными. Смертный приговоръ".—„Вильямъ Бэлъ, онъ же Джонъ Броунъ, 30 лѣтъ. Проникъ со взломомъ въ лавку Вильяма Гойя изъ Альвингэма. Похитилъ пару новыхъ башмаковъ и одно голенище. Признанъ виновнымъ. Смертный приговоръ".

Эти казни за ничтожныя преступленія, вмѣсто того, чтобы имѣть устрашающее вліяніе, какъ тогда разсчитывали законодатели, вели къ одичанію толпы. „Казнь, — читаемъ мы у современнаго наблюдателя англійской жизни, — имѣющая цѣлью устрашать преступниковъ примѣромъ, сдѣлалась зрѣлищемъ, какъ бы нарочно назначеннымъ для практики всѣхъ воровъ, мошенниковъ и плутовъ столицы... Огромная толпа, возбужденная до крайней степени, еще за нѣсколько часовъ до совершенія казни наводняетъ пространство передъ ньюгэтской тюрьмой. Все это очень просто. При входѣ въ кассу театра всегда образуется „хвостъ", когда назначена хорошая пьеса. Но какъ провести время до появленія палача, что соотвѣтствуетъ поднятію занавѣса на сценѣ? Спать? Нельзя. Не потому что приходится спать подъ открытымъ небомъ, а потому что ожиданіе большого удовольствія прогоняетъ сонъ. Поэтому время проводится въ питьѣ, въ пѣніи непристойныхъ куплетовъ, въ перебранкахъ". Едва ли не лучшимъ доказательствомъ развращающаго вліянія казней на толпу являются уличные листки, посвященные спеціально казнямъ и издававшіеся въ Англіи въ описываемое время. Листки эти помѣщены въ любопытномъ сборникѣ „Curiosities of Street Literature, etc.", вышедшемъ въ 1871 г. Обыкновенно они представляли собою большую страницу, обведенную траурной рамкой и иллюстрированную грубой картинкой. Послѣдняя изображаетъ висѣлицу съ казненнымъ, затѣмъ сплошную толпу любопытныхъ въ цилиндрахъ, чепцахъ и картузахъ. Фономъ являются ворота ньюгэтской тюрьмы. Иногда на перекладинѣ висятъ не одно, а два или три тѣла. Листокъ появлялся часа черезъ три послѣ совершенія казни. Онъ содержалъ описаніе ея, а также послѣднія письма осужденныхъ. Иногда къ письмамъ присоединялись еще „ламентаціи" преступниковъ, непремѣнно въ стихахъ. Эта дикая и уродливая литература теперь совершенно исчезла. Мы знаемъ, что никогда не бывало въ Англіи столько преступленій, какъ въ то время, когда похищеніе изъ лавки „пары башмаковъ и голенища" могло довести до висѣлицы. Безпощадныя наказанія вели только къ одичанію массъ, къ ожесточенію общества и ... къ огрубѣнію судей. Изъ „Записокъ" сэра Генри Хаукинса явствуетъ, что въ началѣ XIX-го вѣка англійскіе судьи смотрѣли на себя какъ на охотниковъ, а на подсудимыхъ—какъ на осторожнаго, хитраго звѣря. Спортъ состоялъ въ томъ, чтобы непремѣнно изловить этого звѣря, не смотря на всѣ уловки его, и „подвѣсить" его, но только не къ сѣдлу, а къ пере-

кладинѣ, и не за ноги, а за шею. Судьи тогда открывали сессію, какъ веселый пикникъ. На „охоту", т.-е. въ судъ, шли плотно закусивъ и еще болѣе основательно выпивши. „Проступки, наказываемые теперь, самое большее, однодневнымъ арестомъ, тогда неизмѣнно карались смертью, — читаетъ мы въ „Reminiscences of Sir Henry Hawkins". „Судьи, передъ открытіемъ засѣданій, отправлялись на торжественный обѣдъ, устраивавшійся лордъ-мэромъ и ольдермэнами. На обѣдѣ всѣ пили очень много; послѣ этого судьи, красные съ лица, съ замасленными глазами, отправлялись въ судъ, гдѣ принимали необыкновенно торжественный видъ. Такой же обѣдъ устраивали шерифы для мелкихъ судейскихъ чиновъ и судебныхъ приставовъ. Что касается капелана суда, то онъ пользовался тою привилегію, что обѣдалъ и у лордъ-мэра, и у шерифа. Послѣ двухъ послѣдовательныхъ выпивокъ, капеланъ отправлялся въ судъ, гдѣ торжественно произносилъ *аминь*, каждый разъ, когда судьи, постановляя смертный приговоръ, совѣтовали несчастному подсудимому молить о прощеніи у неба, такъ какъ на землѣ прощенія ему не будетъ". „Разскажу объ одномъ процессѣ, на которомъ мнѣ пришлось присутствовать, — пишетъ сэръ Генри Хаукинсъ. — Подсудимый Джонесъ обвинялся въ карманной кражѣ, которая тогда каралась многолѣтней ссылкой въ Австралію. Ссылка связывалась съ каторжной работой. Подсудимый категорически отрицалъ свою вину. Начался, поэтому, допросъ свидѣтелей. Вызвали сперва пострадавшаго. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ раскрыть ротъ, представитель обвиненія началъ задавать свидѣтелю такіе вопросы:

— Я слышалъ, вы поднимались по Лѣдитъ-хиллу въ четвергъ 25-го въ половинѣ второго дня, какъ вдругъ почувствовали толчокъ. Вы схватились за карманъ и замѣтили отсутствіе платка, того самаго, который лежитъ теперь на столѣ. Не такъ ли?

— Да, сэръ,—отвѣтилъ пострадавшій.

— Я думаю, никто не желаетъ предложить вопросы свидѣтелю?— сказалъ судья.—Зовите слѣдующаго свидѣтеля.

За рѣшеткой для свидѣтелей появился констэбль.

— Ходили ли вы въ упомянутый день вслѣдъ за пострадавшимъ? Видѣли ли вы, какъ подсудимый засунулъ руку въ карманъ пострадавшаго и вытащилъ вотъ этотъ платокъ?—продолжалъ свой допросъ представитель обвиненія.

— Да, сэръ.

— Я думаю, вы ничего не желаете спросить у свидѣтеля? — обратился судья къ подсудимому. — Въ такомъ случаѣ, господа присяжные, я полагаю—дѣло ясно. Во всякомъ случаѣ, для меня оно ясно.

— Виновенъ,— поспѣшно заявили присяжные, какъ бы для того, чтобы услужить судьѣ.

— Джонесъ,—обратился судья къ подсудимому,—мы съ вами встрѣчались уже раньше въ судѣ. Теперь долго не встрѣтимся. Семь лѣтъ ссылки. Слѣдующее дѣло.—Весь процессъ продолжался двѣ минуты и 53 секунды. Въ общемъ, дѣла послѣ обѣда кончались, въ среднемъ, въ четыре минуты".

Когда дѣло шло о жизни подсудимаго, процессъ продолжался нѣсколько дольше. Совѣсть присяжныхъ не дозволяла имъ отправлять человѣка на казнь, не убѣдившись въ его винѣ. Для этого необходимы были точныя и категорическія свидѣтельскія показанія. Такъ какъ ихъ не всегда можно было достать, то дѣлались попытки превратить въ доносчика одного изъ подсудимыхъ. Такой доносчикъ назывался „King's evidence" и получалъ прощеніе, если на основаніи его показаній удавалось осудить остальныхъ. „Стремленіе стать доносчикомъ было очень велико,— пишетъ сэръ Генри. — Трудно было рѣшить, кто принималъ большее участіе въ преступленіи: доносчикъ ли, или тотъ, кого онъ оговаривалъ. Обыкновенно выходило такъ, что „королевскимъ свидѣтелемъ" становился самый порочный изъ шайки. Я помню, когда былъ мальчикомъ, процессъ трехъ человѣкъ — Маршаля, Картрайта и Ингрэма. Они обвинялись въ кражѣ со взломомъ изъ квартиры одного джентльмэна, Пима, жившаго въ деревнѣ. Маршаль во время кражи служилъ дворецкимъ у Пима, а Картрайтъ раньше состоялъ у него на службѣ, тоже дворецкимъ. Ингрэмъ служилъ лакеемъ гдѣ-то въ Лондонѣ. Кража была совершена безъ отягчающихъ вину обстоятельствъ. Воры похитили только посуду изъ накладного серебра, которую зарыли на берегу ручья, протекавшаго черезъ паркъ. Не смотря на то, что воры никому не угрожали при совершеніи преступленія, дѣло приняло очень плохой для нихъ оборотъ въ виду довѣрія, которымъ пользовался дворецкій у хозяина. Ингрэмъ сталъ оговорщикомъ (King's evidence). Оба дворецкіе были признаны виновными, приговорены къ смерти и казнены. Ингрэма, согласно обычаю, освободили. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ снова арестованъ за кражу лошадей. Такъ какъ конокрадство каралось тогда смертью, то Ингрэма осудили и казнили въ Херсфордѣ... Въ тѣ времена, — продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ сэръ Генри, — законъ напоминалъ тигра, выпущеннаго на волю. Подсудимый считалъ себя счастливымъ, если избѣгалъ висѣлицы. А между тѣмъ осужденные отнюдь не представляли собою злодѣевъ, закоренѣлыхъ въ преступленіяхъ. Большею частью то были совершенно невѣжественные сельскіе работники. Въ тѣ времена считалось уже чудомъ, если кто-нибудь въ деревнѣ умѣлъ прочитать по складамъ

нѣсколько словъ. Гуманные судьи въ тѣ времена старались хитростью смягчить жестокость закона. Чтобы спасти жизнь подсудимому, они оцѣнивали кражу меньше чѣмъ въ пять шиллинговъ".

„Жестокій законъ велъ, какъ я сказалъ, къ ожесточенію судей. Смертный приговоръ выносился не только съ легкимъ сердцемъ, но даже съ прибауточкой. Вотъ одинъ примѣръ. Въ лондонскомъ уголовномъ судѣ (Old Bailey) судья вынесъ въ одинъ день шестнадцать смертныхъ приговоровъ, большею частью за воровство. Читая потомъ списокъ осужденныхъ, судья пропустилъ одного изъ нихъ. Остальнымъ пятнадцати онъ рекомендовалъ приготовиться молитвой къ страшной участи, ожидающей ихъ въ ближайшій понедѣльникъ. Осужденныхъ увели. Приставъ напомнилъ тогда судьѣ, что всѣхъ осужденныхъ— *шестнадцать* и что одно имя пропущено.

— Какъ зовутъ осужденнаго, котораго я пропустилъ?—справился судья.

— Джонъ Робинсъ, милордъ.

— Очень благодаренъ вамъ,—сказалъ судья. — Немедленно приведите сюда Джона Робинса.

Ввели опять осужденнаго.

— Джонъ Робинсъ, — обратился къ нему судья съ выраженіемъ крайняго сожалѣнія въ голосѣ.—Простите пожалуйста. Я пропустилъ ваше имя при чтеніи списка осужденныхъ къ смерти. Повѣрьте, я сдѣлалъ это совершенно нечаянно. Васъ тоже повѣсятъ вмѣстѣ съ остальными пятнадцатью".

Слѣдуетъ замѣтить, что и въ то время далеко не всѣ судьи такъ одеревенѣли. Нѣкоторые судьи, вынося смертный приговоръ, не могли скрыть волненія и путали страшную формулу („Васъ повѣсятъ за шею; вы будете висѣть до тѣхъ поръ, покуда наступитъ смерть; молите о томъ, чтобы Творецъ пощадилъ васъ на томъ свѣтѣ, потому что на этомъ свѣтѣ вамъ пощады не будетъ"). „То было въ 1830 г., — пишетъ сэръ Генри. — Я учился тогда въ Бэдфордской школѣ, выходившей окнами на площадь нашего городка и на сонную рѣчку. Была ярмарка. Стоя у окна школы, я видѣлъ покупателей, продавцовъ, бродягъ и разряженный людъ, прибывшій изъ деревни. На площади было весело: кувыркались клоуны, пищали Пончъ и Джуди, щелкали молоты въ рукахъ фермеровъ, пробовавшихъ свои силы. Каждое событіе, даже такое ничтожное, какъ погоня за убѣжавшей лошадью, привлекало вниманіе краснощекихъ дочерей фермеровъ, прибывшихъ на ярмарку вмѣстѣ съ родителями. Но вотъ внезапно, какъ черный туманъ, на веселую толпу наползло мертвое молчаніе. Эта внезапная и непонятная тишина поразила меня и моего товарища, съ которымъ мы стояли рядомъ. И ужасъ передъ непо-

нятнымъ былъ такъ великъ, что теперь, черезъ семьдесятъ лѣтъ, я помню мельчайшія подробности. Минуты черезъ двѣ изъ боковой улицы, которая вела къ Бэдфордской тюрьмѣ, на площадь вынырнула обыкновенная повозка фермера съ впряженной лошадью, которую велъ работникъ. Изъ окна я увидѣлъ, что въ повозкѣ на соломѣ лежитъ какой-то большой предметъ, тоже прикрытый соломой. При каждомъ движеніи повозки по неровной мостовой солома эта подпрыгивала. По тому, какъ поблѣднѣли всѣ на площади при появленіи повозки, я понялъ, что именно она нагнала молчаніе. Лошадь медленно, какъ улитка, подвигалась впередъ. За повозкой брели старикъ и старуха. Каждый изъ нихъ держался одной рукой за телѣгу. Старики низко опустили головы на грудь. Повидимому, они были совершенно убиты горемъ. Въ телѣгѣ лежалъ грубо сколоченный гробъ, а въ немъ — тѣло единственнаго сына стариковъ, семнадцатилѣтняго юноши, казненнаго въ то утро въ Бэдфордской тюрьмѣ за поджогъ скирда. И теперь старики везли тѣло, чтобы похоронить его въ Вилхемпстэдѣ, въ шести миляхъ отъ Бэдфорда, на кладбищѣ, на которомъ въ дѣтствѣ игралъ казненный. Онъ былъ сынъ очень честныхъ фермеровъ. Преступленіе, за которое его предали смерти, явилось скорѣе послѣдствіемъ дѣтской шалости. Власти послали его на висѣлицу. Вотъ самое раннее и самое печальное воспоминаніе въ моей жизни. Оно до такой степени сильно врѣзалось въ мою память, что теперь я могу описать его въ мельчайшихъ подробностяхъ. Много лѣтъ спустя, когда я сталъ судьею, это воспоминаніе дало мнѣ много полезныхъ уроковъ. Я привыкъ вдумываться въ условія, окружающія каждое преступленіе, и взвѣшивать степень виновности отдѣльныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ преступленіи".

Прогрессъ демократіи въ Англіи и призваніе къ общественной жизни широкихъ слоевъ населенія имѣли много крайне важныхъ послѣдствій. Распространилось образованіе, проведены были въ парламентѣ законы, улучшившіе матеріальное положеніе массъ, поднялось уваженіе къ человѣческой личности. Вмѣстѣ съ этимъ смягчились наказанія. Въ моментъ введенія перваго великаго билля о реформѣ смертная казнь полагалась въ Англіи за 38 разныхъ преступленій. Теперь смертная казнь осталась, но только за преднамѣренное убійство, при отсутствіи всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ. „Вѣжливый" судья, упомянутый выше, когда-то приговорилъ къ смерти въ одинъ день шестнадцать человѣкъ. Теперь за весь годъ (беру послѣдній отчетъ) постановлено во всемъ Соединенномъ Королевствѣ двадцать смертныхъ приговоровъ, изъ которыхъ приведено въ исполненіе девять. Когда-то судьи кончали дѣло въ четыре минуты. Теперь казнь является послѣдствіемъ долгой и *открытой* борьбы между обвиняемыми въ

убійствѣ и обществомъ въ лицѣ 12 присяжныхъ. Присяжные у коронера констатируютъ наличность насильственной смерти; за этимъ слѣдуетъ постановленіе объ арестѣ. Слѣдствіе производится съ участіемъ присяжныхъ, открыто, въ присутствіи защитниковъ. Представители общества выносятъ рѣшеніе, въ силу котораго обвиняемый предается суду. Наступаетъ послѣдній и рѣшительный моментъ состязанія—судъ. Необходимо привести такія убѣдительныя доказательства, чтобы виновность обвиняемаго въ убійствѣ была очевидна для *всѣхъ* присяжныхъ. Если хотя бы *одинъ* изъ нихъ сомнѣвается и скажетъ въ совѣщательной комнатѣ „не виновенъ" — процессъ долженъ быть начатъ снова. И вотъ *всѣ* присяжные убѣдились, что убійство совершено дѣйствительно обвиняемымъ. Преступленіе произошло при такой обстановкѣ, что присяжные не находятъ смягчающихъ обстоятельствъ. Тогда судья постановляетъ приговоръ согласно существующему закону, т.-е. приговариваетъ подсудимаго къ смерти. При этомъ клеркъ покрываетъ голову судьи кускомъ чернаго сукна. Это и есть тотъ „колпакъ", который извѣстенъ русскимъ по англійскимъ романамъ. Мнѣ припоминаются слова, сказанныя Л. Бланомъ, много лѣтъ тому назадъ, по поводу смертныхъ казней: „Есть люди, не одобряющіе самоубійства, но стоящіе за смертную казнь. Я никогда не могъ понять, какимъ образомъ человѣкъ можетъ передать обществу право, котораго не признаютъ даже за нимъ самимъ. Есть люди, думающіе, что общество погибло бы безъ смертной казни; но я тоже не понимаю, на какомъ основаніи нѣсколько милліоновъ людей, дѣйствующихъ заодно и сообща, могутъ прибѣгать къ праву законной защиты противъ одного человѣка, находящагося въ полной ихъ власти и который не можетъ даже оказать имъ сопротивленія, а не то что нападать на нихъ". Страхъ смертной казни не устрашаетъ толпу, не останавливаетъ руку убійцы. Смерть—это фактъ, учтенный заранѣе убійцей. Это — *обязательный* для каждой человѣческой драмы финалъ, наступившій на нѣсколько лѣтъ или мѣсяцевъ раньше". „Что дѣлаютъ, казня преступника?—говоритъ Дюпоръ, цитируемый Луи Бланомъ.—Только ускоряютъ моментъ событія, и безъ того неизбѣжнаго. Вотъ и все. Смерть—только непріятная четверть часа, одна изъ случайностей, обыкновенныхъ въ жизни преступниковъ. Преступникъ сравниваетъ себя съ кровельщикомъ, матросомъ, солдатомъ, профессія которыхъ тоже въ любой моментъ можетъ кончиться смертью. Умъ его привыкаетъ къ соображеніямъ подобнаго рода. Если это такъ, то смертная казнь теряетъ всякій смыслъ".

Защита смертной казни не отличается убѣдительностью. Обратимся, напр., къ „Запискамъ Судьи". Сэръ Генри Хаукинсъ—сторонникъ смертныхъ казней. Доводъ—тотъ, что „общество должно гарантировать себя

отъ жестокихъ людей, ставящихъ ни во что человѣческую жизнь". „Я припоминаю сессію въ Глостерѣ,—разсказываетъ сэръ Генри.— Судили человѣка за убійство женщины. Обвиняемый самъ разсказалъ о трагедіи. Онъ далъ слово убить первую женщину, которую встрѣтитъ въ глухомъ мѣстѣ, когда не будетъ свидѣтелей. И вотъ обвиняемый встрѣтилъ женщину съ ребенкомъ. Онъ убилъ бы ихъ, но усмотрѣлъ вдали прохожихъ. Женщина и ребенокъ спаслись, такимъ образомъ, отъ громадной опасности; но черезъ нѣкоторое время обвиняемый встрѣтилъ другую женщину, повалилъ и перерѣзалъ ей горло ножомъ. Убійца былъ изловленъ на мѣстѣ преступленія подъѣхавшимъ фермеромъ, который поручилъ работавшему неподалеку каменщику караулить задержаннаго, а самъ поѣхалъ въ сосѣднюю деревню за констэблемъ.

— Что вы сдѣлали?—спросилъ каменщикъ.

— Убилъ женщину.

— Зачѣмъ? Она была ваша жена?

— Кабы была женою, я убилъ бы ее раньше.

Отсутствіе мотива къ убійству — продолжаетъ сэръ Генри Хаукинсъ—является всегда сильнымъ аргументомъ въ глазахъ гуманистовъ, жалѣющихъ не жертву, а убійцу. *Достаточнаго* мотива для убійства не было, хотя никогда убійство не совершается безъ мотива. Конечно, защита выставила отсутствіе мотива, какъ доказательство безумія; но послѣднее должно быть доказано чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ жестокости. Предо мною было убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ; я видѣлъ кровожадное желаніе, лелѣянное давно. Кромѣ самаго акта убійства, кромѣ злобности, не было никакихъ признаковъ безумія... Человѣкъ этотъ былъ признанъ виновнымъ и казненъ. Общество должно защищать себя отъ дикихъ звѣрей. Быть можетъ, это жестоко по отношенію къ звѣрямъ, но справедливо по отношенію къ обществу". Авторъ доказалъ только, что общество, имѣвшее возможность болѣе гуманнымъ способомъ сдѣлать безопаснымъ человѣка, страдавшаго нравственнымъ помѣшательствомъ, уничтожило его. Самъ Хаукинсъ дальше прибавляетъ, что законъ, быть можетъ, жестокъ; но покуда онъ существуетъ, покуда общество не отмѣнило его, онъ долженъ исполняться. Повидимому, самъ суровый судья, защищающій право общества „устранять" убійцъ, — чувствомъ сознаетъ, что это невѣрно. Издатель „Воспоминаній", личный другъ покойнаго сэра Генри, говоритъ: „Мы часто видѣли слезы на глазахъ сурового судьи, когда онъ постановлялъ смертный приговоръ. Волненіе сэра Генри при этомъ было велико: онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы скрыть свое чувство". И такія колебанія переживалъ судья, прозванный за свою суровость „the hanging judge"! Повидимому, даже

и ему требовался сильный самогипнозъ въ видѣ фразъ: „общественная безопасность“, „право большинства“ и т. д., для того, чтобы убѣдить себя, что несправедливое — справедливо.

Обращусь теперь къ менѣе мрачнымъ страницамъ „Воспоминаній“. Англійскій судья долженъ быть глубокимъ знатокомъ не только законовъ, но также людей и человѣческаго сердца. Самъ сэръ Генри когда-то сильно увлекался скачками, кулачнымъ боемъ, игрой и т. п. Въ своей книгѣ онъ разсказываетъ, какъ пріобрѣтенное имъ такимъ образомъ знаніе людей разныхъ положеній помогло ему впослѣдствіи разбираться въ процессахъ. Разбирался въ Брайтонѣ процессъ свѣтскихъ шулеровъ. Вещественными доказательствами являлись колоды картъ. Послѣднія были осмотрѣны брайтонскими магистратами и признаны настоящими. Дѣло приняло оборотъ необыкновенно благопріятный для подсудимыхъ. Но вотъ главный лордъ судья Джервисъ говоритъ:

— Дайте мнѣ карты. Я желаю взглянуть на нихъ.

Колоды были переданы судьѣ. Онъ протеръ очки и внимательно принялся разсматривать крапъ.

— Теперь я вижу, какъ было дѣло,—началъ судья.—Обыкновенный глазъ ничего не замѣтитъ. Такъ всегда бываетъ съ мѣченными колодами. Будь у простаковъ болѣе зоркіе глаза,—не было бы мошенниковъ, разсчитывающихъ на человѣческую жадность и глупость. Вотъ въ углу рубашки этой карты точка. Она означаетъ — бубновый тузъ. А вотъ двѣ точки одна подъ другой. Онѣ обозначаютъ червонную даму.

— Я — продолжаетъ сэръ Генри Хаукинсъ — въ то время былъ начинающимъ адвокатомъ и ходилъ въ судъ, чтобы учиться. Во время процесса шулеровъ я сидѣлъ неподалеку отъ подсудимыхъ и слышалъ, какъ одинъ изъ нихъ, послѣ того какъ судья узналъ краплёныя карты, шепнулъ товарищу: „Ну, что, Джо, сѣли ли бы вы играть въ карты съ этой старой обезьяной?“ — „Дьяволъ съ нимъ!“ — отвѣтилъ Джо. Шулера были осуждены.

Англійскіе судьи проявляютъ, кромѣ знанія людей, еще большой здравый смыслъ. „Я всегда интересовался экспертами, вызываемыми для сличенія почерковъ, — разсказываетъ сэръ Генри. — Эти эксперты высказываютъ только свое мнѣніе, а между тѣмъ многіе изъ нихъ даютъ показанія тономъ непогрѣшимыхъ мудрецовъ. Одинъ экспертъ важно указываетъ на „падающую линію“, другой—на манеру перечеркивать букву t и пр. Судьи иногда склонны придавать слишкомъ большое значеніе показаніямъ экспертовъ, сличающихъ почерки... Въ одномъ процессѣ, желая убѣдиться, насколько заслуживаютъ вниманія авторитетныя показанія такого эксперта, я подалъ ему шесть листковъ бумаги и просилъ указать, на какихъ изъ

нихъ написаны фразы одною и тою же рукою. Экспертъ внимательно изслѣдовалъ всѣ бумажки, прочиталъ мнѣ длинную лекцію о волосныхъ и падающихъ линіяхъ и заявилъ наконецъ, что всѣ шесть записокъ написаны шестью разными лицами. Я тогда сказалъ эксперту, что до начала засѣданія самъ написалъ всѣ шесть записокъ".

Когда дѣло идетъ о несерьезныхъ преступленіяхъ, англійскіе судьи иногда любятъ отпускать остроты. Обвиняется, напримѣръ, человѣкъ въ кражѣ. Подсудимый ссылается, какъ на смягчающее вину обстоятельство, на жену и семью. Онъ говоритъ о свободной Англіи.— Совершенно вѣрно, — замѣчаетъ судья. — Мы живемъ въ свободной странѣ. Никто не можетъ помѣшать вамъ имѣть жену и сколько угодно дѣтей. Но, Томкинсъ, даже въ свободной странѣ вы не имѣете права отнимать собственность у сосѣда.

Остроты на счетъ подсудимыхъ, не имѣющихъ ни права, ни охоты отвѣчать, строго осуждаются общественнымъ мнѣніемъ, тѣмъ болѣе, что и „юморъ" этихъ судейскихъ замѣчаній, какъ мы видимъ изъ примѣра, сомнительный. Совершенно иное отношеніе общества къ остротамъ на счетъ адвокатовъ, потому что послѣдніе не остаются въ долгу и платятъ судьѣ тѣмъ же. Въ сколько-нибудь серьезномъ процессѣ, впрочемъ, остротамъ нѣтъ мѣста. Всѣ преисполнены сознаніемъ важности дѣла. Англійскій судья не позволяетъ себѣ начальнически оборвать защитника или прикрикнуть на него, какъ это дѣлается кое-гдѣ на континентѣ, тамъ, гдѣ печальная дѣйствительность выдвигаетъ на первый планъ судей того типа, о которомъ говоритъ странница Ѳеклуша.

Если англійскій судья въ минуту раздраженія скажетъ нѣсколько ѣдкихъ словъ по адресу адвоката, то получаетъ отъ адвоката „сдачу" тою же монетою.

„Лордъ Уотсонъ разсказалъ мнѣ про очень глупаго и очень грубаго шотландскаго судью,—пишетъ сэръ Генри.—Однажды знаменитый адвокатъ велъ дѣло въ судѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ этотъ судья. Желая выразить свое пренебреженіе, грубый шотландецъ указалъ пальцемъ на одно ухо, потомъ на другое.

— Вы видите это?—спросилъ судья.

— Да, милордъ,—отвѣтилъ адвокатъ.

— Ну, такъ вотъ съ вашими аргументами то же самое. Они у меня входятъ въ одно ухо и выходятъ черезъ другое. — Сварливый судья побѣдоносно взглянулъ на знаменитаго адвоката, а потомъ, съ гордымъ видомъ человѣка, сказавшаго замѣчательную остроту — на публику.

Адвокатъ улыбнулся и отвѣтилъ: „Я не удивляюсь, милордъ; вѣдь по пути изъ одного вашего уха до другого *ничто* не можетъ задер-

жать мои аргументы". Судья промолчалъ, а адвокатъ продолжалъ свою рѣчь.

Просмотрѣвъ „Воспоминанія" сэра Генри Хаукинса, мы приходимъ къ заключенію, что не строгость наказаній заставила въ Англіи уважать законъ, а безпристрастіе и нелицепріятность судей, не считающихся при исполненіи своихъ обязанностей ни съ приказаніями свыше, ни съ партійными соображеніями, ни съ общественнымъ положеніемъ подсудимаго, ни съ политическими взглядами его.

Діонео.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА

Въ французскомъ обществѣ до сихъ поръ не исчезли слѣды старой антипатіи къ какой бы то ни было рабочей организаціи. Призракъ Коммуны живъ еще во многихъ умахъ. Сколько разъ утверждали, что рабочее движеніе 1848-го года много способствовало преждевременной кончинѣ второй республики! Въ 1870 г. приписывали Интернаціоналу успѣхъ плебисцита, затѣяннаго Наполеономъ III. Позже смѣшивали синдикальное движеніе съ чисто революціоннымъ. Очень долго слова: членъ Интернаціонала, коммунаръ, синдикализованный рабочій, революціонеръ, антипатріотъ—считались синонимами. Антимилитаристическая программа, афишируемая нѣкоторыми дѣятелями Всеобщей Конфедераціи Труда, до сихъ поръ даетъ пищу подобнымъ взглядамъ. Всякая попытка образованія ассоціацій издавна была дискредитирована во Франціи—странѣ крайней централизаціи. 291-ая ст. уголовнаго кодекса, гласившая, что всякое собраніе свыше двадцати человѣкъ считается незаконнымъ, дѣйствовала до 1901 г. Кто изучалъ многочисленные процессы, возбуждавшіеся противъ рабочихъ при второй имперіи, тотъ знаетъ, какимъ образомъ, вооруженное 291-ой статьей, правительство старалось уничтожить всякое проявленіе корпоративной жизни въ рабочемъ классѣ. Уподобленіе незаконныхъ собраній такъ называемымъ тайнымъ позволило правительству Наполеона III произвести массовую высылку рабочихъ въ Ламбессу. Позднѣе, благодаря той же 291-ой статьѣ, наполеоновское правительство съумѣло препятствовать росту корпоративнаго движенія, слѣдить за нимъ, поддерживать его, когда рабочіе становились подъ покровительство власти—и на оборотъ, ополчаться на него, преслѣдовать и тянуть по судамъ его представителей всякій разъ, когда рабочіе-республиканцы отказывались отъ дружбы съ имперіей.

Недостаточно сорганизованные, чтобы выдвинуть собственную профессіональную программу, рабочіе вынуждены были вотировать при имперіи за буржуазныхъ, но радикальныхъ кандидатовъ. Боевой кличъ центральнаго оппозиціоннаго комитета, съ Карно и Гудшо во главѣ, достигалъ мастерскихъ и собиралъ въ массѣ голоса рабочихъ. Даже въ 1863 г., когда въ первый разъ были выставлены рабочія кандидатуры (candidatures ouvrières), рѣчь шла не о классовой борьбѣ: это

было просто стремленіе добиться самостоятельно, безъ всякой поддержки со стороны правительства, неотложныхъ, съ точки зрѣнія рабочаго класса, реформъ. Если нѣкоторые республиканцы, жившіе еще подъ обаяніемъ традицій 48-го года—напр. Делеклюзъ,—поддерживали это движеніе, если даже самъ Прудонъ, критикуя его въ своемъ знаменитомъ „Манифестѣ шестидесяти", все же высказывался въ его пользу, то огромное большинство республиканской партіи было противъ него, видя въ немъ возможность уклоненія рабочихъ въ сторону политическаго индифферентизма и опасность потери ихъ голосовъ при выборахъ.

Интернаціоналъ, явившійся результатомъ этой скромной попытки создать чисто рабочую организацію, сдѣлалъ позднѣе то же самое, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Будущій историкъ Международнаго Общества покажетъ, что оно было не столько организаціей космополитической, антипатріотической, сколько простой попыткой создать солидарность между рабочими, въ отвѣтъ на солидарность въ средѣ фабричнаго и финансоваго міра, укрѣпившуюся послѣ договоровъ 1860 г., заключенныхъ въ духѣ свободной торговли. Старые фабричные центры исчезали; возникали новыя промышленныя предпріятія. Рабочіе чувствовали, что ихъ заработной платѣ грозитъ пониженіе. Необходимо, говорили они, противопоставить союзу капиталистовъ объединеніе рабочихъ массъ.

Что было особенно интересно въ первомъ Интернаціоналѣ (1864 г.), французскомъ и по своему происхожденію, и по своему духу, это— вліяніе Прудона, которое не слѣдуетъ смѣшивать съ ролью Карла Маркса. Особенно развита была вѣра въ идейную силу знанія; элементъ чисто стихійный совершенно отсутствовалъ. Еслибы французскія рабочія организаціи могли развиваться свободно, онѣ пошли бы, вѣроятно, по пути англійскихъ; но послѣ событій 1871 г. онѣ принуждены были въ теченіе долгаго времени скрываться подъ какой-нибудь политической кличкой, подвергаясь преслѣдованію въ качествѣ ассоціацій чисто профессіональныхъ. Ихъ иногда терпѣли, считаясь съ ними какъ съ выборными комитетами, когда онѣ становились подъ эгиду какого-нибудь политическаго дѣятеля. Гедисты, первые—собравшіе въ соціалистическую партію оставшихся въ живыхъ коммунаровъ, приняли дѣятельное участіе въ созданіи первыхъ рабочихъ организацій. Вскорѣ послѣ изданія закона 1884 г., легализировавшаго существованіе синдикатовъ, въ Ліонѣ состоялся первый національный конгрессъ синдикалистовъ (1886). Какъ и слѣдовало ожидать, рабочіе делегаты, жившіе такъ долго внѣ закона, начали съ того, что отвергли, большинствомъ 74 голосовъ противъ 29, законъ 1884 г., являвшійся, такъ сказать, ихъ „хартіей вольностей". Вмѣсто того, чтобы работать надъ развитіемъ профессіональнаго движенія, кон-

грессъ постановилъ создать центральную организацію и національную федерацію, роль которыхъ заключалась бы въ пропагандѣ соціалистическихъ идей въ рабочихъ кругахъ. На пятомъ конгрессѣ (въ Марсели, въ 1892 г.), подъ вліяніемъ краснорѣчія Аристида Бріана, была принята—въ принципѣ, конечно,—идея всеобщей забастовки. Вскорѣ образовалась новая фракція соціалистической партіи съ Бруссомъ, лидеромъ поссибилистовъ-оппортюнистовъ, во главѣ. Но въ это время другая организація — Биржа Труда, основанная въ 1892 г. близкимъ къ анархизму Пелутье,—стала играть видную роль и на 6-мъ конгрессѣ, въ Нантѣ, одержала верхъ надъ союзомъ рабочихъ организацій. Наконецъ, была основана Всеобщая Конфедерація Труда, объединяющая Биржу Труда и союзъ корпорацій съ одной стороны территоріально, съ другой—по родамъ промышленности.

Всеобщая Конфедерація Труда, о которой въ послѣднее время столько говорили, служитъ связующимъ звеномъ между синдикатами, разбросанными по Франціи. Менѣе занятыя вопросами чисто экономическими и мѣстными интересами, корпоративныя федераціи заботятся, главнымъ образомъ, о подготовленіи единства дѣйствія въ будущей борьбѣ. По своей организаціи онѣ не всегда представляютъ собою одинъ и тотъ же типъ. Чаще всего встрѣчается федеративное устройство. Во главѣ его стоитъ комитетъ, состоящій изъ представителей различныхъ синдикатовъ. Эти представители, которые могутъ быть во всякое время отозваны, находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ—при помощи корреспонденціи—съ той группой, которая ихъ послала. Такъ организованы федераціи пищевыхъ продуктовъ, обработки кожъ и шкуръ, металлургической промышленности. Другія федераціи, напр. книжнаго производства, остаются строго централизованными и управляются комитетомъ, выбираемымъ всѣми членами федераціи на нѣсколько лѣтъ. Выборы происходятъ при помощи голосованія по спискамъ. Существуетъ еще одинъ видъ федеративной корпораціи: національный синдикатъ, раздѣленный на секціи, которыя лишь въ слабой степени являются автономными учрежденіями. Послѣдняя форма корпоративной организаціи распространена преимущественно среди рабочихъ крупныхъ компаній или правительственныхъ учрежденій. Организація Биржъ Труда имѣетъ своей основой синдикаты, регламентированные закономъ 1884 г. Биржи Труда помѣщаются обыкновенно въ зданіяхъ, отводимыхъ городскимъ управленіемъ, и субсидируются муниципальными совѣтами, что̀ позволяетъ послѣднимъ имѣть нѣкоторый контроль надъ дѣятельностью синдикатовъ. Наряду съ субсидируемыми биржами существуютъ и такъ называемыя свободныя.

Всеобщая Конфедерація Труда, служа исполнительнымъ органомъ федераціи Биржъ Труда, объединяетъ въ то же время синдикаты,

разнородные по своей спеціальности, но находящіеся въ одномъ и томъ же городѣ. Она раздѣлена, сообразно съ этимъ, на двѣ секціи, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой особый комитетъ, образуемый делегатами отъ группъ, входящихъ въ составъ этой секціи. Собраніе делегатовъ обѣихъ секцій составляетъ федеративный совѣтъ, отъ которого зависитъ общее направленіе политики рабочаго класса. Такъ напримѣръ, когда была предпринята кампанія противъ частныхъ бюро труда (bureaux privés de placement), а также за восьми-часовой рабочій день, совѣтъ назначилъ особыя коммиссіи, которыя должны были заняться этими вопросами. Федеральный совѣтъ не имѣетъ собственныхъ средствъ; его затраты покрываются поровну обѣими секціями, не особенно, впрочемъ, богатыми. Французскіе работники, въ противоположность традиціямъ трэдъ-юніоновъ, утверждаютъ, что богатые синдикаты быстро становятся буржуазными, консервативными и являются рѣшительными противниками всякой мысли о забастовкѣ. Всеобщая Конфедерація Труда имѣетъ свою еженедѣльную газету—„Голосъ Народа", выходящую въ количествѣ 7.000 экземпляровъ. Федеральный Совѣтъ созываетъ каждые два года конгрессъ федеративныхъ организацій. Послѣдній конгрессъ происходилъ въ Марсели. Весь политическій міръ съ интересомъ слѣдилъ за дебатами, въ которыхъ старались объяснить произведенные незадолго передъ тѣмъ аресты желаніемъ правительства распустить В. К. Т. или, по крайней мѣрѣ, видоизмѣнить ее, введя туда реформистовъ и умѣренныхъ. Тѣмъ же стремленіемъ правительства объясняли и событія въ Дравейлѣ и Вильневъ-Сенъ-Жоржѣ, результатомъ которыхъ былъ арестъ выдающихся главарей В. К. Т. какъ-разъ наканунѣ марсельскаго конгресса.

Всеобщая Конфедерація Труда привлекла къ себѣ напряженное вниманіе своей демонстраціей 1-го мая 1906 года. Съ какимъ ужасомъ парижская буржуазія наблюдала отчаянныя приготовленія, предпринятыя Клемансо, чтобы предотвратить возможную попытку столкновенія! Сколько провизіи было закуплено Сенъ-Жерменскимъ предмѣстьемъ! Говорили и повторяли старую легенду 48-го года, гласившую, что на одномъ изъ возставшихъ нашли билетъ съ надписью: билетъ на изнасилованіе одной женщины въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ (bon pour le viol d'une femme au Faubourg St.-Germain). День 1-го мая прошелъ спокойно, но съ этого времени завязалась борьба между правительствомъ и революціонной тенденціей Всеобщей Конфедераціи Труда. Внутри нѣкоторыхъ синдикатовъ началась агитація противъ руководителей Всеобщей Конфедераціи Труда. Правительству удалось привлечь на свою сторону нѣкоторыхъ дѣятелей рабочихъ организацій. Всѣ недавніе процессы служатъ какъ бы иллюстраціей этой попытки отвлечь болѣе спокойные элементы рабочаго населенія

отъ революціонныхъ вожаковъ. Необходимо имѣть въ виду, что на конгрессахъ корпоративныхъ группъ какъ маленькіе, такъ и большіе синдикаты имѣютъ каждый не болѣе одного голоса. Теоретики анархизма противопоставляютъ капиталистическому режиму, въ которомъ меньшинство, организованное или неорганизованное, подавляется большинствомъ, другой экономическій режимъ, при которомъ каждая групповая единица, каждая клѣтка имѣетъ право „свое сужденіе имѣть". Эта доктрина, исповѣдуемая большинствомъ на конгрессахъ, едва ли отвѣчаетъ реальнымъ соотношеніямъ силъ. Отсюда плачевный исходъ многихъ стачекъ, которыя, будучи рѣшены большинствомъ голосовъ на конгрессѣ, на дѣлѣ проводились лишь незначительной частью рабочихъ. Съ другой стороны, самый способъ объявленія забастовки исключаетъ всякое участіе въ томъ исполнительнаго комитета В. К. Т. Кто посѣщаетъ рабочіе круги, тотъ знаетъ, какъ все это происходитъ на дѣлѣ. Когда рабочая организація, затѣявшая стачку, принуждена затѣмъ поддерживать ее, она обращается за помощью въ федерацію данной профессіи (fédération du métier). Послѣдняя, изъ чувства солидарности, исполняетъ эту просьбу, не обсуждая вопроса о томъ, при какихъ условіяхъ возникла забастовка. Когда необходимо возбудить страсти, привлечь колеблющихся, тогда зовутъ на помощь В. К. Т., которая разсылаетъ агитаторовъ, вооруженныхъ только красивыми словами. Иногда случается, что рабочіе несиндикализованные, работающіе въ какой-нибудь отрасли промышленности и собирающіеся забастовать, обращаются за помощью къ В. К. Т. или къ какому-нибудь ея вожаку, такъ какъ сами не могутъ формулировать своихъ требованій. Иниціатива и здѣсь не принадлежитъ конфедераціи. Это позволяетъ анархиствующимъ вожакамъ движенія утверждать, что, въ противоположность всѣмъ политическимъ организаціямъ, В. К. Т. не управляетъ движеніемъ, а только воспринимаетъ толчокъ, идущій снизу.

При такихъ условіяхъ, повидимому, и совершились событія въ Дравейлѣ и Вильневъ-Сенъ-Жоржѣ. Наканунѣ 1-го мая прошлаго года рабочіе нѣсколькихъ лѣсопиленъ собрались въ Дравейлѣ-Винье, чтобы предъявить, въ формѣ „cahiers de doléances", свои требованія. Это была мѣстная, частичная манифестація рабочихъ, случайно собравшихся въ мастерскихъ. Патроны отказались ихъ выслушать. Этотъ отказъ былъ скорѣе платоническимъ отрицаніемъ права рабочихъ предъявлять свои требованія по случаю 1-го мая, чѣмъ пожеланіемъ спорить по существу. Рабочіе Дравейля обратились за содѣйствіемъ къ союзу синдикатовъ департамента Сены; послѣдній, въ свою очередь, призвалъ на помощь федерацію каменщиковъ. Эта федерація была, такимъ образомъ, призвана сыграть активную роль въ движеніи, не выяснивъ предварительно, насколько справедливы были требованія рабочихъ

Дравейля. Позднѣе, во время митинга въ Вильневъ-Сенъ-Жоржѣ, вслѣдствіе излишняго рвенія одного жандармскаго капитана, произошло кровавое столкновеніе, жертвой котораго пали нѣсколько рабочихъ. Тогда выступила на сцену Всеобщая Конфедерація Труда. Во время похоронъ одного изъ убитыхъ—членъ главнаго комитета, лично сообщившій мнѣ объ этомъ—предложилъ протестовать противъ убійствъ въ Дравейлѣ, устроивъ частичную забастовку. Идея нашла сторонниковъ, распространилась съ быстротой молніи. Частичная забастовка была объявлена, а самая мысль усердно комментировалась на митингахъ. Рабочіе Вильневъ-Сенъ-Жоржа, чтобы показать свою солидарность съ парижскими товарищами, настояли на томъ, чтобы былъ организованъ митингъ въ Вильневѣ. Вожаки Федеральнаго Совѣта, какъ это доказано на судебномъ слѣдствіи, были абсолютно противъ манифестаціи, предпочитая организовать въ Парижѣ многочисленные митинги протеста; но, подхваченные волною движенія, не будучи въ состояніи его направлять, они послѣдовали за протестующими товарищами и сами прибыли въ Вильневъ. Здѣсь произошло кровавое столкновеніе между забастовщиками и войсками. Оно возбудило преувеличенныя надежды реакціонеровъ, мечтавшихъ воспользоваться случаемъ, чтобы сокрушить силу рабочаго синдикализма. Съ другой стороны, эти событія вызвали опасенія передовыхъ республиканцевъ, какъ бы съ такимъ трудомъ пріобрѣтенныя свободы не сдѣлались призрачными и не совершился возвратъ къ оборонительному консерватизму.

Амнистія, недавно обѣщанная правительствомъ, является логическимъ послѣдствіемъ освобожденія главныхъ руководителей движенія. Она положитъ конецъ тѣмъ осложненіямъ, которыя могли бы имѣть самыя печальныя послѣдствія. Конгрессъ Всеобщей Конфедераціи Труда, имѣвшій мѣсто въ Марсели, равно какъ и соціалистическій конгрессъ, засѣдавшій въ октябрѣ прошлаго года въ Тулонѣ, показываютъ, что съ одной стороны сами рабочіе, съ другой—лидеры политическихъ партій, стараются направить движеніе въ иное русло, сдѣлать его болѣе организованнымъ. Въ цѣломъ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ „Humanité“ Жоресомъ, Кейферомъ, Герaромъ, проводится мысль о необходимости референдума въ вопросахъ о забастовкѣ. Жоресъ требуетъ, чтобы стачка была рѣшаема голосованіемъ рабочихъ. Законъ „большинства“, принимаемый во время экономическихъ конфликтовъ—это смерть революціонной тактики. Можно, однако, вмѣстѣ съ сторонниками такъ называемой внезапной стачки, сильно сомнѣваться въ искренности неорганизованнаго голосованія, особенно въ моменты соціальной борьбы. Подумайте только,—говорили мнѣ,—если политическое голосованіе, практикуемое уже годами, не можетъ обезпечить полной свободы избирателя, то есть ли основаніе предполагать, что

голосованіе о забастовкѣ будетъ выражать собою истинное настроеніе рабочихъ?

Какъ бы то ни было, первымъ дѣломъ конгресса въ Марсели было выразить сочувствіе арестованнымъ товарищамъ и одобреніе Федеральному Совѣту за тактику, которой онъ слѣдовалъ начиная съ конгресса въ Амьенѣ. Не помогло и то, что реформистская и умѣренная оппозиція, выставившая своимъ избирательнымъ credo референдумъ и пропорціональное представительство, была представлена Ренаромъ и Купо, энергичными ораторами. Вопросъ о пропорціональныхъ выборахъ потерпѣлъ фіаско; личное голосованіе, а не голосованіе по синдикатамъ—говорили революціонеры,—отстранитъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ. Мелкій синдикатъ долженъ имѣть такое же значеніе, какъ и крупный. Вѣдь въ Соединенныхъ Штатахъ всякій штатъ, небольшой или значительный, имѣетъ въ сенатѣ одинаковое число представителей.

Боевымъ пунктомъ дебатовъ былъ вопросъ о тактикѣ рабочаго класса въ случаѣ войны. Тѣ, которые знакомы съ психологіей рабочаго,—Georges Sorel ее прекрасно изобразилъ въ своей книгѣ: „Réfléxions sur la violence",—знаютъ, что рабочій не является антимилитаристомъ самъ по себѣ, теоретическимъ противникомъ всякой борьбы. Массовое движеніе, всеобщая стачка, боевое воодушевленіе являются для рабочаго—говоритъ Сорель—тѣмъ же, чѣмъ энтузіазмъ былъ для буржуа эпохи Великой Революціи. Быть можетъ, одни лишь рабочіе способны воспринять ту дисциплину, которая столь необходима для общаго дѣла, для настоящаго порыва солидарности. Стачка—вовсе не орудіе противъ войны; она скорѣе — проявленіе воинственнаго духа. Пламенные темпераменты, непочатые запасы энергіи—вотъ что вноситъ въ современную классовую борьбу тотъ подъемъ, который нѣкогда шелъ у предковъ на политическую борьбу.

Политика умѣренныхъ заключалась, на марсельскомъ конгрессѣ, въ томъ, чтобы вычеркнуть изъ порядка дня вопросъ о патріотизмѣ или антипатріотизмѣ. Это — говорили они — вопросы чисто философскіе, это—исключительно дѣло совѣсти каждаго отдѣльнаго лица. По вопросу, какъ должны поступить рабочія массы въ случаѣ войны, была принята, большинствомъ 681 гол. противъ 421, при 43 воздержавшихся, резолюція, осуждающая вмѣшательство арміи во время забастовокъ и приглашающая солдатъ не пускать въ ходъ своего оружія въ такихъ случаяхъ.

Дѣйствительно ли Всеобщая Конфедерація Труда относится равнодушно къ идеѣ отечества? Старается ли она затемнить, вычеркнуть, какъ утверждаютъ нѣкоторые, понятіе отечества изъ обширнаго лексикона гуманныхъ чувствъ? Было бы большой ошибкой этому вѣрить.

Космополитизмъ конфедераціи отнюдь не похожъ на космополитизмъ перваго интернаціонала. Для послѣдняго революціонная борьба была немыслима безъ интернаціонализма. Объединеніе рабочихъ всѣхъ странъ было отправнымъ пунктомъ; настоящей работой считалась революція въ умахъ, производимая при помощи науки, неизбѣжной и необходимой спутницы прогресса. Космополитизмъ же въ томъ видѣ, въ какомъ представляютъ его заправила Всеобщей Конфедераціи Труда, является чисто платонической догмой, въ которой слишкомъ много недовѣрія по отношенію къ рабочимъ организаціямъ другихъ странъ. Извѣстенъ тотъ холодный пріемъ, которымъ были встрѣчены въ международномъ союзѣ синдикатовъ делегаты Всеобщей Конфедераціи Труда. Сознавая возможность возстанія, которое опиралось бы на революціонныя тенденціи рабочихъ другихъ странъ, конфедерація не вполнѣ уясняетъ себѣ свою роль въ подобномъ случаѣ. Пока она стремится скорѣе къ развитію революціоннаго темперамента французскихъ рабочихъ, чѣмъ къ объединенію рабочихъ всѣхъ странъ во имя отрицанія отечества. Французскій антипатріотизмъ—это антимилитаризмъ или, вѣрнѣе, невмѣшательство войскъ при экономическихъ стачкахъ.

Дебаты марсельскаго конгресса отличались, во всякомъ случаѣ, духомъ умѣренности. Фурнье имѣлъ полное основаніе сказать въ „Revue Socialiste“, что лихорадочное состояніе, которымъ былъ охваченъ синдикальный анархизмъ, теперь улеглось. Въ Марсели не было, какъ въ Амьенѣ, выражено желаніе увеличить число забастовокъ, какъ революціонныхъ упражненій, военныхъ маневровъ, предшествующихъ настоящей революціи. По вопросу о пропорціональномъ представительствѣ меньшинство, достигавшее въ 1904 г. 5,6%, составило уже 36%. По вопросу о милитаризмѣ и о войнѣ резолюція марсельскаго конгресса также умѣреннѣе амьенской.

Отношеніе правительства къ Всеобщей Конфедераціи Труда не внушаетъ никакихъ опасеній. Вивіани, характеризуя ту глубокую эволюцію, которая произошла въ синдикатахъ, сказалъ, что необходимо покровительствовать рабочимъ организаціямъ, дать имъ всѣ права юридическихъ лицъ. Только такимъ образомъ можно будетъ ослабить опасность, представляемую революціонной тактикой. Эта рѣчь явилась предисловіемъ къ освобожденію заключенныхъ въ то время вождей Всеобщей Конфедераціи Труда; слѣдствіе о нихъ было вскорѣ прекращено. Дешанель также ничего не имѣетъ противъ роста французскаго синдикальнаго движенія. Развивайтесь!—говоритъ онъ синдикатамъ, какъ нѣкогда говорилъ французамъ Гизо: богатѣйте! По словамъ доклада, представленнаго конгрессу въ Марсели, Всеобщая Конфедерація Труда пріобрѣла 90.000 новыхъ членовъ и насчитываетъ

ихъ теперь около 300.000. Число биржъ труда увеличилось съ 135 до 157. Финансовая сторона по прежнему слаба. Различныя федераціи внесли во Всеобщую Конфедерацію Труда 27.339 фр. членскихъ взносовъ, биржи—16.399 фр. Касса помощи на случай забастовокъ обладаетъ 23.000 фр., касса пропаганды—5.000 фр.; фонды на случай всеобщей забастовки составляютъ 5.034 фр. 5 сантимовъ. Этихъ цифръ достаточно, чтобы разсѣять тотъ страхъ, который внушаетъ возможность генеральной стачки, организованной Всеобщей Конфедераціей Труда.

Соціалистическій конгрессъ въ Тулузѣ, состоявшійся вскорѣ послѣ марсельскаго конгресса, знаменуетъ собою новый поворотъ въ исторіи соціалистической политики, категорически осуждающій чисто революціонную тактику. Прежде всего обсуждался вопросъ, слѣдуетъ ли возстановить блокъ съ радикалами. Гервэ отсутствовалъ; вмѣсто него Жоберъ, крайній лѣвый, требовалъ осужденія парламентской работы. Гедисты, вообще враждебные идеѣ антипатріотизма и революціонному синдикализму, стояли за исключеніе анархистовъ и за возстановленіе, въ ея чистомъ видѣ, коллективистической доктрины. Но и они, какъ сторонники классовой борьбы, были противъ блока: депутаты-соціалисты, по ихъ мнѣнію, должны держаться въ палатѣ изолированно, не входя ни въ какіе компромиссы съ буржуазными партіями. Они должны ждать момента, когда за ними будетъ большинство. Жоресъ предложилъ формулу, въ которой священнымъ долгомъ соціалистической партіи признается пропаганда во время выборовъ, съ цѣлью увеличенія парламентской и законодательной мощи соціализма. Генеральная стачка разсматривается Жоресомъ какъ нѣчто весьма отдаленное и примѣнимое лишь къ будущей борьбѣ. Еще яснѣе онъ подчеркнулъ свою мысль на митингѣ въ Tivoli-Vaux-Hall, говоря противъ Гервэ.

Успѣхъ соціалистовъ на послѣднихъ частичныхъ выборахъ въ д-тахъ Авейрона и Саоны и Луары, отвлечетъ ихъ отъ того пути, къ которому склонялись было нѣкоторые изъ нихъ. Не имѣя возможности вступить въ блокъ съ радикалами, они вошли въ сношенія съ монархистами. Разногласіе между соціалистами и Всеобщей Конфедераціей Труда, стоящей совершенно въ сторонѣ отъ политической борьбы, становится все менѣе рѣзкимъ, по мѣрѣ того, какъ анархистскіе элементы начинаютъ вытѣсняться изъ руководящаго рабочимъ классомъ центральнаго комитета. Сторонники анархистскихъ ученій разсчитываютъ единственно на синдикаты, подобно тому, какъ нѣкогда піонеры кооперативнаго движенія надѣялись уничтожить все зло устройствомъ общественныхъ мастерскихъ. Но иллюзіи исчезаютъ, реальная политика беретъ верхъ надъ ними. Самой характерной особенностью со-

временнаго синдикальнаго движенія является его стремленіе организоваться собственными усиліями, совершенно внѣ и помимо буржуазныхъ классовъ. Оно поддерживаетъ то старое недовѣріе къ „людямъ во фракахъ", которые пользуются рабочими, чтобы достигнуть власти, но быстро забываютъ свои обѣщанія, имѣя власть въ рукахъ.

Синдикальное движеніе среди чиновниковъ не болѣе революціонно по своей сущности. Оно можетъ быть формулировано такъ: „Вы, государство, не являетесь больше для насъ провидѣніемъ, — особенно послѣ отдѣленія церкви отъ государства, которое начинаетъ проходить въ жизнь. И мы требуемъ отъ васъ гарантій точно такъ же, какъ и отъ обыкновеннаго хозяина. То, чего мы со временемъ ожидаемъ отъ государственнаго вмѣшательства, мы ждемъ и теперь отъ организаціи, къ которой принадлежимъ. Она будетъ протестовать противъ незаконныхъ назначеній, противъ кумовства, которое позволяетъ сынкамъ депутатовъ и сенаторовъ дѣлать блестящія карьеры, въ то время какъ обиженные судьбой маленькіе служащіе сѣдѣютъ, ожидая назначенія помощникомъ столоначальника". Этотъ взглядъ настолько справедливъ, что государственный совѣтъ—высшее административное судилище—отмѣнилъ недавно декреты о повышеніи нѣкоторыхъ лицъ, какъ противные установленнымъ правиламъ службы. Правительство, съ своей стороны, организовало конкурсы для замѣщенія должностей въ судебномъ вѣдомствѣ; повышеніе судей происходитъ въ заранѣе установленномъ порядкѣ. Законопроектъ (Statut des fonctionnaires), недавно предложенный правительствомъ, имѣетъ цѣлью создать болѣе правильную систему отношеній между чиновниками и государствомъ, подвести эти отношенія подъ формулу контракта. Силою обстоятельствъ государство призвано расширять свою дѣятельность, особенно въ финансовой области. Противовѣсомъ этому должна служить организація чиновниковъ, имѣющихъ, какъ и всѣ граждане, право собраній, согласно закону 1901 г. Къ совмѣстной работѣ съ правительствомъ призываются и другія организаціи. Синдикатамъ предоставлено государственнымъ совѣтомъ право вмѣшательства въ случаѣ нарушенія закона о еженедѣльномъ отдыхѣ. Организаціи могутъ, такимъ образомъ, идти рука объ руку съ государствомъ, не вступая съ нимъ въ борьбу. Особенно широкимъ такое сотрудничество станетъ тогда, когда въ средѣ соціалистовъ-рабочихъ исчезнетъ анархистская лихорадка.

І. Черновъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1909 г.

Турецкія дѣла.—Черносотенная контръ-революція и ея быстрый разгромъ.—Русскіе поклонники Абдулъ-Гамида и его евнуховъ.—Младотурецкая военная кампанія и вопросъ о перемѣнѣ царствованія.—Два султана.—Значеніе турецкихъ событій.

Турція продолжаетъ удивлять Европу неожиданными поворотами своей новой исторіи. Ровно мѣсяцъ тому назадъ, 31 марта (13 апрѣля) пришло изъ Константинополя ошеломляющее извѣстіе о военномъ возстаніи противъ конституціи и парламента, о паденіи младотурецкаго владычества и о торжествѣ сторонниковъ прежней неограниченной власти султана. Казалось, что турецкая революція, при всемъ самобытномъ искусствѣ ея вождей, не избѣгла обычной судьбы революціонныхъ движеній и вернулась опять къ своей исходной точкѣ. Старый режимъ, объявленный уже умершимъ и оффиціально похороненный при участіи самого падишаха, внезапно вышелъ изъ засады и показалъ свои мертвые зубы, къ ужасу всѣхъ друзей новаго строя. Подъ лицемѣрной маской религіознаго уваженія къ исконнымъ началамъ „шаріата", защитники господства евнуховъ осуществили свои тайныя надежды при помощи вооруженнаго сброда, руководимаго подкупленными мусульманскими „патріотами" и изувѣрами. Совершилась контръ-революція, и коварный Абдулъ-Гамидъ съ лицемѣрными фразами на устахъ заранѣе предвкушалъ сладость возмездія. Повсюду чувствовалась увѣренность, что насталъ конецъ турецкой конституціи и что великое дѣло коренного возрожденія Оттоманской имперіи, столь превосходно начатое младотурками, подверглось роковой неудачѣ.

Печать и общественное мнѣніе сразу отнеслись къ происшедшимъ событіямъ съ установившейся, можно сказать—шаблонной точки зрѣнія. Послѣ революціи полагается быть контръ-революціи, и этотъ обыкновенный порядокъ вещей не могъ быть нарушенъ Турціею. Газетные философы доказывали, что въ сущности катастрофа была неизбѣжна, и что она подготовлялась цѣлымъ рядомъ крупныхъ ошибокъ младотурецкаго правительства и его дѣятелей. Одни утѣшались сознаніемъ, что Турція не выдержитъ предстоящаго тяжкаго кризиса

и неминуемо придетъ къ окончательному распаденію, при благосклонномъ содѣйствіи иностранныхъ покровителей; другіе искренно сожалѣли о судьбѣ турецкихъ патріотовъ, благодушно мечтавшихъ о превращеніи стараго и жестокаго деспота въ добросовѣстнаго конституціоннаго государя; но никто не сомнѣвался въ томъ, что произошла дѣйствительная контръ-революція и что всѣмъ либерально-прогрессивнымъ турецкимъ партіямъ предстоитъ періодъ грозныхъ испытаній и гоненій. Къ удивленію многихъ, у насъ нашлись даже единомышленники и поклонники евнуховъ Абдулъ-Гамида—истинно-русскіе политическіе евнухи; они радостно привѣтствовали возстановленіе самодержавія гаремныхъ фаворитовъ и язвительно глумились надъ младотурецкими крамольниками, позволявшими себѣ стремиться къ возрожденію родины безъ предварительнаго согласія и одобренія султанскихъ слугъ. Наши охранители раскрыли по этому случаю свои подлинныя чувства и понятія; они обнаружили готовность прославлять всякое беззаконіе, даже несомнѣнно пагубное для страны, если только оно исходитъ отъ традиціонныхъ носителей власти. Для людей съ здравымъ смысломъ было вполнѣ очевидно, что старый деспотическій режимъ не приноситъ ничего другого, кромѣ разоренія и гибели, и что введеніе правильнаго народнаго представительства есть единственный шансъ спасенія для злосчастныхъ монархій восточнаго типа; но если поставлена дилемма — либо гибель націи, либо нарушеніе верховныхъ правъ самовластья,—истинно-холопскія души не колеблются въ своемъ выборѣ и всегда принимаютъ сторону властителя. Усердное преклоненіе нашихъ крайнихъ правыхъ предъ турецкимъ султаномъ и его евнухами за ихъ мнимую побѣду надъ жизненными интересами государства составляетъ повидимому забавный, а въ дѣйствительности крайне-грустный эпизодъ послѣднихъ событій. Лакейскіе восторги по поводу паденія турецкой конституціи и торжества султанской челяди разоблачили все убожество міросозерцанія лицъ и кружковъ, которымъ фактически принадлежитъ очень вліятельная роль въ нашей политической жизни. Можно подумать, что въ нѣкоторой части общества чувство государственности и патріотизма уступило мѣсто безнадежному первобытному холопству, не различающему чужихъ господъ отъ своихъ. Открытыя выраженія сочувствія злѣйшему врагу христіанскихъ народностей ближняго Востока за попытку уничтожить народныя права достаточно ярко характеризуютъ нашихъ обскурантовъ. На этотъ разъ, однако, усердіе истинно-русскихъ людей было вскорѣ достойно посрамлено дальнѣйшимъ ходомъ турецкаго кризиса.

Къ счастью для Турціи, дѣятели младотурецкой партіи не считали для себя обязательнымъ держаться какихъ-либо предвзятыхъ

теорій относительно смѣны періодовъ прогресса и реакціи, революціи и контръ-революціи. Они не стали убѣждать себя и другихъ, что наступила очередь реакціи и что надо смиренно подчиниться обстоятельствамъ, въ ожиданіи лучшихъ временъ; они не провозглашали побѣды противниковъ и не подсказывали имъ цѣлесообразныхъ мѣръ для поддержанія и упроченія достигнутаго успѣха. Они не предавались унынію и не излагали своихъ разочарованій въ печати; они не думали утѣшать себя философскими разсужденіями о реакціи и контръ-революціи, а немедленно начали дѣйствовать по опредѣленному плану, чтобы положить конецъ незаконнымъ посягательствамъ на конституцію. Сознательная энергія младотурокъ вскорѣ принесла свои плоды. Не прошло и трехъ дней со времени солдатскаго переворота въ Константинополѣ, какъ сдѣлалось яснымъ для всѣхъ неминуемое возстановленіе конституціоннаго порядка хотя бы цѣною кровавой борьбы. Младотурки не остановились предъ перспективой междоусобія; они тотчасъ же организовали надлежащее противодѣйствіе реакціонерамъ и съумѣли внушить довѣріе къ своимъ силамъ и къ своей настойчивости. Противникамъ не дано было воспользоваться своимъ торжествомъ; они растерялись, выказали трусость и озлобленіе, при извѣстіяхъ о движеніи младотурецкихъ войскъ къ столицѣ. Контръ-революція встрѣтила такой могучій, хорошо разсчитанный отпоръ, что сама обратилась въ ничто; ея силы разсѣялись, оставшись безъ руководителей и начальниковъ, и жалкіе евнухи высшаго ранга, прежде „законные" хозяева имперіи, должны были очистить насиженныя мѣста, къ великому огорченію своихъ россійскихъ соревнователей. Такая быстрая расправа съ контръ-революціею совершенно спутала всѣ привычныя соображенія нашихъ султанофильскихъ патріотовъ и поставила ихъ въ смѣшное и глупое положеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ она внесла нѣчто новое въ тактику и психику прогрессивныхъ партій.

Нельзя отрицать, что младотурецкій комитетъ допустилъ въ своихъ дѣйствіяхъ нѣкоторыя существенныя ошибки со времени введенія конституціи въ іюлѣ прошлаго года. Онъ возстановилъ противъ себя значительную часть турецкаго общества уже тѣмъ, что сохранилъ свою особую партійную организацію, въ видѣ союза „единства и прогресса", вмѣсто преобразованія въ общедоступную правительственную партію, съ широкою программою необходимыхъ реформъ. Очень можетъ быть, что младотурки обращали слишкомъ мало вниманія на вліятельный и невѣжественный классъ низшаго мусульманскаго духовенства, на массы темныхъ фанатиковъ, возмущенныхъ требованіемъ равноправности христіанъ съ мусульманами и не видящихъ спасенія внѣ исконныхъ началъ шаріата. Религіозное суевѣріе было единственною силою, способною поднять движеніе противъ устрои-

телей новаго конституціоннаго порядка вещей, ибо даже вѣрнѣйшіе евнухи султана не могли бы утверждать, что самовластіе Абдулъ-Гамида было полезно для государства или народа, а не только для нихъ самихъ. Но религія мусульманская и высшее ея духовенство не находятся всецѣло въ рукахъ властителя, а имѣютъ свои самостоятельные источники авторитета, которые въ случаѣ надобности обращаются и противъ султана, нарушающаго свой долгъ предъ отечествомъ. Многіе признаки указывали на упадокъ популярности младотурокъ и на усиленіе скрытой реакціонной оппозиціи; противъ комитета выступали и либералы, члены соперничающаго съ нимъ либеральнаго союза, и эти партійные раздоры возбудили среди приближенныхъ султана мысль о возможномъ поворотѣ къ прошлому благополучію, съ устраненіемъ парламентскаго и общественнаго контроля. Въ Константинополѣ, 7 апрѣля (нов. ст.), совершено было на улицѣ политическое убійство: неизвѣстные люди застрѣлили главнаго редактора демократической газеты „Serbesti", который неустанно, съ необычайною рѣзкостью, нападалъ на младотурецкій комитетъ, на его военныхъ и правительственныхъ дѣятелей. Убійцы, одѣтые въ какіе-то служебные мундиры, безслѣдно скрылись, и молва заподозрила въ нихъ исполнителей воли комитета; возникла сильная агитація, руководимая „либеральнымъ союзомъ", органомъ котораго служила газета „Serbesti"; больше тысячи человѣкъ собралось передъ Портою съ громкими требованіями суда и казни для убійцъ. Въ парламентѣ предъявленъ былъ запросъ о случившемся; султанъ издалъ указъ о торжественномъ погребеніи убитаго въ мавзолеѣ султана Махмуда. Постепенно создавалось настроеніе, при которомъ случайные безпорядки могли легко превратиться въ нѣчто весьма серьезное. Евнухи и служители султана старались пріобрѣсть друзей и союзниковъ среди солдатъ константинопольскаго гарнизона, раздавали деньги софтамъ и ходжамъ, распространяли слухи о покушеніяхъ на жизнь Абдулъ-Гамида, и подстроенная вспышка состоялась въ ночь на 13-ое апрѣля; анатолійскія войска покинули казармы, окружили зданія Порты и парламента, завладѣли помѣщеніемъ военнаго министерства и предъявили цѣлый рядъ политическихъ требованій, направленныхъ къ возстановленію нарушеннаго будто бы религіознаго авторитета. Возставшіе требовали смѣны великаго визиря, военнаго министра и президента палаты; они не упоминали объ упраздненіи конституціи и парламента, а говорили глухо о шаріатѣ—изъ чего можно было заключить, что вдохновители ихъ дѣйствуютъ съ большою осторожностью. Опорою младотурецкаго правительства оставался Салоникскій егерскій полкъ, но и онъ перешелъ въ лагерь противниковъ, въ силу какихъ-то таинственныхъ вліяній; офицеры были большею частью арестованы сол-

датами, многіе изъ нихъ были убиты, и военные отряды подчинялись командѣ фельдфебелей и духовныхъ лицъ, увѣрявшихъ толпу, что ничто не угрожаетъ конституціи и парламенту, что надо только наказать измѣнниковъ, обуздать инородцевъ и спасти мусульманскую вѣру. Послѣ того какъ возставшіе умертвили министра юстиціи и прочно заняли важнѣйшіе пункты города, паденіе младотурецкаго владычества могло казаться достигнутымъ, и султанъ Абдулъ-Гамидъ выступилъ съ манифестомъ, въ которомъ заявилъ о принятіи мѣръ для сохраненія спокойствія и благосостоянія страны, обѣщалъ позаботиться о соблюденіи шаріата, гарантировалъ безнаказанность возмутившимся войскамъ, посылалъ имъ свой привѣтъ и совѣтовалъ возвратиться въ казармы. Военнымъ министромъ назначенъ былъ маршалъ Эдхемъ-паша, а великимъ визиремъ — бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Тевфикъ-паша. Султанскій ираде былъ прочитанъ въ парламентѣ; этимъ давалось понять населенію, что конституція остается въ силѣ и что никакихъ крутыхъ перемѣнъ правительство не затѣваетъ. Такъ окончился первый день, 13 апрѣля; повсюду выражалась надежда, что опасный моментъ миновалъ, что личное вмѣшательство султана предупредило анархію и что солдаты должны успокоиться послѣ данныхъ имъ обѣщаній. Между тѣмъ волненіе разросталось съ утра слѣдующаго дня, а изъ Салоникъ приходили извѣстія о приготовленіяхъ младотурецкихъ командировъ и ихъ войскъ къ походу на Константинополь. Въ Европѣ готовы были вѣрить, что дѣло ограничится перемѣною личнаго состава министерства и что постепенно все войдетъ въ норму безъ ущерба для парламентскихъ вольностей, при активномъ участіи Абдулъ-Гамида; но младотурки отлично понимали закулисную сторону искусственно подстроеннаго бунта и не теряли времени для организаціи соотвѣтственныхъ энергическихъ мѣропріятій.

Анархія съ большимъ трудомъ сдерживалась въ Стамбулѣ; лихорадочныя усилія употреблялись для того, чтобы съ одной стороны удовлетворить возставшихъ, а съ другой — устранить панику среди европейцевъ. Парламентъ, при довольно значительномъ составѣ присутствующихъ членовъ, въ засѣданіи 15 апрѣля единогласно одобрилъ низверженіе кабинета Хильми-паши, выразилъ признательность войскамъ, особенно за поддержаніе дисциплины, и подтвердилъ рѣшимость „продолжать свои занятія для блага государства, согласно указаніямъ шаріата и конституціи“, которая по министерскому увѣренію никѣмъ не будетъ нарушена. Въ палатѣ прочитываются телеграммы о томъ, что въ Салоникахъ, Монастырѣ и Янинѣ войска остаются въ распоряженіи комитета и что населеніе провинцій возмущается противъ константинопольскихъ насилій. Впервые осязательно чувствуется тревожная перспек-

тива междоусобной войны. Но военный сбродъ Стамбула, лишенный признанныхъ вождей, не представлялъ пригоднаго матеріала для военныхъ дѣйствій противъ регулярной арміи, которою располагали младотурки. Новые министры настойчиво утверждали, что сохраненіе конституціи вполнѣ обезпечено, что ни реакціи, ни контръ-революціи вовсе не было и нѣтъ, что произошли только маленькіе безпорядки, которые удалось своевременно подавить, и что слѣдовательно не существуетъ ни малѣйшаго повода опасаться какихъ-либо междоусобій. „Мы всѣ клялись охранять конституцію, — воскликнулъ одинъ изъ министровъ въ палатѣ, 15 апрѣля,—и мы будемъ защищать ее до конца жизни. Не бойтесь ничего!“ Депутаты протестовали противъ послѣдняго выраженія, такъ какъ „оттоманская нація никого не боится“, и министръ вынужденъ былъ взять назадъ свой неосторожный призывъ „не бояться“. Съ цѣлью показать всему міру, что ничто въ сущности не измѣнилось въ Константинополѣ, султанъ участвовалъ 16 апрѣля въ обычномъ празднествѣ селамлика, въ присутствіи большого количества войскъ. Абдулъ-Гамидъ надѣялся еще обновить и поддержать свою популярность въ народѣ, выставляя себя одновременно хранителемъ корана и конституціи. Нужно было только добиться успокоенія младотурецкихъ патріотовъ и войскъ, чтобы развязать себѣ руки для будущаго; но этотъ планъ окончательно потерпѣлъ фіаско. Именно съ 16 апрѣля ясно опредѣляется планомѣрное движеніе двухъ корпусовъ, македонскаго и адріанопольскаго, къ Константинополю, подъ общимъ начальствомъ командира перваго изъ нихъ, генерала Махмуда-Шефкета-паши, и съ тѣхъ поръ дѣло константинопольской контръ-революціи представляется безповоротно проиграннымъ.

Любопытно прослѣдить, какая тонкая дипломатія ведется съ обѣихъ сторонъ во время этихъ тревожныхъ ожиданій и приготовленій. Султанъ дѣлаетъ видъ, что онъ твердо желаетъ жить въ мирѣ съ конституціею и парламентомъ, что онъ ничего не имѣетъ и противъ младотурецкаго правительства, и что солдатскій бунтъ былъ ему лично очень непріятенъ; вліятельные младотурки съ своей стороны заявляютъ, что активное участіе Абдулъ-Гамида въ послѣднихъ событіяхъ ничѣмъ не доказано и что нѣтъ основанія возбуждать вопросъ объ отреченіи его отъ престола. Вмѣстѣ съ тѣмъ приводились разные вѣскіе политическіе доводы противъ насильственной перемѣны царствованія и заранѣе обсуждались шансы миролюбиваго соглашенія между комитетомъ и султаномъ. Младотурки обнаруживали замѣчательную деликатность по отношенію къ монарху, противъ котораго собирали свои войска, и толки о компромиссѣ повторялись во всѣхъ газетахъ до послѣдняго момента приготовительныхъ военныхъ сборовъ подъ стѣнами Константинополя.

Одинъ изъ выдающихся организаторовъ младотурецкой революціи, молодой Энверъ-бей, въ разговорѣ съ корреспондентомъ „Berliner Tageblatt" въ Салоникахъ, 18 апрѣля, считалъ нужнымъ прежде всего подчеркнуть, что для утвержденія о прикосновенности султана къ происшедшимъ безпорядкамъ недостаетъ доказательствъ. Султанъ, по словамъ Энверъ-бея, „не станетъ себя компрометтировать, ибо онъ слишкомъ боится за свой тронъ; слухъ объ его участіи возникъ потому, что многіе офицеры внезапно оказались обладателями большихъ денежныхъ средствъ, но деньги могли появиться и изъ другого источника". Бунтъ—говорилъ далѣе майоръ—„будетъ подавленъ въ зародышѣ внушительною повсемѣстною демонстраціею въ пользу конституціи. Мы получили заявленія вѣрности не только изъ Адріанополя, но и изъ Смирны и Эрзерума. Предложенія добровольцевъ мы пока отклоняемъ. Но манифестаціи всѣхъ народностей должны быть признаны внушительными. Я не вѣрю въ серьезное сопротивленіе столичнаго гарнизона. Возстаніе не было ни національнымъ, ни религіознымъ движеніемъ; однако, мы примемъ мѣры для предупрежденія подобныхъ событій въ будущемъ". Двумя днями позже, 20 апрѣля, главнокомандующій, маршалъ Махмудъ-Шефкетъ-паша, уполномочилъ того же нѣмецкаго корреспондента сообщить въ газетахъ, что „извѣстія объ отреченіи султана неосновательны и неправдоподобны; отказъ Абдулъ-Гамида отъ престола былъ бы, сверхъ того, безцѣльнымъ, такъ какъ въ конституціонномъ государствѣ личность государя сравнительно не играетъ большой роли; но отказъ былъ бы также неразуменъ, ибо онъ вызвалъ бы затрудненія внутри имперіи и недовѣріе за границей, въ силу того принципа, что одновременно не можетъ существовать двухъ калифовъ". Съ другой стороны, настойчиво распространялся слухъ, что глава мусульманскаго духовенства, шейхъ-уль-исламъ, категорически выразилъ свое несогласіе подписать актъ о религіозномъ оправданіи отрѣшенія султана отъ престола. Такимъ образомъ систематически поддерживалась мысль о готовности младотурокъ оставить Абдулъ-Гамида на тронѣ, подъ условіемъ извѣстныхъ конституціонныхъ гарантій; въ свою очередь и султанъ призывалъ къ себѣ уволеннаго великаго визиря Хильми-пашу, предлагалъ возстановить его въ прежней должности и обѣщалъ всякія желательныя гарантіи для обезпеченія прочности конституціи. Султанъ повѣрилъ — или дѣлалъ видъ, что вѣритъ—въ миролюбіе и снисходительность комитета; онъ разсчитывалъ сохранить свой титулъ и заранѣе соглашался на тѣ уступки, которыя могутъ быть отъ него потребованы. Абдулъ-Гамидъ полагалъ, что ему удастся провести довѣрчивыхъ и великодушныхъ враговъ, а тѣ сознательно поощряли его иллюзіи, чтобы удержать его отъ попытокъ сопротивленія и облегчить задачу своей арміи.

Для успѣха предпріятія было очень важно устранить главнѣйшій поводъ къ разногласіямъ и сомнѣніямъ среди самихъ младотурецкихъ войскъ; оттого такъ настойчиво отрицалось намѣреніе требовать отставки султана. Послѣ продолжительнаго засѣданія министерскаго совѣта 20-го апрѣля министры подтвердили представителямъ печати, что вожди комитетской арміи въ своихъ сношеніяхъ съ правительствомъ совершенно не затрогивали вопроса о личности султана, что требованія ихъ отличаются крайней умѣренностью и легко могутъ быть удовлетворены, и что всѣ извѣстія объ отреченіи султана или устраненіи его отъ престола основаны на вымыслѣ; шейхъ-уль-исламъ сказалъ положительно, что „объ отставкѣ султана не можетъ быть и рѣчи". Самое вступленіе македонскихъ войскъ въ Константинополь было предметомъ оффиціальныхъ переговоровъ и мотивировалось необходимостью прекратить безпорядки въ столицѣ, причемъ имѣлось въ виду избѣгнуть встрѣчи этихъ войскъ съ отрядами мѣстнаго гарнизона. Прежде чѣмъ двинуться впередъ для занятія столицы, главнокомандующій передовыми военными силами, генералъ Гусни-паша, обратился къ гарнизону съ воззваніемъ, въ которомъ формулировалъ свои требованія и условія по отношенію къ возставшимъ. Всѣ части гарнизона должны въ присутствіи шейхъ-уль-ислама и своихъ командировъ принести надъ кораномъ торжественную присягу въ томъ, что будутъ слѣпо повиноваться начальникамъ и откажутся отъ всякаго вмѣшательства въ политику; они должны обѣщать также, что не будутъ противодѣйствовать возстановленію въ прежнихъ должностяхъ всѣхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, смѣщенныхъ возставшими, и что укажутъ имена виновниковъ преступныхъ дѣйствій для преслѣдованія и наказанія по всей строгости законовъ. Въ другомъ воззваніи, обращенномъ къ населенію столицы, говорилось, что „цѣль прихода македонскихъ войскъ—дать окончательный урокъ всѣмъ измѣнникамъ отечества, желавшимъ уничтожить конституцію", и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить безопасность и спокойствіе всѣхъ мирныхъ обывателей. Скромныя требованія осаждающихъ войскъ были приняты правительствомъ, и послѣднее уже вполнѣ примирилось съ фактомъ вступленія конституціонной арміи, не ожидая отъ нея никакихъ дальнѣйшихъ бѣдъ.

Всякіе щекотливые вопросы сошли со сцены, пока на столицу надвигались съ разныхъ сторонъ внушительныя массы младотурецкихъ военныхъ силъ. Телеграммы изъ Константинополя отъ 21-го апрѣля сообщали, что между комитетомъ и правительствомъ состоялось соглашеніе, по которому султанъ остается, значительная часть гарнизона удаляется и замѣняется салоникскими отрядами, всѣ войска будутъ вновь приведены къ присягѣ и наступающая

армія пока воздержится отъ занятія Константинополя. Эти проекты компромиссовъ обсуждались до тѣхъ поръ, пока не закончились военныя передвиженія, дававшія младотуркамъ возможность заговорить другимъ языкомъ и дѣйствовать вполнѣ самостоятельно. Газеты отъ 22-го числа были еще полны извѣстіями и статьями о вѣроятныхъ условіяхъ мировой сдѣлки между султаномъ и комитетомъ. Послѣ присоединенія турецкаго флота къ комитетскимъ силамъ исчезаетъ послѣдній поводъ къ безпокойству для освободителей — и картина сразу мѣняется. Серьезныя и окончательныя рѣшенія принимаются только тогда, когда они дѣйствительно вполнѣ подготовлены и когда насталъ для нихъ надлежащій моментъ,—и заключительные шаги тѣмъ вѣрнѣе приводятъ къ цѣли, что лукавый противникъ обреченъ на безсиліе и поневолѣ пребываетъ въ полномъ спокойствіи. Такова была тактика младотурокъ, обезпечивавшая имъ побѣду.

Въ Санъ-Стефано съ 22-го апрѣля собрались обѣ палаты турецкаго парламента, въ видѣ національнаго собранія; тамъ же находилась главная квартира конституціонныхъ войскъ, гдѣ рядомъ съ регулярной арміею обращали на себя вниманіе пестрыя сборища добровольцевъ. Публика съ интересомъ слѣдила за оригинальной, внушительной фигурою извѣстнаго болгарско-македонскаго героя, Панцы; его коллега, Сандаяскій, расположился съ своимъ отрядомъ въ окрестностяхъ. Національное собраніе объявило свои засѣданія непрерывными и приняло резолюцію, одобряющую воззваніе арміи; оно признало, что дѣйствія войскъ соотвѣтствуютъ волѣ націи, и потому всѣ обыватели обязаны безпрекословно повиноваться начальникамъ этой арміи. Отъ имени главнокомандующаго получена была въ Ильдизъ-Кіоскѣ еще 23-го апрѣля утромъ успокоительная депеша о томъ, что комитетская армія не думаетъ въ чемъ-либо нарушить права и интересы султана, и что всѣ подобные слухи въ этомъ родѣ безусловно вымышлены. Президентъ національнаго собранія въ то же время телеграфировалъ первому секретарю султана, что собраніе предано Абдулъ-Гамиду, но требуетъ наказанія виновниковъ бунта. Передовые комитетскіе отряды подходили тогда уже къ предмѣстьямъ Константинополя. Султанъ все-таки участвовалъ въ селамликѣ и не имѣлъ удрученнаго вида. На другой день, 24-го, началось вступленіе войскъ въ столицу, причемъ часть гарнизона не пожелала сдаться и оказала упорное сопротивленіе. Очень разумныя и цѣлесообразныя мѣры были приняты для предупрежденія какихъ бы то ни было безпорядковъ и грабежей въ разныхъ кварталахъ города. Султанскій дворецъ, съ его четырьмя тысячами защитниковъ, былъ плотно окруженъ македонскими войсками, въ ночь на 25-ое апрѣля; на слѣдующее утро гарнизонъ сдался въ плѣнъ, и султанъ съ немногими приближенными

очутился въ положеніи арестованнаго въ Ильдизъ-Кіоскѣ, гдѣ имъ наканунѣ были задержаны, въ качествѣ заложниковъ, великій визирь и нѣкоторые изъ министровъ. Послѣднія части сопротивлявшихся войскъ, занимавшія казармы въ Скутари, на азіатскомъ берегу, сдались въ теченіе дня, и съ 26-го апрѣля Константинополь перешелъ всецѣло во власть комитетской арміи.

Наконецъ, 27-го апрѣля (нов. ст.) судьба Абдулъ-Гамида была рѣшена: ничто не препятствовало уже признать его низложеннымъ, недостойнымъ занимать оттоманскій престолъ. Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ его мнимаго торжества надъ конституціею и парламентомъ, онъ пересталъ царствовать. Глава мусульманскаго духовенства внесъ въ національное собраніе, перенесшее свою резиденцію въ Константинополь, слѣдующее религіозное заключеніе или „фетву": „Если калифъ вѣрующихъ незаконно посылаетъ подданныхъ въ ссылку, предаетъ смерти или дозволяетъ убивать, возбуждаетъ безпорядки и волненія между народностями, если онъ является клятвопреступникомъ и нарушаетъ данную имъ присягу не совершать запрещенныхъ дѣйствій и заботиться о благѣ народа, если наконецъ населеніе отдѣльныхъ провинцій считаетъ его низложеннымъ и не признаетъ его верховныхъ правъ, то мудрымъ представителямъ націи предоставлено рѣшить, слѣдуетъ ли отрѣшить султана отъ престола или предложить ему отречься добровольно". По прочтеніи этой „фетвы", президентъ національнаго собранія объяснилъ, что „мудрые представители народа" образуютъ національное собраніе, которое и призвано рѣшить предложенный вопросъ. Тотчасъ отправлена была депутація къ ближайшему законному наслѣднику султана, брату его, Решаду-эффенди, и отъ него доставленъ былъ отвѣтъ, что онъ съ радостью принимаетъ корону, вмѣстѣ съ обязанностями правителя, для вѣрнаго служенія народу. Тогда единогласно принято было рѣшеніе объ отставкѣ Абдулъ-Гамида и о восшествіи на престолъ Решада, подъ именемъ Мухамеда V. Въ Ильдизъ-Кіоскъ посланы къ бывшему султану делегаты отъ обѣихъ палатъ для сообщенія ему состоявшагося приговора. Абдулъ-Гамидъ обнаружилъ растерянность и малодушіе, говорилъ о своей невиновности въ печальныхъ событіяхъ и о своей всегдашней вѣрности долгу и конституціи, ссылался на какія-то заслуги предъ отечествомъ и нѣсколько разъ настоятельно просилъ сохранить ему жизнь. Въ числѣ своихъ добрыхъ дѣлъ за многіе годы царствованія онъ упомянулъ только о двухъ фактахъ: во-первыхъ, онъ одержалъ побѣду надъ Греціею черезъ посредство своего фельдмаршала Эдхема-паши, и во-вторыхъ, онъ въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ неотступно заботился о здоровьѣ своего брата и нынѣшняго наслѣдника, Решада-эффенди, котораго держалъ въ почетномъ заклю-

ченіи въ одномъ изъ дворцовъ, подъ строгимъ надзоромъ,—хотя, конечно, могъ его давно отправить преспокойно на тотъ свѣтъ.

Даже въ трагическую минуту, дрожа отъ страха за свое жалкое существованіе, Абдулъ-Гамидъ не могъ проникнуться чувствомъ личнаго достоинства, подобающаго его многолѣтней оффиціальной роли „повелителя правовѣрныхъ". Достигнувъ 67-лѣтняго возраста, онъ не могъ вспомнить ни одного хорошаго акта своей жизни, ибо такихъ актовъ не было,—ни одного похвальнаго дѣла своего продолжительнаго правленія, ибо такихъ дѣлъ не было, — и когда онъ все-таки пожелалъ оправдать себя въ своихъ и чужихъ глазахъ, въ моментъ роковой катастрофы, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ поставить себѣ въ заслугу многолѣтнее сохраненіе жизни родного брата, безвинно лишеннаго имъ свободы. Погубивъ на своемъ вѣку безчисленное множество людей, допустивъ массовыя избіенія подвластныхъ ему „безпокойныхъ" народностей въ неслыханныхъ еще размѣрахъ, показавъ себя необыкновенно тонкимъ любителемъ жестокихъ смертныхъ казней и предательскихъ убійствъ, онъ самъ не съумѣлъ сохранить самообладаніе предъ лицомъ воображаемой смерти и унизительно выпрашивалъ для себя безопасность, въ которой неуклонно отказывалъ другимъ. Въ оправданіе своей жизни онъ не могъ ничего сказать и придумать, кромѣ лжи, и не потому, что онъ былъ какимъ-то исключительнымъ извергомъ по натурѣ, а потому, что при его жалкихъ и низменныхъ душевныхъ качествахъ ему дана была неограниченная власть надъ обширнымъ государствомъ и надъ милліонами человѣческихъ существъ. Быть можетъ, Абдулъ-Гамидъ дѣйствовалъ бы иногда болѣе человѣчно и справедливо, еслибъ его не окружали низкія холопскія души, внушавшія ему убѣжденіе въ священномъ источникѣ его власти и въ непререкаемой правотѣ всѣхъ его желаній и побужденій. Въ 1876 году, когда Абдулъ-Гамидъ сдѣлался султаномъ, онъ казался такимъ же серьезнымъ, вдумчивымъ и добродушнымъ, какъ нынѣ Решадъ или Мухамедъ V; онъ былъ возведенъ на престолъ на мѣсто старшаго его брата, Мурада V, признаннаго душевно-больнымъ, именно по той причинѣ, что на тронѣ нуженъ былъ сознательный сторонникъ необходимыхъ реформъ, способный ввести въ жизнь обнародованную передъ тѣмъ конституцію, которой не могъ или не хотѣлъ понимать Мурадъ V. Абдулъ-Гамидъ поступилъ хитрѣе своего брата: онъ пріобрѣлъ полное довѣріе творца конституціи, Митхада-паши, выказалъ себя безусловно сочувствующимъ и компетентнымъ цѣнителемъ новаго государственнаго строя— и не замедлилъ надлежащимъ образомъ отплатить Митхаду за свое возвышеніе, уничтоживъ конституцію, вмѣстѣ съ ея авторомъ.

Мухамедъ V вступилъ на престолъ при болѣе счастливыхъ обстоя-

тельствахъ: онъ принялъ власть по рѣшенію народнаго представительства и сразу становится конституціоннымъ государемъ съ точно опредѣленными правами и обязанностями, среди учрежденій и лицъ, проникнутыхъ твердымъ сознаніемъ великихъ національныхъ задачъ и національной отвѣтственности правительства. Новому султану не придется переживать соблазны и искушенія самовластья — не только потому, что эти соблазны едва ли могутъ быть для него заманчивы на 65-мъ году жизни, послѣ многихъ лѣтъ затворничества и бдительной полицейской опеки, но еще больше потому, что деспотизмъ пересталъ быть удѣломъ турецкаго калифа. Парламентъ и общественное мнѣніе въ Турціи на дѣлѣ доказали свою плодотворную жизненную силу; національные и политическіе интересы государства имѣютъ уже твердыхъ и надежныхъ защитниковъ въ новомъ поколѣніи турецкихъ патріотовъ, въ рядахъ арміи и въ массѣ населенія. Такъ называемые младотурки, очевидно, воплощаютъ въ себѣ лучшіе элементы оттоманской націи; около нихъ группируется все передовое и прогрессивное въ разныхъ слояхъ общества, независимо отъ національныхъ различій, и это единодушіе есть вѣрнѣйшій залогъ успѣха тѣхъ крупныхъ преобразованій, которыя готовятся и ожидаются въ Турціи послѣ воцаренія Мухамеда V. Каковы бы ни были личныя качества падишаха, они не помѣшаютъ естественному развитію и упроченію новаго парламентскаго порядка, необходимость котораго признается теперь всѣми здравомыслящими и просвѣщенными людьми въ Оттоманской имперіи, начиная отъ генераловъ и сановниковъ и кончая самыми скромными обывателями. Правильное дѣйствіе конституціоннаго строя по всей вѣроятности избавитъ преемниковъ Абдулъ-Гамида отъ старыхъ способовъ борьбы противъ деспотизма. Поразительные факты единодушія, обдуманности и твердой сдержанности въ образѣ дѣйствій турецкой оппозиціи за послѣднее время показываютъ наглядно, что конституція прочно утвердилась въ умахъ руководящихъ дѣятелей и заурядныхъ гражданъ Оттоманской имперіи, и что тамъ нѣтъ пагубнаго антагонизма между высшими правящими классами и прогрессивными стремленіями народа.

ИЗЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

Когда устраивался первый русскій художественный салонъ, то многіе говорили, что онъ замѣнитъ собою выставки „союза русскихъ художниковъ". Въ этой, наиболѣе интересной изъ современныхъ организацій замѣчаются столь серьезныя тренія и нелады и такъ обострились отношенія между московской группой и петербургской, что съ текущаго года — такъ предполагалось — окончательно порѣшили выставку „союза" устраивать только въ одной Москвѣ. Эти слухи, проникшіе въ печать, носили столь опредѣленный характеръ, главари „союза" такъ непонятно отмалчивались на всѣ подобныя заявленія, что какъ только открылась выставка „союза" въ Москвѣ, туда было предпринято цѣлое паломничество петербургскихъ художественныхъ критиковъ. Къ счастью, всѣ эти слухи оказались недостаточно обоснованными. И, вѣроятно, какъ довольны теперь члены „союза", что они не поддались вліянію какихъ-то недобрыхъ духовъ, мутившихъ спокойную работу и пытавшихся разстроить художественную организацію,—и устроили свою выставку и въ Петербургѣ. Среди такого, уже давно небывалаго обилія выставокъ, какъ въ этомъ году въ сѣверной столицѣ—выставка „союза" оказалась самой интересной, самой содержательной и художественной.

Она расположилась въ большихъ, съ хорошимъ освѣщеніемъ, старинныхъ залахъ того дома на Мойкѣ, въ которомъ скончался Пушкинъ и въ которомъ долго помѣщалось петербургское охранное отдѣленіе. Въ этомъ помѣщеніи экспонаты выставки значительно выиграли по сравненію съ тѣмъ, что было въ Москвѣ, гдѣ все какъ-то терялось въ нелѣпой анфиладѣ старинныхъ барскихъ покоевъ, съ неожиданными и всегда неудобными источниками свѣта.

Съ перваго же знакомства съ выставленнымъ въ „союзѣ" сразу получаешь впечатлѣніе свѣжаго, бодраго и глубоко непосредственнаго. Чѣмъ дольше ходишь по заламъ выставки, чѣмъ ближе и внимательнѣе знакомишься съ нею, тѣмъ яснѣе вырисовывается вся значительность этой любопытной выставки. И въ первую голову хочется говорить о молодомъ художникѣ, о талантливомъ В. Кустодіевѣ. Его выступленіе въ этомъ году въ салонѣ съ шикарно написаннымъ портретомъ г-жи Романовой, въ которомъ уже вполнѣ опредѣленно сказалось,

что художникъ отдѣлывается начисто отъ коренного недостатка своего симпатичнаго дарованія—отъ какой-то тяжести и черноты колорита,—было только предвѣстникомъ того, что̀ показалъ намъ въ „союзѣ" Б. Кустодіевъ. Во всемъ выставленномъ тутъ ясно вырисовывалось, какіе громадные шаги въ развитіи своего мастерства сдѣлалъ этотъ художникъ. Я не могу сказать, что онъ ужъ окончательно отрѣшился отъ отрицательныхъ сторонъ своего дарованія. Ему еще много надо работать надъ собой, упорно и внимательно: напримѣръ, необходимо выработать болѣе твердый, болѣе опредѣленный рисунокъ, болѣе выпуклую характерность формъ, особенно въ портретныхъ работахъ. Какъ въ ловко написанномъ портретѣ г-жи Романовой, о которомъ я только что упомянулъ, точно такъ же и въ портретѣ монахини на выставкѣ „союза", не смотря на всѣ крупныя ихъ достоинства, слабыя мѣста все-таки даютъ себя основательно знать, и изъ нихъ главнѣйшее — непріятно чувствуемая „салонность" письма. Въ портретѣ монахини этой салонности значительно меньше, чѣмъ въ портретѣ г-жи Романовой, но художнику во что бы ни стало надо добиться того, чтобы отъ нея и слѣда никакого не осталось. Какъ опасенъ этотъ недостатокъ и какъ онъ значителенъ, можно судить по портрету какой-то дамы въ черномъ на нынѣшней выставкѣ, данному Б. Кустодіевымъ. Въ немъ такъ непріятна эта салонная красивость, что такъ и хочется сказать художнику, чтобы онъ отъ нея бѣжалъ какъ отъ чумы, а то перспектива хоть издалека приближаться къ пресловутымъ дамскимъ портретамъ Богданова-Бѣльскаго—надо думать, изъ далеко не пріятныхъ. Возвращаясь къ портрету монахини, я долженъ сказать, что еслибы не недостатокъ, о которомъ только что шла рѣчь, то это была бы одна изъ крупнѣйшихъ вещей въ нашей столь богатой русской портретной живописи. Въ портретѣ монахини, не говоря уже о чисто живописныхъ его достоинствахъ, не говоря уже объ отлично выдержанной гаммѣ красокъ, о чудесно написанномъ intérieur, съ большой художественностью, силой и экспрессіей передана индивидуальность изображеннаго лица; такъ и чувствуется властный человѣкъ, отъ зоркаго глаза котораго ничего не укрывается изъ того, что дѣлается за крѣпкими стѣнами монастырской обители. Какъ хорошо художникомъ передано въ портретѣ монахини впечатлѣніе какой-то величавости, сознанія собственнаго достоинства и особаго превосходства! А вотъ прямой контрастъ этому, нѣсколько громоздкому портрету—портретъ прелестныхъ дѣтишекъ, въ нарядныхъ маскарадныхъ костюмахъ. Столько въ немъ свѣжести въ красочномъ отношеніи, столько чувства вложилъ художникъ въ его исполненіе, столько любви, правды и изумительной, нѣжной чистоты, что не хочется отходить отъ этого портрета. По этому портрету видно,

что г. Кустодіеву ужъ не такъ трудно отрѣшиться отъ недостатка своего мастерства—отъ нѣкоторой черноты колорита. Очаровательный портретъ маскированныхъ дѣтишекъ, который по непростительной близорукости членовъ покупной коммиссіи академіи художествъ не пріобрѣтенъ для нашего художественнаго хранилища, превосходная пастэль, въ которой художникъ легко вышелъ побѣдителемъ изъ трудной задачи—живописи нагого женскаго тѣла, наконецъ его „Ярмарка" и свѣжій радостный эскизъ къ „Празднику въ деревнѣ"—все это вполнѣ опредѣленно говоритъ намъ, что недалеко то время, когда художникъ начисто избавится отъ своихъ недостатковъ. Я замѣчаю, что не указалъ еще на одну не совсѣмъ симпатичную черту дарованія г. Кустодіева. У него нѣтъ, нѣтъ, да и проскользнетъ какое-то излишнее подчеркиваніе, какой-то непріятный штрихъ анекдотичности, какъ, напримѣръ, въ „Земской школѣ въ московской Руси" и особенно въ „Освобожденіи крестьянъ". Но всѣ отмѣченные недостатки не такъ ужъ значительны на ряду съ положительными качествами дарованія Кустодіева, да и не такъ и крѣпко сидятъ они въ его творчествѣ. Несомнѣнно, что въ лицѣ Б. Кустодіева мы имѣемъ значительнаго живописца, у котораго всѣ данныя на лицо для того, чтобы занять видное мѣсто въ русскомъ живописномъ искусствѣ.

Настоящая жемчужина выставки, яркое и самоцвѣтной украшеніе ея—портретъ г-жи Акимовой, кисти Сѣрова. Сѣровъ—мастеръ громаднаго таланта, гордость, слава и надежда русскаго искусства. Хочется сказать, что мы, такіе осторожные въ своихъ симпатіяхъ и влеченіяхъ, положительно не признаемъ въ полной мѣрѣ этого замѣчательнаго художника, не цѣнимъ и не любимъ его такъ, какъ должно. И вотъ, портретъ г-жи Акимовой — это такое могучее произведеніе живописи, что отъ души можно пожалѣть, что оно не попало ни въ одно изъ нашихъ художественныхъ хранилищъ, а осталось подъ крѣпкимъ замкомъ коллекціонера-любителя. Сѣровъ, со смѣлостью, граничащей съ какой-то художественной дерзостью, изобразилъ сухощавую фигуру женщины съ тонкимъ восковымъ лицомъ, съ характерными южными чертами, на фонѣ—яркомъ и рѣзкомъ по тону—красномъ и синемъ. Но эта рѣзкость, съ перваго взгляда васъ ошеломляющая, въ дальнѣйшемъ вполнѣ примиряетъ съ мыслью художника. Сопоставленіемъ краснаго и синяго, блескомъ золотыхъ драгоцѣнныхъ украшеній, своеобразно оттѣняющихъ оригинальное по линіямъ лицо молодой женщины художникъ придалъ своей работѣ впечатлѣніе какой-то экзотичности. Значительно слабѣе портрета Акимовой двойной портретъ артистовъ Ленскаго и Южина. Въ немъ есть досадная тяжеловатость, массивность. Это, повидимому, одинъ изъ тѣхъ портретовъ, который по началу заинтересовалъ художника, а затѣмъ прискучилъ ему, что ли,

и въ немъ не видно художественнаго подъема и увлеченія. Лучше удалась фигура Ленскаго: въ выраженіи его лица много характернаго для этого подвижного и энергичнаго человѣка. Удивительно экспрессивенъ небольшой портретъ пастэлью г-жи Бенуа. Это поразительно сильная характеристика. Очень и очень жаль, что Сѣровъ не привезъ въ Петербургъ отличный портретъ г-жи Морозовой, что былъ выставленъ на московской выставкѣ.

Переходя къ произведеніямъ Александра Бенуа, приходится вывести такое же заключеніе, какое мы вынесли отъ работъ его, выставленныхъ въ „салонѣ". Тамъ уже къ самому концу выставки художникъ выставилъ небольшую вещь — встрѣча какой-то маркизы и маркиза, на фонѣ вѣроятно версальскаго парка. Она полна прелести и живой красивости. На выставкѣ „союза" у Александра Бенуа рядъ работъ, изъ которыхъ только на одной, много на двухъ, можно остановиться со вниманіемъ, какъ на работахъ, въ которыхъ прорываются свѣжесть, непосредственность и несомнѣнно большая художественная интересность. Это—„Поцѣлуй", такой своеобразный и красивый по краскамъ — и въ „Parterre d'eau" окна дворца. На ряду съ этими, очень немногими привлекательными работами, въ остальномъ у Бенуа чувствуется безконечная усталость, какая-то изжитость. Получаешь такое впечатлѣніе, что хочется художнику искренно посовѣтовать поѣхать куда-либо „на теплыя воды", встряхнуться хорошенько и сбросить съ себя, если это только возможно, налетъ вялости и утомленія.

Превосходенъ на выставкѣ Сомовъ. Вотъ мастеръ, творчество котораго находится въ самой цвѣтущей, самой блестящей порѣ своего развитія. На этомъ художникѣ, удивительномъ магѣ и волшебникѣ линій и красокъ, изумительномъ ясновидцѣ прошлаго, хочется остановиться подолѣе. Съ обычной нашей близорукостью въ вопросахъ искусства, съ обычной боязнью довѣриться искренности и непосредственности художника, незначительная часть нашего общества, посѣщающая выставки и интересующаяся ими, до самаго послѣдняго времени какъ-то все не хотѣла признать значительность дарованія Сомова въ полной мѣрѣ. Признаютъ „интересность" его произведеній, находятъ „занимательность" въ пониманіи художникомъ эпохи вычурности, хитро вырѣзанныхъ мушекъ, воздушныхъ кружевъ, шелка и бархата кафтановъ, красныхъ каблуковъ, изысканныхъ манеръ и томнаго влеченія сердецъ... Но о томъ, что произведенія Сомова неизмѣримо значительнѣе и выше одной только „интересности" и „занимательности", многіе ли въ самомъ дѣлѣ задумывались? И когда только-что въ „салонѣ" появилась его замѣчательная вещь „Осмѣянный поцѣлуй"—или на выставкѣ „союза русскихъ художниковъ"—его превосходные портреты,

тонкія и умно прочувствованныя характеристики, публика снова прошла мимо этихъ работъ, только на мигъ ими заинтересовавшись и не отдавъ художнику должнаго глубокаго вниманія. Искусство Сомова— это подлинное искусство, искусство для немногихъ. Чтобы полномѣрно полюбить Сомова, чтобы оцѣнить его такъ, какъ онъ того достоинъ, надо отбросить всѣ мѣрки, кромѣ одной: мѣрки истинной художественности.

По самому существу своего дарованія Сомовъ не можетъ дѣйствовать на массу, его талантъ—не нутряной талантъ передвижника, увлекавшаго толпу: Сомовъ по своему дарованію — тонкій, изумительно деликатный художникъ. Его произведенія овѣяны вуалью отжитого; на ряду съ нарядностью ихъ такъ много во всемъ, выходящемъ изъ его рукъ, щемящей грусти, красоты невозвратно минувшей жизни. Чувствуешь, что художникъ живетъ той далекой жизнью и наизусть знаетъ весь ея обиходъ, всѣ церемоніи хитрыхъ туалетовъ нарядныхъ дамъ въ необъятныхъ кринолинахъ, броняхъ корсетовъ и умопомрачительныхъ прическахъ, и франтовъ въ клѣтчатыхъ штанахъ и широкихъ цилиндрахъ. Сомовъ глубоко самобытенъ и оригиналенъ. Никто изъ художественныхъ авторитетовъ не имѣлъ на него какого бы то ни было вліянія. Горячо увлекался Сомовъ только Обри Бердслэемъ, въ творчествѣ котораго онъ нашелъ нѣкоторыя черты своего дарованія; но, по совершенно справедливому замѣчанію одного художественнаго критика, Обри Бредслэй только помогъ Сомову найти самого себя. Что касается остальныхъ художниковъ Запада, которыми такъ безудержно увлекаются многіе изъ молодыхъ нашихъ художниковъ, то къ нимъ отношеніе Сомова отлично характеризуется словами близкаго къ художнику человѣка, его друга чуть ли не со школьной скамьи, Александра Бенуа, который какъ-то писалъ, что Сомовъ „очень уважаетъ Гогэна и Сезанна, но считаетъ лишнимъ идти по ихъ указаніямъ въ изученіи природы и предпочитаетъ писать такъ, какъ видитъ самъ". И дѣйствительно, талантъ Сомова тѣмъ особенно для насъ дорогъ и привлекателенъ, что въ немъ съ такой силой отразился самъ художникъ, съ его оригинальнымъ мышленіемъ, изумительнымъ знаніемъ прошлаго и какой-то нѣжной поэтической влюбленностью въ далекое отъ насъ время, его зачаровавшее.

Возвращаясь къ произведеніямъ Сомова на выставкѣ „союза", хочется отмѣтить изъ выставленныхъ имъ нѣсколькихъ портретовъ современныхъ писателей портретъ Кузьмина. Я думаю, что художникъ никакъ не предполагалъ, что получится такой „человѣческій документъ"; вся отталкивающая манера г. Кузьмина какъ на ладони выступаетъ въ этомъ портретѣ. Много чувства и настроенія въ двухъ пейзажахъ Сомова, въ которыхъ онъ интересно, правдиво и художе-

ственно слѣдитъ и передаетъ эффектъ легкой весенней радуги. Привлекателенъ портретъ дамы, въ томной полудремѣ расположившейся на диванѣ.

Мастерство талантливаго художника города, пѣвца строгихъ линій громадъ домовъ и уносящихся въ высь фабричныхъ трубъ, М. В. Добужинскаго, все развивается и развивается; его полная интереса графика пріобрѣтаетъ все бо́льшую законченность, „раскраска" его акварелей все болѣе художественна и привлекательна. Изъ выставленнаго имъ теперь просто оторваться нельзя отъ изумительной по выдержанности, тонкой, прочувствованной акварели: „Провинція, тридцатые годы". Художникъ съ поразительной силой выхватилъ страничку изъ жизни какого-то захолустнаго губернскаго города. Эта будка съ полухмѣльнымъ „градскимъ" стражемъ, эта очаровательная свинья около фонарнаго столба, эта дама, суетливо спѣшащая съ покупками, эти типичные купцы съ широкими картузами, эта традиціонная каланча и желтое зданіе присутственныхъ мѣстъ съ кучкой галдящаго народа у дверей, эта развернувшаяся стая галокъ или воронья — всецѣло переносятъ васъ почти на столѣтіе назадъ. И нужно ли говорить, что наша анекдотическая покупная коммиссія просмотрѣла и эту настоящую музейную вещь и отдала ее подъ крѣпкій замокъ коллекціонерскаго шкафа? Какъ хороша и какъ красива небольшая акварель: „Музей императора Александра III-го". Много стильности въ силуэтѣ: „Мадригалъ". Меньше понравилась акварель „Чернышевъ мостъ", быть-можетъ отчасти отъ не совсѣмъ удавшейся красочной передачи, быть-можетъ отъ того, что съ Чернышевымъ мостомъ связано представленіе о какомъ-то столпотвореніи вавилонскомъ, а тутъ художникъ изобразилъ какой-то опрятный, чистенькій мостъ. Любопытны и красивы у г. Добужинскаго рисунки костюмовъ и декорацій къ „Франческа да-Римини". Суммируя впечатлѣніе, оставляемое работами художника, можно сказать, что М. Добужинскій отмежевалъ себѣ совершенно особое мѣсто въ русскомъ живописномъ искусствѣ, твердо держится разъ взятаго имъ направленія и въ своемъ жанрѣ не имѣетъ въ настоящее время соперниковъ.

Когда въ обзорѣ выставки „салона" я упрекнулъ даровитаго художника Билибина въ излишней протокольности его рисунковъ костюмовъ для постановки оперы Мусоргскаго „Борисъ Годуновъ", то мнѣ указывали на то, что у художника готовятся полные интереса рисунки костюмовъ къ постановкѣ другой оперы—„Золотой пѣтушокъ", въ которыхъ съ силой отразилось пониманіе самого художника. Съ удовольствіемъ подтверждаю это, но тѣмъ досаднѣе, что художникъ въ рисункахъ костюмовъ для оперы „Борисъ Годуновъ" не переработалъ и не претворилъ въ себѣ матеріалъ, данный ему историческими

документами. Рисунки костюмовъ къ „Золотому пѣтушку“ отличны; въ нихъ много сказочности и своеобразной красивости, много строгаго стиля. Особенно понравился рисунокъ костюмовъ воеводы Полкана, царя Додона и препотѣшнаго чудища-одноглаза. Любопытна съ графической стороны одна изъ декорацій для неудачливаго театра литераторовъ: „Лукоморье“.

Проходя по выставкѣ изъ залы въ залу, минуя портретныя экзерсиціи г. Ціонглинскаго, художника пылкаго и горячаго на словахъ и вялаго и тоскливаго въ художественныхъ своихъ произведеніяхъ, невольно останавливаешься на нѣсколькихъ небольшихъ работахъ молодого художника, только-что окончившаго академію—г. Бродскаго, о которомъ намъ пришлось поговорить въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы“. Вотъ теперь сразу на двухъ выставкахъ выступилъ этотъ художникъ, несомнѣнно большого артистическаго дарованія—на жалкой „весенней“ выставкѣ (о которой и писать-то не хочется) и на выставкѣ „союза“. На „весенней“ его работы, особенно превосходныя по тонкости рисунка и оригинальности красокъ „Овцы“—едва ли не самое значительное. И въ „союзѣ“ его произведенія, помѣщенныя въ какомъ-то неудобнѣйшемъ проходѣ съ плохимъ свѣтомъ, заставляютъ задуматься о далеко недюжинномъ творчествѣ этого художника. Онъ сильно искалѣченъ нашей нелѣпой академіей. Во всѣхъ работахъ Бродскаго чувствуется нѣжный, деликатный и несильный человѣкъ, истинный художникъ, горячо увлекающійся то тѣмъ, то другимъ живописцемъ. Въ академіи ему, повидимому, никто, даже его профессоръ-руководитель, не указывалъ на пагубность столь чрезмѣрнаго увлеченія, отражавшагося и на его творчествѣ. На конкурсной выставкѣ мы замѣчали вліяніе въ его работахъ то Сомова, то Борисова-Мусатова, то еще кого-то. И мы говорили тогда, что Бродскій разбросался безъ остатка и что страшная для художника вещь—потерять свое „я“—зловѣще нависла надъ нимъ.

Въ „союзѣ“ у Бродскаго немного работъ, но во всѣхъ нихъ чувствуется внимательный художникъ, съ трогательной любовью относящійся къ своему труду. Онъ полюбилъ спутанную прелесть древесныхъ вѣтвей и, пытливо разбираясь въ причудливыхъ ихъ извивахъ, даетъ полныя задушевной прелести картинки интимнаго и безконечно привлекательнаго въ своей интимности пейзажа. Бродскій — отличный рисовальщикъ; рисунокъ въ его работахъ изысканно простъ, но въ то же время полонъ силы и уже опредѣленно сказавшагося мастерства, что особенно цѣнно въ такомъ еще молодомъ живописцѣ. Симпатична и гамма красокъ его палитры. И всѣ эти столь цѣнныя, положительныя качества его дарованія заставляютъ съ особо тяжелымъ чувствомъ отмѣчать несамостоятельность въ творчествѣ Брод-

скаго. Много работать ему еще надо, чтобы окончательно освободиться отъ тѣхъ наносныхъ вліяній то одного, то другого художника, что чувствуются въ теперешнихъ его работахъ. Но Бродскій еще очень молодъ и при своемъ несомнѣнно большомъ художественномъ дарованіи сможетъ въ конецъ отдѣлаться отъ того, что отмѣчалось выше.

Не хочется останавливаться на томъ, что выставилъ Бакстъ. Все это настоящіе пустячки, даже и интересная по освѣщенію вещь — „Коппеліусъ и Коппелія". Прелестны intérieur'ы Средина. Вотъ художникъ, тонко прочувствовавшій всю удивительную прелесть, все своеобразіе и красоту барскихъ обстановокъ начала девятнадцатаго вѣка, этой массивной мебели изъ цѣльнаго краснаго дерева, этихъ наивныхъ вышивокъ, стройныхъ бронзовыхъ канделябръ или люстръ, въ даль уходящихъ анфиладъ комнатъ, то парадныхъ, то обыденныхъ, съ низкими потолками и частыми переплетами въ окнахъ. Такъ и чувствуется въ этихъ комнатахъ присутствіе нашихъ прабабушекъ и прадѣдушекъ, царство длинныхъ чубуковъ, бисерныхъ кисетовъ, легкихъ платьевъ и причудливыхъ прическъ. Срединъ—весь въ прошломъ; его не влекутъ интересы повседневности; мимо него проходитъ вся шумиха нашихъ дней, и въ тиши своей мастерской, въ глухомъ переулкѣ Москвы, творитъ онъ прелестные свои intérieur'ы.

Одинъ изъ характернѣйшихъ нашихъ художниковъ, С. Малютинъ, къ сожалѣнію, не выставилъ особенно любопытныхъ вещей. Какъ было бы интересно, еслибы этотъ художникъ рѣшился устроить самостоятельную выставку своихъ произведеній.

Цѣлая комната—у Пастернака. Въ этомъ году онъ далъ рядъ милыхъ вещей изъ міра дѣтей, который онъ такъ любовно и внимательно изучилъ. Въ мастерскихъ набросках карандашомъ, перомъ или углемъ оживаетъ жизнь дѣтскихъ. Эти милыя путанныя курчавыя дѣтскія головки, степенныя нянюшки, внимательныя матери, читающія занятныя книжки у дѣтскихъ постелекъ, какъ живыя встаютъ передъ нами. Изъ другого, выставленнаго Пастернакомъ, пожалуй самое неинтересное пріобрѣла наша комично близорукая покупная коммиссія — его автопортретъ. Помимо того, что этотъ автопортретъ какъ-то холоденъ и непріятенъ по краскамъ, онъ слабо передаетъ характерныя черты внѣшности самого художника. Не сочла эта коммиссія нужнымъ пріобрѣсти другое произведеніе Пастернака, полное интереса и значительности—„Петръ I на ассамблеѣ". Въ немъ, правда, нѣтъ той силы, такой высокой художественности и проникновенности, какъ въ прошлогоднемъ этюдѣ Сѣрова: „Петръ I" на выставкѣ „союза"; но все-таки и въ работѣ Пастернака много типичнаго и оригинальной трактовки. Очень хороши голландецъ съ трубкой около Петра и самъ царь со своимъ жесткимъ, какимъ-то страшнымъ вы-

раженіемъ лица. Интересно отмѣтить, что за послѣднее время у нашихъ художниковъ видно стремленіе изображать Петра не по типу дошедшихъ до насъ гравюръ современниковъ, а согласно съ своимъ пониманіемъ этого человѣка, полнаго титанической силы и воли.

Молодой талантливый художникъ Анисфельдъ прогрессируетъ въ своемъ мастерствѣ; онъ не перестаетъ искать красочныхъ соотношеній, ищетъ дѣйствительно мучаясь, много разъ переписывая и перерабатывая свои вещи. Теперь въ „салонѣ" передъ нами только что развернулся калейдоскопъ молодыхъ художниковъ, у которыхъ въ поискахъ новаго напрасно было бы искать индивидуальности. Какъ говорятъ сами эти живописцы, они идутъ отъ Сезанна и никто отъ своего собственнаго страданія, исканій, отъ мучительныхъ нащупываній новыхъ формъ и линій. И среди этихъ quasi-искателей, этихъ Явленскихъ, Кандинскихъ, Канчаловскихъ, Шитовыхъ, Веревкиной,—совершенно особое мѣсто занимаетъ Анисфельдъ, художникъ непосредственный, искренній, полный поэтичныхъ грезъ о новыхъ красочныхъ сочетаніяхъ. Именно въ чисто красочномъ отношеніи у Анисфельда въ высшей степени интересенъ на выставкѣ „союза" „Изумрудъ". Есть настроеніе молитвенной сосредоточенности въ его работѣ „Молитва": группа ребятишекъ, въ молитвѣ склонившихся на колѣни на берегу моря. Въ творчествѣ Анисфельда отрадно то, что этотъ молодой художникъ твердо идетъ по разъ намѣченному имъ пути, ни на іоту не теряя характерныхъ чертъ индивидуальности своего дарованія.

Я не могу представить себѣ двухъ любителей искусства, которые сошлись бы въ оцѣнкѣ новаго теченія въ творчествѣ несомнѣнно очень даровитаго художника, Крымова. Экспонируемое имъ на теперешней выставкѣ указываетъ на то, что его творчество находится въ періодѣ какого-то перелома. Совершенно отрицать значеніе предпринимаемыхъ этимъ художникомъ исканій — нельзя. Но нельзя въ то же самое время и восхищаться дѣятельностью Крымова только въ одномъ теперешнемъ его направленіи. Быть-можетъ, условная схематичность въ его нынѣшнихъ работахъ послужитъ къ тому, что въ дальнѣйшемъ художникъ создастъ что-либо совершенно самостоятельное, оригинальное. Но это, повторяю, въ будущемъ. Въ настоящемъ Крымовъ находится въ переходномъ состояніи развитія своего симпатичнаго и искренняго дарованія, и положительнаго о немъ ничего сейчасъ сказать нельзя.

Чувствуется широкая будущность и у молодого художника Петрова-Водкина. Очарованный знойнымъ югомъ, онъ—весь въ своеобразной красотѣ Востока и сѣверной Африки. У него много чувства, наблюдательности и непосредственности въ пониманіи и передачѣ своихъ красочныхъ настроеній. Техника его рисунка выработана и

любопытна. И Петровъ-Водкинъ, какъ Крымовъ и Анисфельдъ—весь впереди; окончательно судить о его творчествѣ еще не время. Во всякомъ случаѣ обѣщаетъ онъ многое.

Въ высшей степени оригиналенъ и типиченъ Ю. И. Рѣпинъ. Хмурая, какая-то тяжелая манера въ письмѣ и рисункѣ, какая-то угрюмая сосредоточенность мысли. Онъ точенъ и уравновѣшенъ, словно онъ не молодой человѣкъ. Чувствуется, что все выходящее изъ его мастерской мучительно имъ продумано. Что-то подсказываетъ о какой-то неудовлетворенности собою. А между тѣмъ сильно написанная „Моя семья" и выпуклый, характерный, нервный портретъ художника Бродскаго опредѣленно говорятъ намъ, что большое дарованіе Ю. Рѣпина—внѣ всякихъ сомнѣній. Хотѣлось бы видѣть побольше вещей этого такъ скупо выставляющаго художника.

Что за удивительный волшебникъ красокъ Н. Сапуновъ! Наша почтенная академія художествъ запрятала на отчетной выставкѣ его прелестные „Піоны" куда-то въ закоулокъ въ залахъ „по „циркулю" и къ конкурсу не допустила—а онъ вотъ возьми и приготовь для выставки „союза" такую сильную вещь, полную красочности, жизни и движенія, какъ превосходныя „Карусели", на которыя чѣмъ больше любуешься, тѣмъ больше увлекаешься ими. Отъ Н. Сапунова можно ждать многаго. У Судейкина хороши „Фарфоръ" и „Гобелены"; въ нихъ есть впечатлѣніе своеобразной красоты этихъ произведеній прикладного искусства прежнихъ временъ. Какимъ-то манерничаньемъ проникнуто все остальное, что далъ на выставку этотъ художникъ—надо сознаться, отнюдь не привлекательнымъ. Сильны и оригинально задуманы „Рисунки къ одной трагедіи" несомнѣнно очень талантливаго и обладающаго большой фантазіей художника Калмакова.

Много на выставкѣ пейзажей. Но кромѣ полныхъ глубокой, своеобразной красоты пейзажей Богаевскаго (о творчествѣ этого исключительнаго живописца мы надѣемся при случаѣ поговорить подробнѣе) нѣсколько холодныхъ, но очень „стильныхъ" работъ Переплетчикова и, пожалуй, любопытныхъ по краскамъ этюдовъ Мамонтова и нѣкоторыхъ работъ К. Коровина (особенно „Парижъ ночью").—не на чемъ остановиться. Тяжелъ и сухъ Ап. Васнецовъ, однообразенъ Юонъ, тоскливо манерничаетъ Ларіоновъ, вторитъ ему Туржанскій, такъ же, какъ и въ прошломъ и позапрошломъ годахъ, повторяются Аладжаловъ, Архиповъ, Петровичевъ, Первухинъ, Жуковскій.

Немалъ на выставкѣ „союза" отдѣлъ скульптурный. О немъ поговоримъ въ другой разъ, въ хроникѣ, посвященной скульптурѣ на всѣхъ выставкахъ минувшаго сезона.

Ив. Лазаревскій.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

1 мая 1909.

„Рѣчь“ о „равненіи“ Думы и о томъ, чего требуетъ „дѣйствительность“.—Напрасныя опасенія. — Возрожденный циркуляръ.—Хвала розгѣ.—Дѣло бывшаго директора политехническаго института, кн. Гагарина.—Письмо бывшаго депутата Ломтатидзе.— Прекращеніе „Нашей Газеты“.

Передъ пасхальными каникулами всѣ газеты подвели итогъ дѣятельности Думы въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, а также итогъ думскихъ настроеній. Подвела итогъ настроеній и „Рѣчь“, въ редакціонной статьѣ: „Равненіе налѣво“. Уже одно названіе статьи совершенно ясно говоритъ объ основномъ ея тезисѣ. Въ текстѣ онъ формулированъ словами: „равненіе налѣво идетъ по всей линіи“. Но авторъ задался не только этимъ тезисомъ. Рядомъ съ нимъ стоитъ второй: равненіе налѣво идетъ по ка-детамъ. И этотъ второй тезисъ такъ настойчиво проводится въ статьѣ, что невольно возникаетъ сомнѣніе: для того ли она написана, чтобы отмѣтить сдвигъ Думы влѣво, или для того, чтобы прозрачно намекнуть на руководящую роль въ направленіи, если не думской работы, то думскихъ настроеній, фракціи народной свободы.

„Въ началѣ осенней сессіи фракція народной свободы удивила— однихъ пріятно, другихъ непріятно — болѣе рѣшительнымъ тономъ своихъ выступленій“. Этими словами, послѣ вступительныхъ фразъ, начинается статья. Затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи читаемъ: „Тотъ новый тонъ, который въ началѣ сессіи взяла фракція народной свободы, стараются теперь взять поочередно, одна за другой, рѣшительно всѣ фракціи Государственной Думы, за однимъ исключеніемъ“ (крайней правой). Еще далѣе авторъ напоминаетъ о выступленіи фракціи народной свободы передъ рождественскими каникулами „съ извѣстными требованіями относительно смертной казни“ и о томъ, что „тогда очень завидовали ея тактической ловкости, яко бы сказавшейся въ выборѣ момента для этого шага“. „Безполезно—пишетъ авторъ—доказывать политическимъ противникамъ полную ненамѣренность такого совпаденія. Во всякомъ случаѣ, октябристская фракція передъ пасхальными каникулами взяла свой реваншъ“. Кончается статья двумя вопросами: „Развѣ мы не должны быть довольны тѣмъ, что рѣшительно всякій порядочный шагъ фракцій, правѣе насъ стоящихъ,—есть шагъ

по направленію къ старымъ ка-детскимъ позиціямъ? Если въ результатѣ ряда такихъ шаговъ Думѣ суждено свихнуться съ проторенного пути поддакиванія правительству, то не значитъ ли это, что сама дѣйствительность повелительно требуетъ другого кабинета и другой Государственной Думы?"

Еще раньше, чѣмъ правая печать подхватила статью „Равненіе налѣво", „Рѣчь" поторопилась въ ближайшіе же дни смягчить оставленное ею впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе, однако, предавать ее забвенію нельзя. Во-первыхъ, въ ней опять прозвучали—и съ прежней пронзительностью — тѣ самыя ноты самодовольства, которыя такъ часто находили отзвукъ на столбцахъ „Рѣчи" въ прошломъ парламентскомъ году и которыми отъ первой страницы до послѣдней былъ насыщенъ отчетъ фракціи народной свободы за первую сессію третьей Думы. А во-вторыхъ—и это главное—при условіяхъ, въ которыхъ сейчасъ протекаетъ партійная жизнь нелегализованныхъ партій вообще и, въ частности, жизнь партіи народной свободы, всѣ подобнаго рода заявленія „Рѣчи" имѣютъ особое значеніе. Какъ ни какъ, партія существуетъ. На мѣстахъ нѣтъ организацій, но многія тысячи ка-детовъ не обратили ни въ октябристовъ, ни въ политически безразличныхъ людей ни отказъ въ легализаціи, ни преслѣдованія. Они живутъ, они чувствуютъ и мыслятъ. Они только не могутъ выражать своихъ мыслей и чувствъ. Эту возможность имѣютъ одни думскіе ка-деты и, отчасти, ка-деты пишущіе. Естественно, что слова и утвержденія вторыхъ легко могутъ быть принимаемы за отраженіе теченій и воззрѣній, господствующихъ среди первыхъ.

Годъ назадъ, тоже передъ Пасхой, „Рѣчь" (9 апрѣля 1908 г., № 85) отвѣчала на вопросъ: „что̀ сдѣлала *отвѣтственная* оппозиція за пять мѣсяцевъ своего пребыванія въ Государственной Думѣ?". Газета въ конечномъ выводѣ утверждала, что оппозиція *дѣлала* то, что̀ могла дѣлать въ право-октябристской Думѣ 3 іюня. Но говорила это такъ, что подсказывала иное: отвѣтственная оппозиція, дѣлая немногое, *сдѣлала* много. Редакція „Рѣчи" перечисляла „непрерывный рядъ принципіальныхъ выступленій, заслуга которыхъ почти исключительно принадлежитъ отвѣтственной оппозиціи". Она приписывала ка-детамъ честь коммиссіонной обработки бюджета и изобрѣтенія октябристски-самобытнаго способа парламентскихъ дѣйствій—бюджетныхъ пожеланій. „И тѣ—писалъ авторъ статьи „Тактика оппозиціи",—кто обвиняютъ оппозицію, что, такимъ образомъ, она кладетъ на бюджетъ рядомъ съ „октябристскимъ" также и „ка-детскій" штемпель, повидимому, не подозрѣваютъ, что вмѣсто укора расписываются въ признаніи вліянія оппозиціи на коммиссіонное обсужденіе бюджета". Съ чувствомъ замѣтнаго удовлетворенія прошлогодній отчетъ отмѣчалъ, что „къ осо-

бому мнѣнію членовъ фракціи народной свободы (по законопроекту министерства финансовъ) присоединились не только представители соціалъ-демократовъ и трудовой группы (стоитъ ли съ ними считаться!), но даже *два* представителя фракціи 17 октября". Свою партійную тактику въ Думѣ отчетъ скромно называлъ „*грандіозною*", и къ всеобщему изумленію тутъ же объявлялось, что эта „грандіозная тактика создала фракціи прочное положеніе въ Думѣ, вопреки всѣмъ усиліямъ ея политическихъ противниковъ". Далѣе отчетъ ставилъ „на первый планъ" все тѣ же „пожеланія", или, иначе, ни для кого не обязательныя митинговыя резолюціи, устраняя которыя въ первой Думѣ, С. А. Муромцевъ всегда напоминалъ: „Дума—не митингъ, Дума ничего въ пространство не постановляетъ".

Съ начала осенней сессіи фракція народной свободы, дѣйствительно, какъ будто отказалась отъ „грандіозной" тактики и отъ „тактической" ловкости". Вѣрно и то, что этимъ „она пріятно удивила" прогрессивные слои русскаго общества. Но чтобы своей новой тактикой фракція народной свободы кого-нибудь въ Думѣ удивила „непріятно"—совершенная фантазія. Ея положеніе въ Думѣ таково, что правые, отъ Пуришкевича и Маркова 2-го до Крупенскаго и гр. Бобринскаго, съ нею, какъ съ парламентской силой, не считаются вовсе, а октябристы считаются настолько, насколько она склонна идти у нихъ въ хвостѣ, гордясь возможностью кое-когда и кое въ чемъ убѣдить „двухъ представителей фракціи 17 октября". Оказывается, если вѣрить предпасхальной статьѣ „Рѣчи", что „болѣе рѣшительный тонъ выступленій" былъ только пріемомъ прежней „грандіозной" тактики,—что фракція осталась на старыхъ позиціяхъ и, оставшись на нихъ, мощно потянула за собою влѣво всю Думу, кромѣ крайнихъ правыхъ, „какъ гвоздемъ прибитыхъ къ своей неподвижной точкѣ, къ неограниченному самодержавію".

Допустимъ на минуту, что вся третья Дума съ рождественскихъ каникулъ дѣйствительно сдвинулась влѣво. Допустимъ, вмѣстѣ съ „Рѣчью", что „фракція г. Балашева собирается идти въ народъ, хотя бы съ древонасадительной программой", и что суть ея намѣреній—въ сближеніи съ народомъ, а не въ „древонасадительной программѣ" и не въ попыткахъ внѣдрить въ умы народа, при содѣйствіи предводителей дворянства, земскихъ начальниковъ, урядниковъ и стражниковъ, дворянскія вожделѣнія. Допустимъ, что большую цѣну имѣютъ „негодующіе" отзывы о патріотизмѣ гг. Пуришкевичей и о монархизмѣ гг. Марковыхъ, члена Думы Крупенскаго, который еще такъ недавно заявлялъ, что занимался бы провокаціей, еслибы носимое имъ званіе не отнимало всего его времени. Допустимъ, наконецъ, что полѣвѣли націоналисты, о чемъ ярко свидѣтельствуютъ писанія ихъ вдохнови-

теля, г. Меньшикова изъ „Новаго Времени". Забудемъ, до какой степени лишены основанія всѣ эти „допустимъ", и перенесемся мысленно въ ту область фантазій, въ которой виталъ авторъ „Равненія налѣво". Въ чемъ же конкретномъ онъ увидѣлъ выраженіе думскаго „полѣвѣнія" и тѣмъ самымъ выравниванія Думы „по ка-детамъ"?

Послѣдніе дни передъ пасхальными каникулами ознаменовались рѣчью А. И. Гучкова о „бывшихъ людяхъ отжившаго строя", отповѣдью „мужицкаго внука" „барчукамъ" и просьбою, обращенною отъ лица Думы, по формѣ—въ пространство, по существу—къ генералъ-губернаторамъ и къ командующимъ войсками въ военныхъ округахъ, „о сокращеніи военной подсудности и введеніи ея въ нормальные предѣлы", въ виду несоотвѣтствія „широкаго примѣненія смертной казни" наступившему „относительному успокоенію страны". „Какъ бы то ни было, — пишетъ „Рѣчь", — октябристское выступленіе мы привѣтствовали и поддержали. Въ настроеніи Государственной Думы противъ смертной казни оно, несомнѣнно, составило крупный шагъ впередъ, и *новый военный министръ принужденъ будетъ съ пожеланіемъ Государственной Думы считаться*".

„Послушаніе" начальству — руководящій принципъ октябризма — отнюдь не исключаетъ ни просьбъ, ни припаданія къ стопамъ. Напротивъ, послушаніе столько же выражается въ готовности служить, сколько и въ готовности просить. Только съ конституціонализмомъ просьбы отъ лица Думы, обращенныя къ представителямъ исполнительной власти, не имѣютъ ничего общаго. И фракція союза 17 октября вотированіемъ предпасхальной формулы, въ сущности, ничего другого не сдѣлала, какъ повторила свой ударъ по оппозиціи и по Государственной Думѣ, нанесенный 20 декабря. „Я и мои друзья — говорилъ тогда А. И. Гучковъ по поводу тридцати-двухъ смертныхъ приговоровъ въ Екатеринославѣ—голосовали противъ формулы партіи народной свободы. Мы въ этомъ увидали знакомый намъ маневръ выраженія сочувствія тѣмъ террористическимъ актамъ, которые въ данномъ случаѣ нашли себѣ суровую, но законную кару". „Но мы полагаемъ, — продолжалъ онъ, — что послѣ того, какъ прошло столько лѣтъ со времени совершенія тѣхъ преступленій, которыя нынѣ караются,—быть можетъ, своевременно, чтобы милость сказала въ данномъ случаѣ свое слово, и мы глубоко убѣждены, что въ тѣхъ случаяхъ, когда найдутся смягчающія обстоятельства, милость смягчитъ судьбу осужденныхъ". И въ устахъ А. И. Гучкова эта надежда была надеждой не на милость верховной власти, а на милость министровъ и мѣстной администраціи. Получивъ свѣдѣнія о екатеринославскомъ процессѣ, онъ, вмѣстѣ съ гг. Алексѣенко, Родзянко и Каменскимъ, ѣздилъ къ военному министру, „обращалъ вниманіе", „указывалъ",

„просилъ" и получилъ „обнадеживающій" отвѣтъ. Его увѣренность, что „въ тѣхъ случаяхъ, когда найдутся смягчающія обстоятельства, милость смягчитъ судьбу осужденныхъ", проистекала не изъ представленія, сдѣланнаго Монарху, а изъ просьбы, заявленной въ тиши кабинета военному министру.

Вполнѣ понятно, почему пожеланіе Думы, принятое въ засѣданіи 19 марта, было встрѣчено прогрессивной печатью какъ фактъ отрадный. Когда видишь передъ собою—справедливо говорилъ членъ Думы Карауловъ — „сотню шей, на которыхъ виситъ веревка", все другое меркнетъ, всѣ принципы забываются: только бы веревка была снята съ несчастныхъ. И никто, конечно, не поставитъ въ упрекъ думскимъ ка-детамъ и трудовикамъ, что они вотировали 19 марта вмѣстѣ съ октябристами. Но одно дѣло обращаться отъ лица Думы къ министрамъ и къ высшимъ органамъ мѣстной власти, считая это печальной необходимостью, оправдываемой спасеніемъ людей отъ смерти, и совершенно иное — признавать пожеланія Думы, чего бы данное пожеланіе ни касалось, показателемъ равненія налѣво, „крупнымъ шагомъ впередъ", и именно потому, что „военный министръ принужденъ будетъ съ пожеланіемъ *считаться*". Для ка-детской „Рѣчи"—это откровенный перепѣвъ октябристской пѣсни. Упрекая проф. Виноградова въ несправедливости его оцѣнки дѣятельности третьей Думы, „Голосъ Москвы" (№ 80) приберегъ къ концу упрековъ, какъ наиболѣе вѣскій аргументъ, слѣдующій: „Хотя бы онъ выписалъ себѣ составленный канцеляріей Думы сводъ пожеланій и формулъ перехода, принятыхъ Думой при разсмотрѣніи прошлогодняго бюджета, съ отмѣтками объ исполненіи и объясненіями вѣдомствъ! Это истинная лабораторія законодательнаго дѣла и политическаго воспитанія"...

Первая Дума въ своихъ сужденіяхъ о смертныхъ приговорахъ также исходила изъ ихъ неоспоримой формальной законности и изъ надежды на милость. Но устранить законность она считала *своей* обязанностью. А впредь до осуществленія этой обязанности, съ призывомъ о милости, она прямо и открыто обращалась, какъ законодательное учрежденіе, къ верховной власти. Въ отвѣтномъ адресѣ первая Дума писала: „Государственная Дума считаетъ себя вправѣ заявить, что она явится выразительницею единодушнаго стремленія всего населенія въ тотъ день, когда постановитъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни навсегда. Въ предвидѣніи этого закона, страна ждетъ пріостановленія нынѣ же Вашею, Государь, властью исполненія смертныхъ приговоровъ". Это были слова, единственно логически вытекавшія изъ лозунга партіи народной свободы. Если бы нѣчто подобное, хотя даже въ другой формѣ, вотировала третья Дума, то это свидѣтельствовало бы и о коренномъ измѣненіи ея настроенія въ конституціонномъ направленіи,

и о томъ, что Дума выравнялась по партіи народной свободы. Отношеніе же „Рѣчи" къ пожеланію, принятому 19 марта, показываетъ, что думскіе ка-деты забыли „позицій" первой Думы и, запутавшись въ „линіяхъ поведенія", въ заботахъ отграничиться отъ неотвѣтственной оппозиціи и въ возбуждающей зависть „тактической ловкости"—затуманили свой „ликъ", приблизившись къ октябристской „обывательщинѣ", и выравнялись по думскому большинству.

Второй изъ вопросовъ, которыми закончена статья „Равненіе налѣво", невольно напрашивается на сопоставленіе съ опредѣленіемъ П. Н. Милюкова, что̀ такое „отвѣтственная" оппозиція въ отличіе отъ „неотвѣтственной". Отвѣтственная оппозиція, по его словамъ, есть то парламентское меньшинство, которое въ каждый данный моментъ можетъ выдѣлить изъ себя министерство и принять въ свои руки функціи управленія. Слѣдовательно, „другой" кабинетъ, котораго „сама дѣйствительность повелительно требуетъ", есть, въ устахъ „Рѣчи", кабинетъ изъ состава парламентскаго меньшинства. Какая же дѣйствительность предъявляетъ такое требованіе? Дѣйствительность сегодняшняго дня, охранъ, казней, третьей Думы, торжества Толмачевыхъ, Дубровиныхъ и Иліодоровъ?... Да, были моменты, когда „дѣйствительность", — именно *дѣйствительность*, — „повелительно требовала" прогрессивнаго кабинета. Время ноябрскаго земскаго съѣзда 1905 года—первый моментъ. Время первой Думы—второй. И исторія—не исторія недоговоренныхъ воспоминаній, а исторія точно установленныхъ фактовъ—раскроетъ, почему власть не перешла въ руки прогрессивныхъ конституціоналистовъ... А теперь!..

Г. Пуришкевичъ не отличаетъ г. Милюкова отъ г. Булата. Онъ одинаково—и одинаково безвозбранно—кричитъ второму: „и галстухъ привезъ изъ Парижа!" — и первому: „ноги тебѣ не подамъ!" — или: „ну, это ты помалкивай!" Не отличаетъ „отвѣтственной" оппозиціи отъ „неотвѣтственной" ни думское большинство, ни думская и внѣдумская „дѣйствительность"...

Безудержно ползущая реакція со дня на день дѣлается откровеннѣе. Она перестаетъ стыдиться и обнажаетъ во всей наготѣ свое основное вожделѣніе: ликвидировать до конца то, что еще недавно казалось неотъемлемымъ пріобрѣтеніемъ русской жизни, и возстановить полное торжество того, что̀ столь же недавно казалось ликвидированнымъ. И смотря со стороны на яростный споръ, возгорѣвшійся между контръ-революціонерами и октябристами, напрягающими всѣ силы, чтобы удержать у власти министерство П. А. Столыпина, нельзя не видѣть, что, въ сущности, споръ ведется чисто формальный. Какъ

революція слѣва въ ноябрскіе и декабрскіе дни 1905 г. стремилась использовать положеніе и ставила задачей „добить“ бюрократію, такъ контръ-революція, пользуясь данной минутой, страстно жаждетъ „добить“ манифестъ 17 октября, права Думы, какъ законодательнаго учрежденія, и слова о гражданской свободѣ и объ обновленіи. Именно съ цѣлью „добить“ все это контръ-революція требуетъ увольненія П. А. Столыпина. Ибо, по содержанію, политика нынѣшняго кабинета и третьей Думы рѣшительно ни въ чемъ и ничѣмъ не препятствуютъ тому, что составляетъ существо требованій контръ-революціи.

Гг. Марковъ 2-ой и Пуришкевичъ желаютъ включенія въ уголовный кодексъ смертной казни за общеуголовныя правонарушенія. На это, пока что, министерство не идетъ. Но развѣ практика цѣлыхъ трехъ лѣтъ не показываетъ, что для наказанія смертью за грабежи, разбой, даже за поджогъ стога сѣна, по строю нашего законодательства и по существующимъ „разъясненіямъ“, вовсе нѣтъ надобности измѣнять уголовный кодексъ? И развѣ есть основаніе опасаться, что „временныя“ правила объ охранѣ вдругъ перестанутъ быть „постоянными“? Контръ-революція требуетъ преслѣдованія евреевъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Развѣ этого нѣтъ? „Русское Знамя“ и „Вѣче“ договаривались до предложенія кастраціи. Конечно, такое предложеніе не встрѣтило поддержки въ министерствѣ. Но вѣдь нельзя же предъявлять правительству требованіе, укладывающееся только въ головѣ душевнобольныхъ. Контръ-революція желаетъ, чтобы власть администраціи не встрѣчала преградъ въ правахъ гражданъ. Но развѣ и безъ формальнаго о томъ объявленія права гражданъ преграждаютъ въ чемъ-либо энергію губернаторовъ и градоначальниковъ? Захотѣлъ одесскій градоначальникъ видѣть „выборнымъ“ ректоромъ новороссійскаго университета профессора Левашева—и легко создалъ для него въ совѣтѣ большинство. Захотѣлъ онъ же не пропустить на выборахъ въ одесскую городскую думу прогрессивныхъ гласныхъ — и не пропустилъ. Захотѣлъ ген. Думбадзе сжечь дачу въ Ялтѣ — и сжегъ. Земскій врачъ въ гор. Тамбовѣ, г. Брюхановъ, не подалъ руки врачу г. Либиху—ничто не помѣшало губернатору выслать г. Брюханова изъ губерніи. О чемъ же волнуются крайніе правые члены Государственнаго Совѣта, Думы и Синода? Если бы они читали внимательно „Россію“, то видѣли бы, что ихъ опасенія совершенно напрасны.

Контръ-революція опасается потерять опору, которую она нашла въ земствѣ и если не въ школѣ, то въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія. Она боится новаго земскаго положенія и вмѣшательства октябристовъ въ распоряженія и предположенія А. Н. Шварца. Дѣйствительно, земская реформа какъ будто надвигается. Какъ сообщаютъ

„Русскія Вѣдомости“ (№ 87), министерство внутреннихъ дѣлъ внесло въ совѣтъ министровъ проектъ главныхъ основаній преобразованія выборовъ въ земскіе гласные. Выборы по сословіямъ предположено отмѣнить; размѣръ ценза—сократить наполовину. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторы проекта предоставляютъ гласнымъ отъ землевладѣльцевъ половину мѣстъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи и переносятъ изъ закона о выборахъ въ Думу право министра „раздѣлять“ избирательныя собранія на отдѣленія, по характеру и по размѣру имуществъ. Слѣдовательно, реакціи и здѣсь бояться нечего.

Законъ 3 іюня и произведенныя на основаніи его выборы въ третью Думу слишкомъ ясно показали, что сила избирательнаго закона—въ росписаніи числа выборщиковъ (въ отношеніи образованія губернскихъ земскихъ собраній уѣздные гласные играютъ роль выборщиковъ) и въ правѣ министра внутреннихъ дѣлъ „дѣлить“ избирательныя собранія. Пользуясь этимъ правомъ, губернаторы—а фактически, нерѣдко, исправники—съумѣли направить и государственные выборы. Выборы же земскіе могутъ ими разыгрываться какъ по нотамъ. А потому принципъ полноты „сильной“ мѣстной власти получитъ въ земствѣ еще сугубое торжество, чѣмъ имѣетъ нынѣ по положенію 1890 г. Теперь исправники и губернаторы безсильны бороться, если въ уѣздѣ большинство дворянъ-землевладѣльцевъ склонно къ оппозиціи. При правѣ министра „раздѣлять“ избирателей „по характеру и размѣру имуществъ“ они будутъ имѣть полную возможность гдѣ угодно обращать большинство въ меньшинство—и наоборотъ.

Что касается школьнаго дѣла, то главный прошлогодній критикъ политики А. Н. Шварца изъ октябристовъ, г. фонъ-Анрепъ, открыто далъ понять, что въ прошломъ году онъ не „сохранялъ полной объективной справедливости“. Г. фонъ-Анрепъ связалъ свою прошлогоднюю рѣчь по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія со сказанной нынѣ, 17 апрѣля, слѣдующимъ вступленіемъ: „Въ прошломъ году Государственная Дума подвергла сильной критикѣ современное состояніе школьнаго дѣла въ Россіи. Мнѣ лично пришлось остановиться подробно на цѣломъ рядѣ вопросовъ по общей политикѣ министерства. За этотъ истекшій годъ никакихъ измѣненій, никакихъ усовершенствованій, никакого новаго вѣянія я лично не воспринялъ. Если бы мнѣ пришлось вновь критиковать дѣятельность министерства, то мнѣ пришлось бы въ общемъ повторить то, что я уже говорилъ. Не буду, поэтому, останавливаться на будничной жизни министерства. Долженъ только сказать, сохраняя полную объективную справедливость, что министерство въ этомъ году проявило напряженную дѣятельность и выработало длинный рядъ законопроектовъ, касающихся почти всѣхъ ступеней народнаго образованія. Многіе изъ

нихъ уже внесены въ Государственную Думу и въ основныхъ чертахъ не находятъ принципіальныхъ возраженій со стороны коммиссіи—и, смѣю думать, не найдутъ и со стороны Думы. Несомнѣнно отрадный фактъ, что многолѣтняя дремота министерства народнаго просвѣщенія прекратилась, что появилась извѣстная планомѣрная дѣятельность". И для характеристики дальнѣйшаго развитія мыслей г. фонъ-Анрепа будетъ вполнѣ достаточно привести изъ отчета вставки, заключенныя въ скобки: „рукоплесканія справа", „шумныя одобренія справа", „возгласъ справа: вѣрно!", „Марковъ 2-ой съ мѣста: вѣрно, вѣрно!", „возгласы справа: браво!", „Марковъ 2-ой: великолѣпно!"

„Въ рѣчахъ, которыя мы выслушали сегодня,—говорилъ въ томъ же засѣданіи г. Пуришкевичъ, — намѣтилось два теченія: одно теченіе было проведено Капустинымъ и Милюковымъ, и въ немъ указывалось на необходимость довѣрія къ обществу; другое теченіе, звучавшее сегодня такъ отрадно намъ, правому крылу, была рѣчь фонъ-Анрепа, за которую низкій поклонъ шлемъ мы представителю партіи 17-го октября, ибо рѣчь его носила всѣ признаки того патріотическаго подъема, подъ которымъ съ величайшимъ удовольствіемъ подписался бы и предсѣдатель союза русскаго народа Александръ Ивановичъ Дубровинъ, и вашъ покорнѣйшій слуга. Мы видимъ теперь, что работа въ области народнаго образованія будетъ нашей совмѣстной работой, правой и центра".

Такъ чего же волноваться? Неужели такъ важно имя лица, которое стоитъ или будетъ стоять во главѣ кабинета? Неужели такъ важно, кому будетъ оказывать „послушаніе" Дума? Неужели можно принимать въ серьезъ декларацію центральнаго комитета союза 17-го октября?..

Совсѣмъ убитымъ тономъ сталъ писать „Голосъ Москвы". Газета возмущена „клеветой" на октябристовъ, будто бы мечтающихъ о парламентаризмѣ, и на кабинетъ П. А. Столыпина, будто бы втайнѣ сочувствующій этимъ мечтамъ. Она пишетъ (№ 89): „Право трудно и опровергать этотъ вымыселъ въ глазахъ тѣхъ, для кого его злостная нелѣпость не ясна сама по себѣ. Скажемъ только, что если это такъ, то монархія погибла, потому что некому вѣрить; всѣ противъ нея: самые умѣренные слои общества, избранные въ Думу по измѣненному Монархомъ избирательному закону, и избранное Монархомъ правительство. На кого же еще положиться? Да, реакціонеры знаютъ, что надо оклеветать всѣхъ, чтобы былъ хоть какой-нибудь шансъ обращенія къ нимъ, знаютъ свое безлюдье, знаютъ общественную къ себѣ антипатію. И противъ кого же воздвигается этотъ доносъ? Противъ тѣхъ, чьими усиліями мы отъ анархіи перешли къ успокоенію. Развѣ не эти общественные элементы на митингахъ, въ печати, въ

первыхъ Думахъ, подъ градомъ злостныхъ клеветъ съ другой стороны, боролись противъ приписываемаго нынѣ имъ же принципа: „Король царствуетъ, но не управляетъ",—противъ парламентаризма, противъ всего ка-детскаго и революціоннаго?.." Да, „они" ли не старались, „они" ли не стараются!..

Дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія дѣйствительно „планомѣрна". А. Н. Шварцъ съ неуклонной послѣдовательностью возвращаетъ школу къ толстовскимъ и деляновскимъ временамъ и дѣлаетъ это, по истинѣ, какъ „строгій законникъ": то онъ напоминаетъ университетамъ и гимназіямъ о неотмѣненныхъ, но утратившихъ примѣненіе, статьяхъ одиннадцатаго тома свода законовъ, то выкапываетъ изъ архивной пыли давно забытые циркуляры. Недавно въ газетахъ сообщалось, что вновь дана жизнь еще одному такому циркуляру.

Въ эпоху наибольшаго расцвѣта реакціи восьмидесятыхъ годовъ, въ 1884 г., министерство циркулярно предписало университетамъ и попечителямъ учебныхъ округовъ, что отъ лицъ, оставляемыхъ при университетѣ для подготовки къ профессорской дѣятельности, должны требоваться хорошія отмѣтки въ аттестатѣ зрѣлости и, кромѣ того, необходимымъ условіемъ для ихъ оставленія должно быть неучастіе ихъ, за все время пребыванія въ университетѣ, въ студенческихъ безпорядкахъ. Тогда министерство вѣрило изъ учебныхъ заведеній однѣмъ гимназіямъ, а въ университетахъ вѣрило только инспекціи. Оно настолько вѣрило первымъ, что аттестатъ зрѣлости, въ совокупности отмѣтокъ за экзаменные отвѣты и за поведеніе, пришпиливало къ человѣку на всю жизнь. Тогда оно оцѣнивало студентовъ не по отзывамъ профессоровъ о ихъ учебныхъ занятіяхъ, а по отзывамъ инспекціи о ихъ участіи или неучастіи въ безпорядкахъ. Циркуляръ ясно говорилъ, что министерство желаетъ видѣть въ роли будущихъ профессоровъ такихъ людей, которые, во-первыхъ, на гимназической скамьѣ съ равнымъ усердіемъ проходили всѣ предметы и, во-вторыхъ, выработали въ себѣ умѣнье не попадаться на замѣчаніе университетской инспекціи. Что же касается способностей, талантливости и знаній въ области той или другой спеціальности, то по циркуляру выходило, что для будущаго профессора это—дѣло второстепенное.

Конечно, нельзя учесть съ точностью, въ какой мѣрѣ циркуляръ 1884 г., въ ряду другихъ причинъ, имѣлъ значеніе въ смыслѣ паденія научнаго уровня профессуры. Но что его значеніе занимало не послѣднее мѣсто, это стоитъ внѣ сомнѣнія. А потому нельзя было

не радоваться, что практика забыла циркуляръ и что „многолѣтняя дремота“ министерства народнаго просвѣщенія давала возможность хоть кое-когда не закрывать дверей къ профессорской каѳедрѣ способнымъ математикамъ, получившимъ въ гимназіи тройку по латинской грамматикѣ, и талантливымъ государствовѣдамъ, тоже только на тройку отвѣтившимъ на экзаменѣ по физикѣ,— или тѣмъ и другимъ, если они начали курить до окончанія гимназическаго курса, или если они за четыре года пребыванія въ университетѣ одинъ разъ участвовали въ „безпорядкѣ“.

Десятки профессорскихъ каѳедръ пустуютъ въ университетахъ. Изъ-за отсутствія профессоровъ нельзя открыть университетъ въ Саратовѣ,—такъ по крайней мѣрѣ оффиціально мотивируется отсрочка въ приведеніи въ исполненіе давно обѣщаннаго рѣшенія. Мѣръ къ разрѣшенію „профессорскаго кризиса“ министерство народнаго просвѣщенія еще не принимало. Но двадцать-пять лѣтъ назадъ созданную „препону“ оно уже поторопилось возстановить.

Первомайское празднованіе на Западѣ, съ одной стороны, и отказъ Государственнаго Совѣта включить тѣлесныя наказанія въ число дисциплинарныхъ мѣръ для малолѣтнихъ, отдаваемыхъ въ исправительныя заведенія — съ другой, дали поводъ г. Меньшикову посвятить розгѣ очередное „Письмо къ ближнимъ“ („Новое Время“, № 11889). Ходъ разсужденій г. Меньшикова весьма простъ. Въ ожиданіи праздника рабочихъ, „столица западной культуры—пишетъ онъ—въ паническомъ страхѣ: будетъ бунтъ, или не будетъ? Десятки тысячъ (?) буржуа со своими семьями бѣгутъ изъ Парижа, многіе спасаются даже за границу: до такой степени сильна увѣренность въ грядущей катастрофѣ“. За этимъ первымъ фантастическимъ утвержденіемъ слѣдуетъ второе, столь же фантастическое. „Что можетъ—спрашиваетъ нововременскій публицистъ — остановить орду разрушителей, вышедшую изъ подваловъ и чердаковъ? Карабины и пулеметы? Но они— въ рукахъ того же, переодѣтаго въ униформу, народа. Наконецъ, противъ карабиновъ и пулеметовъ есть всѣмъ доступные браунинги и маузеры и приготовляющійся такъ же просто, какъ булка, динамитъ“. Далѣе сдѣланъ общій выводъ о „невѣроятно быстро растущей преступности“ и о „петлѣ“, какъ объ исконномъ и единственно вѣрномъ средствѣ борьбы съ нею. Отъ „петли“ авторъ переходитъ къ кнуту и къ прогнанію сквозь строй, когда „людей заживо засѣкали, снимали мясо съ костей“. Отъ изувѣчивающихъ тѣлесныхъ наказаній— къ розгѣ.

„Розга“, по г. Меньшикову, „въ большомъ количествѣ—вещь не-

стерпимая". „Но въ маломъ количествѣ?"—спрашиваетъ онъ. И тутъ же отвѣчаетъ: „Розга, какъ и всякое насиліе, для *благородныхъ* дѣтскихъ натуръ—вещь оскорбительная и можетъ быть опасная, какъ ядъ. Но для *неблагородныхъ* натуръ? Ибо, увы, натуры большинства дѣтей неблагородны. Уже въ зачатіи своемъ однѣ души направлены къ добру, другія — къ преступленію, третьи — и таковыхъ особенно много—непрерывно колеблются между добромъ и зломъ". Не будучи знакомъ съ исторіей вопроса и не замѣчая, какую онъ говоритъ несообразность, г. Меньшиковъ скорбитъ, что „западная Европа, какъ страна болѣе оригинальной, менѣе заимствованной цивилизаціи, удержала дольше Россіи и смертныя казни, и розги", и съ чувствомъ зависти патріота приводитъ примѣры западныхъ школъ, гдѣ бываютъ въ ходу „пощечины" и „линейки" и гдѣ „тѣлесныя наказанія болѣе или менѣе запрещены, но случается, что учитель въ гнѣвѣ и забудется". Къ сожалѣнію, когда г. Меньшиковъ писалъ свой фельетонъ, то не зналъ, что въ одинъ день съ его хвалебной одой въ честь розги въ „Рѣчи" будетъ напечатанъ фактъ, который бы его утѣшилъ: въ Петербургѣ, въ военно-фельдшерской школѣ, тоже сѣкутъ.

„Почтенныхъ старцевъ" Государственнаго Совѣта г. Меньшиковъ срамитъ тѣмъ, что они отвергли розгу, тогда какъ не только среди нихъ самихъ есть немало, подвергавшихся въ дѣтствѣ „извѣстной операціи", но „еще можно встрѣтить престарѣлыхъ, прекрасно воспитанныхъ дамъ, которыхъ сѣкли въ институтахъ, — даже такомъ аристократическомъ, каковъ Смольный". По адресу министерства онъ устанавливаетъ параллель между вопросомъ о розгахъ и „знаменитымъ вопросомъ о штатахъ морского генеральнаго штаба". „Произошло—по словамъ г. Меньшикова—нѣчто странное, совершенно какъ и въ знаменитомъ вопросѣ о штатахъ морского генеральнаго штаба: представитель правительства, товарищъ министра Люце, отстаивалъ либеральную точку зрѣнія Думы: розги и карцеръ (рѣчь шла о темномъ карцерѣ) недопустимы".

Въ концѣ статьи г. Меньшиковъ договаривается до утвержденія, что причиной революціоннаго взрыва послѣднихъ лѣтъ былъ манифестъ 11-го августа 1904 г., завершившій рядъ актовъ, послѣдовательно отмѣнявшихъ тѣлесныя наказанія, и что манифестъ былъ изданъ въ угоду „жидамъ печати". Вотъ подлинныя его слова: „У насъ послѣ тысячелѣтней практики тѣлеснаго наказанія вдругъ (?) отмѣнили его — мудрено ли, что первымъ слѣдствіемъ былъ взрывъ торжествующей глупости и звѣрства? Вѣдь пришлось же прибѣгнуть къ насилію, притомъ—къ какому! Сразу къ петлѣ, не болѣе, не менѣе. Но петля, какъ хотите, не есть *наказаніе*. Это — казнь, это— убійство, это вещь совсѣмъ изъ другой оперы. Смѣшать наказаніе и

казнь — верхъ жестокости и полное помраченіе государственнаго смысла. Въ угоду одурачившимъ васъ жидамъ печати, вы, г-да казенные либералы, ужаснулись единственно дѣйствительнаго для большинства устрашенія, вполнѣ человѣчнаго, и вамъ пришлось прибѣгнуть уже прямо къ истребленію людей".

Не для разбора по существу привели мы выдержки изъ фельетона г. Меньшикова. Его „ближнихъ", которые въ его писаніяхъ видятъ отраженіе собственныхъ мыслей, смѣшно было бы въ чемъ-либо разубѣждать. Раскрывать передъ ними нелѣпости, продиктованныя озвѣрѣніемъ и животнымъ страхомъ, совершенно безполезно. Въ глазахъ же людей, сохранившихъ въ себѣ человѣческій образъ—подобіе Божіе,—эти нелѣпости сами себя раскрываютъ. Для насъ восхваленіе розги съ такой страстностью есть показатель — показатель того, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ дошла въ упоеніи торжествомъ реакція. Это уже полная потеря стыда. Дальше уже требованіе кастраціи — бредъ помѣшанныхъ... Лѣтомъ намъ какъ-то попался номеръ „Вѣча". Тамъ какой-то „народный учитель" изъ ярыхъ черносотенцевъ наивно и по шаблону перечислялъ, что нужно для спасенія „дорогого" отечества. Между прочимъ, онъ писалъ: необходимо возстановить тѣлесныя наказанія. Прошелъ всего неполный годъ и уже не въ „Вѣчѣ", а въ самой большой и самой распространенной газетѣ, напечатаны не двѣ строки, а цѣлый трактатъ о розгѣ — со ссылками на религію, старую и новую, на свойства природы человѣка, на примѣры Запада и съ язвительными указаніями на „господъ казенныхъ либераловъ"...

Еще въ одномъ отношеніи фельетонъ г. Меньшикова служитъ показателемъ: въ отношеніи полемическихъ пріемовъ автора. Среди обычныхъ у него „тягучихъ, длинныхъ, нудныхъ и липкихъ фразъ"— по мѣткому опредѣленію г. Вергежскаго, — нововременскій іудушка, тоже по обычаю, „выработалъ факты изъ собственнаго духа", какъ говаривалъ покойный И. Ѳ. Горбуновъ. Эти измышленія отмѣтилъ въ „Словѣ" (№ 771) Н. С. Таганцевъ, имя котораго неоднократно трепалъ въ фельетонѣ г. Меньшиковъ.

У кого живы въ памяти революціонные дни, кто помнитъ движеніе, которымъ была тогда охвачена въ Петербургѣ студенческая молодежь, кто не забылъ степени подъема настроенія студентовъ, кто бывалъ на чуть не ежедневно происходившихъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ митингахъ,—тѣ навѣрное помнятъ и имя князя Гагарина, директора политехническаго института. Оттуда, изъ далекой Сосновки, доходили вѣсти, что и тамъ, какъ вездѣ, происходятъ

митинги, что и тамъ на митингахъ бываютъ посторонніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ было извѣстно, что тамъ есть князь Гагаринъ, который не потерялся въ общей сумятицѣ, который бережно относится къ студентамъ, который въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ обязательнаго общежитія,—обязательнаго скопленія на территоріи института тысячи горячихъ головъ, живущихъ въ тысячѣ комнатъ, — не знаетъ ни минуты покоя и среди требованій, идущихъ отъ полиціи, съ одной стороны, и отъ молодежи — съ другой, находитъ способы охранять ввѣренный ему институтъ отъ закрытія, и студентовъ—отъ того нервнаго напряженія, за которымъ уже стояли для молодежи если не висѣлица, то каторга и ссылка. И его усилія не пропали. Въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были сотни жертвъ. Изъ тысячи ста студентовъ политехническаго института за время его директорства пострадалъ одинъ. Но за то жертвами оказались самъ князь Гагаринъ и трое его ближайшихъ сотрудниковъ: они были преданы суду, ихъ судили и имъ вынесенъ приговоръ къ отрѣшенію отъ должности.

Ихъ дѣяніе подведено подъ всепокрывающій законъ о бездѣйствіи власти. Конечно, въ смыслѣ полицейскомъ они бездѣйствовали. Прокуроръ ставилъ въ вину кн. Гагарину его чрезвычайную мягкость, доброжелательное отношеніе къ студентамъ и, вообще, его „идеальную доброту“, избытокъ каковыхъ качествъ вреденъ, по мнѣнію обвинителя, для должностного лица, которому должна быть присуща, прежде всего, твердость. Конечно, кн. Гагаринъ былъ не полиціймейстеромъ при институтѣ, а директоромъ. Конечно, объектомъ его „доброжелательныхъ“ отношеній были студенты и сотрудники по институтскому совѣту, а не „сотрудники“ департамента полиціи. Конечно, онъ не могъ ожидать, что указаніе его преемника, А. С. Посникова, на ненормальность существованія при институтѣ обязательнаго общежитія будетъ парировано ссылкой на привилегированныя учебныя заведенія, на училище правовѣдѣнія и на лицей, — какъ это сдѣлалъ прокуроръ.

Поводомъ возбужденія преслѣдованія противъ кн. Гагарина и инспекціи института послужилъ обыскъ, произведенный 18 февраля 1907 года. Обыскъ, подъ руководствомъ чиновника охраннаго отдѣленія, небезъизвѣстнаго г. Статковскаго, и подъ высшимъ наблюденіемъ тоже небезъизвѣстнаго г. Коммиссарова, производился при участіи цѣлаго отряда конной и пѣшей полиціи въ 1.300 человѣкъ. Въ зданіи общежитія оказались посторонніе; изъ окна комнаты, гдѣ находился впослѣдствіи осужденный мѣщанинъ Минѣевъ, была выброшена бомба, въ разныхъ помѣщеніяхъ и на чердакѣ были найдены ружья, динамитъ, бомбы, нелегальная литература. Таковъ фактическій остовъ

дѣла. Къ этому остову въ объемистомъ обвинительномъ актѣ прибавлена характеристика „преступнаго“ отношенія кн. Гагарина къ требованіямъ полиціи. Такъ, во время обыска 18 февраля, онъ „счелъ умѣстнымъ, не смотря на добытые результаты, обращаться къ руководителямъ обыска съ требованіемъ полномочій на дальнѣйшія мѣропріятія полиціи“, въ виду того, что въ предъявленномъ ему ордерѣ значились подлежащими обыску не всѣ студенческія помѣщенія. Вообще, по словамъ обвинительнаго акта, директоръ института кн. Гагаринъ и чины инспекціи, относясь непріязненно и недовѣрчиво къ распоряженіямъ полиціи, не обращали надлежащаго вниманія на происходившія нарушенія установленныхъ для студентовъ правилъ и не принимали мѣръ къ водворенію порядка, „будучи озабочены тѣмъ, чтобы составить о себѣ въ глазахъ студентовъ благопріятное мнѣніе, какъ о своихъ людяхъ“. Получая неоднократно отъ полиціи извѣщенія о разныхъ сборищахъ въ институтѣ, директоръ кн. Гагаринъ „старался“ увѣрить полицію въ невѣроятности подобныхъ извѣщеній.

Многое изъ занесеннаго въ обвинительный актъ не подтвердилось, многое вовсе было опровергнуто. Околоточный надзиратель, нашедшій на чердакѣ бо́льшую часть захваченнаго оружія и литературы, заявилъ, что нашелъ и то, и другое послѣ обыска чердака, когда всѣ оттуда ушли и остался онъ одинъ „изъ личнаго любопытства“. Пожарный же показывалъ, что всего за два часа до обыска былъ на чердакѣ, осматривалъ то мѣсто, гдѣ околоточный сдѣлалъ находку, и ничего тамъ не видалъ. Сыщикъ говорилъ, что на митинги собиралось по три тысячи человѣкъ въ той залѣ, которая по площади пола не вмѣщала болѣе 350. Вещественныя доказательства оказались уничтоженными при переѣздѣ охраннаго отдѣленія съ Мойки на Петербургскую сторону. Всѣ заявленія г. Статковскаго о свѣдѣніяхъ, полученныхъ имъ при производствѣ дознанія отъ разныхъ лицъ, этими послѣдними подтверждены не были. Словомъ, по выраженію одного изъ защитниковъ, В. О. Люстиха, „какъ предъявленное къ подсудимымъ обвиненіе, такъ и рѣчь прокурора являлись юридически безсодержательными, ибо вмѣсто доказательствъ подсудимыхъ предлагали обвинить на основаніи голословныхъ утвержденій“. Сенатъ, тѣмъ не менѣе, убѣдился такими утвержденіями. Но съ общественной точки зрѣнія князь Гагаринъ и судившіеся вмѣстѣ съ нимъ вышли чистыми изъ залы того самаго суда, который оправдалъ полиціймейстера Іонина. Процессъ не наложилъ на нихъ ни малѣйшаго пятна. Въ глазахъ общества „доброжелательное“ отношеніе директора учебнаго заведенія къ студентамъ, его мягкость, хотя бы „чрезвычайная“, и „идеальная доброта“ никогда не были и не будутъ преступленіями.

Бездѣйствіе есть логическая противоположность превышенія власти. Юридически обѣ формы въ уголовномъ правѣ обыкновенно объединяются, и у насъ ихъ предусматриваютъ однѣ и тѣ же статьи уложенія о наказаніяхъ. Пока мы жили въ полосѣ освободительнаго движенія, предметомъ вниманія были случаи превышенія власти. Въ полосѣ ликвидаціи вниманіе сосредоточивается на случаяхъ бездѣйствія. Но полоса движенія къ обновленію и къ гражданской свободѣ оборвалась раньше, чѣмъ вниманіе общественное могло обратиться во вниманіе судебное. И недавнее прошлое не дало судебныхъ процессовъ. Теперь же „избытокъ твердости“ въ администраторахъ есть вѣрное обезпеченіе для нихъ успѣшнаго движенія по службѣ.

Неужели не станутъ предметомъ судебнаго процесса полные ужаса факты, сообщенные соціалъ-демократической фракціи Думы бывшимъ депутатомъ Ломтатидзе, отбывающимъ каторгу въ севастопольской тюрьмѣ?

„Не въ первый разъ сижу въ заключеніи—пишетъ г. Ломтатидзе,—не впервые слышалъ и видѣлъ, что дѣлается за тюремными стѣнами, но то, что здѣсь происходитъ, это настолько изъ ряду вонъ выходящее, что при одномъ воспоминаніи обо всемъ—нѣмѣю отъ ужаса“. Не будемъ приводить содержанія письма. Оно извѣстно изъ газетъ. Ограничимся двумя выдержками. Предварительное истязаніе „смертниковъ“ настолько вошло въ обычай въ севастопольской тюрьмѣ, что г. Ломтатидзе разсказываетъ слѣдующій эпизодъ: „Одинъ анархистъ-коммунистъ, нѣкто Синьковъ, будучи приговоренъ къ смерти, обратился къ предсѣдателю суда съ просьбой войти въ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ, чтобы его, Синькова, не избили передъ повѣшеніемъ, съ своей же стороны обѣщалъ пойти на смерть, ни съ кѣмъ не прощаясь и никому не сопротивляясь. Предсѣдатель обѣщалъ, и обѣщаніе было, кажется, исполнено“. „Нѣкто Фохтъ, больной тифомъ, и имѣя 40 градусовъ, былъ взятъ въ нижнемъ бѣльѣ, въ безчувственномъ состояніи повѣшенъ, причемъ говорили, что это—счастье для него“.

На основаніи данныхъ письма, соціалъ-демократическая фракція внесла запросъ. Дума отвергла спѣшность и тѣмъ похоронила запросъ въ коммиссіонной тиши. Представитель думскаго большинства, г. Шубинскій, мотивировалъ похороны въ рѣчи, смыслъ которой исчерпывается афоризмомъ: пусть преступники не совершаютъ преступленій...

19-го апрѣля внезапно прекратилось изданіе „Нашей Газеты“, начавшей выходить съ января. Причины—весьма характерны для современнаго положенія русской періодической прессы. Редакція ихъ

высказала просто и откровенно: „Неблагопріятныя общія условія современной русской жизни для изданія прогрессивныхъ газетъ не только въ редакціонномъ отношеніи (цензурныя стѣсненія, штрафы и проч.), но и главнымъ образомъ для распространенія ихъ (своеобразное „бойкотированіе“ „Нашей Газеты“ желѣзнодорожными контрагентствами, недопущеніе мѣстными провинціальными властями розничной продажи газеты, „обывательскіе“ страхи и проч.) потребовали для изданія „Нашей Газеты“ гораздо бо̀льшихъ матеріальныхъ средствъ, чѣмъ это предполагалось первоначально“.

Мы во многомъ не раздѣляли основныхъ воззрѣній „Нашей Газеты“ и отмѣчали это въ одной изъ недавнихъ хроникъ. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не выразить искренняго сожалѣнія по случаю закрытія органа, служившаго отраженіемъ одного изъ распространенныхъ теченій общественной мысли.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ

Отъ Комитета по увѣковѣченію памяти писателя С. Т. Аксакова.

(Извлеченіе изъ письма Комитета въ редакцію „Вѣстника Европы".)

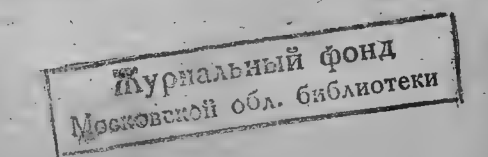
Въ виду исполняющагося 30 апрѣля текущаго года пятидесятилѣтія со дня смерти писателя С. Т. Аксакова, уроженца Уфимской губерніи, образованный въ гор. Уфѣ особый Комитетъ по увѣковѣченію памяти упомянутаго писателя постановилъ: соорудить въ гор. Уфѣ имени его Народный домъ, въ составъ коего должны войти музей, состоящій изъ отдѣловъ этнографическаго, естественнаго, историческаго, кустарныхъ и прикладныхъ знаній, зрительный залъ, картинная галлерея, пожертвованная извѣстнымъ художникомъ М. В. Нестеровымъ, аудиторія и безплатная библіотека-читальня.

По окончаніи постройки Народный домъ долженъ поступить въ общее распоряженіе дворянства, земства и города.

Аксаковскій Комитетъ, при обсужденіи вопроса о сооруженіи означеннаго дома, не могъ не отмѣтить, что Аксаковскій Народный домъ явится не только дорогимъ памятникомъ о самобытномъ русскомъ писателѣ С. Т. Аксаковѣ, столь любимомъ уже не однимъ поколѣніемъ учащейся молодежи, — но и высокопросвѣтительнымъ учрежденіемъ, цѣнною сокровищницей богатствъ Пріуралья.

И хочется вѣрить, что еще дороже будетъ сознаніе, что не оскудѣла наша великая Россія добрыми людьми и какъ тысячи храмовъ на святой Руси построены на доброхотную копѣйку милліоновъ жертвователей, такъ и всякія благія культурныя начинанія всегда вправѣ разсчитывать на всеобщее сочувствіе.

Аксаковскій Комитетъ возлагаетъ большія надежды на горячій сердечный откликъ столь крупной общественной силы, какою является русская печать.



БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ VI. Послѣдняя треть XIX-го вѣка. Часть I (1867 — 1880 гг.). Спб., 1909. Ц. 2 руб. 50 коп.

Первые пять томовъ обширнаго труда, предпринятаго Н. И. Карѣевымъ, вышли въ свѣтъ, быстро слѣдуя одинъ за другимъ, въ 1892—98 гг. Шестымъ томомъ, первая часть котораго появилась теперь, закончится исторія Западной Европы въ XIX-мъ вѣкѣ. Чѣмъ ближе авторъ подходитъ къ нашему времени, тѣмъ труднѣе становится его задача, какъ въ виду массы матеріала, такъ и вслѣдствіе жгучаго характера вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ переживаемою нами дѣйствительностью. Съ этими трудностями Н. И. Карѣевъ справляется удачно. Онъ не ограничивается сухимъ перечнемъ фактовъ: говоря, напримѣръ, о германскомъ соціализмѣ, онъ не только разсказываетъ его внѣшнюю исторію, но подробно останавливается на его теоретическихъ основахъ. Очень важны для читателей подробныя библіографическія справки, имѣющіяся въ каждой главѣ. Доведенное до конца, сочиненіе Н. И. Карѣева можетъ стать настольной книгой для всѣхъ интересующихся новѣйшей исторіей.

А. А. Корниловъ. Общественное движеніе при Александрѣ II (1855—1881). Москва, 1909. Ц. 1 руб. 25 коп.

Сжато и живо написанная книга А. А. Корнилова восполняетъ пробѣлъ, давно чувствовавшійся въ нашей литературѣ. Одинъ изъ самыхъ важныхъ періодовъ русской государственной жизни не имѣлъ до сихъ поръ общедоступной, популярной исторіи. Двухтомное сочиненіе С. С. Татищева: „Императоръ Александръ II-ой" слишкомъ тяжеловѣсно и слишкомъ оффиціально; другіе труды, касающіеся этого времени, посвящены, большею частью, отдѣльнымъ его эпизодамъ и не даютъ общаго впечатлѣнія. Правда, г. Корниловъ, какъ видно изъ самаго заглавія его труда, также выдвигаетъ на первый планъ одну изъ сторонъ изображаемой имъ эпохи; но эта сторона такъ тѣсно соприкасается со всѣми остальными, что картина получается довольно полная. А. А. Корниловъ широко воспользовался литературой предмета, въ томъ числѣ и тою, которая еще недавно находилась подъ запретомъ. Онъ ввелъ въ свой обзоръ революціонную дѣятельность шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ; онъ использовалъ нелегальную, зарубежную печать, съ ея разнообразными оттѣнками. In extenso воспроизведены имъ такіе важные документы, какъ адресъ московскаго дворянства (1865 г.), адресъ московской городской думы (1871 г.), адресъ черниговскаго земства (1878 г.). Болѣе чѣмъ когда-либо знакомство съ ближайшимъ прошлымъ желательно въ настоящее время—и его значительно облегчаетъ книга А. А. Корнилова.

О минувшемъ. Историческій сборникъ. Спб., 1909. Ц. 1 руб. 50 коп.

Матеріалы, вошедшіе въ составъ этого сборника, представляютъ весьма большой интересъ. Въ отрывкахъ изъ мемуаровъ Пирогова, которые въ свое время не могли появиться въ свѣтъ по цензурнымъ соображеніямъ, точно вчера сказанными кажутся слѣдующія слова, написанныя двадцать восемь лѣтъ тому назадъ: „Суровыя мѣры не могутъ оставаться долго in statu quo: ихъ надо или постоянно усиливать, или ослаблять. Гдѣ взять опытнаго, неутомимаго и геніальнаго диктатора, умѣющаго гнуть въ мѣру, но crescendo? Гдѣ исполнители?... А когда придется ослабить натянутую слишкомъ рессору, то число недовольныхъ окажется увеличеннымъ, а крамола — притаившеюся, но не стертою". Очень любопытны разсказанная П. И. Бирюковымъ исторія его ссылки, письма А. И. Кошелева къ И. С. Аксакову, воспоминанія М. М. Фроленка и М. Р. Попова. Потрясающее впечатлѣніе производитъ разсказъ г. Щедрова: „Какъ ихъ повѣсили", особенно если припомнить, что ужасы, въ немъ описываемые, тогда (въ 1902 г.) составляли крайне рѣдкое исключеніе, а теперь повторяются чуть не ежедневно. Отрывки изъ дневника гр. П. А. Валуева, относящіеся къ 1881—84 гг., бросаютъ далеко не выгодный свѣтъ на автора, но являются цѣннымъ историческимъ документомъ. Какъ и напечатанныя недавно въ „Вѣстникѣ Европы" письма К. Д. Кавелина къ гр. Д. А. Милютину, они свидѣтельствуютъ о томъ, какъ печальна была, на самомъ дѣлѣ, эпоха, которую еще недавно старались—а можетъ быть стараются и теперь—выставить какъ образецъ, достойный подражанія.

А. Гарвудъ. Обновленная земля. Сказаніе о побѣдахъ современнаго земледѣлія въ Америкѣ. Въ сокращенномъ изложеніи проф. К. А. Тимирязева. Съ 48 рисунками въ текстѣ. Москва, 1909. Ц. 75 коп.

По словамъ автора этой книги, она представляетъ собою не фантастическій разсказъ изъ неизвѣстнаго будущаго, а реальную картину поразительныхъ успѣховъ, достигнутыхъ земледѣліемъ въ Америкѣ—успѣховъ, „оправдывающихъ такую же реальную увѣренность въ томъ, что недалеко время, когда человѣкъ вполнѣ побѣдитъ природу". Особенно поучительной книга Гарвуда является для насъ, русскихъ. Въ предисловіи къ ней проф. Тимирязевъ указываетъ на то, что еще недавно американская деревня мало отличалась отъ нашей—а настоящее той и другой до безконечности различно. Удѣломъ нашей деревни остались безпомощность и безнадежная придавленность—а американская деревня совершенно преобразилась, американскій земледѣлецъ заговорилъ въ мажорномъ тонѣ. Этому результату сильно способствовали мудрыя мѣры конгресса—изъ которыхъ многія были приняты въ самыя трудныя минуты междоусобной войны, — и затѣмъ неустанная, умѣлая дѣятельность правительства, какъ „посредника между нуждами деревни и средствами ихъ удовлетворенія, доставляемыми наукой". „Намъ трудно"—говоритъ К. А. Тимирязевъ—„составить себѣ представленіе о странѣ, гдѣ слово *департаментъ* (въ Америкѣ равносильное нашему слову *министерство*) звучитъ ободрительно, какъ символъ прогресса и разумной помощи дѣйствительнымъ нуждамъ населенія, а не синонимомъ произвола, усмотрѣнія и противодѣйствія всякой просвѣтительной идеѣ, всякому свободному почину".

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1909 г.

(Сорокъ-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА**

при ближайшемъ участіи:

Н. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. С. ПОСНИКОВА, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Кромѣ прежнихъ отдѣловъ, журналъ будетъ заключать обозрѣніе провинціальной жизни, періодическіе обзоры новыхъ явленій въ мірѣ науки, литературы, искусства и постоянныя корреспонденціи изъ главныхъ центровъ западно-европейскихъ и сѣверо-американскихъ. Мемуары и воспоминанія, помѣщаемые въ журналѣ, будутъ время отъ времени сопровождаться снимками съ портретовъ историческихъ дѣятелей, исполненными преимущественно англійской геліогравюрой Rembrandt Intaglio (всего предполагается до 20 снимковъ въ годъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28; въ Городской Конторѣ журнала, Загородный пр., 14; въ книжн. маг. К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Заявленія о подпискѣ принимаются также по телефону:
въ Спб. № 74 — 51, въ Москвѣ № 57 — 86.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Главной Конторѣ журнала *своевременно*, съ указаніемъ прежняго адреса. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Подписныя квитанціи* высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

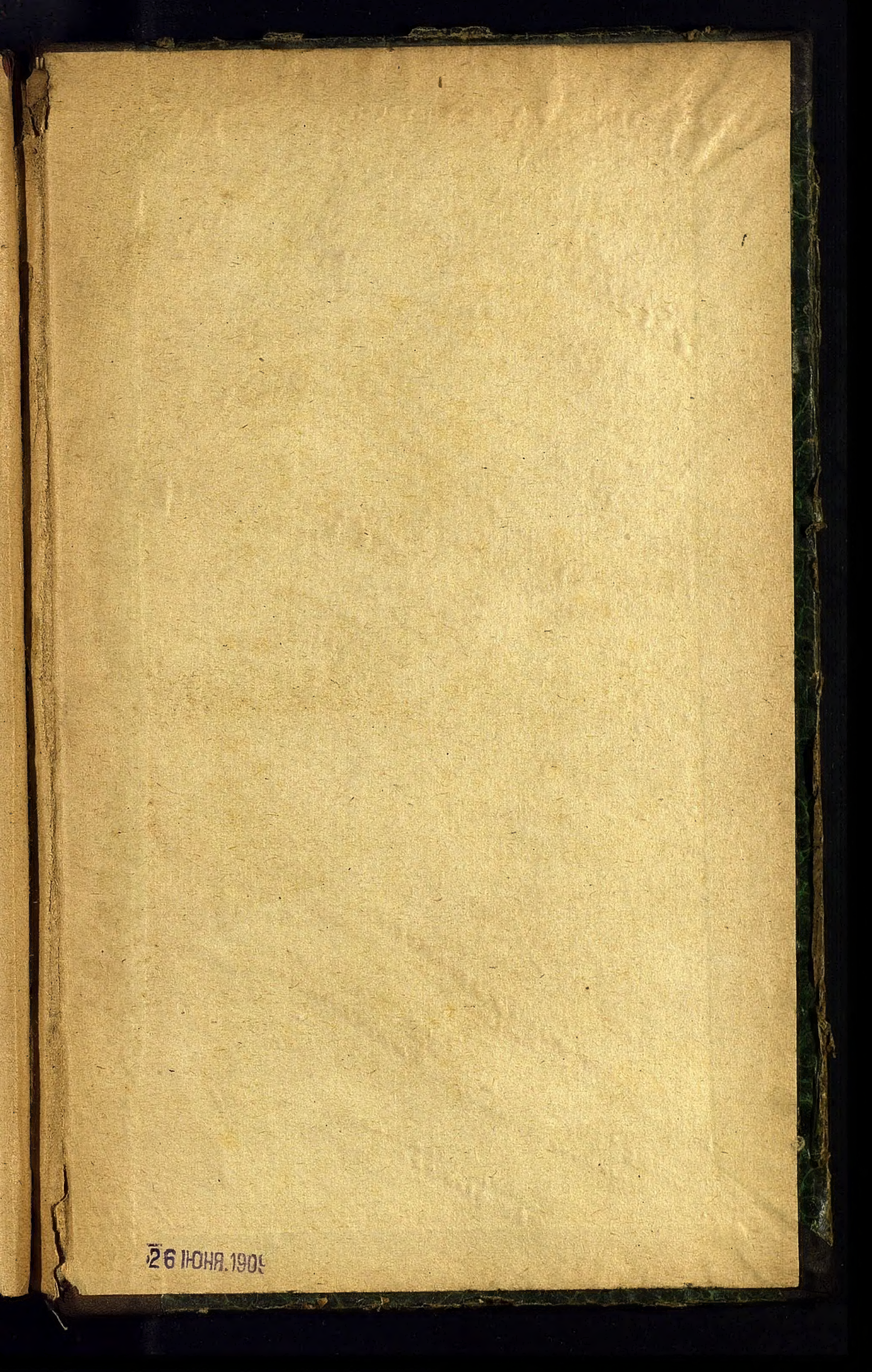
~~~~~~~~

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Моховая, 32.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас.-Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Пет. Стор., Кронверкская ул., 21.

ГОРОДСКАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Загородный просп., 14.
~~~~~~~~


26 ІЮНЯ. 1909